ДЖЭКСОН ОСТАЕТСЯ В РОССИИ

Г. Грибоедовъ

БИБЛИОТЕКА РАБОЧЕГО РОМАНА

Жизнь интереснее любой фантазии. И в основе каждого моего романа лежат подлинные факты и людские судьбы. Удивительная жизнь была у казаха А. Джангильдинова и американца С. Джэксона. Образ Джангильдинова я создавал по документам, заслуженного тренера СССР Сиднея Джэксона знал лично. Сейчас их жизнь продолжается в романах.

Г. Свиридов

Георгий
Свиридов

ДЖЭКСОН ОСТАЕТСЯ В РОССИИ

ДЕРЗКИЙ РЕЙД

романы

Москва
Профиздат · 1978

Р2
С24

Свиридов Г. И.

С24 Джэксон остается в России. М., Профиздат, 1978.

640 с. (Б-ка рабочего романа).

В однотомник включены два романа «Джэксон остается в России», и «Дерзкий рейд», связанные с биографией одного героя. Они воскрешают славные страницы героической борьбы рабочего класса за Советскую власть в годы революции и гражданской войны.

В романе «Джэксон остается в России» рассказывается о судьбе американского рабочего парня, чемпиона США по боксу, который в годы гражданской войны, очутившись в России, встал на сторону революции.

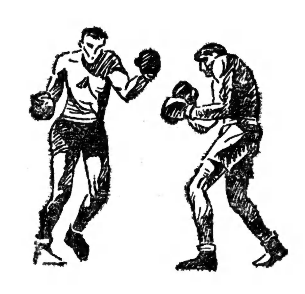
Роман «Дерзкий рейд» («По заданию Ленина») знакомит читателя с событиями бурного 1918 года, когда в окруженный фронтами гражданской войны Советский Туркестан по указанию В. И. Ленина была послана помощь — снаряжена специальная экспедиция.

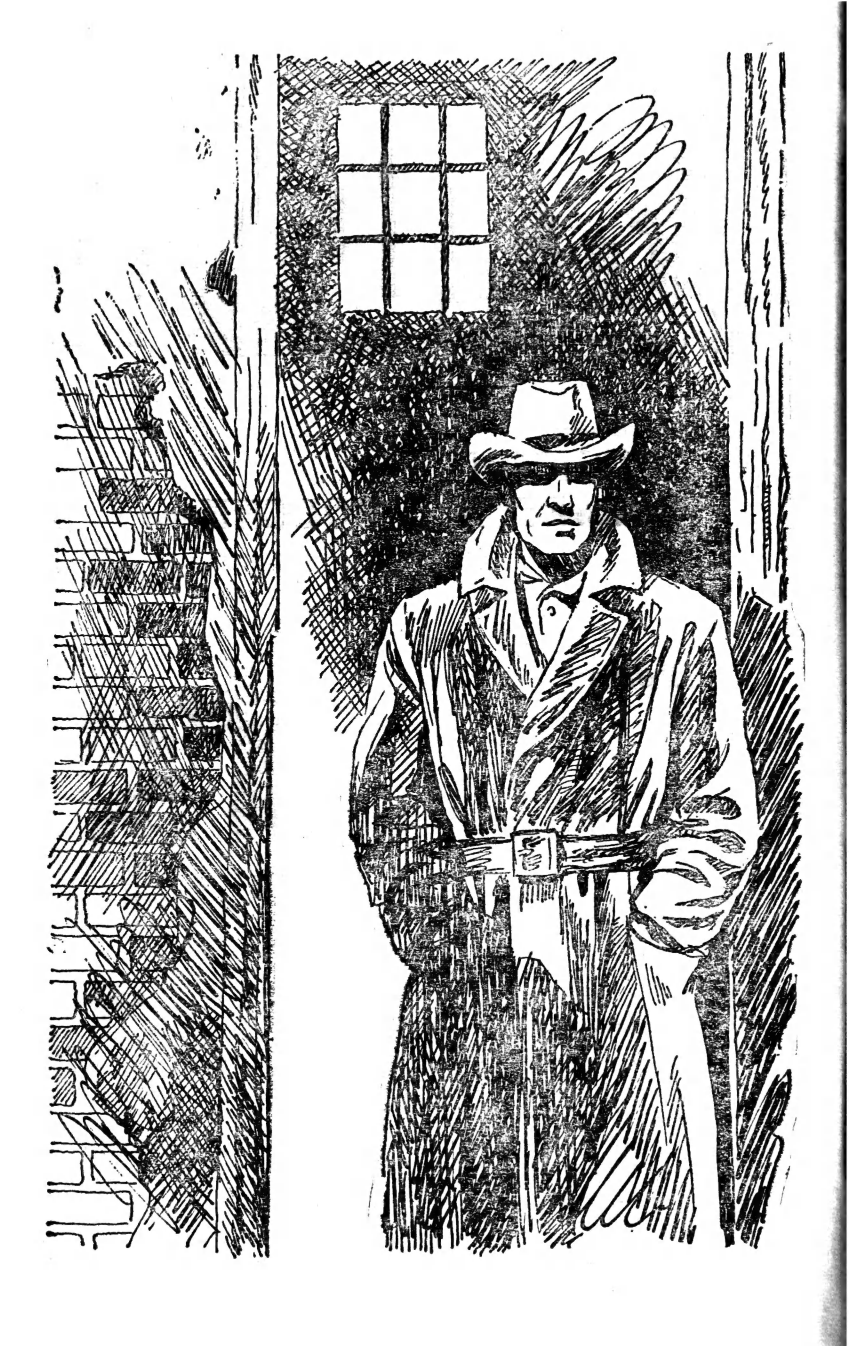
С $\frac{70302\text{-}839}{081(02)\text{-}78}$ 103-78 **Р2**

ДЖЭКСОН ОСТАЕТСЯ В РОССИИ

Роман

Часть первая

ПУТЬ В БОКСЕРЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Накануне первой мировой войны Сидней Джэксон был одним из самых популярных боксеров Америки. О боях и победах Джэксона печатались пространные репортажи, его фотографии часто мелькали на страницах газет и журналов. Он был кумиром публики, звездой первой величины.

Но тернист и извилист путь американского боксера к славе.

Сиднею Джэксону было всего шесть лет, когда он остался сиротой.

Луи Джэксон — отец будущего чемпиона — много лет проработал на химическом заводе. Профессия трубопроводчика

была опасна, изнурительна, а заработок давала скудный. Но, когда царствует безработица, выбирать не приходится.

Скромный и тихий, рано сгорбившийся Луи Джэксон затемно уходил на завод и возвращался поздно вечером усталый, грязный, голодный. Сидней не видел его целыми неделями. Зато по воскресеньям отец, усадив Сида себе на колени, рассказывал чудесные сказки. Герои сказок, обычно простые люди, совершали подвиги, побеждали злых и коварных королей, отнимали у них награбленное добро и раздавали его бедным.

— Я тоже буду таким! — шептал Сид, прижимаясь к небритой щеке отца.

— Конечно, Сидди! — Луи гладил шершавой ладонью волнистые кудри сына и задумчиво произносил: — Когда ты вырастешь, жизнь обязательно будет иной.

Но самому Луи дожить до лучшей жизни так и не довелось. Однажды он не вернулся с завода.

«Бедный Луи. Сгорел на адской работе»,— говорили соседи по квартире.

Сид не верил. Он знал, что папа не бедный, а сильный. Он сразу мог поднять Риту, Иллая и его, Сидди. Знал, что люди не горят. Горят только спички да газ на кухне.

Сид ждал отца несколько дней подряд. Вздрагивал при любом стуке в дверь.

В воскресенье пришел домовладелец — толстый, лысый. Он долго сердито кричал на Джэксонов. А вечером вся семья помогала миссис Джэксон переносить скудные пожитки. Их выселили. Правда, домовладелец проявил милосердие: он разрешил им поселиться в самой дешевой квартире, которая была просто-напросто чуланом. Но и за этот чулан надо было платить.

На работу пошел старший брат, а потом и сестра будущего боксера. С большим трудом, с помощью друзей и близких отца, удалось устроиться Иллаю Джэксону. Он получил место подсобного рабочего на том же химическом заводе, где работал отец.

— А наш управляющий даже и не заметил, что вместо одного Джэксона трудится другой,— грустно шутили трубопроводчики.

Они с первых дней полюбили тихого большерукого юношу, который был так похож на своего отца — такой же коренастый, неторопливый в движениях, сероглазый и светловолосый. Только в его больших, широко открытых глазах не было отцовской веселости. О чем он грустил? Конечно, о самом

сокровенном: о рухнувшей мечте. Иллай мечтал стать агрономом.

Несколько лет назад он ездил вместе с отцом к дальнему родственнику в штат Калифорния. Какие там гигантские деревья и чудесные долины! Как много солнца, тепла. А фрукты! Их можно рвать прямо с деревьев. Иллай никогда до тех пор не видел, как растут яблоки, арбузы, помидоры: в рабочем районе, где жила семья Джэксонов, отходы химического завода сделали землю бесплодной. На ней ничего не росло, кроме чахлой травы, да и ту вытаптывали оравы ребятишек. А фрукты и овощи Иллай видел только в магазинах и овощных лавках. И не диво, что небольшая ферма в долине Калифорнии показалась мальчику сказочным раем. Он полюбил эти отягощенные плодами деревья, эти поля пшеницы и кукурузы. Иллай со страхом ждал того дня, когда надо будет возвратиться в грязный и дымный Нью-Иорк.

— Папа, давай останемся здесь,— твердил он,— давай и маму перевезем сюда...

Но отец отвечал:

— А что я тут буду делать, сынок? Где мне работать? Здесь нет моего завода.

А потом, стараясь утешить сына, добавил:

— Вот вырастешь ты, тогда другое дело. Кончишь школу, потом, даст бог, поступишь в колледж и станешь агрономом.

— А что такое агроном? — живо заинтересовался Иллай.

— Агроном, сынок, это вроде старшего мастера на заводе или даже инженера. Ты знаешь, что такое инженер?

— Знаю, па.

— Так вот, агроном — это инженер над садами и полями...

Разговор этот глубоко запал в душу маленькому Иллаю. Стать «инженером над полями и садами»! Вот ради чего стоит жить! Он прилежно учился в школе и особо прилежно изучал естествознание. Дома мальчик все свободное время отдавал растениям, вернее растению,— у них был один-единственный цветок.

Шли дни, месяцы, годы. Теперь рядом с когда-то единственным цветочным горшком стояли в банках, в старых эмалированных кастрюльках другие цветы и деревца — большие и маленькие, пушистые и с тонкими оголенными стеблями. Иллай, уже почти юноша, по-прежнему был верен своей мечте. Он самозабвенно ухаживал за цветами, что-то выдумывал: пересаживал корни, прививал веточки одних растений к стебелькам других, усыпал землю в горшках удобрениями собственного изобретения. Книги по полеводству и агрономии

неизвестно откуда появились у него и завалили и без того маленький столик. Иллай ясно видел свою цель, и дорога к осуществлению мечты казалась прямой и ровной.

Но жизнь оказалась жестокой. Она, грубо тряхнув юношу, втолкнула его туда, куда ему так не хотелось идти. Мать, не скрывая слез, перешила рабочую куртку и штаны отца на Иллая.

Так же обошлась жизнь с десятилетней сестрой Сида. Ей тоже пришлось бросить школу.

— Девочке для счастья нужно быть красивой и совсем не обязательно грамотной,— утешала мать плачущую Риту, которая никак не хотела менять школу на пыльную и шумную швейную мастерскую.

Иллай и Рита трудились наравне со взрослыми, но получали за свою работу мизерную плату. Их заработка явно не хватало.

Однажды в каморку пришел электромонтер. Младший Джэксон с нескрываемым восторгом следил, как он, надев перчатки, смело брался за оголенный электрический провод.

— Дядя, вас током ударит! — испугался Сид.

— Не бойся, малыш! У меня перчатки, видишь?

— Вижу. Они кожаные?

— Нет, резиновые.

— Резиновые? Здорово! А что вы там делаете в резиновых перчатках?

— Что делаю? А вот погляди, малыш, вместо вашего счетчика поставлю эту копилочку.

— Копилочку? — удивился Сид.— Чтобы монетки собирать, да?

— Да, собирать монетки, но только не для себя,— грустно вздохнул электромонтер, устанавливая на место счетчика ограничитель.

Потом в их каморку явился представитель газовой компании. Он тоже снял счетчик и поставил «копилку» — ограничитель.

Теперь по вечерам Джэксоны сидели без света. Для того чтобы включить свет или зажечь газовую плиту, нужно было опустить в «копилку» монету. А монеты уходили на другое. Старший брат Иллай и сестра Рита, приходившие поздно с работы, молча садились в потемках к столу и ели холодный обед.

Сид обычно бастовал:

— А я холодный суп есть не буду,— он клал ложку, отодвигал свою тарелку,— не буду, не буду...

Мать вздыхала. Старший брат Иллай укоризненно качал головой:

— Я думал, ты умнее.

— Не буду, не буду...

Приходилось прибегнуть к хитрости — Иллай безразличным тоном бросал:

— Тогда ты так и останешься маленьким и никогда не вырастешь.

— Почему? — недоумевал Сид.

— Потому, что тот, кто хочет вырасти, ест холодный суп.

— Да, да,— поддакивала Рита.— Я ведь тоже хочу еще вырасти — и ем.

Сид после нескольких секунд раздумий подозрительно спрашивал:

— А мама? Она же большая?

Старший брат, сделав таинственное лицо, шепотом говорил:

— Ш-ш-ш, это секрет. Когда вырастешь, обязательно узнаешь. Договорились? — и пододвигал мальчику тарелку с супом.

Сид любил таинственность, ему нравился тон заговорщика, которым Иллай иногда разговаривал с ним. Сид брал ложку и старательно ел холодный обед. Он очень хотел вырасти, скорее вырасти, стать большим, самостоятельным. Как хорошо быть взрослым! Никто на тебя не посмеет крикнуть, обидеть, ударить. Взрослый любому всегда может дать сдачи.

Но время шло томительно медленно. Сид сделал на косяке двери отметку своего роста и каждую неделю подходил к ней. Рост не прибавлялся. Холодный суп почему-то не помогал.

Как-то в среду, когда было еще далеко до субботы, до получки, а в доме остались считанные центы, мать не решилась идти в продуктовую лавку. После некоторого раздумья она вручила Сиду корзинку:

— Сходи, сынок, за продуктами. Попроси у мисс Кетинг крупы и картошки по фунту.

Но мисс Кетинг, толстая лавочница, ни крупы, ни картошки Сиду не дала. Она долго кричала на него, бранилась, грозила заявить в полицию, называя Джэксонов непонятной Сиду и, кажется, оскорбительной кличкой «несостоятельные должники». Что означает эта кличка, Сид еще не знал.

Домой он пришел с пустой корзиной. Вместо крупы и картошки принес вопросы:

— Мама, что значит «несостоятельный должник»? Это плохие слова? Да?

— Это грустные слова, мой мальчик.— Мать тяжело вздох-

нула, забирая у сына порожнюю корзинку, и на ее глаза навернулись слезы.

У Сида сердце сжалось от боли. Он обнял мать:

— Мама, а если бы отец был с нами, мисс Кетинг не сказала бы так?

— Нет, сынок.

Сид еще крепче обнял мать и стал целовать теплыми губами ее впалые щеки.

— Мамочка, ну, мамочка, не плачь. Не надо,— тихо говорил Сид.— Ну не надо, не надо. Я скоро вырасту. Скоро-скоро! И никогда не буду этим «несостоятельным должником». И я не буду, и ты не будешь, и Иллай, и Рита. Вот увидишь!

— Хорошо, мой мальчик...

— Я стану работать и принесу тебе доллары. Много принесу. А ты купишь пирожное. Ты любишь пирожное?

— Да, мой мальчик. Только расти быстрее.

— Я скоро вырасту. Буду большим и смелым!

— Хорошо, мой мальчик...

2

Сид рос бойким и смешленым. Товарищи отца помогли вдове устроить сына в школу. Он прилежно учился. У него была отличная память и способность быстро соображать. Стоило ему один раз послушать объяснение учителя, чтоб все понять и запомнить. «Сид Джэксон все хватает на лету,— говорил матери старый учитель,— очень способный мальчуган. Ему надо учиться и учиться. Он может далеко пойти!»

Вдове было приятно и грустно слушать такие речи. Приятно за сына и грустно за его судьбу — что ожидает мальчика в будущем?

В школе Сид сошелся с такими же, как он, детьми бедных родителей — рабочих, мелких ремесленников. Особенно крепко подружился он с Жаком Рэнди. Отец Жака, как когда-то отец Сида, работал трубопроводчиком на химическом заводе.

Сид и Жак вместе с другими ребятами вели «войну» с сыновьями местных богачей — торговцев и владельцев кустарных мастерских, дразня их «маменькиными пупочками», «жадинами» и «чистюлями». Те в свою очередь дразнили Сида и его компанию «голодранцами» и «бродягами».

Однажды сын местного торговца Блайд Букспурд принес в школу спортивный иллюстрированный журнал. Ребята с

восторгом перелистывали страницы. С красочных фотографий на них смотрели сильные, могучие люди.

Блайд, показывая фотографию насупившегося и готового ринуться в атаку боксера, с восхищением сообщал:

— Это Джефрис, которого называют Кувалда. Он самый сильный и самый лучший боксер на свете. Вот послушайте, что про него пишут: «Ветеран ринга, неоднократный победитель многих международных состязаний, гордость американского спорта Оргард Джефрис, по прозвищу Кувалда, решил снова выйти на ринг, чтобы побить якобы непобедимого Рольсона и вернуть себе звание чемпиона...»

— Подожди,— перебил его Сид,— а кто такой Рольсон?

— А ты не знаешь?

— Нет.

— Мой отец говорит, что Рольсон — бродяга и голодранец,— гордо сказал Блайд.— И его следует не только поколотить, а вообще кишки выпустить.

Этой характеристики было достаточно для того, чтобы Сид и Жак всей душой полюбили Рольсона и возненавидели старую Кувалду Джефриса. Они всей душой желали победы своему боксеру. Маленькие болельщики боялись: а вдруг Кувалда на самом деле поколотит Рольсона?

Но Рольсон был великолепным мастером боя в кожаных перчатках. Он оправдал надежды ребят: победил старую Кувалду. Размахивая утренней газетой, Жак презрительно крикнул Блайду:

— Эй ты, маменькин пупочек, читал газету? Твой Джефрис не Кувалда, а старая рухлядь.

— Зачем мне читать,— высокомерно ответил Блайд,— я все сам видел. Мы с отцом сидели в пятом ряду.

— Тем лучше,— вставил Сид.— Вот тебе и бродяга! Вот тебе и голодранец!

— А почему вы, белые, за него болеете? — удивился Блайд.— Ведь Рольсон...— Он сделал небольшую паузу и крикнул: — Рольсон — негр!

— Негр?!

— Ну да! Вот посмотрите на фотографию,— с этими словами Блайд извлек из школьного ранца спортивный журнал.— Что, съели?

Наступила минута молчания.

— Ну что из того, что негр,— Сид язвительно улыбнулся,— он здорово отклотил твоего Кувалду!

— А мой отец говорит, что негры — такие же люди, как и все,— добавил Жак.

— Такие, как и все? — Блайд оживился.
— Да.
— Твой отец врет!
— Что?!
— Твой отец врет! — повторил Блайд.— Все люди на земле делятся на белых и черных. На белых и черных, так говорит мой папа. А он учился в университете. Вот!
— Это твой отец врет! — Сид вспыхнул и вместе с Жаком двинулся на Блайда.
— Врет, врет, врет! — горячился Жак.— Мой отец — рабочий. И все рабочие говорят, что люди делятся только на бедных и богатых.
— Твой отец... твой отец — красный!
— А твой — мошенник! Он гири стачивает напильником! Это все знают!
— А-а! — завопил Блайд и бросился на них.
Началась потасовка. Сид и Жак яростно наступали, размахивая руками, но добиться преимущества им не удалось. Блайд ловко орудовал кулаками.
Запыхавшись вконец, с шишками и синяками, бойцы разошлись. Школьники, наблюдавшие потасовку, единодушно признали: «Ничья!»
Блайд был доволен. Он ушел, гордо подняв голову.
В этот вечер, забравшись в укромное место на чердаке старого дома, друзья долго размышляли.
Что же произошло? Почему они, двое, не могли победить одного?
— Он знает бокс,— сказал Жак.
— Но ведь нас двое! — возразил Сид.
И уже дома, лежа в постели, Сид сделал вывод: «Умение драться — важнее силы. Бокс есть бокс».
Своими мыслями Сид поделился с Иллаем. Старший брат поддержал его и посоветовал:
— А вы тоже тренируйтесь. Если бы я был, как вы, свободным, обязательно ходил бы на тренировки.
— А кто детей будет учить боксу?
Иллай рассмеялся:
— Глупыш! Иди в спортивный клуб и тренируйся.
— А нас не выгонят?
— Конечно, нет!
На следующий день Сид зашел к другу:
— Жак, идем в спортивный клуб.
— В клуб? — удивился тот.
— Ну да, в клуб. Учиться боксу. Чем мы хуже Блайда?

— Гип-гип, ура!

Жак кинулся надевать куртку.

— Это еще зачем? — строго спросила мать и отобрала куртку.— Нечего вам там делать.

— Пусть идут,— заступился отец Жака. Он был дома, отдыхал после ночной смены.— Рабочему человеку всегда пригодятся крепкие кулаки.

3

Когда мальчики пришли к серому двухэтажному зданию спортклуба, их уверенность как-то сразу улетучилась. Они долго топтались перед широкой дверью, подталкивая друг друга.

— Иди ты первым,— сказал Жак.

— Нет ты...

Потом они заглядывали в окна. В просторном зале с низким потолком было людно. Полуобнаженные мужчины поднимали гири, боролись, махали руками, приседали.

— Эй, парни, что в окна заглядываете? — раздался сзади властный прокуренный голос.

Ребята мгновенно отпрянули от рамы. Перед ними стоял широкоплечий, высокий, загорелый мужчина. Он был одет в узкие темные брюки и ярко-красную клетчатую ковбойскую рубаху.

— Кино, что ли, там смотрите?

Мальчики переглянулись. Сид, насупившись, ответил:

— Мы хотим научиться... Боксу научиться.

Лицо мужчины озарилось улыбкой, и ребята увидели, что он совсем не страшный.

— Боксу?

— Да.

Мужчина сделал шаг назад и, не скрывая улыбки, осмотрел мальчишек. Потом спросил, словно взрослых:

— А скажите, пожалуйста, сколько же вам лет?

— Вместе будет двадцать,— выпалил Жак.

— Вполне солидный возраст! — Незнакомец покровительственно похлопал каждого по плечу.— Вы настоящие янки! Стопроцентные американцы!

Эта похвала придала ребятам бодрости. Они сразу почувствовали себя взрослее. Сид, заглядывая в глаза доброму незнакомцу, доверительно спросил:

— А нас примут?

— Конечно! — ответил мужчина и открыл дверь.— Прошу заходить, будущие чемпионы!

Сид и Жак, радостные и смущенные, переступили порог спортивного клуба. К удивлению Сида, на них никто не обратил внимания. Каждый по-прежнему занимался своим делом: одни поднимали гири, другие махали руками и приседали, третьи, как на молитве, отвешивали низкие поклоны. Неподалеку от двери, в углу, на веревке висел круглый тяжелый мешок. Вокруг, смешно подпрыгивая, скакали рослые подростки и старательно лупили его кулаками. В воздухе пахло крепким мужским потом и канифолью.

Мальчики стояли как завороженные. Перед ними был новый мир, мир сильных и смелых людей, мир таинственный и манящий. Неужели когда-нибудь и они станут такими рослыми и могучими? Неужели и у них могут вырасти на руках такие крепкие бицепсы, как у этого силача, который одним мизинцем поднимает двухпудовую гирю?

— Максуэлл, принимай гостей! — громко позвал незнакомец.

К ним широким шагом приблизился огромный, на голову выше незнакомца, полуобнаженный спортсмен. У него были покатые бугристые плечи и выпуклая грудь, поросшая светлыми волосами, такими же, как и на его бровях и голове. Лицо его, квадратное, с широким ртом и приплюснутым носом, было усеяно морщинами. Возле левого глаза темнел багровый рубец. Рубец делал лицо суровым и даже свирепым.

— А, Тэди! — пророкотал он басом.— Проходи. Я давно ожидаю твоего появления.

Тэди, так оказывается звали незнакомца, дружески хлопнул его по плечу:

— Старина, за мной не пропадет!

Потом он вытащил из кармана кожаный кошелек и, отсчитав несколько бумажек, протянул их ожидавшему спортсмену. У Сида даже екнуло сердце: доллары! Никогда в жизни он не видел столько денег!

— Твои ребятишки работали отлично,— продолжал Тэди.— Зал был переполнен, а в тотализаторе полный сбор!

Сид, прислушивавшийся к их разговору, многого не понимал. Но слова «ребятишки», «работали отлично» и доллары в руках Тэди дали пищу воображению. Он не сомневался в том, что под словом «ребятишки» взрослые подразумевали вот тех подростков, которые продолжали старательно лупить кулаками мешок. Выходит, это они «работали отлично», выходит, за их «работу» платят доллары! Ого! Да еще как!

Сид и Жак с нетерпением ожидали того момента, когда взрослые обратят на них внимание. Но те продолжали, видимо, очень важный разговор. Он длился еще несколько минут. Наконец Тэди повернулся к ним:

— Парни, подойдите сюда.

Мальчишки мигом очутились рядом. Тэди представил их:

— Познакомься, старина. Они хотят заниматься боксом.

— Эти желторотые? — На лице Максуэлла брови поднялись вверх, а шрам вытянулся и стал похож на кусочек медной проволоки. В его голосе слышалась насмешка.

Ребята затаили дыхание.

— Ты, Тэди, может, лишнего хватил? А? Ты посмотри на этих цыплят! Куда они годятся? Нет, ты, видимо, ошибся адресом. С тобой бывает. Но здесь не детский приют...

— И ты тоже когда-то был таким,— мягко возразил Тэди и, подмигнув мальчикам, многозначительно произнес: — Ты подумай, Мики, что может выйти, если начать с такого возраста... Класс!

— Пока они вырастут, можно с голоду сдохнуть,— мрачно ответил Максуэлл.

Но Тэди настаивал на своем:

— Старина, надо смотреть вперед.

— Вперед... Жизнь стала такая мутная, что не видно даже завтрашнего дня,— пробурчал Максуэлл и кликнул одного из подростков: — Эй, Джерри! Принеси-ка сюда перчатки.

Джерри — самый низкорослый из подростков — принес две пары боксерских перчаток. Сид обратил внимание, что кисти рук у Джерри были забинтованы. «Странно,— подумал он,— тренируется с больными руками... Неужели ему не больно?»

— Вот что, цыплята,— произнес Максуэлл,— мы сейчас вас испытаем. Попробуем, так сказать... Если вы оправдаете утверждение мистера Тэди, так и быть — приму. Договорились?

Сид и Жак, хотя и не знали о том, какое испытание им предстоит пройти, радостно закивали.

Максуэлл протянул одну пару перчаток Сиду:

— Надевай.

У Сида лицо полыхнуло жаром. Настоящие боксерские перчатки! Никогда в жизни он таких не надевал. Волнуясь, он сунул кисть в одну из них. Перчатки были старые, побитые, коричневая кожа местами облезла. Внутри матерчатая подкладка истлела, и грубая морская трава, смешанная с шерстью, колола руки. Но Сид всего этого не замечал. Он волновался. Сейчас его будут испытывать...

Максуэлл сам старательно завязал шнурки на перчатках Сида и потом повернулся к Джерри:

— Ты готов?

— Готов, мистер Мики.

— Сейчас поработаешь с новичками. Только не так, чтоб очень... Ясно?

— Ясно, мистер Мики,— звонко ответил Джерри.

Подростки, которые так старательно били по мешку, бросили свое занятие и с нескрываемым интересом обступили их. Они-то знали, что значит поработать с новичком!

— Цыпленок,— обратился тренер к Сиду,— ты драться умеешь?

Джэксон ответил утвердительно. Тренер объяснил ему, что он должен, не жалея сил, бить Джерри. Потом скомандовал:

— Раз, два — начали!

Джерри многозначительно подмигнул своим дружкам, как бы говоря: «Смотрите, сейчас я ему покажу, что такое бокс!» — и пошел навстречу Сиду.

Джэксон расставил ноги пошире, чтобы удобнее стоять, и сжал в перчатках кулаки. Пусть подойдет! Ждать пришлось недолго. Джерри приблизился короткими подскоками, выставив вперед левое плечо и держа руки перед лицом.

Когда они сошлись настолько, что могли достать друг друга вытянутой рукой, Джерри бросился вперед. Его перчатки стремительно приближались к лицу Сида. Но в последнее мгновение Сид вспомнил, что в потасовке Блайд удачно приседал, заставляя его промахиваться, и быстро пригнулся. К его удивлению, прием удался: Джерри промахнулся! Быстро, не теряя времени, Сид широко размахнулся и, поднимаясь, ударил что было силы противника в ухо. Удар оказался точным. Джерри, к удивлению всех зрителей, нелепо взмахнул руками и плюхнулся на пол.

— Молодец, цыпленок! — крикнул Тэди.

Но радоваться было еще рано. Джерри, красный от стыда, вскочил на ноги и бросился на Сида. Он обрушил на него шквал ударов. Сид отчаянно защищался, махал руками, пятился назад. В ушах появился какой-то неприятный звон, в глазах запрыгали радужные искры.

Что было дальше, он не помнил. Очнулся Сид от холодной воды. Открыв глаза, он увидел над собой озабоченное лицо Максуэлла. Тренер держал кружку и выливал воду на грудь Сида:

— Цыпленок, оказывается, жив!

Сид попытался встать. В голове стоял непонятный шум. Во рту пересохло. И к тому же тошнило.

— Посиди немного и... все пройдет.

Вскоре к нему прибрел и Жак, Он был не в лучшем состоянии. Друзья даже не переглянулись. Сид тупо смотрел на все окружающее. Предметы и люди проплывали перед ним, словно в пелене тумана. Он не слышал, как Тэди и Максуэлл говорили о нем:

— У цыпленка есть способности. Ты заметил, старина, как он сделал «нырок»?

4

Увидев помятое лицо сына, мать Сида не стала допытываться:

— Опять подрался? Опять мне за тебя краснеть, извиняться...

Она разогнулась над корытом, торопливо вытерла о фартук мыльные руки и рывком сняла со стены тяжелый отцовский ремень. Сиду эти движения были уже знакомы. Он благоразумно попятился к двери, но мать все же успела огреть его по спине...

— Вот тебе! Вот!..

Сид выскочил во двор, со двора на улицу, пробежал добрый квартал, свернул в переулок и только тут почувствовал себя в безопасности. Он сбавил скорость, перейдя с бега на шаг, чтобы отдышаться. Ему было до слез обидно. Ну как она, мама, не понимает его! Ведь он уже не маленький...

Однако возвращаться домой Сид считал делом рискованным. Гнев матери так быстро не утихал. И к тому же спине его не очень хотелось встречаться с отцовским ремнем...

Сид решил навестить Жака. С самыми благими намерениями он поднялся на лестничную площадку третьего этажа и постучал в дверь.

— Кто там? — раздался голос матери Жака.

Чуткое ухо Сида уловило в ее голосе раздражение. Сделав на всякий случай шаг назад, Сид ответил самым вежливым тоном:

— Это я, Сид... Жак дома?

Дверь моментально распахнулась, и на пороге показалась миссис Рэнди. Волосы ее были всклокочены, а в руке она сжимала скрученное полотенце:

— А, зачинщик! Входи, входи, я и тебе всыплю...

Но Сид стремительно кинулся вниз по лестнице. Вслед ему летели ругательства:

— Я покажу вам бокс!

Сид снова оказался на улице.

Здесь было скучно. Узкие тротуары загрязнены окурками, ореховой скорлупой, огрызками яблок и другим мусором. Холодный осенний ветерок лениво гнал обрывки газетной бумаги. По мощеной улице непрерывным потоком ехали громоздкие грузовые автомобили, изрыгавшие клубы черного дыма, медленно двигались телеги, нагруженные мешками и ящиками. Возчики покрикивали на лошадей и хлестали их длинными кнутами.

Сид повертелся около витрины продовольственного магазина, заваленной бананами. Интересно, как они растут? На кустах или деревьях? Вот хоть бы раз посмотреть... Джэксон вздохнул и нехотя пошел дальше.

На углу помещался пивной бар. Из открытых окон несся гул пьяных мужских голосов и запах жареного мяса. Сид замедлил шаги. Вдруг его окликнули:

— Сид, поди-ка сюда!

Это был отец Жака. Сид сразу узнал его. Морис Рэнди, худой и высокий, с жилистыми руками и изрытым оспой лицом, казался много старше своих сорока пяти лет. На его костистых плечах плотно сидела серая куртка, из-под которой выглядывала синяя рубашка. В зубах — большая трубка. Он попыхивал ею и, гладя Сида по голове, говорил пьяным срывающимся голосом:

— Ты мне, как сын. У меня вас двое — ты и Жак... Это хорошо, что вы вместе... Мы были друзьями с твоим отцом... с детства...

Рэнди взял пивную кружку, посыпал края солью и медленно выпил. Поморщился:

— Эх, жизнь!.. Сид, ты меня понимаешь?.. Вот и хорошо... Будьте всегда с Жаком. Всю жизнь! Помогайте друг другу, держитесь друг за друга... Вдвоем легче!

Сид кивал и смотрел снизу вверх на изрытое оспой и морщинами лицо старого трубопроводчика. В задумчивых пьяных глазах отражались грусть и забота. Из того, что он говорил, Сид многое не понимал. Особенно насчет жизни и непонятной ему «борьбы за существование». Но слова о крепкой мужской дружбе, о дружбе, которая начинается с детских лет, он воспринимал всем сердцем.

Рядом пили, пели, ругались, играли в кости. Над головами плавали клубы табачного дыма.

Морис Рэнди полез в карман и, вытащив пригоршню соленых орешков, угостил Сида:

— А теперь уходи... Это место не для тебя...

Сиду не хотелось уходить от этого большого и доброго человека. Так приятно чувствовать на своей голове шершавую ладонь мужчины. Но ослушаться он не мог. Вздохнув, Сид направился к выходу.

И снова перед ним встали вопросы: куда пойти? Что делать? Домой возвращаться он опасался. Жака не выпускали из дому. Побродив по людному тротуару, Сид решил отправиться к химическому заводу. Скоро кончится дневная смена, и он встретит старшего брата. Иллай его поймет. А вдвоем будет не страшно вернуться домой. И Сид бодро зашагал по улице.

Вечер наступил как-то сразу, словно на солнце набросили тяжелое покрывало. Тени исчезли, и дома стали все серыми. В окнах зажигались огни. Тротуар заполнила толпа рабочих, возвращавшихся с завода. Сид торопливо шел навстречу людскому потоку.

Около дома, в котором жил Блайд, Сид замедлил шаги: над широкой дверью универсального магазина, занимавшего весь нижний этаж, появилась новая вывеска: «Букспурд и компания». Вывеска была большая, яркая.

Вдруг ухо Сида уловило жалобное мяуканье. Сид осмотрелся, прислушался и пошел на звук.

Миновав подворотню, Сид очутился во дворе универсального магазина. Двор был загроможден горами различных ящиков и пустых бочек. Где-то среди них была кошка.

«Наверно, придавили»,— думал Сид, заглядывая под эти нагромождения. Вдруг он почувствовал на своих плечах чьи-то цепкие пальцы:

— Ага, попались!

Перед ним был старый негр, сторож.

— Вы что тут делаете? Воровать пришли?

Джэксон оторопел, потом посмотрел на негра и отрицательно замотал головой.

— Я... Отдайте кошку. Она плачет!

Негр разжал свои узловатые пальцы, усмехнулся:

— Пропала ваша кошка... Она в руках у сына хозяина — мистера Блайда.

— У Блайда? А зачем он ее мучит?

— Затем, что она черная. Он ее линчует,— и тут же, опасливо оглянувшись, показал в сторону бочек, нагроможденных у стены:

— Мистер Блайд там.

...Блайд сидел на корточках между двумя большими ящиками. На ящиках была прикреплена палка, а к ней привязана петля. В петле болталась кошка. Она отчаянно царапалась и хрипло мяукала. Руки Блайда были исцарапаны, но он упрямо продолжал выполнять свой зверский план.

Не долго думая, Сид схватил камень и, быстро замахнувшись, запустил его в голову малолетнего палача.

— А-а-а!!! — раздался отчаянный крик.

Старик негр, наблюдавший за Сидом, круто повернулся и торопливо зашагал на кухню.

Сид, не оглядываясь, бросился к воротам. А в груди радостно екало сердце: «Попал! Так и надо... Будет знать, как мучить!»

5

Второй поход в спортивный Бронкс-ридженклаб друзья-подростки совершили спустя три дня. На этот раз они шли смелее. Иллай приложил немало усилий, чтобы уговорить обеих матерей. Те сначала и слушать не хотели. Тогда Иллай пустил в ход последний козырь:

— А по улицам шляться лучше? Чему они там научатся?

Скрепя сердце мать Сида дала разрешение. Что же касается матери Жака, то миссис Рэнди отделалась молчанием. Жак истолковал его как согласие.

Добившись успеха в дипломатических переговорах с родителями, друзья отнюдь не были уверены в том, что такой же успех будет сопутствовать им в клубе. Они знали, что там их ждут увесистые кулаки. Но что поделаешь! Мальчики хотели стать сильными и храбрыми. Сид и Жак приготовились к самому худшему, переступая порог Бронкс-ридженклаба.

Первым их увидел Джерри, тот самый Джерри, который так нещадно их колотил.

— Они пришли! — закричал он.— Мистер Мики, они пришли.

В его звонком мальчишеском голосе было столько неподдельной радости, что Сид и Жак смущенно переглянулись. Выходит, их ждали? Они даже и не подозревали о том, что своим приходом сдали главный экзамен: испытание воли. Тренер Максуэлл Кайт, в недавнем прошлом профессиональный боксер тяжелого веса, как и многие американские тренеры, был глубоко убежден в том, что именно первое поражение

делает из человека боксера. Многие, очень многие, казалось способные, парни после первого поражения на ринге снимали перчатки и навсегда покидали спортивный зал.

Максуэлл был человеком практичным. Он не желал тратить свою энергию без надежды на прибыль. Поэтому, прежде чем принять кого-либо в свою группу, он устраивал экзамены — испытывал волю, или, как он сам называл, «боевой дух» боксера. Конечно, ни Сид, ни Жак ничего не знали об этой методике.

Максуэлл, сняв боксерские перчатки, подошел к Сиду и протянул ему свою огромную ладонь:

— Здравствуй, цыпленок!

Сид взглянул вверх, на освещенное улыбкой квадратное лицо, на шрам, который делал лицо особенно мужественным. Мистер Мики казался теперь совсем не таким свирепым, как при первой встрече. Сид доверительно вложил свою маленькую ладонь в боксерскую пятерню:

— Добрый день, мистер.

— Меня зовут Максуэлл Кайт,— сказал тренер,— или просто мистер Мики. Меня так афишировали в рекламах: тяжеловес Мики Кайт!.. А как тебя звать?

— Сидней... Сидней Джэксон,— и тут же добавил: — Или просто Сид.

Максуэлл предложил друзьям раздеться до трусов и встать в строй. Ребята тут же выполнили команду и, шлепая босиком, подошли к тренеру. Тот, осмотрев их далеко не спортивный наряд, посоветовал попросить своих отцов купить хотя бы дешевые спортивные туфли. Сид нагнул голову:

— У меня нет папы...

Максуэлл, не ожидавший такого ответа, поморгал короткими светлыми ресницами и, вздохнув, сказал:

— У меня тоже давно нет отца... Выходит, мы с тобой сироты. Так что не отчаивайся!

Сида и Жака поставили в строй самыми последними. Но это нисколько не огорчило их. Они с увлечением ходили в строю, делали подскоки, поднимали и опускали руки, приседали, скакали на одной ноге. Правда, особого проку в этих непонятных им движениях ребята не видели, но возражать не стали. Раз надо, значит, надо. Сид делал упражнения и ожидал той минуты, когда ему снова дадут боевые перчатки. На этот раз он постарается показать себя!

Но, к его огорчению, перчаток ни ему, ни Жаку, ни другим подросткам тренер не дал. После довольно долгих и утомительных гимнастических упражнений тренер разбил всех

на пары и предложил отрабатывать технику передвижения. Сид узнал, что во время боя боксер должен двигаться особым способом, так называемыми «боксерскими шагами».

Сид встал в паре с Джерри. Он повторял все его движения, но они ему не удавались.

— Ты не прыгай,— советовал Джерри.— Делай вот так, как я.

Джерри, расставив ноги на ширину плеч и чуть повернув носки внутрь, двигался скользящими подскоками. У него это получалось легко и красиво. Сид, закусив губу, старался изо всех сил. От напряжения на лбу высыпали горошинки пота. Но все его движения получались тяжелыми, угловатыми. Однако неудача не обескураживала, а только сильнее разжигала упорство.

— Не напрягайся. Держи тело свободнее,— наставительно сказал подошедший Максуэлл.— Положи руки на пояс. Так. Теперь привстань на носках. Нет, нет, не так много. Надо чуть-чуть, только пятки оторви от земли. Вот, хорошо. А теперь делай небольшие шаги. Шаг левой, шаг правой. Левой, правой. Только не прыгай! Мягче. Свободнее. Раз-два, левой-правой...

На этот раз получилось. Оказывается, это так просто! Словно ты играешь в догонялки. Одна нога догоняет другую, но никак не догонит.

В этот вечер тренер больше не подходил к нему. Ему было не до новичков. Он тренировал старших подростков, готовил их к матчевым встречам. Но Сид сам внимательно ко всему присматривался и прислушивался. Перед ним открывал свои тайны новый, загадочный мир, мир спорта. И он с увлечением делал в этом мире первые шаги, осваивая азбуку грозного бокса.

С каждым днем, с каждой тренировкой Сид узнавал все больше и больше. Каждое занятие было открытием. Открытием тайны, секрета будущих успехов. Сид с удивлением, например, узнал, что класс настоящего боксера определяется — чем бы вы думали? — работой ног. Да, да, работой ног! На первый взгляд это может показаться странным. При чем тут ноги, когда боксеры бьются руками? Так думают все, кто не знаком с боксом, так сначала думал и Сид.

Но однажды Сид услышал, как тренер отчитывал одного длинного боксера, который проиграл бой, потому что не умел работать ногами. Да, да, Максуэлл так и сказал «работать ногами». Благодаря умелому передвижению можно подготавливать атаку, развивать наступление, преследовать противни-

ка. С помощью простых шагов можно защищаться. Это так просто. Шаг назад, потом шаг в сторону и — противник промахнулся! А кроме того, чем сильнее у боксера ноги, тем грознее его удар! Сила удара, оказывается, зависит и от силы ног.

Сид с нескрываемым любопытством осмотрел мышцы своих ног. Действительно, икры и бедра значительно толще рук. Значит, сильнее. И вот эту силу хороший боксер умеет использовать, вкладывая ее в удар. Как? Очень просто. Проведение удара надо начинать с ног. Например, прямой удар левой в голову. Человек, который ничего не понимает в боксе, будет просто размахиваться и бить левой рукой. И, конечно, такой удар будет слабым. А у боксера левый прямой удар в голову зарождается внизу, в ногах. Сначала он делает толчок правой ногой, потом, не останавливаясь, производит поворот корпуса и как завершение резко выбрасывает вперед левую руку, сжимая кулак у самой цели, чтобы не потерять легкость и, главное, резкость движения.

С каждой тренировкой Сидней Джэксон постигал азбуку бокса, держался все увереннее, все легче давались ему премудрости спорта. Постепенно исчезли угловатость и неповоротливость новичка. Они сошли с него, как сходит с платанов старая кора, уступая место новой, молодой. В движениях Сида появились плавность и легкость. Изменилась осанка. Он стал стройнее, у него вырабатывалась спортивная походка — легкая, упругая, сильная.

Сид Джэксон добросовестно выполнял все указания своего тренера, охотно выходил на учебный бой с любым партнером и уж, конечно, никогда не плакал, если ему приходилось туго.

Джэксон быстро усваивал сложную технику ударов и защит, научился проводить удары с поворотом корпуса и без замаха, с того положения, в котором находится рука; осваивал принципы передвижения по рингу, и тренер не раз ставил его в пример другим.

— Учитесь двигаться, как Сид, мягко, на носочках,— часто говорил тренер, и у Джэксона от похвалы краснели мочки ушей.

Особенно нравились Сиду приемы защиты без помощи рук, а движением ног и корпуса. Ведь это здорово! Легким уклоном влево или вправо ты пропускаешь бьющую руку и сам можешь наносить любой удар.

Сид не только в спортзале, но и дома, и в школе на переменах проделывал упражнения, способствующие развитию гибкости, быстрой координации движений, учился мягко прися-

дать, мысленно пропуская удар у себя над головой, отклоняться в стороны, назад, «нырять» под бьющую руку.

Усиленные занятия вскоре стали давать результаты. Сид Джэксон, тот самый, который тренировался босиком, так как у него не было спортивных туфель, и над которым посмеивались дети зажиточных родителей, этот Сид начал побеждать в учебных и тренировочных боях. Тренер Мики Кайт радовался успехам способного ученика. Он стал уделять ему больше внимания, указывая на ошибки в технике, показывал, как надо правильно защищаться и использовать защиту для перехода в контратаку. Сид все ловил на лету. Стоило тренеру один раз показать прием, как Джэксон уже осваивал его, а после нескольких упражнений стремился использовать, применить в учебном бою с товарищами.

Бокс — опасный вид спорта. А перед лицом опасности многие спортсмены чувствуют себя скованно, и потому в бою на ринге не могут использовать, применить все те комбинации и приемы, которые так легко и свободно проделывали на тренировках.

Бой на ринге имеет свои законы. И тренер Максуэлл стремился выработать в своих учениках умение непринужденно держаться на ринге, смело проводить приемы. Поэтому на тренировках он отводил большое место учебным боям, спаррингам, то есть тренировочным поединкам и проверочным схваткам. Тут уж каждый старался как мог.

Новички часто принимали участие в любительских матчах, которые, как правило, устраивались между соседними клубами. Здесь каждый встречался не с товарищем, чьи слабые и сильные стороны ему знакомы, а с неизвестным противником. Эта неизвестность приучала к осторожности, расчетливости, воспитывала боевое мышление.

Тренер Мики Кайт с каждым днем все явственнее видел, что из Сида получается настоящий боксер. Это его радовало, и он особенно охотно открывал пытливому подростку секреты кулачного боя, знакомил с основами тактики. На всю жизнь запомнил Джэксон советы своего тренера.

— Помни, Сид,— часто говорил Мики Кайт,— в бою на ринге побеждают не самые сильные, а самые умные!

И Джэксон учился думать на ринге: по движениям рук и ног противника стремился распознавать начало атаки и тут же находить защитные действия. Он учился не отвечать слепо на удар ударом, а выжидать удобный момент, вызывать ложным движением атаку и, опережая ее, встречать соперника неожиданным ударом вразрез.

Джэксон рос думающим боксером.

Вскоре начинающий спортсмен стал выступать в любительских состязаниях.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В конце концов Сиднею Джэксону повезло — его заметили. Это случилось после очередной победы.

Разгоряченный и счастливый, он перелез через канаты ринга и не спеша направился в раздевалку. В темном проходе Джэксона поманил пальцем какой-то мужична. Сид остановился. Мужчина, кажется, был ему знаком, но где они встречались, Сид не мог вспомнить.

— Что, не узнаешь меня?

Этот прокуренный хрипловатый голос... Да это мистер Тэди! Тот самый, который помог ему начать спортивную карьеру.

— Малыш, хочешь заработать?

У Сида екнуло сердце. Вот она, долгожданная минута — с ним разговаривают, как с настоящим боксером! С трудом скрывая свое волнение, Джэксон насупил брови и, подражая взрослым, утвердительно кивнул.

— Тогда вот что: приходи...— Тэди назвал один из ньюйоркских клубов.— Знаешь, где он находится?

Еще бы не знать! Сколько раз Сид был в нем и, сидя в последних рядах, с волнением следил за боями на ринге, за поединками опытных боксеров.

— Приходи, малыш, в следующую субботу. Выступишь на нашем ринге. Условия приличные для новичка. Если победишь — получишь семьдесят центов, а проиграешь — пятьдесят. Ясно?

Сид с готовностью пожал протянутую руку. Это было счастье. Он ощущал на себе завистливые взгляды. Сид посмотрел на тренера и скорее почувствовал, чем увидел, что учитель рад за него. Мики Кайт ласково потрепал его по вьющейся шевелюре:

— Желаю удачи, Сид!

А Сид все еще не мог прийти в себя от радости. Он не смел поверить в свое счастье даже тогда, когда в субботу на подножке трамвая ехал в клуб. «Как обрадуется мама, когда я принесу ей деньги!» — мечтал Сид. Противника своего он не знал, да и не думал о нем; Сид готов был сражаться хоть с самим дьяволом!

...В небольшой узкой комнате, служившей раздевалкой, было людно. На Сида никто не обратил внимания, он выглянул в зал.

В центре тесного, полутемного зала на деревянных подмостках высился ринг. На скамейках, которые кольцами окружали подмостки, сидели зрители. Они шумели, курили, заключали пари, пили виски, которое разносили на подносах парни, одетые в голубые форменные куртки. В воздухе плавало синее облако табачного дыма.

— А, малыш! Ты пришел вовремя,— встретил его Тэди.— Проходи в раздевалку. Скоро твой выход.

Антрепренер говорил деловым тоном. Но Сиду казалось, что он слышит чарующую музыку.

Сид быстро разделся. Снял куртку, рубаху, штаны, свернул их и, не зная, куда положить, осмотрелся.

— Давай сюда, парень,— предложил черноволосый боксер.— Клади рядом с моими вещами.

— Спасибо.

— Ты, парень, из какого клуба? — спросил боксер и, узнав, что из Бронкс-ридженклаба, сказал: — Знаю такой. Это хороший клуб. В нем вырастили чемпиона мира в легком весе Бенни Лепарда, там тренировались профессионалы братья Рудик. Кто сейчас тренером?

— Мистер Мики Кайт.

— Кайт был грозой чемпионов. Когда я был вот такой, как ты, он считался главным претендентом на титул чемпиона. Жаль, парню не повезло...

— Он проиграл? — спросил Сид.

— Глупыш! — Боксер посмотрел на Сида взглядом, каким смотрит учитель на ученика, не выучившего урок.— Судьба чемпионского титула решается еще до ринга. А Мики оказался слишком строптивым... Он не понял бизнеса.

Продолжить разговор они не смогли. К Сиду подошел Тэди и поторопил:

— Малыш, сейчас твоя пара.

Сид торопливо натянул на ноги матерчатые тапочки. Их специально для сегодняшнего дня шила сестра Рита. Он затянул потуже шнурки и завязал их.

На белый квадрат ринга направлены яркие прожекторы. Свет непривычно слепит глаза. Толстые канаты обернуты бинтом, под ногами светло-серый брезент. По углам ринга привязаны продолговатые подушки.

Сида провели в его угол. Подушка перетянута синей лентой. В противоположном углу, где разместился противник,—

лента красная. Джэксон сел на табуретку и стал натягивать боевые рукавицы. Они были значительно меньше и легче тех, в которых ему приходилось до этого боксировать.

На ринге хозяйничал пожилой мужчина, одетый в белый свитер. Он спел веселые куплеты. В них высмеивался старый муж, которого ловко обманывала молодая жена. Каждый куплет песенки сопровождался взрывом аплодисментов и восторженными возгласами. Когда певец кончил и хотел было уйти, публика разразилась свистом и криками. Она выражала свой восторг и требовала повторить номер. Сид почувствовал себя обиженным. Как же так? Он с недоумением смотрел по сторонам на ряды зрителей. Ведь они пришли смотреть бокс, при чем здесь пение?

Потом рингом завладели четыре рослых молодца. Они были одеты в зеленые свитеры, на которых крупными буквами было написано «Блитц» и изображена марка пивного завода. Приплясывая и кривляясь, они выкрикивали хором:

Я красивый,
Я счастливый,
А у ног — толпа девиц.
Потому,
Что пью я пиво,
Пью я пиво
Марки «Блитц»!

Раньше, сидя где-то в последнем ряду, Сид с удовольствием смотрел на людей, которые танцами и песнями рекламировали тот или иной товар. Но сейчас, когда реклама так назойливо и неприятно вторглась в его жизнь, он возненавидел ее. Он и не предполагал, что все эти состязания финансировались различными фирмами и предприятиями. Давая доллары на спорт, бизнесмены требовали рекламировать их товары.

Убедиться может каждый —
В этом радость без границ,—
Утоляет быстро жажду
Пьющий пиво
Марки «Блитц»!

Наконец парни ушли. На ринге появился судья в белой рубахе с короткими, чуть выше локтей, рукавами, в белых брюках. Черными были только блестящие ботинки, галстук «бабочка», короткие усики и напомаженные волосы. Он представил юных боксеров:

— Слева представитель прославленного любительского клуба «Ист-Ривер» Томас Лоукард.

Противник Сида вскочил с табурета и раскланялся перед публикой. Проделал он это ловко и привычно, без тени смущения. «Не первый раз»,— подумал Сид.

— Справа Сидней Джэксон, боксер знаменитого Бронксриджейнклаба.

Сид торопливо вскочил и смущенно поклонился публике.

— Первый раунд.

Противник Сида был одет, как взрослый боксер. Он сбросил с плеч мохнатый халат и остался в одних черных шелковых трусиках. На ногах — черные боксерки. Белые носочки чуть выглядывали из легких ботинок. В тон им белела полоска на поясе.

Томас был высокий, длиннорукий подросток, коричневый от загара, с круглым лицом, на котором выделялись крупный нос и широкий рот. Когда он улыбался, обнажались большие зубы. «Как у лошади»,— отметил Сид.

Едва противники сошлись в центре ринга, Сид, как подобает культурному спортсмену, протянул руки для приветствия. Но этим не замедлил воспользоваться Томас. Он зло улыбнулся и, не отвечая на приветствие, выбросил вперед правый кулак, целя в открытый подбородок Джэксона.

Сид не ждал удара. Он не успел защититься.

— Браво! — закричал кто-то из зала, и редкие хлопки приветствовали Томаса.

Джэксон вскочил с пола. Ах так! В его груди все клокотало. Я тебе сейчас отплачу за подлость!

Но Томас, видимо, ожидал его натиска. Он делал шаги назад и в сторону, умело парировал сумбурные атаки Джэксона, встречая его прямыми жесткими ударами. Томас был физически сильнее и опытнее. Его прямые удары, длинные и резкие, сыпались на Джэксона, не давая возможности собраться, сосредоточиться. Сид, обескураженный, вынужден был попятиться. Он отступал, отчаянно защищался. Но противник теснил его к канату, стремясь загнать в угол и там кончить бой...

Уже никто не сомневался в победе Томаса Лоукарда. Его преимущество казалось очевидным. Наиболее восторженные зрители уже ставили один доллар против десяти центов. Мальчишка в коричневых тапочках едва ли дотянет до конца раунда, его поражение уже предрешено...

Жесткие прямые удары Томаса упрямо преследовали Сида. Руки противника работали с какой-то доведенной до автоматизма точностью: левой-левой, правой, левой, левой, правой... Раз-два-три, раз-два-три... И все в одну цель — в голову

Сида. У Джэксона слезился левый глаз, горело правое ухо. Боли он не чувствовал. Расстроенный и обескураженный, он непрерывно отступал, защищаясь. Судья ждал момента, чтобы остановить бой и объявить Томаса победителем ввиду явного преимущества.

И Лоукард уже чувствовал себя победителем. Успех окрылял его. Он прилагал все силы, всю энергию к тому, чтобы окончательно сломить сопротивление этого «хобо», бродяги, у которого даже нет настоящих тапочек. Вышел в каких-то тряпках! Стыд и позор... А тоже идет в боксеры!

Вот тебе! Вот! Изловчившись, он ударил Сида в нос. Появление крови взбудоражило публику. По залу пролетела легкая волна возбуждения, раздались выкрики, свист:

— Томас, кончай!

Сид шмыгнул носом и вытерся тыльной стороной перчатки. Кровь расползлась по щеке. Ему было не больно, совсем не больно. Это даже показалось странным. Сиду еще никогда не разбивали носа, хотя ему приходилось участвовать во многих потасовках. Правда, эти схватки обычно прекращались, едва у одного из бойцов появлялась кровь. Вид ее всегда был неприятен Сиду. Он вызывал чувство жалости и некоторой брезгливости. А здесь впервые потекла кровь у него самого. И в такой момент! Сид ощущал неприятный солоноватый вкус во рту. Кровь заполняла носовую полость и затрудняла дыхание. Сид снова шмыгнул носом, вытерся предплечьем и отчаянно бросился на Томаса. Была не была!

Удар гонга разнял и развел противников по углам. Сид устало опустился на табуретку и, положив отяжелевшие руки на пружинистые канаты ринга, откинулся всем телом на подушку. Он закрыл глаза и задрал голову к потолку. Так делали многие мальчишки, когда у них разбивали носы.

Сид не видел, как судья подошел к Томасу, пошептался и вышел на середину ринга.

— Внимание, внимание! Минуту внимания!

Сначала Сид не придал этому никакого значения. Опять, наверное, реклама...

— ...Ввиду того, что противник Томаса Лоукарда по техническим причинам не может продолжать бой, победа присуждается...

Слова судьи, словно удар электрическим током, заставили Сида вздрогнуть и затрепетать. Он вскочил. Неужели его уже считают побежденным? Непонимающим взглядом обвел он притихшую публику. Неужели?.. Сид выскочил на середину ринга и, перебивая судью, закричал, закричал отчаянно,

вкладывая в свой голос всю непосредственность детского негодования:

— Неправда!!!

Судья от неожиданности остановился на полуслове. В рядах зрителей заволновались. Среди любителей острых ощущений всегда есть жаждущие сенсаций.

— Неправда! — Лицо Джэксона, измазанное кровью, горело гневом.— Неправда! Я могу продолжать! Неправда! Я буду драться!..

Судья пожал плечами, как бы выражая искреннее удивление, и посмотрел на главного арбитра, владельца клуба. Тот неторопливым жестом чиркнул зажигалкой и поднес ее к длинной гаванской сигаре, прикурил. Выпустив клуб дыма и оценив обстановку в зале, он утвердительно кивнул головой. Заручившись поддержкой, судья взмахнул рукой:

— Бой продолжается! Второй раунд!

Секундометрист ударил в медный гонг и перевернул песочные часы.

Томас рывком сбросил мохнатый халат (он уже собрался выйти на центр ринга раскланяться) и, нагнув коротко остриженную голову, угрожающе двинулся вперед. Плотно сжатые побелевшие губы и сошедшиеся у переносицы брови говорили о его решимости и безжалостности. Он сейчас проучит этого «хобо», он покажет этому бродяге, как задираться и бастовать! Он именно так и подумал — «задираться и бастовать»,— как бы повторяя при этом слова своего отца — владельца небольшой чулочной фабрики, который постоянно возмущался забастовщиками.

Сид, стиснув зубы, ждал приближения противника. Чуть выставив вперед левую ногу и приподняв левое плечо, как учил его Максуэлл Кайт, он прижал правую согнутую руку к туловищу, закрывая локтем самое чувствительное место на животе — солнечное сплетение, а кулаком — опущенный книзу подбородок. Левая рука, чуть согнутая и выставленная вперед, была поднята до уровня глаз. Сид смотрел поверх блестящей кожаной перчатки вперед, как бы целясь в своего соперника. Но видел он перед собой не Томаса, а семьдесят центов, которые во что бы то ни стало решил получить. Деньги были нужны. Очень нужны!

И когда грозная перчатка Томаса устремилась к нему, к его лицу, безжалостная в своей стремительности, Сид вдруг как бы прозрел. Он увидел начало удара, начало атаки, начало того, от чего ему не было спасения во всем первом раунде! На какую-то сотую долю секунды опережая Томаса, он сделал

наклон туловищем, чуть приседая на пружинистых ногах. Грозный прямой удар Томаса прошел где-то сверху, над головой. Дальше все произошло как на тренировке. Джэксон машинально послал вперед правый кулак, перенося вес тела на левую ногу. Есть! Попал! У Джэксона радостно екнуло сердце. Знай наших!

Получив удар, Томас моментально отпрянул назад, на безопасную дистанцию, и оттуда снова ринулся на Джэксона со своими излюбленными прямыми ударами.

Но Джэксон нашел ключ к этим ударам! На теле противника появились красные круги, следы правой перчатки Сида, которой он в первом раунде вытирал кровь.

Сонное оцепенение покинуло и зрителей. Они шумно радовались обострению поединка. Есть на что посмотреть!

— Жми, малыш!

Томас, красный и злой, бросался на Сида, как разъяренный тигренок. Но все его атаки захлебывались — он натыкался на кулак Джэксона! А изменить тактику он не мог. Напрасно его тренер, сложив руки рупором, отчаянно с надрывом кричал:

— Защищай корпус!

Встречные удары Сида обескуражили Томаса, злость затмевала разум. Он слепо, упрямо лез вперед, но встречал перчатки Джэксона.

В третьем раунде первым в атаку бросился Сид. Ему удалось прочно захватить инициативу, а потом и сломить волю своего сильного соперника. Томас начал терять веру в свои силы. Это и решило исход встречи.

Судья оттащил Сида от Томаса, который согнулся в глухой защите, закрываясь обеими руками от ударов, вывел Сида к центру ринга и под одобрительные крики и свист публики поднял его руку:

— Победил Джэксон!

Юный боксер еще не умел скрывать своих чувств. На его лице, слегка скуластом, разгоряченном напряжением поединка, появились белые пятна. Когда же до его сознания дошли слова судьи, когда он понял, что это аплодируют ему, губы сами непроизвольно растянулись в улыбке, брови чуть приподнялись, в серых глазах засверкала радость, кровь прихлынула к лицу, заливая счастливым румянцем щеки. Весь мир сразу окрасился в радужный розовый цвет, все люди вдруг показались ему добрыми и хорошими, даже этот судья, на которого он так негодовал, оказался, в конце концов, вполне порядочным.

Сид быстро перелез через канаты, спрыгнул с помоста и хотел было направиться в раздевалку, но его громко окликнули:

— Эй, парень! Молодчина!

Он оглянулся. К нему пробивались через толпу двое мужчин, энергично работая локтями. Они, оказывается, были из тех немногих, кто ставил на Джэксона, и теперь, довольные выигрышем, спешили поздравить победителя.

— Ты настоящий мужчина! Если так будешь биться, чемпионом станешь! Чемпионом Америки! А что, правда? Налей, Дик, выпьем за будущего чемпиона!

Дик, так звали второго, наполнил бумажные стаканы и один протянул Сиду:

— Пей, чемпион!

Джэксон, возбужденный радостью победы, доверчиво взял протянутый стакан. Жидкость обожгла язык, опалив горло, словно расплавленный свинец, потекла внутрь. У Сида перехватило дыхание. Он прикрыл рот и ошалелыми глазами смотрел на хохочущих мужчин.

— Что, парень, не сладко?

— Го-го-го! Ха-ха-ха! — неслось со всех сторон.— А нам, думаешь, сладко?

Сид ничего не ответил. Он бросился к раздевалке, расталкивая любопытных. Во рту и горле было пламя. Скорее в раздевалку, там есть кран, есть вода...

Торопливо открыв кран, Сид сунул лицо под струю. Он пил, жадно пил прохладную влагу. Но она мало остужала жар, который все сильнее и сильнее разгорался внутри, разливался по жилам. Сид пил долго, до тех пор, пока его не оттолкнули от крана.

— Ты что, одурел? Разве можно после боя столько пить? — Какой-то незнакомый боксер в шелковых трусах и белых боксерках, рослый и красивый, хмурил брови и ругался: — Щенок! Сердце в два счета загонишь. А это тебе не мотор, новым не заменишь... Думать надо!

Джэксон, шатаясь, направился к скамье, на которой лежала его одежда. В поединке он израсходовал всю энергию, все силы, как говорят спортсмены, «полностью выложился». И сейчас, когда нервное напряжение спало, он почувствовал себя страшно усталым. Ноги и руки, казалось, одеревенели. Никто не встречал его, никто не поздравлял с победой. Даже Жак. Ведь он обещал быть здесь — и не пришел... Тоже друг называется. Во всем теле Сид чувствовал неприятную слабость. Во рту пересохло. Тошнило. Сид прислонился спиною к стене и

закрыл глаза. И вдруг в его сознании мелькнула мысль: а деньги! Почему их не дали ему?

Он вскочил со скамьи и — откуда только взялась энергия! — побежал в гудящий зал, протиснулся к рингу. Разыскав антрепренера, Сид потянул его за рукав:

— Где мои центы?..

Тот повернулся и, узнав Джэксона, приставил палец к губам:

— Т-с, крошка...

Но Сид настаивал.

Тогда Тэди, воровато озираясь, повел Джэксона в полутемную комнату, расположенную рядом с раздевалкой.

Получение денег оставило неприятное чувство в сердце подростка. Ему вручили их не открыто, как дают за честный труд, а тайком, в углу, сунули в руки маленький конверт. В этом было что-то унижающее. Но чувство это не долго держалось в сердце юного боксера. Сид Джэксон впервые столкнулся с теневой стороной американского спорта, где все оценивается на деньги, продается и покупается. Он многого еще не понимал и многое не мог осмыслить. К тому же победа есть победа, и приз есть приз. Как бы там ни было, а деньги вселили в душу подростка уверенность в себе: ему платят, как и настоящим боксерам!

У выхода, едва Сидней вступил в освещенный подъезд, к нему бросился Жак. Глаза его сверкали, и он радостно обнимал друга:

— Сид, я уже знаю... Вот здорово!

Джэксон устало улыбался, слушая восклицания друга и его гневные фразы, направленные в адрес контролеров: они не пускали Жака в клуб без билета, хотя он тысячу раз объяснял им, что пришел сюда не смотреть, а выступать в качестве секунданта.

— Так и не пустили... Стоят, как мексиканские идолы... хуже полицейских!

Выражение «хуже полицейских» у Жака было самым страшным ругательством. Что же касается «мексиканских идолов», то эти слова он добавил для усиления, хотя сам никогда не видел настоящих идолов, тем более мексиканских.

Сид осторожно вытащил из кармана небольшой конверт и показал другу:

— Вот семьдесят центов!

— Дай подержать.

Сид протянул конверт:

— Только не урони.

Жак подержал на ладони деньги, поправил помятые уголки конверта:

— Сколько мороженого можно купить! За день не съесть!

Сид спрятал награду в карман брюк:

— Не-е... мороженое что? Проглотил — и все... А не съел — растает...

— Давай тогда конфет купим!

Сидней сам хотел истратить деньги на конфеты и еще на пирожное. Круглое и сверху розовый крем и шоколадная розочка. Такое он видел в руках у Блайда. Тот неторопливо откусывал пирожное и кусочки бросал собачке. Она ловила их на лету, здорово лязгая зубами. Вздохнув, Сид отказался от пирожного, ему хотелось обрадовать мать. И не только обрадовать, а доказать: вот, смотри, я выступил на ринге, победил и... заработал! А ты не верила, что боксом можно зарабатывать деньги, и даже колотила за это, запрещала ходить на тренировки...

— Сид, давай хоть один цент истратим. Когда у меня было два цента,— помнишь? — мы на двоих мороженое брали.

Но Сид был непоколебим. Между друзьями легла тень. Они молча ехали домой на подножке трамвая, и каждый думал о том, что его друг несправедлив.

Домой Сид добрался к полуночи. В квартире еще горел свет. «Не спят!» — отметил он. Усталый, с синяком под глазом и сияющей улыбкой, Джэксон открыл дверь.

В комнате плавал туман, насыщенный запахом дешевого мыла и кипящего в баке белья. Сестра Рита в спортивных штанах и старой кофточке, которая расползалась на спине, облегая сильную, сложившуюся девичью фигуру, крутила ручку стиральной машины. Мать, подоткнув подол длинной юбки за пояс, мешала деревянной палкой в большом цинковом баке белье.

Рита первая обернулась на стук двери:

— Мама, пропащий пришел!

Миссис Джэксон, увидев сына, выронила мешалку:

— Боже мой! Опять этот проклятый бокс?..

Он счастливо кивнул:

— Да, мама!..

На ее усталом, преждевременно постаревшем лице появилось недоумение:

— Чему ты радуешься, противный мальчишка?

Она подняла мокрое полотенце, скрутила его жгутом, но, подержав в руках, бросила на пол:

— За что ты меня мучаешь? Бить тебя уже нет моих сил...

Рита разогнула занемевшую спину, выпрямилась и шагнула к брату. Она была уже такого роста, как мать. Тряхнув стрижеными кудрями, Рита сказала просто и требовательно:

— Сид, ты уже не мальчик. Ты должен дать нам честное мужское слово, что это больше никогда не повторится.

Но юный боксер торжественной походкой подошел к матери и протянул ей бумажный конверт, перевязанный розовой ленточкой:

— Ма, здесь семьдесят центов!

У Миссис Джэксон брови сошлись на переносице. Семьдесят центов! Да она не разгибая спины целую неделю стирает с дочерью за один доллар.

— Ты где их взял?

— Я их честно заработал, ма...— В голосе Сида звучала нотка гордости. Он хотел казаться взрослым и, удерживая рвущуюся наружу радость, старался говорить сдержаннее.— Я тоже буду приносить тебе каждую субботу, если, конечно, буду побеждать.

Миссис Джэксон смотрела на Сида и не знала, что ей теперь делать: радоваться или плакать. Как быстро растут дети!

— Рита, что ты, не видишь, у Сида глаз заплыл? Принеси свинцовой примочки.

Потом, обняв сына, грустно покачала головой:

— Трудную ты выбрал профессию, мой мальчик...

Когда Сида со свинцовой примочкой на глазу уложили в постель, пришел старший брат. Он принес с собой запахи химического завода. Неприятный запах, казалось, пропитал не только одежду, но и всего Иллая.

— В России кровавая баня,— торопливо говорил он, хлебая постный суп.— У нас на профсоюзном собрании только и разговору, что о России.

— От русских всего можно ожидать,— вставила Рита.— Дикари, хуже индейцев.

— Ни черта ты не понимаешь,— Иллай отодвинул тарелку.— Русский царь приказал стрелять в народ!

— В свой народ? — удивилась Рита.

— Глупости,— сказала миссис Джэксон.— Как это царь будет стрелять в своих людей?

— Вот так, очень просто. Люди пошли к нему, как мы, когда бастуем, на переговоры. А он велел солдатам стрелять.

— В безоружных? — Сид, прислушивавшийся к разговору, даже приподнялся на локтях.

— Да. В газетах так сообщают.

— Что же теперь там будет? — вздохнула мать.

Иллай немного помолчал, обдумывая, говорить им или не говорить, потом понизил голос:

— У нас на заводе говорят, что в России начинается революция.

Сид с нескрываемым интересом прислушивался к разговору. Вот бы сейчас ему очутиться в снежной России! Обязательно дрался бы с царскими солдатами так, как отряды Линкольна против рабовладельцев. И конечно, он отличился бы в боях, стал героем. Хорошо быть героем! Сид вспомнил страницы из учебника истории, портреты героев американцев. И вздохнул. Ну чего можно добиться здесь, в этом тусклом Нью-Йорке? Ни войны, ни вообще ничего интересного. Он с завистью посмотрел на старшего брата. Да, ему хорошо так рассуждать. Иллаю скоро двадцать стукнет, в армию может пойти, там только дурак не захочет стать героем. Ведь в армии это очень легко!

Что же касается Риты, то события в России не произвели на нее особого впечатления. Мало ли что может случиться в далеких странах! Если читать газеты, то в них всегда найдешь про разные страны и необычные вещи. Риту больше волновала их собственная жизнь.

— У нас теперь все работают,— сказала она.— Сид сегодня принес свой первый заработок.

Иллай недоверчиво покосился на младшего брата:

— Что ж он принес? Синяк под глазом?

— И семьдесят центов наличными! — Рита показала на конверт, который лежал на тумбочке матери.

У Сида гулко стучало сердце. Наконец-то он стал равноправным членом семьи! Теперь никто не посмеет упрекать его, что он даром ест хлеб.

Мысли были светлые и радостные. Жизнь сразу стала солнечной. И как бывает в таком возрасте, фантазия взяла верх над юношеским рассудком и на волнах гордости и радости устремилась вперед, понесла в будущее, которое рисовалось сказочно богатым и красивым.

— Покажи, что у тебя с глазом,— Иллай наклонился к Сиду.

— Пустяки.

— Все большие неприятности начинаются с пустяков.

Иллай осмотрел синяк, ощупал его, сменил свинцовую примочку.

— Болит?

— Ну чего ты ко мне пристал? «Болит, болит»,— Сид скри-

вил губы, передразнивая брата.— Через два дня заживет. Первый раз, что ли? Отстань, я спать хочу.

И, повернувшись на бок, накрылся с головой.

Иллай ничего не ответил. Он отошел от Сида, взял стакан и стал поливать цветы. Он всегда, перед тем как лечь спать, поливал их. Сид, чуть приподняв одеяло, наблюдал за братом. Лицо Иллая стало грустным и задумчивым. О чем он думает? Конечно же, о своих цветах. Сид не раз слышал о том, как Иллай просил мать купить новые горшки для кактуса и лимона. Им тесно, они выросли — и если не пересадить их, то скоро завянут! Мать в каждую получку обещала выполнить эту просьбу, но скудный бюджет семьи не позволял такую роскошь. Сиду стало жаль старшего брата. Ну что плохого в том, что он любит цветы? Конечно, этим делом следует заниматься девчонкам. Сид посмотрел на сестру. Нет, Рита не любит возиться с цветами. У нее в голове не розы, а женихи. И Сид решил обязательно купить для Иллая цветочные горшки.

— Мама, сколько лет Сиду?

— Четырнадцатый, а что?

— Пора за ум браться,— Иллай говорил неторопливо, как бы взвешивая слова.— Хватит глупостями заниматься.

— И я так думаю...

Сид чуть не подпрыгнул на постели. Бокс, выходит,— глупости?! У него сперло дыхание. Он готов был заплакать от обиды. Завидно ему, Иллаю, вот что! И от этой зависти он испортит Сиду будущее. Когда ему, Иллаю, было четырнадцать, он даже цента не принес домой.

— Я завтра переговорю на заводе с мастером, и с понедельника пусть готовится на работу.

— А как же школа? — спросила Рита.

— Школа, к сожалению, кормить не будет. Я ее не кончил, и ты не кончила, и многие так... А вот если он с такого возраста начнет приучаться к мастерству, то к двадцати годам может стать квалифицированным рабочим.

Юный боксер не выдержал:

— Тебе завидно, что я заработал деньги, вот ты и злишься!

— Я думаю о твоем будущем,— обернулся к нему Иллай.

— Ты лучше думай о себе!

— Сид! — у миссис Джэксон сдвинулись брови.— Надо уважать старших.

— На завод я все равно не пойду!

— Кем же ты будешь? Бродягой?

— Боксером.

— А если тебя искалечат?

— Не искалечат! Против каждого удара есть защита.

— Ты еще глупый.

— Что хотите делайте, а на завод я не пойду! Не пойду, и все.— Сид отвернулся к стене и, глотая слезы, упрямо твердил:— Не пойду! Не пойду!..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Трудно спорить с братом, которого считаешь почти равным по правам и признаешь только его преимущество в возрасте. На каких-то шесть лет старше! А тоже, лезет с советами, поучает и наставляет. Как будто он один больше всех знает и понимает в жизни. А Сид и слушать его не будет! Ведь перед ним открываются такие необыкновенные возможности. Подумать только: сын трубопроводчика станет чемпионом! Иллаю просто завидно!

В том, что Иллаю завидно, Сид не сомневался. Иначе почему он затеял эту войну против него? Да еще мать начал восстанавливать. Разве это по-честному? Сид видел по ее глазам, что она не против того, чтобы он пробивался в чемпионы. Так нет же, Иллай постарался переманить ее на свою сторону. Обрадовался, что зарабатывает пока больше всех других в семье, вот и командует. Думает заставить его сменить боксерские перчатки на грязные рукавицы трубопроводчика! Не выйдет! Ничего не выйдет!

И чем больше Сидней думал, тем сильнее убеждался в своей правоте.

Напрасно Иллай старался внушить свои суровые доводы восторженному Сиду. Трезвый расчет и логическая убежденность не могли остудить горячую романтичность юного боксера, познавшего первые успехи. Напрасно Иллай призывал брата одуматься и послушать старших. Сколько таких, как он, живет в каждом штате от берегов Атлантики до Тихого океана? Тысячи, десятки тысяч. А в чемпионы выбиваются единицы. Да и то на вершине славы и почета держатся недолго. Даже в лучшем случае не более семи-восьми, в крайнем случае десяти лет. А дальше что? Что делать чемпиону, скажем, после тридцати лет, когда он сойдет с ринга? Как жить, когда в руках есть только боксерские перчатки, которые уже не приносят заработка?

Сид упрямо твердил свое:

— Буду боксером!

— А потом?

— Когда сойду, на завод пойду, к тебе.

— Поздно будет.

— Ты сам говорил, что учиться никогда не поздно.

Однажды после крупного разговора с братом Сид направился в спортивный клуб, надеясь посоветоваться с тренером. Максуэлл всегда относился к нему доброжелательно и, конечно, поможет найти правильное решение.

В Ридженклабе Сидней, к радости своей, встретил Максуэлла и мистера Тэди. «Это настоящая удача! — подумал юный боксер, пожимая им руки.— Сама судьба идет мне навстречу!»

...Максуэлл не раз вспоминал впоследствии, что, приди Джэксон часом раньше, все в его жизни могло быть по-другому. Старый и опытный профессиональный боксер, загубивший свою молодость и жизнь в квадратной клетке ринга, ни за что не пожелал бы своему лучшему ученику повторить его ошибки, бросаться с закрытыми глазами в то болото, из которого он, Максуэлл, все еще никак не может выкарабкаться. Липкая и цепкая грязь денежных отношений засасывала его все дальше и глубже, заставляя выполнять то, против чего на протяжении многих лет безуспешно боролась его совесть. Да, все могло бы быть по-другому...

Мистер Тэди был восхищен победой Джэксона. И это восхищение имело реалистическую основу. Антрепренер отлично разбирался в боксе и боксерах. Бурный финиш Джэксона в третьем раунде говорил опытному дельцу о многом. Он верил, что технику и тактику можно отшлифовать до совершенства в ходе тренировок и боев, но смелость и воля к победе — врожденные качества. Их на тренировочных занятиях не воспитаешь. Эти качества даются человеку с молоком матери, и их можно только развить и довести до совершенства. Мистер Тэди смотрел на юного Джэксона, как агроном-селекционер смотрит на крупное зерно, найденное среди тысяч обыкновенных зерен пшеницы, а видит в нем бескрайние поля будущих небывалых урожаев.

— Так, значит, настаивают, чтобы пошел на завод?

— Да,— Сидней, затаив дыхание, ждал ответа. Что скажут эти два человека, открывшие перед ним дверь в сверкающую жизнь спортивных знаменитостей?

— А ты, крошка, как сам думаешь? — Мистер Тэди испытующе смотрел на Сида.

Джэксон покраснел, словно его уличили в чем-то нехорошем, и опустил голову:

— Хочу быть боксером.

— Вот настоящий ответ! — Мистер Тэди дружески хлопнул Сида по плечу.— Молодчина! Ты посмотри на него, Мики! А? Настоящий мужчина! А как он работал на ринге! Прелесть! Так неужели будущую гордость Америки мы дадим в обиду? Конечно же, нет! Верно, Мики?

Что мог сказать Максуэлл? Кто его знает, может, судьба Джэксона будет иной и счастье улыбнется ему.

— Знаешь, малыш, я пришел в Риджснклаб специально затем, чтобы увидеть тебя.

— Меня? — Сид от удивления заморгал глазами.

— И знаешь зачем? Не догадываешься?

Джэксон отрицательно покачал головой.

— Я пришел, чтобы обрадовать тебя. С сегодняшнего дня повышается твой гонорар. Теперь за каждую победу будешь получать,— мистер Тэди сделал паузу, посмотрел на Максуэлла, потом снова на Сида,— будешь получать по три доллара. Да, три доллара за победу. А за поражение только один.

У Джэксона все засверкало перед глазами. Три доллара! Он с недоверием покосился на мистера Тэди. Может быть, он пошутил? Но нет, тот совершенно серьезен. Три доллара! И у Максуэлла ни тени улыбки, он серьезен и озабочен. Три доллара! Ну, держись, Иллай! Когда брат узнает об этом, он лопнет от зависти. Шутка ли, за один бой — три доллара!

Мистер Тэди ласково потрепал Джэксона по волосам:

— Надеюсь, ты знаком с действиями арифметики и понимаешь, что три доллара в три раза больше, чем один. Ясно, чем пахнет? То-то!

На прощание мистер Тэди сказал, чтобы химический завод он навсегда выкинул из головы. Сид не знал, как благодарить таких замечательных, отзывчивых и добрых людей, как мистер Тэди и Максуэлл. Он никогда их не забудет. Он всю жизнь будет обязан им.

2

Иллай так и не смог переубедить брата. И чем больше Иллай настаивал на своем, тем упрямее становился Сид. Возникшая между ними холодность грозила вырасти в полную отчужденность.

Чуткое сердце матери подсказывало миссис Джэксон, что

так долго продолжаться не может. Она старалась примирить их, принимая сторону старшего и доказывая его правоту туго скрученным полотенцем. Однако выбить «глупости» из головы упрямого Сида и ей не удалось.

Чуть ли не ежедневно возникали горячие, резкие споры. После каждой стычки Сид все больше и больше уходил в себя. Он стал замкнутым и неразговорчивым, избегал встреч с братом. Сид готов был переломать и вышвырнуть из комнаты все цветы, которыми так дорожил брат. Разве это мужское дело заниматься фикусами и кактусами?

Конечно, матери нравится Иллай. Не курит, не пьет, как другие его сверстники, все деньги до последнего цента отдает ей. Но что из того, что он стал квалифицированным трубопроводчиком? Трубопроводчик — и все. И так до самой смерти. Обидно!

Временами возникала жалость к брату, к его несчастной судьбе. Нет, Сид вырвется из этого заколдованного круга, из этого грязного района, где каждый камень противно пахнет. Сид возненавидел химический завод, который, как чудовище, но не в сказке, а наяву, затягивает молодых людей, держит их в своем вонючем нутре и выплевывает уже никуда не годными стариками или трупами. Неужели Иллай этого не видит и не понимает? Он упрямо твердит о каком-то едином коллективе, о рабочей солидарности, классовой борьбе. При чем здесь коллектив, когда каждый рабочий трудится только для того, чтобы заработать на жизнь? И о какой солидарности можно вести речь, если каждый стремится заработать больше другого? Ведь и там, как на ринге,— кто победил, кто сделал больше другого, тот и получает больше.

Но Иллай был не один. Все словно сговорились, и каждый на свой лад повторял то, что говорил Иллай. Даже отец Жака, Морис Рэнди, к огорчению Сида, принял сторону Иллая. Так казалось Джэксону. Иначе почему он запретил Жаку тренироваться и устроил его учеником на проклятый химический завод? Друзьям пришлось расстаться. Правда, не насовсем, но они теперь встречались лишь по воскресеньям. А воскресенье так коротко, что человеку, прокоптевшему шесть дней среди вони химического завода, не хватает времени даже для того, чтобы хоть немного проветрить свои легкие. У Жака появились новые интересы, новые знакомые. Он с нескрываемой гордостью рассказывал о них другу. Сид слушал его рассеянно — опять про завод!

Три доллара, которые время от времени он приносил домой, не выручали. Его не попрекали, но молчаливые взгляды

были красноречивее слов. Ложка с супом не лезла в рот, хлеб, заработанный Иллаем, застревал в горле. Но он не желает сдаваться! Он не хочет! И этот хлеб, и этот суп, и эти штаны, которые куплены на деньги Иллая, все, все он, Сид, берет только взаймы. Не иначе. Только взаймы! Он отдаст, возместит все расходы, рассчитается до последнего цента. Ну как они этого не понимают?!

Шли месяцы, а заветная мечта была все так же далека и недосягаема. Правда, спортивное мастерство значительно выросло, техника стала совершеннее, Сид научился бить коротко и без замаха, бить в четверть силы и наносить удар, в который вкладывал всю свою мощь и вес всего тела. Ноги приобрели упругую легкость, а тело — выносливость. Он умел расслабляться и мгновенно напрягаться, научился отдыхать в короткие паузы между атаками и умел видеть, да, видеть, начало удара противника. Сидней рос спортсменом, и Максуэлл с радостью отмечал, что в свои пятнадцать лет он против Джэксона ничего не стоил.

Выручила Рита. Она как-то вечером подсела к Сиду, который только что вернулся с тренировки:

— Братишка, а ты пошел бы к нам работать?

Сид хмыкнул:

— В мастерскую, за швейную машинку?

Но Рита пропустила мимо ушей насмешливый тон:

— За швейными машинами все места заняты. Я о другом. Олт-Гайтман ищет парня для разноски выполненных заказов.

Сид насторожился. Кажется, это то, что ему надо. Ни за станком, ни за швейной машиной торчать весь день он не хочет. Быть разносчиком не так уж плохо: во-первых, целый день на улице, дышишь свежим воздухом, во-вторых, на ногах — неплохой дополнительный тренаж.

На следующее утро Джэксон почтительно стоял перед толстым седым хозяином небольшого ателье «Олт-Гайтман и К°». У старика были проницательные глаза и розовые гладкие щеки. Серая клетчатая жилетка стягивала его живот, на котором поблескивала массивная золотая цепочка. В правой руке он держал ножницы и сантиметр, а левой поправлял очки, которые криво сидели на мясистом крупном носу.

— Так-так, молодой джентльмен, вы мне вполне подходите. Работа у нас хотя и не сложная, но достаточно важная.

Он говорил долго и нудно, рассказывал о порядках в мастерской, о том, что разносчик является лицом ателье, его представителем и посредником между ним, Олт-Гайтманом, и заказчиками, что с клиентами всегда следует быть выдержан-

ным, вежливым и приветливым. Никогда не вступать с ними в пререкания, не дай бог! Потеря хотя бы одного заказчика является убытком и так далее и тому подобное.

Особенно не понравилось Сиду наставление Олт-Гайтмана о чаевых. Оказывается, их следует полностью приносить и отдавать хозяину ателье, ибо эти деньги даются не за доставку заказа, а мастерам-портным за добросовестную работу.

Сид внимательно слушал и в знак согласия кивал головой. Что же, если так надо, он будет вежливым и почтительным, будет возвращать чаевые, будет достойным представителем ателье «Олт-Гайтман и К°».

Узнав, что в свободное время по вечерам Сидней занимается боксом, Олт-Гайтман, к удивлению Джэксона, протянул левую руку и одобрительно похлопал его по плечу:

— Спорт! О! Это культура! Крепкие кулаки и сильные ноги. Бросать не надо.

Юный боксер был польщен. Он с благодарностью посмотрел на старика. Портной, а понимает толк в спорте! Еще минуту назад Сид с тревогой думал о том, как сообщить Олт-Гайтману, что вечерами он не сможет разносить заказы, ибо должен посещать тренировки.

Олт-Гайтман в увлечении Сида видел другое. Он надеялся, что, увлекаясь спортом, разносчик не будет пьяницей. Олт-Гайтман вздохнул, вспомнив долговязого парня, которого недавно выгнал. Тот пропивал почти все чаевые.

Олт-Гайтман критически осмотрел довольно потрепанный костюм Джэксона:

— Вид далеко не представительный. Да-да. Так не пойдет.

С Джэксона сняли мерку, и через несколько дней он был облачен в новенький черный костюм, сшитый по последней моде. Олт-Гайтман держал высоко марку своего ателье.

В борьбе с конкурентами значительную роль играли и такие «мелочи», как платье разносчика.

3

Около трех лет провел Сидней Джэксон в ателье «Олт-Гайтман и К°», разнося клиентам выполненные заказы. Хозяин был доволен им (такой исполнительный и честный!) и часто ставил его в пример другим. Несколько раз он приглашал Джэксона к себе домой, угощал кофе, который сам варил, и предлагал перейти работать учеником к лучшему портному.

— Я тебе, как сыну, желаю добра и хочу мастером сделать.

Сид благодарил и, улыбаясь, отказывался. Ему и так не плохо. А что касается будущего, то о нем он сам позаботится.

— Дай бог! Дай бог! — удивлялся хозяин.

Иллай занял выжидательную позицию. Он старался соблюдать нейтралитет и, казалось, махнул рукой на судьбу младшего брата. На самом деле он пристально следил за его жизнью и тревожился не меньше матери. Иллай тяжело переживал разрыв, но не знал, как сгладить острые углы, чтобы восстановить прежнюю дружбу.

Шли годы, а Сид упрямо держался за капризы детства. Не слишком ли далеко зашли их разногласия? А тут еще история с молодым негром...

Все началось с того, что в один из субботних вечеров Сид пришел необычайно возбужденный.

— Ма, сегодня весь приз стал моим,— он положил на стол перед матерью конверт с деньгами.— Десять долларов!

— Постой, братишка,— Иллай, как всегда, не разделял его восторга и не радовался успехам на ринге.— Постой, братишка. Почему сегодня весь приз оказался твоим? Разве раньше ты получал только часть?

— Конечно!

И Сид, возбужденный победой, захлебываясь, рассказал о сегодняшнем успехе. Это был необычный поединок! Перед боем так и объявили: победитель получит десять долларов. И конечно же, Сид постарался победить. Кто был противником? Негр. Отчаянный и верткий. Настоящий лев! Все три раунда атаковал. Да, Сиду пришлось повозиться. Он даже подумал, что проиграет бой. Вы бы посмотрели, как негр бросался вперед! Видимо, ему тоже нужны были доллары. А как публика ревела, когда в конце третьего раунда Сид поймал негра на встречный удар и бросил его на помост! В задних рядах даже скамейки не выдержали и с шумом треснули. Хохоту сколько было!

Потом уже в раздевалке Сидней снова видел своего противника. Тот сидел на полу и беззвучно плакал. По коричневому, как шоколад, лицу текли крупные слезы. Негр вытирал их кулаком, размазывая по щеке, и не стеснялся своих слез. Конечно, негр плакал от злости! Ведь он почти выиграл бой.

— А как звали негритянского парня? — спросил Иллай.

Сидней поднял глаза на брата и, встретив его спокойный, требовательный взгляд, виновато улыбнулся.

— Не знаю... Не то Риверс Грибстон, не то Грибс Ривер-

стон. На ринге мы объяснялись знаками, то есть с помощью вот этого...— Он выразительно сжал кулак.

— Дрался, и даже не знаешь с кем?

— Иллай, ну что ты к нему привязался? — вмешалась Рита.— Не лучше ли поздравить братишку?

— А с чем его поздравлять? Уж не с тем ли, что твой братишка ограбил своего партнера?

Нет, Сид подобного оскорбления не мог вынести. Выходит, он ограбил своего противника? Только послушайте, что Иллай мелет. И это называется старший брат!

— Тише, дети! — миссис Джэксон повелительно стукнула ладонью по столу.— Что вы сцепились, как петухи!

Братья стояли друг против друга. У Сида от волнения подрагивала верхняя губа. Он тяжело дышал, и казалось, еще один толчок — бросится с кулаками на старшего или расплачется...

— Я честно выиграл бой! Понимаешь: чест-но?

— А этот негритянский парень дрался нечестно?

— Ничего ты не понимаешь в боксе. Вот!

— Ты все-таки скажи, негр дрался честно?

— Еще бы! Если бы он работал нечестно, его бы сразу дисквалифицировали, сняли с ринга. Понятно?

— Понятно? — Рита с удовольствием повторила этот вопрос вслед за Сидом и состроила Иллаю рожки. Она хотела превратить разгоревшуюся ссору в шутку.

— Рита, отстань,— Иллай снова уставился на Сида.— Значит, ты признаешь, что негр дрался честно?

— Я же тебе объяснил. Да, негр бился честно. Мы оба бились честно. По правилам. Вот! — Сид говорил медленно и зло.— А победил я! Судьи мне присудили победу. Значит, я и выиграл приз. Теперь ясно?

— Ясно, что судьи поступили несправедливо.

— Несправедливо?!

Рита подбежала и встала между братьями:

— Иллай, да как ты смеешь? Ты же не был там!

— Ма, за что он меня оскорбляет? Неужели я нечестно выиграл бой?

Иллай оставался невозмутимым:

— Сид, успокойся. Я тебе верю. Тебе честно присудили победу. Ты ее вполне заслужил. Но я говорю о другом, не о боксе.

— О чем же?

— Ты добился победы. А благодаря чему ты добился?

— Благодаря чему? — Сид самодовольно усмехнулся.—

В третьем раунде мы оба зверски устали. Преимущество по очкам было на его стороне. Я видел, что только один удар, удар точный и сильный, может принести мне победу. И стал ждать удобного момента. А негр работал на полную катушку. Я позволил ему загнать меня в угол. И когда он бросился в последнюю атаку, чтобы добить меня, я провел встречный удар правой. Негр упал. Нокаут! Вот и все. Хочешь, я покажу тебе этот встречный удар?

— Нет, не надо! — Иллай отрицательно замотал головой.

— А ты попробуй хоть один раз.— Рита с трудом сдерживала улыбку.— Ну что тебе стоит?

Иллай пропустил мимо ушей ее шутку. Он был по-прежнему серьезен. Старательно подбирая слова, он продолжал:

— По твоему рассказу, Сид, можно понять, что в конце боя вы оба «зверски устали». Так?

Сид подтвердил:

— Верно. От пота даже глаза щипало. Вот как устали!

— А как всем нам известно, человек устает потому, что затратил на какие-то действия свою физическую силу, свою энергию. Попросту говоря, человек устает тогда, когда он поработает. Верно, мама?

— Верно, сынок, верно,— отозвалась миссис Джэксон, радуясь, что спор между братьями приобрел мирный характер.— Так устаешь, что спину разогнуть трудно. Все болит.

— Теперь, Сид, ты ответь. Что же такое бокс: игра или работа?

— Конечно, работа.

— Значит, ты не выиграл бой, а заработал победу?

— Да, заработал вот этими кулаками.

— Предположим, не только кулаками, но и головой. Ты затратил свою энергию, добросовестно поработал. Скажи нам, а твой противник, негритянский парень, он тоже затратил свою энергию, свою силу? Ты признаешь, что он тоже потрудился, честно поработал?

— Я уже говорил тебе об этом пять минут назад. Мы бились по-честному, по правилам.

— Ну что ты, Иллай, прилип к нему? Затвердил одно и то же: работа, работа, работа,— миссис Джэксон уже начал надоедать этот спор.— Разве драку... Разве бокс можно назвать работой?

— Думаю, мама, что можно. А вот как Сид считает?

Сид сразу не ответил. Он задумался. От Иллая можно ожидать всего. Хитрый!

— Да, мы оба здорово поработали,— Сид тяжело вздохнул.

Сделав это признание, он насторожился. Сердце подсказывало ему, что он попал в какую-то западню. Сейчас должно что-то случиться.

— Мама, Сид признал, что они оба здорово поработали.

— Ну и что же? — Миссис Джэксон посмотрела на Иллая, не понимая, куда он клонит.

— Теперь последний вопрос. Ответьте, мама, Рита и ты, Сидней. Вы согласны с тем, что за труд человека, за его работу надо платить?

— Даром даже ослы не трудятся — их надо кормить,— Рита, довольная своим ответом, улыбнулась.— А среди людей дураков нет!

— А ты, мама, как считаешь?

— Что говорить! За каждый труд сам бог велел давать вознаграждение.

— А ты, Сид?

Вот где была западня! И как он раньше не догадался.

— Сид, что же ты молчишь? — спросила Рита.

Сид метнул на нее недовольный взгляд:

— Да, труд надо оплачивать. Но это не имеет никакого отношения к боксу! У нас была договоренность, что победитель получит весь приз.

— Ты лично договаривался с этим негритянским парнем?

— Нет. Я с ним не договаривался. Так объявили судьи.

— А кто договаривался?

Сид не знал, что ответить.

— Молчишь? — Иллай сделал паузу.— Ты все понимаешь. Ты должен вернуть половину денег.

— А если бы я проиграл? Думаешь, он дал бы мне часть денег?

— Ты должен вернуть половину.

— Вот что он дал бы мне! — Сид нервным движением сложил фигу и сунул ее Иллаю.

— Не спорь, мой мальчик,— в голосе миссис Джэксон материнская ласка и требовательность.— Не спорь. Ты ведь честный и справедливый. Правда? Ты всегда был честным и справедливым.

Опять все против него! Ну что он плохого сделал? Что?

Сид плохо спал ночь. Еще с вечера, чтобы не слышать назидательного голоса Иллая, он накрылся одеялом с головой. В конце концов они оставили его в покое. Помогло одеяло. Но разве можно отмолчаться, укрыться от того, что ворвалось в душу?..

Все давно спят, а в ушах Сида все еще звучит голос Иллая.

От его слов не отмахнешься. Нет! «Так договорились предприниматели, которые устраивают состязания. Они знают, что ваша работа, проделанный вами труд стоит, предположим, десять долларов. Но платить за работу по-честному, справедливо они не захотели... Это им не выгодно».

Не выгодно? Почему? Кто же станет ходить на состязания, зная, что каждый дерущийся получит ровно столько, сколько его противник! Конечно, любители рыцарских поединков, ценители боксерского искусства ходить будут. Но от такой публики можно ждать только одних аплодисментов. Они достойно вознаграждают лучшего.

А дельцам от спорта нужны доллары. Много долларов. Значительно больше, чем они заплатили боксерам. Вот они и придумали этот трюк, возбудили нездоровый интерес к поединку, создали ажиотаж. Шутка ли — победитель получит все! И тут Иллай, кажется, прав, хотя и ни разу не был на состязаниях. Не был? Сомнительно. Откуда тогда он мог все узнать? В его словах горькая правда. Да. А ловко он подглядел, как предприниматели заставляют простачков открывать свои кошельки! Простачки покупают билеты, вносят деньги в тотализатор... Теперь, кажется, ясно, почему победителю платят все десять долларов.

А что касается нас, то дельцам совершенно безразлично, кому отдать деньги. Мы оба честно трудились, добросовестно колотили друг друга на глазах у толпы, а они на нашей работе зарабатывали, или, вернее, наживались... Все так просто и грубо. Мы бьемся, а они, вроде мистера Тэди, считают доллары... Ловко!

Сид перевернулся на другой бок, вздохнул. Круг замкнулся. Неужели нет выхода из этого чертова круга? Неужели так всю жизнь?

В комнате темно и пахнет стираным бельем. Одни работают, а другие наживаются. Всегда было так. Везде так. Конечно, везде! У Иллая самого не так, что ли? Целые дни он и другие гнут спину на заводе, а зарабатывает кто? Хозяин. Ясно, как дважды два. А если завод не дает прибыли, его закрывают. Вон сколько безработных ходит!

Сид вспомнил, как однажды проходил мимо биржи труда. Сколько там народу сидит в ожидании! Не то что позови, только помани пальцем, сразу десятками кинутся... Как такое назвать? Борьба за жизнь? Борьба... В жизни, как и на ринге, побеждает не самый сильный, а самый умный. Так говорит Максуэлл. А мистер Тэди говорит по-другому: «Побеждает тот, кто меньше стесняется». Оба говорят об одном и том же, и

по-разному. Неужели жизнь такая сложная и запутанная штука, что все взрослые так и не могут в ней разобраться?

А насчет профсоюзов Иллай не прав. Нет. Ну какие могут быть профсоюзы у боксеров? Смешно! Вы только послушайте, как их назвал Иллай: «Профессиональный союз боксеров». Чтобы эта организация ведала заключением контрактов с антрепренерами, устанавливала размеры оплаты труда, вела учет прибылям и расходам...

На заводе это, может, просто — создать профсоюзы. А в спорте попробуй объедини боксеров! Кто пойдет? Когда каждый сам за себя, каждый норовит добиться победы, стать чемпионом. Чемпионом! Одно звание чего стоит! Чемпион города, чемпион штата, чемпион Америки и, словно царский трон, золотой титул чемпиона мира. Хорошо быть чемпионом! Деньги, слава, почет... Он видел чемпиона Америки! Как тот был одет! А машина! Собственная. Сид будет иметь такую. Обязательно! И дом, как у чемпиона мира. В иллюстрированном журнале помещена фотография: чемпион в семейном кругу. Какая красивая девушка рядом! Глаза большие, волосы золотистые... Ради такой стоит драться и победить. Победить?

— А если я проиграю?

Вопрос встал так неожиданно и прямо, что у Сида похолодели руки. Как это — проиграю? Не может быть. Что за глупости! Но кто-то настойчиво голосом Иллая твердил: «А если?..» Ведь и чемпионы не всю жизнь побеждают. Когда-то приходит конец... И тогда твой противник получит весь приз. Не десять долларов, как сейчас, а много, очень много...

У Сида на лбу выступила испарина.

«Что же делать? Вот так сразу — весь приз? И — ни цента мне? — Сид представил себя на месте побежденного. Перед его глазами встал образ плачущего негритянского парня. И ему до слез стало жаль его.— Ведь это несправедливо! Черт возьми, все мы люди, зачем же обижать друг друга?»

Рассвет наступал медленно, серо; в комнате полумрак, мокрые простыни, развешанные на веревках, кажутся боевыми знаменами могучих войск. И Сид, засыпая, чувствует себя солдатом этой большой и непобедимой армии.

4

Утром, после завтрака, Сидней предложил сестре:

— Рита, поедешь со мной?

— Далеко?

— В Гарлем. К негру.

— С удовольствием!

— У Сида доброе сердце,— обрадовалась мать.

Рита и Сидней возвратились не скоро. Они пришли, когда наступили вечерние сумерки. Оба были подавлены. Сид молча выпил чашку бульона, долго жевал корку хлеба.

— Мамочка, какой там ужас! — делилась впечатлениями Рита.— Грязь, нищета, больные... И это чуть ли не в самом центре Нью-Йорка!

Рита рассказывала, как блуждали по Гарлему, этому негритянскому заповеднику, как они нашли лачугу, в которой обитает побежденный Сиднеем боксер. Дома его не оказалось. Их встретила его мать, седая негритянка. Она вышла на порог, и следом за ней выбежали трое ребятишек. Худые, голые, одни глаза. Семья живет на то, что зарабатывает сын. Отца у них нет давно, третий год.

Когда негритянка узнала о цели прихода, она сначала не поверила. А когда Сид отдал ей деньги и сказал, что возвращает ее сыну должное, что тот их заработал, негритянка кланялась и с благодарностью повторяла: «Благослови тебя бог, наш добрый господин!»

Сид в этот вечер остался дома. Перед сном он только сказал Иллаю:

— Его зовут Роб. Роб Гриберст.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Пройдя через целую цепь напряженных поединков, Сидней Джэксон завоевал право участвовать в межклубных состязаниях, или, как говорили сами боксеры, получил возможность оспаривать личное первенство своего района. Такие состязания устраивались время от времени спортивной ассоциацией Соединенных Штатов и являлись первой ступенькой на пути к большому рингу. Это были наиболее массовые соревнования боксеров, проводимые почти в одни и те же дни по всей стране. Вполне естественно, что в них принимали участие чуть ли не все молодые боксеры, обладающие крепким кулаком и жаждой славы.

Сидней усиленно готовился к предстоящим схваткам. Вместе с Максуэллом они разработали специальный режим дня. В нем было предусмотрено все: от подъема до сна. Все усилия

направлялись к одной цели: дню состязаний. Сидней должен прийти в отличной боевой форме, иметь большой запас физической и нервной энергии и обладать жаждой борьбы. Особое внимание Максуэлл уделял последнему. По личному опыту он знал, и нередко ему приходилось видеть, как сильные боксеры, обладающие незаурядными способностями, терпели поражения на крупных соревнованиях только из-за того, что в период тренировок злоупотребляли спаррингами. Такие боксеры приходили к состязаниям физически крепкими, но нервно переутомленными схватками, у них выход на ринг не вызывал никаких эмоций, а поединок воспринимался как обыденная работа. И они проигрывали бои тем, кто бился с воодушевлением. В чувствах боксера, в его эмоциях Максуэлл видел дополнительный источник энергии.

— Выход на ринг — это праздник боксера! — повторял он.

В те времена книги о спорте были редким явлением на книжном рынке; теоретических трудов о системе и методике тренировок не было, и каждый тренер воспитывал своих учеников, основываясь на личном опыте. У каждого имелись свои собственные «секреты успехов» и «тайны побед», которые тщательно оберегались.

В мире, где успехи и неудачи оцениваются на доллары, спортивные интересы становились материальными интересами.

К чести Максуэлла, можно сказать, что у него была светлая голова.

В нем билась творческая жилка. Будучи участником и зрителем многочисленных состязаний, он не только видел преимущества и недостатки боксеров, но старался разгадать пути к достижению больших успехов, понять причины неудач и найти способы повышения, как он говорил, боеспособности спортсмена. На тренировках Максуэлл часто делал замечания:

— Больше энергии, Сид!

Однако Сид колотил мешок без особого интереса. Видно было, что молодой боксер трудится старательно, но без воодушевления. На ринге, даже в тренировочном бою, Сидней преображался. С него слетали сонливость и напряженность. Поединок захватывал его, воодушевлял и вдохновлял. Движения становились расчетливыми и точными. Ни одного лишнего шага, взмаха руки. Максуэлл несколько раз ловил себя на том, что он смотрит на Сиднея не так, как следует смотреть тренеру: он увлекался красотой и точностью движений, любовался своим учеником. И, поймав себя на этом, он

хмурил лохматые брови, старательно выискивая в действиях Джэксона ошибки. Но техника ученика была великолепной, бой он строил тактически умно.

— Сидней рожден для бокса! — повторял тренер.

За две недели до межклубных соревнований Максуэлл отменил тренировочные бои.

Сид попытался было возражать, но тренер и слушать не захотел.

— Больше занимайся гимнастикой, чаще выходи на свежий воздух.

— Я и так целые сутки на улице!

— Улица — это не парк. Если бы у нас были деньги, мы бы уехали в лес. Знаешь, какой воздух в Калифорнии? — Максуэлл мечтательно понизил голос.— Не дышишь, а словно пьешь. Каждый вздох, как глоток...— он хотел сказать вина, но вовремя спохватился,— как глоток виноградного сока!

Сидней горел желанием проверить свои силы в спаррингах.

А Максуэлл, сознательно уменьшая количество учебных боев, видел, как в Джэксоне все ярче и ярче разгорается желание схватиться с противником. Этот огонь радовал тренера. В нем он видел залог успехов.

2

В канун соревнований Сидней обратился к мистеру Тэди:

— Не можете ли вы одолжить мне денег?

Антрепренер поднял брови. С таким вопросом Джэксон никогда к нему не обращался.

— Денег?

— Ну да,— Сидней торопливо стал объяснять, боясь, что ему не поверят:— Я хочу купить мохнатый халат, новые шелковые трусы и боксерки. Мне стыдно выступать в тренировочных спортивных туфлях. Ведь это настоящие состязания! — и тихо добавил, с надеждой глядя на Тэди:— Я их вам верну, обязательно верну.

Мистер Тэди полез в карман. Сидней следил за каждым его движением. Юный боксер уже приготовился было благодарить антрепренера, но слова так и остались невысказанными. Мистер Тэди вынул не кошелек, а портсигар. Массивный, золотой. Щелкнул крышкой, достал сигару, закурил. У Сида упало сердце.

— Я верну деньги после первой же победы. Честное слово, мистер Тэди...

Антрепренер снисходительно улыбался. Потом, перекинув языком сигару из одного угла губ в другой, бросил:

— Глупости!

Сидней попытался доказывать:

— Вовсе не глупости, мистер Тэди! Там все будут одеты, как положено.

— Наивность и предрассудки.

— Я не хочу быть белой вороной. Хочу быть как все! А если вам жалко денег, то извините. Счастливо оставаться!

Но мистер Тэди удержал его:

— Дело не в долларах, крошка. Я дам тебе, и не в долг, а так. Расходы на форму беру на свой счет. И не нужно сентиментальности! — Антрепренер жестом остановил Сиднея, готового выпалить благодарность.— Не нужно! Давай лучше по-деловому обсудим, как ты сам сказал, форму «белой вороны».

— Я вас не вполне понимаю, мистер Тэди.

— Бизнес, крошка, начинается с рекламы.

— Кто же меня станет рекламировать? Я же новичок, мистер Тэди.

— Ты сам себя будешь рекламировать,— антрепренер перешел на деловой тон.— Надо, чтобы на тебя обратили внимание с первого шага, едва ты переступишь канаты ринга. Ты еще не начал бой, еще не победитель, еще никто, но уже обращаешь на себя внимание публики, корреспондентов, спортивных боссов. Здорово, а?

Джэксон шел домой, сжимая в кармане бумажку в двадцать пять долларов. Деньги его не радовали. То, о чем он мечтал, не будет осуществлено. А как он хотел купить настоящие боксерские ботинки, легкие, на мягкой подошве, с высокой шнуровкой! Но спорить с мистером Тэди было еще опасно. Его слова звучали для Сиднея как приказ командира, которому солдат должен подчиняться. «Дай только победить, выйти на большой ринг,— думал юный боксер,— тогда ни одному боссу не позволю вмешиваться и диктовать».

Так думал он, а в его ушах звучали слова мистера Тэди: «Пусть остается все как было. Сделай новые тряпичные тапочки, такие, чтобы сразу бросались в глаза своей дикостью. Только подошву пришей не брезентовую, а из замши. Замша не гладкая, она скользить не будет. Устойчивость отличная. Трусы попроще, без широкого пояса. Все должно быть удобным, а по внешнему виду неспортивным».

Мистер Тэди особенно упирал на последние слова. Все должно быть неспортивным! Сидней не особенно ясно понимал замысел антрепренера и в его словах чувствовал что-то унижающее и оскорбительное.

3

Выбрав момент, когда в примерочной не было заказчиков, Рита позвала брата:

— Сид, иди-ка сюда. Мы тебе подарок приготовили.

— Мне? Подарок?

— Не разговаривай.— Рита приложила палец к губам.— Быстро за ширму.

Сидней послушно нырнул в небольшую кабину и, задернув занавес, подмигнул своему изображению в тройном зеркале.

— Готовься отражать атаку прилипчивых девчонок.

Из-за стены доносилось ровное стрекотание швейных машин. Там находился «рабочий цех», как именовал Олт-Гайтман узкую и длинную комнату с низким потолком. В первой половине стояли тремя рядами швейные машины, над которыми с утра до вечера, по двенадцать часов в сутки, сгибали спины работницы. Во второй половине стояли столы, раздавалось шипение, сверкали электрические утюги и клубы пара поднимались к потолку.

— Одну минутку подожди,— сказала Рита,— посмотрю, где Старая Жаба. (Старой Жабой работницы окрестили хозяина.)

— Девочки, сюда!

Рита первой вошла в кабину. За нею впорхнула голубоглазая Эвелин, стройная, полногрудая. Ее бюст в мастерской считался классическим. Ей неоднократно предлагали стать манекенщицей, но семнадцатилетняя девушка упрямо держалась за свою цель — быть хорошей мастерицей.

Следом за Эвелин вошла худощавая и вечно веселая Лизи. Тетушка Мэри осталась в примерочной.

— В случае чего я задержу Старую Жабу.

Сидней с недоумением ждал. «Интересно, что они затеяли?»

Лизи повернулась к смущенной Эвелин:

— Вручай нашему мальчику. Пусть надевает.

Лицо Эвелин вспыхнуло румянцем:

— Ты скажешь! Постыдилась бы!

Сидней заметил в руках у Лизи небольшой сверток. Она хотела что-то сказать, но тут раздался голос тетушки Мэри:

— Девочки, по местам! Жаба!

Лизи быстро взяла у Эвелин сверток и протянула его боксеру:

— Сид, мы постарались для тебя. Извини, что без примерки. Мы все желаем тебе удачи!

Уходя, Эвелин выдохнула:

— Ты примерь. Если что не так, мы сразу переделаем. Ладно?

— Спасибо вам. Только, что это? И зачем?

Оставшись один, Сид развернул пакет. В нем находились трусы. Настоящие, спортивные, какие он видел на чемпионах. Темно-голубой атлас, широкий резиновый пояс, узкая белая окантовка по краям и вдоль линии бедер. До чего здорово! О таком наряде он мечтал.

В одно мгновение Сидней снял одежду и надел трусы. Они оказались впору. Темно-голубой атлас, переливаясь, как нельзя лучше гармонировал с чуть загорелым телом, придавал всему облику боксера спортивную элегантность. Сид смотрел в зеркало и видел себя на ринге. Он сжал кулаки, стал в боевую стойку.

Эвелин, склонившись к швейной машине, прислушивалась, ждала голоса Сиднея. Ведь он обязательно окликнет кого-нибудь, Эвелин была уверена в этом. Предчувствие не обмануло ее. Сквозь скрекот машин она услышала его голос, который донесся из примерочной:

— Рита!

Рита, не прерывая хода машины, вопросительно взглянула на Эвелин, как бы прося ее пойти к брату. Та кивнула и поднялась. Сердце ее колотилось учащенно. Это она, Эвелин, была и организатором и исполнителем. Она узнала от Риты, что скоро ее брат впервые примет участие в настоящих, больших соревнованиях и что у него нет подходящей боксерской формы. Эвелин уговорила тетушку Мэри «срезать» кусок атласа. На ее счастье, в эти дни шили утренний туалет юной супруге владельца мебельной фабрики. Тетушка Мэри имела влияние на закройщика, и тот без особого труда сэкономил кусок темно-голубого атласа. Фасон трусов выбирали сообща. Рита принесла несколько спортивных журналов, и девушки, рассматривая иллюстрации, выбирали наиболее красивые, с их точки зрения. Хохотушка Лизи достала три фута широкой резины, и из нее сделали красивый пояс для трусов. А на боковые полосы Эвелин потратила шелковые ленты, которыми она иногда подвязывала вьющиеся волосы.

Девушка волновалась. Понравится ли Сиднею их подарок? А главное — догадается ли он, чья это работа?

Когда девушки вошли в примерочную, Сид уже успел переодеться.

— Ри, форма мне очень нравится! Это здорово, как вы сообразительны. И ты, и Эви, и Лизи. Вы чудесные девчонки! И я вам очень благодарен. Но такой костюм мне не подходит, к сожалению.— И Сид огорченным голосом рассказал девушкам, что́ именно от него требовал тренер. «Старые трусы, тряпичные тапки, бедность и деревенщина».

— Твой тренер, наверное, рехнулся. Я совсем не понимаю этой глупой идеи! — сердито сказала Рита.

— Я тоже, сестренка. Но пока я с ним, я должен делать так, как он велит.

Девушки озабоченно нахмурили брови — что же делать? Как быть?

— Вот двадцать пять долларов,— продолжал Сид,— нужно купить тряпок на трусы и тапки. И главное, нужно достать замши на подошву.

— Тряпок здесь достаточно. Да и тапочки можно сшить у нас. Рита, ты ведь помнишь, как я сшила шлепанцы тетушке Мэри? Помнишь? — И лицо Эвелин вновь залилось розовой краской.

— Так это же отлично! — оживился Сидней.— Я сейчас же достану замши для подошвы. А вечером пойдем в кино или еще куда-нибудь! Согласны? Я зайду за вами!

У Риты оказалась масса подруг, которых он раньше как-то не замечал. Эти милые девушки, так живо принявшие в нем участие, приготовили ему еще задолго до вечера такой костюм, какой и требовал от него антрепренер.

Выполняя свое обещание, Сид повел девушек из мастерской в кинотеатр... После кино они пошли в парк, а по пути заглянули в аптеку, чтобы освежиться фруктовым мороженым. В парке они разыскали маленький уютный уголок. Было в самом деле весело! Девушки, включая и сестру, смотрели на него влюбленными глазами, он чувствовал себя героем вечера.

4

Дома Сиднею не удалось сразу лечь спать. Пришли гости — отец Жака Морис Рэнди и еще несколько рабочих-химиков. Среди гостей выделялся один. Незнакомец нервно повернулся на стук двери, но Иллай успокоил:

— Брат.

Они сидели за столом, на который мать постелила празд-

ничную скатерть. На столе — тарелки с нарезанной дешевой колбасой и сыром. Бутылка вина, наполненные стаканы. Лица собравшихся возбуждены, блестят глаза. Но не так, как у пьяных. Это Сидней определил сразу. Так блестят они у спорящих, когда каждый не уступает и доказывает. Появление Сиднея оборвало их спор.

В тесной комнате было душно и накурено. Сид молча подошел к окну и распахнул форточку. За его спиной снова начался спор. Сидней догадался: «Комитетчики! Мечтают голыми руками перевернуть весь мир!» Потом прислушался. Мягкий, но волевой голос незнакомца привлек его внимание.

— Что вы держитесь за цеховые профсоюзы, как за хвост сороки? Думаете, они избавление принесут? Ошибаетесь! Цеховые профсоюзы, если хотите, на руку монополистам, помогают им грабить рабочий класс Америки.

— А что предлагает нам Большой Билл? — спросил Иллай.

— Давайте и мы объединяться в один профсоюз — рабочие Запада и Востока, Юга и Севера. Ведь это сила! У них — миллионы долларов, а у нас — миллионы таких колотушек,— гость внушительно потряс кулаком.— Неужели мы сообща не победим? А?

Он обвел всех сияющим взглядом и поднял стакан с вином:

— Выпьем за единство всех рабочих! За профсоюз «Индустриальные рабочие мира»!

Дружно чокнулись и, опустошив стаканы, запели:

Единство! Единство! Вот правильный путь!
К хозяйской конторе дорогу забудь!
Лишь скэбам [1] мила от хозяев подачка.
Наш лозунг: «Союз и единая стачка!»

Гости разошлись далеко за полночь. Уходя, Морис Рэнди похлопал Сида по плечу:

— Ты что-то давно у нас не показывался. Приходи завтра.

— Не могу. Завтра соревнования.

— Это те, про которые афиши расклеили?

Сидней смущенно улыбнулся.

— Так мы все придем! Не только Жак.— Рэнди окликнул своих друзей:— Ребята, завтра Сид дерется на ринге.

— Придем! Придем!

А в коридоре какой-то рабочий говорил Иллаю:

— Мы надеемся на тебя. Пусть переночует у вас. Вы вне подозрения у шпиков.

---

[1] Скэб — бранная кличка штрейкбрехера.

Когда комната опустела, гость протянул руку Сиднею:
— Давай знакомиться: Джо Хэлл.
Сидней назвал себя.
— Я слышал, ты боксом увлекаешься! Хорошее дело, мужское,— Джо Хэлл говорил просто, задушевно.— Большой Билл тоже любил надевать кожаные перчатки. Особенно в молодости.
Миссис Джэксон постелила гостю на койке младшего. Сидней улегся на полу. Когда потушили свет, в окно заглянул серый рассвет.
Сидней долго ворочался на тонком тюфяке и чертыхался про себя: «Выбрали время совещаться! Разве отдохнешь в такой обстановке? А завтра работать на ринге. Вот не везет!»
Брат начал шептаться с Хэллом. Сидней натянул одеяло на голову. Но шепот становился все громче. Боксер повернулся лицом к стене. Это тоже не помогло. Хэлл рассказывал о каком-то городе Солнца. Сидней не выдержал. Дадут ли ему наконец спокойно уснуть?
Сидней высунулся из-под одеяла.
— Послушайте,— он старался говорить спокойнее,— мне кажется, что и в городе Солнца люди по ночам спят!

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

До начала соревнований оставалось еще более часа, и Сидней Джэксон решил немного побродить по улице, побыть на воздухе, собраться, сосредоточиться. Он знал, что там, в душной раздевалке, заполненной взволнованными спортсменами, трудно сохранить спокойствие. Нервное возбуждение других передастся и ему, заставит тревожно биться сердце и до предела натянет напряженные нервы. Сидней строго выполнял совет Максуэлла, не раз проверенный на практике.
— Ожидание ответственного боя часто изнуряет боксера больше, чем сам поединок,— говорил тренер,— его энергия, накопленная тренировкой, сгорает задолго до применения.
Улица, с ее ритмом движения, постоянным шумом и обыденным будничным спокойствием, была той средой, в которой Сидней чувствовал себя как дома. Ведь большую часть своего рабочего времени он проводил на тротуарах, разнося в круглых и квадратных картонных коробках выполненные заказы. Но сегодня Джэксон шел неторопливо. Спешить было некуда.

Он рассматривал витрины магазинов, наблюдал за ловкими и сноровистыми движениями полисмена-регулировщика, провожал глазами переполненный трамвай и подолгу разглядывал новые марки легковых автомашин. В одной из них увидел Блайда. Тот, в модном клетчатом костюме, сидя за рулем, важно поглядывал на поток пешеходов. Время от времени он протягивал левую руку и нажимал на резиновый шар рожка, оглашая улицу пронзительным гудком. Увидев Джэксона, Блайд презрительно осмотрел скромный наряд боксера и, сделав вид, что не узнает его, медленно проехал мимо.

Сидней тоже отвернулся, хотя ему очень хотелось рассмотреть новую модель форда. В тайниках души боксер хранил заветную мечту: когда станет знаменитым и богатым, обязательно будет иметь самую шикарную легковую машину, такую, чтобы одно ее появление вызывало восторг и зависть.

Когда Блайд проехал, Сидней с завистью посмотрел вслед удаляющейся машине. Хороша! И тут же улыбнулся: на открытой голове Блайда в коротко остриженных волосах белела небольшая полоска. Все-таки камень тогда попал точно! Шрам на голове Блайда успокаивающе подействовал на Сиднея. Не все и таким сходит с рук! А через несколько шагов подумал: а многое сходит. Хорошо таким. Легко жить. Где он сейчас учится? Кажется, Рита говорила, что после колледжа он в университет пошел. Вполне возможно. Что ему! У отца кошелек набит долларами. Таким все дороги открыты.

Взгляд боксера, уже равнодушно скользивший вдоль богатых витрин, вдруг зацепился и словно прилип к широкому листу бумаги, наклеенному на рекламном щите. Это была знакомая, зачитанная и выученная наизусть афиша. На светло-желтом фоне огромные темно-коричневые буквы как бы лежали на различных парфюмерных изделиях — замысловатых по форме кусках туалетного мыла, флаконах одеколона, зубных пастах, красках, мазях. Из этих огромных букв складывалось короткое, как удар, слово «бокс». Оно притягивало к себе, гипнотизировало и словно волшебным ключом открывало дверь в сказочное будущее. Будущее его, Сиднея Джэксона. В блеске славы и роскоши. Будущее, в которое закрыт вход всяким Блайдам. От этой мысли Сиднею стало радостно, словно он получил чек на тысячу долларов. Еще бы! Блайд за папашины деньги может стать кем угодно, только не чемпионом!

Джэксон стоял у афиши и долгим ласковым взглядом гладил буквы объявления о боксерских соревнованиях, рекламные изображения мыла и пасты, одеколона и крема.

2

Расходы по организации и проведению межклубного состязания в основном приняла на себя парфюмерная фирма. Благотворительность фирмы была не бескорыстна. Щедро финансируя спортивные мероприятия, парфюмерные боссы не скупились на широкую рекламу, конечно, с учетом своих интересов. Предприимчивые фабриканты выпустили ко дню состязаний новинки своего производства: мыло «Чемпион», зубную пасту «Победитель», одеколон «Бодрость боксера», крем для бритья «Спортсмен». Новинки парфюмерии так навязчиво рекламировались, что, читая афиши, можно было даже подумать, что именно они, эти кремы, пасты, мыло, одеколон, а не систематические тренировки укрепляют организм, делают тело сильным и красивым.

К назначенному часу просторный зал был переполнен любителями боксерских поединков. Вокруг ринга бурлила толпа. Как обычно, курили, пили виски, спорили, заключали пари. В зале, ставшем сразу тесным, стоял шум, сизое облако табачного дыма становилось все гуще и гуще.

В первом ряду, на лучших местах, прямо напротив судейского столика, сидел мистер Тэди и что-то объяснял полному джентльмену средних лет. У того были тройной подбородок, розовые щеки и небольшие светлые глаза, смотревшие спокойно и властно. Джентльмен почти не слушал мистера Тэди. Если бы Джэксон сейчас оказался рядом, он ни за что бы не узнал своего покровителя. У мистера Тэди исчезли его самоуверенность и надменность, и держался он так робко и подобострастно, как мелкий коммивояжер перед богатым клиентом.

— Еще несколько минут — и вы увидите чудо, мистер Норисон,— журчал вкрадчивый голос Тэди.— Вы увидите рождение новой звезды.

— Вы и в прошлом году говорили то же.

— Сейчас совсем другое. Это необыкновенный талант!

— Ваши необыкновенные таланты и звезды рассыпаются в прах при первом серьезном столкновении,— мистер Норисон не спеша раскрыл пачку дорогих гаванских сигар.— Да, рассыпаются, даже не успев возместить расходы, связанные с их взлетом.

Тэди молча проглотил пилюлю. Он поспешно чиркнул спичкой и поднес огонь к сигаре шефа.

— Такие таланты, мистер Норисон, рождаются раз в столетие. Клянусь благополучием Америки, что этот парень к

концу состязаний будет стоить дорого. Это самородок! Слиток золота!

На ринг вышла первая пара боксеров. В душном зале наступила тишина. Первый бой, как правило, не вызывает интереса. Бойцы самой низшей весовой категории — вес мухи — закружились в сложном напряженном танце, осыпая друг друга градом ударов. Оба работали быстро, как заведенные автоматы, казалось, что вместо рук у них к плечам прикреплены молотки. Публика следила за поединком без особого напряжения. Чувствовалось, что зрители ожидают чего-то необычного. А что оно непременно будет, никто не сомневался — ведь впереди схватки бойцов более тяжелых весовых категорий.

Одна за другой поднимались на ринг пары боксеров, сменялись судьи. Бои проходили напряженно и драматично, каждый из участников выкладывал все силы и умение, стремясь одержать победу. Однако в этом стремлении и в средствах достижения победы сквозило какое-то однообразие: средства защиты примитивны, бравирование «нечувствительностью» к ударам показное.

Это однообразие, несомненно, бросилось в глаза и мистеру Норисону, знатоку бокса и крупному спортивному боссу. К шестой паре он уже перестал смотреть на ринг, а к десятой заказал бутылку виски.

— Сейчас вы увидите настоящий бокс, мистер Норисон,— сказал Тэди.

— Меня интересует техника, а не темперамент.

— Сейчас будет и то и другое, мистер Норисон.

— Мой отец говорил, что, когда слишком много расхваливают товар, будь осторожен и смотри в оба.

— Я только этого и хочу, мистер Норисон, чтобы вы увидели своими глазами.

Когда судья на ринге вызвал следующую пару и бойцы поднялись на помост, мистер Норисон насмешливо бросил:

— Случайно, это не он — самородок?

Тэди, увидев на ринге Джэксона, даже не обратил внимания на насмешку, которая звучала в голосе шефа.

— Да, мистер Норисон, это он.

— Ты не лишен чувства юмора!

Появление на ринге Сиднея Джэксона было встречено молчанием, потом оно сменилось недоумением и кое-где прорвалось вспышками смеха. В своем далеко не спортивном наряде молодой боксер выглядел смешно. На нем были помятые трусы, а на ногах тапочки, тряпичные, самодельные. Сидней,

стыдясь своего наряда, смущался. Он неловко топтался на месте, не зная, как себя вести. Обескураженный вспышками смеха, он еще больше смутился, покраснел. Все это делало его каким-то неловким, беспомощным и провинциальным.

Никто не видел того, что в эти минуты творилось в его душе, какая там клокотала злость на мистера Тэди, который придумал для него такой шутовской наряд, на самого себя, что так глупо согласился, и на эту полупьяную толпу, встретившую его смехом и язвительными выкриками. Но зрители видели лишь внешность боксера и принимали его смущение и растерянность по-своему. Он казался им совершенно случайно попавшим на ринг.

— Хватит с меня маскарада,— грубо бросил мистер Норисон, вытаскивая за массивную золотую цепь карманные часы в дорогом футляре,— передайте шоферу, пусть заведет машину.

Тэди поспешно вскочил и, расставив руки, просяще заглядывал в глаза патрона:

— Умоляю вас, мистер Норисон, останьтесь!

— Время стоит доллары.

— Доллары сейчас родятся на ринге, мистер Норисон.

— Хватит того, что я потерял здесь полтора часа.

— Хоть один раунд, мистер Норисон!

— Меня ждут.

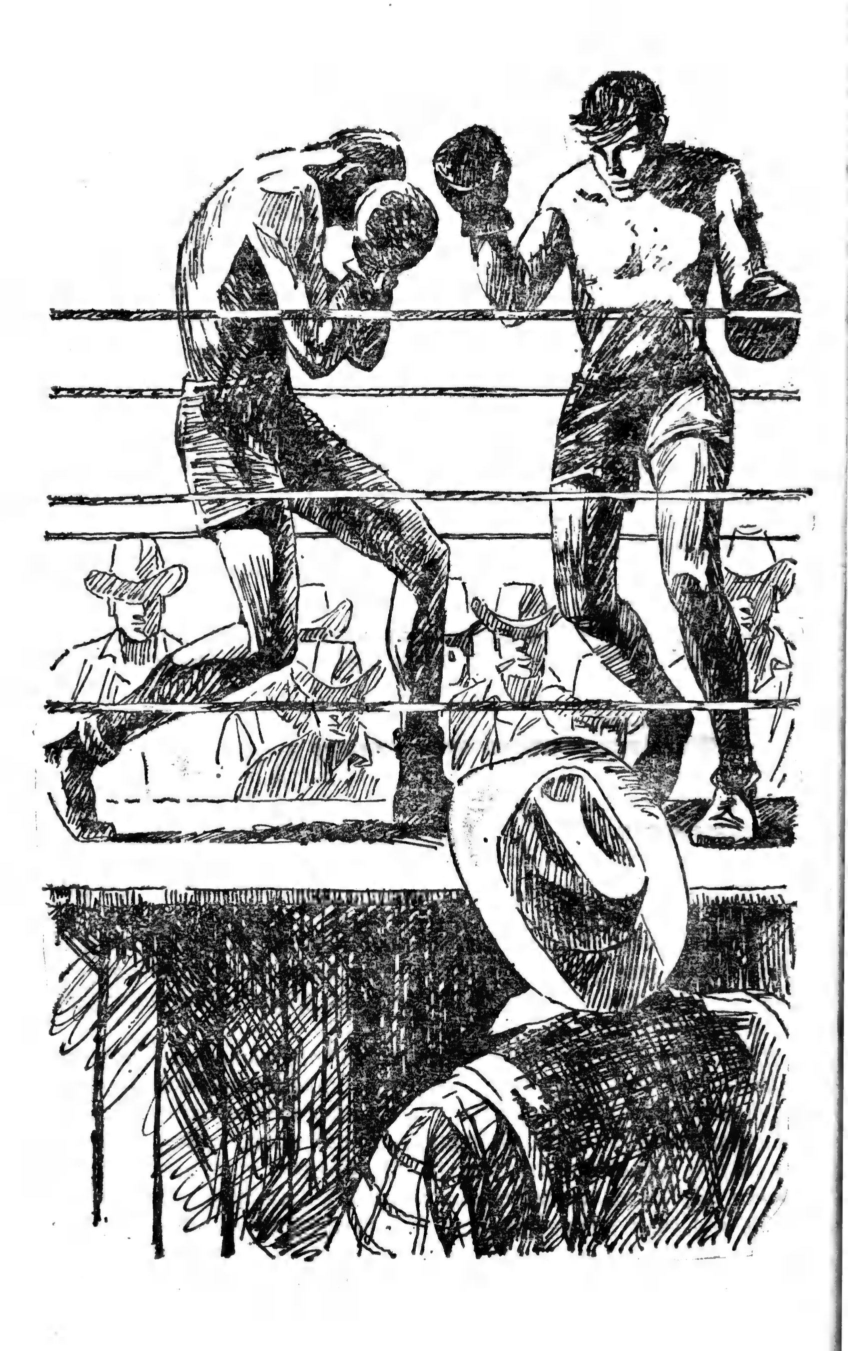
— Я вас все равно не пущу, мистер Норисон! — В голосе Тэди вместе с просьбой звучали нотки отчаяния.

Норисон молча опустился в кресло. Его маленькие глаза метали молнии.

— Хорошо, Тэди. Но этот раунд решит вашу судьбу. Я не верю в чудеса и намерен прекратить деловые связи с фантазерами.

Тэди ничего не ответил, только глубже втянул голову в плечи. Он уже мысленно проклинал себя за опрометчивость и настойчивость. А вдруг в самом деле Джэксон не оправдает возложенные на него надежды?

Противником Джэксона оказался черноволосый, хорошо сложенный парень. Выпуклая грудь, налитые руки и могучая шея внушительно говорили о его силе, а самоуверенность и насмешливая улыбка, блуждавшая на узких губах, красноречиво раскрывали его намерения. Сейчас он покажет класс бокса. Публика, настроенная весело, выкриками подзадоривала его, как подзадоривают пса ринуться на ободранную кошку, неожиданно появившуюся на улице, где нет ничего, на что бы она могла вскарабкаться и избежать острых клыков.

— Дай этому хобо!

— Держи, парень, свои ребра, а то растеряешь!

— Смотрите, он сейчас расплачется!

Звук гонга вернул Джэксону спокойствие, заставил сосредоточиться и собраться. Едва услышав его, Сидней снова стал тем, кем он был всегда на ринге — агрессивным и стремительным. Чуть пригнув голову и приняв боевую стойку, он двинулся навстречу приближающемуся противнику.

Схватка была необычно короткой. Она продолжалась не более одной минуты. Зрители, приготовившиеся смотреть потешный бой, или, вернее, избиение провинциального парня, были ошеломлены. Они видели, как Айк Дебсей, противник Джэксона, ринулся стремительно и неудержимо, как он обрушил ураган ударов на провинциального парня, словно демонстрируя технику проведения молниеносных серий ударов...

И вдруг все кончилось. Развязка наступила так быстро и так неожиданно, что многие не поверили своим глазам. На ринге по-прежнему стоял немного смущенный, но уже спокойный Джэксон, а его противник лежал на сером брезенте. Он рухнул плашмя, словно подброшенный сверхъестественной силой. Судья на ринге, овладев собой, неторопливо властным движением руки отстранил Джэксона и открыл счет:

— Раз...

Мистер Норисон сидел как завороженный. Чуть подавшись вперед, он неотрывно смотрел на ринг и своими маленькими глазами видел гораздо больше, чем остальные зрители, вместе взятые. Он понимал то, что для многих казалось чудом. Он видел мастерство! Мастерство высокого класса. Победу ума над темпераментом и сумбурностью. От цепкого взгляда Норисона не ускользнула ни одна деталь. Он видел, с каким спокойствием молодой боксер окунулся в вихрь ударов и в отличие от своих сверстников не поддался искушению отвечать ударом на удар, не принял вызов, избежал силового, примитивного боя. Джэксон, держа руки свободными для действия, легко и красиво защищался. Защищался движением тела, уклонами, нырками, мелкими шагами в сторону или назад. Норисон пришел в восторг. Патрона особенно радовало в молодом боксере его умение чувствовать дистанцию. Надо же так уметь отклониться в сторону, чтобы перчатка противника прошла рядом в каких-нибудь двух-трех миллиметрах, или сделать такой, почти незаметный глазу, шаг назад, чтобы кулак соперника чуть-чуть не достал до подбородка!

Много замечательных боксеров повидал мистер Норисон

на своем веку, но такое встречать приходилось редко. Пусть у Джэксона еще не все отделано до конца, но в нем уже сейчас видны мастерство и талант. А когда Джэксон, освоившись с сумбурной атакой Дебсея, неожиданно спокойно выбросил левую руку и прямым ударом приподнял голову противника, Норисон, к изумлению своих соседей, сделал короткое движение правым плечом, как бы производя правый боковой удар в открытую челюсть. Только так надо сейчас бить! И Сидней Джэксон словно понял его мысль. Едва Дебсей приподнял голову, как в то же мгновение правая перчатка Джэксона мелькнула в воздухе.

При счете «семь» Дебсей открыл глаза, потом медленно перевернулся на живот. Глубоко вздохнул. Подтянул ноги и, опираясь на дрожащие руки, медленно поднялся. Публика приветствовала его одобрительным свистом и топотом:

— Айк, держись!

Но Айк больше не думал о бое. Шатаясь, словно из его тела вынули стальной стержень, он уныло и весьма выразительно махнул рукой и медленно побрел в свой угол.

Судья на ринге бросил вопрошающий взгляд на главного судью и, получив согласие, быстро подошел к Джэксону и поднял его руку:

— Победил Сидней Джэксон!

3

Успех сопутствовал Сиднею Джэксону. Четыре дня продолжались состязания. Четыре раза Сидней выходил на освещенный ринг. Четыре противника бросали против него свои кулаки, вкладывая в них все силы, знания, опыт. И через эту опасную полосу жестоких ударов Сидней упрямо прошел к финалу.

Если в первый день состязаний появление на ринге Сиднея Джэксона было встречено вспышками смеха, то к последнему дню он стал одним из самых популярных спортсменов. Его наступательная манера ведения боя, атакующий стиль, умение красиво, эффективно защищаться за счет движения корпуса и ног, сильно акцентированные удары, бросавшие даже опытных противников на серый брезент пола,— все это способствовало росту его популярности. И с каждой новой победой, когда судья на ринге поднимал руку Джэксона, в переполненном зрительном зале все громче и продолжительнее бушевала овация.

В финале Сидней Джэксон встретился с Ральдом Кранком, известным боксером, пользовавшимся большой популярностью. Кранк никакого отношения к состязаниям не имел. Его пригласили (за приличный гонорар) участвовать в первенстве под благовидным предлогом — повысить техническую грамотность, мастерство молодых спортсменов. Приглашая Кранка, организаторы состязаний преследовали более практическую, коммерческую, цель: они надеялись, что имя популярного боксера привлечет больше зрителей.

Поединок Джэксона с Кранком ожидался с большим интересом: оба бойца показали себя с самой лучшей стороны и прошли к финалу без поражений, одерживая победы нокаутом или ввиду явного преимущества. Все их противники побывали на полу. Зрителей, подогретых спиртными напитками и ставками тотализатора, волновал вопрос: кто же окажется сильнейшим? Победит молодость или опыт?

Поединок, как и следовало ожидать, проходил бурно. До третьего раунда никто, даже судьи, не решались определить, на чьей стороне перевес. Оба бойца демонстрировали такое высокое мастерство, что трудно было отдать предпочтение кому-нибудь из них.

Перед вызовом на ринг, еще в раздевалке, Максуэлл, старательно массируя мышцы Джэксона, настойчиво советовал:

— Не давай ему сосредоточиться. Ральд — мастер боя на средней дистанции, умеет проводить и развивать многосерийную атаку. Но его атаки идут волнообразно, одна за другой. Так вот, Сид, будь начеку. Лови его в промежутках между бросками. Старайся поймать момент, когда Ральд кончает атаку, и не давай ему отхлынуть для нового броска. Не давай! Опережай его!

Сидней слушал, разминался, делая легкую гимнастику, и все — словно в полусне. Если бы Максуэлл вздумал попросить своего ученика повторить его слова, то Сидней едва ли смог бы это сделать. Голова была, как никогда, ясна, однако все действия он совершал не по велению воли и разума, а скорее механически, в силу привычки. В груди ощущал непривычный холодок и даже чувство страха. Но этот страх был вызван не боязнью, а неизвестностью, словно он, Сидней, шел по узкой тропке у края бездонной пропасти. Ее глубина, скрытая синей дымкой тумана, тянула к себе, вызывая двойственное ощущение: опасности и желания ринуться в эту бездну, прочувствовать захватывающее дух ощущение полета. Ни до этого поединка, ни после, даже в более ответственных матчах, он никогда не испытывал такого волнения.

Джэксон не помнил, как он вышел на ринг, как начался бой. Волнение так сковало его действия, что первые секунды он защищался и отвечал механически, инстинктивно, не контролируя себя и не управляя своими действиями. Если бы Ральд был тонким психологом и смог бы понять состояние своего противника, бой окончился бы весьма быстро. Однако Ральд, немного обескураженный убедительными победами Джэксона в предыдущих схватках, действовал в первую минуту весьма осторожно, считая поведение Джэксона обманчивым. Он хорошо знал, что от новичков, от молодежи всегда можно ожидать всяких неожиданных трюков, которые порой приводили даже признанных мастеров к драматическому поражению.

Когда же судья на ринге, обеспокоенный слабой активностью боксеров, остановил бой и сделал обоим противникам замечание за пассивность, Ральд, использовав небольшую оплошность Джэксона, бросился в атаку. Ему удалось приблизиться на среднюю дистанцию и обрушить на Сиднея свою излюбленную комбинацию, состоящую из коротких ударов с акцентом на последний, боковой. Последний удар хотя и не попал точно в подбородок, но оказался достаточно сильным. Ральд провел его разом с поворотом корпуса, вкладывая в него вес всего тела.

Джэксон упал... Он не видел удара, а только почувствовал, что в его голове словно взорвалась бомба. В глазах — веер радужных искр, в ушах — гул и... необычная тишина. Ноги сами собой подкосились, и грубый холодный брезент обжег вспотевшую спину.

Это прикосновение к брезенту сильнее, чем удар, отрезвляюще подействовало на Джэксона. «Я на полу! Неужели?! Ведь так можно и проиграть!!!»

От этой мысли у Сиднея стало сухо во рту. В следующую секунду, опережая судью, который взмахнул рукой и открыл рот, чтобы начать счет, Джэксон пружинисто вскочил на ноги. Максуэлл делал ему отчаянные знаки обеими руками, как бы говоря: «Подожди, отдохни!» Но Сидней не обратил на него внимания. Он кинулся на Ральда.

Ральд Кранк был ростом не выше Джэксона, но значительно шире в плечах и обладал плотным торсом, кривыми, с железными мышцами ногами и массивными руками. Уроженец юга, загорелый и светловолосый, он выглядел более рослым и значительно более крепким, чем Джэксон. Спрятав усмешку, Ральд с радостью устремился навстречу сопернику. В поспешном броске Джэксона он увидел нерасчетливость и

опрометчивость молодости. Сейчас он проучит этого мальчишку!

Но Джэксон уже был не тот. Его словно подменили. Он снова стал таким, каким был раньше — расчетливым и агрессивным. Ральд, окрыленный успехом, не заметил этой перемены. Плотно сжатые губы и блеск глаз Сиднея он понял посвоему — парень решился на безрассудный бросок, на отчаянную атаку. Как это наивно! Опытный боец, оказавшись на полу, никогда так не поступит. Он сначала использует возможность отдохнуть, а потом начнет действовать.

Когда они снова схватились, Ральд понял свою ошибку, но было уже поздно. Легко уклонившись от встречного левого прямого и нырнув под летящий боковой справа, Джэксон, приблизившись, ударил снизу по корпусу и, поднимаясь, перенося вес тела на впереди стоящую ногу, провел короткий, как вспышка, крюк в голову.

Ральд нелепо взмахнул руками.

— Браво! — Зрители криком и свистом приветствовали Джэксона.

Но Ральд не упал. Его спасли тугие канаты ринга. Они, как тетива огромного лука, спружинили под тяжестью его тела и мягко выбросили вперед, на центр ринга. И хотя у Ральда в глазах мелькали радужные огни, он не потерял власти над собой. Удар потряс его, но не выбил из колеи. И опытный боец тут же воспользовался дополнительной силой, которую сообщили ему спружинившие канаты. Словно стрела, выпущенная из огромного лука, устремился он на Джэксона.

Сидней был начеку. Когда они сблизились, когда Ральд уже пустил в ход свои кулаки, Джэксон сделал быстрый шаг в сторону. Расчет оказался точным: Ральд пролетел мимо. Публика снова взорвалась возгласами одобрения:

— Да-вай, Сидней!

Так уж повелось, что зрители всегда на стороне молодости, горячо поддерживают того, кто осмелился вступить в единоборство с признанным мастером. Пусть острый и напряженный поединок проходил с переменным успехом, пусть оба бойца, достойные друг друга, демонстрировали разнообразные приемы защит и атак, стремительно наступали и ловко увертывались от ударов, все равно симпатии толпы были на стороне Джэксона. Люди остро переживали каждую его удачу и неудачу. Стоило Сиднею перехитрить Ральда, усыпить его бдительность и провести удар, как по всему залу перекатывался одобрительный гул. А когда, наоборот, Кранк

умело использовал мельчайший промах Сиднея и бросал свой кулак в незащищенное место, толпа замирала, а потом из ее тысячеголового тела вылетало тревожное «ах!».

Если бы в это время спросили мистера Норисона, который неотрывно следил за всеми перипетиями поединка, он не осмелился бы ответить, кто из бойцов лучше, на чьей стороне преимущество.

Ценители боксерских поединков видели не бой, а захватывающую игру, чем-то отдаленно напоминающую схватку мастеров за шахматной доской во время цейтнота. У обоих боксеров умственное и физическое напряжение достигло предела, реакция молниеносная, каждый дорожит секундой и стремится сложными комбинациями, обманами и финтами[1] усыпить бдительность соперника и нанести решающий, сокрушительный удар.

После двух напряженных раундов Кранк еще был полон веры в свои силы. Третий, последний, раунд Кранк начал так, как и хотел. Едва прозвучал удар гонга, он кинулся к Джэксону. Пробежав ринг по диагонали быстрыми прыжками, Ральд оказался в углу Джэксона. Сидней едва успел сделать шаг навстречу, как был атакован и оказался в углу, будто в западне.

Порой боксеры на протяжении чуть ли не всей схватки безуспешно пытались загнать друг друга в угол. Угол ринга — это угроза поражения. Обычно опытные боксеры, заставив соперника очутиться в углу, реализуют благоприятную возможность окончить бой в свою пользу.

Тысячная толпа охнула. В наступившей тишине было слышно, как тупо ударяются перчатки о потные тела и тяжело дышат противники. Неужели Джэксон проиграет?

Максуэлл застыл на месте. Щеки его побелели. Неужели конец?

Мистер Норисон, не замечая, откусил конец сигары и стал его жевать. А Тэди беззвучно шептал:

— Сид, дружище... Сид...

Подняв руки в боевое положение, Джэксон инстинктивно отпрянул назад, защищаясь от Ральда, и оказался зажатым в угол. Кранк торжествовал. Стиснув зубы, он, смиряя волнение, бросился на Сиднея. Еще никому из его противников не удавалось выскочить из угла! В воздухе мелькнули черные перчатки Ральда, которые, как удары молота, обрушились на молодого боксера.

---

[1] Финт — ложное движение.

Но тут произошло совсем неожиданное. Поймав раскрытой перчаткой удар, Джэксон сделал шаг вперед, навстречу Ральду. В следующее мгновение, приблизившись вплотную, он положил левую ладонь на правое плечо Ральда, дернул его на себя, а правой рукой резко толкнул в другое плечо. Зрители восторженно ахнули: боксеры поменялись местами!

Все произошло так быстро, что Ральд не успел сообразить, куда и зачем его толкают, как сам оказался на месте своей жертвы. Он растерялся, инстинктивно согнулся, закрывая руками лицо и корпус. Но тяжелые удары Джэксона проходили и сквозь его глухую защиту, потрясая Ральда.

Тут вмешался судья на ринге. Нарушая правила состязаний, он пытался спасти репутацию известного мастера. Судья грубо оттолкнул Джэксона от Ральда, остановил бой и сделал Сиднею замечание за удар открытой перчаткой.

Замечание было несправедливым. Джэксон не нарушал правил. Сидней вспылил и попытался было доказать свою правоту, но судья не стал его слушать. Он дал команду продолжать поединок:

— Бокс!

На это самоуправство публика ответила ревом возмущения.

Однако дело было сделано. Кранк успел передохнуть и оправиться. Он негодовал: мальчишка его перехитрил! Лицо Ральда покрылось багровыми пятнами. Едва судья на ринге подал сигнал продолжать поединок, Кранк бросился на Джэксона. Вспышка злости вылилась каскадом серийных ударов. В этот бросок Ральд вложил весь оставшийся запас энергии. Наконец-то он понял, что теряет инициативу, а значит, теряет и победу.

Джэксон смело окунулся в вихрь ударов, который обрушился на него. Защищаясь уклонами, своим излюбленным способом, он дождался конца атаки и в тот момент, когда Ральд намеревался отпрянуть назад, сделал неожиданный резкий шаг вперед и сблизился вплотную с противником. Тот не ожидал такого маневра. Истратив запас сил в предыдущей атаке, Ральд искал передышки, короткой передышки, хоть на несколько мгновений, на два-три глубоких вдоха. Ему не хватало кислорода. Возраст, груз прожитых лет словно навалился на плечи, придавил, не давая свободно выпрямиться.

В зале бушевала толпа. Она неистово приветствовала успех Джэксона, который словно прилип к Ральду. Все видели, что еще минута — и сопротивление Кранка будет окончательно

сломлено. Однако этого не произошло. Глухой звук гонга спас боксера от разгрома.

После короткого совещания судейская коллегия единогласным решением присудила победу по очкам Сиднею Джэксону.

Ральд Кранк, с трудом скрывая недовольство, скроил на посеревшем лице улыбку и пожал руки Джэксону:

— Поздравляю, парень. Ты можешь далеко пойти. Желаю успеха!

А в душе, проклиная все на свете, Ральд готов был съесть его живьем. В лихорадочно работавшем мозгу уже созревали мысли о реванше.

Сидней Джэксон, блестящий от пота и бесконечно счастливый, стоял в центре ринга и не знал, что делать дальше. Счастье, ощущение победы было так велико и значительно, что он растерялся. Приветственный гул толпы, который в пылу схватки он, естественно, не слышал, сейчас обдавал его с ног до головы, поднимал и окрылял.

Максуэлл вне себя от восторга молодо перескочил через канат ринга и, широко расставив руки, кинулся к своему любимцу, обнимая и целуя его.

Тут же состоялось и награждение победителей. Джэксону вручили небольшой серебряный кубок. Представитель парфюмерной фирмы под аплодисменты преподнес Сиднею и главный приз. (Судьи и тренеры единогласно решили, что бой Джэксона с Кранком самый лучший, а мастерство молодого боксера выше, чем у всех других участников.) Фотокорреспонденты, обступив Джэксона, щелкали аппаратами. Они заставляли Сиднея становиться в разные позы: то с открытым парфюмерным набором, то с одеколоном в руках, то выдавливать на ладонь пасту или крем.

Смущенный Джэксон машинально выполнял их пожелания и капризы.

Тэди, с трудом сдерживая рвущийся наружу восторг, заглянул в лицо патрона:

— Ну как, мистер Норисон?

Тот сохранял невозмутимое спокойствие. На его круглом лице, в маленьких глазах, во всем облике можно было увидеть скорее равнодушие, чем заинтересованность. Но Тэди хорошо знал повадки своего патрона. Равнодушие и спокойствие говорили о том, что Норисон уже заинтересовался. Ведь не зря же он торчал все дни на состязаниях!

Мистер Норисон не сразу ответил на прямой вопрос. Он помолчал, не спеша полез в карман, достал сигару. Тэди под-

нес ему огонь. Сделав глубокую затяжку, Норисон вытащил чековую книжку и ответил вопросом:

— Сколько?

У Тэди прыгнуло сердце. Он оценивал Джэксона выше других. Обычно за способного молодого боксера он получал двести — триста долларов. За Джэксона он намеревался взять не меньше пятисот. Такие таланты — редкость! Однако, зная скупость Норисона и его привычку торговаться, выдохнул одно слово:

— Тысячу!

И тут же испугался своей дерзости. Уж слишком, показалось, много запросил. Еще, чего доброго, мистер Норисон обидится. Тэди хотел было добавить, что он запросил приблизительно, что, мол, он, мистер Норисон, большой знаток бокса и сам знает цену Джэксону, но сказать этого не успел. Взглянув на мистера Норисона, он так и застыл с полуоткрытым ртом. Патрон молча выписал чек и протянул Тэди:

— Получайте.

У Тэди екнуло сердце. Он держал в руках чек на тысячу долларов, а в душе зрело ощущение опустошенности, словно его грубо и нагло провели, обворовали. Он негодовал сам на себя, на свою опрометчивость. Черт возьми, почему он так мало запросил?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Утром, едва переступив порог мастерской, он сразу оказался в центре внимания. Его обступили, расспрашивали, поздравляли. Один из парфюмерных наборов, который вручили ему за первое место, поплыл по рукам. Женщины нюхали одеколон, рассматривали крем, мыло, вертели в руках и с видом знатоков говорили о качестве пасты. Джэксон тут же раздарил все содержимое картонной коробки. Эвелин досталось туалетное мыло, отлитое в форме боксерской перчатки. Сидней сам выбрал для нее подарок:

— За работу. Трусы, что ты шила, так и ошарашили публику. Здорово!

— Если надо, еще сошьем! — нежно улыбнулась она.

— Нет, спасибо. Больше клоуном быть не собираюсь. Хватит!

— Сид, ты что ей дал? — Рита увидела в руках подруги мыло.

— Думаешь, если тебе твои перчатки в любом виде приятны, так и девушке тоже? Ей одеколон, духи нужны, а не это!

Джэксон недоуменно поднял брови. Как же он не подумал об этом? Но Эвелин стала утверждать, что фигурное мыло — ее мечта. И попросила еще отдать ей коробку:

— Если она не нужна тебе, конечно.

В мастерскую вбежал Майкл, тринадцатилетний подросток, ученик, размахивая утренним выпуском газеты:

— Сида пропечатали! Смотрите!

Все кинулись к нему, столпились, заглядывая в развернутую газету. Джэксону тоже хотелось взглянуть, но он с трудом заставил себя удержаться и даже изобразить на лице равнодушие:

— Они про всех там пишут.

— И не про всех, а только про тебя,— звонко выкрикнул Майкл.— С портретом!

Джэксон не выдержал. Он протиснулся к газете, заглянул через головы. На четвертой странице фотография: улыбающийся спортсмен держит открытой коробку парфюмерного набора. Сидней вспомнил, как озаряли его вспышки магния, как щелкали фотографы, уставясь в него зрачками аппаратов.

— Ловко сняли,— сказала тетушка Мэри,— прямо живой!

— И весь набор можно рассмотреть, каждую вещицу,— добавила Рита.

Стали читать вслух подпись. В ней сообщалось, что это победитель боксерского первенства Сидней Джэксон с призом, учрежденным парфюмерной фирмой. Далее следовало описание приза, назначение каждой парфюмерной новинки, восхваление качества, способы применения.

Рабочие мастерской не обратили на это внимания. Для них главным было то, что они видели и читали не о ком-нибудь далеком и неизвестном, а о хорошо знакомом человеке, с кем они сталкиваются каждый день. Еще вчера Джэксон был для них просто хорошим парнем, немного странным, увлекающимся спортом. А сегодня он словно перерос их на целую голову, стал каким-то другим.

Люди по-разному воспринимают удачи своих товарищей по труду. Одни открыто радуются, другие завидуют.

— Судьба — она слепая,— можно услышать из уст завидующих.— Одаряет наугад!

Но никто из них в такие времена не вспомнит о том, что совсем недавно он еще посмеивался над упорством своего товарища, над его «никчемным» увлечением. Никто из них не помнит о том, сколько пота пролито, сколько энергии затра-

чено, сколько вечеров потеряно. Каждый видит только награду, не думая о том громадном труде и напряжении, которыми заплачено «слепой судьбе».

Все снова поздравляли Джэксона. Смущенный и счастливый, он не знал, как себя вести.

— Теперь Сид уйдет от нас,— сказала тетушка Мэри,— чего ему торчать здесь!

— И не подумаю,— быстро ответил Джэксон. Но в этом поспешном ответе все услышали скорее подтверждение словам тетушки Мэри.

Из-за двери неожиданно выкатил Олт-Гайтман. Все сразу притихли, застыв на месте. Разбегаться по рабочим местам было уже поздно. Но Олт-Гайтман словно не обратил внимания на то, что работницы не на своих местах. Подняв очки на лоб, он с минуту рассматривал Джэксона, словно видел его впервые, потом морщинистое лицо его расплылось в улыбке:

— Прими и мое поздравление. Очень рад!

Он долго тряс обеими руками руку Сиднею, приговаривая:

— У тебя уже есть кусочек славы. А слава — это доллары!

— Так уж и доллары,— отшутился Джэксон, вспомнив о том, что где-то читал в книгах: слава — пустой звук или яркая заплата на грязной одежде.

— Ничего еще в жизни ты не понимаешь. Молодой человек, поверь мне, что даже за маленький кусочек славы,— Олт-Гайтман показал кончик мизинца,— люди платят очень много долларов.

— Платят, чтобы получить славу? — переспросил Джэксон, хитро сощурив глаза.

— Еще как платят.

— А сама слава? Что она дает? — И Сид, довольный своей находчивостью, выпалил: — Известность не доллары. В карман не спрячешь, за долги не расплатишься.

Олт-Гайтман снова устремил на него свой цепкий взгляд, помолчал, покачал головой:

— Слава, молодой человек, делает деньги. Да еще какие! Лучше всякого банка. Только успевай стричь проценты.

— Что-то я не совсем понимаю.

— Не понимаешь? — В сощуренных глазах Олт-Гайтмана забегали хитринки. Он кивнул на газету: — Сколько тебе заплатили парфюмерщики за эту рекламу?

Джэксон отрицательно замотал головой:

— Нисколько.

— Так-таки нисколько не заплатили?

— Я же говорю: нисколько.

— Ни одного доллара? — В голосе хозяина звучало недоверие.

— Даже ни одного цента,— Сидней нахмурился. Что за дурацкие вопросы? Его сфотографировали как победителя, вот и все. При чем тут реклама?

— Значит, тебя надули,— сделал заключение Олт-Гайтман.

— Меня?

— Конечно, не меня. Так иногда делают с новичками.

— Что делают?

— Надувают, обманывают, водят за нос. Теперь понял?

— Нисколько.

— А надо бы уже понять,— строго сказал Олт-Гайтман.— Ты добрый парень, у тебя чугунные кулаки и отзывчивое сердце. Но в наши дни, молодой человек, все делают деньги. Делают деньги! Из чего? Изо всего. И безусловно, в первую очередь из человека. Ведь люди — такая замечательная руда для выплавки благородного металла! Взять, например, тебя. В твоих руках появился кусочек славы. Ты даже не знаешь, что с ней делать, ты не имеешь никакого представления о том, как из нее выжать доллары. А опытный коммерсант сразу это увидал и — делает деньги.

Сидней пожал плечами:

— Каким образом?

— Посмотри на газету. Вот полоса рекламы. Объявление на объявлении, реклама на рекламе. Тут трудно разобраться. Так? А вот на другой странице твой портрет. Красиво, привлекательно. Могу по секрету сказать, что девушки и молодые дамы не пропустят его. Такой парень — мечта многих! И если бы была только одна твоя фотография, никакой коммерции в этом не было бы. Но здесь не так. Ты держишь в руках раскрытую коробку — новинку парфюмерной фирмы. Поверь старику — это не случайно. Используя твою победу, твою наружность, парфюмерщики сделали отличную рекламу. Каждая мадемуазель, увидев такого парня и в его руках духи, захочет узнать подробнее и прочтет подпись под фотографией. А в ней — описание новых марок помады, одеколона, мыла, всего того, без чего не может обойтись женщина. Теперь ты понял меня?

В словах Олт-Гайтмана была правда. Грубая, оскорбительная. Неужели добродетель парфюмерщиков была просто холодным расчетом, коммерческим делом?

— Молодой человек, я хочу тебе только добра. В будущем

будь более осмотрительным и благоразумным. Никогда не спеши. Быстрота, может быть, нужна в вашем боксе, но в коммерции важен расчет. Расчет! — Олт-Гайтман поднял палец.— Пойми главное правило и никогда не отступай от него: сначала договорись, а потом действуй.

Олт-Гайтман еще долго наставлял Сиднея. За свою жизнь Олт-Гайтману приходилось видеть многое. Он был живым свидетелем ослепительного взлета многих звезд и наблюдал их падение. И по многолетнему опыту был убежден, что звезды кто-то зажигает на небосклоне, заставляет сверкать или гаснуть.

Джэксон слушал, и в его душе рождался протест. Ему хотелось заткнуть уши и бежать подальше от назойливого старика. Ведь теперь он не просто разносчик швейной мастерской, каких только в их районе можно насчитать сотни, а боксер Сидней Джэксон, имя которого стало известно многим. И не только известно, а даже привлекло внимание печати. Шутка ли сказать — его портрет опубликован в газете! А скрипучий голос Олт-Гайтмана бесстыдно раздевал, обнажал его успехи, показывая в величии — обыденность, в славе — расчет и коммерцию.

2

Джэксон быстро шел по тротуару, неся на дом выполненные заказы. Улица, с ее шумом и многолюдьем, была его родной стихией. Сколько лет он мерял ее своими шагами, выполняя советы тренера...

Максуэлл во всем, буквально во всем видел возможность специализированной тренировки, дополнительные упражнения и нагрузки на организм. Именно по его совету Сидней Джэксон, еще будучи подростком, отказался от транспорта и стал ходить только пешком.

На первых порах совершать большие пешие маршруты было трудно, и к вечеру у Джэксона ноги становились чугунными. Но со временем, когда стала вырабатываться выносливость, когда юный организм начал бурно набираться сил, хождение стало потребностью.

Совместно с Максуэллом он разработал систему упражнений, которые выполнялись на ходу во время разноски заказов. Она совершенствовалась и дополнялась с каждым годом и со временем превратилась в сплошную цепь гимнастических движений, способствующих развитию различных групп

мышц, повышению выносливости, выработке координации движений и даже резкости.

Правда, встречные прохожие часто с недоумением поглядывали на него, торопились уступить дорогу. Другие посмеивались, а пожилые горожане и дамы шарахались в сторону, бормоча:

— Сумасшедший!

А Джэксон продолжал свое дело. Изо дня в день, неделя за неделей, год за годом он с железным упорством проделывал титаническую работу. Ежедневно ему приходилось проходить пешком по людным улицам по два-три десятка километров. И не просто проходить. Доставляя заказ по адресу, Сидней знал маршрут и мысленно делил его на участки. Каждый из таких участков он проходил в определенном темпе, определенным шагом. Темп в зависимости от обстановки и поставленной задачи был от медленного, для отдыха, до стремительного марш-броска. Шаги также были различны: мелкие, средние, широкие, с подскоком, скользящие, вприпрыжку.

И конечно, большое место отводилось спокойной ходьбе, во время которой тренировалось дыхание.

Как правило, Сидней чередовал легкие упражнения с трудными, сложные с простыми. Например, выходя из мастерской, он сначала шел не торопясь, в среднем темпе. Это была разминка. Пройдя несколько кварталов, разогрев организм, Джэксон приступал к выполнению упражнений. Он мысленно намечал впереди точку, например кондитерский магазин, и шел до него только на носках, не касаясь пяткой тротуара. Потом опять простая спокойная ходьба, отдых и — следующее задание.

Описание тренировок на улице будет неполным, если не упомянуть о лестницах. Подъемы на восьмой — десятый этаж были тоже частью учебного процесса. Шагая по ступенькам, боксер отрабатывал удары ближнего боя. Он мысленно видел перед собой воображаемого противника и делал движения и повороты корпуса одновременно с ударами. Удары были самые разнообразные: боковые и снизу, с переносом веса тела на противоположную ногу (например, левый удар снизу с упором на правую ногу) и без переноса, частые удары за счет быстрого движения корпусом и сильные акцентирующие, в которые вкладывается вес всего тела. Лестничные площадки тоже использовались им.

И так квартал за кварталом, день за днем, год за годом. Улица, тротуар с нескончаемым потоком пешеходов были для Джэксона огромным спортивным залом, стадионом, где он

упорно тренировал свое тело, совершенствовал нервную систему, повышал боксерское мастерство. Кто знает, стал бы он чемпионом, если бы не было этих ежедневных самостоятельных тренировок.

3

«Когда американская фортуна улыбается, она излучает доллары» — эту поговорку Сидней Джэксон вспомнил невольно в тот же вечер, когда, усталый и счастливый, довольный собой и жизнью, переступил порог своего дома.

В тесной комнате пахло праздником. Именно праздником и именно пахло. В старательно прибранной комнате стол был уже накрыт. На нем, в обрамлении тарелок, наполненных всякой снедью, начиная от бобов и кончая салатом, возвышалось, как остров среди прибрежных рифов, овальное блюдо с запеченной индейкой.

Блюдо было семейной реликвией и береглось пуще глаза. Сидней знал, что это блюдо, с зеленой каемкой и синими цветочками по краям, было свадебным подарком матери. Оно обычно хранилось в шкафу, и только в праздничные дни миссис Джэксон доставала блюдо и водружала его на стол.

Сидней хорошо знал, что нынче никакого праздника нет. Что стол накрыт в его честь. Едва боксер переступил порог, к нему сразу устремилась мать, сияющая, помолодевшая:

— Мой мальчик, тебя давно ждут!

И тут Джэксон увидел своего тренера Максуэлла, в темном парадном костюме, с белым платочком, торчащим из бокового кармана,— нарядного и торжественного, словно он собрался участвовать в параде. Рядом с ним стоял какой-то незнакомый джентльмен, значительно уступавший тренеру в росте, но превосходящий его в полноте.

Сиднею бросился в глаза наряд незнакомца: серый клетчатый костюм модного покроя из дорогого шерстяного трико, лакированные черные туфли, шелковые полосатые носки. Золотая цепочка, поблескивающая на выступающем животе, да массивное кольцо, украшавшее пухлый указательный палец, как бы подтверждали, что этот джентльмен принадлежит к тем, кто привык повелевать. Такие наряды простым смертным не по карману.

Джентльмен вместе с Максуэллом подошел к Сиднею и, словно они сто лет были знакомы, дружески хлопнул боксера по плечу.

— Хелло, Сид! Мы уже успели без тебя познакомиться со всем семейством. У тебя, старина, замечательная мать,— он говорил быстро и просто, маленькие глаза его приятно лучились, а на розовощеком круглом лице расплывалась самая искренняя улыбка, такая улыбка, от которой на душе становится тепло.

— У нее золотые руки. Не успели мы с Максуэллом осмотреться, как она воздвигла такой стол! Просто объедение! Приглашай нас!

Незнакомца звали мистер Норисон. Максуэлл сообщил Сиднею, что мистер Норисон является крупной фигурой в спортивном мире, что он смотрел соревнования и заинтересовался Джэксоном.

— Кажется, нам улыбается счастье,— шепнул тренер.

Слова тренера были ошеломляющи. Шутка ли — сам президент ассоциации! Неужели наконец пришло то, к чему он, Сидней, стремился столько лет?

Миссис Джэксон, растерянная от радости и гордости за себя и сына (ему оказывают такое внимание!), всячески хотела отблагодарить влиятельных гостей и поминутно говорила:

— Вы извините, мистер Норисон, может быть, что не так. Мы бедные люди.

Иллай сидел молча. Он не знал, куда деть руки, большие, мозолистые, рабочие руки, изъеденные химикатами, такие послушные и сильные там, на заводе, и столь ненужные и беспомощно-некрасивые здесь, за столом.

Что касается Риты, то она ничего не ела, а только смотрела на мистера Норисона. Смотрела и не верила — неужели ее брат, Сид,— почти знаменитость!

Мистер Норисон говорил больше всех, и Сидней с радостью слушал его. Тот восхищался семьей Джэксонов, трудовой, настоящей американской, не испорченной заразой социализма (Иллай криво усмехнулся и нагнул голову к тарелке), восхищался миссис Джэксон, настоящей американкой, сумевшей вырастить и воспитать детей, бодрых, жизнерадостных и трудолюбивых, восхищался Сиднеем, чей талант и мастерство станут гордостью Штатов, его — парня из народа — вся Америка будет скоро носить на руках.

Потом мистер Норисон велел вызвать домовладельца:

— Да, да, вам надо сейчас же перебраться в другую квартиру. Подумать только: лучший боксер живет в таком чулане! Нет, нет, так не годится!

О том, что у Джэксонов нет денег, он не хотел и слушать.

Пришел домовладелец, заспанный, удивленный и услуж-

ливый. Мистер Норисон тоном, не терпящим возражения, сказал, что семью будущего чемпиона нужно поселить в приличную квартиру.

— Все расходы я беру на себя.

И тут же выдал оторопевшему домовладельцу чек с трехзначной цифрой. Тот, схватив зеленую бумажку, долго кланялся и ушел, пятясь задом к двери.

Мать Сиднея не знала, как и благодарить мистера Норисона. Она теребила в руках салфетку и повторяла:

— Зачем такие большие расходы... Мы простые люди, мы и так, как все...

Иллай и Рита молчали, словно вдруг лишились дара речи. Они не верили ни ушам, ни глазам. Не верил этому и сам Сидней. Он старался держаться свободнее, непринужденнее, однако это ему не удавалось. Руки и ноги словно одеревенели, а язык превратился в кусок жести.

— Ну что вы застыли, как мумии? — набросилась на них мать.— Откройте рты, поблагодарите!

— Что вы, что вы, я ничего особенного не сделал! — отмахнулся мистер Норисон.— Я только исполнил свой долг.

Не успели все прийти в себя от щедрости мистера Норисона, как тот стал читать пункты контракта, перечислять проценты расходов и прибыли. Из сложного каскада расчетов и процентов Сидней так ничего и не понял. Он не знал — хорошо это или плохо. Единственный, кто мог бы ему помочь разобраться в сложном вопросе, был Максуэлл. Тот, сохраняя спокойствие, с невозмутимым видом молча сидел за столом. По его виду можно было сделать заключение, что все происходящее в комнате его не интересует. Но это было не так. Тренер волновался не меньше своего ученика. Еще бы! Тот выходит на самостоятельный путь, на тот, на который некогда он сам выходил вот так же стремительно и многообещающе. Волнение тренера выдавали пальцы. Они торопливо разминали хлебный мякиш.

Сидней бросил на него умоляющий взгляд. Он просил о помощи, просил совета. А что тот мог ответить своему ученику? Сказать, что проценты занижены, что расходы завышены, а пункты составлены таким образом, что в любой ситуации пострадавшим, виновным окажется боксер?

Нет, он не мог так сказать. Не мог!

Много на то имелось причин. И одна из них заключалась в том, что с этим контрактом связывалась и его судьба. Мистер Норисон брал Максуэлла тренером и секундометристом, обусловив на три года постоянный заработок и, в случае бле-

стящего успеха, возможность получать еще больше. Что поделаешь, когда за плечами лишь груз прожитых лет, а впереди старость!

Разум, расчет управляли действиями тренера. На душе было тревожно. Недремлющая совесть била тревогу, призывая спасти талантливого ученика от цепких щупалец золотого осьминога, который, заметив жертву, вопьется в нее и не отпустит до тех пор, пока не высосет из нее всю кровь...

Да, если бы по-честному, по-справедливому, то Джэксона ни в коем случае не следовало бы отдавать в лапы добродушного на вид мистера Норисона. По-честному, по-справедливому... А где они есть, эти честность и справедливость? В американском спорте?! Нет, Максуэлл не из тех, кто верит в справедливость. Он хорошо знает, что если удастся избежать щупалец одного дельца, то нет гарантии, что тут же не попадешься в клещи другого, еще более алчного и кровожадного. Так было всегда. Так начинали свой путь большинство прославленных спортсменов. Да и не только прославленных.

Все эти мысли проносились в голове тренера, пока он слушал мистера Норисона, читавшего с выражением пункты контракта. В содержание контракта Максуэлл не вдумывался, ибо уже знал его наизусть. Накануне он спорил с мистером Норисоном до хрипоты, отстаивая интересы Сиднея и свои, однако почти ничего путного не добился. «Против меча надо выходить с мечом, а против золота — с золотом» — говорится в ирландской поговорке. Ее не раз вспоминал Максуэлл. Будь у него состояние, разве стал бы он совать свою шею в ярмо или надевать его на своего любимца!

— А теперь, Сидней, небольшая формальность. Поставьте свою подпись вот здесь,— мистер Норисон показал пальцем место.— И вы с Максуэллом можете начать подготовку к турне по городам Штатов. Я правильно предвидел, считая, что лучше Максуэлла для вас нет тренера?

Сидней утвердительно кивнул головой:

— Он меня сделал боксером.

— О, мистер Норисон, мой сын с радостью принимает ваше предложение! — сказала мать. Она спешила отблагодарить заботливого и доброго господина.

Иллай отвернулся к окну, к своим цветам. Он не мог спокойно наблюдать, как прибирают к рукам, покупают силу и талант брата, покупают, как лошадь, как вещь. Но разве он мог возразить, помешать, предостеречь! Ему все равно это не удалось бы. Да и кто бы внял его справедливым доводам? Мать, обвороженная и обезумевшая от счастья? Рита, которая так

ничего и не поняла, а только восхищенно вздыхает? Этот тренер, насупленный и хмурый, на вид прямой и честный, а на деле, видимо, из той же компании? Что же касается Сиднея, то о нем и говорить нечего. От радости тот на седьмом небе.

В комнату снова протиснулся домовладелец:

— Миссис Джэксон, прошу вас осмотреть новую квартиру.— Увидев Норисона, он учтиво изогнулся перед ним.— О, мистер, прошу вас! Без вашего осмотра просто нельзя. Вы, только вы сможете дать настоящую оценку моим стараниям.

Мистер Норисон во главе всей компании пошел осматривать квартиру. Она была не из лучших. Обыкновенные комнаты, в которых торопливо мылись окна и клеились обои. Мистер Норисон хотел было потребовать лучшую квартиру, но, вспомнив, что чемпионы живут, как правило, в дорогих отелях, стал восхвалять старания домовладельца. Тот расцвел еще больше.

Когда наконец мистер Норисон вместе с Максуэллом ушли, миссис Джэксон крепко обняла своего младшего сына. По ее щекам одна за другой катились слезы.

— Ну что ты, мама... Не надо...

— Я от счастья... От счастья, мой мальчик... Был бы жив отец... Как бы он сейчас обрадовался!

А Рита внимательно рассматривала чек, читала цифру — триста долларов (это был аванс, в счет будущих успехов Сиднея) и, счастливая, повторяла:

— Ну кто бы мог подумать? А? Ведь даже и не снилось ничего подобного. Прямо как с неба свалилось!..

4

Новую квартиру освоили сразу. Одну комнату, с окном на улицу, заняли Сидней и Иллай, другую, что рядом с кухней, мать с дочерью, а среднюю сделали гостиной.

Сидней настаивал на покупке, пусть в кредит, новой мебели, но миссис Джэксон проявила настойчивость и, склонив на свою сторону Риту, доказала, что обстановку следует взять в комиссионном магазине.

— Пусть немного подержанная, но зато дешевле!

Миссис Джэксон привыкла экономно жить и бережно тратить каждый цент. К тому же дочь была в том возрасте, когда следовало серьезно думать о ее будущем. Рита с полунамека поняла мать, и, конечно, две женщины сумели переубедить двух мужчин.

Квартира всем пришлась по душе. Миссис Джэксон была в восторге от кухни: новая газовая плита с духовкой и водопровод с кранами для холодной и горячей воды.

Рита восхищалась своей комнатой, Иллай широким окном и просторным подоконником (теперь у него будет настоящая оранжерея!), а Сиду больше всего нравились большая гостиная (есть место, где можно делать гимнастику) и ванная. Впрочем, ванная понравилась всем.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Мистер Норисон не ошибся. В первом же матче, который состоялся в Бруклине, молодой боксер блеснул своим талантом. Стремительный и неутомимый, он в первых же раундах своей четкой защитой сбил с толку могучего «молотобойца» Гренвиля. Того самого Гренвиля, который хвастался своей огромной силой, повторяя, что отработкой техники, и особенно элементов защиты, увлекаются, как правило, только трусоватые или немощные.

Свою аргументацию Гренвиль подтверждал делами на ринге. Открыто пренебрегая защитой, он шел на противника, как железный таран, пробивая любую оборону своими мощными прямыми ударами, о которых ходили легенды, что каждый из них страшнее пушечного ядра.

Дружки «молотобойца», а с ними заодно и бруклинские знатоки бокса были явно ошеломлены, когда во втором раунде на полу оказался их любимец. Одни не поверили своим глазам, а другие сочли точный удар Сиднея чистой случайностью. «Молотобоец» сейчас покажет себя! Он разделает под орех мальчишку! Однако этим предсказаниям не суждено было сбыться. Бешеные броски «молотобойца» разбивались о стойкую защиту Сиднея.

Внешне Сидней выглядел по сравнению с потерявшим самообладание Гренвилем кротким и невозмутимо спокойным. Бой с громадным рыжеволосым ирландцем, казалось, доставлял ему удовольствие. Он, как бы играя, легко уклонялся от очередного броска «молотобойца» и, когда тот по инерции пролетал мимо, наносил сильные короткие удары. Они не были эффектными. Многие их даже и не замечали. Но от них, точных и сильных, Гренвиль оказывался на полу.

К концу третьего раунда превосходство техники над гру-

бой физической силой было настолько очевидным, что в зрительном зале стали раздаваться насмешливые возгласы:

— Малыш, пожалей взрослого дядю!

Судья на ринге после очередного падения «молотобойца» вынужден был остановить поединок и присудить победу Сиднею Джэксону ввиду явного преимущества.

Такое решение оказалось не по душе Гренвилю. Тяжело дыша, как загнанная лошадь, он вступил в пререкания с судьей. «Молотобоец» не хотел признать свое поражение.

Судья сделал ему замечание. Под одобрительные крики своих поклонников Гренвиль, размахивая руками, стал кричать на судью. Сидней пожал плечами и отошел в сторону, наблюдая, как судья и боксер в энергичных выражениях выясняют свои отношения.

Через канаты на ринг перелезли два рослых полицейских. Красноречиво размахивая дубинками, они вежливо предложили разбушевавшемуся боксеру покинуть помещение:

— Представление окончено, сэр!

В раздевалке мистер Норисон сдержанно похвалил Сиднея, а Максуэлл превратился в заботливую няню. Он расшнуровал Сиду перчатки, размотал бинты, помог разуться и, радостно похлопывая по плечу, проводил в душевую:

— Ты сегодня молодчина! Давно я не видел такого боя. Восхитительно! Порадовал ты меня, словно тысячу долларов подарил.

— Подожди, старина, будут и доллары.

— Да разве в них счастье, Сидди? Здоровье и сила не оцениваются чековыми бумажками. А талант? Талант, мальчик,— это вместе со здоровьем и силой бесценное состояние! Вот чем ты обладаешь.

Пока боксер и тренер мылись в душе и одевались, мистер Норисон занимался бухгалтерией.

Приобретая еще одного боксера, чей талант был бесспорен, но, как неотшлифованный алмаз, пока не имел должной цены, мистер Норисон решил сначала создать молодому спортсмену имя, «отшлифовать» его в нескольких матчах с известными боксерами. Антрепренер знал, что организовать подобные встречи — дело далеко не легкое, ибо каждый профессионал был весьма щепетилен в выборе своего противника и соглашался выступать только с равным или старшим по титулу. В этом заключалась своя логика: в случае поражения можно легко его объяснить и объявить о намерении взять реванш. Бой же с новичком в случае поражения грозил весьма печальными последствиями, падением репутации.

Однако Норисон, зная, что каждый профессионал жаждет как можно больше заработать, предлагал им независимо от результата матча три четверти гонорара. На эту приманку клюнули многие. Имя Джэксона еще ничего не говорило, и вполне естественно, у мастеров кожаной перчатки вспыхивало желание подзаработать, сорвать легкий куш, отколотив зеленого новичка.

Мистер Норисон выбирал Джэксону наиболее именитых противников, обладающих титулами чемпионов города, штата. Давая им высокие гонорары, он сам не оставался в накладе, компенсируя расходы ставками в тотализаторе. Уж он-то знал, кто окажется победителем и на чье имя можно ставить!

Победы Джэксона следовали одна за другой. Сидней нокаутирует «тигра» из Пенсильвании, выигрывает матч в Кливленде, заставляет отказаться от продолжения поединка длиннорукого «гориллу» из штата Нью-Джерси. Успех сопутствовал ему, судья на ринге неизменно поднимал вверх перчатку Сида:

— Победил Джэксон!

Многие профессиональные боксеры стали завидовать успехам молодого спортсмена. «Парню улыбается судьба»,— говорили одни. «Парню просто везет!» — вторили им другие. Но только антрепренер, тренер и очень немногие из близких знали секрет «везучести» Джэксона.

Он тренировался ежедневно. Его тренировки измерялись часами. Кроме того, на следующий день после боя он не бездельничал, как другие, а отдыхал активно: колол дрова, пилил бревна или совершал многочасовые загородные прогулки.

2

Олт-Гайтман всячески стремился удержать Сида в мастерской. Имя молодого боксера служило отличной рекламой. О каждом его поединке писали в спортивных отчетах. Журналисты не бескорыстно восхищались талантом Джэксона. За каждую строчку помимо основной платы они получали двойной гонорар от мистера Норисона. И Олт-Гайтман старательно выреза́л репортажи и статьи, в которых упоминался его рассыльный Сидней Джэксон, и подклеивал их в страницы альбомов мод, которые лежали на столе к услугам заказчиков.

Но Сид появлялся в мастерской ателье все реже и реже. Сначала он отвоевал время на тренировки, потом договорился

с Олт-Гайтманом о том, что накануне состязаний также не будет работать. Потом не приходил по неделям. Популярность Джэксона как боксера росла с каждым новым поединком, и старик скрепя сердце шел на уступки, соглашаясь на все, лишь бы только совсем не упустить доходную рекламу. Готовые костюмы стали разносить заказчикам другие рабочие мастерской, ученики, а на долю Сида оставались только именитые, денежные клиенты, те, которыми особенно дорожил Олт-Гайтман.

Так было и сегодня. Олт-Гайтман сам упаковал в картонку выполненные заказы и, вручая Сиднею адреса, хитро улыбался:

— Для такого силача — это сущие пустяки. Одно удовольствие, а не работа.

— Мне уже начинает надоедать бегать с коробками,— хмуро ответил Сид.

— Надоедать? Почему же?

— Ну не надоедать, я не то слово сказал. Просто неудобно.

— Разве работать стыдно?

— Вроде того. Иной раз идешь по улице, и сзади тебя шепот. Или мальчишки окружат: «Сидней идет! Сидней идет!» Ну, разумеется, и все пешеходы глаза таращат. Хоть провались сквозь землю. А тут еще эта коробка. Грузчик не грузчик, рабочий не рабочий, просто что-то вроде лакея.

— Милый Сидди, я еще несколько лет назад предупреждал тебя. Помнишь? Ну скажи мне, помнишь слова Олт-Гайтмана?

— Да, помню.

— Вот-вот... Я все предвидел...

Джэксон молча пожал плечами. Потом взял корзинки и двинулся к выходу.

День был на редкость неудачным. Клиенты жили в разных концах города. Сиднею пришлось, чтобы успеть доставить за день все заказы, прибегнуть к помощи транспорта.

К вечеру у него оставались еще две картонки. Он прочел адреса. Какой-то Хлеркс из мебельного магазина и миссис Сильвия. Зная по опыту, что женщины любят подолгу копаться и рассматривать готовое платье, Сид решил сначала доставить заказ Хлерксу.

Тот оказался долговязым, тощим молодым исландцем. Он попросил минуточку подождать, пока отпустит покупателя. Минутка продлилась добрый час.

Настроение, и без того мрачное, было испорчено вконец. До каких пор он будет таскаться по городу с этими прокля-

тыми коробками? Что он, в самом деле, держится за место? Не пора ли кончать? Гордость, сознание своего нового положения, окрыленность успехами и надеждами требовали от Сиднея пересмотреть свое место в жизни, произвести переоценку ценностей. Однако разум, основываясь на простых арифметических подсчетах, упрямо твердил, что рисковать еще рановато, что еще не настало время лишаться такой, в сущности, легкой работы, обеспечивающей постоянный заработок.

...Миссис Сильвия жила в новом роскошном пятнадцатиэтажном здании. Негр-лифтер почтительно распахнул перед Джэксоном дверцу в кабину и склонил голову:

— Вам, масса, на какой этаж?

Сидней назвал имя клиентки. Негр издал какой-то звук, похожий и на восхищение и на удивление, захлопнул дверцу и нажал кнопку. Кабина бесшумно заскользила вверх.

Лифт только начал входить в моду и, естественно, вызывал у юного американца большой интерес. Джэксон даже помечтал о том, что со временем будем жить обязательно в таком доме, где есть роскошный лифт. Как это здорово придумано: нажал кнопку — и ты едешь вверх, нажал другую — вниз.

На площадке десятого этажа лифт остановился. Негр поспешно открыл кабину и указал пальцем на дверь квартиры:

— Вам сюда, масса.

Сидней кивком поблагодарил лифтера. Позвонил.

Дверь открыла молодая женщина. На ней был шелковый домашний халат синего цвета с широкими рукавами, обнажавшими до локтей руки, сильные, чуть тронутые загаром. Светлые волосы, волнистые, непослушные, спадали на плечи, обрамляя овальное лицо, на котором опушенные длинными ресницами смеялись голубые глаза.

Джэксон смутился и попросил провести его к миссис Сильвии.

Женщина улыбнулась и, сделав жест рукой, пригласила его войти.

Они прошли несколько комнат, и всюду Джэксон отмечал богатство и роскошь: дорогая мебель, картины в золоченых рамах, на окнах — тяжелые портьеры. Джэксон молча следовал за хозяйкой. Он уже догадывался, что миссис Сильвия и есть эта молодая женщина.

В просторной гостиной миссис Сильвия любезно предложила гостю сесть, а сама стала распаковывать коробку.

— О! Чудесно! Я так и думала. Прелестно!

Она внимательно рассматривала принесенный Сидом мужской летний костюм, прикладывая его к себе, заглядывала в зеркало и говорила, говорила... Голос ее, мелодичный, ровный, с каким-то приятным акцентом, был похож на голубиное воркованье, и, слушая его, Сидней невольно любовался молодой женщиной.

— Дик будет в восторге. Замечательно! Такого пляжного костюма нет ни у кого из его коллег. А он так волновался, бедняжка. Дик уехал еще на прошлой неделе и ждет не дождется, когда же я приеду к нему в Гавану. Вы бывали в Гаване? Нет? Какой там изумительный пляж! А море! А солнце!

Она так искренне восхищалась и так тепло поглядывала на Сиднея, что тот поддался ее обаянию.

— Это костюм Дика. А хотите взглянуть на мой? Мне его сегодня доставили из ателье. Новинка из новинок!

Она снова наградила Сида теплым взглядом своих голубых глаз и кокетливо улыбнулась:

— Нет, я не покажу его. Я лучше в нем покажусь.

До Сида еще не дошел смысл ее слов, как ее голос донесся уже из соседней комнаты:

— Подождите одну минуточку. Я быстро переоденусь. Вы, конечно, извините меня за навязчивость, но я просто в безвыходном положении. Мне не с кем поделиться, посоветоваться. А вы, бесспорно, специалист и по достоинству оцените мой наряд. Только, чур, одно условие: не льстить, говорить только правду. Согласны?

— Я всегда говорю только правду.

— Даже девушкам?

— Да, миссис.

— А сколько у вас подружек?

Сидней застеснялся:

— Ни одной.

— Так я и поверила!

— Ни одной,— на этот раз уже твердо произнес он.

— Все вы, мужчины, так говорите, а как начинаешь докапываться до истины, у каждого не меньше дюжины. Знаю я!

— Я боксер, миссис Сильвия.

— А разве боксеры — евнухи?

Сидней чувствовал, что земля под его ногами начинает гореть. Он знал, что ему пора уходить. Знал — и не уходил. Ему было приятно и страшно, словно он бросился в незнакомую реку и, борясь с течением, стремительно плыл куда-то в неизвестное и таинственное, радостное и зовущее. В словах

миссис Сильвии, в ее голосе была какая-то сила, которая покоряла его.

— А теперь войдите.

— К вам?

— Да, да, ко мне. Пожалуйста.

Едва Сидней шагнул в комнату, как остановился на пороге пораженный. Перед большим трюмо, стояла миссис Сильвия, одетая в пляжный костюм. Короткие, кончавшиеся чуть ниже колен, брючки синего цвета и широкая куртка из цветной материи, с большими пуговицами и карманами. Сильвия, заложив одну руку в карман, другой поправляла непослушные локоны.

— Как вы находите этот костюм?

— Чудесно! — выдохнул Сид.

— Вы даже не успели его рассмотреть.

— Я его видел в журнале, и он мне еще тогда сразу понравился.

— У вас тонкий вкус. Мне тоже очень понравился этот наряд.

Миссис Сильвия подошла вплотную, стала рядом и, взяв его под руку, прижалась к нему. Он чувствовал ее горячее дыхание и ощущал напряженными мышцами руки ее горячее тело.

Сидней, никогда еще не бывший с женщиной в такой близости, стоял как монумент, не смея дохнуть, пошевелиться. Так они простояли несколько секунд. У Сида на лбу выступила испарина.

— Мне пора,— пролепетал он.

Миссис Сильвия молчала. Глаза ее были полузакрыты.

— Мне пора,— повторил Сидней и стал осторожно освобождать свою руку.

Миссис Сильвия, недоуменно посмотрев на Джэксона, нервно передернула плечами:

— Молодой человек, как вас...

— Сид... Сид Джэксон,— ответил боксер.

— Да, да, Сид Джэксон. Вы меня, видимо, не поняли. Я возмещу вам, как это сказать...— она запнулась, подыскивая подходящие слова.— Я возмещу, вознагражу то есть, за все то время, которое вы потратили здесь. Вот возьмите.

Миссис Сильвия протянула боксеру десятидолларовый банкнот:

— Пожалуйста! Сдачи не надо.

У Сиднея кровь прилила к лицу. Это были не чаевые, не мелкая подачка за проявленную услугу, а нечто другое, оскор-

бляющее человеческую гордость, унижающее человеческое достоинство.

Миссис Сильвия не отходила. Она бесцеремонно разглядывала Джэксона.

— Вы так со всеми... или только со мной? — И в голосе ее уже не было голубиного воркованья.

— Со всеми,— буркнул Джэксон, направляясь к выходу.

— Странно, что вас до сих пор не уволили. Весьма странно.

Джэксон, не оглядываясь, устремился вниз по лестнице.

3

Очередная встреча должна была состояться в Балтиморе. Накануне отъезда Сидней побывал в гостях. Сам Морис Рэнди, поседевший, но еще крепкий, приходил пригласить боксера. Пожимая сильную руку спортсмена, старый трубопроводчик заговорщически понизил голос:

— Скажу по секрету, моя жена обещает вспомнить Францию и сварить настоящий луковый суп. Еда королей! Так что в субботу приходи, сынок. Уважь стариков.

Сидней хорошо знал, что ни Морис Рэнди, ни его жена никогда не были во Франции. Они родились и состарились в тесных кварталах рабочей окраины Нью-Йорка. Но их родители действительно были выходцами из Франции. Они покинули предместье Парижа, эмигрировали в Новый Свет, спасаясь от верной гибели. Участников баррикадных боев 1848 года ждала смертная казнь или пожизненная каторга. Однако в Новом Свете жизнь оказалась далеко не сладкой. Бедняки повсюду остаются бедняками.

В небольшой квартире трубопроводчика было уже тесно, когда туда вошли Сидней с Иллаем. Их прихода ждали с нетерпением. Об этом Сидней догадался по радостной, доброй улыбке миссис Рэнди, которая приветливо, по-матерински обняла и поцеловала его, по нарядной светлой рубашке и темному галстуку, которые глава семьи обычно надевал в праздничные дни, по шумному оживлению, которое сразу возникло в комнате. Среди гостей были пожилые рабочие, друзья Мориса, друзья отца Сиднея. Они хорошо помнили старшего Джэксона, тихого, скромного, трудолюбивого. Многих из них Сидней давно не видел и был рад встрече. Старик Питер хлопал боксера по плечу, спине, ощупывал тугие мышцы:

— Дуб, настоящий дуб! А был-то какой крохотный. Ты помнишь меня, а? Играл на коленях. А теперь вон какой!

Морис Рэнди потянул боксера к столу. Шумно двигая стульями, все стали усаживаться. На столе появился знакомый большой супник с отбитой ручкой. Из отверстия в крышке поднималась тонкая струйка пара, и в комнате распространялся аромат лукового супа. Пришел Жак с корзиной бутылок. Он торжественно поставил их рядом с супником и многозначительно подмигнул Сиднею:

— Батарея готова к бою!

Боксер поспешно поднял руки:

— Сдаюсь! Без боя.

— Что я слышу? — Старик Питер округлил глаза.— Джэксон сдается? Вы слышите, друзья? — и с напускной важностью стал отчитывать боксера: — Не смей даже думать так! Да еще без боя. Опозорить нас захотел, что ли? Мы привыкли слышать только одно, только о победах Джэксона!

Суп разливал сам Морис. О способностях его супруги все знали. Она отлично умела стряпать. Но на этот раз превзошла себя. Луковый суп оказался изумительным. Сидней, к удовольствию миссис Рэнди, дважды просил подлить.

Гости ели и пили. Пустые бутылки ставили под стол. Дешевое виски имело неприятный запах и, как утверждал старший Рэнди, «било по мозгам». Сидней, к неудовольствию стариков, даже не пригубил своего стакана. Ему налили содовой воды. Пили за его отца, который так и не увидел своего сына взрослым, сильным и знаменитым, за его мать, за профсоюзы, за лучшую жизнь. Трубопроводчик Корзас, захмелев, в сотый раз рассказывал о том, как отец Сиднея спас ему жизнь:

— Когда лопнула труба и газ с шипением вырвался наружу, все струсили. Ты помнишь, Морис? Меня сшибло, и я бы нахлебался газа, когда б не Луи Джэксон. Он, один он, пусть его душа будет вечно в раю, спас меня. Вынес! На своих плечах вынес!.. Пью за Джэксона! И за его сына! И за Иллая, за его светлую голову! Умница! Пьем за всех Джэксонов!

К Сиднею тянулись многие. Старик Питер беспрестанно обнимал боксера. Миссис Рэнди носилась как метеор на кухню и обратно, таща на стол горячие и пухлые гречневые блины. Блины тут же уничтожались. Их запивали кислым вином и кленовой патокой. В комнате плавали клубы табачного дыма. От него першило в горле. Сидней был в центре внимания, его расспрашивали о тренировках, о предстоящих боях, желали удачи, пророчили славу чемпиона Соединенных Штатов.

Он видел, что здесь рады его успехам, и в этой искренней простодушной радости не было затаенной зависти, которую Сидней уже привык видеть в глазах многих, а была добрая и

щедрая радость сильных людей. Ему было приятно среди них. Крепкое виски развязало им языки, взбудоражило чувства и мысли. Говорили обо всем, спорили, соглашались и доказывали.

Морис стукнул ладонью по столу и велел Жаку принести гитару. Пели старинные солдатские и рабочие песни. Захмелевший Рэнди дирижировал своей трубкой, а его низкий грудной голос властвовал над всеми и задавал тон. Жак, склонившись над гитарой, старался изо всех сил, но звук струн тонул в нестройном хоре мужских голосов, где каждый стремился показать мощь гортани и легких.

В разгар веселья хлопнула дверь, и в комнату вбежала Рита и с нею какой-то незнакомый парень. Они оба были встревожены:

— Пожар!

Песня оборвалась на полуслове. Все вскочили со своих мест.

На улице было людно как днем. Все спешили в одном направлении, туда, где над крышами домов поднялось багровое зарево, окутанное черными клубами дыма. Сидней, Жак, Рита и незнакомый парень устремились вперед. По дороге Рита торопливо рассказала, что она вместе с Френком, так звали парня, направлялась в кинематограф, когда в соседнем квартале на швейном предприятии компании «Трайэнгл Уэйст» начался страшный пожар. Пламя сразу охватило весь верхний этаж, где работало в ночной смене около четырехсот женщин.

Улица и все ближайшие переулки были заполнены возбужденными людьми. Рабочие, ремесленники, женщины, дети — близкие и родственники пострадавших — с плачем и криками негодования стремились прорваться сквозь полицейское оцепление. Расталкивая толпу, к месту пожара спешили конные полисмены, оглушительно гудели сирены пожарных машин.

— За мной! — скомандовал Сидней и, энергично работая локтями, стал прокладывать себе дорогу.

Когда им удалось протиснуться в первые ряды, огонь бушевал на всей крыше. Пожарники буквально облепили горящее здание, смело наступая на огонь, отвоевывая у разбушевавшегося пламени метр за метром.

С пронзительным воем примчались кареты «скорой помощи». Люди шарахались в стороны, освобождая дорогу машинам. На оцепленную полицией часть улицы стали выносить пострадавших. Тех, кто подавал признаки жизни, спешно

грузили в кареты «скорой помощи» и отвозили в больницы. А тех, кто уже не нуждался ни в какой помощи, клали на камни мостовой. Над толпой взлетали крики горя и отчаяния. Родственники и близкие рвались к несчастным. Группа рабочих взобралась на крышу соседнего двухэтажного дома, вслух считала жертвы.

— Сорок пять... Сорок шесть... Сорок восемь...

Несколько смельчаков кинулись помогать пожарникам в борьбе с огнем. Среди них находился и Сидней. Он вместе с Френком лез в самое пекло.

— Эй, отчаянные, посторонись!

Рослый пожарник оттолкнул Френка плечом и, прижимая к животу баллон с огнетушителем, смело пошел на пламя:

— С огнем не шутят!

А другой сунул Джэксону багор:

— Держи!

И показал на металлический шкаф, на который свалились горящие стропила:

— Оттаскивай бревна! Живо!

Сидней, закрывая лицо согнутой в локте рукой, бросился вперед. А Френк туда же направил струю, обливая и Джэксона.

Когда Сидней оттаскивал пылающие стропила, он услышал глухой стук. Стук исходил из железного шкафа. Словно там внутри что-то упало.

— Человек!

Френк бросился ему на помощь. Вдвоем, обжигая руки, они быстро раскидали головешки и освободили дверцу. Сидней ударом ноги распахнул железный шкаф готовой продукции. Оттуда прямо ему на руки вывалилась девушка.

Френк обдал ее струей холодной воды. Девушка открыла рот, глотнула влагу.

— Жива!

Спотыкаясь о головешки, Сидней с пострадавшей на руках поспешно зашагал из опасной зоны.

— Где санитары?

Пробегавший мимо юркий человек махнул рукой в дальний конец крыши:

— Там.

Потом, словно что-то вспомнив, резко повернул назад.

— Одну минутку!

Сидней замедлил шаг.

— Одну минутку! — Человек бесцеремонно заглянул в ли-

цо боксера и вдруг широко улыбнулся: — Я вас знаю. Вы — Сидней Джэксон!

— Да.

Сидней тоже узнал его. Это был тот самый репортер, который фотографировал Джэксона с парфюмерным набором. Не задерживаясь, боксер поспешил к лестнице.

— Куда вы? Куда? Постойте! Санитары сейчас будут здесь.

Репортер, отступив назад, стал торопливо щелкать фотоаппаратом.

— Где же санитары?

— Повернитесь к свету! Так! Еще один кадр... Замечательно!..

— Где же санитары?

— А черт их знает, где они! — ответил газетчик и так же быстро исчез, как и появился.

Он спешил, он делал бизнес: за такие кадры спортивный босс мистер Норисон не пожалеет долларов.

Снизу, с темной улицы, покрывая многоголосый шум толпы, раздался рев сирены полицейской машины, послышались предупредительные свистки. Полицейские соскакивали с грузовиков и, работая резиновыми дубинками, кинулись наводить порядок, оттесняя толпу от места пожара.

4

Сидней вернулся домой перед рассветом. Грязный, перепачканный сажей и копотью, злой, он долго мылся в ванной и, отказавшись от привычной чашки молока, пошел спать.

Он уснул сразу и не слышал, как пришла Рита, как она рассказывала матери о страшном пожаре, о трагедии, происшедшей на предприятии компании «Трайэнгл Уэйст». Миссис Джэксон охала и причитала:

— Бедные женщины... Несчастные дети...

Утром Сидней проснулся позднее обычного. Солнце стояло высоко, и его лучи ложились светлыми бликами на пол. Вставать не хотелось. Во всем теле чувствовалась усталость, словно накануне он провел очень тяжелый поединок. Сидней заставил себя подняться и, открыв форточку, приступил к гимнастике.

Однако, как он ни старался, усиленное занятие гимнастикой не успокоило его. Картины пожара по-прежнему стояли перед его глазами. Не успокоил и теплый душ. Сидней без аппетита съел кусок жареного мяса, отказался от сырого

яйца и не допил кружку горячего молока. Миссис Джэксон хлопотала вокруг него, заботливо заглядывая сыну в глаза. Уж не заболел ли он?

В дверях появилась Рита, веселая, жизнерадостная, с ворохом воскресных газет:

— Мама, смотри, что пишут!

Миссис Джэксон удивленно посмотрела на дочь:

— Что-нибудь случилось?

— Конечно, мама! Наш Сидди — герой!

Рита торжественно развернула страницы газет:

— Вот, вот. Видишь? Правда, похож? И вот еще.

Страницы газет пестрели крупными заголовками: «Благородный подвиг боксера», «Спортсмен помогает пожарникам», «Сидней Джэксон выносит пострадавшую из огня», «Он спас ее». Под заголовками фотографии Джэксона, измазанного сажей, с девушкой на руках.

Рита вслух стала читать репортажи. В них сообщалось читателям не столько о причинах пожара на предприятии компании «Трайэнгл Уэйст», сколько расписывались мужество и отвага граждан, которые вместе с пожарниками боролись с огнем. И, конечно, много места отводилось героизму Джэксона.

В передней раздался звонок.

Рита вскочила и бросилась открывать дверь.

— Где герой? Покажите его мне! — В комнату ворвался улыбающийся мистер Норисон.— О нем говорит весь Нью-Йорк!

Антрепренер галантно раскланялся перед миссис Джэксон:

— Примите мои сердечные поздравления. У вас такой замечательный сын! Ведь он рисковал: у него послезавтра матч в Балтиморе, но он, как истинный американец, бросился спасать пострадавших. Это подвиг. Благородный подвиг!

Сидней смущенно переминался с ноги на ногу. В своем поступке он не видел ничего необычного.

— Хелло, Сид! Сегодня вся страна гордится тобой! — Норисон хлопал его по плечу, спине, обнимал, поздравлял и быстро спрашивал: — А как руки? Целы? Кулаки в порядке? Ноги в порядке?

Пришел домовладелец с газетой в руках. Увидев мистера Норисона, он угодливо раскланялся и громко поздравил Джэксонов.

В дверь заглядывали соседи, поздравляли.

Неожиданно появился хмурый, сосредоточенный Иллай:

— Сид, собирайся. Идем на митинг.

— Какой митинг? — спросил боксер.

— Рабочий. Всего района.

— О, вы хотите чествовать героя пожара! — сказал с покровительственной улыбкой Норисон.— Неплохая идея.

— Вы ошибаетесь, мистер Норисон. Это митинг памяти жертв пожара, митинг протеста.

— А вы читали сегодня газеты?

— Читал,— Иллай усмехнулся.— Красиво расписали поступок брата. Но о причинах возникновения пожара нет ни строчки. Нет ни слова о том, что в темном чердачном помещении надрывали свое здоровье четыреста портних. Без вентиляции и даже без запасного выхода! Умолчали газеты и о количестве погибших. А там сгорело, если хотите знать, сто сорок шесть работниц.

Норисон насмешливо сузил глаза:

— Не следует преувеличивать, мальчик, создавать трагедию.

— Не следует из трагедии делать сенсацию — создавать рекламу!

— Иллай! Ты ведешь себя непочтительно! — миссис Джэксон подняла палец.— Сейчас же прекрати!

Иллай повернулся к Сиднею:

— Пойдешь на митинг?

Боксер не успел ответить. За него это сделал Норисон:

— У вашего брата, к сожалению, нет времени, чтобы ходить на всякие сомнительные сборища. Через час он уезжает в Балтимору. Там у него ответственный матч.

5

Весь путь до Балтиморы Сидней Джэксон размышлял. Едва поезд тронулся, Максуэлл улегся спать. Сидней хотел сделать то же. Но разве уснешь, когда в голове роится столько мыслей!

Газетная полоса с его портретом все время стоит перед глазами. Сегодня ее читали десятки тысяч людей. Может быть, вся страна. Все узнали о том, что он спас девушку, вынес ее из огня. Он — герой!

Сидней старался убедить себя в этом, поверить в слова Норисона. Патрон знает цену славе. Он не ошибается!

Под монотонный стук колес Джэксон думал о будущем. Когда-нибудь будут так писать о нем как о чемпионе. Обязательно будут!

Он уснул перед рассветом.

В Балтимору приехали утром. Едва Джэксон с Максуэллом вышли из вагона, как их сразу окружили мальчишки:

— Купите газету! Феноменальный результат Юркинга!

— Последние спортивные новости!

— Новый рекорд Чарли Юркинга!

Сидней дал им несколько центов. Схватив монеты, мальчишки устремились к другим приезжим. Максуэлл сунул газеты в карман:

— Трубач делает успехи. Прочтем в отеле.

— Какой трубач?

— Чарли Юркинг. Он был последним трубачом в захудалом оркестре, а сейчас стал первым шарлатаном в спорте.

— Это интересно, Мики!

— Противно.

Сидней посмотрел на тренера. Тот говорил совершенно серьезно. В номере гостиницы Максуэлл быстро перелистал газеты:

— О нашем матче совсем мало поместили. Все, черт возьми, о Юркинге, о его сверхдальнем плевке.

— Он мастерски плюется.

— Тебе стыдно так говорить, Сидней. Разве это спорт? Плевок есть плевок и никакого отношения к спорту не имеет. Это шарлатанство! — Максуэлл прошелся по комнате.— Королям жевательных резинок нужна реклама. Вот они и устраивают состязания по плевкам. А за доллары люди будут не только плеваться — на животе проползут от Нью-Йорка до Сан-Франциско.

Джэксон заглянул в газеты. Действительно, тренер прав. Соревнования по плевкам на первенство штата и реклама жевательных резинок оттеснили на задний план все другие события, даже уголовную хронику. Что же касается нью-йоркского пожара, то о нем вообще не упоминалось. Словно его вовсе и не было.

Реклама была так заманчива, что Сиднею захотелось попробовать новинку — ароматную жевательную резинку.

— Мики, давай купим жвачку. Она, кажется, укрепляет челюсти.

Тренер не ответил. И только укоризненно покачал головой.

Вошел служащий отеля и на подносе принес набор жевательных резинок.

— У нас неделя укрепления челюстей. Предлагаю вам самые лучшие сорта, последний выпуск,— он указал пальцем на

голубые и розовые коробочки,— а это — новинки! Ароматные и мятные. Укрепляют десны и освежают полость рта. Сколько прикажете?

Джэксон взял по две пачки. Распечатал. В каждой из них было по дюжине резиночек, гладеньких, блестящих, как карамель.

Потом в отель вошли представители местной печати. Они засыпали Джэксона и Максуэлла вопросами. Их интересовало все: когда начал Сидней тренироваться и сколько провел поединков, откуда родом и кто его родители. И конечно, допытывались, какая из жевательных резинок ему нравится.

— Сегодня ни один балтиморец не ходит без резинки в зубах.

Сначала Сиднею понравилась неделя укрепления челюстей. Боксер с удовольствием жевал резинку и добродушно посмеивался над Максуэллом, который видеть не желал, как он говорил, этой дряни.

На улице, в трамваях и автобусах, в кафе и магазинах — всюду продавали и усиленно рекламировали разные сорта жевательных резинок. Рядом с рекламами повсюду пестрели объявления: «Король жевательных резинок Фьюльтон вручит чек на тысячу долларов тому, кто побьет рекорд Юркинга». Это было заманчиво. Взрослые люди, не говоря уже о подростках, на ходу усиленно работали зубами, собирались небольшими группами и, окружив урну, плевались, состязались в дальности и точности. Каждый мечтал заработать тысячу долларов. Ведь это так просто!

Жевательная резинка была всюду.

К вечеру она стала раздражать Сиднея. Теперь над ним подшучивал тренер, советовал купить новые сорта жвачек:

— А вот эту ты еще не пробовал!

6

Часа за два до начала поединка Максуэлл уложил Сиднея в постель:

— Полностью расслабься.

Джэксон положил ноги на спинку кровати и посмотрел в окно. Небо над грязными крышами домов было охвачено ярким пламенем всех оттенков красного цвета.

Сидней снова вспомнил о пожаре. Вспомнил, как пожарники выносили обугленные, скорчившиеся тела женщин. Сто сорок шесть жертв! Просто невероятно.

— Какой закат! — сказал Максуэлл.— Тебе нравится?
— Что?
— Закат! Тебе нравится?
— Да. Как пожар.
— Не совсем. Пожар приносит горе, а закат — радость.
— Иллай сказал, что там сгорело сто сорок шесть работниц.
— Несчастный случай.
— Случай?! Нет. Иллай сказал, что там не было запасного выхода.

Максуэлл молчал. Он смотрел на закат. Потом задумчиво спросил — скорее самого себя, чем Джэксона:

— А у нас есть запасный выход?

Сидней посмотрел на тренера:

— Не знаю, Мики. Ты думаешь, отель может загореться?
— Нет. Я думаю о жизни.
— При чем тут запасный выход?
— Я просто так. Какой красивый закат!
— Да. Как пожар.

Каждый думал о своем.

7

Перед матчем состоялось взвешивание противников. Первым на весы встал балтиморец негр Ульсар. На нем были белые трусы и белоснежные боксерские ботинки. Их белизна контрастировала с темным цветом хорошо тренированного тела.

— Семьдесят два килограмма пятьсот граммов! — крикнул судья, производивший взвешивание.— Чистый средний вес!

Журналисты щелкали аппаратами, Максуэлл и тренер негра следили за правильностью взвешивания.

Сидней Джэксон оказался легче своего противника на сто пятьдесят граммов.

— Оба соперника почти одного веса! — выкрикнул судья на ринге.— Пусть бой покажет, кто из них сильнейший!

Балтиморец оказался холодным и расчетливым бойцом. Даже слишком расчетливым. В этом Сидней Джэксон убедился в первых двух раундах. Ульсар не принимал вызова Джэксона вести бой в быстром темпе, не стремился к обострению поединка, хладнокровно уходил от сближения. В то же время он зорко следил за каждым движением Джэксона и не упускал ни одной возможности контратаковать, нанести два-три легких ответных удара.

Таким образом, к концу раунда у него оказывалось больше очков. Ведь судьи засчитывают каждый удар, независимо от его силы.

В третьем раунде картина не изменилась. Все попытки Джэксона обострить поединок, вовлечь Ульсара в водоворот темпового боя и там, в ходе быстро меняющихся ситуаций, переиграть, добиться преимущества за счет быстроты и техники и, развивая наступление, провести решающий удар — все эти попытки оканчивались безуспешно. Ульсар не «клевал» ни на какие приманки. Он оставался спокойным и расчетливым, словно у него в груди билось не сердце, а работал хорошо слаженный механизм.

Джэксон стал нервничать. Он понимал, что проигрывает и третий раунд. Проигрывает, хотя все время атакует.

В минутный перерыв Максуэлл, водя мокрой губкой по груди Сиднея, советовал:

— Спокойнее, спокойнее. Все правильно. А теперь лови его контратаки. Лови момент, когда Ульсар бросается на тебя! Лови момент, когда Ульсар проводит свои быстрые ответные удары!

Джэксон, полузакрыв глаза, отдыхал и слушал советы тренера. Руки покоятся на тугих канатах ринга, ноги расслаблены. Расслаблены все мышцы, тело отдыхает, запасается энергией. Только мозг работает. Напряженно работает. Джэксон слушает Максуэлла и, кажется, начинает понимать его.

— Лови и не зевай,— повторяет тренер,— бей встречным ударом!

Четвертый раунд был похож на предыдущие. Все так же атаковал Джэксон, а Ульсар стремительно уходил и отвечал редкими, но быстрыми и точными ударами.

В глазах негра, бесстрастных и зорких, Сидней уловил чуть заметный блеск. Тот, видимо, был доволен ходом поединка. Победа по очкам ему почти обеспечена. Из четырех раундов он выиграл четыре. Неужели из оставшихся шести он не добьется преимущества еще в двух? Конечно, добьется. Ведь все идет так, как он желает, ибо он, Ульсар, диктует ход поединка.

Четвертый и пятый раунды Джэксон атаковал, шел попрежнему на обострение боя и — следил. Следил за каждым тактическим ходом соперника. Джэксон начал понимать сложную систему защитных средств противника и, самое главное, отмечать те моменты, когда Ульсар бросался в атаку.

К концу шестого раунда он уже хорошо освоился с такти-

ческими приемами негра. Теперь оставалось сделать главное: нанести встречный сокрушительный удар.

Джэксон смирял свое волнение. Он чувствовал себя так, как шахматист, который начал проводить комбинацию со сложными жертвами фигур и боится, что в последний момент противник раскроет его замысел и сделает грозный контрход.

Публика топотом, аплодисментами и отдельными выкриками подбадривала Ульсара:

— Давай, черный!

— Проучи ньюйоркца!

Ответные броски Ульсара становились все грознее и грознее. Казалось, он не знал, что такое усталость.

Джэксон был как туго сжатая пружина. Он выжидал. Чтобы не выдать своего волнения, он старался не встречаться взглядом с противником. Сидней следил за ногами Ульсара и по их положению правильно определял его действия. Вот негр перенес все тело на правую ногу. Сейчас он бросится в контратаку!

И в тот момент, когда после очередной атаки Сиднея Ульсар хладнокровно пошел в контратаку, в тот самый момент Джэксон сделал внезапный резкий шаг навстречу.

Удар был так стремителен, что Ульсар не успел от него защититься. Он упал на канаты ринга и, цепляясь за них, сполз на помост.

В зале наступила гулкая тишина.

Судья взмахнул рукой:

— Раз...

Джэксон, не оглядываясь, пошел в дальний нейтральный угол.

— Три... четыре...

Ульсар не шевелился.

— Шесть... Семь...

Негр открыл глаза. Попытался приподняться на руках, но ослабевшие руки не держали. Он снова упал.

При слове «аут!» Джэксон кинулся к поверженному противнику и хотел помочь ему подняться.

Но Ульсар, с ненавистью взглянув на Сиднея, грубо оттолкнул его руку:

— Проклятые белые!..

Собрав остатки сил, Ульсар сам поднялся на ноги, перелез через канаты ринга и, шатаясь, пошел в раздевалку. Вслед ему неслись ругань, свист и улюлюканье балтиморцев, которые ставили на негра и теперь шумно выражали свое недовольство.

8

В тесной раздевалке Сиднея встретил Норисон:

— Прелестно, мальчик! Ты показал себя мастером!

— Я старался, мистер Норисон.

Джэксон устало опустился в кресло. Максуэлл поспешно расшнуровывал перчатки.

— Пальцы в порядке?

— В порядке,— Сидней размотал бинты и с удовольствием пошевелил вспотевшими пальцами.

— На, выпей,— тренер протянул стакан.

От кислоты во рту стало приятно. Лимонный сок действовал освежающе. Джэксон закрыл глаза. Черт возьми, за что его возненавидел этот негр? Что он ему сделал? Бокс есть бокс, и, даже проиграв, нужно оставаться джентльменом.

— Душ или ванну? — спросил тренер.

— Теплый дождик, Мики.

Максуэлл пошел настраивать душевую установку.

Норисон, потирая от удовольствия руки, прохаживался по комнате. Еще несколько таких поединков, и имя Джэксона будет стоить дорого.

С улицы донесся какой-то шум. Норисон остановился у окна:

— Ого! Балтиморцы не прощают поражения.

Сидней кинулся к окну. В бледном свете уличных фонарей было видно, как несколько полисменов сдерживали разбушевавшихся балтиморцев. Смяв блюстителей порядка, толпа кинулась за человеком, который делал отчаянные попытки догнать уходящий трамвай.

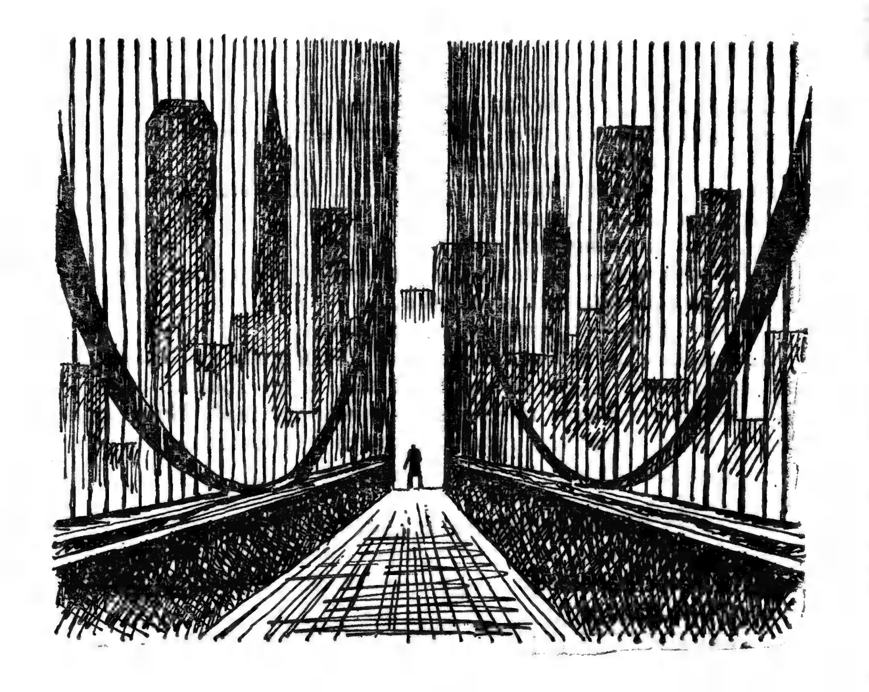
У Джэксона екнуло сердце. Он узнал его:

— Это Ульсар! Надо помочь ему!

— Как же! Только сунься. Они убеждены, что негр продался.

— Но это же неправда!

— Пойди растолкуй им! За потерянные доллары они кому угодно голову оторвут. А уж негру...

Часть вторая

В ПОГОНЕ ЗА ДОЛЛАРАМИ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

После матча, выигранного в Балтиморе, последовали успехи в Ричмонде, Сент-Луисе, Харгфорде. Победы доставались Джэксону легко. Профессиональные боксеры, «зубры» и «волки» ринга, удивительно быстро смирялись перед его кулаками. Неужели их громкие титулы и длинные списки побед — только мифы и сказки? Может быть, кому-нибудь и приходила в голову такая мысль. Но Сидней так не думал. Он познал на себе их мастерство, ощущал силу и тяжесть их ударов, чувствовал их последние отчаянные усилия, когда они пытались сломить его натиск. Но сделать это им не удавалось.

Каждая новая победа окрыляла Сиднея, и он все больше верил в свою несокрушимость.

Каждая новая победа увеличивала боевой список боксера и приближала Сиднея к славе и благополучию. Однако бурный успех не кружил ему голову. Он по-прежнему оставался скромным и трудолюбивым. Он по-прежнему усиленно работал, упорно тренировался перед каждой очередной встречей на ринге.

Тренировался он на ферме Норисона. Ферма была расположена в одной из живописных долин штата Нью-Джерси, чудом сохранившей свою естественную прелесть в век наступления огня и железа. С трех сторон ее закрывали еще зеленые, поросшие густым лесом отроги гор. Лес спускался к самой реке, прозрачной и холодной. Сидней с первого же дня полюбил реку. Он никогда не видал такой кристальной чистоты воды, если не считать водопроводной, всегда отдававшей хлором. Когда мистер Джордж, управляющий фермой, сказал ему, что воду для питья следует брать не из реки, а в роднике, Сидней недоуменно поднял брови:

— А в реке разве не чистая?

— Чистая, но мы привыкли пить из родника. Она вкуснее.

Джэксону отвели небольшую комнату на втором этаже. Широкие окна и стеклянная дверь выходили на просторную веранду. Туда же выходила и дверь комнаты тренера. Обстановка спартанская: грубая деревянная кровать, поверх досок — плотный, войлочный тюфяк, простыня и шерстяное одеяло, стол, стулья, шкаф для белья.

В саду был импровизирован небольшой спортивный зал. Канаты для лазания, шведская стенка и под тенью трех гигантских дубов — деревянный помост для тренировок. Мешок с песком и опилками висел неподалеку.

В обязанности Сиднея входили и кое-какие работы по хозяйству: доставка воды в питьевые баки и рубка дров. Дрова, как правило, заготовлялись с вечера, и Сидней ежедневно после тренировки час-полтора махал увесистым колуном. Иногда, прежде чем приступить к рубке, приходилось вместе с Максуэллом браться и за пилу.

Питался Сидней не в общей столовой, где ели все работники фермы, а отдельно, в гостиной на втором этаже. Кормили отлично: свежее мясо, птица, молочные продукты, овощи и фрукты. Повариха, толстая розовощекая Бесси — жена мистера Джорджа, стряпала отлично. Джэксон, привыкший к скромной пище, чувствовал себя на вершине блаженства.

— После такой еды силы сами растут во мне,— говорил он.— Я готов драться хоть с самим дьяволом!

Перед поездкой в Чикаго, где он должен был провести бой

с одним из любимцев Севера, Сидней побывал дома. Грязные, запыленные улицы, толпы спешащих людей, чахлые деревца и воздух, отравленный химическим заводом,— все это произвело удручающее впечатление. Сердце Сида сжалось при мысли, что в этом квартале он мог бы, как все другие, провести всю жизнь.

Миссис Джэксон, обрадованная приездом сына, хлопотала на кухне и, пользуясь каждой свободной минутой, сообщала Сиднею новости: Рита ушла из мастерской Олт-Гайтмана и устроилась на курсы стенографисток. Иллай по-прежнему на заводе и по-прежнему отдает все время профсоюзам. Вздыхая, она жаловалась, что опасается за Иллая. Ему уже присылают письма с угрозами: если не угомонится, то «бдительные» не оставят его в покое.

О «бдительных» Сидней уже слышал. На заводах и фабриках предприниматели стали создавать привилегированную касту из высококвалифицированных рабочих и с их помощью повели борьбу с профсоюзами, особенно с организаторами забастовок.

Сидней, слушая мать, смотрел на букет цветов, который он прислал два дня назад. Цветы уже завяли. Сидней вспомнил, что точно такие букеты стояли у него на столе по целым неделям. В чем же дело?

Он осмотрелся, потянул воздух носом и понял: газ. В комнате слишком много газа, он идет из кухни, которая рядом. Отравленный воздух убил цветы. А как же люди? Иллай, мама, Рита? Сидней насупил брови. Как он этого раньше не замечал? Ничего не говоря матери, Сидней решил, что при первой же возможности переселит их в более благоустроенную квартиру.

Обедал Сидней с мистером Норисоном в ресторане «Астория». Они заняли столик в уютной нише, из которой просматривался весь зал. Норисон, как всегда, был в отличном настроении, шутил, расспрашивал о своей ферме, интересовался подробностями жизни семьи управляющего, расспрашивал об урожае. Сидней искренне восторгался фермой, и Норисон, казалось, был этим весьма польщен. Он заказал роскошный обед, себе коньяк, а Сиднею — содовой воды. Боксер чувствовал себя в обществе Норисона просто и свободно, как просто и свободно могут чувствовать себя за одним столом люди, дружески расположенные друг к другу, но стоящие на различных общественных ступеньках и не забывающие об этом.

У Норисона были хорошие манеры. Сидней внимательно наблюдал за ним, не пропускал ни одной мелочи, зная, что в

будущем — в этом он был уверен — все может пригодиться. Он перенимал у Норисона его умение непринужденно сидеть за столом, держать вилку и нож, пить из бокала, вытирать губы салфеткой.

— Мистер Норисон, как правильно наклонять тарелку с супом: от себя или к себе?

— Это смотря, что ты желаешь облить,— улыбнулся Норисон.— Если скатерть, то наклоняй тарелку от себя, а если свой костюм, то на себя.

— Простите, но меня никто не учил правилам. Вы мой первый учитель.

— Насчет учителя ты немножечко преувеличил,— ответил довольный патрон.— Все это очень просто!

— Для того, кто знает и умеет. А я в ресторане чувствую себя хуже, чем на ринге. Там хоть знаешь, где тебя ждет опасность, и ты можешь ее предотвратить. Тут же все тебе неизвестно, как внезапное нападение. На каждом шагу жди неприятностей.

— Ничего, парень, научишься. Этикет постигнуть легче, чем боксерскую науку. Только мой совет — от души говорю,— не торопись с этим. Не прельщайся. Если хочешь быть чемпионом, стремись чаще бывать в лесу, на воздухе, чем в ресторанах и клубах.

Сидней, конечно, хотел стать чемпионом. В конце обеда мистер Норисон похвалил Джэксона за его успехи на ринге. Он сказал, что если Сидней победит Вурсинга, знаменитого чикагского «мясника», то перед ним откроется возможность выйти на большой ринг.

У Джэксона от радости захватило дыхание. «Выйти на большой ринг. Это дорога к званию чемпиона Штатов!»

— Вурсинг сильнее всех на Севере. Все профессионалы Северных Штатов ему в подметки не годятся. Победив его, ты завоевываешь право сразиться с лучшими бойцами Запада и Юга. А там, если фортуна тебе улыбнется, матч на звание чемпиона Америки. Понимаешь, чем это пахнет? Славой и долларами!

Джэксон был готов слушать мистера Норисона хоть целые сутки, но обед подошел к концу.

После обеда мистер Норисон повез Джэксона на своей машине в правление фирмы «Харт, Шеффнер энд Маркос». Там их встретили весьма радушно. Представитель фирмы, один из управляющих огромной компании, предложил Сиднею подписать контракт. Сидней пробежал глазами отпечатанный на машинке текст и смущенно взглянул на своего шефа. Тот

одобряюще подмигнул, как бы говоря: «Не теряйся, держись с достоинством».

В контракте говорилось, что компания по пошиву готового платья заключает с ним, Сиднеем Джэксоном, договор, согласно которому фирма предоставляет известному боксеру на каждый сезон образцы лучших моделей последней моды, включая нижнее белье и спортивные костюмы, бесплатно (Сидней дважды прочел последнее слово, пока не убедился в точности написанного). Он же, Сидней Джэксон, обязан содержать белье и костюмы в надлежащем виде и появляться в них во всех общественных местах. Далее следовал длинный перечень мест, которые фирма считает общественными. Последующие пункты в категорической форме обязывали Сиднея Джэксона фотографироваться и давать интервью представителям печати только в одежде фирмы и при любой возможности рекламировать товар и продукцию лучшей и самой крупной в Соединенных Штатах компании по пошиву готового платья.

Сидней, сохраняя спокойствие и достоинство, не спеша подписал документ.

Тут же был вызван один из главных закройщиков-модельеров, и ему велели снять мерку с боксера.

Потом Джэксона пригласили пройти в соседнюю комнату. Из нее вела дверь в цех, который напоминал мастерскую Олт-Гайтмана, только был значительно больше. Казалось, никто не обратил на него внимания, ни один человек не оторвал взгляда от стрекочущих машин. Модельер вызвал помощников, они стали примерять на Сиднея полуфабрикаты, отмечая мелом, где убрать, где добавить.

— Сегодня к вечеру все будет доставлено вам на дом,— сказал модельер, когда примерка закончилась.

— Сегодня вечером я уезжаю в Чикаго,— предупредил Джэксон.

— Мы постараемся доставить раньше.

В то время, когда боксеру делали примерку, мистер Норисон в кабинете управляющего пил коктейль и подписывал другой контракт. Из него следовало, что он, мистер Норисон, предоставляет в распоряжение фирмы известного боксера, который будет в течение двух лет выполнять роль манекенщика, а компания по пошиву готового платья обязывается оплачивать проездные расходы, связанные с поездками по стране вышепоименованного манекенщика. Далее следовали пункты, определяющие сумму ежемесячных вознаграждений и проценты от прибылей, которые будут выплачиваться мисте-

ру Норисону в зависимости от количества проданных костюмов рекламируемой модели. Оба — Норисон и управляющий — были весьма довольны сделкой. Лакей в черном сюртуке поднес на блестящем подносе новые бокалы с коктейлем.

— За ваше здоровье, за процветание фирмы!

— За ваше благополучие, за успехи на ринге!

2

Поезд прибывал в Чикаго за полночь. Сидней ехал один. Максуэлл выехал на день раньше, чтобы ознакомиться с местом состязания и, самое главное, как он говорил, сделать «глубокую разведку» перед боем. Тренер намеревался узнать все подробности и особенности технической подготовки противника Джэксона, разнюхать его сильные и слабые стороны. У него в Чикаго было немало знакомых среди спортсменов, и, естественно, встречи с ними могли быть весьма полезными. Перед отъездом Максуэлл оставил Сиднею записку с номером телефона и адресом гостиницы, в которой он будет его ждать.

Джэксон ехал роскошно. Спальный вагон, отдельное купе. Первые минуты путешествия он не отходил от зеркала, любовался своим нарядом. Серый клетчатый костюм новейшей модели («Такие костюмы будут показаны только в очередном номере журнала мод»,— сказал ему модельер) сидел превосходно. Он был достаточно свободен, но не широк и мягко облегал фигуру, не стесняя движений. Старый Олт-Гайтман наверняка бы сказал, что сшит он «тютелька в тютельку». Особенно понравились Джэксону карманы. В пиджаке и брюках их было множество. Накладные нагрудные и боковые, внутренние, потайные, с застежками и без застежек. Сидней распихал все свои бумажки, записную книжку с номерами телефонов, носовой платок, кошелек с деньгами, и все же не смог использовать всех карманов.

Он принимал различные позы, подражая артистам и манекенщикам, чьи фотографии видел в модных журналах. Принимал надменный вид, улыбался, хмурился, мысленно разговаривал с корреспондентами.

Когда ему наскучило красоваться перед зеркалом, он стал смотреть в окно. Мимо пробегали поля и леса, поселки и города. Наступил вечер, в окно смотреть стало неинтересно.

Джэксон открыл саквояж, выложил на стол провизию, не спеша открыл банки и коробки. Сначала выпил томатный сок,

потом съел сэндвич с сыром, ветчиной и маслом, запивая душистым лимонным напитком. Очистил вареное яйцо, посыпал солью, положил кусочек масла. Есть яйца с маслом он научился на ферме у мистера Норисона. Кусок жареной индейки вызвал воспоминания о доме. (Мама знала, что положить сыну в дорогу. Какая она догадливая и заботливая!) Сидней не спеша обглодал ножку, допил напиток. Очистил банан и мандарины. Догадался, что их положила Рита. Сестра обожала их. «Как приятно,— подумал Сидней,— когда у тебя есть близкие, которые любят и заботятся о тебе!» Рита провожала брата. На вокзал пришла не одна, вместе с Френком.

Сидней хотел было спросить у Френка о девчонке, которую они спасли во время пожара. Как она? Выжила? Он попытался вспомнить ее лицо, но не смог, а как зовут, он и совсем не знал.

На одной из остановок заняли соседнее купе. По шуму и голосам Сидней определил, что в купе несколько человек. Мужчины. И женщина. Ее голос выделялся среди мужских голосов. Она звонко, заразительно смеялась.

Черт возьми, он тоже мог бы находиться в шумной компании! В конце концов, чем он хуже других? Разве он не имеет права быть с женщиной, хотя бы изредка? Он завидовал своим однолеткам, которые так легко заводили знакомства, свободно разговаривали с девушками. Сидней тоже давно мечтает о девушке. Ему так хочется иметь подругу! Настоящую! Красивую! Ее образ представлялся туманно. Она не похожа на Эвелин, совсем другая, гордая, недоступная.

Он так увлекся мечтами, что не слышал стука в дверь. Когда же негр-проводник стал стучать настойчивее, Сидней нехотя поднялся и раздраженно уставился на него. Тот извиняющимся тоном сообщил:

— Сэр, скоро Чикаго. Мы уже в пригороде.

Едва поезд остановился, в купе вошел негр-носильщик и, несмотря на сопротивление Сиднея, отобрал у него чемодан и саквояж. Вокзал был залит ярким электрическим светом. Джэксона никто не встретил.

— В какой отель, сэр, прикажете доставить? — спросил носильщик.

Джэксон полез в карман брюк. Записки Максуэлла там не оказалось. Он поспешно стал обшаривать все карманы. Поиски злополучной бумажки не увенчались успехом. Карманов было много, и они уже раздражали. Куда же, черт возьми, он сунул записку? Негр выжидающе стоял рядом и улыбался одними глазами.

— Имею честь представиться, сэр!

Перед Джэксоном галантно расшаркался худощавый хлыщ с деланной улыбкой на узком лице.

— Наша гостиница — лучшая в Чикаго, самая комфортабельная и знаменитая. Лучшие джаз и кухня! Все известные люди делового мира и кинозвезды останавливаются только в «Конрад Хилтон»! — Хлыщ говорил быстро и самоуверенно. Его зоркие глаза подметили, что приезжий вышел из спального вагона, что на нем шикарный костюм и, по-видимому, в Чикаго он впервые.

— Только в наш отель! Вид на Мичиган и широкий бульвар! — перебил его другой зазывала, лихо прищелкнувший каблуками перед Сиднеем. Потом шепнул: — По вашему желанию вам и девушку доставят в номер.

Джэксон с непривычки растерялся. Он не знал, кого предпочесть. Оказывается, и богатым быть не так легко!

Выручила подошедшая девушка. Она так мило улыбалась и была так скромна, что невольно располагала к себе.

— У нас нет ни шикарного вида на озеро Мичиган, ни танцующих балерин,— голос ее был ласковый и обещающий,— но у нас настоящая американская чистота и уют. Все по-домашнему, и еду готовит бабушка. Только попробуйте, как она готовит!

Сидней отдал предпочтение даме. Надо было видеть, какие гримасы скорчили эти два хлыща!

— О, у нас вам будет так чудесно! Полный отдых и покой!

Не прошло и двух минут, как они ехали в такси по оживленным улицам знаменитого Чикаго, города гангстеров и предпринимателей, где и ночью жизнь не замирала. Пляшущие разноцветные огни реклам и объявлений, вывески баров и универсальных магазинов, кинематографов и ночных клубов — на все это Сидней не обращал внимания: рядом с ним такая очаровательная девушка!

Миновав ярко освещенную центральную часть города, такси помчалось по слабо освещенным улицам и скоро остановилось в темном узком переулке возле четырехэтажного здания.

— Вот мы и дома,— сказала девушка, открывая дверцу машины.

— Отлично, Мардж,— сказал Сидней. Он уже знал, как ее зовут.

Вынув кожаное портмоне, набитое долларами, он щедро расплатился с водителем такси.

— Желаю удачи, сэр! — сказал водитель, не отрывая взгляда от кошелька боксера.

Едва Джэксон вышел из машины, как перед ним выросли два рослых силуэта:

— Ни звука!

Два пистолета безжалостно смотрели в упор.

— Доллары, сэр! И костюм!

Джэксон стиснул зубы. Такси еще не уехало. Значит, вместе с шофером их уже двое. Марджори не в счет. Надо действовать!

Но тут он почувствовал холод металла, приставленного к затылку.

— Живее, мальчик! — Сидней узнал голос водителя.— Не стесняйся! Дама привыкла. Тут все свои.

Через несколько минут такси скрылось.

Джэксон, в одних трусах, злой и обескураженный, топтался на месте, не чувствуя босыми ногами сырости асфальта.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Максуэлл лег поздно и долго ворочался, прежде чем ему наконец удалось заснуть. Сон был неровным, тревожным. Он несколько раз просыпался. Волнение вечера не давало покоя и ночью! И все из-за Джэксона. Сидней должен был приехать одним из вечерних поездов. Максуэлл ждал его. Никуда не отлучался из гостиницы. Даже отказал себе в удовольствии поужинать в ресторане, где вечером должна была выступить Луиза Бэнк, известная танцовщица, гордость Чикаго.

Максуэлл позвонил вниз и велел подать ему ужин в номер. Ужинать одному было скучно. Не помогли и коктейли. Время тянулось томительно долго. А этот мальчишка все еще не приезжал.

К двенадцати часам тренер не выдержал. У него все навязчивее укреплялось предположение, что Джэксон остановился в каком-то другом отеле. Ведь не мог же он вообще не приехать.

Тренер раскрыл книгу телефонных абонентов. Нашел номера телефонов отелей, расположенных неподалеку от вокзалов. Ну держись, мальчик, сейчас получишь взбучку! Однако, к его удивлению, изо всех гостиниц отвечали одно и то же: нет, нет, нет...

Максуэлл стал волноваться. Утром в отель, как условились, придут спортивные журналисты и фоторепортеры. Он

обещал им показать Сиднея Джэксона и дать интервью. А если встреча сорвется, то от мистера Норисона не жди снисхождения. Шеф не станет разбираться, кто прав, кто виноват.

Было уже далеко за полночь, когда тренер, злой и усталый, разделся и разобрал постель. Спал он плохо и несколько раз просыпался. Ему все чудились телефонные звонки.

Проснулся Максуэлл действительно от звонка. За окном стоял серый полумрак зарождающегося дня. Звонок повторился. Он был настоящий.

— Алло! Алло! Сидней, это ты?

Нет, это был не Джэксон. Звонили снизу. Сонный портье, прося прощения за беспокойство в столь ранний час, сбивчиво и путано говорил о каком-то шофере такси и деньгах. Максуэлл чертыхнулся и швырнул трубку.

Едва он успел броситься в постель, как телефон снова затрещал. Это опять был портье:

— Сэр, этот шофер говорит, что, если вы не спуститесь вниз, он вынужден будет обратиться в полицию.

Максуэлл насторожился. Тут что-то не то. И стал поспешно натягивать халат.

Водитель такси, пожилой, грузный шофер, нервно теребил в руках свою кожаную фуражку и бросал на портье благодарные взгляды. Седой портье, сознавая важность положения, небрежно раскинулся в кресле: в зависимости от развития действий он был готов в любую секунду в шею выгнать нахала, осмелившегося побеспокоить клиента.

Заметив спускающуюся по лестнице сонную фигуру в мохнатом спортивном халате, водитель такси бросился к нему:

— Смею надеяться, сэр, вы и будете Максуэлл Кайт?

— Да.

— Прекрасно! У вас деньги с собой?

— Что?!

— В поисках вас мы исколесили половину Чикаго. Я сжег бочку бензина и потерял массу клиентов! И все из-за того, что вашему приятелю, как его?.. Вашему Джэксону... Да, да, Джэксону захотелось прогуляться по Чикаго в одних трусиках! Если вы мне не уплатите по счетчику, будем разговаривать в полиции! Вам от меня не отвертеться!!!

Максуэлл, перескакивая через ступеньки, ринулся вниз:

— Где он?

— Ишь, чего захотели! — усмехнулся тот.— Он у меня на ключике. Вроде заложника. Учтите, сэр, я требую только по счетчику, без надбавки. Только по счетчику!

Через несколько минут Сидней уже находился в фешене-

бельном номере гостиницы. Максуэлл, все понявший с первого взгляда, старательно осматривал боксера. Его беспокоила только одна мысль: целы ли у Сиднея руки, сможет ли он боксировать?

— Все цело... Я, кажется, легко отделался,— отвечал Сидней.— Только зверски устал. Все дрожит внутри.

Пока боксер рассказывал о своих приключениях и переживаниях, Максуэлл не терял напрасно времени. Он внимательно слушал и подготавливал ванну с теплой водой. Он знал три способа восстановления сил и снятия нервного напряжения: сон, теплая ванна или успокоительный массаж.

— Лезь в воду. Живо!

Сидней послушно выполнил приказание. Вода была теплая, ласковая. Тело стало удивительно послушным, невесомым. Его охватила нежная истома. Хотелось забыться, лежать вот так, полузакрыв глаза, ни о чем не думая, не вспоминая. Недавние события казались скорее сном, чем подлинным происшествием.

— Мне остается только поздравить тебя,— сказал Максуэлл, выслушав Джэксона.— Ты счастливо отделался!

— Только костюм жалко. Лишь один раз надел!

— Голова дороже,— успокоил Максуэлл.

Тренер хлопотал вокруг Сиднея, как заботливая нянька. После ванны он напоил боксера горячим чаем с ромом и уложил спать. Купание и ром сделали свое дело. Джэксон быстро уснул. Максуэлл уселся рядом в глубокое кресло. Только теперь он почувствовал, как сильно устал. И все из-за него. Мальчишка! Вытянув ноги, подцепил носком столик-тележку, подкатил поближе. Налил себе половину чайной чашки рому и разбавил его водой.

По телу разлилась теплая волна. «Да, кажется, древние римляне придумали пить вино с теплой водой,— подумал Максуэлл,— видно, знали толк в напитках!» Он выпил еще одну чашку рому, разведенного водой.

Осенний день наступал медленно. В широкое окно было видно, как на бульваре порывы ветра срывали с деревьев желтые и красноватые листья, швыряли их под колеса машин, гнали их по асфальтобетону мимо статуи конного индейца. Один листок прилип к темной груди бронзового индейца и казался издали золотой медалью. Вдали, за маяком, между синей полоской озера Мичиган и нависшими над ним фиолетовыми тучами, вдруг вспыхнула ослепительная точка. Она росла и увеличивалась, рассыпая веером во все стороны солнечные лучи. Они покрыли тонкой позолотой прокопченные

трубы заводов, доменные печи, заиграли тысячью зайчиков в окнах сорока трех этажей чикагской хлебной биржи, ласково затрепетали на бархатных портьерах в виллах богачей па Золотом Береге, осветили бронзового индейца и потонули в облаках пыли и дыма, которые густой тучей висели над вторым городом Соединенных Штатов.

Максуэлл очнулся от настойчивого стука. Кто-то властно требовал открыть дверь. Это был, к удивлению тренера, клерк фирмы по пошиву готового платья «Харт, Шеффнер энд Маркос». Первым делом он осведомился о корреспондентах. Узнав, что те еще не приходили, он облегченно вздохнул.

— Сегодня утром мы получили большую партию новых костюмов последней моды. Из Нью-Йорка телеграфировали, что боксер Сидней Джэксон одет именно в такой, и просили проконтролировать его наряд перед встречей с репортерами,— быстро говорил клерк.— Вы извините, но я исполняю свой долг. Служба есть служба. О вашем матче уже все газеты раструбили.

Он протянул Максуэллу утренние газеты:

— Посмотрите «Чикаго трибюн» и «Чикаго дейли ньюс». Вот сюда, в спортивный отдел. Здорово? Бьюсь об заклад, что в Нью-Йорке вас так не афишировали.

Когда Максуэлл сказал, что серого клетчатого костюма у Джэксона нет, у клерка вытянулось лицо. Он, не моргая, долго смотрел на тренера, потом выдавил:

— Как... как же так?

Максуэллу пришлось выдумывать на ходу. Он сообщил, что Сидней по рассеянности забыл его дома.

— Но ведь он подписал контракт! — воскликнул клерк.

Тренер пожал плечами:

— Ничем не могу помочь.

— Мы получили огромную партию. На чей счет отнести убытки? — Представитель фирмы задыхался от негодования.— Я сейчас же телеграфирую в Нью-Йорк!

— А чего вы добьетесь? Товар-то все равно останется лежать,— Максуэлл говорил спокойно, с чуть заметной насмешкой.— Если у вас большая партия, то кто мешает вам прислать боксеру новый костюм?

— Еще?

— Во временное пользование. Только на два дня,— Максуэлл взглянул на часы.— У вас еще есть возможность. До встречи с журналистами целый час.

Клерк, не прощаясь, вылетел из номера.

Когда появились шумной компанией корреспонденты и

фоторепортеры, Сидней Джэксон вышел к ним в сером клетчатом костюме, новинке моды. Журналисты приветствовали его и щелкали аппаратами. Потом состоялся общий обед. Сидней больше молчал, говорил Максуэлл.

Журналисты пили, ели, расспрашивали, обменивались мнениями, спорили и в промежутках между всем этим успевали делать записи в своих пухлых блокнотах. Джэксона они именовали «мальчиком», тренера — «стариком», держались, как говорится, запросто, стремились на правах друзей узнать больше того, что им рассказывали. Часа через полтора они ушли, заполнив животы и записные книжки.

Ни в этот день, ни на следующий Максуэлл больше никого не принимал и не допускал к Джэксону. Все попытки наиболее назойливых разведчиков, прикидывающихся поклонниками нью-йоркского боксера, проникнуть в номер он победоносно отражал. Дверь постоянно была заперта на ключ.

После ухода журналистов Сидней хотел было развить бурную деятельность, поднять на ноги всю чикагскую полицию и разворошить гангстерское гнездо. Однако Максуэлл не поддержал его. Тренер приложил немало усилий, пока наконец убедил боксера в бесполезности подобных мероприятий.

— Зачем тебе тратить силы и энергию до матча? Польза весьма сомнительная, а на ринг выйдешь мочалкой. Давай условимся, что все личные дела отложим до окончания поединка. Идет?

Джэксон нехотя согласился.

Два дня он просидел в номере. Отдыхал, проводил легкую тренировку, занимался гимнастикой. Читал спортивные разделы местных газет и журналов, внимательно изучал фотографии. О чикагском чемпионе писали много. Газеты пестрели заголовками: «Новая победа «мясника», «Первая перчатка Чикаго», «Вурсинг — это темп и сила». Сидней узнал, что противник выше его на полголовы, что он левша, старше на десять лет и в последнее время нокаутировал всех своих конкурентов. Судя по газетам, у него отлично получался свинг. Этот удар, длинный и хлесткий, наносится обычно сжатым кулаком тыльной стороной перчатки.

Больше всего волновало Джэксона сообщение о том, что Вурсинг — левша. Об этом он знал и раньше, из рассказов Норисона и Максуэлла, но, читая газеты, как-то по-новому ощутил всю опасность предстоящего поединка.

Как бы тщательно он ни готовился к матчу, а в настоящем бою ему еще ни разу не приходилось встречаться с боксером-левшой.

2

Корреспонденты бесцеремонно фотографировали Сиднея Джэксона, приставали с вопросами. Служители огромного чикагского спортивного зала приносили цветы и письменные пожелания болельщиков. Блюстители порядка блокировали двери и окна, которые осаждала толпа.

Джэксон лежал на широкой деревянной скамье, принимая разогревающий массаж, вниз лицом и полузакрыв глаза. Эластичные пальцы массажиста быстро бегали по спине, проминая каждую мышцу. Приятное тепло разливалось по всему телу, кровь струилась быстрее, неся свежесть, бодрость и силу.

За десять минут до начал поединка Максуэлл стал тщательно бинтовать пальцы и кисти рук Сиднею. У него был свой способ бинтовки.

— Не туго? — спросил тренер.

— Отлично! — ответил Сидней и несколько раз подряд сжал и разжал кулаки.— Отлично, Мики!

Натянув на плечи халат, Джэксон проделал гимнастические упражнения, попрыгал на носках, провел несколько ударов по воздуху. Максуэлл подставил свои ладони:

— Атакуй слева. Еще раз!

Сидней мягко наносил удары.

— Хорошо!

Фотографы не упустили возможности пощелкать аппаратами.

Над дверью вспыхнула красная лампочка с надписью: «Вызов».

Раздевалку заполнили рекламщики. В комнате сразу стало тесно. Художники, певцы, чтецы, продавшие свое искусство бизнесу, готовились к выступлениям. На шестьдесят секунд перерыва они становились хозяевами ринга и не теряли напрасно ни одного мгновения: рекламировали пиво и содовую воду, подтяжки и дамские рейтузы, зубную пасту и жевательную резинку...

Ринг был установлен в центре овального зала на дощатом помосте, с четырех сторон освещаемый яркими лучами прожекторов. В одном углу уже находился Боб Вурсинг. Он выглядел значительно моложе своих лет. Черноволосый, смуглолицый Вурсинг, позируя, приветствовал зрителей поднятой рукой. Зал ревел, отвечая своему любимцу. Джэксон скромно прошел в свой угол.

После представления боксеров публике судья на ринге, полный пожилой джентльмен, объявил условия поединка:

— Бой, согласно обоюдному условию, предусматривает десять трехминутных раундов.

Максуэлл стал шнуровать перчатки Сиднею. Они были легкие, упругие. Джэксон, не теряя времени, раздавливал подошвами новых боксерок скрипучую канифоль. На матч он вышел не в своем обычном костюме. Трусы и боксерские ботинки остались в «такси» Марджори. Пришлось срочно обзаводиться новыми.

— Не увлекайся, будь осторожен,— Максуэлл давал последние наставления.— Помни, от результата поединка зависит будущее. Победа откроет двери на большой ринг. Только не увлекайся! Следи за его левой!

Удар гонга поднял боксеров с табуреток. В полутемном зале воцарилась тишина. Вездесущие торговцы напитками и сигарами на мгновение умолкли. Они, как и тысячи зрителей, смотрели на ринг.

Боксеры сошлись в центре помоста. Пожали друг другу руки и отступили на шаг.

Едва судья дал команду «Бокс!», Вурсинг принял правостороннюю стойку и заскользил вокруг Джэксона. Заскользил в правую сторону, выгодную ему и неудобную для Джэксона. Быстро выбрасывая правую руку, Боб стал издалека осыпать Сиднея легкими прямыми ударами. Он вел разведку, «щупал» противника, искал щели в его защите. Левая перчатка мирно покоилась возле лица, словно вся ее задача и заключалась именно в том, чтобы защищать уязвимое место.

Джэксон не принял предложенный темп танца. Он, стоя в центре ринга, слегка поворачивался на месте, следя за движениями партнера. И почти не отвечал на удары. Он только присматривался, следил. Внешне он выглядел спокойным и даже слегка растерянным, неповоротливым.

Осторожный Вурсинг продолжал обстреливать Джэксона с дальней дистанции. Он совсем не желал вызывать Сиднея на ответные атаки. Он просто выжидал удобного мгновения для нанесения своего хлесткого и сокрушающего свинга.

Сидней никак не мог приспособиться к противнику. То, что было легким и простым на тренировках, оказалось далеко не таким здесь, на ринге. Правда, он не раз боксировал с левшой, но те поединки были пробными. Здесь же все обстояло по-другому. Первый раунд уже подходил к концу, а он все еще не мог приспособиться, стряхнуть с себя скованность. Чувство неудовлетворенности собой захлестывало его.

Вурсинг хладнокровно осыпал его ударами и во втором раунде. И все с дальней дистанции. Любую попытку Джэксона приблизиться он останавливал резкими прямыми, как штык, встречными ударами. А когда Сидней, уклонившись от них, все же приближался на среднюю дистанцию, Боб пружинисто отскакивал и, продолжая кружить, сыпал и сыпал свои сухие джебы — прямые короткие удары. Они, словно острый высокий частокол, окружали и защищали его.

Чикагский «мясник» был холодным и юрким. Он, как ящерица, всячески ускользал от сближения. Однако со стороны была видна его активность. Он кружил вокруг Сиднея, его кулаки все чаще мелькали в воздухе. Болельщики «мясника» выкриками подбадривали его:

— Боб, дай ему под ребро!

— Боб, свингом!

— Разбей нос ньюйоркцу! Пусть знает Чикаго!

Второй раунд не принес желаемого результата. Поединок складывался не так, как хотелось. Сидней опустился на стул. Рингом завладели рекламщики.

Боксер закрыл глаза. Рекламщики не давали возможности сосредоточиться.

Максуэлл старательно обмахивал лицо боксера влажным мохнатым полотенцем. Массажист водил мокрой губкой по груди. Сиднею, хотя он и не устал, было приятно ощущать разгоряченным телом холодную резину. Он глубоко дышал, набирая кислород.

— Иди на сближение, иди на сближение,— шептал Максуэлл.— Забирай инициативу!

Сидней мысленно усмехнулся. Легко сказать, «иди на сближение!». Он и сам прекрасно понимает, что его успех только в ближнем бою. Но как заставить противника принять ближний бой? Вот в чем задача.

Бой складывался не в пользу Джэксона. Это он начал понимать в третьем раунде. Фортуна, видимо, решила изменить Сиднею.

В толпе раздавались нетерпеливые возгласы наиболее ярых болельщиков:

— Боб, кончай!

Джэксон попытался добиться своего. Он упрямо шел вперед, невзирая на удары. Ведь только в ближнем бою он сможет пустить в ход все свое искусство! Только так все преимущество левши можно свести почти на нет!

Джэксон упрямо наступал. Вурсинг отходил, отходил пружинистыми отскоками, не упуская случая награждать нью-

йоркца одним-двумя ударами. Сидней подставлял плечи, ловил удары открытой перчаткой, но шел вперед.

Уклонившись от очередного удара, он сделал большой шаг, приблизившись к Вурсингу. Сидней видел по положению ног, что тот сейчас сделает отскок назад. Вот он уже перенес вес тела на левую ногу и чуть отклонился назад. «Только бы не упустить!» — подумал Сидней. И в ту же секунду произошло что-то невероятное.

Стало темно-темно. Потом обожгла ослепительно яркая молния, ударил в уши гром, и острая боль разлилась по всему телу...

Он очнулся от тишины. Вокруг стояла неприятная предательская тишина. Издалека, словно из-за стены соседней комнаты, доносился чей-то голос — голос считал. Хотелось спрятаться от этого назойливого скрипучего звука. Сидней нехотя открыл один глаз.

То, что он увидел, заставило болезненно сжаться сердце: «Я на полу! Нокдаун!»

Эта мысль обожгла электрическим током. Туман, застилавший сознание, рассеялся. Джэксон увидел над собой тучную фигуру судьи на ринге. Это был его голос, это он говорил! В глубине его рта поблескивал золотой зуб.

Судья монотонно взмахивал правой рукой, а левой, оттопырив пальцы, показывал количество секунд. И по этим пальцам Сидней понял счет:

— Четыре... пять...

Он подтянул ноги, перевернулся на живот. Рядом защелкали фотоаппараты. Вспышки магния ослепляли, вызывали отвращение. Ноги и руки, казалось, стали ватными. Джэксон через силу, упираясь руками о пол, приподнялся, припал на одно колено.

— Шесть... семь...

Максуэлл делал отчаянные знаки руками, как бы говоря: «Посиди, не спеши, отдохни». Сидней повернул голову, увидел противника. Вурсинг стоял у каната и любезно улыбался. В его улыбке чувствовалась такая уверенность, такое превосходство, что Сидней задрожал от возмущения. Его уже считают побежденным!

При счете «девять» он проворно вскочил на ноги и принял боевую стойку. Он ждал, что Вурсинг бросится на него, чтобы добить и закрепить свою победу. Сидней приготовился к такому натиску.

Но Вурсинг, к удивлению Сиднея, не бросился в атаку. Он осторожно, как и в предыдущих раундах, стал осыпать его уда-

рами с дальней дистанции. Словно бы ничего и не было! Публика взревела:

— Боб, добивай!

Но Вурсинг не торопился. Его преимущество было очевидным. И он не торопился. Так кошка не спешит разделаться с пойманной мышью. Ее забавляют отчаяние и обреченность жертвы. Публику надо было развлекать.

Удара гонга Сидней ждал с нетерпением. Он прозвучал спасительным сигналом. Джэксон шел в свой угол тяжело, согнув крепкие плечи и опустив руки. Так идут грузчики с тяжелой работы.

Откинувшись всем телом на подушку, Сидней открытым ртом жадно глотал воздух. Максуэлл одной рукой прикладывал к его затылку губку, смоченную в холодной воде, а другой махал полотенцем. Полотенце было обрызгано нашатырным спиртом. От него щекотало в носу и освежалось сознание. Как приятно отдыхать! С каждым вдохом силы вливались в грудь, с каждой секундой восстанавливалась энергия.

— Он ударил свингом. На твое счастье, удар попал не точно. Следи за левой рукой и атакуй! — Максуэлл говорил спокойно, отчетливо произнося слова.— Следи за левой и сам атакуй. Не давай ему возможности ускользать в сторону, прижимай к канатам. Твое спасение в ближнем бою. Атакуй!

Сидней слушал и едва заметно кивал. Да, тренер прав. Надо атаковать быстро, но не сумбурно, стремительно, но не безрассудно. Удар не обескуражил его, не подорвал веры в свои силы, способности. Непобедимых не существует! У каждого непобедимого есть свои уязвимые места. Надо их искать!

Есть такие люди, для которых неудача служит толчком к пробуждению новых сил, к рождению новой энергии. Чем сильнее препятствие, чем опаснее неудача, тем больше энергии и вдохновения вызывают они к жизни. К таким людям принадлежал и Сидней Джэксон.

Звук гонга, словно катапульта, выбросил Джэксона из своего угла. Не успел Вурсинг сделать и нескольких шагов, как уже был вынужден принять боевую стойку и отражать натиск ньюйоркца.

Сидней атаковал. Стремительно и беспрерывно. Не давая Бобу сосредоточиться, разобраться в обстановке. Все видели, что атаки Джэксона весьма рискованны. Но другого выхода у него не было. И ему наконец удалось прижать Вурсинга к канатам и войти в ближний бой!

Вурсинг делал отчаянные попытки уйти, оторваться от Джэксона. Но тот словно прилип к нему. Вурсинг осыпал Сид-

нея серией ударов. Это был настоящий град. Его руки мелькали в воздухе, и удары сыпались на Джэксона снизу, сбоку, сверху. От них невозможно было укрыться, но их можно было терпеть. Опустив кулаки на уровень живота, Джэксон наносил по корпусу Вурсинга точные удары. Короткие, быстрые, тяжелые. Бил с поворотом и переносом веса тела с ноги на ногу, вкладывая в каждый удар все свои килограммы, помноженные на скорость.

Удары в живот, по корпусу, чем сильнее, тем скорее достигают своей главной цели: сбивают дыхание, подрывают боеспособность противника.

В зале творилось невообразимое. Зрители вскакивали с мест, орали, свистели, топали и всеми средствами подбадривали своего земляка, своего любимца. Он отлично, по их мнению, вел ближний бой.

Лишь очень немногие, в том числе судьи и тренеры, понимали, что Бобу Вурсингу приходится нелегко.

Максуэлл, чуть приоткрыв рот, с восхищением следил за своим учеником. Какая блестящая атака! Ни он сам, ни другие мастера, которых ему приходилось видеть, никогда не показывали подобного.

Вурсинг, вырвавшись из ближнего боя, быстро заработал руками, отстреливаясь своими джебами, спеша уйти в безопасную зону. Он вспотел, и на бледном лице его застыла гримаса. Нет, он уже не улыбался! Боб открытым ртом часто, как рыба, вытащенная из воды, хватал воздух.

Джэксон тоже тяжело дышал. Однако радость успеха окрыляла и вдохновляла его. Сделав несколько глубоких вдохов, он снова ринулся на Вурсинга. Тот пустил в ход свой коронный удар. Но теперь-то Сидней успел заметить его. Вурсингу некогда было маскировать удар. Ему было важно любой ценой удержать Джэксона на расстоянии, не подпустить к себе.

И когда стремительно летящий кулак Боба был почти рядом, Джэксон присел, «нырнул» под него. Перчатка прошла над головой, шаркнув по макушке. В следующее мгновение, пока Вурсинг, промахнувшийся и потерявший равновесие, старался удержаться на ногах, Сидней снова приблизился к противнику вплотную. На этот раз ближний бой был чрезвычайно коротким.

Не успел Вурсинг принять оборонительную позицию, как правая перчатка Сиднея, прочертив полукруг снизу вверх, попала в квадратную челюсть Боба.

Взмахнув руками, Вурсинг рухнул к ногам Джэксона.

— В угол! — закричал судья.— В угол!

Повинуясь правилам, Сидней ушел в дальний, нейтральный угол.

Судья начал счет:

— Раз... два... три...

Вурсинг лежал на животе. Поперек его спины краснели полосы. «От канатов»,— подумал Сидней и отвернулся.

При счете «семь» прозвучал гонг. Кончился пятый раунд. Джэксон не оглядываясь пошел в свой угол. Казалось, гонг спас Вурсинга от нокаута...

Секунданты чикагца бросились на ринг, подхватили обмякшее тело своего бойца. Ему совали в нос флакон с нашатырным спиртом, растирали какими-то снадобьями грудь, давали кислород. Несколько массажистов старательно обрабатывали руки и ноги. Но ничто уже не могло восстановить его силы. К концу перерыва он открыл глаза, туманным, ничего не видящим взором тупо посмотрел на окружающих.

Когда секундометрист перевернул песочные часы и ударил деревянным молоточком в медный гонг, возвещая о начале шестого раунда, тренер Вурсинга выбросил на ринг мокрую губку. Это был отказ от продолжения поединка.

Судья на ринге быстро подошел к Сиднею и, стараясь перекричать рев толпы, поднял его руку.

— Ввиду отказа противника победа присуждается Сиднею Джэксону!

Джэксон стоял и виновато улыбался, словно извиняясь за победу. К нему подскочил Максуэлл и сгреб в объятия. Целуя, он кричал в ухо:

— Молодец! Молодец!

Сидней сразу обмяк. Нервное напряжение схлынуло, и он почувствовал страшную усталость. Ноги словно налились свинцом, их никак не оторвешь от пола. С трудом перелез он через канаты. А рингом уже снова завладели рекламщики. Те, кому еще не удалось выступить, споря друг с другом, стремились перекричать гудящую толпу, привлечь внимание зрителей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Победа в Чикаго укрепила положение Сиднея Джэксона. Газеты и журналы, соревнуясь друг с другом в определении заслуг молодого боксера, называли его «новой восходящей спортивной звездой», «будущей славой Америки», «одним из

самых талантливых боксеров нового поколения», «надеждой нации». Спортивные комментаторы из южных штатов, прожженные расисты, с восхищением предсказывали «триумф белой расы» и «новый расцвет спорта». Они открыто выражали недовольство тем обстоятельством, что чемпионом страны все еще был чернокожий, а не представитель «чистых, стопроцентных, американцев».

К Сиднею Джэксону, вернее к Норисону, начали поступать предложения от многих известных антрепренеров провести встречу с их боксерами. Они поступали из различных городов и штатов. Норисон потирал руки: он сделал Джэксону имя! Теперь он, видящий в спорте лишь доллары, смотрящий на бокс как на доходное мероприятие, готовился пожинать плоды своих посевов. Теперь при заключении контракта на матч он будет диктовать условия. Отныне ни один антрепренер не будет изображать на своем лице удивление, повторяя: «Джэксон? Что-то не помню такого боксера...»

Спортивный босс до сих пор только руководил событиями, оставаясь в тени. Теперь же Норисон решил принять в них, так сказать, личное участие. Он стал выступать перед представителями печати, давать интервью, устраивать торжественные завтраки и обеды. Он, как предприимчивый делец, умело расширял свое дело, вкладывал в него все больше и больше средств. Успехи Джэксона, его молодость и жажда победы, его талант и трудолюбие служили отличной гарантией. Слава его как юного и непобедимого росла с каждым новым матчем. Пропорционально росли доходы, приносимые боями на ринге.

Зима и весна прошли в поездках. Они совершали триумфальное турне по штатам Юга и Запада. Ездили вдвоем: Норисон и Джэксон. Помощников секунданта и массажистов нанимали на местах. Эту работу выполнял Максуэлл, который выезжал заблаговременно и все приготавливал к их приезду.

У Джэксона об этих поездках остались пестрые воспоминания. В каждом городе они находились не более одной-двух недель, проводили одну-две встречи. Сначала побывали на самом юге западного побережья в цветущем Сан-Диего, потом прибыли в Калифорнию, которая, как и когда-то в детстве, произвела неизгладимое впечатление. Особенно ее знаменитые леса. Огромные вечнозеленые великаны стояли величественно и, казалось, слегка насмехались над человеком, таким маленьким по сравнению с ними.

На следующий день Норисон пожелал посмотреть лесоразработки. Он взял с собой и Джэксона. Все восхищение вели-

чием девственного леса сразу померкло в его душе, уступая место жалости и обиде. Люди, которые рядом с вечнозелеными гигантами казались муравьями, несли им гибель. Озлобленно визжали электрические пилы, дробно стучали топоры, и гордые красавцы с глухим шумом падали один за другим. Лесорубы продвигались, уничтожая лес, как саранча посевы.

— Великолепно! — воскликнул Норисон над ухом Сиднея.— Клянусь Колумбом, здесь каждый ярд земли дает чистый доход! И никаких затрат, только нанимай рабочую силу и оплачивай перевозки. Впрочем, все эти расходы с охотой возьмут на себя компании по сбыту.

Сидней с удивлением посмотрел на сытое и довольное лицо патрона и молча отвернулся. Слишком деловой, утилитарный подход коробил и вызывал протест. Разве можно красоту и величие мерить долларами?..

После поездки по западным штатам направились на Юг. Плыли по грандиозной Миссисипи. Начали со штата Миссури и, спускаясь вниз по широчайшей реке мира, побывали во всех ближайших штатах: Кентукки, Арканзас, Теннесси, Миссисипи, Луизиана.

Соперники, которых выставляли крупные города, обладали неплохой технической подготовкой, но тактически были бедны. Они слишком прямолинейно вели схватку, открыто шли на силовой бой. Сидней же не признавал грубого обмена ударами. Он, не уступая большинству из них по своим физическим данным, оказывался на голову выше в смысле тактики боя. Ему легко удавалось переигрывать соперников, захватывать инициативу и, став хозяином положения, диктовать ход поединка. На ринге он был спокоен и расчетлив. Усыпив бдительность, нащупав брешь в защите, он обрушивал туда такую атаку, после которой противник или сдавался, или оказывался поверженным.

В городе Виксберге, расположенном на левом берегу Миссисипи, боксера ждал приятный сюрприз. Его пригласили выступить в столице штата, городе Джэксоне, причем все расходы мэр города брал на себя. Сидней был польщен таким приемом, а шеф только усмехнулся:

— Они раскошелились, клянусь Америкой, только потому, что твоя фамилия — имя города. Местный патриотизм и мелкое тщеславие.

Норисон оказался прав.

Публика, заполнившая стадион, шумно выражала свой восторг. В отличие от других центров Юга, где победы Сиднея

вызывали раздражение и довольно неодобрительный рев, в городе Джэксоне зрители симпатизировали незнакомому им ньюйоркцу.

Противником Сиднея оказался смуглолицый метис, горячий и упорный парень. Но его тяжелые кулаки, от которых, казалось, сыпались искры, так он ими размахивал, били чаще всего по воздуху, или натыкались на плечи и перчатки Сиднея. Дав ему возможность почувствовать себя хозяином на ринге, Сидней одним встречным ударом закончил бой.

После победы Сиднея пригласили на званый ужин. Мэр города преподнес ему большую фарфоровую вазу, произнес длинную речь, которую закончил здравицей в честь Сиднея Джэксона, и от имени граждан города заявил:

— Мы всегда будем рады видеть Джэксона в Джэксоне!

Дамы и попечители местного университета, который славился футбольной командой, восторгались щедростью и остроумием мэра. Все хлопали в ладоши и поднимали бокалы. Виски и местные настойки скоро развязали им языки. Почтенные граждане лезли к Сиднею Джэксону, и он, чтобы не поднимать пустой бокал, вынужден был за вечер выпить три бутылки содовой воды.

Каждый, стремясь показать себя знатоком спорта, обязательно говорил о боксе и футболе, бесцеремонно хлопал Джэксона по плечу, щупал железные бицепсы. Удовольствие, которое он испытал в начале ужина, испарилось. Он понял, что на него смотрят, как на породистую скаковую лошадь, интересуются только его отличным телосложением и крепкими кулаками.

После этого приема Сидней долго не мог уснуть. Тогда, по совету Максуэлла, он оделся и вышел подышать свежим воздухом.

Ночь была лунной и прохладной. Поеживаясь в своем модном плаще, Джэксон пошел по незнакомой улице. Она вывела его на окраину. И тут перед ним выросла человеческая фигура в белом балахоне.

— Дальше идти небезопасно, брат.

Джэксон остановился. Он догадался, что перед ним один из «братьев» тайной организации ку-клукс-клана. О ней он много слыхал, но столкнулся впервые. Он назвал себя и попросил, если возможно, рассказать о том, какая опасность ему угрожает.

— Мой белый брат, я тебя узнал сразу,— ответил куклуксклановец.— Я рад пожать твою мужественную руку, которой ты сразил эту черную обезьяну.

Он разъяснил Джэксону, что их «братья» сейчас устанавливают огненный крест перед домом одного черномазого, который осмелился осквернить белую расу.

— Что же такое он натворил?

— О! Это черное чудовище пыталось изнасиловать белую женщину! Но такие вещи у нас на Юге им даром не сходят. Наши братья сегодня поставят огненный крест, а завтра совершат справедливый суд!

Пока они разговаривали, невдалеке вспыхнуло пламя. Через минуту оно приобрело форму креста. Толстые сухие жерди, облитые бензином и нефтью, ярко пылали перед окнами лачуги. Из нее выскочила седая негритянка и, ползая на коленях, молила пощадить ее сына. До Сиднея донесся ее хриплый голос:

— О, мой Сэми у нее работал целую неделю. О, она ему не заплатила и половину того, о чем договорились... Он стал требовать за свой труд, а его избили... О святая Мария, будь свидетельницей и заступницей...

«Братья», вооруженные винтовками и освещенные зловещими отблесками огня, стояли белыми призраками. У Сиднея сжалось сердце. Так вот в чем заключалось «оскорбление», нанесенное негром белой женщине! Он молча отстранил фигуру в балахоне и крупными шагами направился к сборищу. Его кулаки гневно сжались.

Однако не успел он сделать и десяти шагов, как перед ним словно из-под земли вынырнули три балахона. Черные прорези для глаз угрожающе темнели. Три ружейных ствола уперлись ему в грудь.

— Брат, у вас слабые нервы,— сказал средний насмешливым тоном.— Советую вам лечиться, могу дать рецепт. Особенно помогают лимоны утром натощак и ложка меда перед сном.

У Джэксона пересохло в горле. Негодяи! В нем клокотала злость, душило бессилие. Что он может сделать? Голыми руками против винтовок!

— Иди спать и не мешай братьям,— сказал другой сиплым голосом.— Нашими действиями руководят самые чистые помыслы. Мы добровольно встали на защиту белой расы, и сам господь благословил нас. Наша жестокость угодна небу! Аминь!

После такой лекции, подкрепленной весьма выразительным щелканьем взведенных курков, Джэксону ничего другого не оставалось, как убраться подальше от злополучного места.

Много времени спустя его преследовали кошмарные сновидения. Он видел пылающий крест, призраки в белых балахонах и ползающую на коленях старую негритянку...

2

Возвращаясь в Нью-Йорк, Норисон сделал остановку в столице. Джэксон был рад. Он никогда не видел Вашингтона. За два дня они бегло осмотрели все достопримечательности, побывали в Национальном музее и библиотеке Конгресса, побродили по знаменитой Пенсильвания-авеню, главной торговой улице столицы. Посетили мемориальные мавзолеи Джефферсона и Линкольна.

Сидней с волнением поднимался по мраморным ступеням к подножию кресла Авраама Линкольна. Сидней знал по учебнику истории, что ступеней всего пятьдесят шесть — по количеству лет, прожитых президентом. Он был убит подлым наемником рабовладельцев Юга, неким Джоном Уилкесом Бутсом в дни, когда демократический Север торжественно праздновал победу в великой войне. Джэксон сосчитал ступени, благоговейно ступая по ним. Он любил Авраама Линкольна, преклонялся перед его мужеством и умом.

Когда вышли, Сидней пожелал сфотографироваться на фоне дворца. Норисон поманил пальцем, и несколько фотографов ринулись к ним. Защелкали аппаратами.

— Когда вы приедете домой, там будут уже эти снимки,— заверил фотограф, записывая в блокнот адреса.

— Линкольн был великим человеком, но и он иногда ошибался,— сказал Норисон.

Джэксон с удивлением посмотрел на патрона. Так говорить о выдающемся президенте — кощунство!

— Вы шутите, мистер Норисон?

— Нет, вполне серьезно. Да. Представь себе, наш величайший американец сказал: «Бродить с места на место мало толку».

— Ну и что же?

— А то, что мы вот с тобой исколесили почти всю страну и от бродяжничества только выиграли! — Норисон раскатисто засмеялся.— И толк есть, и доллары!

Сиднею почему-то было не смешно, хотя в словах патрона была правда.

3

Весна 1912 года была теплой, солнечной. Ее освежающее дыхание чувствовалось всюду, даже на рабочих окраинах Нью-Йорка, где в заасфальтированных дворах появились одинокие травинки. Их топтали и давили колесами. Но они, израненные, упрямо тянулись к солнцу. А рядом, на шикарной Парк-авеню, садовники старательно стригли кустарник, подрезали ветки деревьев, высаживали цветы.

По вечерам на улицах появлялись продавщицы первых весенних цветов и проститутки.

Владельцы яхт проводили время на океанском побережье и берегах Гудзона. Генри Форд, конкурируя с крупными автомобильными компаниями, выпустил первую крупную партию дешевых автомашин.

После поездки по Западу и Югу Сидней Джексон около месяца жил в Нью-Йорке. Норисон поместил его в одном из роскошных отелей в Манхеттене, рядом с Бродвеем, между Уолл-стритом и Пенсильванским вокзалом.

Тренировался он в большом спортивном зале центрального клуба Христианского союза молодых людей.

В часы, когда тренировался Сидней Джэксон, в спортивном зале собиралось много народу. Среди любителей спорта часто можно было видеть журналистов и знатоков бокса.

Он трудился с воодушевлением. Максуэлл с секундомером в руках руководил его действиями. Старый мастер знал, что можно и чего нельзя показывать публике. Не выдавая своих секретов тактической подготовки и отработки коронных серий ударов, он так умело строил тренировку, что эффект получался потрясающий. Во-первых, он удивлял всех продолжительностью, во-вторых, разнообразием упражнений, в-третьих, строгим соблюдением времени, разбивкой его на раунды. Через каждые три минуты следовал минутный отдых.

Сидней, уже привыкший к фотографированию, не обращал внимания на вспышки магния. Журналистам нравилось это, но особенно их привлекала отзывчивость и простота боксера. Он охотно, не в пример многим спортивным звездам, выполнял их просьбы, принимал различные позы, улыбался или хмурился. Сидней понимал, что каждый из них выполняет свою работу, зарабатывает свои деньги. Зачем же мешать им?

Тренировка кончалась поздно. Сидней долго и старательно мылся под теплым душем, потом растирал тело лохматым полотенцем. Приятная усталость только повышала сознание

силы. Мышцы рук и ног, груди, брюшного пресса повиновались любому приказанию, напрягались и расслаблялись, перекатываясь чугунными шарами под эластичной и порозовевшей от растирания кожей. Какую взрывную силу они таят в себе!

Сидней, не скрывая удовольствия, позволял журналистам хлопать кулаками по своему животу.

— Броня! — воскликнул спортивный комментатор газеты «Нью-Йорк таймс», пожилой, но молодящийся и еще красивый мужчина.— Клянусь Колумбом, настоящая броня!

— А ну, дай я попробую,— вперед протиснулся плечистый щеголь из завсегдатаев клуба.— Можно? У меня бронебойный кулак.

— А если не пробьешь,— сказал Сидней,— тогда я тебя один разок... Согласен?

Щеголь, прикусив язык, попятился:

— На таких условиях не согласен. Нет, нет!

4

В конце апреля Сиднею позвонил брат. Иллай настоятельно просил прийти домой тридцатого числа.

— Дома все в порядке, но ты нужен. Понимаешь, нужен!

— Кому это нужен?

— Такие вещи по телефону не говорят,— в голосе старшего брата звучали нотки раздражения.— Если не можешь, лучше сразу откажись. Будем знать.

— Кто это будет знать?

— Мы все. Профсоюз химиков.

— Теперь ясно,— Сидней улыбнулся.— Кончу тренировку и приду.

— Хорошо, Сид. Будем ждать!..

Однако выполнить свое обещание Сидней не смог. Утром тридцатого апреля в номер отеля явился Норисон.

— Собирайся. Внизу ждет машина. Довольно рекламных тренировок. Пора за дело!

— Вы заключили хороший контракт?

— Еще нет, мальчик, но все идет к тому, чтобы заключить. Так что тебе надо по-настоящему,— он понизил голос,— тренироваться. Скажу по секрету, на этот раз твоим противником будет один из сильнейших боксеров Америки.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Через несколько часов Джэксон находился уже далеко от Нью-Йорка. Машина мчалась по широкому бетонированному шоссе и увозила его из города на ферму Норисона. Дорога была довольно длинной, и Сидней, откинувшись на заднюю спинку мягкого кресла «линкольна», думал об Иллае. Брат, видимо, обидится. Но что он мог сделать? Позвонил домой, предупредил маму. Не будет же он, Сидней, ради какого-то профсоюзного собрания портить отношения с Норисоном!

На ферме его встретил мистер Джордж. Он, видимо, был предупрежден. Попыхивая трубкой, управляющий приветливо поздоровался и провел боксера в его комнату. Там было все по-старому, словно он и не уезжал отсюда.

Джэксон принял теплый душ и вышел в гостиную. Жена управляющего, розовощекая Бесси, уже накрыла стол.

— Садись, Сидней, садись. Я тебя часто вспоминала, особенно по утрам, когда печь растапливала. Уж поверь мне, лучше тебя никто дрова не колол!

Джэксон улыбнулся, пододвинул к себе чашку с бульоном.

— Сегодня же вечером приготовьте мой колун. Я тоже соскучился по такой работе.

— Что ты, Сидди! — Бесси всплеснула руками.— Сегодня отдохни: устал с дороги. Есть нарубленные. Я просто к слову вспомнила.

К обеду пришел управляющий. Он ел много и шумно. Когда была уничтожена курица, Бесси подала любимое блюдо Сиднея: гречневые блинчики и кленовую патоку.

— Я словно чувствовала, что ты приедешь,— сказала она.

— Спасибо за блинчики,— ответил Сидней, наливая себе в чашку из кувшина тягучую жидкость.— Я так давно их не ел!

— Кушай на здоровье.

После плотного обеда хотелось побыть одному, полежать, отдохнуть. Но управляющий, по-видимому, стосковавшийся по людям, не отпускал боксера. Он выбил свою массивную трубку, набил ее табаком и повел Джэксона показывать хозяйство, хвастаться новшествами, которые он ввел. Его гордостью был коровник. Тут его хозяйственная смекалка проявлялась наиболее ярко. Джэксон не узнал коровника, который явно вырос. Он стал двухэтажным.

— А как же коровы забираются на второй этаж? — удивился боксер.

Управляющий, видимо, ждал такого вопроса. Он усмехнулся в усы и молча пригласил следовать за ним. По небольшой лестнице они поднялись наверх. Второй этаж предназначался для кормов. Тут лежали спрессованные тюки сена, просторная тачка для перевозки силосной массы, мешки с кормовой мукой.

— Осторожнее, не провались в кормушки,— предупредил управляющий, указывая на отверстия, темневшие вдоль стен по обеим сторонам.

Потом они прошли по всему верху, и Джордж распахнул двери, широкие, как ворота. Боксер снова изумился. Со второго этажа вниз вел широкий помост, по которому свободно мог проехать фургон.

— Такой спуск и с другой стороны,— рассказывал управляющий.— Теперь корм доставляем прямо наверх и там разгружаем. А когда приходит время кормить скотину, с этим делом справляются всего два человека. Они идут вдоль стен и спускают в отверстия над кормушками сено, силос или другой корм.

Джэксон слушал его и невольно вспоминал о брате. Тот действительно, будь он на месте Сиднея, смог бы по достоинству оценить изобретательность и усовершенствования управляющего. «Иллая бы на такую ферму,— подумал боксер.— Он тоже не хуже Джорджа сумел бы хозяйничать».

2

На следующий день утром прибыл Максуэлл. С ним приехали двое незнакомых. Один, старший по возрасту, был кряжист, приземист, в его коротко остриженных волосах уже утвердилась седина. Другой был выше ростом, хорошо сложен, смуглолиц, черные вьющиеся волосы ниспадали на высокий лоб.

Максуэлл долго и восторженно мял Сида в своих объятиях, хлопал ладонями по спине и, словно что-то вспомнив, лукаво сощурил глаза:

— Угадай, что я тебе привез?

— На такие вещи я не способен,— ответил шутя Сидней.

— А все же?

— Не знаю,— Джэксон пожал плечами.

— Не догадываешься?

— Нет.

— Нет?

— Ну хватит разыгрывать, Мики,— взмолился Сидней.

— Тогда пляши победный танец индейцев! — Максуэлл сделал паузу и выдохнул: — Норисон заключил контракт с антрепренером Харвея Таунсенда!

Джэксон не поверил ушам:

— Ты... ты не шутишь?

— Провалиться мне на этом месте, если лгу! Могу даже сообщить, по секрету конечно, дату встречи.— Тренер встал в позу и придал своему голосу торжественность: — Матч между нынешним чемпионом Америки Харвеем Таунсендом и знаменитым боксером Сиднеем Джэксоном состоится четвертого июля.

— О, в день национального праздника?

— Ну да! Один из вас этот день действительно будет праздновать.

— Гип-гип, ура! — рявкнул Джэксон и, обхватив тренера, приподнял его и легко закружил.

Приезжие стояли в стороне и молча наблюдали. Кряжистый скептически улыбался, а в больших черных глазах смуглолицего сквозила затаенная зависть, похожая на грусть.

Максуэлл представил их Сиднею.

— Знакомься, это твои спарринг-партнеры.

Кряжистый с достоинством назвал свое имя:

— Оргард Джефрис.

— Джефрис? — спросил Сидней, пожимая протянутую руку.— Я знал одного боксера с такой фамилией. У него была, как писали газеты, кличка Кувалда. Я тогда был мальчишкой и страстно мечтал стать таким же знаменитым боксером.

На круглом приплюснутом лице Оргарда появилась теплота. Ветеран ринга был польщен. Он сказал:

— Оказывается, мы давно знаем друг друга.

— Так вы и есть тот самый Кувалда?

— Тот самый. И я постараюсь сделать все возможное, чтобы твоя мечта наконец осуществилась.

Второго боксера звали Фиорелло Боноски. Он был американцем итальянского происхождения. За его плечами не было больших побед и громких титулов, но, как Сидней убедился впоследствии, Боноски обладал незаурядными способностями и превосходной техникой.

Спарринг-партнеров поместили в нижнем этаже, в небольшой комнате, расположенной под гостиной. Максуэлл составил расписание тренировок и учебно-тренировочных поедин-

ков. Управляющий наметил работу, которую должны выполнять приехавшие. Во всем этом чувствовалась незримая воля главного хозяина, мистера Норисона. Тот не любил напрасно тратить деньги. Джэфрис и Боноски не только были партнерами Сиднея, выполняя роль живых тренировочных мешков, но еще и трудились на ферме в качестве подсобных рабочих.

Думал ли когда-нибудь Сидней о том, что ему придется встретить Оргарда Джефриса, знаменитого Кувалду, да еще в такой незавидной роли!

Невольно нахлынули воспоминания детства. Как давно это было! Сидней снова видел себя обтрепанным и босоногим. Вместе с таким же, как и он, Жаком Рэнди, они, затаив дыхание, перелистывали страницы спортивного журнала, который принес в школу Блайд, сын владельца универсального магазина.

Тогда, кажется, Джефрис должен был встречаться с негром Рольсоном. Сидней хорошо помнит, что он вместе с Жаком болел за Рольсона, не зная, что тот — чернокожий.

Перебирая в памяти давно минувшие дни, Сидней грустил. Он с жалостью смотрел на Джефриса.

Жизнь на ферме текла размеренно и однообразно. Один раз в три дня Джэксон надевал пухлые перчатки, которые были в два раза тяжелее обычных, боевых, и перепрыгивал через канаты ринга. Применяя тяжелые перчатки, тренер преследовал две цели. Во-первых, он смягчал удары Сиднея, достававшиеся спарринг-партнерам. Во-вторых, увеличивая тяжесть рукавиц, он таким образом усиливал физическую нагрузку на мышцы рук, что, бесспорно, укрепляло их и повышало выносливость.

Партнеры выходили на ринг по очереди. Они натягивали на головы защитные кожаные шлемы, набитые войлоком и морской травой, шнуровали перчатки и по сигналу Максуэлла вели бой в заданном темпе, проводили определенные серии ударов, защищались или атаковали. Максуэлл с секундомером в руках носился вокруг ринга или стоял в тени и отдавал указания, настойчиво требуя, чтобы поединок проходил, как он говорил, с «душой» и по своей напряженности был близок к предстоящему матчу.

Джэксон добросовестно выполнял указания тренера и так энергично работал руками, что его опытные спарринг-партнеры скоро выдыхались. Как они ни старались, но устоять перед натиском Сиднея им не удавалось. Отработает три раунда Боноски и тяжело дыша опускается на скамью под дубом, а его место на ринге занимает Оргард. Так, сменяя друг друга,

они сначала проводили двенадцатираундовые поединки, потом Максуэлл, постепенно увеличивая нагрузку, довел количество раундов до двадцати четырех.

Боксировать с итальянцем было легко, особенно при отработках отдельных тактических приемов. Фиорелло вкладывал в каждый раунд весь свой темперамент и, казалось, неистощимый запас терпения. Он обладал быстрой реакцией и сообразительностью, сразу вникал в замысел тренера и добросовестно старался выполнить его. Он никогда не забывался и во время боя успевал следить и за действиями Сиднея. Если у того не все гладко получалось, он в ходе поединка давал правильные пояснения, добрые советы и всячески помогал молодому боксеру. Отдельные звенья комбинаций Фиорелло повторял бессчетное количество раз, до тех пор, пока Сидней не усваивал их. Естественно, что Максуэлл по достоинству оценил способности Боноски и поручал ему самые сложные задачи.

Сидней, так же как и тренер, был дружески расположен к итальянцу, в больших черных глазах которого никогда, казалось, не потухала грусть. Джэксон знал ее причину. Фиорелло Боноски был неудачником. Ему не повезло в жизни. Не повезло с самого начала.

3

Фиорелло родился на Западе, в Сан-Франциско, в семье небогатого судовладельца, чья жизнь и благополучие зависели от капризного океана. Но старший Боноски не отчаивался. Он был набожным католиком и был убежден, что в случае неудач и трудной жизни на грешной земле ему, по обещанию папы римского, обеспечено блаженство на том свете. А кроме того, он верил, что сын его обязательно выбьется в люди.

Возвратившись из очередного рейса, Боноски качал люльку сына и предавался мечтам. На его глазах происходили невероятные вещи: предприимчивые дельцы наживали огромные состояния. Бурная жизнь страны казалась ему гигантскими соревнованиями, в которых принимают участие миллионы людей. Подумать только, каждый сопливый мальчишка автоматически становится участником грандиозного состязания! Перед ним открывается возможность на равных правах с другими проявить свои способности и добиться первенства, завоевать главный приз — стать президентом Соединенных Штатов.

В случае неудачного финиша можно получить приз поменьше: стать губернатором, депутатом конгресса, мэром города, сенатором, судьей, генералом, адмиралом, шерифом. Кроме этого, Боноски-старший видел и другую возможность выбиться в люди. Но тут нужны были деньги. Обладатели капитала становились не участниками массового состязания, а его организаторами. Эти организаторы клали львиную долю доходов в свой сейф и таким образом становились миллионерами.

Что же касается своих неудач, то Боноски-старший объяснял их просто: он с самого начала запоздал на старте, отстал от своей эпохи. Фиорелло он прочил блестящее будущее и не жалел средств на его образование.

Мальчик прилично окончил школу, при содействии отца поступил в университет и вскоре увлекся спортом. О его победах на ринге стали писать в местных газетах. А когда восемнадцатилетний Фиорелло завоевал звание чемпиона западных штатов, к Боноски-старшему явился влиятельный антрепренер и предложил заключить контракт.

— Я из вашего сына сделаю чемпиона мира,— сказал он.

Но отец и слушать не хотел об этом. Разве такую карьеру он прочил сыну?

Однако судьбе было угодно, чтобы Боноски-старший переменил свое мнение. Разбушевавшийся океан отправил на дно два старых торговых судна, а единственный уцелевший корабль требовал капитального ремонта. Отец Фиорелло провел ночь в тяжелом раздумье, а к утру принял решение. Он продал корабль и нанял сыну лучших тренеров, надеясь, что, став знаменитостью, сын его легко выйдет в люди, женившись на дочери промышленника или банкира.

Взяв в свои руки руководство спортивным воспитанием сына, отец совершил вторую ошибку. Ведь он плохо знал спортивный мир, а тем более его закулисную сторону. Ему казалось, что достаточно обладать талантом и иметь соответствующую подготовку, чтобы в честном поединке завоевать звание чемпиона. Лишь непосредственно столкнувшись с деловыми людьми спорта, он понял смысл тех слов, которые ему некогда сказал антрепренер: «Я из вашего сына сделаю чемпиона мира».

Годы шли, Фиорелло уже перевалило за двадцать. Он был красив, силен, обладал высоким мастерством и жаждал сразиться с чемпионом. Наверстывая упущенное, отец стал призывать на помощь известных на Западе антрепренеров, спортивных дельцов. Те охотно принимались за дело, организовы-

вали шумные боксерские поединки с сильнейшими боксерами отдельных штатов. Победы следовали одна за другой. Однако ни один из антрепренеров не мог добиться главного — организовать матч с настоящим чемпионом.

Дело в том, что все чемпионы жили в северных штатах и их антрепренеры не желали вступать в переговоры с неизвестным боксером Запада. По правилам, каждый чемпион обязан раз в полгода защищать свой титул. Однако за антрепренерами чемпиона остается право выбора противников и претендентов на титул чемпиона. Таким образом, антрепренер фактически является единственным человеком, который и решает судьбу чемпионского титула.

Пять лет потратил Боноски-старший на организацию матча, но так ничего и не добился. Сначала он хотел сразу организовать встречу с чемпионом Соединенных Штатов. Однако все его попытки заключить контракт оканчивались безуспешно. Спортивные боссы в один голос восторгались способностями Фиорелло, считали его блестящим талантом, необыкновенным спортсменом, но дальше комплиментов дело не двигалось.

Боноски-старший, зная, как быстро проходит молодость, был согласен на все. Он предлагал антрепренерам большие проценты и крупные суммы взяток, конечно из будущего гонорара, но перед ним был замкнутый круг тайных связей, и прорваться через него ему так и не удалось. Потеряв всякую надежду, отец пал духом, слег и вскорости отправился в тот мир, где ему было заготовлено место, гарантированное папой римским.

Сыну он не оставил в наследство ничего, кроме возможности выбиться в люди, гарантированной конституцией страны...

Упрямому претенденту на титул чемпиона шел двадцать седьмой год — возраст, прямо скажем, критический даже для тех, кто уже стал известным боксером. Однако он по-прежнему верил, что в спорте, так же как и в жизни, существуют честные законы. Окружавших его антрепренеров он считал жуликами, вымогателями, но думал, что не все такие!

Попрощавшись с матерью, он отправился через весь континент в Нью-Йорк искать счастья, но и здесь очень скоро пришел к печальному выводу: добиться успеха честным путем практически невозможно.

У Фиорелло кончились деньги, у него не было имени, а единственное богатство — молодость — постепенно оставляло его. Как быть? Отказаться от своей мечты и спешно переквалифицироваться? Нет, отступать он не хотел. Слишком много было вложено здоровья, затрачено лет, растрачено средств.

После некоторого колебания Фиорелло Боноски решился на отчаянный поступок. Он решил любыми средствами вызвать недосягаемого чемпиона на поединок, заставить его принять бой. Хотя бы вне ринга. Не зря же говорит американская пословица: «Побеждает тот, кто меньше стесняется».

Оставалось выбрать чемпиона. Он остановил свой выбор на чемпионе мира в полутяжелом весе Юлиусе Шиллинге.

Разыскать его местожительство оказалось делом несложным. Газеты и журналы посвящали ему целые страницы и подробно описывали каждый шаг знаменитого чемпиона.

В одно солнечное утро служащие и обитатели фешенебельного отеля «Астория» оказались невольными свидетелями необычной истории. В роскошном вестибюле под сенью пальм, растущих в огромных ящиках, вспыхнул скандал. Какой-то смуглолицый, провинциального вида молодой человек, прилично одетый, пристал к Юлиусу Шиллингу и начал осыпать его оскорблениями, явно провоцируя драку.

Чемпион мира, как всегда, находился в окружении своей свиты, состоящей из его поклонников и большой группы спортивных репортеров.

Газетчики попытались было урезонить зарвавшегося простачка.

— Щенок, тебе надоело носить свою челюсть? — высокомерно сказал один из репортеров.— Да ты знаешь с кем пререкаешься? Это сам Юлиус Шиллинг, чемпион мира в полутяжелом весе.

— Невежда, ты что, газет не читаешь? — набросился другой.— Сейчас же проси прощения!

К их безмерному удивлению, «простачок», не умеряя дерзости, безапелляционно заявил:

— Плевал я на вашего Юлиуса! Подумаешь, фигура! Чемпион! Ха-ха!

Наглость задиры переходила все границы дозволенного. Чемпион привычным театральным жестом сбросил пиджак. Все действия его были явно рассчитаны на эффект.

В самом деле, он производил довольно устрашающее впечатление. Широкогрудый, с покатыми плечами, покрытыми толстыми бугристыми мышцами, похожими на морские канаты, низко, по-бычьи нагнув квадратную голову, Юлиус готов был ринуться и стереть с лица земли любую преграду. Несколько человек бросились его удерживать, умоляя пощадить «мальчика».

Но рассчитанный театральный жест на сей раз не возымел никакого действия. Фиорелло Боноски словно ждал этой ми-

нуты. По-прежнему презрительно усмехаясь, он, словно размахивая красной тряпкой пред разъяренным быком, лениво-небрежным движением сбросил свой старомодный пиджак. Репортеры, предвидя очередную сенсацию, приготовили блокноты, защелкали фотоаппаратами.

Юлиус, задетый за живое, вырвался из державших его рук. Ничего не подозревая, он ринулся вперед, надеясь жестоко проучить зарвавшегося наглеца. Невольные свидетели скандала с нескрываемым ужасом смотрели на провинциала. Это его последние минуты! Они знали свирепый нрав чемпиона и мысленно уже видели дерзкого парня в больнице...

Но события, развернувшиеся с молниеносной быстротой, опрокинули самые невероятные предположения. Едва чемпион ринулся вперед, стремясь единым махом покончить с нахалом, как получил такой встречный удар, от которого у него зазвенело в ушах.

Отлетев в сторону на несколько футов, он шлепнулся задом в сырую землю квадратного ящика. Роскошная пальма закачалась — и на взбешенного чемпиона посыпались сухие пыльные листья. Раздался взрыв дружного хохота. Вид у Юлиуса был явно не чемпионский. Престиж «непобедимого», бесспорно, оказался под ударом. Вспышки магния помогли запечатлеть на фотопленках сенсацию номер один.

Взревев, Юлиус кинулся, как разъяренный тигр, на своего обидчика. Фиорелло Боноски этого только и ждал. Годы, проведенные в университете, не прошли даром. Он хорошо знал федеральные законы и предпочитал быть оскорбителем, нежели нарушителем порядка — зачинщиком драки. К тому же он не желал преждевременно раскрывать свои карты...

Фиорелло отвечал только контратаками, умело парируя бешеные броски чемпиона. Красивыми, экономными движениями, четкой и эффективной защитой, точными и грозными ударами он сразу же завоевал симпатии зрителей. Спортивные репортеры, видавшие виды, были поражены. Грозный Юлиус Шиллинг, непобедимый чемпион, не в силах победить такого противника! А знатоки спорта с нескрываемым восхищением следили за поединком, неповторимым по своей драматичности.

Мобилизуя все свое умение и знание многочисленных запрещенных приемов, Юлиус без зазрения совести применял их, стремясь любой ценой и любыми средствами скорее свалить, растоптать дерзкого смельчака. Но поединок затягивался.

Юлиус с надеждой поглядывал на сержанта полиции, моля бога, чтобы тот поскорее вмешался. Но представитель власти, знаток бокса и поклонник Шиллинга, невозмутимо покручивал увесистой резиновой дубинкой, давая возможность своему кумиру разделаться с неугодным соперником.

Бой окрылил Фиорелло. Никогда прежде, ни в одном матче, он не боксировал с таким энтузиазмом и вдохновением. Он видел, что инициатива в его руках, чувствовал свое превосходство и демонстрировал перед изумленными зрителями виртуозное мастерство защиты и разнообразие контратак.

Он, казалось, не чувствовал ни боли, ни усталости, в нем кипела радость. Он не заметил, как стал заплывать левый глаз. Вытерев тыльной стороной ладони кровь, которая сочилась из разбитого носа и предательски затрудняла дыхание, Фиорелло продолжал вести бой, тот самый бой, ради которого отец растратил остатки состояния, ради которого он, Боноски-младший, исколесил чуть ли не весь континент, бой, которого он так безуспешно добивался в течение десяти лет! Ставка была очень высокой, и упустить единственную возможность Фиорелло ни за что не хотел. Разве мог он не победить?!

Выбрав удачный момент, Фиорелло провел свой коронный удар. Это был страшный удар снизу вверх по подбородку с поворотом корпуса и упором на левую ногу, удар, который он отрабатывал многие годы, добиваясь умения вкладывать в него всю тяжесть тела, силу спины и пружинистую энергию ног...

Зрители замерли с открытыми ртами. На полу неподвижно лежал их знаменитый чемпион.

— Воды! — крикнул Фиорелло, а в груди у него все ликовало.— Воды! Скорее плесните на него!

Наконец-то свершилось то, о чем он мечтал: у его ног лежит распластанный чемпион.

Репортеры, опережая друг друга, кинулись к Фиорелло.

Сержант полиции, выплюнув окурок, растолкал газетчиков. Фиорелло дружески улыбнулся разбитыми губами и протянул руки:

— С представителями власти предпочитаю находиться в дружбе.

Сержант ловко защелкнул наручники. Фиорелло, не теряя времени, проводил свою единственную пресс-конференцию.

— Мое имя Фиорелло Боноски! Фиорелло Боноски из Сан-Франциско,— повторял он.— Запишите, что я готов сразиться с любым чемпионом! Мое имя Фиорелло Боноски. Я стопроцентный американец и готов защищать честь Соеди-

ненных Штатов на любых состязаниях! Мое имя Фиорелло Боноски!

Он шел в сопровождении молчаливого сержанта и улыбался в направленные на него темные зрачки фотообъективов. Он думал, что фортуна наконец улыбнулась ему. Завтра все газеты будут кричать об этом необычном поединке, создавая ему громкое имя и славу. Фиорелло ехал в полицейский участок и верил, что ему обеспечен выход на большой ринг.

Однако неудача следовала за ним по пятам. Он не спал ночь. И перед рассветом отдал последние два доллара надзирателю с просьбой принести ему свежие номера газет. Он с трепетом разворачивал страницы и жадно всматривался в фотографии. О нем не было написано ни строчки!

В ожидании выхода очередных выпусков он до мяса искусал ногти. Но ни в вечерних выпусках, ни в последующие дни никаких сообщений о поединке он не находил. Даже в разделах происшествий и местной хроники. Словно ничего и не было. У Фиорелло защемило под сердцем, и он заплакал. Беззвучно, по-мужски. Скупые слезы медленно катились по щекам, и он не стыдился их.

Лишь пять лет спустя, после отбытия наказания за покушение на жизнь мистера Юлиуса Шиллинга, он узнал правду. Менеджер чемпиона, опасаясь скандальной сенсации и развенчания непобедимого Шиллинга, выбросил несколько тысяч долларов. Он в ту же ночь, когда Фиорелло с надеждой ждал выхода газет, побывал во всех редакциях и выкупил за баснословную цену у спортивных репортеров и редакторов фотопленки, снимки, заметки, листки блокнотов, напечатанные на машинке и выведенные от руки отчеты, гранки статей, написанные и ненаписанные репортажи. Кроме того, менеджер дал крупную взятку судье и присяжным, чтобы те упрятали ненавистного наглеца подальше и на длительное время.

После всего пережитого в черных вьющихся кудрях итальянца начала пробиваться седина, а в больших глазах появилась непотухающая грусть.

Боноски навсегда расстался с мечтой о карьере чемпиона. Помогая другим выбиваться на большой ринг, он тайно завидовал счастливцам, но чистосердечно отдавал им свои знания, опыт и мастерство.

Он часто говорил:

— Я типичный неудачник! Так случилось, что с самого начала я взял неправильный старт... Я типичный неудачник!

Его так и прозвали «Фиорелло-неудачник».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Во второй половине мая Норисон вызвал Сиднея в Нью-Йорк для проведения, как он сказал по телефону, деловых встреч.

Что собою представляют подобные встречи, Джэксон уже хорошо знал и без особого энтузиазма отправился в вояж. Вместе с ним поехал и тренер.

Норисон встретил Джэксона в номере гостиницы и, заставив боксера переодеться в нарядный костюм, повез его на «смотрины».

Они встречались с какими-то незнакомыми Сиднею господами, важными и чванливыми. Сидней с болью в сердце видел, что с ним обращаются, как с дорогим товаром: восторгаются, ощупывают, оценивают...

Каждая такая встреча поднимала в его душе бурный протест. Но он терпеливо сносил все, ибо верил Норисону, который утверждал, что такие встречи — необходимые формальности на пути к титулу чемпиона.

Антрепренер по-прежнему относился к Сиднею любезно и покровительственно, щедро угощал дорогими обедами и выписывал чеки. Но в его поведении стали пробиваться властные нотки хозяина. По всему было видно, что первая часть пьесы окончилась, что хорошо разыгранная комедия с «парнем из народа» привела к желаемым результатам. Теперь закреплялись достигнутые успехи. Приближалось время основного действия.

Максуэлл, который не сопровождал боксера на встречи и приемы, ворчал и просил Норисона не срывать график тренировок, особенно в вечерние часы. В отсутствие шефа он учил боксера тому, как надо независимо себя держать на таких встречах, и повторял:

— В наш век, малыш, исход встреч решается не на ринге, а в тихих кабинетах, за чашкой кофе или бокалом коктейля.

Максуэлл и раньше говорил об этом, но тогда Сидней просто не придавал этому значения. Теперь же слова тренера стали доходить до него. Не зря же его таскают по приемам...

Только на третий день Норисон разрешил Джэксону навестить своих родных.

Дома все было по-прежнему. После просторного многокомнатного номера отеля квартира показалась ему еще более тесной и бедной.

«Как только стану чемпионом,— подумал Джэксон,— первым делом перевезу семью в новую квартиру. Хватит им жить в такой тесноте».

Миссис Джэксон ласково встретила сына.

— Какой ты стал элегантный! Смотрю на тебя и не нарадуюсь. Вот бы отец дожил до этих дней.

Торопливо накрывая на стол, она рассказывала домашние новости.

— Как хорошо, мой мальчик, что тридцатого апреля ты не приехал. Видимо, самой пресвятой деве было так угодно. Она отвела беду от твоей головы. Уж я молилась ей за тебя, благодарила.

— Что же случилось? Я ничего не знаю.

— Иллай со своими профсоюзными устроил забастовку. Как раз Первого мая. Собрались все около завода и пошли с плакатами в Манхеттен на какой-то митинг. Сколько народу собралось! Как в национальный праздник. Идут, песни поют, радуются. А на них полиция и солдаты... На безоружных-то. Что было? Бьют, хватают, стреляют... Страх! — Миссис Джэксон смахнула слезу.— Многих перекалечили, многих в тюрьму бросили. Иллаю, бедному, тоже досталось. Голову ему разбили и посадили за решетку. Что я пережила!.. Сколько слез выплакала...

Сидней сразу понял, какая опасность нависла над братом.

— Где сейчас Иллай? В какой тюрьме?

— Что ты, мой мальчик, Иллай не в тюрьме. Он на заводе. Спасибо мистеру Норисону, спас его.

— Мистер Норисон? — переспросил Сидней.

— Да, мой мальчик, мистер Норисон.

Она рассказала, что сразу же после демонстрации позвонила в гостиницу, но Сиднея там уже не было, трубку взял Норисон. Он внимательно выслушал и обещал помочь.

— Только просил, чтобы мы тебе не рассказывали, не беспокоили. Мистер Норисон так и сказал: «Сиднея не тревожьте напрасно. Он сейчас готовится к очень большому матчу».

Джэксон слушал мать и думал о Норисоне, о его благородном поступке. Как он заботится о нем, о его семье! Сиднею даже стало совестно, что он иногда плохо думал о своем антрепренере.

— А Иллай после забастовки похудел. Такой раздражительный, нервный,— в глазах миссис Джэксон была затаенная тревога.

Вошла Рита. Нарядная, самоуверенная. Увидав брата, она бросилась к нему:

— Сидди!

Узнав, что Сидней приглашен центральным клубом Христианского союза молодых людей на «Бал молодых знаменитостей», она повисла на шее брата:

— Я обязательно должна быть там, Сидди!

— Меня пригласили с девушкой.

— Чудесно! Мы и пойдем. Мама, ты слышишь? Мы с Сидди пойдем на бал! Надо заняться подготовкой. Немедленно!

— Но ты же просто сестра. Как же я там буду с тобой?

— Ну и что из того, что сестра? — вспыхнула Рита.— Милый Сидди, ведь моя судьба зависит от тебя. Там можно завести такие знакомства, которые, может быть, решат мою судьбу!

— А Френк что на это скажет?

— Он мне совсем не пара. Неужели ты не понимаешь?

Когда заговорила миссис Джэксон, Сидней понял, что и мать на стороне дочери. Он сдался:

— Ладно.

Сестра наградила его поцелуем и убежала в свою комнату.

2

Накануне бала у Риты уже был самый модный наряд, такой же, как у знаменитой голливудской кинозвезды с фотографии в журнале «Лайф».

Сидней был буквально ошарашен, когда к нему в гостиницу явилась взбудораженная и счастливая Рита в сопровождении негра, который нес два огромных картонных короба.

— Наконец-то я тебя нашла!

— А дома ты не могла собраться?

— Что ты, Сидди! — Рита подняла на него удивленные глаза.— В таком наряде быть в нашем районе? Ну как ты этого не понимаешь?

— Ты мне срываешь тренировку.

— Подумаешь, какая важность! Один день ради меня можешь и не помахать руками.

Спорить с ней было бесполезно. Сидней направился в ванную. Когда он, закутав шею полотенцем, вышел из ванны и попытался открыть дверь в гостиную, его остановил раздраженный голос сестры:

— Неужели трудно побыть там еще немножко? Я же просила тебя!

Сидней не помнил, о чем она просила. Скрепя сердце он еще четверть часа томился в узком коридоре.

— Можешь входить.

Первое, что бросилось в глаза боксеру, был газовый ком, голубое облако, из которого выглядывала всклокоченная голова сестры. Модная короткая прическа делала ее чужой, незнакомой. Туфельки узконосые, на тонких каблучках, продолговатая сумочка были одного цвета и даже из одной кожи. Длинные, до локтей, перчатки и широкий шарф дополняли ее наряд. При каждом движении пышное платье из натурального тонкого шелка приятно шуршало.

— Ну как? — спросила она, не отрывая взгляда от зеркала.

Сидней молча любовался сестрой.

— Что ж ты молчишь? Или тебе не нравится?

— Нет, что ты, нравится. И даже очень!

— Правда? — Рита оторвалась от зеркала и, шурша платьем, подлетела к брату.— Честное слово?

Бал был уже в разгаре, когда они, наконец, переступили порог клуба.

В просторном зале, украшенном национальными флагами, зеленью, разноцветными флажками, лентами, цветами, уже толпилась молодежь. Оркестр, составленный из трех джазов, раскатисто гремел. В широко распахнутых дверях стояли нарядные девушки. Они вручали гостям небольшие букетики живых цветов.

Сидней с Ритой медленно прошлись по залу. Молодые богатые джентльмены и роскошно одетые девушки стояли группами, оживленно беседовали.

— Сидди, взгляни. Это Юркинг,— шептала Рита.— Самый знаменитый спортсмен, как пишут газеты.

— Он шарлатан,— Сидней повторил слова тренера.

— Сид, ты просто ему завидуешь. Он настоящий спортсмен! За последние годы еще ни один человек в Америке не сумел плюнуть дальше, чем он. Ему принадлежат все рекорды по дальности и точности.

Спорить с Ритой и доказывать ей, что чемпион по плевкам не может быть настоящим спортсменом? Объяснить ли ей наконец, что такое настоящий спорт?! Но она уже схватила его под руку и тащила куда-то в глубь зала.

— Сид! Конечно, это Сид! — От группы богато одетых молодых людей отделился один и направился к Джэксону.— Рад приветствовать тебя, старина!

Рита незаметно ущипнула брата и зашептала:

— Не будь дубиной.

Сидней взглянул на того, кто его дружески окликнул, и обомлел. Он узнал его. Это был Блайд. Блайд Букспурд. На нем был черный смокинг, в галстуке сверкал крупный бриллиант.

— Ты делаешь большой бизнес, старина! Твоими победами гордится Нью-Йорк!

Джэксон на мгновение растерялся. Он не знал, что делать: улыбаться или хмуриться. Блайд говорил так, словно встретил лучшего друга.

Пока боксер разбирался в этом вопросе, Блайд захватил инициативу.

— Друзья, вы слышали? — Блайд обнажил в улыбке свои крупные белые зубы.— Знаменитый боксер пришел на бал со своей сестрой! Я спасен! Мы с Сиднеем меняемся местами.

Компания одобрительно загудела. Джэксон не понял.

— Как это меняемся местами? Ты хочешь стать боксером?

— Нет! Что ты! Просто, я отбираю у тебя сестру, так как я в настоящий момент один, а без дамы быть не положено.

Рита наградила Блайда улыбкой. Ободренный, он щелкнул каблуками, подражая военным, подставил ей руку.

— Прошу, миледи! — а Сиднею бросил шутя: — Ты можешь блуждать в этой пустыне в поисках очаровательного пола и отбивать любую.

— Только не кулаками,— добавил худой высокий студент, и компания дружно захохотала.

Их непринужденная пустая болтовня и беззаботная веселость сбивали Джэксона с толку. Он, привыкший всегда быть серьезным и целеустремленным, терялся и шел, как говорят, не в ногу. Особенно мучил его вопрос о Блайде. Почему тот так к нему отнесся? Потому что он стал известным боксером? Сидней не верил ему ни на йоту и все время был внутренне начеку. Мало ли что тот может выкинуть! Особенно он опасался за сестру. Такие пройдохи не одну девушку заставляли проливать горькие слезы и дорого расплачиваться за краткие радости.

Но ничего опасного в поведении компании он не замечал. Наоборот, все открыто восторгались им, его силой и славой. И завидовали ему. Это он видел по их глазам.

Блайд не отходил от Риты. В его взглядах, которые перехватывал Сидней, светилось восхищение.

Широко распахнулись высокие двери, ведущие в соседний зал, и распорядители бала торжественно пригласили гостей к

праздничному столу. Оркестр грянул туш. Все устремились в открытые двери. К Сиднею подошел лакей в расшитой золотыми галунами ливрее и поклонился:

— Сэр, вас просит к себе верховный глава Христианского союза. Я провожу вас, сэр.

Джэксон последовал за ним. Они прошли вдоль праздничных столов к возвышению — к самому почетному месту. За продолговатым столом восседали важные и солидные американцы. Среди них, к своей радости, Сидней увидел Норисона. Тот улыбкой ободрил боксера, встал и представил его двум джентльменам. Один из них, седой и тощий, долго смотрел на Джэксона подслеповатыми глазами сквозь очки в золотой оправе, потом сказал:

— Хорош!

Другой, в два раза толще Норисона, с головой, круглой, как голландский сыр, долго тряс руку Сиднею:

— Стопроцентный американец!

Сидней осторожно держал в ладони пухлые пальцы джентльмена, унизанные массивными кольцами.

Потом его усадили рядом с толстяком. Норисон находился тут же. Он успел шепнуть Сиднею:

— Тебе везет! От этих людей в большой степени зависит судьба чемпионского титула.

Джэксон по-новому посмотрел на своих соседей. Так вот они какие, сильные мира сего!

Гости меж тем шумно рассаживались.

Первый тост, предоставили тощему старику. Все сразу смолкли. Он сдернул с груди салфетку и начал шамкающим голосом речь о величии Соединенных Штатов, о прогрессе и технике, о благородной и возвышенной нации — американцах, представителях белой расы, которой сам всевышний предопределил руководящую роль в этом мире.

Когда он кончил, оркестр грянул «Жил-был весельчак Джон». Сидней пил безалкогольный напиток, составленный из фруктовых соков.

Он уже догадался, что его сосед, тощий старик, и есть верховный глава Христианского союза.

После нескольких общих тостов в зале началось оживление. Джэксон с возвышения хорошо видел Риту. Она, счастливая и веселая, упивалась успехом.

Полный джентльмен поднял бокал и, предложив выпить за успех белой расы, повернулся к Сиднею:

— За ваш успех!

К Сиднею потянулись бокалы.

Вскоре верховный глава в сопровождении своих приближенных покинул зал. Норисон ушел вместе с ними.

Начались танцы. Молодежь повалила в соседний зал. Джэксон попытался предупредить Риту, чтобы она была осторожнее. Но сестра зло сверкнула глазами:

— Не твое дело. У меня своя голова на плечах.

И, положив руку на плечо Блайда, закружилась с ним в вальсе.

Сидней отошел к стойке, уселся на высокий стул. Он пил фруктовый коктейль и смотрел на проплывающие мимо пары. Рядом шумно беседовали подвыпившие джентльмены.

— Клянусь Девой, наша мисс Кальвира купила своему бульдогу бриллиантовый ошейник. Он стоит почти двадцать тысяч долларов.

— Ерунда! Мой дядя закатил званый ужин в шахте, которая дала ему первый миллион,— вот это была сенсация!

Сидевший рядом высокий юноша наклонился к Джэксону:

— Плутократия! Скоро бриллианты жрать станут. А мне еще два года на карачках ползать...

— Вы тоже знаменитость?

— А что прикажете? Если я перестану ползать на четвереньках, то подохну с голоду. А мне еще два года до окончания университета.

Сидней мысленно представил себе этого долговязого парня, бегущего на карачках по грязному полу под свист и улюлюканье пьяной толпы. И ему стало жаль его.

3

На следующий день после бала Сидней был снова на ферме и с жаром тренировался. В гимнастике и беге, в прыжках со скакалкой и работе со спортивными снарядами он находил не только удовлетворение, но и внутреннее спокойствие. Тренировочная площадка и помост ринга стали для него тем местом, где он становился самим собой. Тут не нужно глупо улыбаться и заискивать перед теми, кто оценивает тебя, как фермер, покупающий лошадь. Тут если кто-нибудь и рассматривает тебя, то робко стоит в стороне, завороженный силой и ловкостью, следя восхищенным взглядом за каждым движением!

Джэксон недавно прочел биографию механика, который стал автомобильным королем — одним из богатейших людей Америки. Джэксон тоже мечтал о славе и богатстве. В сущ-

ности, чем он хуже Форда? Тот сделал бизнес, строя своими руками самокаты — «коляски без лошади», а он, Джэксон, тоже делает своими руками бизнес на ринге. Значит, и у него должен быть свой миллион.

Миллион может быть у каждого человека, об этом пишут в журналах и газетах. Он сам видел фотографии преуспевающих американцев, которые в прошлом были бедными.

Правда, он знал человека, чья тропа к миллиону пролегла через ринг и который так ничего и не добился в жизни. Но при одной мысли о Фиорелло Сидней только грустно улыбался и пожимал плечами. Что может быть общего между ним, любимцем фортуны, и этим типичным неудачником, чья жизнь с самого начала пошла кувырком?

Что же касается второго спарринг-партнера, то о жизни Оргарда Джефриса Сид не знал ничего. Джефрис не любил распространяться о своем прошлом, предоставляя окружающим его людям право удовлетворять любопытство догадками и предположениями. Джэксон не раз задумывался о его судьбе: как же мог бывший чемпион так опуститься и стать «человеком для избиения»?

Спросить Оргарда Сидней не отважился — их отношения были далеко не дружескими. Недавний чемпион держался независимо и часто подчеркивал свое превосходство. Да и на ринге, несмотря на то, что Сидней был в десять раз сильнее его, Оргард не раз угощал Сиднея неожиданными и коварными ударами.

В подобных случаях Боноски останавливал поединок и, медленно повторяя удар, объяснял Сиднею его ошибку и показывал, как лучше и эффективнее защищаться.

Когда же удавалось провести удар Оргарду, тот только усмехался и рычал:

— Защищайся! Неужели тебя не учили азбуке бокса?

На самом же деле его удары были не азбукой, а высшей математикой бокса. Когда же тренер требовал медленно повторить удар, Оргард только злился и делал совсем не то.

Джэксон с первых же встреч на ринге раскусил коварство Оргарда и платил ему той же монетой. К концу тренировочного поединка Оргард иногда получал столько, что еле уползал за канаты.

Особенно много хлопот доставлял Оргард во время учебных боев, когда отрабатывался тот или иной вариант защиты или тактическая комбинация. Боноски мог сотни раз повторять одно и то же, спокойно, ритмично, постепенно увеличивая темп и силу. Оргард после двух-трех медленных движе-

ний увлекался боем и, забывая обо всем, проводил удары в полную силу. Напрасно тренер останавливал поединок и делал ему замечания. Он улыбался, обнажая крупные зубы:

— Бокс — это не балет!

Чем ближе подходило время поединка с чемпионом Соединенных Штатов, тем тверже у Сиднея зрело решение, что после боя он навсегда расстанется с Оргардом. Когда на эту тему он стал говорить с Максуэллом, тот неопределенно ответил:

— Все зависит от шефа.

Прилив энергии, накапливавшейся в мышцах Джэксона, ощущали на себе спарринг-партнеры. Они стали слишком быстро выдыхаться. По просьбе Максуэлла шеф прислал еще одного боксера — Дарроу.

Дарроу был типичным «человеком для битья». Он был вынослив, гибок, казался нечувствительным к ударам, словно сделанным из резины. У Дарроу были сильные руки и легкие ноги. Он выходил на помост после Оргарда и Боноски и боксировал четыре раунда. Потом отдыхал и снова работал. Его молодое, но уже огрубевшее лицо с плоским боксерским носом и вспухшими губами хранило следы трудной и опасной профессии.

За неделю до матча Максуэлл отменил тренировочные бои.

Лето вступало в свои права. С полей доносился аромат цветущих луговых трав. Склоны гор оделись в густую зелень. Зацвели каштаны. Их запах, чуть пряный и медовый, насыщал воздух.

Сидней с удовольствием бродил по узким тропинкам среди леса. Купался два раза в день. Он любил плавать в маленьком уютном водохранилище, образовавшемся благодаря насыпной плотине, на которой была построена небольшая гидростанция.

Но и в воде Сидней подчинял все главной цели — подготовке к решающему матчу. Купаясь, он вел бой с воображаемым противником, отрабатывал удары, особенно боковые и апперкоты, удары снизу. Двигаться в воде было труднее, хотя тело как будто становилось легче и послушнее.

Как приятно сознавать свою силу, ощущать каждый мускул, радоваться и наслаждаться своей гибкостью, быстротой, ловкостью и выносливостью! Тот, кто никогда в жизни не занимался спортом, не поймет этих чувств и ощущений, этого вдохновенного сознания полноты жизни.

Тренер следил за тем, чтобы Джэксон реже оставался наедине с самим собой, развлекал его, чем мог, давал читать занимательные книги, старался всеми способами отвлечь мысли

боксера от предстоящего матча и добивался того, чтобы Сидней относился к нему, как к обыкновенному рядовому матчу. Все это входило в программу психологической подготовки.

Максуэлл без охоты встретил распоряжение Норисона прибыть в Нью-Йорк за три дня до матча. Не считаясь с мнением и планами антрепренера, он привез Джэксона накануне поединка. А на вопрос патрона, в котором чувствовалось раздражение хозяина, ответил с достоинством специалиста:

— Я делал все так, как надо для победы, мистер Норисон.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

В день национального праздника Рита долго вертелась у зеркала, сменила несколько платьев, пока ее выбор не остановился на серебристо-сером модном костюме. Миссис Джэксон не отходила от дочки, помогая ей собраться.

— Ма, сейчас должен приехать Блайд,— сказала Рита, взглянув на часы.— А я еще туфли не зашнуровала!

Миссис Джэксон открыла нижний ящик гардероба.

— Какие достать? Коричневые?

— Что ты, ма! Только черные.

Через несколько минут Рита была готова к выезду. Но Блайд не являлся. Он где-то задерживался. Рита устроилась у окна.

— Ма, понимаешь, нас пригласил его друг. У него в Нью-Джерси шикарная вилла. Правда, прелестно провести праздник за городом?

Раздался звонок. Рита бросилась открывать дверь.

Но это был не Блайд, а молодой негр. Робко улыбаясь, он вежливо спросил:

— Прошу прощения, здесь живет мистер Сидней Джэксон?

— Да. Я его сестра.

— Мэм, я вас сразу узнал, вы стали такой красивой,— негр улыбнулся, обнажая белоснежные зубы.— А вы меня не помните, мэм? Конечно нет! Меня зовут Роб. Роб Гриберст. Вы со своим братом приезжали к нам, в Гарлем. Помните, мэм? Привезли тогда пять долларов. Как они нам пригодились! Моя мама столько раз молилась за вас, мэм, за вашу семью.

Подошла миссис Джэксон. Она пригласила Роба в квартиру.

Негр робко вошел. Он держался застенчиво и постоянно оглядывался, видимо, боясь переступить ту незримую заветную черту, которая отделяла белых от чернокожих.

— Мы сейчас все работаем, мэм. Даже младший братишка, он устроился чистильщиком в порту.— Гриберст с нескрываемой радостью рассказывал о своей семье.— Мы с мамой и решили в день национального праздника вернуть вам пять долларов, которые вы так любезно тогда дали. Большое вам спасибо! Мама передает вам еще этот подарок. Она сама вышила, мэм.

Роб протянул небольшой сверток. Рита развернула его и не смогла удержаться от восхищения:

— Ах, какая красивая скатерка!

С улицы послышались продолжительные автомобильные гудки. Настойчивые, требовательные. Миссис Джэксон выглянула в окно:

— Рита, это, кажется, за тобой.

Рита подлетела к зеркалу, поправила прическу, еще раз осмотрела себя и стремительно побежала к выходу:

— Я пошла, мама!

Блайд сидел за рулем в роскошном двухместном «бьюике» последней марки. Он небрежно открыл дверцу:

— Ты заставляешь себя ждать. Я полчаса сигналю.

Рита стала оправдываться и рассказала о негре.

— А где этот черномазый? — Лицо Блайда стало жестким.

— Сейчас выйдет. Ты хочешь на него посмотреть?

— Даже больше. Хочу узнать, где он живет.

— Стоит ли тратить праздничное время на такие пустяки?

Когда негр вышел из подъезда, «бьюик» медленно двинулся за ним.

2

Снова отель «Пенсильвания», хорошо знакомый Джэксону. На сей раз Норисон снял фешенебельный номер в пять комнат. На восемнадцатом этаже обычно останавливалась богатая публика: крупные коммерсанты, конгрессмены, приезжие банкиры, кинозвезды и прочие знаменитости. Сиднею, уже привыкшему к комфорту, было приятно видеть цветы в дорогих китайских вазах, ходить по толстым мягким коврам, делать на них гимнастику, спать на широкой дорогой кровати.

Утром, в день матча, он проснулся рано. Долго ворочался, пытаясь снова уснуть, но напрасно. Да разве можно уснуть,

когда часы с каждой отсчитанной секундой приближают минуту, которой он посвятил свою жизнь?

Джэксон встал, поднял шторы, распахнул форточки, долго и старательно делал гимнастику. Посмотрел на часы и вздохнул: все еще рано, только восемь утра. Подошел к окну. Долго любовался городом. Высокие небоскребы в 28—30 этажей обступают переулки, маленькие площади. Дома громоздятся тесно друг к другу и, кажется, стремятся вонзиться в небо. Рядом с грубо практичными кирпичными коробками, которые похожи на колоссальные ульи с бесконечным числом сот, поднимаются ослепительно белые здания, украшенные грациозными башнями или тремя-четырьмя красивыми повторяющимися выступами. А в глубине, там и сям, в утренней дымке высятся каменные Эвересты: башенное здание страхового общества «Метрополитен», величественная пирамида компании Банковского треста, многоэтажный Вульворстбильдинг и другие небоскребы, принадлежащие различным компаниям, трестам и синдикатам. Вдали, за зубцами домов, в просветах между ними, синеет голубая лента залива, который опоясывает город.

Повсюду, где только возможно, на стенах зданий, крышах, куполах, укреплены рекламные щиты, буквы, цифры, плакаты, сверкают объявления концертных залов, ресторанов, кинематографов, торговых домов.

Пришел Максуэлл и принес ворох утренних газет.

— Видел главный приз, который получит победитель?

— Нет,— ответил Сидней.

— Смотри! — Максуэлл развернул газету.

— Что-то не похоже на приз,— сказал Сидней, разглядывая снимок продолговатой бумажки.

— Не похоже? — изумился Максуэлл.— Прочти-ка побыстрей подпись.

Джэксон прочел вслух:

— «Этот чек, достоинством в пятьдесят тысяч долларов, будет сегодня торжественно вручен лучшему боксеру Соединенных Штатов, победителю матча»,— последние слова он произнес шепотом.

— Ну как? — спросил тренер.

Сидней не ответил. Он знал, что со званием чемпиона приходит и слава и богатство, но не предполагал, что сразу получит такую уйму денег. Сумма была сказочно огромна. Что он станет делать? Мысли проносились с лихорадочной быстротой и так явственно, словно этот чек был не на снимке в газете, а у него в кармане.

Поборов волнение, Джэксон постарался сказать как можно безразличнее:

— Это же реклама.

— На сей раз не реклама. Ты знаешь, сколько огребет Норисон и другие устроители матча? Тут, малыш, пахнет цифрами с шестью нолями. Вот послушай, что пишут.— Максуэлл взял другую газету: — «Все билеты давно проданы, а желающих попасть на самый грандиозный поединок этого года с каждым днем становится все больше. Цена билетов возросла в два-три раза, и их расхватывают у перекупщиков». А еще тотализатор. Ты разве забыл о нем?

Максуэлл листал газеты и в каждой находил статью, репортаж, снимок, посвященные предстоящему поединку. Многие газеты публиковали портреты Сиднея и негра Харвея Таунсенда.

Джэксон рассматривал свои изображения.

Вот она, известность! Его имя уже повторяют миллионы читателей.

— Прошу прощения, сэр,— в номер, кланяясь, вошел бой в форменном синем костюме.— Прошу прощения, сэр, вам телеграммы и письма.

Он выложил на стол пачку бумажек и конвертов.

Максуэлл стал читать письма вслух. Незнакомые люди с разных концов страны поздравляли с национальным праздником боксера Сиднея Джэксона и желали ему победить Харлея Таунсенда. Письма из южных штатов были написаны в темпераментных выражениях, пестрели оскорблениями в адрес «паршивого негра».

— Ого, сам император ку-клукс-клана тебя приветствует! — воскликнул Максуэлл, распечатывая конверт и вынимая красочно оформленную картинку.

— Какой император?

— Великий Дракон, Маг Невидимой Империи, как они называют свою организацию.

— Выброси в корзину.

— Бросить всегда успеем. Ты вот послушай, что он пишет.— Максуэлл стал читать: — «Здесь, Вчера, Сегодня и Навсегда! Мчится ку-клукс-клан! Господь посылает нам людей! От имени всех подданных Невидимой Империи приветствую и желаю тебе, белый человек, защитник чистоты расы, успеха и победы над паршивым черным отродьем. Огненный крест и наши сердца с тобой. Помни, твоими руками господь бог творит праведный суд. Да не обманешь нас в этом!» И подпись: «Его Величество Маг Невидимой Империи».

Сидней вспомнил ночь в городе Джэксоне, огненный крест — и выругался.

— Хотел бы я сейчас встретиться с этим, как его, Великим Драконом на ринге.

— Не советую связываться,— сказал Максуэлл.

3

За час до начала матча они были уже готовы к выходу. Сидней нарядился в новый черный костюм, который ему сшила фирма «Харт, Шеффнер энд Маркос», надел лакированные черные туфли, изготовленные для него «Американ шу компани», надушился новым одеколоном: компания «Проктер энд Грембл» любезно прислала огромный парфюмерный набор.

Джэксон подошел к зеркалу, критически оглядел себя. Он знал, что, едва покажется в спортзале, сразу попадет под обстрел фотокорреспондентов.

Максуэлл поглядывал на часы. Пора!

Снизу позвонили:

— Мистер Джэксон, машина ждет у подъезда.

Через несколько минут шофер Норисона открыл им дверцу роскошного «линкольна»:

— Прошу.

Машина сразу рванула вперед. Развивая скорость, шофер умело лавировал в потоке машин. Но на углу Сорок пятой стрит он не рассчитал. Едва успел развернуться, как в «линкольн» врезался спортивный гоночный автомобиль. Все произошло мгновенно.

Оглушительный треск, скрежет... Подброшенный невероятной силой, Джэксон ударился о спинку переднего сиденья...

Он тут же пришел в себя:

— Максуэлл!

Лицо тренера залито кровью. В глазах боль и страх. Он выдавливает из себя:

— Сид... ты цел?

— Кажется...

Шофер безжизненными руками обнимал руль.

К месту аварии уже спешили полицейские. Толпа любопытных окружила машины, на улице образовалась пробка.

Максуэлл вытер ладонью лицо:

— Сид, скорее... а то опоздаешь!..

— Сначала отвезу тебя в больницу. Ты весь в крови.

— Глупости!.. Скорее на матч!

4

Мистер Норисон прибыл в Мэдиссонклаб за полчаса до состязания. К своему удивлению, он узнал, что Сидней все еще не приехал. Норисон позвонил в отель, но к телефону никто не подошел. «Странно,— подумал антрепренер.— Сидней всегда был аккуратен. Видимо, это опять Максуэлл выкинул какой-нибудь трюк. Он вечно лезет со своими советами, не выполняя то, что положено». В последнее время Норисон все чаще и чаще был недоволен работой тренера.

Норисон поднялся наверх и хотел было пройти в ложу, как к нему подошел служащий клуба.

— Прошу прощения, мистер Норисон, на ваше имя поступила телеграмма.

— Давай!

— Она в кабинете управляющего, сэр,— ответил служащий с поклоном.— Извольте пожаловать туда.

В кабинете никого не было. Подойдя к столу, антрепренер распечатал телеграмму. В ней было всего три слова: «Твой козырь бит».

Ничего не понимая, но уже предчувствуя что-то неприятное, Норисон проверил адрес. Телеграмма адресована именно ему.

Скомкав почтовый бланк, он двинулся к выходу. Дверь оказалась запертой. Он подергал ручку.

— Откройте!

Из-за двери никто не отозвался.

— Что за шутки! — Норисон выругался.

Ответом было молчание.

Антрепренер вернулся к столу и нажал кнопку звонка, вызывая секретаря. В ожидании его прихода он уселся в кресло. Закурил.

Прошло минуты две, никто не появился. Он еще несколько раз нажимал на кнопку звонка, но безрезультатно.

Тогда антрепренер решил позвонить по телефону. Подняв трубку, он убедился, что телефон отключен.

У него тревожно екнуло сердце. Заманили!

Вытерев белоснежным платком крупные капли холодного пота, выступившие на лбу и подбородке, Норисон задумался. Потом стал барабанить в дверь.

Как все хорошо складывалось! В последних числах апреля у губернатора штата Нью-Йорк состоялось заседание руководителей различных спортивных и молодежных организаций.

Обсуждали один вопрос: организация массовых мероприятий в день национального праздника.

Губернатор сказал:

— Неплохо бы еще что-нибудь. Сенсационное и не парадное.

Вот тогда-то и взял слово подготовленный Норисоном верховный глава Христианского союза молодежи. Он предложил устроить матч на звание чемпиона Америки.

— Кстати, тут присутствуют два крупнейших антрепренера —мистер Норисон и почтенный Сэмюэль Эсбери.

Норисон и Эсбери, польщенные вниманием, встали и поклонились.

— Прекрасно! — Губернатор радостно хлопнул в ладоши.— Прекрасно! Полагаю, что у джентльменов достаточно высок дух патриотизма и они понимают значение национального американского праздника.

Норисон, словно подброшенный пружиной, вскочил с места и сделал театральный жест в сторону Эсбери:

— От имени моего боксера Сиднея Джэксона, стопроцентного американца, я вызываю на поединок нынешнего чемпиона Америки негра Харвея Таунсенда.

Сэмюэль почувствовал, что попал в волчий капкан. Ему ничего другого не оставалось сделать, как принять вызов и скрепя сердце под общие аплодисменты пожать руку Норисону.

В перерыве Эсбери увлек Норисона в буфет. Ему не терпелось поставить свои условия. Он стал покровительственно диктовать пункты будущего контракта.

— Вы понимаете, что уступать вам титул чемпиона я не собираюсь. Мы проведем два матча! И мой Харвей позволит один раз победить себя. Для вашего мальчика это будет большая честь.

Норисон выражал смирение и покорность. Он соглашался на все. Однако, когда через неделю они встретились вновь для подписания контракта, Эсбери побледнел. В контракте говорилось только об одном поединке. На его недоуменный вопрос Норисон ответил:

— Неужели вы не понимаете? Все ясно как день. Если победит ваш чернокожий, то второй матч не нужен, на него никто не пойдет. Ну, а если победителем станет стопроцентный американец, у вас есть возможность потребовать реванш.

Сэмюэль вспыхнул. Он изрыгал ругательства. Еще бы, в течение семи лет он держал в своих руках чемпиона и извлекал из него колоссальные барыши! Сколько охотников из

числа белых стремились сбить корону чемпиона с чернокожего боксера! Спекулируя на этом ажиотаже и разжигая его, Сэмюэль выбирал своему подопечному слабых противников или заранее обусловливал итоги матча.

— Как, вы уверены, что этот сопляк победит моего «тигра»? — ревел он.

— Ринг покажет,— ответил Норисон.

Эсбери отказался подписать документ. Он упирался несколько дней, но все же в конце концов вынужден был поставить свою подпись. Ведь он дал слово самому губернатору!

Что касается печати, то, конечно, не без содействия Норисона, все газеты начали трубить о предстоящем поединке.

Подписывая контракт, Сэмюэль злорадно усмехнулся. Норисон не придал тогда этому особого значения. Только теперь он понял, что ошибся.

Эсбери и не думал сдаваться. В то время как Норисон отчаянно метался по кабинету, Сэмюэль Эсбери спокойно выслушивал сообщение подкупленных гангстеров:

— «Линкольн» вдребезги!.. Нас тоже помяло. Мы еле унесли ноги от полиции.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Норисон был отрезан от внешнего мира. Он не знал, что происходит за стеной, в огромном зале, заполненном любителями спорта.

О чем он думал? Только об одном. Об убытках. Норисон затратил массу денег на то, чтобы устроить матч с чемпионом. Джэксон должен был стать чемпионом Америки и победить нескольких сильнейших боксеров других стран американского континента и Западной Европы.

Еще вчера Норисон подсчитывал огромные доходы от будущих сенсационных матчей, а сегодня — все рухнуло...

Вереницу этих горьких размышлений прервал голос, вдруг раздавшийся из репродуктора, стоявшего рядом с телефоном:

— Внимание, внимание! Леди и джентльмены! Наш микрофон установлен в Мэдиссонклабе, куда собрались тысячи любителей бокса и стянуты значительные силы полиции. Мы начинаем транслировать боксерский поединок между знаменитым стопроцентным американцем Сиднеем Джэксоном и нынешним чемпионом Соединенных Штатов Америки негром Харвеем Таунсендом...

Передача организована крупнейшими студиями Манхэт-

тена и Бронкса и транслируется многими радиостанциями Америки.

Уважаемые слушательницы и слушатели! В наш век стремительного роста техники вы уже имеете комфортабельную возможность сидя дома знать все величайшие новости. Радио вполне может заменить нудное чтение газет и более подробно рассказать о всех событиях. Не отставайте от своей эпохи, приобретайте радиоприемники «Радио корпорейшн оф Америка».

Итак, мы начинаем! Слушайте наш репортаж о крупнейшем спортивном поединке этого года. Репортаж ведет известный спортивный деятель, в недавнем прошлом чемпион по боксу, а ныне почетный член сорока восьми спортивных ассоциаций различных штатов и постоянный председатель Всеамериканской коллегии спортивных судей, мистер Альберт Шуртанг. Пожалуйста, мистер Шуртанг.

— Дорогие сограждане,— раздался глухой голос.— Мне выпала великая честь быть свидетелем этого грандиозного состязания и рассказывать вам о нем. Вы, конечно, знаете, кто такой Харвей Таунсенд. Его противником выступает Сидней Джэксон. Это восходящая звезда и надежда Америки.

До начала матча остались считанные минуты. Вспыхнули прожектора и осветили ринг. Пол ринга устлан дюймовым слоем резины и покрыт брезентом.

Диктор: — Резина подготовлена фирмой «Гудвир тайр энд риббер компани». Это чудесная резина. Калоши и дождевые плащи, выпускаемые фирмой «Гудвир тайр энд риббер компани», не имеют себе равных.

Шуртанг: — Белоснежные канаты ринга туго натянуты и образуют точный квадрат.

Диктор: — Канаты сделаны фирмой «Стэнли энд Рикс». Это чудесные канаты! Они могут выдержать любые грузы. Приобретайте для вашего хозяйства канаты и веревки фирмы «Стэнли энд Рикс».

Шуртанг: — На помост поднимается судья на ринге. Заняли свои места судьи и главный арбитр поединка.

Рефери вызывает претендентов на титул чемпиона. Вы слышите шум в зале? Это приветствуют Харвея Таунсенда. Он проходит по диагонали через ринг и останавливается в своем углу. На нем белый мохнатый халат, белые трусы и белые боксерские ботинки.

Рядом с ним находится его тренер Боб Чинсей, в прошлом знаменитый боксер, и секунданты. Боб что-то говорит Харвею, видимо напутствие, и тот кивает головой.

Рефери вызывает Сиднея Джэксона. Вы слышите, какая наступила тишина? Сейчас она взорвется аплодисментами. Одну минутку терпения. Вот прошли секунданты Джэксона. Среди них Оргард Джефрис. Вы, конечно, помните это имя, уважаемые слушатели.

Да, да, это он, знаменитый Кувалда! Если Сидней Джэксон усвоил его боксерские приемы, мы от души будем это приветствовать.

Джэксон что-то задерживается. Рефери вторично вызывает его. Молодой спортсмен уже, можно сказать, перехватил все навыки ветеранов. Когда-то и Оргард Джефрис заставлял ждать своего выхода. Потом стремительно появлялся на ринге и так же стремительно разделывался со своими соперниками. Так что задержка Джэксона вполне понятна. Рефери в третий раз вызывает Сиднея Джэксона.

Вы слышите музыкальный звук? Это удар гонга. Нет, матч еще не начался. Это рефери велел засечь время. По правилам соревнования, судья на ринге дает указание засечь время.

У Джэксона в запасе есть еще три минуты, то есть один раунд. Если он за это время не появится на ринге, победителем объявят Харвея Таунсенда.

Этому негру здорово везет! Как мне сейчас сообщили, Сиднея еще нет в клубе. Причина столь таинственной задержки нам неизвестна.

Закон есть закон. Хотя Таунсенда уже давно можно поздравить с победой, этого мы не делаем. Давайте подождем еще полторы минуты. Всего девяносто секунд отделяют его от триумфа. Это будет его двести шестьдесят восьмая победа. Самый короткий бой в трудной и напряженной жизни чемпиона. Самая, я бы сказал, спокойная победа. Ведь после нее не ждите реванша!

Я включил секундомер. Мы обещали вам вести репортаж всех пятнадцати раундов, рассказать о необычайном поединке двух сильнейших людей страны. Однако наши надежды не оправдались.

Осталось пятьдесят секунд. Харвей улыбается репортерам и позирует фотографам. Да, теперь уже можно считать его победителем.

У этого замечательного боксера много поклонников. Вот один из них, растолкав полицейских, устремляется к рингу. О! Это уже не положено. Вы слышите смех в зале. Это поклонник перепрыгнул через канаты ринга.

Конечно, за такую дерзость ему придется расплачиваться. Блюститель порядка под хохот зрителей неуклюже перелез

через канаты и, размахивая дубинкой, не спеша направляется к нарушителю.

Что это? Извините меня, однако это против правил этики! Подумайте только, этот фанатик бокса сбросил пиджак, швырнул в полицейского свой цилиндр. Уж не думает ли он заменить Сиднея Джэксона?

К нему бросился сам Оргард Джефрис. Сейчас он его проучит! Нет, совсем нет! Джефрис оттолкнул полицейского...

Дальнейшие слова радиокомментатора Норисон не разобрал. Его голос потонул в страшном грохоте, который разразился в зале. Словно там взорвалась бомба. Или налетел штормовой ураган. Его гул доносился не только из приемника, а и через стену.

Антрепренер еще больше втянул голову в плечи. Все! Он взглянул на часы и вспыхнул. Как? Еще целых десять секунд до конца раунда?! Это не по правилам! Они не имеют права присуждать победу!

Чем тише становился гул тысячной толпы, тем сильнее негодовал Норисон. Но что он мог предпринять! Даже заявить законный протест, оспорить победу он не имел возможности.

Когда шум стих, снова раздался глухой голос Альберта Шуртанга:

— Нет, дорогие слушательницы и слушатели, это не конец. Это начало! Да, да! Вы слышали взрыв аплодисментов, взрыв радости и ликования! Это зрители приветствовали Сиднея Джэксона. Да, да, это именно он. Репортаж только начинается. Сидней Джэксон вышел на ринг.

Молодой спортсмен оказался весьма волевым и выдержанным человеком, с чисто американским юмором. Подумайте только, как он красиво разыграл эту комедию! У него, бесспорно, есть талант, и многие кинокомпании сегодня обратили на это внимание.

Норисон размахивал руками, приседал и подпрыгивал, задирал ноги и делал такие «па», что ему мог бы позавидовать любой балетмейстер. Антрепренер прыгал и повторял:

— Молодчина, Сидди! Гип-гип, ура!

— Начинается второй раунд,— раздался голос Шуртанга.— Вы слышали удар гонга? Прошел первый минутный перерыв. Минута — срок слишком малый для того, чтобы подготовиться к поединку. Но Джэксон все же успел раздеться и принять нужный вид.

Итак, второй раунд. Второй для Харвея и первый для Джэксона. Харвей Таунсенд уже имеет один раунд в своем

активе. И все очки этого раунда. Не потому ли Сидней Джэксон так энергично пошел в атаку?

Однако Харвей Таунсенд не принял предложенный темп. Он, отстреливаясь одиночными прямыми ударами, отходит, стремительно отходит назад. Он уходит настолько, чтобы кулаки Сиднея не доставали до цели. Какое чувство дистанции! Не зря он считается мастером ринга. Таунсенду не раз приходилось встречать шквал юного задора и ураган молодого темперамента. И конечно, усмирять их холодом разума и силой заключительных ударов.

Джэксон атакует. Очень бурно и, я бы сказал, нерасчетливо. Зачем столько пыла и даже злости? Молодость, как правило, не умеет смирять свой темперамент, подчинять чувства разуму. Это приходит с годами, когда накапливается опыт.

Бой обостряется! Таунсенд принял темп и вступил в обмен ударами. Оба противника осыпают друг друга сериями отработанных ударов. Черные перчатки мелькают, как молнии. Но что это? Чемпион снова стал отступать? Неужели он отдал инициативу в руки Сиднею? Думаю, что нет. Он просто уступает его темпераменту, дает возможность почувствовать успех и обольститься этим. О, Таунсенд умеет усыпить бдительность! Так и сейчас, он дает своему молодому сопернику вымахаться, растратить пыл и энергию. Обычная тактика тех, кто умеет рассчитывать свои силы и не обманываться в своих возможностях!

Джэксон прекрасен! Он весь горит, увлечен и вдохновлен поединком. Но хватит ли у него энергии, чтобы выдержать до конца? Слишком нерасчетливая растрата. Ведь многие удары не доходят до цели, бьют воздух. Однако те, что доходят, бесспорно приносят неприятности Харвею. Особенно удары по корпусу. Они подрывают боеспособность и сбивают дыхание.

Джэксон добился своего: он заставил Харвея принять ближний бой! Уклонившись от контратакующих ударов правой, Сидней сделал шаг и сблизился! Оба осыпают друг друга ударами. Руки Харвея работают энергичнее. Его перчатки чаще мелькают в воздухе и записывают очки в свою пользу. Джэксон бьет реже, но точнее. Его удары тяжелы, Харвей не вынес их и сделал отскок назад! Чемпион уступил инициативу!

Сидней не отстает от него ни на шаг. Он беспрерывно атакует. Атакует сериями ударов. Харвей отступает. Непонятно отступает. Не похоже, что это чемпион, знаменитый тактик боя. Что с ним? Обычно он отступал так, что центр ринга всегда оставался за его спиной. Всегда в тылу он имел поле для тактического маневра.

Так отступать опасно! Харвей почти все время у канатов. Он скован, и его встречные удары не в силах остановить натиск Джэксона! Если у нашего молодого боксера хватит силы так выдержать до конца поединка, тогда — ура юному темпераменту!

Что, неприятно? Харвей, увернувшись, провел встречный прямой справа. Готов поклясться, что у Джэксона сейчас чертики прыгают в глазах! Но он и вида не подает! Как он бросился вперед!

Вы бы посмотрели на этот вихрь ударов! И все точные, быстрые, отработанные. Неповторимое зрелище! Два бойца, два виртуоза кулачных поединков демонстрируют свое умение. Силу, ловкость и красоту!

Время второго раунда истекает. Бесспорно, раунд принадлежит Сиднею Джэксону. Мы с вами будем вести счет. Приготовьте карандаш и листочки бумаги. Запишите каждому по раунду.

Простите, на ринге снова острое положение! Джэксон точными ударами заставил Харвея отступить, отступить в угол! Может быть, чемпион что-нибудь задумал? Приготовил тактический сюрприз? Хочет заманить молодого и сразу же сокрушить его?

Нет, что-то не похоже на это. Харвей, непобедимый Харвей вынужден защищаться. Он в глухой защите!

Джэксон бьет. Бьет беспрерывно... Удар... Еще один! Судья разнимает их. Вы слышите? Это рефери дал команду «Брэк!». Бойцы отступили по шагу назад, вернее, шаг сделал только Джэксон, а Харвей откинулся назад и за счет силы спружинившего каната стремительно кинулся на Джэксона. Негр умеет атаковать!

О как красиво! Это Джэксон нырнул, присел под летящий прямо ему в голову кулак Харвея. Публика справедливо наградила его аплодисментами. И в этом положении он нанес удар! Харвей падает! Чемпион на полу...

Как это произошло? Мгновенно. Джэксон, словно спущенная пружина, стремительно приподнялся и с поворотом корпуса ударил снизу вверх. Изумительный удар!

Рефери взмахнул рукой. Вы слышите его голос? Он сказал: «Раз!» Это начало счета... Сидней, не оглядываясь, направился в нейтральный угол. Рефери снова взмахнул рукой и сказал: «Два!» Харвей лежит на спине. Он даже не шевелится. Вы слышите, как стало тихо? Мой помощник поднес микрофон к рингу. Я его включаю. Слушайте ринг! Слушайте голос судьи!

— Пять... шесть... семь...

Неужели нокаут? Такого еще не бывало на чемпионате за последние десять лет!

— Восемь... девять... аут!

Вы слышали слово «аут»? Это победа! Что творится в зале, я не могу рассказать! Судья на ринге подбежал к Джэксону и поднял его руку. Руку нового чемпиона!

Наконец мы можем поздравить друг друга с замечательным подарком, который преподнес нам Сидней Джэксон! Корона чемпиона на светлой голове белокожего. Да здравствует наша нация, самая сильная и энергичная! Ура молодому чемпиону, нашей гордости и нашей славе!

Диктор: — Леди и джентльмены! Харвей Таунсенд на полу. Корреспонденты торопливо щелкают фотоаппаратами. Они фотографируют подошвы боксерских ботинок Харвея. Да, да! Подошвы. На них четкая надпись: «Употребляйте виски «Кэри Пэйн»!.. Публика в восторге! Но как можно считать восторг полным без полного стакана виски «Кэри Пэйн»? «Кэри Пэйн» освежает, бодрит, вызывает благородные мысли и пробуждает высокие чувства! «Кэри Пэйн» — король виски! Им гордится наша нация! Статистика говорит, что виски «Кэри Пэйн» — самое популярное и самое ходовое. Его пьют во всем мире!

Норисон вскочил и кинулся к двери. Он должен находиться там, в зале! Антрепренер приготовился барабанить в дверь до тех пор, пока ее не откроют. Однако дверь оказалась открытой. Норисон, навалившись на нее, потерял равновесие и чуть не упал.

Выскочив в коридор, он устремился в зал. Но его поглотила бушующая толпа, которая двигалась к выходу.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1

Сидней проснулся от продолжительного звонка. Кто-то настойчиво требовал впустить. Нужно встать и открыть дверь. Но ничего делать не хотелось. Даже открывать глаза. Он все еще был во власти сна. Сна, похожего на действительность, или действительности, похожей на сон.

Слишком много впечатлений за один день! Он пережил трагедию автомобильной катастрофы, отчаянно боролся за свое право добиться успеха, узнал опьяняющую радость взлета и славы.

Джэксон закрыл глаза. Попытался снова вернуться в сон, в сказку, в недавнюю действительность. Но не получилось. Он уже окончательно проснулся. Приятная легкая истома, которая наполняла тело и заставляла звучать каждую струнку души, исчезла, испарилась, как утренний туман с появлением солнца.

За окном был уже день. Пасмурный, дождливый. Совсем обычный. Словно ничего и не происходило. Никаких следов от недавнего. Нет, следы есть. От большого пальца левой руки идет тягучая боль. Она разливается по всей руке.

Джэксон осмотрел палец, осторожно ощупал его. Палец опух.

— Обыкновенный вывих,— заключил он осмотр.— Надо показать врачу.— И тут же отказался от этой мысли. К врачу нельзя. Никто не должен знать о его травме. Ведь кулаки — это его оружие! А ему предстоят встречи на ринге, бои. Надо принимать меры самостоятельно.

Джэксон вспомнил, что в таких случаях Максуэлл советовал делать глубокое прогревание парафиновой ванной. А где сейчас взять парафин?

Сидней направился в ванную и открыл кран с горячей водой. Сунул кисть под струю. Но долго держать не смог. Вода обжигала.

Когда же он вывихнул палец? Во время аварии, когда стукнулся о переднее сиденье? Возможно, там, возможно, и нет.

Боль он почувствовал на ринге. Когда Оргард стал торопливо бинтовать кисти и натягивать перчатки. Сидней вспомнил, как он стиснул зубы, чтобы не вскрикнуть. Он только выругался, крепко, как грузчик в порту. Неужели эта случайная травма отнимет у него то, к чему он стремился всю жизнь?

Оргард ничего не мог посоветовать. Был бы Максуэлл, спокойный и рассудительный Мики Кайт, тот нашел бы выход. Ведь не зря же его когда-то называли «профессором бокса».

Перед Сидом встала трудная задача: как с одним здоровым кулаком добиться победы?

Отступать Джэксон не был намерен. Выходить на ринг только для того, чтобы уступить победу, он не хотел. Нет, Сидней жаждал победы.

Когда раздался звук гонга, известивший о начале поединка, у Джэксона уже созрел план. Он не был похож на тот, который был разработан накануне и отработан до деталей. Это был новый план. Дерзкий и опасный. Он зиждился на шаткой основе: на стратегической внезапности. Джэксон делал ставку только на одну руку: или — или...

Конечно, так поступать было слишком рискованно, даже опрометчиво. Как злорадно усмехались глаза Таунсенда! Опытный боец сразу раскусил его. Может быть, не до конца, но все же правильно оценил главное. Он усмехался, а его выпуклые глаза как бы говорили: «Давай, давай, жми! Посмотрим через десять раундов. Надолго ли тебя хватит?!»

Харвей маневрировал. Как он маневрировал! Дразнил, заманивал, поддаваясь, и в последний момент, когда Сидней бросался в атаку, ускользал, как ящерица, которую хотят ухватить за хвост. Но Джэксон оставался неумолимым. Он не обольщался соблазнами, не терял самообладания и все время стремился к одному: заставить чемпиона принять ближний бой. Стремясь к сближению, он весь огонь атаки направлял в голову противника, пристально следя за его корпусом. Едва Харвей ослаблял защиту, едва появлялась возможность провести удар, Сидней бил. Эти редкие, но ощутимые удары в корпус помогли Джэксону принудить противника сблизиться. Тот надеялся найти в ближнем бою отдых. Но не тут-то было!

Вспомнив так быстро наступивший финал, Джэксон не удержался, чтобы не повторить удар, который принес славу и счастье. Он вынул руку из-под горячей струи. Вспухший палец и вся кисть покраснели. Сидней осторожно сжал кулак и стал в боевую позицию перед зеркалом. Мысленно представил атакующего портивника. Потом присел и, распрямляясь, сделал удар по предполагаемому подбородку Харвея. Здорово получается!

Он повторил несколько раз прием. Жаль, очень жаль, что Максуэлл не был на матче, не видел боя. Тренер был единственным, кто мог по достоинству оценить его победу.

Но где сейчас находится тренер? Сидней помнил, как они расстались в машине. Где его искать? В какой больнице?

2

Норисон пришел торжественный, в черном костюме и, важно сняв шляпу, галантно раскланялся.

— Честь имею приветствовать нового чемпиона Америки!

— Спасибо, мистер Норисон! — ответил Сидней.— У вас здорово получается, как у настоящих дипломатов.

— Молодец! Порадовал меня и всю Америку! Дай обниму,— антрепренер обнял боксера, похлопал ладонью по его мускулистой спине.— Фортуна нам улыбается!

— Как солнце! — поддакнул Сидней.— Очень хорошо!

— Тебе особенно! — Норисон отстранился и ласково сощурил глаза.

— Где сейчас Максуэлл?

— Зачем он тебе?

— Я не видел его со вчерашнего дня.— Сидней рассказал обо всем, что произошло.— Жив ли он?

— Конечно, жив! Правда, его немного помяли, сломали ребра и, кажется, ключицу.

— Это была не случайная авария!

— Ты думаешь, им зря платили доллары? Такие молодчики умеют работать! Что же касается Максуэлла, то не тревожься. Я обо всем позаботился. Он находится в приличной больнице, его лечат. И он скоро снова будет тренировать малышей.

— Малышей? Почему малышей? — Сидней насупился. В словах Норисона он почувствовал что-то недоброе.— Ведь Максуэлл меня тренирует.

— Тренировал.

Джэксон с недоумением посмотрел на антрепренера.

— Я что-то не понимаю.

— Тут понимать нечего. Тебе просто невыгодно содержать такой большой штат: тренера, спарринг-партнеров. Это слишком дорого обходится. Хватит и одного Оргарда. У него есть имя, и он недорого стоит.

Спокойный тон Норисона, его коммерческий подход к делу не сразу дошли до сознания Сиднея.

— Мне? Невыгодно? — Сидней явно не понимал своего шефа.

— Неужели ты думал, что им платили из государственной казны? — Лицо антрепренера уже не улыбалось. Оно стало жестким.— Все расходы производились от твоего имени. С самого начала, в течение ряда лет.

Джэксон беспомощно развел руками. Слова Норисона были словно камни.

— Но у меня... вы же знаете...— Сидней запнулся.

— Конечно, я знал, что у тебя нет ни цента! — Норисон прошелся по гостиной походкой победителя.— Но я знал и другое, знал, что они будут! Будут! Я поверил в тебя. И открыл тебе неограниченный кредит. Не жалел долларов для твоего совершенства. Это был риск, это был страшный риск. В случае краха, неудачи я мог бы разориться, вылететь в трубу. Ты понимаешь? Но я верил, верил, несмотря ни на что! И вчера наконец убедился в своей правоте. Ты оправдал доверие!

Джэксон попытался улыбнуться. Конечно, шеф прав. Все успехи достигнуты благодаря его стараниям, благодаря его деньгам.

— Я благодарен вам, мистер Норисон,— сказал Сидней,— за все, за все...

— Я горжусь тобой, мальчик, и благодарности не требую. Таков уж наш долг, любителей спорта.

— Что же тогда мне делать?

— Сначала мы займемся немного бухгалтерией,— Норисон расстегнул свою объемистую папку и вытащил плотную пачку листов.— Скучной бухгалтерией. Надеюсь, ты еще не забыл четырех действий арифметики?

— А потом? — Сидней беспокоился не о прошлом, а о будущем.

— Потом? — Норисон скроил улыбку и покровительственно хлопнул по плечу.— Потом будем продолжать начатое дело. Мы с тобой компаньоны одной фирмы. Оба работаем. Ты на ринге, я за рингом. Ты побеждаешь, я организую матчи. Как видишь, наша фирма весьма доходное предприятие.

— Давайте счета,— как можно спокойнее сказал Джэксон.

— Вот это деловой разговор! Разговор настоящего взрослого американца. Правильно, Сид, деньги любят счет! — Норисон протянул пачку бумаг.— Ознакомься. Пусть тебя не пугают цифры! Я все сразу не требую, будешь возмещать по возможности, по частям. Мы оба христиане и должны помогать друг другу. Мне не нужно процентов. Только возмещение расходов! Я стараюсь во имя славы Соединенных Штатов. Бокс — это моя слабость, я хочу, чтобы американские боксеры были самыми сильными в мире. Ради этой высокой цели я готов пожертвовать собой.

Сидней взял пачку бумаг и уселся в кресло. Стал читать. Это были счета, вернее копии счетов. «Предусмотрителен,— подумал боксер,— такой не доверяет сам себе».

Джэксон смотрел на цифры, перелистывал страницы и удивлялся своей расточительности. Как он раньше об этом не подумал?

Счета были аккуратно перепечатаны, и каждая цифра воскрешала в его памяти прожитые дни, радости, печали, успехи. Джэксон как бы смотрел сам на себя глазами финансиста, оценивал свои поступки и действия, видел оправданные и неоправданные затраты и расходы.

Норисона нельзя было упрекнуть в неточности. В счетах было все: плата за квартиру и расходы на поездки по стра-

не, заработная плата тренеру и гонорар спортивным журналистам, счет чикагского шофера такси и счета фешенебельных гостиниц, расходы, связанные с пребыванием на ферме, и ежемесячные ассигнования матери, содержание спарринг-партнеров и подарки соответствующим должностным лицам, принявшим участие в организации матча с Таунсендом, оплата тайных агентов, разыскавших Иллая после первомайской демонстрации, и крупные взятки полицейским чинам, личные карманные деньги боксера и рождественские подарки.

Приложила руку и Рита. Теперь Сидней понял, откуда она черпала доллары на свои изысканные наряды и туалеты. Жизнь последних лет день за днем, месяц за месяцем встала перед ним длинными списками счетов, превратилась в цифры. Оказывается, все имело цену. Каждый шаг, каждое движение.

Джэксон терпеливо дочитал до конца. Затаив дыхание, перевернул последнюю страницу. Он ждал последнего удара — итоговой цифры. Так подсудимый читает последний раздел приговора. Итоговая сумма выражалась шестизначной цифрой. Он смотрел на сумму и видел не арифметические знаки, не цифры и нули, а цепи. Тяжелые цепи, которые опутали его.

— Я сразу не в силах погасить весь долг, мистер Норисон.

— Что ты, Сидди! Ведь я и не настаиваю,— поспешил заверить антрепренер.— Будешь погашать постепенно. От каждого матча. Теперь у тебя есть имя и повсюду открыт кредит.

— Вот получите,— Сидней достал чековую книжку и выписал свой первый чек.— Я хочу скорее рассчитаться.

Норисон ушел и унес с собой четыре пятых его состояния. Джэксон утешал себя мыслью, что все еще впереди. По существу состоялся только один настоящий поединок. Если так дальше пойдет, он скоро возвратит Норисону долг и станет свободным. Тогда все деньги будут его.

Уходя, Норисон предупредил:

— Тебя приглашает верховный глава Христианского союза молодежи. Они там готовятся тебя чествовать. Заеду за тобой в шесть вечера. Будь готов.

— Постараюсь,— ответил Джэксон.— Меня ждут дома, и надо навестить Максуэлла.

— Передай ему привет. Пусть поправляется старина. А за тобой я заеду прямо домой. Договорились?

3

Дома был праздник. У подъезда ждала толпа. Едва он вышел из машины, как его подхватили на руки и понесли. Повсюду раздавались крики «ура». Соседи, знакомые, рабочие химического завода, мастера из мастерской Олт-Гайтмана, товарищи по школе — в общем, все, кто знал и не знал его, но жил поблизости, собрались у его дома, заполнили лестничные пролеты, набились в квартиру. К нему тянулись десятки рук, со всех сторон летели приветствия и поздравления.

Сидней не ожидал такого приема. Он и не предполагал, что слава так шумна. Смущенный и гордый, он не знал, как себя вести.

Наконец он протиснулся к своим. Он увидел миссис Джэксон:

— Мама!

Перед миссис Джэксон расступились. Она была в праздничной синей кофте и шерстяной юбке. Глаза ее улыбались, и вся она, казалось, светилась радостью и тревогой.

Сидней подошел к ней:

— Здравствуй, мама.

— Здравствуй, мой мальчик,— ответила миссис Джэксон и обняла сына.

Она уткнулась ему в грудь, и он впервые почувствовал, какая она худенькая и слабая. Маленькие плечи женщины дрогнули. Сидней нагнулся и поцеловал ее в щеки.

— Не плачь, мама.

— Я от радости, мой мальчик...

Потом она провела ладонью по его волосам, погладила и спросила:

— Как ты себя чувствуешь?

— Отлично, мама.

— Тебе было там... не больно?

Он улыбнулся и отрицательно замотал головой.

— Честное слово? — допытывалась мать.

— Честное слово!

В словах сына звучала такая уверенность, он сам был так полон счастья, что она поверила. И вздохнула.

— Как жаль, что отец тебя не видит. Луи всегда гордился своими сыновьями,— она вытерла слезу.— Дай бог тебе счастья, мой мальчик! Трудная у тебя профессия, ох, трудная...

— Поздравляю тебя, братишка,— Иллай крепко обнял Сида.— Все рабочие завода гордятся тобой. Ты молодец!

Сидней давно ждал этой минуты. Наконец-то Иллай признал его правоту, правильность выбранного им жизненного пути! И не только признал, но еще и восхищается, гордится им. Вот что значит стать чемпионом!

Рита повисла на шее брата и осыпала его поцелуями.

— Миленький Сидди! Как я рада! Как рада!

Морис Рэнди, старый товарищ отца, долго тряс руку Сиднею, говорил «спасибо» и «надо это дело вспрыснуть». По его покрасневшим глазам было видно, что старик хватил добрую кварту еще до встречи. Его сын Жак, такой же высокий, костистый, хлопал Джэксона по плечу, всячески показывал окружающим, что они с Сидом — друзья детства. Френк тянулся через головы людей, приветствуя и поздравляя. Френк, конечно, пришел не столько из-за Сида, сколько из-за Риты. Но та даже не смотрела в его сторону.

— Прошу внимания, леди и джентльмены! Тише! — Это кричал Блайд, который исполнял роль руководителя торжества.

Когда установилась относительная тишина, Блайд приосанился и сказал:

— Все мы, жители Бронкса, приглашаем Сиднея Джэксона и его семью на торжественный обед, устроенный в честь нового чемпиона Соединенных Штатов! Леди и джентльмены, прошу в Ридженклаб!

— Ура! — заревел Морис Рэнди и подкинул свою шляпу.

Все шумно устремились к выходу.

Сидней тоже направился к дверям, но тут за него уцепилась Рита.

— Миленький Сидди! Только на одну минутку. Очень важное дело!

Она потащила его в свою спальню. Там уже находилась мать. Рита, не теряя драгоценного времени, сразу захватила инициативу в свои цепкие ручки.

— Мне нужно три тысячи. Пока у тебя есть деньги. Мне срочно необходимо купить модную шубку и переменить гардероб. Не могу же я быть все время в одном и том же! На меня смотрят как на сестру чемпиона.

— Столько не могу,— Сидней приготовился отражать атаку.

— Не можешь? Получил пятьдесят тысяч и сестре жалеешь несчастные центы? У тебя нет никого, кто бы так нуждался, как я! — Рита атаковала. Она была полна решимости

получить свою долю.— Я же не прошу десять тысяч, хотя и должна была бы их требовать. Я прошу всего лишь три тысячи, и ты... ты...

Она уже рыдала.

— Рите пора замуж, но найти порядочного жениха трудно,— сказала миссис Джэксон.— Ты должен ей помочь, мой мальчик. Бог вознаградит тебя за твою щедрость.

Сидней хотел было возмущаться, доказывать, спорить. Ведь у него нет пятидесяти тысяч! Нет. Но он понял, что ему все равно не поверят. И он после некоторого колебания вытащил банковскую книжку и выписал чек.

Рита осыпала его поцелуями, оставляя на щеках следы губной помады, и спрятала чек в свою сумочку.

Сидней взглянул на мать. Она ничего не просила. Джэксон выругал себя за забывчивость. Ведь маме нужно было привезти хоть какой-нибудь подарок! Сын, такой знаменитый сын, пришел с пустыми руками. Боксер снова поставил свою подпись.

— Мама, вот тебе от меня.

— Зачем мне столько, мой мальчик? — сказала она.— Целых три тысячи!

— Бери, мама, это тебе мой подарок.

— За всю жизнь никогда не держала в руках чека на такую уйму денег. И отец твой тоже...

— Ничего, мама, придет время, будем иметь еще больше!

— Помоги бог, мой мальчик. Помоги бог!

4

Доллары улетели из его карманов, словно стая выпущенных воробьев. Быстро и в разные стороны. С легкой руки Норисона, к утру следующего дня у него от состояния не осталось ничего, если не считать воспоминаний и корешков чеков. Каждый, по-видимому, считал, что парню здорово повезло, что с неба ему в руки свалилось огромное богатство, и стремился урвать из этой суммы свою долю.

Шествие просителей в Ридженклабе открыл настоятель местной церкви. Он подарил чемпиону библию, книгу «Религия и здоровье» и несколько брошюр религиозного содержания. Пастор произнес большую речь, закончив ее обращением к Сиднею Джэксону:

— Сын мой, помни, что тот, кто смирил свой дух, сильнее тех, кто покорил царства!

После этой речи ему пришлось отвалить триста долларов «на благоустройство церкви». Потом были члены местного спортивного клуба, делегация учеников той школы, в которой он учился, организаторы озеленения рабочего района, представители местного отделения общества помощи бедным, комитет содействия просвещению и другие благотворительные организации.

Те, кто не мог претендовать на доллары, старались урвать хоть кусочки славы. Слава тоже приносит деньги. Лысый парикмахер, тот самый, который не раз насмехался над Джэксоном, когда он тренировался на тротуаре, теперь торжественно заявил, что готов брить и стричь чемпиона бесплатно, и просил Сиднея навещать именно его парикмахерскую. Бакалейщики и зеленщики объявили, что отныне будут снабжать дом чемпиона продуктами и овощами.

— Специально для Сиднея Джэксона!

А грузный владелец пивного бара сказал:

— Сиднею Джэксону ежедневно до самой смерти будет кружка лучшего пива, стаканчик виски и обед по выбору. Не забывай нас, Сидней, мы рады тебя видеть каждый день в нашем зале!

Даже Кетинг, старая скряга, которая когда-то не отпускала в долг, теперь расщедрилась и увивалась вокруг миссис Джэксон.

Сидней смотрел на лавочников, местных коммерсантов и понимал тайный смысл их показной доброты и патриотичности. Они заботились не о благополучии Джэксонов, а о своих доходах. Имя чемпиона Америки — хорошая реклама.

То же самое происходило и на приеме у верховного главы Христианского союза молодежи. Только там речи были цветистее, манеры — изысканнее, маскировка — тоньше.

Поздно вечером Норисон повез Джэксона в фешенебельный ресторан отеля «Астория», где организовали ужин для спортивных журналистов. И снова Сиднею пришлось выписывать чеки.

После шумного дня и такого же вечера Сидней с больной головой и опустошенным карманом вернулся в свой номер гостиницы. Он долго не мог заснуть. Неужели и дальше так будут улетать доллары, заработанные с таким великим трудом?

К рассвету он пришел к выводу, что богатым человеком быть очень трудно: надо все время находиться на страже и постоянно бить по рукам, которые со всех сторон тянутся к твоему кошельку.

Сидней принял твердое решение: надо копить деньги. «Сначала разделаюсь с долгами, расплачусь с Норисоном,— думал он,— потом буду от каждого поединка откладывать определенную сумму, чтобы не быть нищим, когда уйдут молодость и сила».

Джэксон вытащил свою чековую книжку. Перелистал корешки, подсчитал. В его распоряжении оставалось чуть больше тысячи ста долларов.

«Что бы ни было,— сказал он сам себе,— пусть даже сам президент будет просить, эту тысячу — никому. Она должна стать основой».

5

Однако и этой последней тысяче долларов не суждено было задержаться в кармане Сиднея Джэксона. Утром он побывал в больнице, посетил Максуэлла. Когда переступил порог палаты, сердце защемило от боли.

Тренер лежал на кровати, и вся голова и грудь его были забинтованы. Темнели только глаза. Он лежал без движения. Рядом с кроватью, сжав ладонями лицо, сидела моложавая женщина. Услышав шаги, она порывисто встала и умоляюще подняла руки.

— Мики только уснул... Всю ночь метался... Прошу вас...

По тому, как она назвала Максуэлла, и страдальческому выражению ее лица Сидней понял, что она тут не посторонняя. Максуэлл никогда не говорил о том, что у него есть близкий человек. Сидней думал, что он закоренелый холостяк, далекий от женщин.

Когда они вышли в просторный коридор, Сидней тихо спросил:

— Что у него?

Женщина не ответила. Она прошла вперед и устало опустилась в одно из глубоких кресел, которые стояли у раскрытого окна. Сидней сел напротив.

— Что с ним?

— Плохо. Сделали три операции и одну пластическую... Перелом ключицы... трещина в бедре...— Она закрыла лицо руками.— Бедный Мики!.. За что?

Ее плечи вздрагивали, и слезы катились между пальцами.

Сидней кусал губы. Все это из-за него, из-за Джэксона. Так говорила совесть.

— Простите меня, но я не могу сдерживаться...— Она, успокоившись, вытерла платочком глаза.— Первую ночь

Мики был без сознания. Он все время порывался вскочить и кричал: «Сидней, беги!»

Сидней вздохнул. Наступило неловкое молчание.

— Это уже второй раз...— снова заговорила женщина.— Тогда тоже так было... Почти двадцать лет прошло!.. Вы помните у Мики шрам на лбу?

— Да, над левым глазом.

— Он вам рассказывал его историю?

Сидней отрицательно покачал головой.

— Это похоже на Мики,— сказала женщина,— он всегда так. Скорее будет говорить о других, а о себе ни слова... Он вас так любит! Как сына, которого у него никогда не было и которого он так хотел!.. И я тоже. Мы любили друг друга. Готовились к свадьбе, которая так и не состоялась.— Она поспешно вытерла набежавшие слезы.— Простите. Не могу сдержаться. Двадцать лет! Ожидания и надежды... Это выше человеческих сил. Жизнь прошла мимо... Тогда Мики был молодым и самоуверенным. Он был главным претендентом на титул чемпиона. О нем писали все газеты. Называли «профессором ринга».

Накануне матча Мики провожал меня. У подъезда оказались разбитыми фонари. Когда мы подошли ближе, на нас напали. Мы даже не успели разнять руки. Мне накинули на голову какой-то мешок и больно стукнули в затылок... Больше я ничего не помню. Когда пришла в себя, увидела, что лежу на лестничной площадке. Я дрожала от холода, страшно болела голова... Открыла глаза — и чуть снова не лишилась чувств. Мики, мой Мики, лежал рядом в разорванной одежде, голова в крови... Как потом выяснилось, когда он сопротивлялся, ему пробили голову и сломали кость предплечья. Он первым пришел в себя. Поднял меня здоровой рукой и понес по лестнице домой. Не доходя один этаж, бедный Мики свалился от потери крови...

— А потом?

— Потом? Потом больше ничего не было. Когда Мики вышел из больницы, боксировать он уже не мог. На лечение ушло все, что было. Долго ходил без работы, пока его согласились взять тренером. Я изучила стенографию. Но наши заработки были очень скудными. Поэтому мы жили врозь, ожидая лучших дней. У нас не было средств снять даже комнату. Я живу у тетки. Редкие встречи, надежды. Постоянная боязнь иметь ребенка, о котором мы все годы мечтали, как о несбыточном счастье. Не жизнь, а пытка! Потом вот вы. Только из-за вас он пошел к Норисону. Он хотел уберечь

вас. Хотел, чтобы вы добились того, что ему не удалось. Доказать, что можно быть честным чемпионом.

— И я добился этого.

— А паутина Норисона? Вы разорвали ее?

Сидней не ответил. Вопрос сложный. Тут еще надо разобраться самому.

Джэксон вспомнил о своем разговоре с Норисоном, о счетах. Возможно, эта подруга Максуэлла права. Ведь шеф уже взял четыре пятых его состояния! Но тут же другой голос стал возражать. А не Норисон ли все эти годы содержал его и всю семью, платил тренерам и тратил доллары на рекламу?

Сидней перевел разговор на другую тему.

— Вы уплатили за операцию и больницу?

Она отрицательно покачала головой. Потом, закурив, сказала:

— Норисон обещал все расходы взять на себя. Ему трудно верить, но тут он, видимо, постарается показать себя джентльменом. Он не захочет портить свою репутацию.

Сидней вытащил чековую книжку и выписал на имя Максуэлла последнюю тысячу долларов.

Он догадывался, что, если эта женщина узнает о том, что он отдает последнее, она ни за что не примет помощи. Поэтому Сидней постарался изобразить человека, у которого есть еще не одна тысяча.

— Не жалейте денег, берите все самое лучшее. Максуэлл должен встать на ноги, и как можно скорее.

— Спасибо,— тихо сказала женщина и взяла чек.

Джэксон ушел из больницы подавленный и расстроенный. Судьба тренера, его жизнь встали перед ним во всей своей страшной трагичности и обреченности. Он не сказал ей, что Максуэлл уже уволен Норисоном. Он не мог нанести ей такой удар.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1

Едва Джэксон вернулся в гостиницу, как его окружили представители различных фирм и компаний. Все они обращались с одной просьбой: разрешить использовать имя чемпиона для рекламы своих товаров.

Работа закипела. Норисон подписывал договоры, а Сидней позировал в модных свитерах перед фотографами, чистил зубы новой пастой, намыливал лицо душистым мылом, приме-

рял носки, шнуровал туфли, надевал рубашки, вдевал запонки, пил фруктовые соки и ел пирожные.

Когда наконец все ушли, Норисон торжествующе похлопал Джэксона по плечу:

— Завтра на твой счет начнут поступать деньги. Это только начало. Крупные фирмы еще впереди.

— Я готов так работать целые сутки,— улыбнулся Джексон.

— А теперь больше никого не принимай,— Норисон собрал бумаги со стола и засунул в свою объемистую кожаную папку.— Тебе надо отдохнуть, а меня ждут менеджеры. Понимаешь, сразу чуть ли не все средневесы желают сразиться с тобой! Я приду к вечеру. Ужинать будем вместе.

Норисон ушел.

Сидней улегся на диван. Закрыл глаза. Сложные чувства тревожили его. С одной стороны — радость. Наконец-то он добился своего! С другой стороны — какая-то пустота, неудовлетворенность.

Джэксон встал, подошел к письменному столу. Развернул газеты. Крикливые заголовки, крупные фотографии. Все о нем, о новом чемпионе Соединенных Штатов.

Сидней листал страницы. В каждой газете на первой полосе помещен его портрет.

Только одна, рабочая, газета поместила отчет о боксерском поединке на второй странице. На первой полосе эта газета опубликовала фотографию повешенного негра.

Джэксон прочел заголовок: «Ку-клукс-клан снова поднимает голову». Под фотографией сообщалось, что на второй день национального праздника в штате Нью-Джерси расисты в белых балахонах линчевали молодого негра Роба Гриберста. Его вина заключалась лишь в том, что он вошел в дом к белым и разговаривал с белой девушкой.

Сидней долго смотрел на фотографию. Имя негра показалось ему знакомым. Боксер напрягал память. Когда они встречались? Где?

Но так и не вспомнил.

2

Норисон спешил — пришло время сбора урожая! Он заключал один контракт за другим, и через несколько дней после матча Сидней Джэксон имел уже твердое расписание боев почти на год вперед. Сэмюэль Эсбери лез вон из кожи,

чтобы принудить Норисона подписать договор на матч-реванш, но у него ничего не получалось. Норисон не отказывал, однако и не давал согласия.

— Ваш чернокожий — неплохой боец, но для Джэксона он слабоват,— отвечал Норисон,— пусть он потренируется, поднаберет силенок. Да к тому же у нас все время уже распланировано. К разговору о реванше мы сможем приступить не раньше чем через полтора года. Желаю вам удачи, мистер Эсбери!

Сэмюэль злился, но внешне сохранял спокойствие. Он еще надеялся перехитрить Норисона и отплатить ему сполна за несговорчивость.

Через неделю Сидней уже ехал в Канаду, имея в кармане заграничный паспорт. На просьбы дать ему возможность подлечить палец Норисон только улыбался и покровительственно хлопал по плечу:

— Время — деньги, пора понять это, мальчик!

В крупнейшем городе Монреале, который в два раза больше столицы Канады, состоялся матч с мексиканским боксером Дильгадо.

Дильгадо по-испански означает худой. Но мексиканец оказался довольно плотным, даже квадратным парнем с невзрачным лицом и маленькими плутоватыми глазками.

В первых же раундах он оказал яростное сопротивление и, завоевав таким образом симпатии зрителей, напоролся на встречный удар Джэксона.

Удар, как считал сам Сидней, был средним, не нокаутирующим. Однако мексиканец так и не поднялся до окончания счета.

У Джэксона закралось подозрение. Не симулирует ли Хуан Дильгадо?

Когда Сидней спросил об этом у Норисона, тот не стал играть в прятки.

— Я не намерен рисковать безупречной славой американских чемпионов.

— Выходит, я победил...— Джэксон глотнул воздух и, заливаясь краской стыда, закончил шепотом: — Победил нечестно?!

— Твои победы не вызывают ни у кого сомнения, особенно после Чикаго и поединка с Харлеем. Ты в десятки раз сильнее этого паршивого краснокожего! Но у тебя болит палец, и я не могу рисковать. Ведь у нас впереди еще столько поединков!

— Значит, он вел бой нечестно?!

— Он честно получил свои доллары. А доллары на дорогах не валяются.

— Значит, он получил не за честный труд боксера? Так ведь?

— В наш век, мальчик, труд стал слишком малодоходным источником существования.

Джэксон вспылил. Слова Норисона звучали как пощечина. Хватит! Он зло посмотрел на шефа.

— В таком случае я... я больше не позволю себя дурачить!

Норисон усмехнулся:

— А что станешь делать?

Решение возникло моментально:

— Прекращу турне.

— Нет, ты будешь боксировать,— твердо сказал шеф.

— В таком случае это был мой последний поединок!

Норисон даже бровью не повел. Щеки его лоснились, как хорошо навощенный паркетный пол.

— Прелестно! — воскликнул он.— Тебе осталось уплатить остатки долга и внести на мой счет по договору всю неустойку за отмененные матчи и за преждевременное аннулирование контракта. В таких случаях дядя Сэм говорит, что договоренность лучше, чем самый верный судебный процесс. Правильно, мальчик?

С каким наслаждением Сидней обработал бы эту лоснящуюся физиономию! Кулаки сжались сами собой.

Долг — это цепи, которыми опутали его. Только сейчас Джэксон отчетливо ощутил, как они тяжелы.

В ту ночь Сидней спал плохо. Он всегда старался беречь свою честь, не кривил душою, поступал по совести. А здесь? Кто виноват? Он дрался честно и ничего не подозревал. Кривил душою тот, другой. Как поступить в таком случае?

3

Матчи следовали один за другим. Перед Джэксоном прошла целая вереница именитых боксеров. Канадца сменил чемпион Бразилии, потом призер итальянского турнира, юркий венесуэлец, смуглый чилиец, напористый испанец, защищавший честь Аргентины, и флегматичный португалец, выступавший под флагом Испании, желтолицый японец и немец из Австралии. Все они были разные, непохожие и в то же время казались Сиднею на одно лицо.

Он видел перед собой боксеров, различных по физическим данным, по технической подготовке, по уровню мастерства. Но их всех объединяла и делала похожими друг на друга, стандартными, как фордовские автомобили, вера в одного бога, имя которого Доллар. «Что делать,— говорили они,— власть золотого тельца всемогуща!» И соглашались без зазрения совести на любые комбинации. Нередко бывало, что за свое поражение они получали значительно больше, чем за победу.

Джэксон знал, что каждый противник, прежде чем перелезть через канаты ринга и боксировать с ним, встречался с Норисоном и получал чек на определенную сумму. Что ему, Сиднею, оставалось делать? Только одно — побеждать их в первых раундах. Другого выхода не было. Джэксон твердо знал, что перед ним уже не полноценный боец, не честный противник, а спортивный артист. При первом же удобном случае он упадет, симулируя нокаут. Джэксон не знал лишь деталей — в каком именно раунде должна разыграться комедия.

Сидней отводил душу тем, что валил их в первых же раундах, не давая возможности симулировать. По крайней мере, размышлял он, люди видят настоящий нокаут.

Но и тут не обошлось без недоразумений. Напористый испанец, защищавший честь Аргентины, пришел после боя в номер гостиницы и стал бушевать. Он ругался на всех языках мира, называя Джэксона кровожадным янки, и требовал дополнительно сто долларов.

— Мы же договорились, что я лягу в восьмом раунде! Зачем меня свалили в шестом, да так, что до сих пор голова трещит? У меня через неделю матч с польским чемпионом, а я по вашей прихоти должен отдыхать и поправлять здоровье! Это нечестно! У меня жена и трое ребят сидят с открытыми ртами...

Испанец ушел лишь после того, как вспыливший Джэксон пообещал еще раз нокаутировать его здесь же, в номере гостиницы. Вторично встречаться с кулаками Сиднея тот не захотел.

Мир профессиональных боксеров, загадочный мир чемпионов оказался совсем не таким, каким представлял его Сидней Джэксон. Громкая слава оказывалась красивым мыльным пузырем, победы — заранее предопределенными, блеск почетных титулов — фальшивым.

Бокс потерял всю прелесть в глазах Джэксона и превратился в обыкновенную работу, скучную и однообразную.

Ринг стал только источником дохода. Сидней копил доллары. Экономил на всем и копил. Ему нужны были доллары. Много долларов. Для того, чтобы рассчитаться с Норисоном, для того, чтобы обеспечить свое будущее.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

1

Кочевая жизнь быстро опостылела. Гостиницы и отели, толпы богатых бездельников, рассматривавших его так же, как смотрят на медведя в зверинце, и бесконечные, похожие один на другой, поединки. Слава ему надоела. Он перестал читать газеты и пристрастился к чтению художественной литературы, время между боями проводил за томами Шекспира или Джека Лондона. Герои Джека Лондона были близки и понятны Сиду.

Новый, 1914 год Джэксон встретил далеко от дома, в шумном Лос-Анджелесе. Они с Норисоном были почетными гостями на балу. Сидней пил фруктовые соки и танцевал с элегантными дамами, которые по очереди приглашали его. Ему даже показалось, что те заранее устанавливали очередность. Сытые и самодовольные, они хотели танцевать со спортивной знаменитостью.

На второй день новогоднего праздника рано утром из Нью-Йорка пришла депеша: «Дорогой сынок. С Иллаем несчастье. Приезжай скорее. Мама».

Джэксон разбудил Норисона. Тот лениво пробежал глазами текст телеграммы и зевнул.

— Мне нужно выехать.— Сидней умоляюще смотрел на антрепренера.— Немедленно!

— Только после матча.

— Вы же знаете Иллая. Ему надо помочь!

— Все билеты проданы, и поединок должен состояться.— Норисон подумал, что-то прикинул в уме и добавил: —Ты ему едва ли сможешь помочь. Выедем вместе, сразу после матча.

Джэксон и за это был благодарен. Действительно, если с Иллаем несчастье, то настоящую поддержку сможет оказать лишь Норисон. У антрепренера крепкие связи с полицией. В том, что Иллай попался и находился в руках блюстителей порядка, Сидней не сомневался. Иначе какое еще «несчастье» может с ним приключиться?

Днем он заказал телефонный разговор с Нью-Йорком. На переговорный пункт пришла Рита. Слышимость была отвратительной, все время перебивали. Из всего сказанного сестрой он понял, что Иллаю плохо и мама дежурит в больнице.

Телефонный разговор не успокоил, а еще больше растревожил Джэксона. Что могло случиться с Иллаем? Чем он заболел?

Мелькнула мысль: а не отравился ли он каким-нибудь газом, как отец? Но эту страшную мысль Сидней отогнал. Нет, такого не должно случиться. Иллай осторожный и предусмотрительный.

Два дня до матча тянулись томительно медленно. Узнав, что Иллай в больнице, а не в полиции, Норисон сказал:

— Поезжай один. Потребуются деньги, телеграфируй.

Антрепренер скрыл от Сиднея содержание ответной депеши, которую он получил на свой запрос. В ней сообщалось, что с Иллаем Джэксоном произошел «несчастный» случай: его, активного красного, избили свободные граждане и патриоты Америки. Он в очень тяжелом состоянии доставлен в больницу.

Поезд отходил в десять сорок пять вечера, и для того, чтобы успеть на него, Сидней должен был кончить бой в первых раундах. Юркий венесуэлец, горбоносый и длиннорукий, честно выполняя договоренность с Норисоном лечь в девятом раунде, в первом боксировал, атаковал, ловко защищался, маневрировал и сковывал действия Джэксона, не давая ему развернуться. Сидней злился. Раунд кончился, а он так и не победил.

Каждая минута была дорога. Ведь следующий поезд пойдет лишь на рассвете! Едва ударил гонг, Джэксон, вскочив со своей табуретки, прыжками пересек весь ринг, обрушился на венесуэльца. Сидней понимал, что поступает нехорошо, нетактично, но судьба брата, чья жизнь находилась в опасности, была дороже всего.

Джэксон заставил противника принять ближний бой и так обработал ему корпус, что венесуэлец обмяк и потерял всякую охоту наступать. После третьего удара он по-настоящему свалился на брезент.

Едва судья кончил считать и поднял руку победителя, Джэксон устремился в раздевалку. Вырвавшись из цепких рук поклонников, он вскочил в автомобиль. А через полчаса уже находился в пульмановском вагоне и, покачиваясь в такт движению поезда, удалялся все дальше и дальше от Тихоокеанского побережья.

2

Он приехал в Нью-Йорк поздно ночью и сразу, схватив первое попавшееся такси, поспешил в больницу.

К Иллаю его не пустили. Из палаты на цыпочках вышла мать. Сидней не узнал ее. За несколько дней миссис Джэксон превратилась в старуху. Сидней обнял ее и сердцем слушал беззвучные рыдания.

— Бедный Иллай! — повторяла она.— Бедный Иллай...

Он утешал мать как мог.

Потом разговаривал с хирургом. Розовощекий и жизнерадостный, тот казался моложе своих лет. Сидней смотрел на руки врача, обнаженные, как у мясника, до локтей, на поросшие рыжеватой шерстью толстые пальцы и думал о том, что в этих руках сейчас находится жизнь его брата. Хирург говорил о каких-то дорогостоящих препаратах и сложных операциях, но Сидней прервал его:

— Сколько будет стоить все?

Врач назвал огромную сумму: пятьсот долларов.

— Делайте все, что сочтете необходимым,— и Сидней тут же выписал чек на пятьсот долларов.

Врач удивился.

— Я не знал, что профсоюзы столь богаты!

— При чем тут профсоюзы! Я его брат, Сидней Джэксон, чемпион Соединенных Штатов по боксу в среднем весе,— с достоинством произнес Сидней.— Все расходы буду оплачивать я.

— Отлично! — воскликнул хирург.

Джэксон, скрипнув зубами, удалился. Все делается только за доллары.

3

В тот же день он узнал от Мориса Рэнди печальную историю. Рабочие химических заводов миллионера Дюпона решили объявить всеобщую забастовку с требованием повысить заработную плату. Профсоюзный лидер Иллай вошел в объединенный забастовочный комитет. За ним следили. Дюпон создал на своих заводах внутреннюю полицию, нанял банду отчаянных головорезов и погромщиков из так называемого «Черного легиона». Те пронюхали о готовящейся забастовке и взяли на учет руководителей. Иллая они ненавидели больше других за смелость его речей и огромный авторитет среди рабочих.

На рождество состоялось под видом встречи Нового года заседание объединенного забастовочного комитета. Иллая подстерегли, когда он на рассвете возвращался домой. Он оказал сопротивление и этим еще больше озлобил нападающих. Его свалили, скрутили руки и потом били чем попало, топтали ногами...

В ту же ночь начались аресты и облавы. Схватили чуть не всех членов объединенного забастовочного комитета и вожаков заводских профсоюзных отделений. Среди арестованных находится и сын Рэнди, Жак. Забастовка сорвалась...

Сидней дал ему десять долларов и попросил организовать большую передачу для Жака.

— Тут не только сыну, а и на всех хватит,— сказал Рэнди.— Вот обрадуются парни, когда узнают, что это от тебя! Ты же не представляешь, Сид, как они тебя любят!

Джэксону захотелось сделать что-нибудь приятное и для Мориса Рэнди, старого товарища отца. Тут он вспомнил обещание владельца пивного бара.

— Помнишь, Рэнди, что говорил пивной туз тогда на вечере? — спросил Сидней.

— Еще бы не помнить! Божился, что ежедневно для нашего чемпиона будет наливать кружку лучшего пива!

— Я еще ни разу не был там и, видимо, не зайду. Сходи в бар и передай от моего имени, что я распорядился отдавать мою ежедневную кружку тебе.

— Что ты? Пивной туз взвоет!

— Ничего! Пусть выполняет обещание. Так и скажи: «Джэксон велел наливать кружку мне до тех пор, пока не сойдет с ринга и станет любить пиво». Ясно?

Рэнди задвигал белесыми бровями, и его морщинистое лицо расползлось в улыбке.

— Ну спасибо, Сидней! Уважил старика.

4

Иллаю делали одну операцию за другой, вливали кровь и вводили в организм различные препараты. Лучшие медицинские силы Бронкса начали отчаянную борьбу за его спасение, осторожно и умело раздувая еще тлевшие в нем искорки жизни, заставляли их разгораться, становиться ярче и увереннее, чтобы снова вспыхнуть сильным пламенем.

Через несколько дней, проведенных на грани жизни и смерти, он наконец пришел в себя. Положение больного по-

прежнему оставалось критическим, однако возвращение сознания свидетельствовало, как уверяли медицинские светила, «о потенциальных возможностях человеческого организма, способного творить чудеса».

Миссис Джэксон, которая не отходила от постели сына и буквально не смыкала глаз, удалось уговорить прилечь отдохнуть. Она так изнемогла, что едва ее уложили, как она моментально уснула.

У постели Иллая остались Рита и Сидней. Рита хотя и была потрясена несчастьем брата, но не настолько, чтобы забыть о своих делах. Она шепотом сообщала Сиднею последние новости, восхищалась успехами Блайда, который блестяще окончил университет и поступил в специальное военное заведение, где готовят каких-то крупных специалистов по Индии и Средней Азии.

Сидней грустно смотрел на брата и думал о его судьбе. Иллай оказался не одинок. У него нашлись тысячи друзей. Рядом с его койкой в палате поставили стол, на нем грудой лежали письма, телеграммы и денежные переводы, посылки с фруктами, сыром, ветчиной. Рабочие химических заводов не только дюпоновской империи, а и других синдикатов и корпораций, от Нью-Йорка до Сан-Франциско, слали свои возмущения и соболезнования, требовали предать суду наемных бандитов. Рабочая Америка поднимала свой голос, выступала в защиту товарища. Волна митингов и летучих забастовок прокатилась по химическим предприятиям страны.

Братья встретились взглядами. В ввалившихся глазах Иллая Сидней не видел ни тени сожаления, раскаяния.

«Как дела, братишка?» — взглядом спрашивал Иллай, словно с ним ничего не случилось.

«Прекрасно!— отвечал также взглядом Сидней.— А твои как?»

«Пока неважно. Им удалось перехитрить нас». В глазах Иллая как бы прошло облако грусти. Потом облако удалилось, и серые глаза Иллая снова сверкали, как полированная сталь: «Мы еще повоюем! Нас не так легко сломить, братишка!»

«Верно, Иллай, еще повоюем! — говорил взгляд Сиднея.— Ты только крепись и набирайся сил. Сейчас самое главное для тебя — это подняться, подняться во что бы то ни стало!»

«Ты прав, братишка. Сейчас главное — выстоять и подняться на ноги. Мы еще повоюем!»

5

Врачи настоятельно рекомендовали вывезти летом больного на юг.

— Хорошо бы в лесную местность. Сосновый воздух способствует укреплению легких и помогает им бороться с зачатками туберкулеза,— сказал профессор.— А после перенесения такой экзекуции его легкие настолько слабы, что от туберкулеза никто не гарантирует.

На семейном совете миссис Джэксон, Сидней и Рита единогласно решили, что ехать на лечение в санаторий дорого и невыгодно. Тем более что за один сезон окончательно поднять и укрепить здоровье Иллая не удастся. Ему требуется длительное лечение.

— Лучше к этим деньгам, которые потратим на санаторное лечение, добавим еще все наши сбережения и купим небольшую ферму,— сказала миссис Джэксон.

— Верно, мама! — Рита горячо поддерживала такое предложение.— Только чтобы не очень далеко от Нью-Йорка.

Рита была в восторге: у них будет загородная вилла! Там можно проводить лето и приглашать знакомых. Это чудесно!

Сиднею тоже понравилась такая идея. Ферма лучше, чем санаторий. Он вспомнил ферму Норисона и подумал, что не плохо бы иметь собственную. В случае неудачи в любое время он сможет вернуться туда и пожить спокойно.

Однако осуществить эту идею оказалось не таким простым делом. Дешевых ферм поблизости от Нью-Йорка не оказалось. Цены на небольшие земельные участки были баснословные. Сидней выписал кучу газет и целый вечер провел за изучением отделов реклам и объявлений.

Наконец после долгих хлопот ему удалось найти подходящую ферму. Особенно привлекал в объявлении тот пункт, где сообщалось, что владелец согласен продать ферму в рассрочку.

Джэксон с Норисоном тут же выехали в Новую Англию.

Ферма находилась в небольшой долине штата Коннектикут, в нескольких десятках километров от города Уотербери.

Ферма была расположена неподалеку от шумной автострады, соединяющей Нью-Йорк с Бостоном. Владелец фермы занимался в основном птицеводством. Хозяйство имело убогий вид. Можно было без труда дагадаться, что доход она приносит не ахти какой. Однако Сиднея, который в сельском хозяйстве ничего не смыслил, привлекало одно обстоятельство: он знал, что Иллай слаб и ухаживать за скотиной не сможет,

заниматься полевыми работами ему не под силу. А возиться с птицей, кормить кур и индюшек он вполне сможет.

Владелец фермы оказался разговорчивым сорокалетним крепышом. Он беспрерывно дымил трубкой и, не вынимая ее изо рта, на все лады расхваливал свой участок, водил по комнатам сборного двухэтажного дома, показывал сараи, самодельный водопровод, который работал от ручного насоса, стучал палкой по железной сетке, огораживавшей место для цыплят, кур, индеек, убеждая в ее прочности, рассказывал о сортах яблок и мял в руках землю, предсказывая высокие урожаи кукурузы, основного корма для птиц.

Фермер сразу почувствовал настоящих покупателей и цепко ухватился за них. Он на все лады расхваливал запущенное хозяйство и не сбавлял ни доллара с той цены, которая была в объявлении.

После долгих торгов он наконец уступил сто тридцать долларов, но при условии, что деньги будут внесены все сразу.

Такой поворот дела не устраивал Джэксона. Пришлось начинать все сначала.

К вечеру, когда обе стороны почти охрипли, фермер нехотя согласился продать ферму дешевле на тех условиях, которые он давал в объявлении: половину суммы сразу, а вторую половину в рассрочку.

Денег даже на оплату первой половины у Сиднея не хватало, он надеялся на Норисона.

Полный надежд и довольный покупкой, Сидней возвратился в Нью-Йорк. Однако, когда дело дошло до денежных расчетов, Норисон выдвинул условие: сначала продлить контракт, срок которого истекал в январе 1916 года.

— Ты знаешь, Сидди, как сердечно я к тебе отношусь,— сказал шеф,— но денежные дела должны иметь твердую компенсацию.

Скрепя сердце Джэксон вынужден был поставить свою подпись.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

1

Продлив контракт, Сидней Джэксон тем самым еще на пять лет связал свою судьбу с Норисоном. Сначала он тяжело переживал это. Из-за какой-то случайности он становится рабом хитрого и ловкого спортивного дельца! Не случись несчастья с Иллаем, разве он закабалил бы себя!

Шли дни. Чем больше Сидней думал о своей жизни, о жизни других профессиональных спортсменов, тем явственнее видел, что другого выхода у него нет и не было. Без антрепренера боксер становится таким же беспомощным, как слепой без поводыря. Успех на ринге зависел в первую очередь не от таланта и умения боксера, а от пронырливости и изворотливости антрепренера.

— Что такое титул чемпиона? — спрашивал Норисон в минуту откровенности и тут же пояснял: — Красивая вывеска? Нет. Дорогое украшение? Нет. Это бизнес! Титул чемпиона так же, как, скажем, титул сенатора или губернатора, много стоит, но еще больше дает. Деньги делают деньги. Вот в чем заключена вся мудрость жизни!

Джэксон возражал, спорил. Он горячо доказывал, что чемпионом может стать далеко не каждый. Чтобы стать чемпионом, нужны определенные личные качества, спортивный талант.

— А губернатором может стать каждый? — спрашивал Норисон и насмешливо щурил глаза.— Титулы достаются не каждому, а лишь избранным. Согласен?

Джэксон утвердительно кивал.

— А кто их делает избранными? Мы! — Норисон тыкал себя пальцем в грудь.— Мы! Бизнесмены! Без нас давно жизнь бы превратилась в хаос. Мы определяем ценность, мы ставим задачи, мы управляем бессмысленным скопищем людей. Бизнес — главная пружина человечества!

Что мог ответить Джэксон! Он соглашался с Норисоном во многом. И только в одном вопросе не хотел уступать.

— Тех, кто превращает бокс в спектакль, рано или поздно разоблачают. Об этом сколько в газетах написано. Я не хочу быть в их числе! Я вышел на ринг с чистой совестью и хочу сойти честным бойцом.

— Глупыш! Зрителям наплевать на то, честно или нечестно проходит поединок. Им важно знать, кто победил и в каком раунде. Они ставят на него в тотализаторе. Бокс для них игра! Азартная игра! Ты же видишь это. Многие на твоем имени уже состояние заработали!

2

После таких бесед Джэксону становилось не по себе. Сомнения одолевали его. Он плохо спал ночами, думал. Не утешал и Максуэлл, к которому он часто заходил.

Старый тренер, выйдя из больницы, немного отдохнул в санатории. Санаторий оплатил Джэксон. А потом Максуэлл снова поселился в тесной комнатушке Ридженклаба и стал воспитывать подростков. За эти два года он осунулся, постарел, стал раздражительным и пристрастился к вину. В его холостяцкой конуре было неуютно, тоскливо. Под столом и под кроватью валялись пустые бутылки.

— Я пью не с горя, нет! От обиды! — говорил тренер, обнимая Сиднея.— Мне обидно за людей, за весь человеческий род. До каких пор люди будут терпеливыми? Кучка наглецов, подобных уважаемому Норисону, села на шею человечества и повелевает им. Смешно! И обидно!..

Он пил залпом. И не закусывал.

— Сидди, я верю, что не всегда так будет, не всегда! Настанет время, когда спорт снова станет источником радости и здоровья! — Он стучал кулаком.— Без денег и без норисонов! Вот! Как в Древней Греции. Когда устраивали олимпийские игры, там даже войны прекращались!

Максуэлл доставал из-под подушки затрепанную книжку и читал вслух.

Сидней знал эту повесть. «Город Солнца» — мечта о будущем.

А жизнь, она совсем другая. Грубее, жестче.

3

Норисон заключил договор на месячное турне по Англии.

В Старый Свет они ехали не одни. Туда отплывала целая делегация. В ее составе кроме Сиднея Джэксона находились профессиональный боксер тяжелого веса Стенли Уордер со своим антрепренером, хмурым мистером Вирдом, и сильнейший легковес Соединенных Штатов Эрнст Флайн, сын грозного Флайна, чикагского «короля консервов». Бокс для Эрнста был просто увлечением молодости, способом прославиться. Он был тщеславен и самонадеян, как многие богатые люди.

Флайн тайно завидовал блестящему и шумному успеху Джэксона и после первого же знакомства старался расположить его к себе, установить с ним дружбу. У Эрнста была мечта: проникнуть в тайны тренировок Джэксона, познать секрет его успехов.

Заключив договор, Норисон развил бурную деятельность. Принимал представителей различных компаний, сам посещал

управляющих и владельцев фирм, торговался, подписывал контракты, соглашения, получал авансы.

За неделю до отплытия Сидней Джэксон весь с головы до ног превратился в ходячую рекламу. Конкурирующие предприятия не жалели средств и закупали буквально все, начиная от чемодана и пальто до нательного белья и зубной щетки. Что же касается подошв боксерских ботинок, то из-за них вспыхнул спор. Воспользовавшись этим, Норисон устроил своеобразный конкурс: «Кто больше даст?»

Верх одержала балтиморская фирма жевательных резинок. И на следующий день Сиднею вручили две пары новеньких боксерских ботинок, к подошвам которых был приклеен тонкий пласт каучука, а на нем оттиснуто: «Балтиморская жевательная резинка — лучшая в мире».

Сидней должен был составить и заучить расписание: когда что надевать, говорить, показывать.

4

Сиднею не особенно хотелось покидать Америку. Он понимал, что дома его присутствие необходимо. На ферме столько работы! Но контракт есть контракт.

Миссис Джэксон с трудом управлялась с новыми обязанностями, которые легли на ее плечи. Вести хозяйство оказалось не так легко, однако это не страшило ее. Она с утра до позднего вечера возилась на огороде, в птичнике. Да еще ухаживала за Иллаем.

Рита, пробыв несколько недель на ферме, категорически отказалась, как она говорила, «губить молодость в куриных клетках». Она вернулась в Нью-Йорк, сняла меблированную комнату и устроилась на какие-то курсы.

Рита отчаянно цеплялась за остатки молодых лет, спешила воспользоваться ими. Равняясь на девушек состоятельных семейств, она сделала модную прическу, носила широкую юбку и цветной свитер с круглым голландским воротником.

Она самоучкой постигла тонкое искусство быть изящной. У нее были тайные мечты, и она верила, что все надежды сбудутся — разумеется, при содействии знаменитого брата-чемпиона.

Иллай чувствовал себя лучше. Он радовался переезду на ферму. Больница ему ужасно надоела. Она угнетала и давила своей стерильной чистотой и пунктуальностью режима.

А здесь, на ферме, он буквально расцветал, быстро набирался сил.

Иллай целыми днями находился на открытой веранде. Миссис Джэксон расставила вокруг его койки цветы, около веранды разбила клумбы. «Наконец-то,— думала она,— у старшего сына появилась возможность заняться любимым делом. Дай бог ему только скорее встать на ноги».

Иллай любовался цветами, восторгался фруктовыми деревьями и кустарниками, однако думал совсем о другом. Его душа находилась далеко отсюда — на заводе, в гуще борьбы.

Щурясь от солнечного света, Иллай читал письма, которые шли к нему со всех концов страны, писал ответы, запоем читал газеты. Его часто навещали друзья. Он был в курсе всех дел и по мере сил старался хотя бы заочно участвовать в происходящих событиях. И это лучше всяких лекарств способствовало дальнейшему выздоровлению. Он снова чувствовал себя в строю борцов.

Узнав, что Сидней отправляется в Англию, он дружески улыбнулся и тепло пожал ему руку:

— Желаю удачи, братишка!

Миссис Джэксон долго напутствовала сына:

— Береги себя, мой мальчик.

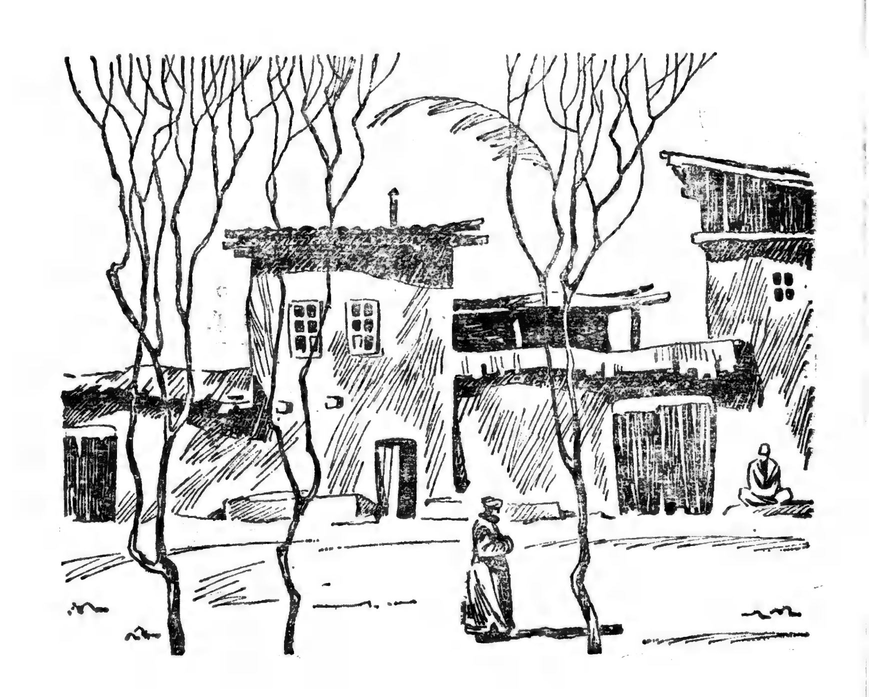
Во время прощания с родными Сиднею было как-то необычно грустно, подавляло предчувствие, будто он прощается с ними навсегда, будто больше никогда не увидит их. Но если бы кто-нибудь и осмелился сказать ему подобное, он наверняка бы рассмеялся.

Кто мог знать, что это турне круто изменит его судьбу!

Норисон упрямо утверждал, что если в Старом Свете он отлично выступит на рингах, то перед ним откроются блестящие перспективы.

— Мы сможем требовать поединка с чемпионом мира!

Ехать надо было непременно. За победы на английском ринге предусматривались довольно высокие ставки. А Джэксону нужны были деньги, много денег. Чтобы рассчитаться за ферму, чтобы обеспечить свое будущее.

Часть третья

ВЕЛИКАЯ ЧЕСТЬ

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

1

Океанский лайнер «Олимпик» за десять дней пересек Атлантический океан. Почти всю дорогу было тепло, солнечно, и Сидней большую часть дня проводил на открытой палубе. Пароход напоминал огромный дворец. Роскошно убранные каюты, почта, ресторан, бассейн и обширный гимнастический зал.

У пассажиров второго класса обстановка была беднее. А в третьем классе было грязно и душно, занят буквально каждый квадратный метр.

Среди пассажиров первого класса преобладали североамериканцы и англичане. Особенно много богатых ньюйоркцев, многие с семьями.

Столица Великобритании встретила пассажиров мелким дождем и густым туманом. Лондонская сырость негостеприимно приняла их в свои влажные объятия. Джэксон внимательно всматривался, пытаясь разглядеть улицы, дома, но безуспешно.

— Лишь бы на ринге тумана не было,— пошутил Эрнст Флайн.— Не то мы вместо противника судью бить станем.

Англичане встретили американцев сдержанно. В их холодной внимательности чувствовалась спесивая надменность: что могут показать эти парни из Нового Света здесь, на родине бокса?

Состязания состоялись на второй день. Лондонский спортивный клуб почти ничем не отличался от американских. Тот же тесный зал, набитый любителями острых ощущений, так же шумят, разговаривают и курят. Курят даже больше. Синий табачный дым повис облаком.

— Нас выкуривают,— Флайн подмигнул Сиднею.

— Не привыкать.

Первому выступать на ринге пришлось Флайну. Английский боксер легкого веса быстро раскусил тактику Флайна и в шестом раунде добился победы.

Первые бои принесли американцам огорчения. Норисон и другие антрепренеры всполошились. Если так пойдет и дальше, то турне может из доходной комбинации превратиться в убыточную. Оставалась одна надежда — Джэксон. Он должен показать этим спесивым лондонцам, что американские боксеры — опасные конкуренты.

— Сид, бей их на сто долларов! — напутствовали его товарищи.

У противника — Грофильда, худощавого, высокого блондина, были длинные руки; он легко скользил на жилистых ногах, осыпая Джэксона градом прямых ударов, и работал, как автомат, без передышки, не избегая сближения. Наоборот, он сам атаковал, но, атакуя, всячески уклонялся от боя на короткой дистанции, не давая возможности Джэксону развернуться. Используя преимущество в росте и длине рук, Грофильд уверенно набирал очки и первые раунды был хозяином ринга. Казалось, что Джэксону на этот раз придется испытать горечь поражения.

Норисон стал нервничать. Пассивность Джэксона его раздражала.

А Сидней и не думал о поражении. Не за тем же, черт возьми, он пересек Атлантический океан, чтобы в этом мокром Лондоне признать себя побежденным!

Джэксон искал ключ к победе. Отдав инициативу, он следил за противником, изучал характер лондонца и его манеру боя. Раунд за раундом он анализировал, сопоставлял, испытывал, присматривался и наконец к седьмому раунду обнаружил, что Грофильд не любит двигаться в правую сторону. При движении вправо у него получается невыгодная позиция: он может наносить прямые удары только левой рукой, а правая остается без применения. Теперь оставалось воспользоваться этим открытием. Уловив удобный момент, Джэксон неожиданно сделал большой шаг вправо-вперед и таким образом оказался у левого плеча Грофильда. Тот не успел отразить атаку. Коричневая перчатка Джэксона, прочертив дугу в воздухе, попала в крутой подбородок.

Англичанин упал.

Судья взмахнул рукой и открыл счет:

— Раз... два...

При счете «восемь» лондонец быстро вскочил и бросился на Джэксона. Но это уже не спасло его.

Джэксон с радостью шагнул навстречу граду ударов и вошел в ближний бой. В девятом раунде секундант Грофильда поспешно выбросил на ринг белое полотенце.

2

Успех ждал Сида и в Старом Свете — в Лондоне, Манчестере, Бирмингеме, Глазго.

После каждого выступления на ринге в газетах появлялись пространные репортажи и отчеты. Статьи пестрели заголовками: «Снова победил Джэксон», «Атакует «таран», «Удары американского чемпиона».

Газеты писали обо всем: во что он одет и какой фирмой сшит его костюм, какое мыло и зубную пасту употребляет, что ест на завтрак и когда ложится спать. И конечно, сообщали читателям о тех больших гонорарах, которые он получает за победы. Но догадывались ли читатели, что львиная доля этих денег попадает отнюдь не в карман чемпиона?

В последнем поединке Сиднею Джэксону не повезло. Он опять вывихнул большой палец левой руки! Он очень хорошо помнил, что произошло в восьмом раунде. Чемпион Шотландии длинным и хлестким свингом пытался бросить американца на брезент. Удар был уже у самого подбородка! Сидней отклонился назад, шотландец промахнулся, и Джэксон тут же снова атаковал. Прямым справа он хотел отвлечь внимание, что-

бы провести боковой крюк левой в голову. Но шотландец, видимо поняв замысел, присел, или, как говорят боксеры, «нырнул», под удар. Однако шотландец не успел провести защитный прием до конца. Удар Сиднея пришелся в верхнюю часть головы. В ту же секунду острая боль обожгла руку Джэксона.

Стиснув зубы, он бросился в атаку, вошел в ближний бой и с большим трудом ударами по корпусу заставил крепкого шотландца дважды опуститься на помост ринга. Но тот падал и снова вставал! Вставал и вел бой...

Этот поединок английские специалисты и спортивные журналисты признали самым лучшим и самым впечатляющим. Знали бы они, что победа принесла Джэксону не столько радость, сколько огорчение...

Палец распух. Даже легкое прикосновение вызывало острую боль. Норисон встревожился.

Они срочно вернулись в Лондон. Не заезжая в гостиницу, Норисон прямо с вокзала повез Джэксона к лучшему хирургу.

Сухощавый старичок с копной седых волос на маленькой голове долго и внимательно исследовал вспухший палец и кисть. Потом сказал:

— Будем лечить.

Пока Джэксона усаживали в кресло под каким-то громоздким электрическим аппаратом, профессор взял Норисона под руку и, отведя в глубь кабинета, сообщил вполголоса:

— У пациента очень сложный вывих. После лечения года полтора-два вашему боксеру придется забыть о перчатках. Пока не укрепится кисть.

— А потом? — тревожным шепотом спросил Норисон, не скрывая волнения.

— Трудно сказать что-либо определенное. Однако молодой организм иногда способен совершать чудеса! Но кто знает! Я не ручаюсь.

3

По настоянию Норисона Джэксон остался в клинике профессора:

— Я хочу видеть твою руку здоровой.

О своем разговоре с профессором Норисон умолчал. Но Сидней и сам догадывался, что травма пальца далеко не «типичная», как утверждает хирург. Тут дело сложное:

Норисон отплывал с первым пароходом. Перед отъездом он зашел в клинику. Принес Джэксону коробку конфет и выписал чек на незначительную сумму.

— За лечение я уплатил. Вернешься в Нью-Йорк, тогда подведем итог.

У Джэксона сжалось сердце. Неужели Норисон спешит от него избавиться? Предчувствуя недоброе, Сидней стал упрашивать антрепренера, чтобы тот взял его с собой.

— Мистер Норисон, я буду лечиться дома. В Нью-Йорке врачи не хуже лондонских...

— Глупости! Тебе хотят лучшего.— Норисон тщательно скрывал раздражение, которое пробивалось в голосе.— Профессор настаивает на госпитализации. Тебе не только ехать, первую неделю даже ходить нельзя!

Джэксон стиснул зубы. Он знал, что настаивать бесполезно. Норисон еще ни разу не изменил своих решений.

— Хорошо, мистер Норисон, пусть будет по-вашему,— Сидней старался говорить спокойнее.— Я прошу вас об одном. Вы должны из причитающихся мне денег уплатить очередной взнос за ферму.

Норисон поспешил уверить Сиднея, что он сделает все необходимое и, конечно, внесет часть денег, чтобы покрыть проценты, однако полный расчет должен произвести сам Джэксон. Ибо денежные отношения — это такая область, где люди не доверяют даже самым близким.

4

Клиника профессора Хольюктэнгинса жила своей обычной размеренной жизнью. После ухода Норисона в палату явилась мисс Кольгерутт. Худая, долговязая, она все еще пыталась выглядеть моложавой и тщательно скрывала свой истинный возраст с помощью новинок косметики.

— Добрый день, мистер Сидней! Как вы себя чувствуете? Не правда ли, сегодня отличная погода? Прошу вас. В процедурном кабинете все готово.

Джэксон шел в процедурный кабинет, ходил в столовую, ел, ложился отдыхать, глотал пилюли, слушал, отвечал — и все это делал как во сне. Его мысли были там, на пароходе, на котором отплывал Норисон. Пассажирский лайнер увозил не только антрепренера, но и последние надежды Сиднея Джэксона.

Неужели Норисон бросил его?

«Нет, нет,— он гнал от себя назойливую мысль,— еще не все потеряно. Надо выдержать. Пройдет несколько месяцев, и я снова надену боевые перчатки. Я еще покажу себя на ринге...»

Он стыдил себя за недоверие к человеку, который, собственно, и сделал его знаменитым боксером. Чемпионом. Да ведь и все хорошее в его жизни так или иначе связано с именем антрепренера. Норисон всегда находился рядом, в любом затруднительном положении. А сколько сделал для Иллая! Ведь он мог и не выручать его тогда после первомайской демонстрации... Нет, надо отбросить всякую подозрительность.

Джэксон прошелся по палате. Вечерний закат окрасил блеклые комнаты в розовые тона. Боксер распахнул окно. Долго глядел на закат. Солнце только недавно зашло, и небо было ярко-розовым, теплым, чистым. От него веяло спокойствием и величием. Но за темными силуэтами остроконечных крыш одиноко торчала фабричная труба. Из нее валил густой черный дым и грязным пятном ложился на чистые краски заката.

Джэксон, если бы у него была такая возможность, заткнул бы эту трубу, чтобы она не портила красоту заката. Но у него не было такой возможности, как не было возможности и заглушить неотступные сомнения, которые чернили все хорошие воспоминания о Норисоне.

Он смотрел на свою тяжелую, закованную в гипс кисть и видел не травмированный палец, а покалеченную свою судьбу.

Неужели Норисон его бросил?!

5

Через две недели в Лондон возвратились остальные боксеры. Турне было успешным. Эрнст Флайн, довольный своими успехами — он одержал три победы,— начал разбирать почту. Писем и телеграмм было много. Любители бокса из Америки горячо приветствовали успешные выступления земляков.

Письмо отца Эрнст прочел дважды. Оно было деловым. Чикагский предприниматель поручал сыну съездить в Россию и разведать возможности сбыта мясных консервов. «Партии образцов нашей продукции я выслал, деньги на твое имя переведены в Лондонский банк,— писал отец.— Советую нанять секретаря — так удобнее и солиднее. Пусть это будет твой первый самостоятельный международный бизнес».

Флайн самодовольно усмехнулся. Особенно его радовала та часть письма, где отец указывал, что всю прибыль от первых контрактов он может считать своей и расходовать по личному усмотрению.

В тот же день он побывал в банке и получил деньги, а заодно нанес несколько официальных визитов. Он узнал, что через два дня в Архангельск отправляется торговое судно «Баркаролла», встретился с капитаном, толстощеким лысым ирландцем, и договорился относительно каюты на двоих.

Оставалось сделать последнее — найти секретаря. И тут Эрнсту пришла в голову прекрасная, как ему показалось, мысль: он вспомнил о Сиднее Джэксоне. Уговорить бы его! По всем статьям подходит: представительный, скромный, деловой, честный и — знаменитый!

Эрнст тут же навел справки о денежных делах Джэксона и отправился в клинику.

Сидней был рад встрече:

— Хэлло, Эрнст! Значит, вместе плывем на ту сторону большой лужи? Я чертовски стосковался по Нью-Йорку!

— Сид, я домой ехать не собираюсь.

— Думаешь еще кутнуть в Лондоне?

— Нет. Думаю совершить коммерческое путешествие.

— Тебе можно только позавидовать!

— Так же, как и тебе.

— Мне?

— Ну да! — Флайн сделал паузу.— Мы поедем вдвоем! Старина! Тебе все равно некуда девать своего времени. А тут путешествие!

Предложение Флайна застало Джэксона врасплох, как замаскированный удар. Он горько усмехнулся. Путешествие! Хорошо путешествовать вот таким, как Флайн, папенькиным сынкам. С полными карманами долларов. А тут не знаешь, как домой добраться, на что жить дальше.

Флайн же, не давая опомниться боксеру, развертывал перед ним многообещающую картину роскошного путешествия, причем почти не связанного с расходами. Он рассказал, что отец прислал партию образцов чикагских консервов и поручил ему самостоятельно заключать договоры на поставку.

— Я оформлю тебя своим помощником, ну хотя бы личным секретарем,— и бесплатный проезд обеспечен! Надо же и тебе в конце концов посмотреть мир?

Джэксон задумался. Бесплатный проезд и полный пансион. Предложение действительно заманчивое. Время свободное есть. И потом надо избавиться от этого тревожного состояния.

Отчего же, собственно, ему не принять предложение? О'кей! Кажется, судьба снова улыбнулась ему.

Решив так, Сидней сразу повеселел. Хлопнув здоровой рукой Эрнста по плечу, он воскликнул:

— Я всегда говорил, что Флайн — чемодан с идеями!

Эрнст дернул плечом. Черт возьми, секретарь должен быть почтительным! Но сдержавшись — еще успею поставить его на место! — он тоже хлопнул Джэксона ладонью:

— Мы махнем всего на месяц. Не больше!

— А куда мы направимся?

Флайн широко улыбнулся.

Вопрос Джэксона был согласием. И даже без претензий на заработную плату секретаря. Это с его стороны просто благородно. Он бы на его месте, возможно, тоже так поступил. Да и зачем ему деньги? И проезд и гостиницы — все будет обеспечено. Нужно поскорее закрепить это письменным соглашением.

Флайн остался весьма доволен своими предпринимательскими способностями. Бизнес есть бизнес!

— Мы едем в Россию, Сид. Завтра в русский город Архангельск отправляется одно судно. Капитан — любитель бокса, он с большой радостью согласился доставить нас туда. Представь, в этом диком Архангельске, как говорят моряки, белые медведи бродят по улицам!

— В Россию? — Джэксон много слышал о таинственной огромной стране. А теперь представляется возможность побывать в ней.— Что ж, неплохо придумано. Можно и в Россию.

— Мы еще сделаем бизнес,— торопливо говорил Флайн, боясь, как бы Джэксон не разочаровался.— В России меха дешевые. Просто дармовщина! Там все охотники. Даже купцы и те с ружьями ходят, как мексиканцы с пистолетами. А какие меха там! Ты слышал про голубых песцов? А про соболей? Прелесть! Лучший в мире каракуль! Всех оттенков, начиная с черного до серебристо-серых и огненно-золотых!

— Эрнст, но сейчас у меня нет свободных денег.

— Как ты наивен! — Флайн развел руками.— У меня тоже нет лишних денег. Но будем покупать в обмен на поставку консервов. Ведь это так просто!

Флайн обещал, что если удачно совершат сделки, то и Сидней заработает. Часть чистой прибыли будет его.

Речь Флайна звучала как чарующая музыка. Ну как тут не согласиться! А потом, разве у Джэксона был выбор?..

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

1

Торговое судно «Баркаролла» оказалось простым грузовым кораблем с допотопным двигателем. В Россию он вез машины, английские шерстяные изделия, а обратно должен был взять пеньку и лес, знаменитую русскую корабельную сосну.

Когда окончилась суета и «Баркаролла» отошла от берега, на корабле установилась обычная рейсовая жизнь. Сидней Джэксон снова почувствовал тоскливое одиночество. К чему он здесь? Зачем едет в неизвестную Россию? Дома его ждут, Иллай болен, мать и Рита беспомощны, за ферму надо платить. Кругом долги... И тяжелые, как камни, неоконченные счета с Норисоном...

Корабль шел медленно. Джэксон подолгу сидел на палубе, всматриваясь в живую гладь воды, и думал, думал...

На третий день плавания Сидней с удивлением узнал, что они не единственные пассажиры корабля. Рядом с тесным матросским кубриком в крошечной каюте ехал какой-то незнакомец. Джэксон столкнулся с ним совершенно случайно, у кока.

Незнакомец пришел за чаем. Был он высокого роста, широкий в кости, светло-русый, скуластый, с крупными чертами лица. На шее около уха краснел продолговатый рубец — след ранения.

Увидев в камбузе постороннего человека, он, как показалось Сиднею, смутился. Взяв чайник, тут же удалился.

— Никак не пойму этих русских,— сказал кок.— Странный народ!

— Он русский? — удивился Сидней.— А я думал, что он скандинав. В нем есть что-то от норвежцев.

— Нисколько! Типичный русский. Уж я их знаю, насмотрелся. Но этот какой-то странный. Третий день ничего не ест, только чай да чай.

— Может быть, у него денег нет?

— Денег нет? Ха-ха! — осклабился рыжебровый кок.— У кого денег нет, те сидят дома, по заграницам не шатаются. Я видел, какой он чемодан тащил!

Сидней не стал спорить. Немного погодя он велел корабельному повару сделать омлет и поджарить ветчины с луком.

— Куда подавать? — спросил кок.

— В каюту,— ответил Сидней, уходя к себе.— Пожую перед сном.

Вскоре кок принес ужин. Джэксон вытащил еще банку мясных консервов из запасов Флайна и, прихватив батон хлеба, отправился в гости к русскому.

Тот встретил его вежливо и на превосходном английском языке сказал, что он предпочитает проводить вечерние часы в одиночестве.

Но Сидней не хотел отступать. Ведь это был первый русский, которого он встретил!

— Мне ужасно надоело одиночество,— сказал Сидней,— давайте поужинаем вместе.

— Я бы не сказал, что вы одиноки,— усмехнулся русский.

— Это только кажется. Я не поклонник спиртного, а мой товарищ и капитан считают, что только ромом можно утолять жажду.

Русский жестом пригласил войти:

— Прошу! Только извините, каюта не первого класса.

В узенькой и тесной каморке помещались койка и табурет. Сидней на койке расстелил бумагу и разложил еду.

Русский жевал медленно, даже лениво, но Сидней сразу догадался, что он давно не ел.

Русского звали Петр. Узнав, что Сидней из Нью-Йорка, он спросил:

— Коммерсант?

Джэксон отрицательно покачал головой:

— Я не коммерсант. Это мой товарищ Эрнст Флайн коммерсант. Он сын миллионера. А я просто боксер.

Сидней попутно рассказал о себе. Узнав, что он из рабочей семьи, русский оживился. Расспрашивал о жизни рабочих Нью-Йорка, особенно интересовался профсоюзными организациями, забастовочными комитетами, социалистическими партиями. Джэксон напрягал память и выкладывал все, что видел сам или слышал от Иллая. А когда Сидней рассказал о зверской расправе над братом, Петр стал хмурым. Потом провел пальцем по шраму.

— Память девятьсот пятого года.

Чем ближе подплывала «Баркаролла» к Архангельску, тем больше они узнавали друг друга. Между ними завязалась дружба. Петр даже показал Сиднею фотокарточку белокурой девушки и сказал:

— Моя невеста, Анна. Возможно, придет на пристань встречать.

Он обещал познакомить ее с Сиднеем.

Сидней внимательно рассматривал фотокарточку. У Анны большие глаза, чуть курносый, задорный нос и четко очерчен-

ные красивые губы. А на голове, словно корона, выложена толстая коса.

Однако Петру так и не пришлось познакомить Сиднея со своей невестой. Когда «Баркаролла» приблизилась к архангельскому порту, к ним причалил сторожевой военный катер. Русские жандармы протопали по палубе и после обыска арестовали Петра.

Матросы высыпали на палубу и хмуро смотрели на блюстителей порядка. Жандармский офицер на ломаном английском языке приносил извинения капитану, говоря, что арестованный является крупным политическим преступником.

Петра заковали в наручники и под сильной охраной повели к трапу. Проходя мимо Сиднея, русский сказал по-английски:

— Помни, Россия не только полиция...

Договорить ему не дали. Один из жандармов толкнул его в спину прикладом:

— Молчать!

Так Джэксон и не узнал, что хотел сказать Петр.

— Что понимают эти дикари в революции? — сказал Флайн и рассмеялся.— Не больше, чем гориллы в шахматах!

Джэксон не ответил. Цинизм чикагского мясопромышленника становился невыносимым. Сидней терпел его шутки так, как терпит грубости хозяина сезонный рабочий, уверенный, что скоро кончится время найма и он сможет послать работодателя ко всем чертям.

Когда увели Петра, Сидней заглянул в его каюту. Там было словно после погрома. Жандармы все перевернули. Сидней поднял с пола растоптанную фотографию Анны и унес ее к себе.

К вечеру «Баркаролла» причалила к архангельскому порту. Дул холодный ветер. Слегка моросил мелкий дождь. Встречающих, если не считать таможенных чиновников и нескольких русских купцов, знакомых с капитаном, не было. Одинокая женская фигура, закутанная в плащ, сразу бросилась Джэксону в глаза.

— Анни! — окликнул он.

Девушка остановилась, окинула незнакомого иностранца холодным взглядом и пошла дальше.

Джэксон догнал ее. Он извинился и сказал, что того, кого она ждет, утром арестовали. Он говорил по-английски, и Анна его не поняла.

Тогда Сидней достал фотографию и протянул ей.

Увидев свой портрет, она сразу насторожилась.

— Откуда у вас моя фотография? Где Петр? Вы видели его? — спрашивала она, совсем забыв, что Сидней не понимает по-русски.

Джэксон снова ей рассказал все, как было. Из его длинного вежливого повествования Анна разобрала лишь два слова: «Питер» и «полисмен». И она поняла, вернее, догадалась: Петра схватили жандармы.

Поблагодарив доброго иностранца, она взяла у него свою фотографию и быстро удалилась.

Сидней смотрел ей вслед и, когда она оглянулась, помахал рукой. Он смотрел и думал: встретится ли когда-нибудь Питер с Анни?

2

Белых медведей ни на улицах Архангельска, ни в других городах они не встретили. Старинный русский порт, столица суровых поморов, поразил Джэксона колокольным звоном церквей и страшной бедностью окраин. Рабочему люду здесь жилось так же тяжело, как и на его родине...

Русские купцы, бородатые и степенные, приглашали иноземцев в свои лавки и торговые ряды, полутемные и тесные. Рубленные из кряжистого леса, они стояли как крепости, пригодные для долговременной обороны.

Купцы стлали на пол ценную пушнину. У Сиднея разбегались глаза, когда он видел шкурки голубых песцов и горностаев, связанные по дюжинам. Он гладил ладонью соболиный мех. О, это богатство!

Купцам нравилось восхищение заморских покупателей, тем более из такой далекой страны, как Америка. Они подносили Сиднею и Эрнсту русской водки, угощали вареной севрюгой и копченым балыком, ставили на стол деревянные резные чаши с черной икрой.

Флайн, в свою очередь, открывал мясные консервы, раскупоривал бутылки с ромом.

Купцы изъяснялись на каком-то смешанном англо-немецком жаргоне, пробовали мясные консервы, хвалили, однако покупать их отказывались:

— Мяса у нас и так вдоволь. Какое хошь, на выбор: парное, солонина, копченое, вяленое.

Английский торговый корабль «Баркаролла» загружался лесом и готовился в обратный путь. Но Флайн, к удивлению Джэксона, не думал отчаливать.

— Давай съездим в Петербург! Там быстрее сделаем бизнес. В Петербурге сядем на американское судно и прямым ходом, минуя английскую таможню, махнем в Нью-Йорк!

Джэксон упирался. Только домой!

Тогда Флайн, не скрывая раздражения, заговорил другим тоном. Тоном хозяина. Сухо, отрывисто, безапелляционно.

— Я тебя нанял секретарем сроком на один месяц. После истечения этого срока ты можешь быть свободным. А сейчас потрудись выполнять свои обязанности.

Джэксон скрипнул зубами. На кой черт он подписал контракт!

Поезд тащился медленно. Шел конец июля, и жара, несмотря на северные широты, стояла страшная. В вагоне было душно и грязно.

Флайн большую часть суток валялся на пружинистом матраце, коньячными рюмками пил водку.

Сидней не отходил от окна. Ему не хотелось не только разговаривать, а даже видеть своего временного патрона. Он смотрел на проплывавшие за окном красоты русской природы, на редкие деревни с погнившими избами, на величавые и спокойные реки, а в его голове в такт стуку колес звучала одна-единственная мысль: влип, влип, влип...

3

В русской столице они провели около недели. Флайн заключил несколько выгодных контрактов на поставку консервов. На полученный аванс купил меха. Сидней радовался — скоро домой!

Однако сесть на попутный пароход и уехать в Америку им не удалось. Однажды вечером Эрнст возвратился в гостиницу встревоженный. Сидней бросился к нему:

— Что случилось?

Эрнст устало опустился в кресло:

— Война...

— Война?!

— Да... выезд запрещен.

Утром в американском посольстве учтивый чиновник, с сожалением покачивая головой, подтвердил:

— Да, мистер Флайн, выезд временно прекращен.

— Послушайте, а как же мы?

— Есть выход, мистер Флайн.

Эрнст впился в него взглядом.

— Возвратиться на родину, мистер Флайн, можно кружным путем. Через Азию.

Эрнст задумался. Такая поездка обойдется недешево. Но когда чиновник назвал цифру примерной стоимости подобного турне, у Флайна чуть не вырвался крик «ого!».

Однако перспектива остаться в России до окончания войны радовала его еще меньше. Он прикинул в уме. На одного у него денег хватит. А на двоих? Нет, нет, возвращать купцам меха он не намерен. Их нужно сейчас же отправить кружным путем. Это первое. А второе... Второе — обеспечить свой отъезд. И по возможности немедленно!

Джэксон? Нет, угрызений совести Флайн не ощущал. О нем он тоже подумал, хотя срок контракта по найму секретаря уже почти кончился.

4

Джэксон вернулся в гостиницу с небольшим опозданием. Он поглядывал на часы и готовился объясниться с Флайном.

Злой, усталый и голодный (с самого утра он ничего не ел), он думал не об отдыхе, не о еде...

В номере Флайна не было. Время обеда, а Эрнст где-то задерживается. Где он? Неужели успел пообедать без него?

Джэксон обвел взглядом комнату. В глаза бросилась какая-то странная пустота. Подстегнутый поздним предчувствием, он вскочил. В номере отсутствовали вещи Флайна.

На письменном столе тощая пачка долларов и русских ассигнаций. Рядом записка.

«Имеющихся в наличии денег все равно не хватило бы двоим на кружной путь через Азию.

Номер оплачен на месяц вперед, а этих денег хватит тебе на первое время...

Приложу все усилия, чтобы ты возвратился на родину...»

Джэксон остался один. Остался в чужой, незнакомой стране, не зная ни слова по-русски, без друзей, без денег.

Его охватило отчаяние. Несколько дней он не выходил из гостиницы, валялся в постели и думал, думал, думал... Как вырваться из этой проклятой России?

Потом апатия сменилась дикой энергией. Сидней Джэксон бегал по различным инстанциям, многочисленным департаментам, обивал пороги своего посольства, писал прошения, заявления, жалобы. Но на всех бумагах высокопоставленные чиновники ставили только одну резолюцию: отказать.

Никому не было дела до застрявшего в пути боксера. Пусть подождет, пока кончится мировая война!

И ему пришлось ждать.

Наступила осень. Мокрая, холодная. С туманами и дождями. А за ней надвигалась суровая русская зима.

5

В конце сентября его вызвали в посольство. С какой надеждой Сидней отправился туда! Он не шел, а буквально летел. Наверное, пришел долгожданный ответ из Нью-Йорка. По настоянию Сиднея посольство обратилось в Нью-Йорк к президенту ассоциации профессиональных боксеров. Он не сомневался, что судьба чемпиона Соединенных Штатов должна их волновать. Надеялся, что ассоциация окажет ему содействие и вместе с мистером Норисоном (Сидней рассчитывал и на антрепренера) поможет ему выбраться из России.

Войдя в здание, Сидней поспешно снял плащ и на секунду задержался у большого зеркала. Черт возьми, рубашка не первой свежести! Особенно эти манжеты. Как он ни старался, они предательски выглядывают. Да, за это время он изрядно поизносился. Финансовые затруднения отразились на внешнем виде.

В канцелярии его встретили любезно. Худощавый пожилой чиновник, который и раньше более других проявлял к нему сочувствие, приветливо улыбнулся.

— Да, мистер Джэксон. Ответ пришел.

— Это один из самых счастливых дней моей жизни! — воскликнул Сидней.— У кого мне его получить?

— На руки вы его не получите,— любезно ответил чиновник,— у нас такой порядок. Вас сегодня примет сам посол.

— Посол?

— Да, сам посол, сэр Майер.

Надежда обретала реальность. Месяц назад этот самый сэр Майер, посол Соединенных Штатов в России, отказал ему в приеме, и все отчаянные попытки Джэксона пробиться к нему окончились безуспешно. А теперь он сам приглашает Джэксона к себе на прием. Это что-нибудь да значит!

Сидней поспешно шел за сухощавым чиновником, поднялся по мраморной лестнице на второй этаж, шагал через комнаты по мягкой ковровой дорожке, и сердце его наполнялось радостью и гордостью. Гордостью за свою могучую и богатую родину, радостью, что он — ее представитель, гражданин

Соединенных Штатов, и не просто гражданин, а чемпион Америки, в какой-то мере является частицей величия и славы своей страны.

В просторной приемной Сиднея попросили подождать. Сухощавый чиновник скрылся за массивной дверью, ведущей в кабинет посла.

Секретарь приемной, молодой, подтянутый, вежливо предложил:

— Не желаете ли просмотреть газеты? Правда, недельной давности, но здесь, в России, и эти кажутся свежими.

Джэксон поблагодарил и стал листать подшивки газет. «Нью-Йорк трибюн», «Таймс», «Чикаго трибюн», «Геральд»... С каким наслаждением он читал заголовки, листал страницы! С каждой из них веяло знакомой до боли родной жизнью, американской деловитостью и предприимчивостью, крикливой рекламой и гордым самовосхвалением всего стопроцентного, американского. Он смотрел иллюстрации, узнавая на них знакомые места. Вот на этой улице Чикаго он бродил после матча, это мост через Гудзон, по которому он мчался в машине, вот универсальный магазин, где он часто бывал...

Он листал страницы, и каждая из них открывала перед ним окно в далекое и близкое, в родное и неповторимое. Сидней внимательно ознакомился с разделом спортивной хроники. В его отсутствие никаких особых событий не произошло, если не считать установления нового мирового рекорда по плевкам в длину мистером Юркингом.

Вдруг его взгляд остановился на маленькой информации. В ней сообщалось, что боксер полутяжелого веса Дэнни Коррэу в последний месяц одержал ряд блестящих побед. Его менеджер мистер Норисон заявляет, что Дэнни Коррэу в настоящее время может считаться одним из самых перспективных боксеров в своем весе и готов оспаривать первенство у прежнего чемпиона Америки.

Буквы заплясали перед глазами. Не может быть! Он еще и еще раз перечитал газетную информацию. Значит, Норисон бросил его? Кровь стучала в висках. Во рту пересохло, как в разгар труднейшего поединка. Скорее домой, в Америку. Он сжал кулаки. Только бы добраться до Нью-Йорка!

Когда его пригласили войти в кабинет посла, Джэксон вскочил и, словно опаздывая на поезд, устремился в распахнутую массивную дверь.

В просторном кабинете на широком диване, устланном дорогим ковром, сидели двое. Джэксон представился. Один из них предложил Сиднею сесть.

Джэксон присел на краешек кожаного кресла.

— Курите?

Сидней машинально взял сигару. Сейчас ему скажут самое главное — когда ехать домой.

— Мистер Джэксон, мы получили ответ на запрос, который сделан по вашей просьбе.

Сидней весь превратился в слух.

— Мы ставим вас в известность, что президент ассоциации профессиональных боксеров и ваш антрепренер мистер Норисон в настоящее время не располагают достаточными средствами и, таким образом, не могут взять на себя расходы, связанные с вашим возвращением.

Джэксон не верил своим ушам. Уж не ослышался ли он? Хриплым, глухим голосом он попросил повторить.

Его просьбу исполнили. У Сиднея что-то опустилось в груди. Отказ, казалось ему, был равносилен смертному приговору. Он смахнул со лба капли холодного пота.

— Как же мне быть? У меня кончились средства...

— Посольство не оставит вас в беде, мистер Джэксон. По силе наших возможностей мы постараемся вам помочь. Дело повернулось таким образом, что вам волей-неволей придется оставаться в России до окончания войны.

— До окончания?!

— Она долго не протянется.

— Вполне вероятно,— Сидней пытался овладеть собой.— Но что я должен делать?

— Поехать на юг.

— На юг?

— Именно. Мы рекомендуем вам поехать в столицу Туркестана, в Ташкент.

— Так это Азия?!

— Да, Центральная, или, как ее именуют, Средняя Азия. Мы дадим вам рекомендательные письма, обеспечим проездным билетом. А там вы сможете заняться преподаванием английского языка. Ведь это не так уж плохо.

Джэксон слушал и отвечал, как во сне. Он не помнил, что говорил, как вышел из кабинета.

6

— Послушай, Герберт, мне кажется, ты слишком жестко обошелся с этим боксером,— сказал Майер, когда Джэксон удалился.

— А что с ним возиться! Подумаешь, фигура! И без него в Штатах хватает безработных,— ответил Герберт Гувер.

— Но ты его послал на верную гибель.

— В Штатах и без него хватает коммунистов.

— Он не коммунист. Это его брат, как сообщили на наш запрос,— профсоюзный активист и забастовщик.

— Яблоки одного сорта! — Гувер усмехнулся.

Посол закурил. Он уважал и побаивался Герберта Гувера. Отличный делец и прекрасный разведчик, тот имел кроме капитала богатые связи с Капитолием. Прибыв в Россию, он начал с мелких спекуляций и в течение нескольких лет стал одним из крупнейших владельцев нефтеносных районов Кавказа. Ему принадлежали чуть ли не все нефтяные промыслы в Майкопе. К тому же он владел акциями многих компаний.

Посол спросил:

— Зачем же именно в Среднюю Азию?

— Там нет ни одного легального американца, если не считать отдельных разведчиков,— Гувер прошелся по кабинету.— Если он сильный, он выживет. А если выживет, он будет нужен нам. Этот парень будет цепляться за американский паспорт, как утопающий — за спасательный круг.

...На той же неделе, получив рекомендательные письма и денежное пособие, Сидней Джэксон отправился в Среднюю Азию, в Ташкент, в далекую неведомую восточную столицу. На душе у него было, как у приговоренного к длительному тюремному заключению.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

1

Ташкент встретил Джэксона зноем. В столице русского Туркестана и в сентябрьские дни стояла летняя жара. На улицах во всем своем великолепии зеленели южные гиганты — чинары, карагачи, акации. Вдоль тротуаров в узеньких канавах плескалась грязная вода. Водопровода не было. По пыльным улицам двигались двухколесные арбы, колеса были выше человеческого роста. Степенно шагали верблюды, мчались красивые фаэтоны, и лихо гарцевали на лошадях казаки.

Солнце склонялось к закату. На высоких минаретах гортанно кричали муллы, призывая правоверных в мечети. Заглушая их, звенели колокола церквей и соборов.

По тротуарам спешили прохожие. Рядом с людьми, одетыми по-европейски, шли азиаты, смуглолицые, как американские индейцы. Несмотря на жару, одеты они были в стеганые ватные халаты, яркие, полосатые. На головах — белоснежные чалмы.

Сидней с удивлением осматривался вокруг. Вот она, таинственная Азия!

Вдруг его внимание привлекло странное существо вроде человека, только без головы и без рук. Когда оно подошло ближе, Сидней понял, что это женщина. Закутанная с ног до головы в какой-то длинный темный балахон, вроде мешка. Лицо закрыто черной тонкой сеткой.

Джэксон поспешно уступил дорогу.

Азия! И здесь ему предстоит жить. Сколько времени? Месяцы? Годы? Пока не окончится война.

Мировая война, захватившая всю Европу, решала и его судьбу.

Показывая встречным письмо с адресом и коверкая заученные русские слова, Джэксон спрашивал, как ему добраться до резиденции генерал-губернатора Туркестанского края.

Резиденция царского наместника называлась «Белым домом» и помещалась в центре Ташкента, на стыке азиатской и европейской частей города. Границей служила неширокая река Анхор, по берегам которой тянулись ввысь пирамидальные тополя.

В «Белом доме» Джэксона встретили приветливо. Как же — иностранец! Его тотчас же провели в приемную генерал-губернатора. Холеный адъютант распечатал письмо и, пробежав его глазами, на ломаном английском языке предложил Сиднею последовать за ним.

Миновав ряд комнат, они вошли в небольшой кабинет чиновника по делам просвещения.

— Это к вам, Алексей Васильевич.

Алексей Васильевич, толстый и лысый, уже в годах, нацепив на нос пенсне, стал не спеша читать рекомендательное письмо.

— Значит, вы прямо из Америки? — спросил он по-английски, поднимая на Сиднея маленькие глаза.— Очень рад познакомиться.

Весть о том, что в Ташкент приехал человек из Соединенных Штатов Америки, настоящий американец из Нью-Йорка, моментально облетела аристократические дома. Сидней Джэксон, который временно поселился в доме у Алексея Васильевича, привлек к себе внимание.

Его наперебой приглашали на обеды и ужины, интересовались жизнью далекой фантастической Америки.

Жизнь пошла сплошным праздником. Джэксону, несмотря на желание сохранить спортивную форму, пришлось попробовать и русской водки. Не мог же он сидеть чурбаном за столом, когда ради него устраивались такие пышные банкеты.

Ташкентский банкир и хлопкопромышленник Щепкин не мог допустить, чтобы модный американец находился вне его дома. Он сам побывал у Алексея Васильевича и увез Джэксона к себе.

Переводчиком сделали одного из служащих банка Юрия Козлова. Юрий не отходил от Джэксона ни на шаг. Он был в восторге от настоящего американца!

Супруга Щепкина Мария Львовна из рода обедневших князей Сальских, дородная и полнотелая женщина, не по возрасту энергичная, приняла гостя радушно и сама проверила, как убрали его комнату. Она охотно показывала Джэксону свой особняк, водила из залы в залу, расспрашивала, как обставляют свои дворцы американские миллионеры, хвалилась французской мебелью и роскошным садом.

В семье Щепкина Сидней познакомился с племянницей Марии Львовны — Лизой.

Лизи довольно плохо изъяснялась по-английски, но Джэксону было приятно беседовать именно с ней. Рядом с несколько поблекшей Марией Львовной она выглядела красавицей.

Лизи находилась в том счастливом возрасте, когда проблема замужества еще не являлась в ее жизни вопросом номер один. Впереди еще были годы, а от женихов уже не было отбоя. Охотников породниться с влиятельной семьей Щепкиных имелось более чем достаточно.

Сидней тоже попал в число ее поклонников. Ему нравилась ее гордая осанка, упругая легкая походка. Он часто любовался правильными чертами ее лица, тонкими, четко очерченными губами, на которых постоянно блуждала насмешливая улыбка. Ее светло-карие глаза то наполняли его душу теплом, то смотрели отчужденно, холодно, отчего ему становилось не по себе.

Лизи открыто и довольно смело кокетничала с Джэксоном. Порой, оставшись с ним наедине, она принималась за усовершенствование своих знаний в английском языке. Под этим благовидным предлогом она задавала такие вопросы, от которых Сидней терялся и краснел. Ей, видимо, нравилось вводить его в смущение. Ее красивые, чуть нахальные глаза

принимали при этом выражение безупречной наивности. Ровным голосом, словно речь идет о чем-то обыденном, Лизи уточняла:

— А скажите, пожалуйста, как по-английски талия?

Сидней отвечал.

— Это вы говорите о женской талии. А как говорится — девичья талия?

Сидней находил выражение.

— Произнесите, пожалуйста, фразу: красивый бюст.

Сидней не сразу понимал вопрос. Лизи бесцеремонно показывала на свои округлые девичьи груди.

— Красивый бюст. Понимаете? Красивый бюст!

После таких «занятий» у Джэксона кружилась голова, словно он хлебнул глоток крепкого виски. «Черт возьми,— думал боксер,— только бы не влюбиться!»

В семье Щепкиных Джэксон чувствовал себя превосходно. Если так будет всегда, можно подождать окончания войны. Он мысленно благодарил американского посла за внимание и заботу. Бесспорно, тот знал, куда пристроить безденежного соотечественника.

2

Джэксон больше месяца пользовался популярностью у богатых ташкентцев. Но постепенно страсти утихли, мода прошла.

В беседах за роскошными обедами постепенно выяснилось, что Сидней из бедной рабочей семьи, что он в России не в качестве богатого путешественника, а просто как пострадавший от войны: у него нет денег вернуться на родину кружным путем через Китай...

Интерес к нему ослабел. А когда на одном вечере Сидней стал рассказывать своим новым знакомым о том, что он был боксером, известным боксером, одна собеседница, пожилая дама, спросила соседку:

— А что такое — боксер?

— Милая, это вроде гладиатора. Люди выходят на помост и бьют друг друга на потеху зрителей.

— Какой ужас!..

— Милая, нечему удивляться. Ведь он — плебей!

Джэксон, не понимавший по-русски, догадался, о ком они разговаривают. Слово «плебей» не требовало перевода. От стыда и неловкости у Сиднея покраснели уши, словно его, как мальчишку, уличили в чем-то нехорошем.

Семья Щепкиных спровадила американца назад к чиновнику по делам просвещения, а Алексей Васильевич, в свою очередь, ссылаясь на болезнь жены, переселил Джэксона в дешевую гостиницу.

Попытка устроить Джэксона в учебное заведение учителем английского языка тоже не удалась. Нашлись противники.

— У него нет должного образования! — ехидно замечали преподаватели иностранных языков, почуявшие в американце опасного конкурента.

В конце концов Джэксону удалось пристроиться домашним учителем в семье бельгийского чиновника, представителя Брюссельской компании, владевшей трамвайным парком Ташкента.

Плата за уроки была настолько мизерна, что ее едва хватало на полуголодную жизнь.

Недавние знакомые, те, что гордились им и считали большой честью видеться и беседовать с американцем, теперь при встречах не подавали руки, спешно проходили мимо.

3

Дружба Джэксона с переводчиком Юрием Козловым продолжалась недолго. Она вскоре оборвалась — Юрий был арестован. Это произошло весной, когда вслед за миндалем расцвели персиковые и урючные деревья и сады Ташкента оделись в бело-розовый душистый наряд.

В субботу после полудня Сидней отправился повидать Козлова. На душе у него было так тоскливо, что буйная азиатская весна не радовала, а угнетала.

У Юрия Джэксон застал несколько человек. Сиднею они были незнакомы. По их напряженным лицам Сид догадался, что его прихода не ожидали.

На столе стояли две бутылки водки, стаканы, валялись куски черствых лепешек и вареного мяса. Невысокий, коренастый узбек, едва Сидней переступил порог, стал торопливо разливать водку. Другие вопросительно поглядывали то на Джэксона, то на Юрия.

От всей обстановки, от этих напряженных взглядов, от заминки, которая произошла при его появлении, повеяло чем-то близким и знакомым. Повеяло домом, Америкой. Сидней не мог сдержать понимающей улыбки. Он вспомнил Иллая, его друзей, которые часто собирались в их квартире. И тут что-то похожее.

— Знакомьтесь, товарищи, это мой друг, американец,— сказал Козлов и представил Сиднея Джэксона.

Сид по очереди пожимал протянутые руки. Многие были мозолистые, крепкие. Последним протянул руку коренастый узбек.

— Меня зовут Мукимов,— узбек говорил гортанным, приятно звучащим голосом.— Я тебя хорошо знаю. Нам товарищ Юрий много рассказывал. Ты американец, а я узбек — Мукимов. Садись сюда.

Мукимов подвинулся, освобождая место рядом с собой.

Джэксон сел.

Снова воцарилась неловкая тишина. Чувствовалось, что своим появлением Джэксон нарушил ту атмосферу, которая была до его прихода. Говорили малозначащие слова. Разговор не клеился.

— Водку будешь? — Мукимов показал на бутылку.

Сидней отрицательно покачал головой и показал пальцем на пиалу:

— Чай.

Мукимов улыбнулся. Улыбка у него была теплая, добродушная. Он налил пиалу чая.

— Правильно, товарищ американец. Чай не пьешь — откуда сила будет?

Чай оказался холодным. Сидней понял, что собравшиеся сидят давно. «Русские комитетчики» — в этом он уже не сомневался. Вот бы Иллая сюда. Он бы с ними быстро нашел общий язык! Напротив сидел скуластый русский. Он был одних лет с Сиднеем. Джэксону понравилось его открытое лицо, прямой простодушный взгляд. Русский что-то сказал Козлову, и тот обратился к Сиднею по-английский:

— Тут товарищи просят рассказать о себе.

Джэксон кивнул. Он уже понял, что говорить можно все. Здесь его поймут. Он начал с химического завода, проклятого рабочими Бронкса. Рассказал о трагической смерти отца, о том, сколько горя и бед выпадает на долю простых рабочих-американцев, о забастовках, которые организовывал его брат.

Когда Юрий начал переводить, атмосфера в комнате резко изменилась. Присутствующие заулыбались, со всех сторон посыпались вопросы.

Джэксон отвечал подробно. Рассказывал все, что знал, что видел, слышал от Иллая и его друзей.

Особенно расспрашивали о первомайских событиях, во время которых был схвачен Иллай. По этим вопросам Сидней понял, что «комитетчики» готовятся провести рабочий праздник,

— Не могли бы вы повторить свой рассказ нашим товарищам? Им будет очень интересно узнать о жизни американских рабочих,— попросили Джэксона.

Сидней не задумываясь дал согласие.

Домой он вернулся глубокой ночью. Он вспоминал, что говорили ему его новые русские товарищи, и удивлялся, как все сказанное ими было близким ему, волновало его. Сид вспомнил все, что говорил сам, и не мог понять, откуда у него появились такие слова, такие выражения, они могли принадлежать разве только Иллаю.

И как приятно осознавать, что ты не одинок, что у тебя есть товарищи, которым ты нужен! Спать не хотелось. Сидней потушил свет, распахнул окно. Ночная прохлада, полная тонких запахов цветущих садов, ворвалась в комнату. Джэксон пододвинул стул к окну...

Воскресенье выдалось солнечным и по-летнему теплым. Сидней выгладил свой костюм, почистил ботинки. Долго и старательно брился. Его не покидало возбужденное состояние. Он торопился. Он должен сегодня встретиться с рабочими Ташкента. Он расскажет им об Америке.

Однако рассказывать ему не пришлось. Когда он пришел к Козлову на квартиру, его тут же схватили жандармы. В участке, несмотря на его энергичные протесты, продержали несколько дней, пока в ходе проверки и бесконечных допросов жандармский следователь не убедился, что американец не причастен к деятельности подпольного большевистского комитета и арестован случайно. На всякий случай следователь взял с Джэксона подписку о невыезде из Ташкента.

4

Джэксон вернулся в гостиницу с тяжелым чувством. Ему казалось, что случилось что-то ужасное. Но он и не подозревал, какие неприятности ждут его впереди. Пребывание в участке в корне подорвало его репутацию. Хозяин гостиницы, который до сих пор гордился тем, что у него живет американец, в категорической форме предложил Джэксону в трехдневный срок подыскать себе новое жилище и освободить номер.

— Я не могу допустить, чтобы у меня проживали политически неблагонадежные!

Не теряя времени, Джэксон отправился к бельгийскому чиновнику, но тот даже не пустил Сиднея в дом. Он передал

через слугу, что «весьма сожалеет, однако вынужден отказаться от его услуг».

Частная педагогическая практика — единственный источник дохода Джэксона — прекратилась. Он остался без работы. И именно к этому времени у него вышли все деньги.

С большим трудом удалось найти частную квартиру. Комната была в небольшом глинобитном плоскокрышем доме узбека Карима Юлдашева. Карим работал чернорабочим в железнодорожных мастерских ташкентского депо. Дом его находился неподалеку от госпитального рынка, в той части города, где жили бедняки различных национальностей.

После безуспешных поисков работы Джэксону наконец удалось устроиться подмастерьем в дамское ателье Гофмана.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

1

Потянулись однообразно трудные дни.

Далеко на западе грохотала первая мировая война. Плоскокрыший Ташкент стали наводнять раненые солдаты и разоренные крестьяне. На хлопкоочистительных заводах и в железнодорожных мастерских вспыхивали забастовки. Неспокойно было и в воинских частях.

Сидней работал в портняжной мастерской и жил в крохотной комнате Карима Юлдашева. За это время он научился разговаривать по-русски и кое-как по-узбекски.

Скудного заработка не хватало на жизнь. Попытки Джэксона устроиться преподавателем физической культуры в военном училище или в гимназии также кончились безуспешно. Все места были заняты.

Жизнь превращалась в повседневную утомительную борьбу за насущный кусок хлеба. Судьба бедных людей всюду была одинаковой.

Палец за это время почти окреп, и Сидней, не особенно напрягаясь, начал готовить себя к будущим боям. Он ежедневно утром и вечером проделывал гимнастические упражнения, прыгал со скакалкой в руках, проводил «бой с тенью». Джэксон еще надеялся выйти на ринг.

2

Семья Юлдашевых, в которой жил Джэксон, состояла из четырех человек: сам Карим, его отец Юлдаш-бобо, семидесятилетний аксакал, добродушный и трудолюбивый, жена Зайнаб-апа и дочь Айгюль.

Первое время десятилетняя попрыгунья сторонилась Джэксона, убегала на женскую половину при его появлении во дворе.

Но постепенно она к нему привыкла. Когда же Сидней начал заниматься гимнастикой и боксерской тренировкой, Айгюль заинтересовалась квартирантом. Особенно ей понравилась легкость и ловкость, с какой Джэксон прыгал со скакалкой.

Сначала Айгюль наблюдала за тренировками, потом стала, подражая Джэксону, повторять его упражнения. Айгюль старалась изо всех сил, но все равно так не выходило.

Сидней Джэксон однажды застал ее за «тренировкой». Юная узбечка неумело скакала через веревочку.

Ничего не говоря, Джэксон пошел в комнату и вернулся со скакалкой. Пальцем поманил девочку. Айгюль не двинулась с места, но и не убегала.

Сидней усмехнулся и, взмахнув скакалкой, стал легко, красиво подпрыгивать. Айгюль стояла как завороженная.

Сидней остановился. Потом стал медленно повторять движения, как бы объясняя ей.

Айгюль улыбнулась. Она поняла!

Схватив свою веревочку, начала прыгать, повторяя за Джэксоном каждое его движение. В ее иссиня-черных глазах загорелась радость. Оказывается, это так просто!

— Айгюль, где ты? — раздался голос Зайнаб-апы.— Скорей разожги огонь.

Айгюль схватила свою веревочку и тут же убежала за хворостом.

Постепенно между Сиднеем и Айгюль установилась дружба. Сидней показывал ей гимнастические упражнения. Айгюль учила его узбекскому языку.

Семья Юлдашевых жила на скромный заработок Карима. Домой он приходил усталый, грязный, с веселой улыбкой на круглом загорелом лице. И казалось, никогда не унывал.

Карим иногда заходил к Джэксону. Они садились друг против друга и вели беседу на русском языке, который Карим почти не знал, как и Сидней. Больше помогали мимика, жесты.

Юлдашевы часто приглашали к себе Джэксона, особенно в те дни, когда Кариму удавалось заработать. В такие дни готовили плов.

В начале 1915 года Карима мобилизовали и увезли куда-то на запад, на тыловые работы в прифронтовой полосе.

Семья осталась без кормильца. В низком глиняном доме вместо смеха часто слышался плач. Зайнаб-апа ходила с покрасневшими, вспухшими веками. Бедной женщине уже не верилось, что ее муж когда-нибудь возвратится. Проводы в армию она восприняла как похороны.

Притихла и Айгюль. Она больше не смеялась, а пела только протяжные, тоскливые песни. В ее широко открытых глазах появилась недетская озабоченность.

3

В один из последних дней осени 1916 года Сидней вернулся с работы поздно. В мастерской наступила горячая пора: приближались рождественские праздники, и заказчиков было много.

Джэксон устало открыл свою комнатку, зажег керосиновую лампу. Разводить огонь в печке, кипятить чай не хотелось. Взял кусок колбасы, пожевал. Вздохнул. Эх, сейчас бы вареных бобов и хорошего бульона! Да гречневых блинчиков с кленовой патокой...

От таких мыслей стало еще тоскливее. Не раздеваясь, он лег на жесткую кровать.

— Сидней-ака! Сидней-ака, откройте!

Джэксон нехотя встал, открыл дверь.

Айгюль впорхнула в комнату и, заглядывая Сиднею в глаза, выдохнула:

— А что я вам принесла! Вот, смотрите!

И протянула Сиднею конверт, весь испещренный надписями и заляпанный сургучом.

Взглянув на штамп, Сидней чуть не вскрикнул от радости. Письмо из Нью-Йорка!

Джэксон подхватил Айгюль, поднял ее на вытянутых руках к дощатому потолку и закружил.

— Спасибо, Айгюль! Рахмат! Большой рахмат!

Потом подкрутил фитиль в лампе, прибавил света. Айгюль уселась рядом и не сводила с него счастливых глаз.

Письмо было из дому. Первое письмо за два года!

Сидней прочел его залпом. Писала мать, писала о своих

радостях, о своих горестях. Она благодарила бога, что ее сын, Сидней, наконец нашелся, что он жив и здоров. Это была ее самая большая радость в жизни.

Иллай поправился, окреп и сейчас снова работает на химическом. На этом радости кончались. А горести у нее были не маленькими. Они переехали в Нью-Йорк, живут в старой комнате, на Бронкс-авеню. Ферму пришлось продать. Вырученных денег едва хватило, чтобы рассчитаться с Норисоном и уплатить налоги с процентами.

В конце миссис Джэксон писала о Рите. Каждое слово дышало болью. Риту оставил Блайд. Она так хотела ребенка, но он настоял... Операция прошла неудачно...

Джэксон прижал кулаки к вискам. Блайд! Он жив, а Рита... Ну почему тогда, в детстве, он не попал ему в висок? На земле было бы на одну гадину меньше...

Айгюль, увидев повлажневшие глаза Джэксона, и сама заплакала.

— Не надо, Сидней-ака! Не надо... Это я виновата. Зачем принесла эту бумажку и причинила столько горя? Лучше бы бросила ее в огонь...

Девочка всхлипывала, и тонкие черные косички, которые сорока струйками сбегали с ее головы, вздрагивали.

4

Наступил грозный 1917 год.

Однажды в мастерскую Гофмана вихрем ворвался Ванька-посыльный. На его озорном курносом лице лучились веснушки.

— Братцы, царя скинули!

Все недоуменно переглянулись. Что он, рехнулся? А старший закройщик погрозил Ваньке волосатым кулаком.

— Я тебе скину, сукин сын! Я портки тебе скину и так накидаю, что век, шельмец, будешь помнить!

Но Ванька оказался прав. Через два часа взбудораженные и тревожно радостные портные, побросав работу, высыпали на улицу.

Свобода!

Сидней вместе с остальными направился на митинг в Александрийский парк. Там собралось много народу. Рабочие железнодорожных мастерских и хлопкоочистительных заводов, студенты, грузчики, чиновники, торговцы и солдаты... На груди у многих красные банты.

Ораторы сменяют один другого. Им дружно аплодируют. Свобода!

Толстый купец, размахивая тяжелой резной тростью, охрипшим голосом призывал спасать мать-Россию. Его не слушали, кричали:

— Долой!

Худощавый чиновник кричал о гражданских правах и кидал шапку вверх:

— Да здравствует Временное правительство!

Усатый рабочий в промасленной куртке потребовал:

— Вся власть Советам!

Из той части, где стояла интеллигенция, раздался выкрик:

— Большевик!

Но тонкий голос потонул в громе аплодисментов. Заводских было больше. Свобода!

По настоянию рабочих комитетов были арестованы генерал-губернатор Туркестанского края и его ближайший помощник. Власть перешла в руки временного комитета, который возглавил Щепкин. По улицам зачастили казачьи патрули. Гофман снял со стены в примерочной портрет царя и требовал, чтобы свободные граждане трудились не покладая рук, ибо лодырей он держать не намерен.

— Политика политикой, а без штанов никто ходить не будет!

Джэксон часами бродил по шумным улицам Ташкента, пытливо всматривался в возбужденные лица рабочих, слушая страстные речи ораторов. Повсюду проходили митинги, собрания, демонстрации.

В России, отсталой России появилось что-то новое, грандиозное. Оно неудержимо влекло к себе. Джэксон плохо понимал русский язык, но были слова, которые не требовали перевода.

5

В середине октября неожиданно возвратился Карим Юлдашев. Похудевший, в старом потертом обмундировании, которое так шло к его смуглому лицу, Карим принес с собой отголоски больших событий.

В тот же вечер в доме Юлдашевых состоялся праздник. Его устроили в складчину. Соседи принесли счастливой Зайнаб-апа мяса, риса, овощей, фруктов, лепешек. Каждый давал, что мог. Сидней вручил Юлдаш-бобо свой недельный заработок.

— Купите, что нужно.

В небольшой комнате на старых войлочных подстилках усаживались гости. Пришли соседи узбеки, друзья по работе, грузчики, среди которых были и двое русских, а также родственники тех, кто еще не вернулся с тыловых работ.

Гости пили чай и слушали. Карим рассказывал о фронте, о том, как русские и немецкие солдаты втыкали в землю винтовки и шли друг к другу с песнями, как они братались и клялись не убивать друг друга. Старики поглаживали бороды и одобрительно кивали головами:

— Магомет завещал нам любить ближних своих. Зачем человеку убивать человека?

Беседа затянулась за полночь. Всех интересовали события в России. Карим рассказывал о большевиках:

— Я слышал, что они хотят передать землю бедным дехканам, заводы — рабочим, чтобы каждый народ жил так, как он пожелает, по своей совести, по правде. Большевики — против богатых, против баев и ханов, они за народную власть, которую называют Советы.

Сидней слушал Карима и думал: когда и где он уже слышал подобные речи? Не о большевиках, о них он узнал здесь, в России, а о том, чтобы отобрать землю и раздать ее фермерам, а заводы — рабочим. Конечно, так говорил Иллай! Неужели то, о чем страстно мечтали американские рабочие, претворяется в жизнь здесь, в далекой России?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

1

— Сидней-ака! Сидней-ака, к вам идут гости! — Айгюль вбежала во двор.

Следом за ней вошли двое. Один в черной черкеске и огромной белоснежной папахе, второй, пониже ростом, в элегантном штатском костюме. За воротами фыркали лошади.

Джэксон вышел из своей комнаты. Никаких гостей, разумеется, он не ждал.

— Вы будете мистер Сидней Луи Джэксон? — спросил человек в штатском.

Джэксон утвердительно кивнул.

— Имею честь представиться, секретарь по иностранным делам Туркестанского комитета Временного правительства России дворянин Лаушкин Анатолий Данилович.— Лаушкин,

слегка наклонив голову, протянул руку в сторону военного.— Личный адъютант генерала Коровиченко есаул Трибин.

Джэксон пригласил гостей пройти к себе.

— У меня по-спартански. Прошу извинить, без комфорта.

Айгюль было очень интересно узнать: зачем пожаловали столь важные люди к Сиднею-ака? Но офицер, заметив ее, взмахнул плеткой:

— Куда лезешь, чумазая?

Айгюль, сжавшись в комок, юркнула на свою половину.

Лаушкин, окинув взглядом холостяцкую комнату Сиднея, положил свою папку на стол и сказал:

— Вы извините, но мы будем говорить весьма откровенно. Нам печально видеть представителя такого могущественного государства, как Америка, в такой жалкой азиатской конуре.

Джэксон пожал плечами.

— Мы знаем, мы все знаем, мистер Джэксон! — Лаушкин улыбнулся, обнажая редкие зубы.— Мы пришли помочь вам!

— Спасти вас! — добавил казачий офицер.

Подцепив ногой табурет, он подтянул его к себе и бесцеремонно уселся.

— Мы приглашаем вас сотрудничать с Туркестанским комитетом. Вернее, служить в его вооруженных силах, разумеется, при штабе. Подробности вот в этом пакете.

Чиновник вынул запечатанный конверт и вручил его Джэксону.

— Мы завтра ждем вас,— Лаушкин протянул руку.— В этом хаосе революции нам с вами следует держаться вместе. Для вас это единственная возможность возвратиться в Америку.

Когда они уехали, Сидней распечатал пакет. Текст был написан по-английски. От имени генерального комиссара Временного правительства по Туркестанскому краю Сиднея Луи Джэксона, гражданина США, приглашали на службу в экспедиционный полк. Ему обещали офицерское звание, награды и достойное вознаграждение за верную службу, а также «по восстановлении в России твердого порядка» возвращение на родину.

Джэксон дважды прочел послание. Пакет притягивал к себе. Черт возьми, это первое деловое предложение!..

Единственное деловое предложение за три года. Единственная возможность выбраться из России. Но какой ценой!!! Ему предлагают участвовать в восстановлении твердого порядка, то есть в подавлении революции!

Как же быть? Как поступить?

2

Глубокой ночью Сиднея разбудили гудки. Густой басистый гудок главных железнодорожных мастерских разноголосо поддерживали несколько других. Так гудят, когда случается пожар или какое-нибудь стихийное бедствие.

Сидней быстро оделся и, выбежав во двор, столкнулся с Каримом.

— Тревога! Боевая тревога! — Юлдашев с винтовкой устремился на улицу.— Скорее в мастерские!

Раздумывать было некогда. Надо выбирать: или вместе с Каримом, или принимать предложение Туркестанского комитета. Но Сидней хорошо помнил, как туркестанские аристократы безжалостно выбросили его на улицу. А Юлдашев и его товарищи делили с Джэксоном последнюю лепешку. Неужели он будет стрелять в них?

Решение пришло само собой. Джэксон вместе с Каримом побежал по темным улицам встревоженного города к железнодорожным мастерским. Где-то в центре гремели выстрелы. Бухнула пушка.

На привокзальных улицах было людно. Народ все прибывал. Шли с оружием и без оружия. Рабочие, ремесленники, солдаты... Все были взволнованы. Революция в опасности!

Возле депо Карим расстался с Джэксоном. Он показал Сиднею на здание, где выдавали оружие, и побежал разыскивать свою дружину.

Сидней видел, что те, у кого есть оружие, строились в отряды и поспешно уходили в центр города. Там шел бой.

Джэксон попытался было протолкаться к дверям дома, где выдавали винтовки, но на него зашикали:

— Куда без очереди лезешь?

Джэксон вынужден был встать в хвост длинной цепочки людей. Когда он наконец подошел к дверям, у него потребовали документы. Солдат с красной повязкой на рукаве был неумолим. Сидней показал заграничный паспорт.

— Заходи.

В комнате пожилой рабочий надел очки и, перелистав страницы паспорта, посмотрел на Джэксона.

— Так, значит, американец?

— Да.

— Революцию поддерживаешь?

— Поддерживаю.

— А кто ты будешь? Из пролетариев?

— Мой отец был рабочим и умер на химическом заводе,— ответил Сидней на ломаном русском языке.

— Свой, выходит.

Американец Сидней Джэксон был зачислен рядовым в интернациональную роту, которой командовал Хабибуллин.

3

Джэксону вручили винтовку, сотню патронов.

Хабибуллин, низкорослый и большеголовый татарин, тут же отправил Джэксона на боевой пост — ему, а также старому солдату, георгиевскому кавалеру турецкой войны Семенову и молодому китайцу Сянь Фу поручили нести охрану водокачки.

Водокачка находилась рядом с депо. Старшим караула стал Семенов. Расправив пышные усы, он молодцевато щелкал затвором, показывая американцу и китайцу приемы обращения с оружием.

Джэксон и Сянь Фу повторяли за Семеновым каждое движение. У китайца было радостное и счастливое лицо. Он — солдат революции!

— А на спуск надо нажимать плавно, помаленьку. Ясно?

Над Ташкентом вставало утро. Где-то в центре горел дом. Черный дым столбом поднимался к небу. Выстрелы стали значительно реже.

Семенов влез на водонапорную башню и, приставив ладонь козырьком, долго всматривался в даль.

— Из центра небось уже выбили. Теперича выжимают из крепости! Это как пить дать!

Попытка генерала Коровиченко захватить власть силой оружия и установить кровавую диктатуру оканчивалась безуспешно. Накануне 27 октября жители Ташкента узнали о победе революции в Петрограде. Это послужило боевым сигналом для туркестанских большевиков. Рука об руку с рабочими были и солдаты местного гарнизона.

Генерал решил предотвратить революционное выступление. В ночь на 28 октября он поднял школу прапорщиков, преданные казачьи части и напал на полки гарнизона, пытаясь разоружить их. Завязалась перестрелка.

В предрассветной тишине раздались тревожные гудки депо и главных железнодорожных мастерских. Наспех сформированные отряды тут же вступили в бой. Отбив атаки юнке-

ров и казаков, восставшие брали квартал за кварталом. Три дня шли уличные бои. Захватили резиденцию Туркестанского комитета Временного правительства — «Белый дом», почту, телеграф и другие важные объекты. Повели наступление на крепость — главную опору контрреволюционных войск. В ночь на 1 ноября революционные отряды штурмовали крепость.

В штурме крепости участвовала и интернациональная рота Хабибуллина. Это было первое боевое крещение Сиднея Джэксона.

Крепость окружили со всех сторон. На предложение сдаться мятежники ответили отказом.

Сидней вместе с Семеновым и Сянь Фу, очутившись за углом здания, ждали сигнала к атаке.

— Тут главное — смотри в оба,— наставлял Семенов.— И не отставай от товарищей.

Где-то рядом бабахнула пушка. За ней — вторая, третья. В крепости раздался взрыв. Сразу же затрещали пулеметы, винтовочные выстрелы. Издалека донеслось раскатистое «ура».

Джэксон бежал рядом с Семеновым. С этим усатым старым солдатом он чувствовал себя увереннее.

Ночную мглу прорезали вспышки разрывов. Когда Сидней добежал до крепости, там уже была давка. Красногвардейцы, толкаясь, стремились скорее проскочить через крепостные ворота, которые были разбиты прямым попаданием снаряда.

В крепости пылала казарма, и пламя освещало весь двор. Шла беспорядочная стрельба. Откуда-то с крыши дома застрочил пулемет, и Семенов, грубо толкнув Джэксона, крикнул ему:

— Ложись!

Сидней плюхнулся в грязь. Единственная куртка, которую он так берег, оказалась запачканной. Джэксон хотел было переползти на сухое место. Но только он привстал, как Семенов снова толкнул его в плечо:

— Лежи! Штаны потом вычистишь!

Сидней хотел возразить, но тут раздался отчаянный крик Сянь Фу. Сидней видел, как китаец, прижав руки к животу, катался по земле. Джэксону сразу стало жутко. Он еще теснее прижался к земле.

Слева и справа зазвучали выстрелы. Красногвардейцы лежа открыли стрельбу по крыше, откуда строчил пулемет.

Джэксон, как учил Семенов, щелкнул затвором и поднял винтовку. Лежа стрелять вверх было неудобно. После каждого выстрела приклад больно ударял в плечо.

Пулемет смолк так же неожиданно, как и начал стрельбу.

Красногвардейцы, пригибаясь, ринулись в восточную часть крепости, где еще шел бой. Перепрыгивая через трупы убитых, Сидней бежал вперед и вместе со всеми кричал «ура».

4

14 ноября 1917 года в Ташкенте состоялся краевой съезд Советов, который объявил о переходе власти в руки Советов рабочих, солдатских и дехканских (крестьянских) депутатов. Съезд образовал Совет Народных Комиссаров Туркестанского края. Председателем Совнаркома был избран большевик Ф. Колесов, военным комиссаром — Е. Перфильев.

В январе 1918 года, сразу после получения декрета Центрального правительства, подписанного В. И. Лениным, в Туркестанском крае началось формирование частей Красной Армии. Молодая Советская Республика создавала регулярную армию.

Интернациональная рота, в которой служил Сидней Джэксон, вошла в Первый революционный Туркестанский полк. В интернациональной роте служили люди различных национальностей — русские, персы, венгры, чехи, таджики, татары, немцы, узбеки, сербы, китайцы, корейцы, уйгуры, киргизы. Звучала речь на разных языках и диалектах. Но всех этих людей объединяла одна мечта: утвердить на земле справедливую власть народа, власть Советов, построить свободное общество, где хозяевами станут простые люди. Об этом мечтал и Сидней Джэксон.

Сидней с радостью надел солдатскую форму, научился владеть винтовкой и с красным вылинявшим под жаркими солнечными лучами бантом на груди пошел в бой за незнакомую, но ставшую близкой и дорогой ему землю.

Организация Красной Армии проходила в сложной обстановке. Пламя гражданской войны захватило и Среднюю Азию. Атаман Оренбургского казачьего войска полковник Дутов во главе многочисленных отрядов, сформированных из офицеров, и богатой части казачества, захватил Оренбург, Челябинск, Троицк, перерезал единственную железнодорожную магистраль, соединяющую Среднюю Азию с Советской Россией.

Центром объединения контрреволюционных сил Средней Азии стал город Коканд. Националистическая организация мусульманского духовенства «Улема» именем бога призывала правоверных вступать в борьбу с «неверными», с большевиками.

В Ферганской долине бесчинствовала басмаческая шайка Иргаша, в песках Каракумов хозяйничали банды Джунаид-хана, в горах Памира — Ибрагим-бека.

Это было трудное время для Туркестанского края. Отрезанные от Центральной России местные Советы вели ожесточенную борьбу с врагами революции.

Весной 1918 года в Ташкент прибыла так называемая Военно-дипломатическая миссия английских офицеров во главе с полковником Бейли. К ним присоединился бывший английский консул в Кашгаре Д. Маккартнэй и американский консул Трэдуэл. Они создали тайную Туркестанскую военную организацию, в которую вербовали бывших офицеров царской армии. Местные баи и ханы снабжали деньгами, оружием, боеприпасами и снаряжением басмаческие шайки и готовились к выступлению, мечтая свергнуть ненавистную им Советскую власть. Для руководства вооруженной борьбой в приграничном иранском городе Мешхеде обосновался английский генерал-майор сэр Вильхорид Маллесон, возглавивший специальную «миссию по делам русского Туркестана».

Империалистические державы оказывали всестороннюю помощь недобитым царским войскам, шайкам басмачей. Им слали оружие, боеприпасы, продовольствие. Посылали военных специалистов. Выбрав удобный момент, иностранные войска, под видом оказания «помощи» России, оккупировали Баку, Ашхабад, Красноводск. Контрреволюционное выступление ширилось с быстротой степного пожара. За короткое время почти вся Закаспийская область, за исключением крепости Кушка, оказалась в руках мятежников.

Молодая Советская Туркестанская республика, стиснутая кольцом блокады, вела неравную борьбу на всех фронтах. Полки Красной Армии, плохо вооруженные, ощущая нехватку боеприпасов, снаряжения, но вдохновленные великими идеями братства и свободы всех народов, отчаянно сдерживали натиски превосходящих сил противника.

В это критическое время из Москвы на помощь Туркестанской республике по личному указанию В. И. Ленина направилась специальная военная экспедиция, которая должна была доставить в Ташкент оружие, боеприпасы, снаряжение и деньги для Совнаркома. А вскоре в Ташкент прибыл командовать Туркестанским фронтом революционный полководец Михаил Фрунзе, а с ним Валерий Куйбышев, Дмитрий Фурманов и другие. Войска Красной Армии готовились к решительному наступлению и начали громить противника на всех фронтах.

...В то время, когда в песках под Красноводском англичане расстреляли 26 бакинских комиссаров, а в Ашхабаде английские и американские офицеры чинили расправу над коммунистами, простой американец Сидней Джэксон проливал свою кровь за утверждение свободной республики рабочих и крестьян. В боях под городом Байрам-Али он был ранен. Месяц пролежал в госпитале. Поправился и — снова на фронт. В первых рядах своего полка Джэксон прошел с боями тысячи километров, освобождая города Хиву, Мары, Тахта-Базар, Ашхабад, Красноводск. В боях под Казанджиком он получил второе ранение.

Четыре года не снимал Джэксон солдатской формы, четыре года не выпускал из рук винтовки.

Закончилась гражданская война, изгнаны интервенты, разгромлены белогвардейские армии. Летом 1922 года Сидней Джэксон возвратился в Ташкент.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Эшелон, сбавляя скорость, подкатил к вокзалу.

Из дверей товарных вагонов выскакивали солдаты. Одни бежали за кипятком, другие осаждали буфет, третьи устремлялись к небольшому базару. На перроне — шум, гам.

Из третьего вагона выходили с вещами и без оружия. Демобилизованные воины возвращались домой.

Джэксона никто не ждал, никто не встречал. Однако это ничуть не омрачало его радости. После знойных Каракумов столица Туркестанской республики показалась ему сплошным цветущим садом. Улицы утопали в зелени. Шумно звенели трамваи, торопливо шли пешеходы. Жизнь била ключом.

Сидней вышел на привокзальную площадь. Осмотрелся. Все так, как и семь лет назад, когда он впервые ступил на эту солнечную землю. Те же дома, деревья, трамваи. И в то же время все не то. И он не тот. Совсем не тот! Джэксон улыбался. Улыбался домам, деревьям, людям.

— Здравствуй, Ташкент!

Пожилой узбек в ферганской тюбетейке остановился, видимо приняв приветствие в свой адрес, приложил руку к сердцу:

— Салям алейкум, уртак! Здравствуй, товарищ!

От теплого приветствия незнакомого человека на душе стало еще радостнее, солнечнее.

К Джэксону подкатил фаэтон.

— Товарищ красноармеец, живо довезу! — Кучер лихо соскочил с передка.— Да вы не беспокойтесь, бесплатно! Так постановил наш профсоюз. Всех демобилизованных развозим задарма.

Но Сидней отказался:

— Спасибо, друг. Мне недалеко, совсем рядом. Я и так доберусь.

Джэксону хотелось пройти по улицам пешком.

Закинув за спину походную сумку, с нехитрым солдатским скарбом и сухим пайком, взяв на руку шинель, Джэксон не спеша пошел в город.

— Здравствуй, Ташкент!

Шагая по затененному тротуару, он полной грудью вдыхал воздух и почему-то вспоминал о своем деде, которого никогда не видал. Видимо, тот Джэксон так же радостно шагал по американской земле, возвращаясь домой после победного окончания войны за независимость, и думал о том, что теперь своими руками построит настоящее счастье. «Что ж, если деду не удалось это сделать тогда в Америке,— думал Сидней,— то теперь я это сделаю здесь!»

На груди его пропыленной гимнастерки алел бант, слегка выгоревший на солнце, но еще яркий, красный, как знамя, под которым он сражался, которое гордо реяло над крышей бывшего дворца царского наместника, а ныне здания правительства Туркестанской Советской республики.

2

Джэксон шел не спеша. Вот и переулок, узкий и косой, глиняный дувал, облупленный и до щербатинки знакомый, калитка.

Сидней задумчиво взялся за потемневшее медное кольцо. Дверь оказалась открытой. Можно было войти. Но он постучал.

Послышались легкие шаги. «Интересно, узнают меня или нет?» — подумал Джэксон.

Калитка раскрылась, и Сидней увидел невысокую молодую узбечку. У нее было круглое лицо, круглые смешливые глаза и множество тоненьких косичек, которые струйками сбегали из-под яркой тюбетейки.

«Неужели это Айгюль? — пронеслось в голове Джэксона.— Выросла, изменилась. Совсем не похожа на ту маленькую стройную девочку».

— Здравствуй! — сказал он громко.

— Ие?! — У девушки удивленно поднялись брови.— Ким керак? Кого надо?

Она говорила мягким гортанным голосом. Сидней неуверенно произнес:

— Айгюль...

— Айгюль? — переспросила узбечка и замотала головой.— Йок! йок! Нет, нет! — потом протянула руку к дому: — Айгюль там. Айгюль! Айгюль! — негромко крикнула узбечка и, улыбаясь Джэксону, сказала: — Проходите. Будьте гостем.

Джексон шел по кирпичной дорожке, с интересом осматриваясь вокруг. Все по-старому, все как было. Старый глинобитный дом и чуть прогнутая крыша небольшой террасы, выбитое окно в чулане. И, как всегда, чистота.

Из дома вышла смуглая красивая девушка. Поверх цветного платья надета синяя жилетка, которая подчеркивала стройность и статность. На голове, поверх тюбетейки, в несколько рядов уложены черные косы. Большими серьезными глазами она вопросительно смотрела на Джэксона.

— Айгюль! — тихо произнес Джэксон, любуясь ею.— Вот ты какая стала, Айгюль!

Она несколько секунд неотрывно смотрела на Джэксона и вдруг сорвалась с места.

Сидней почувствовал на своих плечах горячие руки Айгюль, совсем рядом увидел ее темные лучистые глаза.

— Сидней-ака!.. Ой-йе! Сидней-ака!

3

Вечером они сидели за чистой скатертью — дастарханом. Джэксон был усажен на почетное место. Напротив, поджав ноги, расположился седой Юлдаш-бобо. Айгюль была за хозяйку.

Джэксон с удовольствием ел жирный лагман, приготовленные на пару́ большие пельмени — манты. Пил душистый зеленый чай.

Айгюль рассказала о том, как они жили. Юлдаш-бобо смотрел добрыми глазами на Джэксона, вздыхал и поглаживал ладонями поредевшую бороду.

— Мы с дедушкой остались вдвоем. Зайнаб-апа умерла сразу после вашего ухода на войну. Она заболела. Лечилась у знахарок и пила всякое зелье. Потом, в двадцатом, сооб-

щили о смерти отца. Он погиб в Бухаре, когда наши ворвались в эмирский дворец... Я долго не верила, все ждала, что он придет...

Айгюль низко нагнула голову. При свете керосиновой лампы на ее длинных ресницах заблестели капельки влаги.

Юлдаш-бобо протянул руку и широкой ладонью с узловатыми пальцами стал гладить внучку.

— Не надо, внучка. Тот, кто ушел к аллаху, назад не возвращается.

— Теперь я привыкла,— Айгюль овладела собой.— Товарищи, подруги, комсомольская работа... Знаете, что мы сейчас делаем?

Она стала рассказывать о собраниях женщин, на которых выступают коммунистки, русские и узбечки, о кострах на базарных площадях, на которых сжигали паранджу.

— А в свободное время — на стадионе. Занимаюсь гимнастикой и бегом,— Айгюль оживилась.— Говорят, что у меня неплохие результаты.

До поздней ночи просидели они, разговаривая, вспоминая, рассказывая. Давно пора было ложиться спать, но они не расходились. Джэксон поймал себя на мысли, что здесь, рядом с Айгюль, он просидел бы так вечно. Ему хотелось смотреть на ее овальное красивое лицо, ловить улыбку мягко очерченных нежных губ, любоваться взлетом тугокрылых черных бровей и ощущать на себе ее взгляд. Ее глаза, черные, большие, были рядом, дарили тепло, излучали таинственную силу, притягивали.

Даже тогда, когда он остался один, Сидней не переставал думать об Айгюль, восхищаться ее яркой восточной красотой. Он лежал на мягких одеялах, постланных на деревянной тахте, в небольшом винограднике внутреннего дворика и мечтательно смотрел на далекие звезды — ясные, лучистые...

4

Утром Джэксон побрился, вытащил из чемодана гражданский костюм, рубашку, галстук. Разогрел утюг, долго и старательно гладил. Вычистил до блеска старые штиблеты. Однако, когда оделся и завязал галстук, ощутил какую-то неловкость. То ли костюм стеснял движения, то ли он отвык от выглаженных брюк и чистой рубашки.

Неужели таким франтом он пойдет в Совет за направлением на работу? Конечно, нет!

Снова дымил утюг, снова мелькала одежная щетка. Потертая гимнастерка посветлела. Начищенные сапоги хотя и не блестели, как штиблеты, зато удобны и привычны.

В красноармейской форме Джэксон выглядел мужественнее. И чувствовал себя не случайно попавшим в рабочую среду, а равноправным солдатом революции.

В Ташкентском городском Совете Джэксона провели в отдел кадров. Полная женщина с усталым лицом быстро просмотрела красноармейское удостоверение.

— Где вы раньше работали? — спросила она, поправляя очки.— Куда вас направить?

Джэксон неловко переминался с ноги на ногу. Сказать, что он работал гладильщиком в портняжной мастерской? Несолидно. Сказать, что он боксер? А знает ли она, что такое бокс?

Но его опасения оказались напрасными. Едва заговорил он о спорте, лицо женщины просветлело.

— Так, значит, вы специалист?

— Профессионал,— поправил Джэксон.

— Голубчик, так бы сразу и сказали! Нам позарез нужны специалисты по спорту.

Она тут же сняла телефонную трубку, вызвала какого-то товарища Мукимова.

— Иргаш-ака, нашла!.. Ну да... да. Даже профессионал, американец... Что? Немедленно к вам? Хорошо, хорошо.

Кабинет Мукимова оказался на другом конце коридора. Джэксон мельком прочел надпись на табличке: «Начальник Всеобуча». В приемной толпились люди. В основном военные. У многих имелись командирские отличия.

Джэксон подошел к секретарше и назвал себя. Светловолосая девушка приветливо посмотрела на него и скрылась в кабинете. Через минуту массивная дверь открылась, и на пороге появился коренастый мужчина в военной форме.

Все сразу двинулись к нему.

— Товарищи, по порядку,— сказал Мукимов.— Приму всех обязательно. Кто товарищ Джэксон?

Сидней выступил вперед:

— Я.

— Прошу вас, входите.

Джэксон смотрел на Мукимова, на коренастую фигуру начальника Всеобуча, на его широкое скуластое лицо, на орден Красного Знамени и не мог отделаться от странного чувства, которое его охватило. Было что-то знакомое в облике этого человека. Боксер готов был поклясться, что они где-то встречались.

Мукимов дружески протянул руки:

— Ну, здравствуйте, салям алейкум, товарищ американец! Очень рад с вами встретиться. Сколько лет! А?

И тут Сидней узнал его. Узнал по гортанному голосу, по его теплой, доброй улыбке. Это был один из тех, кто присутствовал на вечере у Юрия Козлова. Это тот самый узбек, который усадил его тогда рядом с собою. Вот так встреча!

Мукимов предложил Джэксону сесть и засыпал его вопросами: как встретил революцию, давно ли в Красной Армии, где воевал?

Сидней, в свою очередь, спросил о Юрии Козлове. Где он? Жив ли?

— Был с ним на каторге,— рассказывал Мукимов.— Вместе бежали. А сейчас он высоко. Начальство! — Он шутливо поднял руку, показывая на потолок.— Большой человек. В Москве, заместитель наркома.

Мукимов рассказал, что Козлов всегда тепло вспоминал о Джэксоне и очень сожалел, что по неосторожности «впутал американца в политику».

— Знаешь,— сказал Мукимов, переходя на «ты»,— я завтра буду разговаривать с Москвой по телефону и сообщу о тебе. Ты не против? Вот Юрий-ака обрадуется!

Потом долго говорили о спорте. Откуда знает спорт? Сколько лет занимался боксом? Разбирается ли в гимнастике? Пробовал ли свои силы в легкой атлетике и плавании? Как организовывать соревнования? Какой нужен инвентарь для тренировок? Вопросы сыпались один за другим.

У Джэксона потеплели глаза. Он увидел не начальника, а человека, серьезно интересующегося физической культурой, спортом. И еще он понял, что эти люди, люди новой власти, придают большое значение физической культуре. Он и сам не ожидал, что это открытие так обрадует его.

— Мы строим социалистическое государство,— говорил Мукимов.— Государство, в котором физическая культура станет достоянием всех! Через месяц у нас начнется первая спартакиада, к состязаниям готовятся воинские подразделения, учебные заведения и, конечно, все коллективы рабочих организаций. Так что, товарищ Джэксон, вы приехали в самое время. В спартакиаду включены соревнования по гимнастике, легкой атлетике, плаванию, стрельбе и рукопашному бою.

— Но я же боксер.

— Боксер тоже должен уметь и плавать и стрелять. Верно? А что касается непосредственно бокса, то, уверяю вас, на будущий год мы запланируем и соревнования боксеров. Так

что, дорогой товарищ, подготовка спортсменов по этому виду спорта на вашей пролетарской совести! С сегодняшнего дня вы — инструктор Всеобуча по спорту.

Мукимов вытащил блокнот, быстро написал записку и вручил ее Джэксону.

— Отправляйтесь к товарищу Куприянову и — начинайте! Желаю вам успеха.

Мукимов проводил Джэксона до дверей.

— В случае чего, не стесняйтесь, обращайтесь прямо ко мне.

Джэксон крепко пожал руку начальнику Всеобуча.

5

С какой радостью встретил Джэксон это назначение! Он — спортивный инструктор. Значит, его знания, опыт нужны.

Он сразу как-то вырос в собственных глазах. Оказывается, быть специалистом по боксу — не так уж плохо.

Куприянов оказался секретарем горкома комсомола. В его кабинете, если так можно было назвать просторную комнату в особняке убежавшего за границу царского генерала, было людно и шумно. На стенах висели революционные плакаты и лозунги. Рядом с потертыми, некогда дорогими креслами стояли простые табуретки и столы.

— Кто товарищ Куприянов? — спросил Джэксон.

Ему показали на высокого, плечистого молодого человека с крупными чертами лица. Его окружали парни и девушки, они спорили, что-то доказывали, приходили, уходили.

Джэксон протолкался к Куприянову, подал записку. Тот, прочитав, поднял руку:

— Ребята! Нашего полку прибыло. Мукимов направил тренера по боксу. Из Америки!

В комнате стало тихо.

— А когда он приедет? — спросил кто-то.

— Он здесь! — Куприянов показал на Сиднея.— Знакомьтесь, товарищ Джэксон!

Через час на дверях горкома комсомола висел перевернутый наизнанку старый плакат, а на нем было выведено красной краской:

«Кто хочет научиться бить буржуев,

записывайся в боксеры!»

Группа комсомольцев отправилась на розыски спортивного инвентаря, а Сидней с Умаровым и Хлебченко пошли в городской парк выбирать место для тренировок.

На окраине парка уже был оборудован спортгородок. Расчищено футбольное поле с воротами, вокруг отмечена известью граница беговой дорожки, под тенью деревьев установлены самодельный турник и кольца.

— Давайте рядом с гимнастами,— предложил Хлебченко.

Джэксон осмотрел место, на которое показал комсомолец. Тень от двух высоких чинар была достаточно широкой. «Тут можно установить ринг,— подумал он,— и подвесные снаряды — мешки с опилками».

— Вполне подходит.

Умаров сходил в сторожку садовника и принес лопату и кетмень. Джэксон снял гимнастерку. Втроем они принялись расчищать площадку для тренировок.

Поиски спортинвентаря результатов не принесли. Комсомольцы облазили пыльные склады бывших учебных заведений, но ничего дельного не нашли, кроме канатов. Только один Рокотов вернулся с добычей. Ему удалось достать три пары боксерских перчаток. Они были старыми, разбитыми, в местах, где расползлись швы, вылезала морская трава. Но, несмотря на это, перчатки были самыми настоящими, боксерскими.

Их передавали из рук в руки, любовно осматривали, примеряли.

— Товарищ Джэксон, разрешите взять перчатки домой? — спросил Хлебченко.— Я их починю.

— А что, я сам не смогу? — сказал Рокотов мягким басом.— У меня дядя — сапожник.

Желающих отремонтировать боевые рукавицы оказалось больше, чем перчаток. Пришлось дать каждому по одной штуке.

— А теперь за дело! К вечеру площадка должна быть готова. Завтра — первая тренировка.

Работа закипела. Одни лопатами срывали бугры, колючки, траву, другие сгребали все в кучу и на носилках относили к свалке, третьи орудовали метлой.

Джэксон выделил место для ринга. Умаров и Хлебченко принялись выкапывать ямы для столбиков. Джэксон вместе с Рокотовым стали размерять канат и подготавливать будущую ограду ринга.

Время летело быстро. Солнце склонилось к западу, и длинные тени легли на подготовленную площадку. С наступлением вечера ожил спортивный городок. На футбольном поле начали тренировку будущие мастера кожаного мяча, около перекладины и колец собрались любители гимнастики, у ям для

прыжков, наполненных желтым песком, начали разминаться легкоатлеты. Девушки, среди них и несколько узбечек, приступили к отработке старта. Узбечки сняли свои платья и остались в рубашках и шароварах — цветастых штанах, стянутых у щиколоток. Русские девушки были в трусиках и майках. Среди них выделялась одна чернокосая смуглянка. Присмотревшись, Джэксон узнал Айгюль. И рядом с ней он увидал узбечку, Дильбар, ту самую, которая открывала ему калитку. Дильбар всячески старалась не отставать от Айгюль. Однако такой легкости и быстроты у нее не было.

Джэксон невольно залюбовался Айгюль. Она стремительно срывалась со старта, словно птица устремляясь вперед, и две косы, отброшенные ветром, развевались за ее спиной.

Джэксон не заметил, как рядом встал Умаров.

— Яхши кыз? Хороший девушка?

Сидней кивнул:

— Джуда яхши. Очень хорошая.

Умаров вздохнул, помолчал, потом сказал:

— Ее звать Айгюль. Это значит «лунный цветок». А все джигиты зовут ее Ташгюль. Это значит «каменный цветок».

Джэксон повернулся к Умарову:

— Почему?

— Давай лучше, товарищ, будем работай. Она хороший комсомолец, только душа каменный. Не надо смотреть. Глаза радуйся, потом сердце будет болеть. Не надо. Сколько хороший комсомолец такой больной ходит! Зачем еще один? Давай, хороший американский товарищ боксер, лучше будем работай.

Джэксон внимательно посмотрел на Умарова:

— Ты тоже больной?

Умаров ничего не ответил, только смущенно опустил голову.

Джэксон направился к рингу. Под руководством Рокотова натягивали канаты. Сидней помогал закреплять углы ринга, показывал, как лучше бинтовать канат. А думал об Айгюль. Неужели Умаров прав?

6

Сидней Джэксон вернулся поздно.

Едва войдя в калитку, он с изумлением увидел в окне своей комнаты свет. Кто бы это мог быть?

В комнате сидела женщина.

На ней был легкий темный жакет и темный платок, накинутый поверх него. Она сидела, опустив плечи, задумчиво глядя на маленькое занавешенное окно, казалась маленькой, подавленной, какой-то несчастной. Не сразу можно было узнать в ней Лизи, ту гордую красавицу Лизи, племянницу Марии Львовны Щепкиной.

Но вот она встала и сразу преобразилась. Плечи ее гордо расправились, рот скривился в иронической улыбке. Она грациозно протянула ему для приветствия руку и, как-то бравируя, произнесла:

— Здравствуйте, Сид! Вы, конечно, удивлены? Я тоже. И не менее вас. Я удивлена вашим прекрасным видом! Вас не изменило время. Вы даже похорошели, как мне кажется.

Она говорила ласково, ровно. В ее красивых глазах не было и следа надменности, которая так больно ударила его тогда, в семье Щепкиных.

— Здравствуйте, Лизи. Очень рад видеть вас. Вы также прекрасно выглядите.

Он говорил это, но думал о том, что ее не пожалело время.

— Чем я обязан, Лизи? — как можно любезнее спросил Джэксон.

— Садитесь... Садитесь рядом... Я должна вам многое рассказать.— Она положила сумочку на стол и дотронулась до руки боксера.

— Я пришла к вам, как к другу. Я всегда помнила о вас! Я рада, что наконец разыскала вас.

Сидней выжидающе смотрел на нее. Нет, он не в силах был догадаться, что же привело ее сюда.

— Сид! Как моему старому другу, я буду говорить прямо, без обиняков. Сид, я хочу сказать, что мой интерес к вам не прошел.

Она внимательно смотрела ему в глаза и, не дав вымолвить слова, быстро взяла за руку. Сидней почувствовал холод ее ладоней.

— Молчите! Вы еще ничего не знаете! Вы не знаете, как часто я думала о вас... Сид... Я могла бы согласиться быть вашей женой!

Лизи ждала ответа. Он чувствовал на себе ее настойчивый, вопрошающий взгляд. Что ответить ей? Гораздо легче молчать. Да и зачем отвечать? Несколько лет назад эти слова привели бы его в неописуемый восторг. Но теперь... Неужели она сама не понимает, что все это теперь нелепо и не нужно?

Лизи встала, резко отодвинув стул. Нет, она не собиралась уходить! И когда вновь заговорила, Джэксон увидел ее совсем другой: гневное лицо, зло пылающие глаза...

— Я ошиблась. Вы не любили меня. Но, если хотите, мне это безразлично! Меня вынуждают обстоятельства, которые сильней моей гордости! И того, что мне необходимо, я добьюсь.

Лизи порывисто села на стул.

— Сид, отбросим чувства. Вы не любите. Но разве это обязательно в браке? Женившись на мне, вы сможете наконец вернуться на родину. Подумайте! Мы будем жить в Америке!

«Так вот чего она хочет — ей нужна Америка. Не я, а Америка!» — подумал Джэксон.

— У меня есть деньги,— быстро говорила Лизи.— Мы приобретем в Нью-Йорке дом... Купим дело... Вы до конца дней будете жить безбедно!

Она заглядывала ему в глаза, улыбалась дружески, почти заискивающе.

— Я открою вам все, Сид. В швейцарском банке на мое имя лежат деньги! Семьдесят тысяч золотом. Сид, это наши деньги. Твои тоже. Я сейчас могу дать расписку, что третья часть будет переведена на твое имя! Ты не представляешь, Сид, сколько нам пришлось пережить! Дядя успел перевести золото за границу. Но его расстреляли красные... О! Как я их ненавижу!

Она говорила быстро, захлебываясь словами, как бы боясь, что ей не дадут высказаться до конца.

Но Джэксон и не думал перебивать ее, он слушал. Когда она замолчала, на душе Сиднея была та же пустота, что и до этого.

Лизи ждала ответа. Она не верила, что он может отказаться.

— Подумайте, Сид. Я еще приду к вам. Прошу вас, подумайте. Вы будете богатым и уважаемым человеком в Америке. Такая возможность бывает раз в жизни.

После ее ухода Джэксон долго сидел неподвижно. Он думал о Лизи. Нет, он сразу, с первых слов отверг ее предложение. Что ему, простому человеку, делать в Америке с ее деньгами? Становиться Норисоном? Или покупать завод и выжимать последние соки из таких, как Иллай или Жак Рэнди? Нет, ему по душе эта новая, честная жизнь, которую он начал в России. Ему по душе и труд, который ему тут дали. Нет, его совсем не волнует предложение Лизи. И она сама тем более.

И все-таки Лизи взволновала его. Она заставила вспомнить Америку, родных. Сидней достал лист бумаги, карандаш. Он

давно собирался написать письмо. С волнением вывел первую строчку: «Здравствуйте, мама...»

Он писал долго, старательно подбирая каждое слово. Он писал о том, что после войны остался жив и здоров, что он тут неплохо устроился, что работы много и заработки хорошие и что он, как только поднакопит достаточно денег, вышлет ей и Иллаю на дорогу. И еще писал о том, какая красивая страна Россия и что ей здесь все обязательно понравится.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

1

Сидней Джэксон окунулся в работу. Ее было много, и день был уплотнен до предела. Утром Джэксон преподавал в школе английский язык (как он ни отговаривался, ссылаясь на отсутствие университетского образования, его никто не захотел и слушать), днем проводил занятия по физической культуре в школе красных командиров, а вечером шел на спортивную площадку.

Там его ждали энтузиасты бокса. Их было много. Едва в горкоме комсомола появилось объявление, как к Сиднею Джэксону со всех концов города потянулись комсомольцы, молодежь.

До позднего вечера на спортивной площадке царило оживление. Крепкие парни — комсомольцы, молодые рабочие заводов и фабрик — приходили на тренировочные занятия. Они с удовольствием выполняли указания Сиднея Джэксона, настойчиво проделывали различные упражнения, овладевали сложным искусством боксерского боя. Разбившись на пары, они отрабатывали отдельные удары и комбинации, изучали способы защиты. Потом по очереди надевали перчатки и выходили на самодельный ринг.

Джэксон радовался каждому успеху своих учеников. Ему было не легко, приходилось быть сразу и тренером, и спарринг-партнером, и судьей, и секундантом. Однако никакие трудности не могли затмить радости от того, что он видел, что сам создавал. Появился новый спорт, спорт подлинно свободный, где судьба победителя и чемпиона всегда будет решаться в честном поединке.

Домой он возвращался поздно, уставший и счастливый. При свете керосиновой лампы готовился к занятиям и составлял план тренировок.

Завидев свет в комнате Джэксона, Юлдаш-бобо направлялся к Сиднею и, прижав руку к сердцу, настойчиво приглашал:

— Углум, сынок, надо покушать. Плов давно ждет вас.

Юлдаш-бобо исполнял роль хозяйки. Сидней и Айгюль отдавали ему деньги. Юлдаш-бобо умел изумительно вкусно готовить.

Джэксон отрывался от работы и тепло улыбался старому узбеку:

— Рахмат, спасибо. Айгюль уже пришла?

Когда Айгюль бывала дома, Юлдаш-бобо утвердительно кивал и прятал улыбку в седых усах:

— Она давно ждет вас.

Но такие вечера бывали редко. Чаще Юлдаш-бобо вздыхал и говорил:

— Нет, сынок, Айгюль днем была. Покушала вчерашний лагман и опять убежала. Когда она придет, не знаю. Идемте, а то плов остынет.

И они садились друг против друга на ковре, двое мужчин, таких разных по возрасту и воспитанию, таких непохожих и далеких. Они ели плов и думали об Айгюль. Где она сейчас? Что делает?

Юлдаш-бобо, горестно потирая белую бороду, жаловался Джэксону:

— Боюсь я за нее, ой боюсь... В старом городе много плохих людей живет. Советская власть пощадила их. Но они не пощадят Айгюль. Зачем она туда ходит?

Джэксон знал, зачем Айгюль так часто ходит в отдаленные закоулки старого города. Приближался день открытия спартакиады, и Айгюль старалась добросовестнее выполнить свое обещание, которое она дала: «В колонне спортсменов будет шагать команда узбечек».

В составе легкоатлетов уже насчитывалось около двадцати девушек узбечек. Но этого ей было недостаточно. Айгюль была страстным агитатором. В самых глухих кварталах Ташкента она организовывала одно женское собрание за другим, устраивала костры, на которых с проклятиями сжигали паранджу, мобилизовывала женщин узбечек на борьбу за свою свободу, равноправие, призывала их к свету и новой жизни.

Деятельность Айгюль и других активисток была не по душе закоснелым приверженцам шариата. Мулла Эргаш-бай встретился с Юлдаш-бобо в чайхане и долго наставлял старого мусульманина, чтобы он взял в руки свою непокорную внучку.

— Если сам не можешь, да простит нас аллах за такие слова, то выдай ее замуж. Хороший муж, что лихой джигит, он и степного дикого скакуна делает покорным конем.

После встречи с муллой Юлдаш-бобо несколько раз пытался повлиять на внучку, но Айгюль и слушать его не хотела.

— Эргаш-бай беспокоится о своем доходе, а не о мусульманах. Он понимает, что, если все станут грамотными и культурными, никто его не будет слушать и мечеть опустеет. А за меня не беспокойся.— Айгюль нежно обнимала дедушку.— Советская власть во много раз сильнее, чем Эргаш-бай и все его прислужники, потому что она за народ. Ведь так и отец говорил. Правда? Так чего же мне бояться?

Что мог ей ответить старик? Юлдаш-бобо терялся и только повторял одно:

— Будь осторожнее, Айгюль. Будь осторожнее.

А когда Айгюль не бывала дома, Юлдаш-бобо изливал свои опасения перед Джэксоном. Сидней внимательно слушал старого узбека, сочувствовал и старался успокоить его, хотя сам в душе тоже тревожился за Айгюль.

2

Приближался день открытия спартакиады. Город принимал праздничный вид. Со всех концов республики и из частей Красной Армии в Ташкент прибывали делегации спортсменов.

По городу разъезжали два автомобиля, украшенные плакатами и лозунгами. В них сидели музыканты и агитаторы. На базарных площадях музыканты играли. Гремели бубны, звонко пели флейты, гулко гремел карнай. Вокруг автомашины вырастала толпа. Как только смолкала музыка, агитаторы приглашали горожан принять участие в празднике спорта, посмотреть состязания по бегу, гимнастике, плаванию, скачкам и национальной борьбе кураш.

Айгюль целыми сутками не показывалась дома. Она успевала бывать всюду: на митингах женщин и на тренировках, участвовать в заседании горкома комсомола и спортивного комитета, разъезжать на агитмашине и вечером вести занятия по физкультуре с девушками узбечками.

Джэксон тоже был очень занят все эти дни. С Айгюль они виделись только мельком и успевали сказать друг другу всего лишь несколько ласковых слов.

Сиднея включили в состав главной судейской коллегии спартакиады. Нужно было комплектовать судейские бригады

по видам спорта. А это было не таким простым делом. Оказалось, что все хотели быть только участниками. Те комсомольские вожаки, которые все же соглашались быть судьями, имели весьма смутное представление об обязанностях спортивного судьи, слабо разбирались в правилах состязаний. Приходилось их обучать на ходу.

Времени не хватало. Если бы в сутках было не двадцать четыре, а сорок восемь часов, то и их оказалось бы Сиднею недостаточно.

Спать приходилось урывками, есть — на ходу.

3

Едва заканчивались уроки в школе, Сидней спешил на спортивную площадку. Здесь его уже ждали. Шли последние приготовления к открытию спартакиады. Спортсмены готовились к торжественному параду. Джэксона сразу окружали боксеры.

— Товарищ Джэксон, посмотрите, какой мы ринг сделали!

Рокотов разворачивал самодельный переносной ринг. К четырем метровым палкам он прикрепил бинты. Боксеры встали по углам и натянули их. Ринг получился приличный. Его можно было нести в колонне и на ходу демонстрировать выступление боксеров.

— Молодцы! — похвалил Сидней.— Как настоящий.

— Это мы с Умаровым сделали,— сказал польщенный Рокотов.

— Значит, вам и выступать на нем. Верно, друзья?

Выступать во время парада хотели многие. Поэтому решили выходить на ринг по очереди.

— Только возле трибуны на ринг выйдем мы,— настоял Рокотов.

— Хорошо,— согласился Сидней.— А где Умаров?

— Он еще не приходил,— сказал кто-то.

— Тоже сказал! Он был здесь. Сидней Львович, я сам его видел.— Хлебченко отошел от подвесного мешка и вытер пот со лба.— Иван, куда делся Умаров?

Рокотов пожал плечами.

— Не знаю.

— Опять что-нибудь придумал.— Хлебченко снова направился к мешку.— Он сейчас вернется!..

Но Умаров так и не появился до конца тренировочного занятия.

К боксерам подошел тренер легкоатлетов Михаил Евдокимович. Он был высок, жилист и, казалось, никогда не снимал больших роговых очков.

Он отвел Джэксона в сторону:

— Вы, Сидней Львович, не знаете, где Айгюль? Она вам ничего не говорила?

— Нет. А что?

— Она что-то задерживается. Прошло уже больше трех часов, а ее все нет...

Джэксон сразу насторожился:

— А куда она пошла? Вы знаете?

— В старый город.

Михаил Евдокимович рассказал, что утром прибежал младший брат Дильбар и сообщил: Дильбар заперли! Скоро приедет жених. Она больше не будет ходить без паранджи! Айгюль сразу же и отправилась туда.

— Одна? — Сидней недоуменно посмотрел на Михаила Евдокимовича.— Зачем вы ее одну отпустили?

— Айгюль настояла. Одна, говорит, я на женскую половину зайти смогу.

Джэксон задумался. Нехорошие предчувствия охватили его. Но он отогнал дурные мысли. Ведь до сих пор все обходилось благополучно! Не первый же раз она в старом городе. И вслух сказал:

— Надо послать туда кого-нибудь. Сейчас же!

— Я уже послал. Умарова.

Михаил Евдокимович ушел. Джэксон вернулся к своим боксерам. Но мысли его были там, с Айгюль. Только бы не приключилась беда!

4

А беда приключилась. Айгюль попала в западню.

Вместе с ней попал и Умаров.

Расспросив братишку Дильбар, он отправился в старый город вслед за Айгюль. Чем дальше от центра, тем улицы уже, движение тише. Высокие глиняные заборы — дувалы — закрывают внутреннюю жизнь каждого дворика. Дома стоят без окон, словно повернулись к улице спиною. Окна и двери где-то там, во дворе.

Тихие глухие переулки. Лабиринт глинобитных стен. То там, то здесь возвышаются стройные минареты и высокие купола мечетей. Они покрыты разноцветной керамикой и изразцами, отливающими на солнце глубокой-глубокой синевой.

Каждая стена, каждый камень говорят о древности, напоминают о прошедших веках.

Умаров любил бродить по дальним закоулкам старого города. Идешь и не знаешь, куда выйдешь. Магистральные улочки утопали в пыли. Тротуаров не было, и арбакеши, сидевшие верхом на лошадях, запряженных в арбы, громко кричали: «Пошт! Пошт!» Прохожие жались к стенкам, пропуская транспорт.

Сегодня тишина переулков не радовала Умарова. Она скорее настораживала.

Вдруг он услышал гортанный крик муллы. До вечерней молитвы было еще далеко. Умаров прислушался. Мулла проклинал неверных жен, нарушивших шариат и открывших свои лица. Он призывал правоверных покарать их, и в первую очередь эту бесстыдницу, дочь сатаны и красных богоотступников, ту самую, которая устроила костер и публично сожгла паранджу...

Слова муллы были тяжелы, как камни. Там Айгюль... Умаров побежал. Она в опасности!

Переулок был кривым и узким, как ферганский нож. Добежав до конца, Умаров очутился на небольшой площадке возле старой мечети.

Айгюль стояла к нему спиной. На нее, изрыгая ругательства, надвигалась тесная толпа взбешенных бородачей. У многих в руках были посохи дервишей — бродячих монахов.

Умаров увидел, как задние нагибались и торопливо шарили вдоль дувалов, собирали камни.

Он бросился в толпу.

— Тохта! Остановитесь!.. Что вы делаете?.. Тохта! Остановитесь!..

Несколько дервишей с перекошенными от гнева лицами поспешно вскинули свои посохи, длинные, как копья. Тускло сверкнули острые железные наконечники.

— Коч, ит боласы! Прочь, сын собаки!..

5

Тренировка подходила к концу. Айгюль все не появлялась. Джэксон не находил себе места.

Вдруг у входа на спортплощадку появилась Дильбар. Она была одна.

Ее окружили девушки и парни.

Дильбар была встревожена и счастлива.

— Я убежала! Меня ночью отвезли к дяде и там заперли в сарай. А я убежала! Они хотели, чтобы я не позорила семью, чтобы не участвовала в спартакиаде...

Джэксон протолкался к Дильбар:

— Где Айгюль? Почему ты одна?

— Айгюль? — Дильбар удивленно вскинула брови.— Не знаю. Я ничего не знаю... Я не видела Айгюль...

— Она же пошла к тебе!

По лицу Дильбар пробежала тень.

— Ко мне? Зачем ко мне? Туда ходить не надо... Ой!.. Там злые дервиши...

Все молча смотрели на Джэксона. Он стиснул зубы. Дорога каждая минута. Скорей!

— Я боюсь туда ходить! — Дильбар замахала руками.

У здания горкома партии они встретили Куприянова. Узнав, в чем дело, комсомольский вожак взял машину.

— Садитесь! И я с вами!

Старый форд, грохоча и изрыгая клубы дыма, помчался по улицам к старому городу.

Дильбар сидела рядом с шофером и показывала дорогу.

Еще издали они увидели толпу. Среди пестрых узбекских халатов выделялись защитные гимнастерки красноармейцев и синие — милиционеров. Джэксон наклонился к шоферу:

— Скорей! Пожалуйста, скорей!

Форд остановился перед мечетью.

Выпрыгнув из машины, Джэксон устремился в гущу толпы:

— Айгюль! Где ты, Айгюль?

На Джэксона никто не обращал внимания.

— Айгюль! Айгюль!

Группа красноармейцев с винтовками наперевес охраняла небольшую кучку бородачей. Они опасливо косились на разгневанную толпу и только жались друг к другу.

Другая группа красноармейцев оттесняла людей.

— Товарищи, успокойтесь! Самосуда чинить нельзя! Их будут судить! По всей строгости народного суда! Граждане, успокойтесь!

Джэксон увидел Куприянова, разговаривающего с командиром. Он протиснулся к ним.

— Товарищ командир! Что случилось? Где Айгюль? Где Айгюль? Она должна быть здесь! Где Айгюль?..

Куприянов опустил голову.

Командир пристально посмотрел в глаза Джэксона:

— Мы их обоих отправили в лазарет. Может быть, еще спасут...

6

Всю ночь Сидней не отходил от дверей больницы. Юлдаш-бобо, согнувшись, сидел на ступеньках крыльца и беззвучно рыдал.

К рассвету скончался Умаров. Врачи оказались бессильны. Он потерял слишком много крови.

Джэксон больше не мог ждать. Он ворвался в кабинет заведующего и молча, почти угрожающе уставился на него.

— Успокойтесь,— мягко сказал врач.— Девушку мы спасем. Спасем! Даю вам слово.

Джэксона усадили в вестибюле. Но сидеть спокойно он не мог. Мимо него сновали медсестры, врачи, сиделки, и всякий раз Сидней вскакивал и просительно заглядывал в глаза:

— Скажите, как там? Как Айгюль?

Утром в больницу приехал Куприянов. Он разыскивал Сиднея.

— Товарищ Джэксон! Я приехал за вами. Меня послал Мукимов. Вас ждут.

Сидней безразлично смотрел на Куприянова. Он ничего не слышал. Его мысли были там, за стеклянной дверью, где люди в белых халатах старались спасти жизнь Айгюль.

— Товарищ Джэксон! Вас ждут! Вы меня понимаете? — Куприянов положил руку на плечо боксера.— Идемте. Машина у ворот.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Поднимая клубы пыли, открытая легковая машина помчалась к центру города. Солнце поднялось высоко и уже палило нещадно. Сидней расстегнул ворот гимнастерки. Прохладный встречный ветерок приятно обвевал лицо, шевелил волосы, но не приносил облегчения. На душе у Джэксона было тяжело. Он думал об Айгюль. Удастся ли ее спасти? Он молил бога, чтобы там, в больнице, руки врачей совершили чудо и вы́ходили, спасли ей жизнь. Она почему-то стала для него самой дорогой и близкой.

На перекрестке пришлось затормозить. Шел караван верблюдов с тюками хлопка. Обгоняя его, звеня и тарахтя, катил трамвай. Сидней невольно обратил внимание на красные плакаты, которые были прикреплены чуть повыше открытых окон. Славянские буквы и витиеватая арабская вязь. Они говорили об одном, о первой спартакиаде Всеобуча. И призы-

вали граждан принять участие в открытых свободных спортивных соревнованиях.

Куприянов привез Джэксона в Ташкентский городской Совет. Сидней поспешил за проворным Куприяновым. Они шли по длинному коридору. Джэксон думал, что его сейчас начнут расспрашивать о ходе подготовки к открытию спартакиады, и мысленно готовился отвечать на возможные вопросы. Но он ошибся. Куприянов провел его мимо кабинета начальника Всеобуча. Джэксона ждал не Мукимов, а сам председатель Совета депутатов товарищ Ходжаев.

Они не задержались в приемной. Секретарша тут же распахнула перед ними дверь в кабинет председателя:

— Проходите, пожалуйста, вас ждут.

В просторном светлом кабинете, в котором еще сохранились следы от обстановки бывшего градоначальника, на потертых кожаных диванах сидело несколько человек. Едва Джэксон переступил порог, как один из присутствующих, с сигарой во рту, порывисто встал и направился к Сиднею.

— Смею надеяться, вы и есть мистер Сидней Луи Джэксон? — спросил он по-английски.

Джэксон давно не слышал родной английской речи. Теплые чувства шевельнулись в глубине души. И тут же погасли. Сидней молча посмотрел на незнакомца. Элегантный черный костюм, накрахмаленная рубашка, безупречно завязанный галстук, лакированные туфли. Холеное, сытое, гладко выбритое лицо с лисьей улыбкой. Откуда он? Что ему здесь нужно? И по-русски ответил, чтобы слышали все:

— Да, вы не ошиблись. Сидней Луи Джэксон — это я.

В глазах незнакомца засветилась ласковая теплота, словно он нашел на улице потерянный кошелек с деньгами. Глаза излучали радость и торжественную уверенность. Он заговорил по-английски, источая улыбку:

— Очень рад, дорогой соотечественник! Меня зовут Рэнд Ховард. Годы ваших мучений окончились! Правительство самой могучей страны мира — Соединенных Штатов Америки — берет вас под свое покровительство. Родина не забывает о своих сыновьях, где бы они не находились! По поручению военного атташе американского посольства разрешите вручить вам эту ценную бумагу. В ней заключено ваше будущее!

В кабинете стало тихо. За окном, в ветвях чинары чирикали воробьи. Где-то за углом подал голос ишак. Послышался гул проезжающей машины. Председатель городского Совета смуглолицый Ходжаев чуть подался вперед и вслушивался

в чужую иностранную речь. Присутствующие не сводили глаз с Джэксона.

Сидней взял плотную лощеную бумагу с гербом Соединенных Штатов. Несколько секунд молча рассматривал ее, как рассматривают дорогую, но уже не нужную вещь. Поздно! Слишком поздно. Было время, когда он ждал такой бумаги, как чуда, как спасения. А теперь... Джэксон дважды прочел содержание документа. Грустно усмехнулся. Потом сказал. Сказал по-русски.

— Здесь ошибка.

У Ховарда округлились глаза.

— Ошибка!?

— Да, мистер Ховард.— И повторил по-английски и по-русски, показывая на лощеную бумагу: — Здесь ошибка. Я не военнопленный.

Ховард вынул изо рта сигару и с нескрываемым удивлением посмотрел на Сиднея.

— А как же вы очутились в Азии?

Американец, сам того не ведая, попал в старую незаживающую рану в душе боксера. Сидней мог бы сказать многое. И весьма нелестное. Но сдержал себя. Здесь не место для спора. Да нужен ли спор? Нужны ли оскорбления? Прошло слишком много времени. И он сказал, как мог спокойнее, сдержаннее:

— Посольству это хорошо известно. Летом, в четырнадцатом году, оно всячески старалось отделаться от меня. Не оказало никакой помощи. Не помогло мне, чемпиону Соединенных Штатов, вернуться на родину.

Ховард овладел собой. Попытался овладеть и инициативой. Он пропустил мимо ушей горький упрек чемпиона и снова источал улыбку и доброжелательность:

— Но, как вы видите, оно не забывало о вас! Вам предоставляется солидная материальная помощь. Бесплатный проезд в Соединенные Штаты. Вас восстанавливают в правах гражданства.— Ховард сделал паузу и патетически воскликнул: — Быть гражданином США — большая честь!

В кабинете воцарилось молчание. Все ждали, что же ответит Джэксон. Он долго не раздумывал. Ответ был готов давно, утвержденный ходом самой жизни.

— А быть гражданином Советской России — еще большая честь! Это великая честь! — сказал, наконец, Джэксон. Он говорил неторопливо, даже несколько торжественно, подчеркивая интонацией важность каждого слова.— Еще в семнадцатом году я отдал свой американский паспорт и в составе

Интернациональной роты Первого революционного полка боролся с белогвардейцами, басмачами и иностранными интервентами, в том числе и американскими, которые хотели задушить русскую революцию. Но революция жива! Она строит подлинно народное, подлинно свободное государство. И я четыре года завоевывал право быть гражданином этого государства.

Глаза Ховарда стали колючими, злыми. А губы продолжали улыбаться. Американец развел руками:

— О! Ваш ответ, мистер Джэксон...

— Не мистер, а гражданин,— поправил его Сидней.

— Простите, гражданин Джэксон, ваш ответ можно принять как отказ от американского подданства?! Я правильно вас понял?

Джэксон вернул Ховарду лощеную бумагу. Она ему была не нужна. Он начинал новую жизнь на своей новой родине.

— От американского подданства я отказался в октябре семнадцатого года.

Ховард взял бумагу. Он не мог понять, осмыслить того, что происходит перед ним. Американец не хочет быть американцем! Не желает возвращаться в богатую страну, а предпочитает бедную, разоренную Россию. И не Россию, а эту полудикую Среднюю Азию. В такое трудно поверить. И он снова переспросил, желая убедиться:

— Это ваш окончательный ответ?

— Да.— И, повернувшись, неторопливым, уверенным шагом Сидней Джэксон вышел из кабинета.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

С того памятного дня, когда гражданин Соединенных Штатов Америки прославленный боксер Сидней Джэксон в бурные революционные дни отдал свой заграничный паспорт и, добровольно вступив в ряды Красной Армии, связал себя навсегда с Советской Россией, прошло не одно десятилетие. И все эти годы он жил в Ташкенте. Здесь прошла его вторая молодость, здесь он получил признание, здесь узнал радость свободного творческого труда и здесь дожил до почетной старости.

На его глазах неузнаваемо изменился ставший ему родным Ташкент, близкий сердцу Узбекистан, солнечная Средняя Азия. На месте бывшей отсталой и неграмотной окраины царской России возникли свободные социалистические респуб-

лики с высокоразвитыми промышленностью и сельским хозяйством.

В двадцатые годы в Ташкенте был образован первый спортивный клуб, который тогда назвали «Фортуна», в его организации активное участие принимал Джэксон. То было первое советское спортивное общество. А сейчас в республиках Средней Азии активно работают десятки крупных спортивных обществ, в рядах которых насчитываются миллионы физкультурников, сотни тысяч спортсменов-разрядников, тысячи мастеров спорта, имена лучших спортсменов широко известны в спортивном мире. В этих успехах немалая заслуга и Сиднея Львовича Джэксона.

О долголетней тренерской деятельности Сиднея Джэксона можно много рассказывать. Судьба человека видна в его делах. Судьба воспитателя — в его учениках. Можно перечислить не один десяток прославленных спортсменов Средней Азии, мастеров кожаных перчаток, которые начинали свой спортивный путь в секции бокса Сиднея Джэксона, выходили на ринг с его добрыми напутствиями. Их много, его учеников, его воспитанников, тех, кому он дал путевку в большой спорт, в большую жизнь. Назову лишь несколько имен.

Чемпион Средней Азии боксер Андрей Борзенко, тот самый, о котором мною написан роман «Ринг за колючей проволокой», человек удивительного мужества и душевной чистоты. В страшном фашистском лагере смерти Бухенвальде Андрей по заданию подпольной организации выходил на самодельный ринг и вел неравные боксерские поединки с откормленными эсэсовцами, давая возможность в эти самые минуты подпольщикам испытывать самодельное оружие и готовиться к массовому восстанию узников...

Чемпион Средней Азии Владимир Карпов, который начал войну рядовым, а закончил ее полковником, Героем Советского Союза, рекордсменом разведки. Да, я не оговорился, именно рекордсменом, Владимир Карпов более трехсот раз переходил линию фронта, одиночно и в группах, участвовал в захвате и привел семьдесят девять «языков». А сейчас Владимир Карпов — известный советский писатель, автор многих романов и повестей.

А послевоенный чемпион республики узбек Шакир Закиров, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой бокса Узбекского государственного института физической культуры?

Но не только такие люди определяют работу Джэксона. Ее определяют и те сотни и тысячи рядовых спортсменов, кото-

рые не стали чемпионами, но стали крепкими, закаленными, уверенно шагнувшими в большую трудовую жизнь гражданами великой социалистической Родины. Среди них есть Герои Советского Союза и академики, агрономы и журналисты, профессора и токари — люди самых различных профессий, которые в молодости надевали боксерские перчатки и учились на ринге закалять свою волю.

Спортивная общественность страны высоко оценила заслуги Джэксона, и в 1957 году ему, одному из первых в республике, было присвоено высокое и почетное звание — заслуженный тренер СССР.

Несколько слов о брате и сестре Сиднея. Иллай Джэксон в составе профсоюзной делегации должен был выехать в нашу страну, но тогда, в двадцатых годах, госдепартамент США ему не выдал визу, не разрешил поездку в Советскую Россию. Иллай вскоре умер. А Рита долгие годы работала портнихой. Лишь в 1964 году ей разрешили поездку в СССР, и она, уже пожилая женщина, отважилась на такое путешествие. Она прилетела в Ташкент и через пятьдесят лет обняла своего поседевшего брата, жизнерадостного Сида. Три месяца она гостила в нашей стране, восторгаясь и удивляясь каждый день. Помню я и прощальный вечер в Москве, перед ее отлетом в Нью-Йорк. Брат и сестра были в слезах. И старая женщина тихо повторяла:

— Если бы у меня была возможность, Сид, я бы тоже осталась в России...

Через два года Сиднея Джэксона не стало. Но его жизнь продолжается в спортивных успехах его учеников. Среди заслуженных и признанных тренеров республики много его воспитанников — Газизов, Франк, Давыдовы, Ортенберг, Гранаткин и многие другие. И не только в Узбекистане. Когда на чемпионате Европы успешно выступали боксеры из Донбасса, в их успехах немалая доля труда Юрия Бухмана, заслуженного тренера СССР, фронтовика, ученика и друга Сиднея Джэксона. А на первом чемпионате мира среди боксеров-любителей золотую медаль завоевал ташкентец Р. Рискиев, тоже воспитанник ученика Джэксона. И таких — много.

В память о замечательном человеке в Узбекистане ежегодно проводится Всесоюзный боксерский мемориал памяти Сиднея Джэксона.

ДЕРЗКИЙ РЕЙД
(ПО ЗАДАНИЮ ЛЕНИНА)

Роман

Ольге Александровне,
жене и другу,
посвящаю.

Часть первая

СЕКРЕТНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Опустив поводья, Габыш-бай Кобиев задумчиво пощипывал мясистыми пальцами густую с обильной проседью бородку и, полузакрыв глаза, мысленно перебирал, словно обсасывал косточки молодого барашка, приятные вести: «Белого царя скинули... Казахи свое ханство создают — Алаш-орда [1]... Бай Исамбет Ердыкеев дочь сватает... Хорошие новости! Слава аллаху!» Холеный широкогрудый красавец жеребец ахалтекинской породы, светло-рыжей масти с мягким золоти-

[1] Алаш-орда — государство, которое хотели создать казахские буржуазные националисты в 1917—1918 годах.

стым отливом на боках и белым пятном на лбу, как бы понимая настроение хозяина, неторопливо и пружинисто двигал сильными тонкими ногами. Сзади, на почтительном расстоянии, сдерживая сытых коней, шумной и нестройной толпой ехали нукеры — двадцать пять верных и преданных Габышбаю вооруженных степняков-казахов.

За ними один за другим длинной цепочкой вышагивали рослые верблюды, на спинах которых мерно покачивались в такт шагам объемистые тюки с поклажей. Следом за караваном двигалась небольшая отара упитанных овец. Две лохматые черные овчарки с квадратными мордами, с подрезанными ушами и обрубками вместо хвостов сновали по краям стада, не давая овцам разбрестись по степи.

Последним, погоняя отару, на низкорослой взъерошенной лошадке, которая, казалось, прогибалась под тяжестью седока, ехал молодой пастух Нуртаз. На бритой голове пастуха — сдвинутый старый, потрепанный малахай, некогда отороченный огненно-рыжими лисьими хвостами, от которых осталась облезлая рваная шкура, кое-где покрытая редкими кустиками грязной шерсти. На сильных покатых плечах чабана был выцветший и рваный стеганый халат, а на ногах — остроконечные самодельные сапоги из сыромятной кожи, потрескавшиеся от грязи и пота.

Нуртаз, пришпоривая лошадку и мечтательно склонив голову набок, держал во рту темир-кумуз и пальцем свободной руки приводил в движение язычок этого немудреного музыкального инструмента, наигрывая однообразно простой мотив бесконечно длинной, как степь, песни, в котором, однако, явственно звучали веселые нотки. Двадцатилетний чабан был вполне доволен собой и своей судьбой. На круглом, как свежеиспеченная лепешка, загорелом лице, продубленном ветрами и солнцем, пробивался густой румянец, а в слегка прикрытых, по-азиатски косо посаженных глазах светилась радость, как вода в темной глубине степного колодца.

Несколько дней назад Нуртаз и не думал ни о каком походе, только в мечтах, как в несбыточном сне, видел себя храбрым батыром во главе отряда отважных джигитов. Храбрым он был на самом деле. К тому же природа наделила его недюжинной силой. Ему было пятнадцать лет, когда схватился с двумя матерыми волками, напавшими зимней ночью на отару. На всем скаку Нуртаз спрыгнул на хищника с кривым ножом в руке и убил его сразу ловким ударом. А со вторым пришлось повозиться. От той памятной ночи у него на левом плече остался рубцеватый след волчьих клыков.

Наигрывая на темир-кумузе, он выводил песню о своей жизни. Уже много лет, сколько помнит себя Нуртаз, он служил Габыш-баю Кобиеву, батрачил с утра и до позднего вечера, перегоняя то на зимовку, то на летние пастбища отары овец, стада коней и верблюдов, так же, как злые лохматые овчарки, ревностно оберегая чужое добро. Жизнь текла уныло-монотонно. Дни, полные трудовых забот и похожие один на другой, словно высохшие кусты перекати-поля, укатывались в бесконечную даль, наматывая годы жизни...

И вдруг в степи хлынули новости. Много стало новостей. Их передают из уст в уста́. Обсуждают в богатых юртах за жирным бешбармаком [1] и в дырявых юртах за пиалой свежего кумыса, на шумной базарной площади и у одинокого пастушьего костра. Казах не может проехать мимо другого степняка, чтобы не придержать коня, не остановиться, не поговорить. Степь кипит новостями. Такое время!.. Царя не стало, губернатора не стало, урядников не стало... Что будет дальше? Какие события захлестнут степные просторы?.. Что ждет его самого?

Два дня назад в их аул прискакал гонец. Нуртаз издали заметил всадника и сразу узнал в нем по посадке в седле степняка. В какую одежду ни наряди казаха, но, только он сядет верхом, сразу можно узнать в нем наездника, привыкшего большую часть жизни проводить на коне. За спиной у прискакавшего была винтовка, а на боку шашка. Такие винтовки видел Нуртаз у русских сарбазов [2]. Он знал, что из нее стреляют медными пулями и можно за версту попасть в голову лисицы, если, конечно, возьмет ее в руки настоящий охотник. Шашка тоже русская, такая висела у толстощекого урядника, когда тот приезжал в селение собирать подати. Нуртаз, конечно, слегка позавидовал всаднику, который был немного старше, года на три-четыре, не больше, но уже имел винтовку и шашку. Не говоря уже о добрых городских сапогах и почти новом стеганом халате. Конечно, Нуртаз позавидовал ему, только самую малость позавидовал и отвернулся. Отвернулся, чтобы прикрикнуть на псов, которые злобным рычанием встретили незнакомца.

— Прочь, поганые твари!

— Где найти Габыш-бая? — издали прокричал после приветствия всадник, слегка придерживая взмыленного коня.

Нуртаз камчой показал в середину селения, где на неболь-

---

[1] Бешбармак — казахское национальное блюдо.
[2] Сарбаз — солдат.

шой возвышенности красовалась просторная белая юрта. Казах хлестнул коня и помчался к селению. Нуртаз видел, как он соскочил с коня и в сопровождении одного из джигитов Габыш-бая, что постоянно находились поблизости, вошел в юрту. О чем они там говорили, Нуртаз не знал, но понял, что гость важный и привез хорошие новости. Понял по той спешке, с какой закололи молодого барашка, разведя огонь, стали варить бешбармак.

Под вечер у богатой юрты Габыш-бая собрались седобородые главы семей, окруженные взрослыми сыновьями и близкими родственниками. Прискакали казахи из соседних аулов и с ближайших пастбищ. Степенно рассаживались, строго соблюдая неписаный закон старшинства и знатности. На почетном месте, на коврах и паласах, поджав ноги, расположились белобородые аксакалы и родовая знать. Женщины, особенно девушки, стайками толпились в стороне, выглядывали из-за ближайших юрт, жадно всматривались и вслушивались.

— Дети Алаша! Сыны ислама! — Габыш-бай простер руки, обращаясь к своему роду.— Степи нашими были и нашими должны быть. Пришло наконец время избавиться от русских!.. Создадим свое ханство, будем жить по справедливости, по законам Магомета, как деды и прадеды жили.

Потом говорил приезжий. Хотя и молод лицом, однако говорить умел. Он бойко зачитал послание хана Жанши Досмухамедова, который был главным человеком у алашординцев. Кто такие алашординцы — никто толком не знал, но каждый понимал, что это свои, казахи. А казах с казахом всегда договориться может. Аксакалы важно поглаживали свои бороды, молодые выпячивали грудь, бедняки почесывали подбородки, и каждый видел в послании хана возможность осуществить, наконец, свои тайные мечты и помыслы. Одни жаждали власти, другие — богатства, третьи хотели просто иметь вдоволь мяса и хлеба.

— Клянусь аллахом, правоверные, что-то я не совсем понимаю Габыш-бая, старейшину нашего рода,— тихо сказал старый пастух Берды, которого больше знали в ауле по прозвищу Верблюжья Голова.

— Ты что, защищаешь урусов? — громко спросил его богач Кара-Калы, хмуря седые брови.

— Я как все казахи... Только мне трудно понять старшину рода... Брат его, Осман Кобиев, золотые погоны на плечах носит. Большой начальник он, командует целой крепостью, что на Каспий-море стоит, где берег Мангышлака. Вчера еще Габыш-бай гордился своим братом, его службой царю. А се-

годня, выходит, урусы вдруг врагами стали нашими. Как понимать, правоверные?

На пастуха Берды зашикали со всех сторон. Вот уж действительно «верблюжья голова». Неужели он не понимает, что казах всегда остается казахом, а урус урусом?

Нуртаз, подобрав полы потертого ватного халата, сидел на земле рядом с бедняками-пастухами. Конечно, узнать такие новости было для него делом важным и нужным. Он внимательно слушал аксакалов, спрятав в карман свой темир-кумуз, с которым не расставался никогда, однако глаза пастуха невольно косились в сторону высокой юрты своего бая. Оттуда, сверкая черными очами, выглядывала Олтун.

Олтун, дочь Габыш-бая, от третьей жены, встречала шестнадцатую весну своей жизни и была нежнее тюльпана, чьи лепестки доверчиво и робко тянутся к солнцу. Не нужны ни наряды из бархата и шелка, ни украшения из дорогих камней, ни золотые монеты, пробитые и нанизанные на нитку, чтобы подчеркнуть прелесть ее тонкого стана и степную красоту круглолицей смуглянки.

Нуртаз знал Олтун с самого раннего детства, но только с прошлой весны, когда перевозил юрту Габыш-бая на летнее стойбище, близко рассмотрел девушку, красоту разглядел. И себе на погибель.

С тех пор он покоя не знает, ходит сам не свой, жадно ищет случайной встречи с беззаботной Олтун, а как встретятся, то молчит истуканом. Слова вымолвить не может, потому что язык каменеет во рту, лицо жаром полыхает, а кончики пальцев холодеют, точно на самом жгучем морозе. Потом, снова оставшись один, Нуртаз злился сам на себя, однако побороть робость так и не мог. Гнал коня в степь, раскрывал грудь встречному ветру, а в ушах его долго звенел зовущий, игривый смех дочки бая. Так ничего и не мог сделать с собой Нуртаз, потому что чувства, рожденные в сердце, не вырвешь, как пучок травы.

Он настолько был поглощен борьбою с самим собой, что не замечал главного — девушка с него глаз не сводит, а вечерами, когда молодежь собирается на лужайке за аулом, Олтун старается быть рядом, сесть поблизости. На языке у нее одни только колкости да насмешки, а губами улыбается и глазами к себе манит.

Тогда стал Нуртаз при встрече с Олтун, чтобы побороть смущение, играть на своем темир-кумузе. Приложит к зубам железный кончик дуги, прижмет его большим пальцем, а пальцем другой руки ритмично подергивает его стальной

язычок и выводит песню без слов. Немудреный инструмент, звук слабенький, однако музыка. А музыка — она всегда перекликается с чувствами, и в этом ее сила. Олтун не смеется, а прислушивается, едет рядом на своем коне. Кони тоже слушают, цокают копытами, везут вдаль, туда, где в синее небо всходит большая оранжевая луна. И степь широка, нет ей ни конца ни края. Кажется, всю жизнь можно так ехать!..

Все это было совсем недавно. А сейчас он в походе. Только мохнатые овчарки, высунув красные языки, с которых капает слюна, бегут рядом легкой рысцой, да отара овец кучно топает за рогатым вожаком, а впереди шествуют верблюды. Монотонно позванивая колокольчиками, они движутся за группой вооруженных всадников...

Наигрывая на своем темир-кумузе, Нуртаз все видит: и прошлое, и настоящее, и будущее, в песне без слов славит Олтун, к ногам которой готов положить весь мир и все богатства. Но мир, знать, принадлежит не только ему. Да и богатств у Нуртаза, кроме доброй души и сильных рук, никаких нет по причине бедности... Но, слава аллаху, кажется, наступает такое время, когда храбрым и сильным открываются все пути-дороги, когда можно прославиться, стать знаменитым батыром. Главное, добыть себе коня, добыть оружие. Он-то себя покажет еще!

2

Открытый легковой автомобиль, который еще совсем недавно принадлежал самому генерал-губернатору Туркестана Куропаткину, вздымая облака пыли, свернул с центральной улицы в темный, грязный переулок. Орава загорелых чумазых ребятишек с веселым гиканьем помчалась следом за машиной. По таким закоулкам Ташкента царский наместник никогда не ездил. Но сейчас были иные врмена. Рядом с шофером, черноусым солдатом с красным бантом на груди, сидел в потертой кожанке человек с веселыми голубыми глазами. На вид ему было лет тридцать — тридцать пять. На шее, около уха, краснел продолговатый рубец — след ранения.

— Погоди чуток,— сказал он шоферу и, когда машина затормозила, повернулся к ребятне: — А ну, босоногая гвардия, занимай места!

Босоногая гвардия не заставила себя долго упрашивать. Она хорошо знала этого человека в кожанке: сам комиссар

Флоров недавно поселился в их переулке. С криком «ура!» дети полезли в автомобиль.

— Все влезли?

— Все, дядя Алексей! Гамузом!

— Тогда поехали.

Около приземистого длинного дома, похожего на солдатскую казарму, Флоров вышел из машины. Вынув из кожанки карманные часы, нажал на кнопку и открыл крышку.

— Да, времени у нас не так много. Ну, вот что, Евстигнеич,— сказал он шоферу,— собираться мне недолго. Ты полчасика покатай ребятишек по городу и возвращайся.

— Ваша воля, товарищ комиссар,— шофер поерзал на кожаном сиденье, подыскивая слова.— Но машина эта, того, для начальства предназначена... Вроде бы негоже сопливых в ней по городу развозить... И, сами знаете, каждая четверть бензина на запись берется соответственно...

— Экий ты недальновидный человек, Евстигнеич! Лет через двадцать кто-нибудь из этих «сопливых» таким большим человеком стать может, что ты только ахнешь. И сам к нему придешь, да напоминать будешь, как в детстве катал его на губернаторском автомобиле.

— Шутки шутите, товарищ комиссар!

— Нет, серьезно. Жизнь такая идет.

— Да я разве против? Если немного, то всегда пожалуйста,— примирительно сказал шофер.— Поехали, мелюзга!

— Спасибо, дядя Лексей! Рахмат! — благодарили дружно ребята, а когда автомобиль рванулся вперед, восторженно раздалось: «Ура-а!»

Флоров направился к дому. Открыл комнату. Снял тужурку, повесил ее на крупный гвоздь, вбитый в стену, прошелся по своей холостяцкой комнате. Остановился у стола, на котором рядом со стопкой книг стоял большой медный чайник, налил в пиалу холодного чая, взял с полочки железную коробочку из-под ландринового монпансье, открыл, вынул бумажный пакетик. Высыпав на язык порошок, Флоров поморщился и торопливо запил чаем.

— Фу, гадость какая! — он снова наполнил пиалу и выпил.— Одно название чего стоит — хина...

Потом достал из-под железной койки фанерный чемодан с потертыми углами и начал складывать в него свои вещи. «Не успеешь пообвыкнуть, как надо снова собираться,— думал он, складывая в чемодан книги.— Хорошо, хоть подлечиться немного смог, а то бы малярия вконец замучила».

Вчера поздно вечером, вернее, уже ночью, закончился

первый съезд Компартии Туркестана, а сегодня утром Флорова вызвали на заседание Центрального Комитета. В приемной находилось много народу: расхаживали командиры, представители заводов степенно курили у окна, в углу скромно сидели какие-то два интеллигента в белых рубахах с галстуками. Почти у самой двери, дожидаясь приема, разговаривали четыре узбека в длинных полосатых халатах и белоснежных чалмах. Едва Флоров вошел, как ему навстречу поднялся из-за стола секретарь.

— Алексей Иванович, проходите. Товарищ Тоболин ждет вас.

Тоболин — председатель Центрального Комитета Компартии Туркестана — был избран вчера на съезде. Невысокого роста, в сорочке при галстуке, гладко выбритый, он сидел на председательском месте и протирал платочком стекла очков.

В просторной комнате с высоким потолком стояли длинные столы, покрытые зеленым сукном. Несмотря на открытые окна, в комнате висел густой махорочный туман. Флоров сразу заметил тут почти всех руководителей, не только партийных, но и Совнаркома Туркестанской республики. «Не отдыхали, видно, совсем,— подумал Флоров,— с рассвета уже заседают».

Тоболин объявил Флорову, что он назначен чрезвычайным комиссаром по делам Закаспийской области, и тут же вручил ему мандат.

— В Ашхабаде контра поднимает голову, товарищ Алексей. Там положение сложное.— И Тоболин, не дав Флорову даже вымолвить слова, подробно и обстоятельно рассказал о тревожных событиях.

Ашхабадские эсеры, руководимые адвокатами Доррером и Доховым, 17 июня 1918 года подняли мятеж. Им удалось захватить здание городского Совета. Однако мятеж был тут же подавлен. На помощь ашхабадским большевикам прибыли вооруженные отряды рабочих Красноводска, Кушки, Мерва, Кизыл-Арвата, они заставили эсеров и местных националистов сложить оружие.

— Цека поручает тебе расследовать создавшееся положение на месте,— закончил Тоболин.— Принять действенные меры для наведения революционного порядка.

— Ясно, товарищ председатель,— ответил Флоров, замечая, что на него смотрят со всех сторон.

— И еще одно дело! — из-за стола вышел Павел Полторацкий, народный комиссар труда Туркестанской республи-

ки, тридцатилетний железнодорожник со станции Новая Бухара. Волевые черты лица, из-под низких бровей в упор смотрели добрые карие глаза, в которых можно было прочесть и тяжесть пережитого, и вдумчивость, и упорство решительного человека.

— Самое главное,— Полторацкий сделал паузу, как бы размышляя, потом сказал: — Самое главное — это ликвидировать гнездо правых эсеров и меньшевиков. Они свили теплое гнездо в Управлении Средне-Азиатской железной дороги. Так вот это управление в первую очередь немедленно перевести сюда, в Ташкент.

— Ясно,— повторил Флоров и, вынув объемистый бумажник, положил в него свой мандат.

Флоров внешне был спокоен и невозмутим. Он привык к любым неожиданностям, привык к резким переменам в своей беспокойной судьбе профессионального революционера. И новое высокое назначение принял, как раньше принимал все рискованные и важные партийные задания,— серьезно и хладнокровно.

— Когда выезжать?

— Выезжать надо немедленно,— ответил Тоболин и пожал руку Алексею.— Докладывай по телеграфу ежедневно. Цека должен быть в курсе всех дел.

— Цека будет в курсе всех дел,— заверил Флоров и, немного подумав, спросил: — А как с оружием? На что может рассчитывать Закаспийская область?

— Вот это уже вопрос чрезвычайного комиссара! — басовито произнес рослый, крупный человек, военный комиссар Туркестанской республики Перфильев, и все сразу заулыбались.

— Оружие будет,— заверил Тоболин, поправив очки.— Вас, закаспийцев, снабдим в первую очередь. Наш Алимбей Джангильдинов прибыл в Москву и уже, по сведениям, был у товарища Свердлова. Российский Совнарком обещает удовлетворить нашу просьбу.

Флоров знал, что Алимбей Джангильдинов еще в мае, после областного съезда Советов в Тургае, сразу же отправился в Москву за оружием, боеприпасами и снаряжением. В Туркестане создавались национальные воинские части. На поездку Джангильдинова возлагали большие надежды.

В тот же день Флоров во главе вооруженного отряда на поезде-броневике отправился в Ашхабад.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Полковник Эссертон, вытянув длинные ноги, лежал на широкой тахте, покрытой цветастым персидским ковром, и, опираясь локтем в тугую подушку, изучал донесения агентов «Интеллидженс-сервис».

В открытом окне, за виноградником, на солнцепеке маячила фигура часового.

«Ол райт! Все идет прекрасно! — думал полковник, перебирая длинными сухими пальцами бумаги.— Ребята из нашего восточного отдела умеют работать». Он дважды прочел сообщение о том, что в Москве по распоряжению Ленина создается интернациональный полк, во главе которого поставлен киргиз[1] из Тургайской степи Джангильдинов, что этот полк в специальном эшелоне повезет в Русский Туркестан оружие, боеприпасы и обмундирование.

На узких, кирпичного цвета губах Эссертона блуждала самодовольная улыбка: «Эшелон надо перехватить. Нам тоже пригодятся оружие и боеприпасы». Сообщения агентов радовали и обнадеживали. Полковник звучно хлопнул в ладоши.

В дверях, раздвинув тонкий шелковый занавес, показалась поджарая фигура слуги-индуса.

— Слушаю, сэр!

— Виски, воду и лед,— приказал полковник, не поворачивая головы.

— Будет исполнено, сэр!

Через минуту индус, бесшумно ступая мягкими туфлями по ковру, поставил на столик у тахты овальное серебряное блюдо, на котором находились сифон с содовой водой, квадратная бутылка шотландского виски, высокий граненый бокал и плоская чаша с крышкой, в которой лежал наколотый лед.

— Сэр прикажет подать, как всегда? — почтительно спросил слуга.

— Да.

Индус хорошо знал вкусы своего хозяина. Привычным неторопливым движением подцепив ложкой три кусочка льда, он положил их в бокал, налил до половины виски и, разбавив содовой, подал полковнику:

---

[1] Киргиз — распространенное до революции ошибочное название казахов.

— Пожалуйста, сэр.

Эссертон, не отрываясь от бумаг, протянул руку, взял бокал. Индус бесшумно удалился. Полковник сделал несколько глотков. Напиток освежал и бодрил. «Да, здесь, на севере Персии, немного прохладнее, чем там, в Белуджистане,— мысленно произнес Эссертон, отпивая из бокала,— но все равно как в преисподней. Разница лишь в том, что там ты в центре пекла, а тут на краю...» Он посмотрел в окно. На солнцепеке мерно прохаживался часовой в пробковом шлеме, в форме экспедиционных войск Великобритании. На спине и под мышками темные пятна пота и белые разводья соли. Неужели и там, в Русском Туркестане, будет такое же пекло?

Эссертон снова углубился в секретные бумаги, подчеркивая карандашом места, где давались характеристики политическим деятелям русской Закаспийской области. Полковника интересовали люди, не только те, с кем придется вести борьбу, но особенно такие, на которых можно было бы опереться. По многолетнему опыту службы в Индии, в Белуджистане, Эссертон давно усвоил, что без марионеток трудно управлять туземцами. Вместе с тем весьма важно, это он тоже давно усвоил, знать, хорошо знать тех, на кого хочешь положиться. Тут за любой промах придется дорого расплачиваться.

Несколько раз прочел характеристики европейцев, стараясь запомнить их фамилии: Фунтиков, граф Доррер, Козлов... Затем вернулся к сведениям о туркменских вождях — Ораз-Сердаре, Азиз-хане, Джунаид-хане, Чары-Гальдыеве...

Эссертон посмотрел на часы. «Пора идти к генералу с докладом,— полковник сложил бумаги в папку.— Старик любит точность».

Эссертон встал, прошелся по ковру, разминая мышцы, сделал несколько гимнастических упражнений. Он был высок, худощав, хорошо развит и в свои сорок пять лет мог поспорить с любым молодым лейтенантом силой, ловкостью, выносливостью. Полковник постоянно следил за собой, держал тело, как он любил говорить, в «боксерской боевой форме».

Подошел к зеркалу, внимательно осмотрел себя. Загорелое продолговатое лицо с крупным прямым носом, густые, выгоревшие на солнце белесые брови и небольшие голубоватые глаза. Полковник провел тыльной стороной ладони по щекам — они были гладко выбриты. Поправил воротник походного френча. И насторожился. В большом зеркале отра-

жалось открытое окно, была видна часть двора — аллея, ведущая к массивным воротам. От ворот быстрым шагом спешил лейтенант Смит из батальона охраны.

Эссертон знал, что посты находятся не только у ворот и вдоль высоких глинобитных стен, ограждавших обширную усадьбу, но часовые расставлены и внутри, постоянно охраняя почти каждое здание. Такова воля генерал-майора сэра Вильхорида Маллесона, главы специальной военной экспедиции, которая официально именовалась «миссией по делам Русского Туркестана». За эти два месяца, что Эссертон был прикомандирован к генералу, полковник привык не обращать внимания на желание генерала везде и всюду ограждать себя двойной охраной. Так было там, в английском Белуджистане. А здесь, на севере Персии, у самой границы с красной Россией, генерал стал еще более щепетильным, сам назначал объекты охраны и почти каждую ночь проверял посты. Близость России — таинственной и непонятной страны, в которой за последнее время происходит черт знает что,— заставляла генерала быть весьма осмотрительным. К тому же спорить с генералом было совершенно бесполезно, ибо тот не терпел возражений, требовал неукоснительного исполнения приказов.

«Миссия по делам Русского Туркестана» прибыла сюда, в город Мешхед, две недели назад, преодолев на военных машинах тяжелый путь из английского Белуджистана через пыльный Сеистан — обширную пустынную впадину с редкими зелеными оазисами. У полковника от многодневного похода по знойной пустыне сохранились в памяти только миражи да день отдыха на берегу изумительно голубого озера Хамун.

Эссертон был информирован своими друзьями из имперского штаба, что одновременно с миссией генерал-майора сэра Маллесона отправляется еще одна военная экспедиция — на Кавказ под командованием генерала Денстервилля. Эта экспедиция на автомобилях движется от Багдада через Бахтиарию, Луристан к Энзели, нацеливаясь на Баку. Полковнику Эссертону, прослужившему много лет в Индии и Белуджистане, где он в штабах колониальных войск возглавлял отдел секретной службы, многое стало ясным. Такие экспедиции направляются отнюдь не для «помощи голодающему населению Туркестана», как пишут об этом в газетах. Все гораздо проще. Время великих завоеваний не окончилось. Оно продолжается! Тут важно не упустить момента. И главное, чтобы и самому не остаться в тени. Меся-

цы рискованной работы могут обернуться в годы благополучия, обеспечения себя и своего потомства. Сегодняшняя Россия — это огромный сладкий пирог, вокруг которого уже рассаживаются люди с железными челюстями.

— Разрешите, сэр! — в дверях, вытянувшись в струну, застыл лейтенант Смит.

— Да,— полковник повернулся и кивком приветствовал офицера охраны.

— У ворот пять всадников. Утверждают, что прибыли из города Ашхабада, из России. Все европейцы, четверо в форме русских казачьих войск, один — в гражданском,— доложил младший офицер.— Говорят, прибыли по важному делу, просят встречи с генералом.

— Они себя назвали?

— Да, сэр. Я проверял документы,— он поспешно заглянул в бумагу.— Старший из них, что в гражданском, назвал себя графом Доррером.

— Как? Повтори фамилию!

— Граф Доррер, сэр.

Полковник взглянул на сообщение агента, прочел «граф Д. Доррер». «Ол райт! Великолепно! — подумал он.— Наши агенты работают с головой. Они заслуживают вознаграждения». И, посмотрев на лейтенанта, приказал:

— Пропустить в усадьбу и разместить в доме для гостей. Пусть отдохнут с дороги.

— Будет исполнено, сэр! — лихо козырнув, офицер удалился.

Эссертон, довольный таким началом дня, сложил в кожаную папку секретные донесения, отдельно поместив сообщение из Москвы о формировании интернационального отряда Джангильдинова, и направился к генералу. «На Востоке говорят, что день принадлежит сильному, а жареная пшеница зубастому,— вспомнил он туркменскую пословицу и тут же мысленно добавил: — Сейчас начинаются наши дни!»

Он шел по дорожке, усыпанной желтым песком. По ее обеим сторонам широкой яркой лентой благоухали кусты роз. Цветов было множество. На повороте, около светлой красиво отделанной беседки, стоял павлин, распустив хвост пышным веером. Птица, чуть склонив голову набок, доверчиво смотрела на полковника темными пуговками глаз. «Консул наш, как видно, неплохо здесь устроился»,— мельком подумал Эссертон. Впрочем, ему было не до птиц, не до красоты роз. Широко шагая по дорожке, полковник стал обдумывать каждую фразу своего доклада.

2

В тот же день генерал-майор Вильхорид Маллесон принял лидера ашхабадских эсеров графа Доррера. Встреча проходила в комнате, которую генерал называл «европейской гостиной». В этой просторной комнате с высоким потолком, украшенным строгой лепной отделкой, с широкими окнами вся мебель была только европейской. Мягкие кресла, диван, книжный шкаф, овальный стол, массивный буфет были расставлены со вкусом. На стене висел большой гобелен, на нем изображалась псовая охота. В комнате не было ни одной вещи, которая бы могла напомнить, что вы находитесь в центре Азии. Такая обстановка, по замыслу генерала, как бы подчеркивала, что главным действующим лицом в здешней большой игре все же является Европа.

Сэр Маллесон был невысокого роста плотный мужчина, давно перешагнувший за средний возраст, однако сумевший сохранить спортивный вид. Генерал сидел напротив графа в глубоком мягком кресле и маленькими темными глазами буравил собеседника.

На встрече присутствовал и полковник Эссертон. Он больше молчал и слушал. Рассказ графа почти не отличался от донесений агентов, хотя был весьма цветистым и образным. Граф на каждый вопрос генерала отвечал пространно и обстоятельно. Внешне он не производил особого впечатления, хотя гладко выбритое породистое лощеное лицо свидетельствовало о том, что он принадлежит к состоятельному кругу, а учтивые манеры и умение свободно изъясняться по-английски говорили о воспитании. Был он среднего роста, средних лет, средней полноты и, как отметил про себя Эссертон, «не выше средних способностей».

Полковник, изобразив на лице внимание к гостю из Ашхабада, мысленно решал сложную задачу: кому послать две дюжины каракулевых шкурок, которые ему перед аудиенцией у генерала преподнес граф. Шкурки были нежно-серого цвета, с ярко-серебристым отливом, подобранные одна к другой. Эссертон знал, что в Лондоне им цены нет. О каракулевом манто давно мечтает жена полковника, но у Эссертона есть еще младшая сестра, голубоглазая девятнадцатилетняя Элен, которую он опекает. Элен вот-вот должна выйти замуж, и, разумеется, шкурки каракуля могут стать весьма неплохим свадебным подарком.

— Так, так, понятно, граф,— взяв толстыми пальцами небольшой бокал с разбавленным виски, перебил Доррера

генерал.— Допустим, вам, наконец, удалось взять власть. Как же вы назовете себя? Термины в эпоху революции быстро стареют.

— Сначала мы объявим, что центральная власть в Закаспийской области перешла в руки «стачечно-железнодорожного комитета». Такая вывеска свяжет руки большевистским комитетчикам в других городах и даст нам возможность, как говорят военные, вывести войска на оперативный простор. Под лозунгом «защиты революции» наши люди быстро — списки уже заготовлены — разделаются с комиссарами и красными командирами.

— Ну, а потом? — сэр Маллесон, сделав два глотка, поставил бокал на стол.

— Создадим временный исполнительный комитет Закаспийского правительства и объявим об автономии всей Закаспийской области — граф подался вперед и смотрел на генерала заискивающе преданными светлыми глазами.— Мы хотим быть уверенными, что цивилизованный мир не оставит нас. Мы надеемся на прямую поддержку вашего превосходительства.

Сэр Маллесон утвердительно кивнул. Он по-своему понимал «прямую поддержку». Генерал знал много такого, о чем этот ашхабадский тщеславный адвокат даже и не подозревал. Совсем недавно по инициативе наглеющих американцев — генерал весьма высокомерно смотрел на заокеанских союзников — состоялось секретнейшее совещание, на котором Англия, Франция и Соединенные Штаты поделили между собой территорию своего бывшего союзника в войне с немцами — Россию. Главную роль, конечно, отвели себе англичане. У них давно горели глаза на Северный Кавказ, Закавказье и всю Среднюю Азию. Британское командование торопилось решить давно разработанную стратегическую задачу — создать единую коммуникационную линию от Египта, Палестины и Месопотамии, через персидский Луристан к русскому Закавказью, далее по Каспийскому морю и Средней Азии, соединившись, таким образом, с английскими гарнизонами в Афганистане и Индии. Эта линия должна стать надежным барьером, оградить британские владения от большевизма. Разумеется, наряду с этим важную роль в планах играли бакинская нефть и среднеазиатский хлопок.

Ведь не просто так генерал прибыл сюда, в Мешхед, во главе «миссии по делам Русского Туркестана». Его задача — руководить вооруженной борьбой в Средней Азии. Он знал, что в Ташкенте, столице Советского Туркестана, уже дейст-

вует военно-дипломатическая миссия во главе с его другом полковником Бэйли. К ним присоединился бывший английский консул в Кашгаре Маккартней и американский консул Тредуэл. Они опекают тайную «Туркестанскую военную организацию», в которую вербуют бывших офицеров царской армии и готовят вооруженное выступление. Через них идет оружие в басмаческие отряды Джунаид-хана, Ибрагим-бека, Азис-хана. Несколько недель назад, в мае, чехословацкий корпус, нарушив соглашение с Советским правительством, поднял мятеж в городах на линии Сибирской железной дороги. На этих днях поднялись уральские казаки во главе с атаманом Дутовым. В степных просторах от Оренбурга до Петропавловска организуются отряды Алаш-орды, казахских националистов. Ждут сигнала и в эмирской Бухаре, чтобы начать войну с красными. Над Советским Туркестаном взметнулась огромная петля аркана, и сэр Маллесон надеялся одним рывком заарканить и задушить молодую Советскую республику.

— Оружием снабдим, оно у нас есть,— сказал генерал и вспомнил об эшелоне тургайского комиссара, который надеялся перехватить по пути из Москвы.— Мы не бросаем слов на ветер. Великобритания, верная своим союзническим обязанностям, всегда готова выступить в поддержку своих друзей!

3

К концу долгого и жаркого дня Габыш-бай с джигитами подошел к степному колодцу. Его заметили еще издали. В уютной лощине возвышались две небольшие плоскокрышие глинобитные мазанки, рядом с ними — навес, крытый сухими колючками и камышом, да обширный загон, огороженный деревянными жердями. Земля вытоптана копытами, усеяна овечьим пометом. Около колодца лежало длинное, выдолбленное из ствола дерева корыто. Обычный пастуший стан. В загоне блеяли овцы, а к кольям внутри ограды привязаны три лошади. Около мазанки пылал очаг, языки пламени облизывали чугунный котелок, и струйки голубого дыма столбом поднимались к небу. Пастухи, напоив отару, готовили себе ужин.

Заметив всадников, люди у пастушьего очага вскочили. Старый чабан поспешил навстречу. Он издали узнал старшину своего рода, крутой нрав которого хорошо знал. По-

чтительно сложив руки на груди, чабан приветствовал Габыш-бая. Внук чабана, подросток лет десяти — двенадцати, придерживал большую черную овчарку и широко открытыми глазами смотрел на всадников, на их оружие. Третий человек — невысокого роста, плосколицый, с коротко подстриженной бородкой — стоял непринужденно и спокойно рассматривал прибывших. Габыш-бай сразу обратил на него внимание. Старшина рода помнил в лицо своих людей, а этот был чужаком. Бай нахмурился.

— Кто это? — спросил Габыш-бай у чабана.

— Наш гость, ага. Он из Тургайских степей,— склонив голову, ответил пастух.— Новости везет.

— Хорошие новости?

— Не знаю, ага. Мы живем в степи, редко людей видим.

— Абсала-магалейкум! — приветствовал старшину рода незнакомец.

— Мы послушаем, тогда скажем слово,— произнес Габыш-бай чабану и кивнул незнакомцу: — Угаллейкум ассалам!

Джигиты соскочили с коней. У колодца сгрудились кони, верблюды, овцы, долбленую колоду еле успевали наполнять водой.

Огромный красно-золотой диск солнца медленно погружался за горизонт, становилось прохладно, и серые сумерки ползли по степи. Трое джигитов, расталкивая ногами овец, рыскали в загоне, выбирая молодых жирных баранов. Их тут же закололи и освежевали. Собаки злобно рычали, раздирая брошенные им бараньи потроха.

Нуртаз подсел к пастушьему костру.

В большом казане приятно побулькивало жирное варево. «Первые дни, слава аллаху, прошли благополучно. Овцы целы, от каравана мы не отставали,— думал Нуртаз, подкладывая в огонь сучья саксаула.— Впереди долгий путь. Мне бы только побыстрее раздобыть оружие...»

Внук чабана почтительно смотрел на Нуртаза. Какой рослый и сильный! В прошлую осень он видел Нуртаза на состязаниях по борьбе. Как тот ловко боролся! Особенно красиво он бросил на лопатки Махмуд-батыра, самого сильного борца из соседнего рода.

— Скажите, ага, вы тоже идете на войну? — обратился внук чабана к Нуртазу.

— Как тебя зовут? — в свою очередь спросил Нуртаз.

— Маговья.

— Хорошее у тебя имя. Будешь большим и храбрым,

когда вырастешь, и все станут тебя называть Маговья-батыр,— сказал Нуртаз и важно добавил: — Мы, воины Габыш-бая, едем на войну с неверными.

— Почему у вас тогда, ага, нет ружья, а пастушья палка? — допытывался любопытный Маговья.

— Потому, что у меня еще и овцы. Не буду же я их подгонять ружьем,— ответил Нуртаз и, достав из-за пазухи свой темир-кумуз, показал его подростку: — Вот посмотри!

— Ий-е! У меня тоже темир-кумуз есть. В прошлую осень, когда в город гоняли отару, отец на базаре купил,— сразу оживился Маговья.— Давай послушаем, чей лучше играет?

К очагу, тяжело ступая, подошел старый чабан.

Он присел на корточки, погладил корявыми пальцами свою седую редкую бороду, потом достал самодельную деревянную ложку, вытер ее о край халата, помешал похлебку. Попробовал. Мясо, видимо, было еще жестким, не по его старческим зубам, и чабан положил в огонь несколько крепких сучьев.

— Ты что сидишь здесь, как глухая старуха? — старый чабан покосился на Нуртаза.— Или тебе известны все новости! Ой-йе! Ну и молодежь пошла! Там гость рассказывает о важных делах, а он тут детской игрушкой забавляется.

— Вы, конечно, правы, ага, потому что старше меня на много лет и годитесь в отцы мне,— ответил Нуртаз, пряча свой темир-кумуз в карман.— Но аксакалы говорят, что плох тот казах, который гонит от котла человека, не накормив его.

— Ты просто пойди послушай,— миролюбиво сказал старик, пропуская мимо ушей колкости.— А мясо еще не сварилось... Я тоже сейчас туда приду. Послушаю. Подумать только, что творится в степи!

Гость сидел на кошме, устланной ковром, рядом с Габыш-баем. Худощавый и плосколицый, с коротко подстриженной бородкой, он выглядел ягненком рядом с упитанным, породистым быком Габыш-баем. Глава рода, наклонив голову, слушал гостя. Тот, отхлебывая из пиалы кумыс, неторопливо рассказывал. Нуртаз уселся на землю за спиной джигитов, прислушался.

— Слух идет, и не один степняк мне об этом рассказывал, в Тургай приехал Алимбей Джангильдинов. Да, тот самый, что много лет учился у русских, все науки постиг, много премудростей познал, а потом своими ногами весь свет обошел. Большим умом наградил аллах человека! Алимбей-ага из Москвы приехал, бумагу с печатями привез. В той бумаге написано, что он правду о новой власти рассказывать будет.

И что он главный комиссар всего степного края. Недавно он снова уехал в Москву.

— А что такое, ага, комиссар? — спросил молодой джигит, сидевший неподалеку от Нуртаза.

На него зашикали со всех сторон: мол, не перебивай, хотя каждому был непонятен этот новый титул. Габыш-бай поднес пиалу ко рту и пил мелкими глотками кумыс.

— Сейчас разъясню, как говорят, каждому коню надо путь указывать,— гость улыбнулся джигиту и спросил: — Ты волостного знаешь?

— Знаю, знаю. Как не знать!

— А выше кто будет? Уездный начальник?

— Верно, говоришь. Уездный будет.

— Так главный комиссар повыше уездного. Теперь понятно, кто такой Алимбей-ага?

— Понятно, ага, понятно. Большой человек. Батыр!

Габыш-бай поставил пиалу на разостланную скатерть и внимательно посмотрел своими узкими глазами на незнакомца. В его взгляде мелькнуло неодобрение и тут же погасло. А гость, увлекаясь своим рассказом, продолжал:

— Прошлым месяцем в Тургае проходил большой съезд всего степного края. Много людей приехало и с рудников, и с дальних аулов. Все были там: и русские, и казахи, и солдаты... Рядом сидели, как братья. Алимбей-ага там главным был. Умные слова говорил. «Надо, —говорил,— чтобы своя армия была, чтобы защищать города и аулы, простой народ защищать, свою народную власть». Потом выступил Амангельды Иманов.

— Большой человек! — раздались возгласы.— Батыр! Два года назад вся степь казахская за ним шла против царя.

— Только тогда оружия не было,— продолжал гость.— Плеткой с куском свинца на конце да самодельной пикой разве победишь винтовки да пушки? Плохо тогда дело было. Много крови пролили.

Нуртазу очень хотелось дослушать рассказ, но старый чабан толкнул локтем и позвал:

— Мясо сварилось. Идем, помогать будешь.

Они вытаскивали из дымящегося котла большие куски жирной баранины, раскладывали на деревянные подносы и ставили их на разостланную скатерть возле Габыш-бая. Хмурый бай Кара-Калы, правая рука главы рода, вынул из кожаных, расшитых бисером и украшенных серебром ножен кривой ферганский нож с белой костяной ручкой и стал быстрыми ловкими ударами крошить мясо. Трое джигитов последовали

его примеру, и на подносах росли горки душистой вареной баранины.

— Бисмилля,— Габыш-бай произнес первые строки молитвы и запустил свою пятерню в мясо, выбирая толстыми пальцами наиболее лакомые кусочки.

Следом за старшиной рода к подносу потянул свою руку гость, а за ним и джигиты. Подносы быстро пустели. Нуртаз и старый чабан едва успевали подносить куски вареной баранины и пиалы, наполненные наваристым густым бульоном.

После обильной жирной еды джигиты начали готовиться ко сну. Каждый понимал, что путь впереди немалый и перед ним надо отдохнуть. Но Габыш-бай не отпускал от себя незнакомца и продолжал расспрашивать его о съезде в Тургае, о делах Совета рабочих, солдатских, крестьянских и киргизских депутатов. Подливая ему в пиалу кумыса, бай оказывал гостю знаки внимания, и тот добродушно и простодушно выкладывал все, что слышал и видел в Тургае.

Нуртазу так и не удалось больше подсесть к джигитам послушать гостя: вместе со старым чабаном носил из колодца воду, мыл котел и подносы, наломал саксаула, чтобы утром наскоро приготовить завтрак. Потом они не спеша обошли загон, проверяя спящую отару. Ночь стояла тихая, светлая, лунная. Крупные звезды, усеявшие бархатное темное небо, лучисто мигали, как глаза Олтун. Так казалось Нуртазу, и он невольно любовался ими. Он думал о своей Олтун, и рассказ гостя его не волновал. Просто было интересно послушать новости.

Но старый чабан то и дело возвращался к услышанному. Видимо, они много беседовали еще до прибытия Габыш-бая.

— Что делается в степи, вай-вай! Какие-то белые появились и какие-то красные, что большевиками себя называют... У них главным батыром Ленин...

— Мы казахи, нам с урусами не по пути,— отвечал Нуртаз.— Друг за друга держаться надо. Как деды наши.

— Плохо деды жили, поверь мне,— старик посмотрел на Нуртаза.— Дружба у них была, как у скорпионов с фалангами. Все норовили друг друга ужалить, а вот этому Алимбею я верю. Правду говорит.

— Никакой правды нету у человека, который продался урусам,— упрямо повторял слова своего бая Нуртаз.

— В казан кладут мясо, чтобы варить, а в голову приходят новости, чтобы мозгами их продумывать,— назидательно сказал старый чабан.

Спать легли поздней ночью, когда все дела были закончены. Старый чабан долго ворочался на облезлой кошме, укрываясь лоскутным одеялом.

— Ты молод, джигит, и слушай старших. Я много повидал, могу судить, где белое и где черное,— он вдруг понизил голос, словно их могли подслушать, и скороговоркой добавил: — Когда в шестнадцатом году против царя шли, русские солдаты стреляли в казахов. Это правда, видит аллах. У нас не было тогда оружия. А сейчас Алимбей Джангильдинов говорит, что новая власть, которая Советы называется, всем казахам объявила: «Вот вам оружие, братья-казахи, сами создавайте свою народную армию! Боритесь за свою свободу!» Так никогда и никто нам, казахам, не говорил, клянусь аллахом. Все власти только налоги собирали да отбирали последнее. Вот и выходит, что эти самые Советы за народ.

— Все равно, не верю я урусам. Они все кяфиры[1].

— Ой-йе! Молодой козленок не забодает старого козла,— чабан вздохнул, немного помолчал и тихо закончил: — Правду говорят, что байский пес никогда соколом не станет.

— Тут верно говоришь, аксакал,— отозвался Нуртаз.— Мы оба с тобой сторожевые собаки... Пусть тебе добрый сон приснится!..

4

Перед самым рассветом сквозь сон Нуртаз услышал какой-то короткий вскрик. Несколько минут Нуртаз лежал в темноте, прислушивался. Крик больше не повторился. В полуприкрытую дверь мазанки вливался свежий предрассветный воздух, холодно мерцали гаснущие звезды. В степи царили тишина и спокойствие. Чуткие псы, которые, если бы что-либо случилось, тут же подали бы голос, молчали. Старый чабан тихо лежал, отвернувшись к стене.

«Шайтан попутал»,— подумал Нуртаз и мысленно обратился к аллаху, скороговоркой прочтя молитву. Но в его ушах отчетливо звучал отчаянный сдавленный человеческий вскрик. Он не мог разобраться, приснилось это ему или было наяву.

Нуртаз еще раз прочел молитву и, перевернувшись на другой бок, незаметно уснул.

Утром Нуртаз рассказал обо всем старому чабану. Тот подтвердил, что тоже слышал какой-то звук, очень похожий

---

[1] Кяфиры — неверные.

на крик человека. Старик молча теребил корявыми пальцами свою редкую седую бороду, хмурился, морщил лоб.

— Думал, такое мне приснилось, вечером много мяса поел. Теперь думаю совсем другое. Неспроста все это,— он, покачивая головой, задумчиво смотрел на Нуртаза, потом сказал, как отрезал: — Дурной голос. Будет большое несчастье.

— Что вы, ага? — удивился Нуртаз.

— Дурной голос ночью — плохая примета,— лицо старого чабана стало мрачным.— Запомни, джигит, мои слова, это очень дурная примета.

После плотного завтрака караван отправился в путь. Всадники во главе с Габыш-баем ускакали вперед. Следом за ними двинулись верблюды и отара овец. Солнце поднималось все выше и выше, щедро проливая на степь знойные лучи. Редкие белые облака медленно плыли над головой. Нуртаз, дав коню свободу, наигрывал на своем темир-кумузе.

Вдруг мохнатые собаки, которые легкой рысцой бежали по бокам отары, остановились и, задрав морды, стали настороженно принюхиваться. Потом, как по команде, сорвались с места, с рычанием кинулись в небольшую лощину, поросшую густой и высокой травой.

Нуртаз, пришпорив коня, помчался за собаками. «Волк!» — мелькнула у него мысль, и он сжал в руке тяжелую камчу. Но то, что Нуртаз увидел в густой траве на краю лощины, заставило его оторопеть. Собаки привели пастуха к трупу человека. У Нуртаза похолодела спина.

Тот лежал на боку, со связанными руками. Голова задрана кверху, в рот втиснут кусок кошмы. На шее зияла широкая кровавая рана...

Нуртаз сразу узнал его. По одежде, по худому лицу. Это был незнакомец, гость, которого вчера Габыш-бай усадил на почетное место, рядом с собой, угощал кумысом и выслушивал новости. За что же его? Закололи, как барана, перерезав горло... Что он плохого сделал?..

Конь тревожно захрапел. Нуртаз потянул поводья, повернул коня и, прикрикнув на собак, поскакал к отаре. Теперь ему был понятен тот ночной крик. В голове у пастуха вихрем проносились мысли. Он видел мертвецов. В ауле умирали от болезней и от старости. Видел убитого ножом в драке. Но такой зверской расправы Нуртазу никогда еще не приходилось встречать.

Нуртаз стал припоминать вчерашний вечер. Нет, ни драки никакой, даже ссоры не было. Все проходило чинно и благопристойно, как того требовал обычай. Все слушали незнаком-

ца. Внимательно слушали. Потому что новости были все интересные, особенно про батыра Алимбея Джангильдинова и про новую власть... И вдруг такое... Странно и непонятно.

Пастух посмотрел вперед, где на горизонте двигалась группа вооруженных всадников. Они скакали по степи, словно ничего и не произошло. Нуртазу стало не по себе. В том, что убили незнакомца свои, одноульчане, он не сомневался. У степного колодца в эту ночь больше никто не останавливался. До Нуртаза и раньше доходили разные слухи о темных проделках джигитов Габыш-бая.

В мире все далеко не так просто, как кажется. Нуртаз тер кулаком лоб, думал, но никак не мог понять, за что же так зверски зарезали человека, который никому ничего плохого не сделал? Неужели за те новости, которые тот вез?.. Нет, такого не может быть...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Степан Колотубин сидел в глубоком кожаном кресле у самого письменного стола и, нагнув голову, молча слушал, злясь сам на себя. Находиться в кресле было с непривычки неудобно, крупное тело Степана ныло от напряжения, особенно давала о себе знать левая нога, рана от осколка гранаты еще совсем не зажила.

За громоздким письменным столом из мореного дуба восседал Василий Данилович, или попросту дядя Вася, тот самый дядя Вася, который в пятом году командовал дружиной в баррикадных боях, с которым они почти два года сидели в Бутырской тюрьме и вместе топали по этапу. Теперь дядя Вася был большим человеком в Московском Совете. Внешне он почти не изменился, такой же жилистый и слегка сутулый, те же рыжие усы.

— Значит, мы с тобой договорились. Завтра будет подписано постановление, и ты идешь принимать бывший завод Гужона.

— Нет! — упирался Степан.

— Товарищ Колотубин, я тебе уже час растолковываю.

— Нет, дядя Вася... Василий Данилович, то есть... Нет! — перебил его Степан и, ухватившись за подлокотники, порывисто встал из мягкого кресла.— Ребята мои двинули против белочехов, а я, комиссар ихний, тут в кабинетах прохлаж-

даюсь. Возьми кого-нибудь другого на такую важную должность. Я больше с оружием привык обращаться, чем с бумажками.

— Не с бумажками, а с людьми,— отрезал Василий Данилович и устало потер костлявыми ладонями седые виски.— Понимание иметь должен.

— Все понимаю, потому и говорю прямо. Не гожусь я в директора, и все тут! Точка,— Колотубин, слегка хромая, прошелся к стене, где висела большая карта России, потрогал рукой плотную добротную бумагу и, не оборачиваясь, тихо произнес: — Не уговоришь, дядя Вася, не надо. Упрямый я, сам знаешь, бычачья натура.

— Знаю, все знаю... И разговор с тобой веду по-серьезному. Дело важное, государственное.— И вдруг задал вопрос: — Ты что, хочешь посадить советским директором Гужона или Гальперна?

— Ну и скажешь ты! — усмехнулся Колотубин.— Ликвидировали власть ихнюю.

— Значит, нам и быть за все в ответе. За все! — Василий Данилович снова потер виски.— Теперь, надеюсь, понял. Партия большевиков тебе доверяет, своему верному партийцу, государственное дело!

Колотубин раздавил в жестких пальцах самокрутку. Отпираться бессмысленно. Раздраженно хмыкнул и, прихрамывая, подошел к столу. Он все еще не желал примириться с новым назначением.

— Не могу быть директором Гужоновского завода,— в голосе его зазвучала просьба.

— Нет больше металлического завода Гужона, а есть Большой Московский металлургический завод, собственность Российской Советской Федеративной Республики,— Василий Данилович улыбнулся в усы, положил свои ладони на тяжелый, как булыжник, кулак Степана.— Все! Завтра приходи прямо на заседание. И чтобы никакой дури не выкидывал. Лады?

Колотубин, мысленно чертыхаясь, направился к выходу. «Окрутил, как есть окрутил,— невесело думал Степан.— Пришел как к старому товарищу, с кем вместе радости делил и горя хлебнул, а он сразу нá тебе, завод всучивает!»

В длинном коридоре толпилось много всякого люда. Красноармейцы с винтовками, рабочие, женщины, студенты в форменных куртках. За перегородкой деловито стучала пишущая машинка, кто-то грудным басом кричал в телефонную трубку. Колотубин шел не спеша, припадая на левую ногу, и

думал. В просторном вестибюле его догнал невысокий матрос. Бескозырка чудом держалась на копне светло-рыжих волос, круглое добродушное курносое лицо, обрамленное густой подстриженной бородой.

— Браток, постой! Колотубин ты будешь?

— Ну, я.— Степан остановился.

— Ты, браток, мне и нужен. Выручай... красных крестьян! — он полез в глубокий карман темного бушлата и вынул сложенную бумажку.— Вот тут записано... Один пуд гвоздей надобно для деревни нашенской... Я сам с линкора «Севастополь», отряд наш своим ходом на Украину...

— Погоди, ничего не понимаю. При чем тут я? — Степан недоуменно уставился на моряка.

— Как так при чем? Ты же, браток, народной властью поставлен директором завода Гужона. Мне точно сказали.

— Нет больше Гужона, есть теперь Большой Московский металлургический завод, —поправил его Колотубин словами Василия Даниловича.— А я еще никакой не директор. Завтра только решение приниматься будет.

— Нам совсем немного, один пуд! — не унимался моряк.— Помоги, браток!

— По-русски тебе говорю: еще никакой не директор я! И может, ни в коем разе не стану им.

— Бери, браток, завод. Вона у нас Ванька Доломин кочегар был, душа нараспашку, так что думаешь? Крейсером командовать братва его выбрала. Офицеров-шкуродеров за борт, а те из них, что за нас, у него помощниками. Не теряйся! Нашенская власть-то. А если помощь нужна, так не стесняйся, только свистни. Мигом всю чиновную шваль с завода выкурим, за борт — и точка!

— Ишь ты, прыткий какой! Завод — это тебе не лохань-посудина, тут без инженеров не шибко наработаешь. Тут к рабочим рукам еще и мозги нужны.

— А я что? Я же не против! Совсем нет... Я же так, попросту,— моряк дружески подмигнул веселыми глазами и, взяв за руку, просительно добавил: — А насчет гвоздичков не забудь, браток! Завтра прямиком на завод пришвартую, нам один пуд всего!..

— Ну и банный же ты лист, братишка...

Степан Колотубин вышел на улицу. Накрапывал мелкий дождь, тучи низко висели над городом, грязно-серые, как потрепанная солдатская шинель. Было не по-летнему прохладно. Около подъезда стоял грузовой автомобиль; в кузове, похожем на плоский ящик, сидели десятка полтора латышских

стрелков с винтовками. Белобрысые, рослые, они о чем-то между собой разговаривали на своем языке.

«Вот теперь и будешь, товарищ Колотубин, вроде купчика,— Степан невесело усмехнулся,— этому гвозди, тому подковы...» Он достал кисет, закурил. Самодельная махорка горечью драла горло, успокаивала. Степан задумчиво смотрел перед собой на красноармейцев, на грузовик, на торопливых прохожих, а мысли его все вертелись вокруг неожиданного предложения Василия Даниловича, вокруг Гужоновского завода.

2

Что ни говори, а эта прокопченная кирпичная громадина, пропахшая железом и гарью, что стоит на стыке Проломной и Рогожской застав, у маленькой грязной речонки с красивым названием Золотой Рожок, очень близка сердцу Степана. Близка до щемящей боли в груди, как частица самого себя, как Родина. Здесь прошло босоногое детство его, промчалась голодная крылатая юность.

Степан Колотубин был ровесником завода, чем немало гордился. Он появился на свет в тот год, когда «Акционерное товарищество Московского металлического завода», во главе которого стоял предприимчивый Юлий Гужон, закончило строительство основных цехов и высокие красные кирпичные трубы, вставшие, как огромные свечки, задымили в чистую синеву московского неба.

По такому важному событию Юлий Гужон, сын французского фабриканта, крепко обосновавшегося в старой русской столице, устроил роскошный банкет, на котором присутствовали городские власти и московская аристократия, представители иностранных акционерных компаний, банков, торговых домов. Шумно стреляли в потолок пробки «Клико» [1], играла музыка, вокруг праздничного стола неслышно двигались чопорные лакеи, а усатый полицмейстер, хвативший лишку, лез с рюмкой водки к самому Гужону целоваться, называя француза благодетелем и радетелем, а тот, внутренне негодуя на этого мужлана, улыбался криво, сквозь зубы, и комкал в холеных пальцах крахмальную салфетку. Потом внесли огромный торт, выпеченный в форме цехов завода, с высокими шоколадными трубами...

---

[1] «Клико» — сорт французского шампанского.

— За здоровье Юлия Петровича Гужона! Виват! Ура! — раздались ликующие возгласы.

В тот же хмурый весенний вечер за новым металлическим заводом на темной, с непролазной грязью улице бывшего села Ново-Андроньевка в низкой деревенской избе, вросшей от старости окнами в землю, собрались товарищи Екима Колотубина, пожилого кузнеца, в многодетной семье которого появился новый нахлебник.

Гости степенно разместились на лавках за деревянным столом, пили дурно пахнущий самогон и водку, взятую в счет получки в трактире, закусывая вареной картошкой и селедкой, поздравляли бородатого кузнеца и усталую жену его с новорожденным.

— А как звать мальца? Каким именем нарекли?

Кузнец взял заскорузлыми пальцами за горлышко тонкую четверть, разлил по стаканам остатки хмельной жидкости, крякнул и, задумчиво сдвинув брови, сказал:

— Выпьем, товарищи-други, за здравие нового раба божьего, имя которому будет Степан! Нарекаю так сына своего.

Выпили разом, закусывая, стали вспоминать, сколько славных людей на Руси носило имя Степан, начиная от Степана Разина и кончая рабочим вожаком Степаном Халтуриным, которого два года назад казнили... Помянули всех их добрым словом, а посоловевшие мастеровые, забыв свои невзгоды и тяготы, дружно и слаженно затянули старинные протяжные песни про трудную долю, про светлую волю и славных людей русских.

И скатилась с плеч казачьих
Удалая голова-а-а...

Степан, или, как его звали в детстве, Сенька, рос вместе с заводом. С ватагой таких же отчаянных мальчишек он вдоль и поперек излазил каждый цех, знал все закоулки от проходной до свалки. А четырнадцатилетним подростком отец привел его в волочильный цех, где делали проволоку, «приучать к делу».

И Степан навсегда прирос сердцем к тем прокопченным и шумным цехам и высоченным трубам. Думал ли он тогда, что станет главным человеком на заводе, даже старше драчуна-мастера и надменного инженера? Нет, не думал и не гадал. А вот вышло, что теперь он, рабочий Степан Колотубин, назначается директором...

Впрочем, если говорить начистоту, назначение не было уж таким неожиданным. Об этом говорили давно, много лет

назад, и Степан Колотубин невольно вспомнил морозный декабрьский вечер девятьсот пятого года.

Почти десять дней обширная территория вокруг завода Гужона и мастерских Московско-Курской железной дороги находилась в руках восставших. В те дни районный Совет рабочих депутатов, основное ядро которого составляли гужоновцы, был здесь единственной властью. На заводе создали боевую дружину, ее возглавил дядя Вася. Рабочие изготовляли в цехах холодное оружие, отбирали у городовых и возвращавшихся из Маньчжурии офицеров револьверы и шашки.

На улицах возводились баррикады, дружинники готовились отразить нападение солдат и полицейских. Но противник не появлялся. Вскоре выяснилось, что основные бои с царскими опричниками идут на Пресне. Районный Совет решил направить на помощь пресненцам отряды дружинников туда, где решалась судьба восстания. Но пробиться к Пресне было почти невозможно: нужно прорываться через центр города, который заняли правительственные войска. И тогда Степан Колотубин предложил свой план:

— Надо разбиться на десятки, понимаете? Оружие припрятать... И, как вода сквозь решето, по всем улицам и переулкам потечем к Пресне.

Дружинники так и поступили. Разбились на десятки. Благополучно прошли Немецкую улицу, вышли к Покровским воротам. Однако здесь им дорогу преградил разъезд конных жандармов. Дружинники, их было больше, с ходу дружно вступили в бой, и жандармы сразу же ускакали. Успех окрылил гужоновцев.

— Давай, ребята! Вперед!

Добрались без особых происшествий до Театральной площади, но тут натолкнулись на цепь солдат и городовых. Те не ожидали появления в центре города рабочих отрядов, растерялись. В завязавшейся перестрелке инициатива перешла в руки дружинников. К тому же на выстрелы из прилегающих улиц спешили им на подмогу рабочие. С боем пробились через Театральную площадь и дальше по Тверской улице вышли к Садовому кольцу. Там пришлось занять позицию на Триумфальной площади против солдат, появившихся со стороны Кудринки. По приказу дяди Васи соорудили высокую баррикаду. Свалили телеграфные столбы, извозчичьи санки, мебель из трактира.

Стоял сильный мороз, градусов за двадцать, и, пока громоздили баррикаду, всем было жарко. Когда же все было готово и рабочие заняли свои боевые места, начала давать

о себе знать надвигавшаяся студеная ночь. Разожгли костры, но и огонь мало согревал. Люди были плохо одеты. Тогда дядя Вася собрал на совет десятских, где и решили обязать владельцев поблизости находившихся магазинов снабдить дружинников зимними пальто.

— Выполнять это наше решение будет Колотубин,— распорядился командир дружины и, потерев ладонями побелевшие уши, добавил: — Бери, Степан, людей из своей десятки и действуй. Только все по закону!

Колотубин, взяв с собой рослого слесаря Костю Ерофеева и еще пяток дружинников, направился в большой магазин верхней одежды на Тверской. Часть стеклянной вывески его была разбита, и оставшиеся буквы и слова невольно вызывали улыбку: «...амое верхнее... из меха у Гальперна» «... амое лучшее нижнее... у Гальперна». Перепуганный хозяин, увидев вооруженных рабочих, затрясся от страха:

— Караул! Грабители!

— Не ори, все одно ни солдат, ни городовых поблизости нету,— сказал спокойно Колотубин.— Мы не грабители! Мы из революционного отряда, ясно?

— Так... что же вам надобно... господа рабочие?

— Отряд одеть надобно,— пояснил Колотубин и, направившись за прилавок, стал пальцем указывать на добротные пальто на меху и романовские полушубки, варежки и шапки.— Вот это... это... и это.

Больше всех нагрузился Костя Ерофеев, он брал все, что попадалось ему на глаза, и поспешно складывал в наволочку из-под матраца. Когда вернулись на баррикаду, Костя ловко вытряхнул из него содержимое на притоптанный снег:

— Одевайся, братва!

Пальто, шапки, варежки, перчатки тут же расхватали, и у костра осталось лишь несколько странных меховых изделий.

— А энти что не берете? — спросил Костя.

— У нас тут девок нету,— сказал кто-то.

— При чем тут девки? — недоумевал готовый вот-вот взорваться Костя.— С таким трудом достал и пóтом изошел, покуда тащил. А им девки все на уме! — Он взял одну валявшуюся вещицу и развернул ее.— Чудные какие шапки буржуазия носит! Мода!

— Ну да, шапки! — возразил стоявший рядом хмурый дружинник.— То бабья одежка.

И под общий хохот дружинник приложил меховой лифчик к широкой груди слесаря Ерофеева.

— Смотри!

Лицо Кости сразу стало багровым. Он выхватил злополучный меховой лифчик из рук дружинника и швырнул в пламя костра. Бросить другие в огонь ему не дали. И над баррикадой еще долго раздавался веселый гомон.

Всю ночь дружинники не смыкали глаз, ждали нападения солдат, которые изредка постреливали. По очереди покидали баррикаду и грелись у костров.

Вот тогда-то и состоялся памятный разговор двадцатилетнего Степана Колотубина с дядей Васей, который навсегда запомнился волочильщику.

— Давно я к тебе присматриваюсь, Степан,— сказал дядя Вася, хлебая из чашки подогретый суп.— У тебя есть деловая хватка. И рабочие тебя уважают за справедливость и сноровку такую смекалистую.

— Жизня всему научила,— отмахнулся Степан, усаживаясь возле костра.— Однако мороз шпарит, как кипятком...

Дядя Вася отставил чашку и внимательно посмотрел на Колотубина, потом сказал:

— Вот победим, свою власть установим, рабочую. Заводы конфискуем, они станут нашими.

— Ясно дело, будет все наше,— поддержал Степан,— народное то есть...

— На заводах своих директоров поставим. Вот, например, на Гужоновский завод лично я буду рекомендовать тебя, товарищ Колотубин.

Степан от неожиданности оторопел. Лицо и шея полыхнули жаром. Он недоуменно уставился на командира дружины, который спокойно прикуривал от горящей щепки.

— Меня?! Директором завода?! — Колотубин вскочил, обошел костер и снова сел на корточки.— Шутки шутите, дядя Вася...

— Нет, Степан, я вполне серьезно.

— И директором завода?

— Именно директором.

— Почему же меня? Что я лучше других, что ли? — Колотубин подбросил в костер обрезок доски.— Вона сколько хороших людей в дружине! А я что, я как и все...

Командир сел рядом, положил свою ладонь на плечо Степана и тихо произнес:

— Ты можешь за собой вести людей. И главное, умеешь широко, так сказать, масштабно мыслить. А без масштаба в наше время нельзя. Масштаб — это сила!

Степан рывком отстранился. Нет, он не ожидал, что его,

рабочего, будут связывать с каким-то Масштабом, оскорбляя революционное достоинство.

— Погоди, дядя Вася! А кто такой этот самый Масштаб?! Почему ты меня с каким-то гадом-буржуем сравниваешь?

— Да ты что? Сдурел, что ли? — командир удивленно смотрел на Колотубина, не понимая, на что тот обиделся.

— Как что? То самое... Всяких их тут много. Ну, Гужона знаю, на него уже пять лет вкалываю, ну, Гоппера видел, бывал там, в Замоскворечье, тоже паук хороший... Ну о Бромлее слыхал... А кто такой этот Масштаб? Тоже, видать, ихней кровососной компании!

— А-а, вот ты о чем! — командир, поняв причину обиды, громко рассмеялся.— Чудак-человек!

— Какой уж есть, не переделаешь.— Степан насупился.— Прошу покорнейше, дядя Вася, как хотите, но только не смешивайте меня с ихним мордоблагородием! Никогда не буду мыслить по Масштабу, а буду по-своему! Я пролетарий.

А командир все смеялся, пока вдруг не засвистели солдатские пули...

Только примерно через месяц, когда они встретились в камере Бутырской тюрьмы, дяде Васе удалось подробно объяснить, что такое масштаб, тогда и Степан долго сам смеялся над собой, над своей малограмотностью. С помощью дяди Васи он пристрастился к книгам, много читал в тюрьме, а затем и в ссылке, в Сибири. Там, за Полярным кругом, Степан и вступил в партию большевиков.

Обо всем этом и вспомнил Колотубин, докуривая самокрутку. Теперь Степану не двадцать лет, как тогда в дни баррикадных боев, а полных тридцать три года, много он повидал, многому научился. Как видно, командир рабочей дружины не бросал слов на ветер.

3

Дождь все моросил и моросил. Фуражки и гимнастерки красноармейцев, сидевших в кузове машины, стали темными, а штыки винтовок тускло заблестели от влаги. Мимо Колотубина проходили люди. Одни спешили в Совет и, перед тем как войти, торопливо отряхивали у крыльца мокрые кепки, пиджаки, а другие, появившись в дверях, не задерживаясь на ступеньках, деловито уходили в шум улиц.

«Нет, так дело не пойдет! — Колотубин докурил самокрутку, раздавил пальцем окурок.— Не пойдет!»

Ожидавшее его директорство все никак не выходило у него из головы. С чего начинать, что делать в первую очередь? Этого он еще сам толком не знал. Степан мысленно видел перед собой пролеты закопченных цехов, ряды гудящих волочильных машин, огненное пекло мартенов, слышал надсадный грохот прокатных станов... Дело не шутейское — завод! Экая махина! И в каждом цехе, возле каждого станка, у каждой машины — люди, свои ребята, работяги. Уставшие, осунувшиеся от голода и ждущие, жадно ждущие больших перемен... И он, Колотубин, которого еще недавно звали запросто Сенька, теперь за все будет в ответе, за каждый цех, каждый станок, каждого пролетария... Степан чуть ли не осязаемо ощутил крутыми плечами, какая огромная тяжесть наваливалась на него.

Мимо, на ходу надевая потертую кожаную куртку, пробежал посыльный Совета. Сбежав вниз по ступенькам, он вдруг обернулся, и на его небритом лице появилась радостная улыбка.

— Колотубин! Скорей! Позарез нужен... За тобой послали.— И доверительно сообщил: — Из Кремля звонили, тебя спрашивают.

Через две минуты Степан снова появился в кабинете Василия Даниловича. Тут уже было много народу. Рабочие, представители заводов, командиры, какие-то бывшие чиновники в суконных синих вицмундирах, несколько женщин. Василий Данилович вышел ему навстречу.

— Езжай в Кремль. Прямо к товарищу Свердлову. Сейчас звонили,— сказал Василий Данилович, провожая Колотубина до двери.— Смотри, там не артачься! Думаю, насчет завода... В общем, можешь сказать, что с назначением все в порядке.

— Понимаю. Раз надо, так надо, что поделаешь.— Колотубин задержал Василия Даниловича.— Может, сначала на завод махнуть, ребят из комитета прихватить, а? Они лучше меня положение на заводе знают.

— Нет, отправляйся один и немедленно. Просил тебя как можно скорее доставить, сам Яков Михайлович звонил. «Если нет машины,— говорил,— сейчас вышлем нашу».

— Что за спешка такая! — Колотубин пожал плечами.

— Все тут проще простого. Завод военную продукцию дает, сам понимаешь.— Василий Данилович пожал руку.— Двигай! Машина с латышскими стрелками как раз туда направляется.

Командир роты — высокий молодой блондин в поношенном офицерском кителе — весело уступил Колотубину место ря-

дом с шофером. Машина, гулко урча моторами, помчалась по улицам. «Надо подумать и о продукции завода, куда ее теперь сбывать,— размышлял Степан, откинувшись на спинку.— Оптовую торговлю ныне почти всю ликвидировали, остались одни мелкие лавочники... Не торговать же нам самим гвоздями и проволокой!» Он нахмурился, вспомнив моряка, который выклянчивал «пудик гвоздичков». Спрос, конечно, есть, и довольно большой на изделия завода, но как сделать все так, чтобы по-новому, по справедливости?

Затем Колотубин перешел к размышлению о самом производстве. Почему-то вспомнился дополнительный литейный цех, что был построен два года назад, рядом с формовочным. Оборудован цех был кое-как. В неоштукатуренных стенах зияли дыры, стекла в оконных пролетах отсутствовали, а над сушильными печами крыши вообще не было, открытое небо... Особенно тяжело приходилось рабочим зимой. То и дело бегали греться к жаровням, а их топили коксом. К концу смены так нахватаешься угара, что качаешься на ногах, как пьяный, глаза красные, голова кругом идет... И в других цехах обстановка не лучше. Всем достается, по горло... Но еще хуже, когда нет работы, не из чего делать продукцию. Хоть волком вой! Каждый на сдельной оплате, и простой сильно бьет по карману... «Главное, надо насчет сырья потолковать с товарищем Свердловым, да так, чтобы с запасом,— размышлял Колотубин.— А то, неровен час, прекратится подвоз, тогда хоть останавливай весь завод».

4

Чем ближе приближались к Кремлю, тем чаще стали попадаться то там, то здесь разбитые окна домов и витрины магазинов, следы пуль и осколков на стенах зданий, воронки на мостовой от разорвавшихся снарядов... Всего десять дней назад здесь, на улицах Москвы, шли бои.

Руководство партии левых эсеров, не согласное с ленинской политической линией, тайно подготовило ударные отряды и в дни работы Пятого Всероссийского съезда Советов, днем 6 июня 1918 года, подняло мятеж. Это был удар в спину. К ночи мятежники овладели почтой, телеграфом, рядом правительственных учреждений и, стремясь скорее захватить власть, начали артиллерийский обстрел Кремля, где находился Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным.

Большевики, делегаты съезда, сознавая всю опасность, в тот же день отправились в рабочие районы Москвы. При-

зывно гудели гудки заводов и фабрик. Вооруженные рабочие отряды вместе с отрядом интернационалистов и курсантами пулеметных курсов и подоспевшей латышской дивизией подавили мятеж...

В уличных боях принимал участие и полк, в котором был комиссаром Степан Колотубин. На рассвете седьмого июля, пробиваясь к Кремлю, почти у самой Красной площади, осколком гранаты комиссар был ранен в левую ногу... Десять дней пришлось поваляться в госпитале, а вот сейчас, когда с большим трудом удалось уговорить врача и выписаться, вместо чехословацкого фронта, куда уехал полк, приходится принимать завод.

Дождь перестал. Серые тучи медленно двигались над городом, гонимые легким ветром, не было уже той суконной плотности, и в редкие прогалы проглядывало ослепительное синее небо. А когда показывалось солнце, теплое и по-летнему ласковое, то, казалось, все сразу улыбалось: и дома, и деревья, и люди...

В Кремле группа курсантов, сложив винтовки в пирамиду, засыпала воронки. Одни скорым шагом, почти бегом таскали носилки с песком, другие орудовали лопатами, а двое, обнаженные по пояс, дробно постукивая молотками, укладывали булыжник, лечили поврежденную мостовую. Рядом, на потемневших толстых бревнах, которые лежали навалом, примостился рыжеволосый боец и, разводя меха гармони, лихо наигрывал плясовую.

«Весело вкалывают!» — подумал Колотубин о курсантах, направляясь к высокому зданию бывших судебных установлений с огромным шарообразным куполом и красным флагом на нем, где теперь находилось Советское правительство, и тут же у него мелькнула мысль: «А может быть, и нам на заводе надо что-нибудь такое прикумекать?.. Ишь как споровисто под музыку бегают с носилками... Если в цехе прибрать, да еще музыку сделать, веселую, русскую!.. Чтоб труд стал вроде праздника...А?»

Едва Степан предъявил часовому в подъезде свой мандат, как его тут же почтительно встретил дежурный и повел в приемную Свердлова. По всему выходило, что Колотубина здесь ждали и разговор предстоял о чем-то серьезном и важном, не требующем промедления.

— Это товарищ Колотубин,— сказал дежурный секретарю, пожилой женщине, которая сидела за столом в просторной приемной.— Яков Михайлович просил сразу же пропустить его.

В приемной находилось несколько человек — военные, группа рабочих, женщина и трое интеллигентов, весьма смахивающих по одежде на иностранцев. Все они, видимо, давно ждали приема и потому с каким-то любопытством и, как показалось Степану, с некоторой неприязнью окинули его далеко не примечательную и поношенную солдатскую одежду: чем он лучше их? Почему его без очереди принимают?

— Колотубин? — переспросила секретарша и, просмотрев свои записи в журнале, утвердительно закивала седой головой: — Да, да! Пожалуйста,— она встала и повернулась к Степану: — Проходите, товарищ!

Колотубин немного растерялся. Он, конечно, не ожидал, что здесь, в правительстве республики, его так встретят. Республика, конечно, своя, рабоче-крестьянская, но, что ни говори, а правительство есть правительство. Под любопытными взглядами иностранцев Степан шагнул вслед за секретаршей в открытые двери и вошел в кабинет.

— Яков Михайлович, товарищ Колотубин,— сказала женщина,— по вашему вызову...

Степан знал Свердлова — товарища Андрея, видел его несколько раз, слышал выступления. Впервые он встретился с ним еще в ссылке, когда тот выступал на нелегальной сходке политических. Тогда это был молодой, несколько застенчивый на первый взгляд интеллигентный человек, в очках, с ласковым, немного задумчивым взглядом и с пышной шевелюрой черных волос. Но как он тогда остро и метко парировал, словно опытный фехтовальщик, яростные наскоки противников ленинской тактики борьбы, обезоруживая их точными формулировками и железной логикой. Потом, уже после революции, Колотубин слышал Свердлова на собраниях и съездах. И за все эти годы после ссылки Степан впервые близко увидел Якова Михайловича и невольно отметил, что тот сильно изменился. В густых волосах появилось много седины, лицо заострилось, осунулось, а темная бородка и усы как бы оттеняли бледность некогда смуглой кожи. Казалось, его гнетет какой-то тяжелый недуг или огромная усталость от бесконечных недосыпаний и напряженной нервной работы, а может, и то и другое, вместе взятое, отложили на лице свой отпечаток. Только одни темные глаза, ласково и остро поблескивавшие за стеклами пенсне, были прежние.

Председатель ВЦИК был не один. Рядом с письменным столом, на котором лежала большая карта России, на стуле сидел загорелый и широкоскулый мужчина, в котором можно было сразу узнать восточного человека. Яков Михайлович

скорым шагом вышел навстречу Колотубину, тепло пожал руку и, внимательно всматриваясь в Степана, сказал:

— Где-то вас видел. Уверен, что мы встречались! Да, да... Припоминаю, как же! — и Свердлов, улыбнувшись, напомнил ему о ссылке в Сибири, о нелегальной сходке в доме фельдшера.— Вы тогда все в углу, возле окна сидели и весь вечер молчали. Мы спорим, а вы молчите, рта не раскрываете.

Степан был приятно удивлен крепкой памятью Свердлова. Подумать только, больше десяти лет прошло, а помнит, будто вчера было.

— Я тогда, Яков Михайлович, первый раз на такой сходке присутствовал. Мне все было, как говорится, насквозь интересно. Многое тогда понял, особенно когда вы про товарища Ленина говорили,— откровенно признался Колотубин.— А молчал, так... Что я сказать мог в том разговоре, когда только-только с революционной теорией начал знакомиться?

— Что же мы стоим! Проходите,— жестом руки пригласил Свердлов.— И вот знакомьтесь, товарищ Джангильдинов.

Сидевший у стола и молча наблюдавший за Колотубиным человек легко встал и мягкой, пружинистой походкой кавалериста двинулся навстречу, протягивая по-восточному обе руки. Был он среднего роста, плотный, с небольшими усами, которые как бы подчеркивали мягкие и в то же время ярко выраженные азиатские черты лица. В его продолговатых внимательных глазах, слегка раскосых и темных, светилась доброта, сквозь которую сквозила цепкая проницательность человека, привыкшего с первого взгляда определять, оценивать незнакомца.

— Здравствуйте, товарищ! — сказал по-русски Джангильдинов приятным гортанным голосом, пожимая двумя руками сильную руку Степана.— Мне про вас много и хорошо говорили!

— Товарищ Джангильдинов, военный комиссар Тургайской области,— пояснил Свердлов.— Сейчас является командиром специального отряда, который выполняет по личному указанию Владимира Ильича Ленина особое задание правительства... Знакомьтесь ближе, вам придется немало недель быть вместе. Путь предстоит тяжелый и долгий...

Колотубин недоуменно посмотрел на Свердлова. О чем тот говорит? Какой путь? Что за отряд? Здесь явно какое-то недоразумение. Может быть, товарищ Свердлов не знает о том, что его уже почти назначили руководить бывшим заводом Гужона? Эти мысли вихрем пронеслись в голове Степана. Но

он не успел ничего сказать. Его опередил Яков Михайлович, который, пристально смотря прямо в глаза, произнес:

— Все, все знаем, но обстоятельства требуют... С директорством немного повременим,— и после короткой паузы добавил: — Вы, товарищ Колотубин, по рекомендации Высшего военного совета назначаетесь комиссаром особого экспедиционного отряда. Комиссаром! Мандат уже оформлен и сейчас будет подписан. Времени на размышление у нас нет, дорог не только каждый день, а даже каждый час. Эшелон должен отправиться сегодня ночью.

Степан Колотубин молча кивал в знак согласия. То, о чем он так мечтал утром, когда вышел из госпиталя, свершилось. Его посылают не только на фронт, но и на серьезное дело — в военную экспедицию! Но он не мог все же так сразу перестроиться, ибо уже свыкся со своим назначением на завод, который был дорог его сердцу с детства.

— Что с вашей ногой? Мне сообщили, что вы ранены,— перебил мысли Степана Яков Михайлович.— Как вы себя чувствуете?

— Почти зажила, уже готов хоть к черту на рога,— Колотубин, стараясь не хромать, прошелся по кабинету.

— Зачем на рога? Такой джигит сам рога черту наставит,— засмеялся Джангильдинов и сразу приступил к делу: — В нашем отряде четыреста два человека будет вместе с тобой, товарищ комиссар. Часть оружия получили и поместили в вагоны. Настоящие, хорошие полушубки нам тоже дали и солдатские крепкие сапоги. Будем делать в степи свою Красную Армию!

Степан хотел было спросить Джангильдинова о целях экспедиции, но к нему снова обратился Яков Михайлович:

— Времени у вас в обрез, товарищ Колотубин, так что с людьми отряда придется знакомиться уже в пути. Отряд интернациональный, но там крепкое ядро коммунистов,— Свердлов подошел к столу и наклонился над картой.— Дело очень важное. Совнарком принял постановление оказать помощь правительству Советского Туркестана. Там тяжело с оружием, обмундированием и особенно с боеприпасами. Пока мы формировали здесь отряд, обстановка на Востоке резко изменилась. Вот смотрите...

Свердлов стал водить карандашом по карте, объясняя положение на фронтах. Оказывается, части поднявшего мятеж чехословацкого корпуса захватили основные железнодорожные узлы Великого Сибирского пути. В их руках находятся Самара, Казань, Челябинск, Уфа... Банды атамана Дутова, за-

няв Оренбург, отрезали Советский Туркестан от центральных областей России.

Свердлов достал из ящика стола телеграмму:

— Вот последнее сообщение, которое получили вчера от председателя Туркестанского Совнаркома Колесова на имя товарища Ленина: «Туркестанская республика во вражеских тисках... В момент смертельной опасности жаждем слышать Ваш голос. Ждем поддержки деньгами, снарядами, оружием и войсками».— Яков Михайлович сделал небольшую паузу и сказал:

— Сегодня поступили новые сведения. К южной границе, под Ашхабадом, англичане подтягивают войска, так что не исключена возможность интервенции. Владимир Ильич сегодня же ответил телеграммой. Вы должны знать ее,— и он зачитал текст: — «Принимаем все возможные меры, чтобы помочь вам. Посылаем полк. Против чехословаков принимаем энергичные меры и не сомневаемся, что раздавим их. Не предавайтесь отчаянию, старайтесь изо всех сил связаться постоянной связью Красноводском и Баку»... Надеюсь, вам понятно, что полк — это и есть ваш отряд. Как видите, там положение сложное.

Свердлов поднял голову и доверчиво, внимательно посмотрел на Колотубина:

— Туда остается свободным лишь один путь — по Волге до Астрахани, оттуда Каспийским морем к Красноводску и далее по железной дороге до Ташкента.

Колотубин следил за карандашом Якова Михайловича и сосредоточенно думал. Задачка не легонькая... И по реке, и морем, и поездом через пустыню. Когда же они таким кружным путем до Ташкента доберутся?..

— Часть груза, как уже сказал товарищ Джангильдинов,— винтовки, патроны, пулеметы, бомбы — отряд уже получил здесь, а остальное возьмете в Царицыне. Там сейчас находится народный комиссар по делам национальностей товарищ Сталин,— продолжал Яков Михайлович.— Владимир Ильич сегодня по телеграфу связался с ним. В Царицыне по всем делам обращайтесь к Сталину.

— Ясно, Яков Михайлович,— кивнул Степан.

Зазвонил телефон. Свердлов снял трубку.

— Да, да... Слушаю. Очень хорошо! Значит, все готово?.. Так, так... Сейчас приедут, направляю прямо к вам. Хорошо, хорошо... Что?.. Да, грузовые крытые машины. Конечно, вы правы... Лучше не к подъезду, а во двор... Да, да... Джангильдинов... Второй — товарищ Колотубин.

Окончив разговаривать по телефону, Свердлов сел на свое место, что-то торопливо записал в блокнот, потом, подняв голову, посмотрел в глаза Джангильдинову, затем Колотубину и обычным спокойным голосом, словно речь идет о чем-то обыденном, сказал:

— Еще, друзья, одно секретное задание правительства. О нем должны знать как можно меньше людей. Вы повезете в Ташкент еще шестьдесят восемь миллионов рублей, в основном золотом. Деньги сегодня же получите в банке.

Колотубин, услышав такие слова, внутренне насторожился. Шестьдесят восемь миллионов!.. Подобные цифры приходилось встречать лишь в задачнике арифметики, а тут — деньги, золото... И поручают их ему, Степану, который отродясь больше десятки в руках не держал. И этому киргизу... Колотубин взглянул на Джангильдинова. Тот был спокоен, словно речь шла не о золоте. «Видать, товарищ уже знал о деньгах,— сразу решил Степан.— Тем лучше». И продолжал слушать Свердлова, который говорил, что золото нужно для создания частей Красной Армии, что царские ассигнации и керенки потеряли ценность, а золотые червонцы в ходу, на них можно купить лошадей, снаряжение...

— Деньги вы должны доставить в Совнарком Туркестанской республики,— сказал Яков Михайлович.— Это секретное поручение. А мой совет — нигде не задерживайтесь. Помните, это очень важно, государственно важно скорее доставить золото и боеприпасы.

Снова зазвонил телефон. Яков Михайлович взял трубку, и на его усталом лице появилась радостная улыбка. Он утвердительно закивал, соглашаясь с собеседником:

— Да, да... Все сделано. Как? Да, да... Оба здесь. К Вам? Хорошо, Владимир Ильич.

И, положив трубку, Свердлов быстро встал из-за стола:

— Вас ждет Владимир Ильич. Идемте!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Во дворе банка, на Неглинной, едва Колотубин и Джангильдинов спрыгнули с передней машины, их встретил невысокий чекист в черной кожанке и синих галифе, на желтом ремне у него почти до колен тяжело свисал кольт в темной полированной деревянной кобуре. Степан невольно обратил

внимание на кольт. «Хороша пушечка!» — подумал он ласково, оценивая со знанием дела пистолет.

Рядом с чекистом стоял коренастый, широколицый моряк.

— Начальник особого отдела нашего отряда Малыхин,— представил Джангильдинов моряка Колотубину.

— Мы вас давно поджидаем, все уже готово,— сказал Малыхин, крепко пожав руку комиссару.

— А теперь давайте мандаты,— потребовал чекист в кожанке.— Как говорится, порядок есть порядок.

— Тем более революционный,— в тон ему ответил Колотубин.

— Топайте за мной,— сказал чекист.

Он повел их длинным коридором, потом по железной лестнице они спускались вниз в подвал и снова шли через какие-то комнаты. Чекист шел уверенно, по всему было видно, что он здесь хорошо освоился. Работники банка, почтительно здороваясь с ним, искоса с любопытством поглядывали на коренастого Джангильдинова и рослого Колотубина. Здесь стоял специфический, едва уловимый запах подвала и гулко раздавались шаги. «Как в тюрьме»,— подумал Степан, проходя мимо массивных железных дверей с круглым глазком. Он впервые находился в святая святых банка — в его хранилище, и поэтому был весь внимание.

Наконец, вошли в просторную комнату. Вдоль стен стояли шкафы, набитые толстыми конторскими книгами, папками. За письменным столом сидел пожилой худощавый мужчина в очках, с темной чуть тронутой проседью узкой бородкой и с большой залысиной, отчего лоб казался непомерно огромным. Лицо его своей желтоватой бледностью напоминало лицо узника, который много лет просидел в одиночке, не видя солнца, дневного света. Однако в нем не было ни удрученности, ни ожесточенности арестанта, а скорее можно было прочесть холодную скупость и деловитость ростовщика. Темный чиновничий сюртук с ярко начищенными пуговицами подчеркивал строгость и важность этого столпа казначейства.

— Илларионыч, вот привел,— сказал чекист,— знакомься. Товарищ Джангильдинов и товарищ Колотубин. Вот мандаты ихние.

Бывший чиновник долго и внимательно изучал документы командира и комиссара, не скрывая неприязни, окинул вошедших сухим, колючим взглядом с ног до головы, горько усмехнулся.

— Вроде все в порядке. Но опять из банка... А деньги-то государственные!

— Не скрипи, Илларионыч,— мягко сказал чекист.— Так надо для пользы революционного государства. Понимаешь ты?

— Для пользы государства надо деньги накапливать, а не транжирить! — сухо отпарировал Илларионыч.— Государство сильно наличием золотых запасов, а не скопищем обесцененных бумаг.

Колотубин молча слушал, поражаясь его скаредности, а Малыхин, не выдержав, сказал:

— Вы, папаша, словно свои личные, из своего кармана выкладываете...

— Не личные, а Российского государственного банка,— оборвал его чиновник.— И дед мой, и отец тут служили... Бог ты мой, да что вы вообще смыслите в финансовых операциях! — И тихо произнес, подавая бумагу: — Вот, прошу, расписывайтесь...

Потом вместе с этим Илларионычем прошли дальше, поднялись по лестнице и очутились в огромном помещении. В дверях охрана. На окнах массивные решетки. На полу рядами стояли открытые патронные ящики, у стен плотные серые брезентовые мешки. «Склад какой-то»,— подумал Колотубин.

— Принимайте,— сухо сказал Илларионыч.— В патронных ящиках, как изволили распорядиться, золото, а в мешках — банкноты.

Степан, ожидавший, что их поведут дальше, через этот «хозяйственный склад», остановился в недоумении. Он ждал чего-то иного. Воображение рисовало картины таинственные и необычные. Конечно, надеялся увидеть бетонный подвал, стальную комнату, мощные двери, блеск золотых слитков, россыпь драгоценных камней, стопки новых бумажных денег... Об этом читал в романах, много слышал... А тут все както до обидного просто, даже обыденно. Мешки брезентовые, как в почтовых вагонах с письмами, да армейские цинковые патронные ящики.

— Это придумка Якова Михайловича,— чекист показал рукой на ящики.— Еще вчера голову ломали, как лучше. А потом вот всю ночь без передышки укладывали... Еще не спали даже... Отпустим вас, пойду похраплю немного.

Чиновник подошел к патронным ящикам, поднял крышку. В ящике плотными рядами лежали продолговатые круглые палочки, аккуратно завернутые в бумагу. Он молча взял одну палочку, развернул длинными узловатыми пальцами бумажную обертку, и у него на широкой ладони сверкнуло золото. У Степана захватило дух: «Новенькие золотые! Одни десяти-

рублевки!» Ему приходилось держать в своих руках в получку всего две-три монеты. А тут столько их! Несметное состояние! В груди полыхало жаром. Степан сжал губы, чуть опустил веки. Никто не должен видеть, что он взволнован. Правительство, товарищ Ленин доверили ему доставить золото в Туркестан, и он, Степан, доставит по назначению, чего бы это ни стоило!

Чтобы успокоиться, Колотубин подошел и с деланной небрежностью взял ящик, приподнял.

— Потяжелей вроде, чем с патронами будет... Потяжелей.

— Еще бы, чистое золото! — сказал Малыхин.

Между тем старый чиновник развязал один из брезентовых мешков. Он был набит пачками аккуратно перевязанных шпагатом новеньких сторублевок.

— Всего здесь золотом и банкнотами на общую сумму в шестьдесят восемь миллионов рублей ноль копеек. Будем считать и взвешивать? — спросил Илларионыч, показав на весы, которые стояли у стены.— Можно по-старому, на пуды, а если желаете, то можно и на новый лад, на тонны, как прикажете... Каждая золотая единица достоинством в десять рублей,— он взял с ладони монету и показал Джангильдинову и Колотубину,— каждая такая единица весит одну целую и восемь десятых золотника, или на новый лад — семь целых и восемь десятых грамма. Дальше идет простая арифметика...

Джангильдинов не спеша прошелся вдоль патронных ящиков, открыл наугад несколько из них. И всюду сверкал драгоценный металл.

Колотубин, окинув взглядом гору ящиков и брезентовых мешков, мысленно прикидывал, сколько же потребуется дней и ночей, чтобы все пересчитать? «Может, принимать на вес, как товар?» — Он посмотрел на командира. В глазах Джангильдинова уловил такой же немой вопрос.

— Берем? — спросил Колотубин.

— Все берем,— махнул рукой Джангильдинов и, повернувшись к чекисту, коротко приказал: — Грузите!

2

По большому тонкому стеклу струились дождевые капли.

Чокан Мусрепов, поджав под себя босые ноги, сидел у окна на широкой двухспальной французской кровати, застланной двумя серыми суконными солдатскими одеялами, и углом мохнатого банного полотенца старательно снимал густое

оружейное масло с винтовочного затвора. Рядом лежала, тускло поблескивая, новенькая трехлинейка.

Чокан изредка поглядывал в окно, и в его темных, немного печальных продолговатых глазах отражалась тоска обитателя степи по солнцу, теплу и широкому раздолью... Что говорить, ему до боли скучно и тесно в этом большом чужом городе, где огромные каменные кибитки стояли рядом, как солдаты, плечом к плечу, сдавливая улицу.

Казах хмурился, и лицо его принимало какое-то свирепое и дикое выражение. А лицо Чокана и без того было некрасиво: плоское, неровное, с крутыми выступами скул, словно под кожей по бокам возле косо посаженных глаз заложены крупные шары. Узловатый шрам толстым синеватым обрубком проволоки пересекал от уха до губ правую щеку. Выступающие вперед надбровные дуги с кустистой черной порослью подчеркивали угловатый лоб. И только глаза, в которых можно было увидеть доброту и застенчивость, да полные темные губы свидетельствовали все же о мягком и покладистом характере сурового на вид молодого казаха.

Чокан смотрел в окно, вытирая затвор. Там на улице двигались потоком рабочие и работницы, подняв воротники, накрыв головы платками. Они шли после трудового дня, отстояв смену у станка, а Чокан принимал их за бездельников. «Неужели они все работают? День еще не кончился, ночь не наступила, а они по домам уже разбредаются»,— думал, сокрушаясь, он.

Хлопнула дверь, и в комнату вошел друг и земляк Чокана Темиргали с двумя полными ведрами, поставил их на пол, сказал по-казахски:

— Опять капает... Промок весь.

— Снова из трубы шайтана воду брал? — спросил Чокан.

— Из трубы, из водопровода.

— Плохая вода, вся железом пахнет.

— Ты никак к городу не привыкнешь.

— И не хочу привыкать,— глухо произнес Чокан.— Никогда не привыкну!

За окном дождь. Который день кряду не показывалось солнце, над городом низко висели, как мокрые одеяла, набрякшие тучи, они чуть ли не задевали прокопченные заводские трубы, чем-то похожие на мусульманские минареты, туманили золотые кресты и луковицы бесчисленных московских церквей. Дождь шел неторопливо, размеренно, словно на небе кто-то лениво двигал тяжелым ситом, нехотя выполняя нудную работу.

В окно виднелась часть дворика, отгороженного от улицы железным забором. Два клена и старая липа блестели мокрой листвой. Истоптанная, смятая трава приподнималась, тянулась кверху. А за оградой прохожие месили грязь улицы.

— Какие мокрые дни в русском краю. Одна вода... Верно, Темиргали?

Темиргали Жунусов, присев на корточки, пытался зажечь камин. Сырые дрова разгорались плохо, дымили. Джигит со свистом через нос втягивал в себя воздух и, вытянув губы, отчего тонкие усы его топорщились в стороны, старательно дул.

— А? Что? — отозвался он, не поворачивая головы.

— Какие мокрые дни, говорю,— Чокан вставил затвор, щелкнул курком.— Весна в степи давно прошла, лето давно наступило... А в Москве ни весна, ни лето. Один сплошной дождь и дождь. Если бы не давал слова агаю Джангильдинову, давно ушел бы назад, в степи...

Темиргали, наконец, раздул пламя, подложил сухих поленьев. Оранжевые языки пламени весело заплясали, обливывая прокопченную кастрюлю, которая висела на проволоке. Отблески пламени осветили круглое, как кашгарское блюдо, лицо Темиргали, запрыгали в его узких, продолговатых глазах.

— Дождь, говоришь? А разве у нас, в Тургайских степях, дождей не бывает? — в голосе Темиргали можно было уловить чуть заметный насмешливый тон.

— Когда в степи, да еще летом идет много дождей, в сердце казаха много радости.— Чокан сделал вид, что не обратил внимания на насмешливый тон друга.— Трава растет высокая, по грудь хорошему коню. Табуны сытые! А в городе что? Много дождя — это никакой тебе радости, только сапоги рвутся!

Чокан Мусрепов, довольный своим ответом, заулыбался, обнажая крепкие, ровные зубы. Конечно, против таких слов возразить трудно. Встал с кровати, прошлепал босыми подошвами по грязноватому дубовому паркету. Высокий, плечистый, сильный. Чокан на спор может поднять коня-двухлетку и нести его сто шагов. А тут вот приходится сидеть, словно взаперти, в этой комнате. Еще недавно она служила гостиной какому-то барину, обставлена была дорогой, со вкусом подобранной мебелью, стены украшали картины в золоченых рамах, с потолка свисала большая хрустальная люстра.

Теперь ничего не осталось. Все убранство комнаты, едва хозяева сбежали, тут же растащили по своим каморкам их

слуги. О картинах напоминали на стенах лишь квадраты невыгоревших обоев, а вместо люстры на потолке угрюмо торчал одинокий железный крюк. Эту комнату в солидном каменном особняке, что стоял далековато от центра Москвы — в Лефортове, военный комендант и выделил Алимбею Джангильдинову на временное проживание, ибо в гостиницах свободных мест не имелось. Все московские гостиницы были переполнены, в них разместились работники наркоматов и других государственных учреждений. Всего несколько месяцев назад, в середине марта 1918 года, правительство Советской республики во главе с Лениным переехало из Петрограда в Москву.

Джангильдинову, откровенно говоря, было все равно, где жить, а тут даже имелись некоторые преимущества: неподалеку, в бывших солдатских казармах, формировался его отряд. В комнате, которая стала вроде штаба отряда, вместе с Алимбеем расположились два его постоянных и верных спутника — Чокан и Темиргали. Это они притащили с чердака огромную французскую кровать с тугим пружинным матрацем и надумали использовать камин как костер, раздобыв кастрюлю, укрепили ее на проволоке.

Чокан подошел к камину, нагнулся, вдыхая пар, что поднимался над кипящим варевом, зажмурившись, причмокнул губами:

— По запаху угадываю, скоро сварится. Конина с бараниной, знаешь, всегда вкусно получается.

— Конина старая,— Темиргали помешал деревянной ложкой в кастрюле.— И баранина тощая, одни ребра...

— Ой-бой! — Чокан, подражая женщинам, сокрушенно всплеснул руками.— Какой у тебя разборчивый желудок! Зачем же ты покупал такую конину и такую баранину?

— Вместе покупали. Ты, Чокан, помнишь, рядом стоял. На базаре другого мяса не имелось. Только мясо свиньи еще продавали, но мы на него даже не взглянули.

Но Чокан промолчал. И Темиргали пришлось напомнить, что сегодня утром, перед тем, как снова отправиться в Кремль к товарищу Свердлову, Джангильдинов сказал: «Соберите все вещи и отвезите их в наш штабной вагон». Но когда агай ушел, он, Темиргали, вынул из своей походной сумки шкурку молодого барашка — темно-серую смушку, которую берег себе на шапку,— и предложил сходить Чокану на базар: «Вагоны уже есть, сегодня-завтра уезжаем. Давай продадим, купим мяса, на прощание сварим обед по-казахски. На картошку и сухую рыбу смотреть глаза больше не хотят!» Они

пошли на базар, и вот сейчас поэтому в кастрюле варится мясо, распространяя по комнате густой аромат.

— Послушай, Темиргали,— примирительно сказал Чокан, чтобы переменить разговор,— если агай придет один, давай постелим одеяла, как в хорошей юрте, и пообедаем, как мусульмане.

— Золотые слова, батыр! Я только об этом и думаю,— Темиргали чуть развалил кочергой горящие поленья, чтобы не так сильно кипело в кастрюле.— Даже если агай и не один придет, все равно сегодня в последний день будем по-нашему сбедать.

— Я устал от этих русских обычаев,— признался Чокан.— Куда ни пойдешь, везде скамейки, табуретки, стулья разные.

— Золотые слова, батыр. У меня, скажу честно, давно все ноги и спина болят от такого сидения. В столовую пойдешь — там скамейка, в казарму пойдешь — там табуретка, в контору пойдешь — там стулья. Что делать бедному казаху, как терпеть!

— Больше не будем терпеть. Оружие получили, патроны получили, еще портянок и сапоги и всего много-много! Все теперь в вагоне лежит, на железной арбе, и кругом наши охраняют,— произнес Чокан с таким видом, словно его товарищу ничего не известно.— И теперь скоро в степь поедем, домой поедем!

— А я первый раз испугался, когда железную арбу увидел,— откровенно сказал Темиргали.— Билет мы с отцом купили в город, а сесть побоялись. Так и уехали на конях.

— А меня насильно посадили. После восстания, когда нас разбили,— Чокан уселся на полу возле камина, стал рассказывать.— Пригнали в Кустанай. Человек двести, руки каждого цепью скованы. Кругом солдаты с ружьями. Подвели к такой большой каменной кибитке, а около нее на земле две длинные-предлинные железные оглобли лежат, на солнце поблескивают, как начищенные песком шашки. Присмотрелся я, вижу, что не на земле они лежат, а на деревянных толстых палках. Палки толстые и дегтем черным смазаны. Меня толкает в бок Адыл, мы с ним были вместе у Амангельды, и шепчет: «Ой-бой, железная дорога. Пропали мы, в Сибирь на поезде повезут». Сибирь меня не страшила, пусть везут куда хотят, а вот железная дорога напугала. «Что такое поезд?» — спрашиваю тихо. Адыл старше меня был, много по земле ходил, в разных городах жил, читать и писать умел. «Ты много телег видел?» — спрашивает он. «Видел»,— отвечаю. «Так поезд — это когда много телег, связанных между собой. И все

телеги железные,— пояснил Адыл.— Такие телеги очень тяжелые, по земле ехать не могут, провалятся. Они только по таким железинам движутся. И все поезд называется». Я слушал Адыла и удивлялся: «А кто же повезет железные арбы? Сколько коней надо!» Адыл посмотрел на меня как на маленького и сказал: «Паровоз повезет, такая первая телега с трубой. Сейчас сам увидишь». Вдруг что-то как загремит, застучит, запыхтит. «Смотрите! Смотрите! Алла! Алла!» — раздалось со всех сторон. Взглянул я и оторопел. В каменной кибитке, прямо на нас железное страшилище идет. Над чудищем труба торчит, и из нее все время дым выскакивает, густой и черный. Катится шайтанская арба на колесах, таких огромных, из сплошного железа сделанных. «Паровоз! — кричит мне в ухо Адыл.— Паровоз это!» А за чудищем кибитки железные катятся, одна за другой. Не успел я рассмотреть все, а оно вдруг как заорет трубным голосом. Будто громом ударило, в ушах сплошной звон. Присели мы со страху, слова вымолвить не можем, сердце чуть не лопается. А нас тут солдаты прикладами стали бить, поднимать с земли и к железным кибиткам погнали. Вот как было. Давно было... А теперь ничего, привык.— Чокан лихо прищелкнул языком.— Хоть куда могу на железной арбе поехать!

— Я тоже могу ехать, даже с большой охотой,— Темиргали зачерпнул ложкой кусок мяса, понюхал, попробовал: — Сварилось, батыр! Стели одеяла, готовь место для пира.

Чокан тяжело поднялся, молча протопал к кровати. Он все еще был во власти своих воспоминаний, то хмурился, то чему-то улыбался. Сгреб одеяла с кровати и, осмотрев комнату, облюбовал место в углу возле второго окна. Разостлал одеяла, посредине положил газеты, а на них — два чистых полотенца. Достал из вещевой сумки каравай ржаного хлеба, повертел его в руках. Вынул из кожаных ножен кривой нож, потом сунул обратно и стал ломать каравай крупными ломтями и складывать горкой на полотенце. Рядом с хлебом поставил щербатую тарелку с мелко нарезанным зеленым луком, жестяную банку из-под консервов с крупнозернистой солью и, развязав узелок, положил спичечный коробок с красным молотым перцем.

Чокан встал, сделал шаг назад и, чуть склонив голову набок, осмотрел место пиршества. Ему хотелось, чтобы все было так, как положено. Но под руками не имелось необходимой посуды. Чокан расставил жестяные кружки и небольшие миски, в которые можно налить бульон. А на что положить вареное мясо? Казах задумался, брови сошлись у переносицы.

Для мяса необходимо блюдо. Хотя бы одно блюдо или поднос. Но где их взять?

Чокан Мусрепов тщательно обшарил комнату, потом коридор. Заглянул в подвал. Но ничего подходящего так и не нашел. По черной лестнице прошел в прачечную. И там, в пыльной куче всевозможного хлама, обратил внимание на одну плоскую вещь. Она была довольно странной и чем-то напоминала поднос. Правда, квадратный поднос. Вещь была металлическая, из светлого ребристого железа, по краям деревянные бортики, с одной стороны имелась ручка. Чокан провел ладонью по ребристому железу и подумал: «Как хлопковое поле, изрезанное арыками». Повертел в руках загадочную вещь, пощелкал пальцем. Вроде бы ничего, может сойти за поднос.

— Смотри, Темиргали, что нашел я!

Темиргали внимательно, со всех сторон оглядел непонятный предмет, поскреб ногтем по светлому железу, поднес к носу, обнюхал.

— Мылом пахнет, чуть-чуть...

— Джахсы, хорошо! — со знанием дела изрек Чокан.— Если урусы мыли такую вещь, да еще настоящим мылом, значит, она стоящая. Мыло трудно достать, сам понимаешь, оно стоит дорого. Верно? Вот и получается, что вещь совершенно чистая и вполне нам пригодится, чтобы на нее класть еду.

— Главное, что большая,— согласился Темиргали.— Сразу все мясо положим. И края деревянные есть, жир вытекать не будет.

3

Однако устроить пиршество им не удалось. Около дома затормозили несколько крытых машин. Чокан успел только подумать, что «на таких вчера возили патроны и оружие прямо к железной арбе», как из первого автомобиля вышел Алимбей Джангильдинов, к нему присоединился незнакомый русский в солдатской шинели. Русский был высок ростом, крепок телосложением, еще молодой, светловолосый, с энергичными властными жестами. Джангильдинов вместе с русским направился к дому. Русский шел прихрамывая на левую ногу. Чокан успел заметить, что оба они чем-то озабочены, у обоих кобуры открыты и торчат рукоятки пистолетов. Как будто кругом опасность и они готовы принять бой в любую секунду.

— Темиргали, идет агай вместе с русским,— радостно произнес Чокан.— Снимай кастрюлю!

Присев на кровать, Чокан стал торопливо наматывать портянки и обувать сапоги. При постороннем человеке находиться босиком он считал неприличным. Темиргали с помощью полотенца снял горячую кастрюлю и понес к разостланным одеялам.

— Обрадуем батыра, такой вкусный обед!

Дверь распахнулась, и на пороге показался Джангильдинов. Рядом с ним незнакомый. Открытое волевое лицо сильного человека, типично-русское, слегка загорелое и обветренное, видать, долго жил не в городе, а в степи. Светлые, почти серые глаза, как сталь на изломе, смотрят прямо, и сразу не поймешь, то ли русский приветливо улыбается, то ли строго спрашивает. «С таким тяжело бороться»,— почему-то подумал Чокан, окидывая наметанным взглядом рослую, мощную фигуру русского.

Джангильдинов быстро оглядел комнату, и его лицо стало суровым. Брови сошлись у переносицы, не предвещая ничего хорошего. На губах Темиргали застыла улыбка, и погас радостный блеск в глазах Чокана. Они хорошо знали своего командира, обожали его за мудрость и мужество. Он никогда не повышал голоса до крика, однако умел говорить так, что сердце сжималось от неприязни к самому себе, к своим постыдным делам. Каждый сознавал за собой вину: ослушался, не собрал вещи, не перебрался в поезд.

— Посмотрите на них, товарищ Степан. Весь отряд сидит в вагонах, а эти два батыра валяются на одеялах, как невесты, которые без провожатых не покидают аула,— по-русски сказал Джангильдинов и прошелся по комнате.— Сматывайте одеяла, складывайте пожитки!

— Мы, агай, такой мясной навар сделали,— оправдывался Темиргали по-казахски,— настоящий шурпа-акель!

— Конину и баранину достали,— добавил Чокан, запихивая свои вещи в походную сумку.

— Да, вкусно пахнет,— сказал Колотубин, наклоняясь к кастрюле.— Хорош супчик!

— В вагоне поедим и чаем запьем,— произнес примирительно Джангильдинов.— А сейчас скорее на станцию.

— Зачем добру пропадать? — Колотубин указал на кружки и чашки.— Разольем бульончик, дадим шоферам и чекистам, пусть червячка заморят... Ну, и сами слегка закусим. Верно, командир?

— Хорошо, пусть будет так,— согласился Джангильдинов.

Темиргали вынул мясо и, обжигая пальцы, стал торопливо разрезать на куски. Чокан схватил кастрюлю, но Джангильдинов его остановил:

— Винтовка заряжена? Патронов много?

— Много, агай.

— Заряди сейчас. Полную винтовку заряди.

Чокан, недоуменно пожав плечами, быстро щелкнул затвором, заполнил магазин патронами, повернулся к Джангильдинову, как бы спрашивая взглядом: «А дальше что делать, агай?»

— Забирай вещи и скорей садись на последнюю машину. Там ящики... Очень важные ящики,— повелел Джангильдинов.— Смотри, чтобы ни один не пропал! Если что — стреляй.

Чокан взял под мышку объемистую походную сумку, второй рукой схватил винтовку и поспешил к выходу. Колотубин проводил взглядом рослого казаха с таким свирепым лицом. «Вот это образина — настоящее чудо-юдо! — невольно подумал он.— Повстречаешь ночью, испугаешься, а попадешь в лапы, не выкрутишься».

— Возьми, комиссар, съешь мяса,— Джангильдинов протянул кусок баранины.— Вот приедем на место, настоящий бешбармак сделаем... Молодой жеребенок, жирный барашек... и кумыс будет. Это наше пиво из молока кобыл... Тогда попробуешь настоящий казахский обед!..

Темиргали налил в кружку бульона и почтительно подал русскому. Но тут раздался выстрел. Джангильдинов и Колотубин переглянулись. Выхватив свои револьверы, они устремились к дверям. Темиргали, на ходу заряжая винтовку, поспешил за ними.

К последней машине, щелкая затворами, бежало несколько чекистов. В кузовах других машин сразу ощетинились штыки. Колотубин с пистолетом в руках вскочил на железную ступеньку и рывком проник внутрь фургона. Следом за ним в дверь протиснулся Джангильдинов.

— Кто стрелял? Что такое случилось?

В кузове машины они увидели странную картину. Возле переднего борта лежали два бойца без оружия, с растерянными лицами, а над ними возвышался, сверкая белками глаз, Чокан, сильными ручищами крепко прижав обоих к патронным ящикам. А рядом с ним стояли три чекиста, направив штыки на казаха, яростно повторяя:

— Отпусти, леший, кому говорят! Отпусти сейчас же, не то продырявим насквозь!

Джангильдинов что-то сказал по-казахски, и Чокан разжал руку, отпустил бойцов. Те поспешно вскочили на ноги и, косясь на Чокана, торопливо стали объяснять:

— Мы, значит, сидим, а он лезет... Страшилище такое с мешком и винтовкой... Ну, мы, значит, допустили его внутрь машины и хотели взять, чтоб без шуму... Он сначала вроде ничего, даже винтовку отдал... А потом ка-ак крутанет!.. Лютый, как тигра... Подмял нас, ни пикнуть. Только вона Сеньков успел бабахнуть для сигналу...

А Чокан тем временем рассказывал Джангильдинову, как он влез в машину и на него сразу напали.

— Что мне оставалось делать, агай? Еле управился, поборол.

Джангильдинов улыбнулся и приказал трогаться. Через несколько минут крытые машины, натужно гудя моторами, двинулись к товарной станции. Колотубин ехал в последней машине. В ее кузове недавние противники дружно беседовали, примостившись на ящиках с золотом. Бойцы учили казаха крутить «козью ножку», а тот угощал их крутом — твердыми белыми шариками, сделанными из творога и высушенными на солнце. Чокан берег крут и не прикасался к нему за все время пребывания в Москве, потому что он был дорог ему как память о родных степях.

— Ядреная штуковина,— хвалили бойцы.— Вроде сухой брынзы.

Колотубин, примостившись у борта, думал о своем. Утром только покинул госпиталь, а сколько перемен произошло в его судьбе за день: сначала у дяди Васи в Совете... потом у Свердлова... От него пошли к Ильичу, а потом в Госбанк. Полузакрыв глаза, он снова представил себя в Кремле, в кабинете Ленина. Колотубин впервые так близко видел вождя, разговаривал с ним. Степан, напрягая память, старался вспомнить каждую черточку на лице Ленина, каждое сказанное им слово. Вот Владимир Ильич расспрашивает его о заводе, угощает чаем, подвигая сахарницу с кусочками колотого рафинада, тарелку с темными сухарями... Потом он внимательно выслушивает сообщение Свердлова о помощи красному Туркестану. Дошла очередь и до Джангильдинова. Ленин задает ему вопросы, интересуется формируемыми национальными воинскими частями в казахских степях.

— Это хорошо, что вы хотите создать свою Красную Армию,— говорит Владимир Ильич и пытливым, внимательным с лукавинкой взглядом смотрит на Джангильдинова.— Скажите, сами казахи тянутся в армию?

— Два года назад, в шестнадцатом, когда царь мобилизацию делал, так степняки разбегались, прятались, никто не желал служить. А теперь все по-другому! Сами создают отряды, выбирают командиров. Всюду только и слышишь: «Давай винтовку!»

— Позвольте, позвольте, а кто же именно требует винтовку? — спрашивает Ленин.— Кто хочет идти в Красную Армию?

— Бедняки, Владимир Ильич, только бедняки. Последнего коня седлают и вооружаются — кто берданкой, старым кремневым ружьем, кто соилом, такой большой палкой... А крепкие хозяева, у которых по две, по три, по четыре сотни овец и табуны коней,— так те больше к алашординцам тянутся.

— Вот именно, вы правильно подметили: бедняки идут к нам, а богатые — к ним,— Владимир Ильич встал, прошелся по кабинету и остановился возле Свердлова.— Помните, Яков Михайлович, как эти алашординцы пытались нас уверить, что степь единая, что в степи нет классового расслоения и что при существующем укладе жизни казахского народа семена большевизма не смогут найти почву для всходов. Ошиблись, господа националисты!..

— Верно, Владимир Ильич. У нас в каждой юрте бедняка только и говорят о большевиках, о новой власти.

— Да, да, товарищи, коренные вопросы революции, как положено, решаются не с национальных, а только с классовых позиций.— И Ленин повернулся к Джангильдинову: — Это и в ваших степях видно не менее отчетливо, чем всюду.

Степан слушает и вдруг неожиданно для себя замечает, что Ильич и начальник экспедиции беседуют как знакомые. По всему видно, что они раньше встречались. «Конечно, киргиз уже несколько недель в Москве,— Колотубин всех азиатов по незнанию называл «киргизами».— Наверное, бывал у Ленина со своими делами... Все ж таки издалека прибыл». Но тут в их разговоре начинают мелькать слова: «Петроград», «Смольный», «чрезвычайный комиссар»... И Колотубин, к своему удивлению, убеждается, что они действительно знают друг друга, и кажется, давно. Словом, беседуют как добрые старые знакомые.

Сделав это открытие, Колотубин совершенно новыми глазами посмотрел на командира отряда. А тот сидел в глубоком кожаном кресле, обхватив своими коричневыми ладонями тонкий стакан, и, отпивая мелкими глотками чай, развивал идею создания казахской национальной дивизии. Владимир Ильич всячески его поддерживал. Степан с нескрываемым ин-

тересом и теперь уже с открытым уважением слушал и смотрел на слегка скуластого смуглого азиата. Оказывается, тот еще с первых дней революции знал Ленина. И Степану сразу стало как-то легко на душе. Нет, не случайно, видно, назначили этого тихого и вроде бы замкнутого на первый взгляд человека командиром такого важного отряда, не случайно доверяют такой важный груз...

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Алимбей, или, как его в детстве называли, Алике, сын Токжана Джангильдинова, родился в бедной юрте, на краю селения Кайда-аула. Род Каз, к которому принадлежал Алимбей, был одной из сильных ветвей казахского племени кипчаков, степняков-скотоводов. Род имел сложную и запутанную генеалогию, разобраться в ней могли только седобородые старики, в памяти которых хранились имена и даты, и кто на ком женился, и откуда невесту привез, и куда дочь отдал.

Что Алике помнит о своем детстве? Холодные длинные зимы, когда ветер наметал вокруг сугробы. В тесной мазанке возле камелька сидят его родные. Все едят постную похлебку или каургу — жареную пшеницу да слушают длинные рассказы дяди Токбая. В памяти Токбая сохранилось много сказок и народных преданий. Поджав под себя короткие ноги, слегка облокотившись на тугую подушку, он мог часами вести захватывающее повествование. Алике смотрел на мигание огней в камельке, на жаркие угли очага и боялся пошевелиться и проронить хоть одно слово. Дядя постепенно увлекался, и голос его приобретал необычную звонкость, слова произносил он слегка нараспев, отчего еще доходчивее становился смысл красочного рассказа.

Особенно любил слушать Алике о подвигах Асан-Кайги, который хотел для всех людей найти счастье. Мальчик близко к сердцу принимал все перипетии борьбы сказочного героя, ибо где-то в душе верил, что Асан-Кайги беспокоится обо всех бедных людях, в том числе и о нем, об Алике, маленьком пастушонке.

А потом дни становились длиннее и теплее, солнце поднималось выше и прилетал жансылык — теплый и благодатный весенний ветер. Снежные сугробы делались пористыми и хрупкими, они оседали до самой земли, появлялись проталины,

на которых зеленели первые робкие ростки травы. Все просыпалось, тянулось навстречу солнцу, каждая травинка и стебелек пели о жизни, и нежный утренний ветерок перебирал их ласково, словно материнские пальцы шелковистые косы дочери. То там, то здесь вспыхивали огненные желтые лепестки степных тюльпанов, поднимались на высоких стеблях алые бутоны маков, их было так много, что, когда раскрывались бутоны, степь становилась похожей на огромный праздничный ковер.

Теплые весенние дни действительно были радостными и праздничными для большинства детей Кайда-аула. С утра до позднего вечера не затихал их гомон на зеленых лужайках, играли в веселые игры: в ак-сеук — белую кость, или в буракотан — верблюжий загон, или, захваченные азартом, мальчишки сражались в кости, в бабки, где нужны и точный глаз, и сноровка.

Но Алике Джангильдинов только с завистью смотрел на своих резвившихся сверстников, ибо вынужден был уже зарабатывать сам себе на хлеб, пасти чужих овец. Он так и не научился как следует играть в кости, хотя в кармане носил свои асыки. Овцы только на вид смирные, а как выберутся в степь да почувствуют, что с ними пастух-малолеток, так и норовят показать свой норов и прыткость. К концу длинного дня, намаявшись и обессилев, гнал к аулу сытое стадо, а сам еле передвигал одеревеневшими ногами. Тут уж не до веселых игр, не до песен. Только бы скорее добраться до своей хижины, смыть с лица соленый пот да плюхнуться на войлочную кошму...

Наступал день, когда весь аул снимался с места и перекочевывал на летнее пастбище — на джайляу. Местом летовки было урочище возле тихого и по-своему красивого степного озера, которое лежало продолговатым блюдом среди невысоких лобастых холмов.

Из озера, на северной стороне, вытекала речка. Тихо журча по отполированным до глади камешкам, ее вода уходила куда-то в бескрайнюю даль степи. Высокие обрывистые берега сжимали речку, образуя глубокое ущелье, словно прорубленное в скале сказочным великаном одним ударом гигантского меча. Здесь всегда, даже в самые знойные летние дни, сумрачно и прохладно. Солнечные лучи только в полдень, да и то на короткое время заглядывали на самое дно ущелья.

Алике любил забираться сюда, в глухое место, сидеть на камне, свесив ноги в прохладную прозрачную воду, слушать ее бесконечный глуховатый, торопливый говор и мечтать,

Ему хотелось быть, как сказочный Асан-Кайгы, сильным и смелым и найти счастливую землю...

Жизнь на джайляу текла однообразно и размеренно. Алике бродил с отарой овец по лощине, травы было много, нежной и сочной, сытые животные не спеша топтали острыми копытами зеленый покров. И ему было не так уж тяжело бродить длинными днями, от зари до зари, по пастбищу. К тому же в лощинах можно нарвать вдоволь зеленого лука, который служил единственной приправой к мясной похлебке и лапше. Во второй половине мая дикий лук уже вызревал. Его зеленые перья торчали на пол-аршина от земли, а луковицы становились с доброе куриное яйцо. Алике знал от старых пастухов: самый вкусный лук бывает тот, у которого перья начали темнеть на острых концах и на тонких стрелках обозначились сизоватые бутоны.

Бывало, вырвет Алике такой лук, очистит от верхней кожуры и без соли, без хлеба уплетает за обе щеки. Каким вкусным, каким сладким он тогда казался пастушонку, не знавшему ни про сахар, ни про иные сладости!

Год проходил за годом, Алике превратился в расторопного, крепкого подростка с живыми, любознательными глазами, которые все чаще и чаще задумчиво смотрели в даль степи. Старая мечта найти землю, где люди живут счастливо, окрепла в нем. Ему теперь хотелось также обрести знания, научиться читать книги и писать на бумаге.

2

Он ушел из аула в тот год, когда в майские дни на летовке погибла верблюдица. Весна тогда была ранней и долгой, над урочищем часто двигались густые и тяжелые, как серая войлочная кошма, тучи и ночами поливали землю благодатным дождем. Трава выдалась густой и высокой, и старики предсказывали доброе, щедрое лето.

У бая Рахимбека, у которого Алике пас овец, имелось много скота. Табуны коней, тысячи овец и полторы сотни верблюдов. Алике с детства знал, что верблюд — самое смирное и неприхотливое животное, самое терпеливое и покорное. Еще совсем маленьким мальчиком Алике любил ездить на верблюдах, и животные охотно выполняли его приказы, опускались на землю, поджав ноги, давая возможность влезть на спину. Особенно часто катался он на спине рыжей двугорбой верблюдицы, которую звали Каракузы, покладистой и

добродушной. У нее были большие, как гусиные яйца, влажные и разумные глаза, и Алике казалось, что верблюдица все понимает, каждое его слово. Он часто говорил ей хорошие слова, гладил ладонью по шее.

Весной у верблюдицы Каракузы появился детеныш, неуклюжий верблюжонок, как две капли воды похожий на свою мать. Он был неповоротливый и несмышленый, длинные, тонкие, неокрепшие ноги с трудом несли его по земле. Он поминутно тыкался носом в брюхо матери, искал своими большими губами соски. Верблюдица, как заботливая мать, нежила его и ласкала, облизывая шершавым языком нежную шерстку.

В один из дней после переезда на джайляу случилось несчастье. Верблюжонок бежал за матерью и попал ногой в чью-то нору. Он упал на землю, упал неловко и сломал ногу. Старший пастух поскакал к баю Рахимбеку, а тот приказал прирезать верблюжонка. Мать угнали в степь вместе со стадом.

Вечером возле белой юрты бая в котлах сварили молодую верблюжатину, и гости наперебой хвалили сочное мясо.

На следующий день, едва занялся рассвет, над степными просторами раздался громкий зовущий крик верблюдицы. Каракузы звала своего детеныша. Но он не отзывался, не приходил на зов. Встревоженная его отсутствием, верблюдица начала рыскать по всему стаду, пристально вглядываясь в других верблюжат, обнюхивая их, осматривая со всех сторон. Она никак не хотела поверить, что детеныш пропал навсегда. Верблюдица закидывала голову вверх и протяжным гортанным криком, полным тоски, оглашала урочище.

— Аллах знает, что и тварь бездушная любит своего ребенка,— говорили пастухи.— Прямо по-человечески плачет.

— Через день-другой угомонится,— утверждали старики.

Но Каракузы не угомонилась. Ни через день, ни через неделю. Она перестала есть, не притрагивалась даже к самой сочной траве, которую ей специально подносили, не пила воды. С утра и до позднего вечера бродила по стаду и кричала на всю степь. В ее крике была такая безысходная тоска и такое человеческое горе, что даже видавшие виды аксакалы молча кряхтели и отводили глаза в сторону. А у молодых пастухов мурашки бегали по спине и жалость сжимала сердце.

Верблюдица осунулась, похудела. Бока опали, и под кожей явственно обозначились широкие кости ребер. Шерсть местами облезла и висела клочьями. А в больших, как гусиные яйца, влажных глазах стояли слезы.

— Зарезать,— повелел Рахимбек.

Впрочем, другого выхода не было.

Два пастуха вскочили на коней, взяли в руки длинные палки с плетеными сыромятными ремнями на концах и поскакали к стаду. Зажали верблюдицу с двух сторон, накинули на шею ремни и погнали.

Сначала Каракузы бежала спокойно, в тоске ей было все равно, куда направляться. Она только по-прежнему вытягивала шею, вскидывала голову и издавала хриплый протяжный зов.

Но немного погодя, разобравшись и поняв, что ее отделяют от стада, что ее гонят куда-то в низину урочища, Каракузы вдруг почуяла недоброе. Она отчаянно рванулась в сторону, намереваясь одним махом вырваться и убежать. Но не тут-то было. Ремни больно захлестнули шею, а плетки пастухов стали хлестать, требуя повиновения.

С диким упорством и остервенением верблюдица металась из стороны в сторону, рвалась, петляла, кружила на месте. Она во что бы то ни стало хотела вырваться и возвратиться в стадо. Пастухи тоже стали показывать свой характер и хлестали плетками нещадно.

Каракузы долго не желала подчиниться. Она сама устала, измучилась, устали и измучились пастухи, и выбились из сил их лошади. Казалось, наступил переломный момент, когда несчастное животное покорно подчинилось воле людей. Верблюдица даже сделала несколько шагов, тяжело поводя ребристыми боками. И вдруг — упала.

Легла, поджала под себя ноги, уставившись тупым взглядом прямо перед собой. Никакие уговоры и никакие удары не могли ее поднять или сдвинуть с места. Тогда уже потеряли всякое терпение сами пастухи. Они начали тыкать палками, бить по самым чувствительным местам. Верблюдица опустила голову, смотрела печально и жалобно своими большими разумными глазами и грызла крупными желтыми зубами траву вместе с корнями и землей.

Так продолжалось несколько минут. Наконец, один из ударов вызвал страшную боль. И она не вытерпела. Дико взревев, верблюдица рывком вскочила на ноги и рванула в сторону. Она изловчилась, и ей удалось схватить зубами пастушью длинную палку, которой ее тыкали и били по бокам. С хрустом перекусила она палку, и пастух остался безоружным. Пастухи оторопели и осадили коней. Каракузы немедленно воспользовалась этим замешательством и очутилась на свободе. Она, не теряя времени, пустилась бежать.

Верблюдица мчалась быстрой иноходью, оглашая степь трубным тоскливым ревом, словно оплакивала безвременно погибшего детеныша, всю свою горькую жизнь и предчувствовала близкий смертный час.

Алике Джангильдинов издали наблюдал за ней, и сердце подростка болело от горя. Ему было жаль верблюдицу, но он ничем не мог ей помочь. Белобородые аксакалы порой рассказывали удивительные и, как казалось, неправдоподобные истории о верблюдах, особенно о верблюдицах. Они очень чуткие существа, прямо по-человечески скучают по детенышам, тоскуют по родным местам и плачут крупными слезами. Верблюды хорошо знают своего хозяина и даже понимают звуки музыки. Теперь Алике все сам видел своими глазами.

Верблюдица, неустанно ревя, мчалась в лощину. Пробежала заливной луг и, быстро перебирая длинными ногами, ветром взлетела по пологому склону холма. Пастухи, хлестая коней, помчались следом, надеясь заарканить строптивое животное там на вершине, где начинался крутой обрыв к реке. Но вот на самой макушке мелькнуло темно-бурое пятно и... исчезло.

Степняки несколько минут ошалело смотрели туда, словно не веря происшедшему, потом погнали лошадей в объезд. Алике тоже припустился следом за ними.

Пастухи объехали холм и спустились в расположенное за ним сумрачное прохладное ущелье, дно которого было усеяно крупными и мелкими камнями, и увидели у самой воды верблюдицу. Каракузы лежала с переломанными длинными ногами и разбитой грудью. Правая задняя нога, неестественно откинутая в сторону, чуть вздрагивала. Верблюдица, вытянув длинную шею, прижалась головой к холодным серым камням... Она молча истекала кровью. Камни окрасились в темно-малиновый цвет...

Пастухи соскочили с лошадей, торопливо вытащили ножи, чтобы скорей избавить верблюдицу от мучений.

Алимбей Джангильдинов, закрыв лицо руками, стоял потрясенный...

3

В то же лето Алимбей покинул родные края. Собраться в дальний путь помогли соседи и родственники. Одни принесли стоптанные, но еще довольно крепкие самодельные остроносые сапоги, другие — старый малахай, отороченную мехом

шапку, третьи сунули круги казы, конской колбасы, и завернутые в тряпки белые крепкие шарики крута. Каждый говорил на прощание доброе слово и сокрушенно качал головой. Ребята же сновали вокруг, поглядывая на счастливчика завистливыми глазами. Еще бы не завидовать, когда никто из них дальше ближайших аулов и ярмарки не выезжал. А тут такая далекая поездка!

Дядя Токбай помог уложить скудные пожитки Алимбея на повозку, похлопал гнедого коня по сильной и гладкой шее. Осмотрел упряжку, все ли ремни стянуты крепко. Путь предстоял немалый.

— Аллах тебя спасет, сын мой,— мать быстро обняла и стала целовать сына в лицо, в глаза, в голову и сквозь слезы, которые навертывались сами, просила быть умным и послушным, вытерпеть все трудности и научиться разным мудрым наукам.

Отец, порывшись в карманах, вынул заветные два рубля, которые были заработаны тяжелым трудом и которые берег на черный день, и молча сунул их сыну за пазуху.

— Бисмилля,— медленно произнес дядя начальные слова молитвы.

— Бисмилля,— повторил отец и провел заскорузлыми ладонями по хмурому лицу и черной густой бородке.

— Бисмилля,— повторили соседи и соседки, как бы благословляя Алимбея на трудное и нужное аллаху дело.

Дядя Токбай сел на повозку и хлестнул коня...

Алимбей сидел спиной к лошади и, помахивая прощально рукой, смотрел на мать и отца, на родную юрту, укрытую серыми прокопченными старыми кошмами, на удаляющийся и уменьшающийся аул, который уходил куда-то вдаль за пологий скат холмистой степи, пока совсем не исчез.

На душе у Алике было странное смешение чувств, радость и грусть, переплетаясь между собой, попеременно брали верх в сердце подростка. Ему было грустно и больно расставаться с родителями, покидать родной аул, однако настоящая грусть, с бессонными ночами, острой тоской по этим степным краям, от которой будет надсадно щемить сердце, еще ждут его впереди. Именно тогда в живых и темных глазах Алике навсегда поселятся задумчивость и мудрая печаль. А сейчас сверкающие на ресницах слезы были похожи на утреннюю росу, что высыхает с первыми лучами солнца.

И когда верх брала радость, да еще смешанная с мальчишески острым чувством гордости, то Алике весь наполнялся сказочной верой в свою счастливую звезду. Во всем теле

появлялась такая легкость, словно у него за плечами выросли крылья и он не едет на повозке, а парит над бескрайними степными просторами. Такой чистой радости, радости исполняющейся, наконец, мечты, радости таинственной и светлой, как вымытое дождями розовое небо в час рассвета, полной ожидания и надежд, Алимбей больше никогда не испытает, хотя главные радости человека еще ждали его впереди.

Зеленая, но уже поблекшая, однако еще полная нерастраченных весенних сил казахская степь окружала со всех сторон их повозку, запряженную одним конем, дурманила сладковатым запахом чебреца и шелковистого ковыля, обдувала ветерком, настоенным на душистых полевых цветах и травах, провожала трелью жаворонков, что парили где-то высоко над головой, и смотрела задумчивыми глазами пугливых сусликов, вылезших из своих темных нор и застывших на задних лапках, словно маленькие человечки.

Алимбей повернулся к дяде, сел рядом с ним на охапку сена. Захваченный радостными чувствами, он почти не смотрел на однообразные просторы, только видел перед собой жилистые, крепкие ноги коня, что везли его из знакомого прошлого в неизвестное будущее. Он не смотрел в степь, ибо она его не занимала, подобно привычной и необходимой вещи, с которой настолько свыкся, что ее уже не замечаешь. Однако эти бесконечные часы езды по степи от аула к аулу на старенькой повозке Алимбей будет часто вспоминать, как прощание с родиной, и долгие годы учения бережно сохранять в своих книгах, между страницами, высушенные степные травы, в горькие минуты тоски жадно смотреть на них, нюхать, различая уже еле уловимый запах, и мысленно видеть перед собой эту бескрайнюю привольную степь.

А где-то позади, отсюда давно уже не различишь, стоял у дороги задумчивый пастух Токжан и в думах своих все еще прощался с сыном, говорил напутственные слова. Тяжело расставаться, но надо смотреть и в будущее. Хлопоты Токжана, который всеми силами своими очень жаждал выучить сына, дать ему возможность познать мудрость книг и постичь разные нужные науки, увенчались успехом. Мир не без добрых людей: помогли дальние богатые родственники и их близкие знакомые. Можно было бы открыто радоваться, что, наконец, счастье привалило в убогую юрту бедняка. Государственная казна брала на себя все расходы по обучению сына пастуха. Однако радость была все же не совсем полной. Даже наоборот, находились злые языки, которые обвиняли рассудительного Токжана в поспешности, и в корысти, и в пренебрежении

дедовскими законами, простыми и суровыми обычаями казахских степей. Были и такие, которые за спиной нашептывали плохие слова и показывали на Токжана пальцем, как на человека, совершившего богохульное дело, нарушившего заповеди шариата и тем самым осквернившего доброе имя правоверного мусульманина.

Все эти глупые и обидные разговоры велись по той простой причине, что у пастуха Токжана не имелось достаточно средств, как у баев, чтобы платить за обучение сына в медресе, и он согласился отдать его в Кустанай в русскую школу.

4

Десять раз зима одевала степи в белый пушистый халат, и десять раз весенние теплые ветры снимали холодные одежды, превращая их в ручьи, водою которых насыщалась земля, чтобы ткать зеленый ковер жизни. И все эти годы сын пастуха Токжана, рожденный в дырявой войлочной юрте, учился в далеком русском городе. Пальцы его, привыкшие сжимать палку пастуха, цепко хватавшиеся за густую гриву послушной верблюдицы, научились перелистывать страницы книг и выводить тонкие, стройные буквы железным острым пером на листах тетради. Робость, которая сидела в его теле, вернее, она появилась, когда мальчика привезли в шумный город и он увидел много разных диковин, постепенно улетучилась, исчезали грубые манеры степняка. Алимбей быстро «обтерся и обтесался», привык ходить в зашнурованных башмаках, носить форменную куртку и фуражку с лакированным козырьком, весьма похожую на фуражку уездного сборщика налогов.

Смышленый пастушонок преуспевал в учении, на него обратили внимание. Крестили, нарекли христианским именем и послали дальше учиться в Москву. И со временем он стал студентом духовной академии.

Судьба уготавливала сыну пастуха довольно сносную жизнь человека, который обязан стать промежуточным звеном между колониальным чиновничьим аппаратом и местным населением. Православное духовенство стремилось укреплять свое влияние на бескрайних просторах, недавно присоединенных к Российской империи. Оно старалось перенять опыт своих европейских коллег, которые в африканских дебрях и азиатских просторах набирали подростков и воспитывали их, готовили из них проповедников. Своим всегда лучше верят.

То были бурные годы начала нового, двадцатого столетия. И за толстые стены духовного заведения проникали живительные лучи могучих идей. Будущие проповедники тайно читали запрещенную литературу. Прятали среди толстых, пахнущих ладаном фолиантов огненные книги Максима Горького.

Одна из запрещенных книжек попала в руки Алимбея Джангильдинова, как попадает зерно на прогретую солнцем распаханную землю. Он стал задумываться над многим. В жизни все значительно сложнее, чем в церковных схоластических книгах, и на многие важные вопросы, в том числе и о смысле жизни, до сих пор нет вразумительного ответа. Кто расскажет, зачем мы живем на земле? Кто пояснит, так ли мы живем на земле? Являемся ли мы свободными людьми и могучими властелинами или подневольными рабами самих себя и себе подобных?

Шло время. Молодые умы искали ответа на важные вопросы бытия. Установили связь с революционным рабочим кружком. Сын пастуха чаще других бывал на тайных сходках.

А потом бессонные ночи над листками, отпечатанными в неизвестных типографиях и на гектографе.

Крамолу обнаружили, и Алимбей Джангильдинов был позорно изгнан из академии.

Деньги, израсходованные на его воспитание государственной казной, чиновники, со своей точки зрения, считали пущенными на ветер. Выйдя из-под надзора духовных пастырей, Алимбей Джангильдинов сразу же попал под негласную опеку полиции. А у полиции свои методы «воспитания», там без обиняков предложили «во избежание нежелательных последствий» покинуть город.

На раздумье у Алимбея не оставалось ни времени, ни средств. Перед ним встал тот извечный вопрос, который всегда возникает в самом начале самостоятельной жизни перед каждым человеком: что делать?

Конечно, самым легким вариантом решения такой осложненной задачи было бы возвращение в родные степи. Должность писаря в каком-нибудь отдаленном уезде ему была обеспечена. Можно пойти, наконец, учительствовать, обучать грамоте байских сынков. Или вообще махнуть на все рукой и податься в родной аул, крепкие молодые руки пригодятся в любом хозяйстве.

А как же тогда быть с давней мечтой? Кто же найдет счастливую обетованную землю?

Жизнь далеко не похожа на сказку. Там выдуманному Асан-Кайгы легко удавалось всего достичь; он ни разу не имел встреч с полицией. Однако давняя мечта получила новую окраску и смысл, она, как заводная пружина часов, заставляла воображение двигаться по определенному направлению. В скромном и слегка застенчивом казахе пробуждался бунтарь. Мир необъятен, а он, Алимбей, знает так мало! Перед глазами вставал знаменитый русский писатель Максим Горький, прошедший пешком почти всю Русь. Перед глазами вставали старики мусульмане, ходившие на поклонение в Мекку.

А чем он хуже их? Таинственные земли, о которых читал, древние народы, чья история его волновала, далекие страны, одни названия которых звучали как музыка, влекли к себе, звали в дорогу.

И Алимбей Джангильдинов пошел. Пошел без гроша в кармане. Отправился пешком в далекое и многолетнее паломничество по городам и весям, по странам и континентам.

Земля не так уж велика, если по ней все время двигаться вперед. От деревни к деревне. Где пешком, где добрые люди подвозили. На подводе, на площадке товарного вагона, на рыбачьем баркасе. За спиною остался веселый и шумный Кавказ, не спеша Алимбей пересек Ближний Восток, шагал по пыльным дорогам Персии, удивлялся богатству и нищете Индии, обошел Цейлон, плыл на утлом суденышке по широким и бурным рекам Индокитая. Ради познания «заглянул» в Японию, бродил по дорогам Китая. Ехал, а где и вышагивал по караванным тропам Аравии, сделал «крюк» в Европу. И все без копейки денег. Жил случайными заработками, выступал с лекциями и рассказами о своем хождении и попутно продавал любопытным свои фотографии, где он был изображен в широкополой кавказской войлочной шляпе.

5

Это было еще до мировой войны. В одном из портовых кабачков Марселя Алимбей случайно услышал разговор двух русских эмигрантов. Они говорили о Ленине, говорили по-русски о том, что сейчас выше его нет никого в партии. Джангильдинов обрадовался. Имя Ленин ему было знакомо. Это был автор запрещенной брошюры, которую он тайно читал и которая зажгла его, заставив по-настоящему задуматься о жизни. Джангильдинов сразу вступил в разговор, но

эмигранты тут же ушли, приняв его за тайного царского агента.

Джангильдинов пять дней ходил в кафе. У него была одна-единственная цель — обязательно встретиться с людьми, знающими человека, имя которого часто произносили с восторгом на тайных сходках. Лишь на шестой день он встретил случайно на улице одного из эмигрантов.

И вот они сидят в кафе. Обычный мраморный круглый столик, легкая еда, в чашечках стынет черный кофе. А напротив Джангильдинова сидит и ласково смотрит, улыбается обыкновенный русский человек, товарищ Владимир (так он назвал себя) и рассказывает Алимбею о Ленине. Имя Ленина многое говорило недавнему участнику московских марксистских кружков, бывшему студенту духовной академии, исключенному за революционную деятельность.

Алимбей поведал о своих поисках.

— А дальше что? Отправился ногами мерять землю. Посмотреть на мир...

Владимира интересовало буквально все. Он жадно расспрашивал его о том, как живут скотоводы-кочевники в Тургайской степи, и о голодающих индусах, о паломниках в Мекке и китайских рикшах, о настроениях студентов Московской духовной академии и трудолюбивых феллахах долины Нила, о японских рыбаках и грузчиках Александрийского порта. Своими наводящими вопросами и искренней заинтересованностью помогал высказаться. Молодой Джангильдинов, за плечами которого были тысячи километров пройденных дорог, тысячи встреч с совершенно разными людьми, вдруг почувствовал себя в плену душевного обаяния этого внимательного человека.

Потом Алимбей не раз силился вспомнить до мельчайших подробностей тот первый разговор с Владимиром за мраморным столиком в скромном кафе, однако восстановить в памяти многие детали было невозможно, ибо долго они вели беседу и затрагивали слишком обширный круг тем, но главное, пришел Алимбей на встречу взволнованным и доверительно тревожным, а ушел восторженно увлеченным.

Крепко запомнились напутственные слова Владимира.

— Вам надо вернуться, обязательно вернуться в родные степи,— сказал тогда на прощание революционер,— к своим соотечественникам. Рассказать о том, что видели, разоблачать несправедливость и произвол, царящие в мире. Именно там вы принесете больше всего пользы нашему революционному делу.

Джангильдинов впервые посмотрел по-иному на свое хождение по странам и землям. Оно вдруг приобрело новый смысл.

Товарищ Владимир выразил вслух то, о чем часто задумывался Алимбей, но не решался окончательно принять решение. Домой тянуло. Бродяжничество надоело. Хотелось быть полезным, нужным.

Джангильдинов хорошо знал своих соотечественников, степенных и трудолюбивых, замкнувшихся в кругу повседневных однообразных забот, и представлял себе, как они воспримут его рассказы о чужих землях, о других странах. Найдутся и такие, которые будут с ухмылкой недоверия слушать правдивое повествование, многозначительно покачивать головой, щурить глаза, как бы говоря: «Чего-чего, а плести небылицы научился на чужбине. Складно и ловко языком крутишь!»

Но как их заставить поверить, чем убедить?

Показать обыкновенную карту и на ней вычертить маршрут, пройденный за эти годы? Но многие степняки никогда не видели обыкновенной географической карты и будут пялить на нее глаза да удивленно пожимать плечами.

Привезти книги? Читать некому, грамотных раз-два и обчелся, и те умеют в основном разобраться лишь в арабской вязи.

Набрать открыток и фотографий? Конечно, это вроде подходит. Каждый увидит сам. И Алимбей тут же представил, как по кругу, по рукам пойдут открытки и фотографии, как их будут потирать пальцами, пробовать на зуб, потом не отдавать и выпрашивать или просто брать, повторяя: «Такую чепуху не подаришь родственнику».

И в минуту раздумья, совершенно неожиданно Джангильдинов вспомнил о чуде нового века, о кинематографе. Купить киноаппарат, самый дешевый, самый маленький. Соорудить из белой материи экран. Это тебе не открытка с ладонь, а сразу большой квадрат, на который можно смотреть сразу всем аулом.

Идея Джангильдинова была поддержана Владимиром. Большевики помогли Алимбею приобрести подержанный переносный киноаппарат, который приводился в движение от ручного динамо. Снабдили кинопленками с видовыми фильмами и необходимыми документами.

И Джангильдинов заспешил на родину.

Обратный путь всегда длиннее. Воображение быстро уносило его вперед, в родные края. И он уже был мысленно в

Тургайской степи, а поезд едва только подходил к границе России.

В один из летних дней 1914 года Алимбей прибыл в Тургайские степи и на попутной подводе добрался до родного Кайда-аула. А уже оттуда аульчане помогли проехать на джейляу, довезли и поклажу.

Алимбей жадно смотрел на выгоревшие под солнцем и до боли знакомые степные просторы, узнавал холмы и лощины, по которым мальчишкой бродил с отарой овец. Ничего не изменилось за эти годы.

Все так же, раскинувшись крыльями ласточки, стояли юрты на берегу озера. Юрт стало немного больше, только не светлых, а темных, бедняцких. Правда, на отдельных прокопченных серых шатрах у входа был прикреплен кусок светлой, с узором кошмы. Алимбей невольно с грустью улыбнулся такому внешнему признаку достатка, желанию земляков казаться побогаче, выбиться в первый ряд; сейчас пока дверь белая, а скоро, возможно, и вся юрта белой станет...

Так же прозрачна чистая вода в озере, так же монотонно журчит речка, вытекающая из него, и те же отвесные высокие берега. Алимбей невольно вспомнил гибель верблюдицы Каракузы, вспомнил так явственно, словно это произошло не много лет назад, а лишь вчера...

Алимбей присел на камень и, как в детстве, опустил ладони в холодные звенящие струйки воды. Почему-то пришли в голову строчки стихотворения:

Дни катятся, как вода в реке.
Не упусти судьбу, она в твоей руке...

Тесная, прокопченная юрта пастуха Токжана никогда не знавала столько гостей. Сошлись аксакалы всего аула и отцы семейств. Вокруг юрты толпились парни, девушки, многие из которых и вовсе не знали Алимбея, а босоногая мелюзга с любопытством смотрела на приезжего странного незнакомца, как на человека из легенды, о котором иногда говорили взрослые.

Старый пастух Токжан на радостях заколол барана. Растроганный отец и взволнованный дядя не знали, куда посадить Алимбея, чем угостить. Они, честно говоря, уже и ждать-то его перестали, думали, что сгинул где-нибудь на дороге в далекой стране...

— Слава аллаху, и в нашу юрту пришла радость.

Алимбей охотно рассказывал о своих странствиях. Аксакалы почтительно слушали, молча поглаживая белые боро-

ды, но соглашались с трудом. Слишком уж странные вещи говорил этот сын пастуха. Кто-то прозрачно намекнул, что, мол, и в соседнем ауле появился такой речистый говорун, плетет байки-небылицы о своих похождениях, а сам нигде и не был, сидел все годы в Омской тюрьме за конокрадство...

Старый Токжан невольно сжал свои костистые кулаки, готовый ринуться на обидчиков, дядя тоже грозно засверкал глазами. Только оставался невозмутимым сам Алимбей. Он чему-то улыбался, не обращая внимания на злые слова, словно и не о нем речь вели. Потом, когда наступил вечер и было выпито много кумыса и опустели подносы с мясом, вдруг сказал:

— Целый день я вам рассказывал о своих странствиях. А сейчас покажу.

Смотреть «чудо» сбежались все жители аула, даже замужние женщины и старухи. Алимбей прикрепил к стене юрты кусок белого полотна, вынул из своего деревянного сундучка диковинный аппарат, установил его, прикрепил к нему два железных круга, вставил какую-то тонкую ленту. Потом вынес из юрты еще один аппарат и соединил с первым железными веревками, обмотанными тряпками, приладил колесико с ручкой. Вокруг толпились любопытные. Джангильдинов всем предложил сесть на траву и смотреть на белую материю.

Аульчане стали шумно усаживаться на вытоптанную траву. Старикам разостлали кошмы. Женщины толпились в стороне.

— Иди-ка сюда,— Алимбей подозвал молодого парня с черными усиками.— Как тебя зовут?

— Темиргали,— быстро ответил тот,— сын пастуха Жунуса.

— Хочешь мне помочь немного?

— Я ничего не умею, агай...

— Не робей, Темиргали. Видишь эту ручку на колесе? Возьмись за нее и ровно крути, как на ручной мельнице, когда пшеницу в муку перетираешь.

На Темиргали с завистью смотрели аульские парни. Тот, сжав цепкими пальцами деревянную ручку, волнуясь и тяжело дыша, стал исступленно крутить колесо.

В диковинном аппарате что-то застрекотало, и оттуда выскочил, словно луч солнца меж туч, сноп света и высветил повешенное на стенку юрты полотно. Аульчане притихли, а в следующую секунду ахнули: на материи появились высоченные дома с многими рядами окон, улицы, похожие на ущелья,

и люди. Люди двигались... Махали руками, разговаривали... Потом проехал экипаж, сытые лошади красиво выгибали шеи и перебирали стройными тонкими ногами. Степняки были поражены:

— Алла! — старики бормотали молитвы.— Что делается на свете!

— Смотри, какие хорошие кони! — понимающе цокали языками пастухи.— Оказывается, не только в нашей степи скакуны водятся.

А на куске полотна одни картины сменялись другими. Алимбей давал пояснения, и выходило, что все то, о чем он рассказывал днем, сегодня вечером кайдааульцы увидели своими глазами. По широкой реке, разрезая волны, двигался огромный колесный пароход. Снова улицы, заполненные толпами людей.

Перед глазами степняков выросли минареты Стамбула и залитые солнцем восточные базары, причудливые китайские храмы, огромные каменные индийские идолы и толпы людей, которые молились. Диковинные тропические леса и горы. Жалкие лачуги крестьян. Полуголые изможденные дети, согбенные голодные индусы. Крошечные рисовые поля и худые, с выпирающими ребрами фигуры китайских крестьян, которые, стоя по колено в воде, обрабатывали посевы. А вот и их хозяин, бай. Он ехал на легкой коляске. Только вместо лошади, схватив тонкие оглобли руками, коляску вез человек...

— О, алла! — удивленно зашептали степняки.— Разве можно ездить на человеке?

— Бедный человек всюду живет плохо,— заключил Алимбей.— А разве на вашей шее не ездят баи?

Так пояснения Джангильдинова к видовым фильмам превращались в изобличение несправедливости и произвола, царящих в мире.

На следующий день смотреть «живые картины» и «чудеса» съехались степняки из ближайших становий.

Потом началось кочевье Джангильдинова с его необыкновенной лампой по степи. От урочища к урочищу, от аула к аулу.

Молва о «живых картинах», словно крылатый конь, промчалась по бескрайным просторам, достигла отдаленных аулов. Просветительской деятельностью Джангильдинова заинтересовались и в уездной полиции. Там быстро вспомнили, что Джангильдинов изгнан из духовной академии за революционную крамолу. Пристав конфисковал аппарат и всю кинопленку. Но самому Алимбею все же удалось скрыться.

6

А через два года, в 1916 году, когда степь охватило пламя стихийного восстания, Алимбей Джангильдинов снова был в родных краях и вместе с батыром Амангельды встал во главе народной армии. Отряды повстанцев, вооруженные самодельными самопалами и охотничьими ружьями, пиками и палками, пошли на штурм Тургая. Город взять не удалось. Прибыли карательные полки. И запылали казахские аулы.

Каратели бесчинствовали и весной 1917 года, когда уже не было царя и у власти стояло Временное правительство. Джангильдинов направился в столицу и там как представитель Степного края выступал на совместном заседании членов Государственной думы и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Он рассказал, что в казахских степях карательные полки свергнутого Николая II творят кровавую расправу над тысячами невинных, предают огню степные аулы...

Большевики потребовали немедленно отозвать карательную экспедицию, и Временное правительство вынуждено было издать соответствующий приказ.

В революционном Петрограде Джангильдинов встретился с Лениным. Он был уже не просто странствующим искателем правды, а членом большевистской партии, в которую вступил еще в 1915 году.

Через несколько недель после Октябрьского переворота Алимбея вызвали в Смольный.

С ним встретился Свердлов и, нарисовав картину общего положения в стране, сказал о возможности назначения его, Джангильдинова, чрезвычайным комиссаром Тургайской области.

— Меня?!.. Комиссаром всей Тургайской степи? — Джангильдинов посмотрел на Якова Михайловича так, словно тот пошутил... или, в крайнем случае, ошибся, принял Алимбея за кого-то другого.

Но за толстыми стеклами пенсне глаза Свердлова были серьезными и в тоне голоса не сквозил даже легкий намек на шутку. Он открыл папку, лежавшую на столе, быстро полистал сухими тонкими пальцами бумаги, нашел нужный лист, остановился на нем взглядом и утвердительно закивал:

— Послезавтра, жду здесь ровно в десять. Вероятно, вас примет Владимир Ильич. Он хотел с вами побеседовать.

Джангильдинов вышел из Смольного, не чувствуя земли

под ногами. Ему было жарко. Холодный, пронзительный ветер, дувший с Балтики, не остужал и не успокаивал. Комиссар всей степи...

Он, которого еще недавно преследовали полицейские, выдворяли из родных мест, теперь станет представителем высшей власти...

Алимбей невольно вспомнил тургайского губернатора — лощеного генерала Эверсмана, которого видел лишь издали: мундир, золотые погоны, ордена, на руках белые перчатки...

Алимбей вспомнил и оренбургского губернатора барона Таубе, которого тоже видел лишь издали, его надменный вид и не терпящий возражения тон неограниченного властителя.

Оба губернатора появлялись всегда в окружении свиты и вооруженной охраны. У каждого были свои дома, похожие на дворцы, многочисленные слуги, огромные канцелярии, где важные чиновники, одетые в строгие сюртуки, свысока поглядывали на простых смертных, не считали за людей жителей необъятной степи, называя их сартами [1].

Теперь он, сын пастуха, Алимбей Джангильдинов, становится первым, главным человеком — комиссаром Степного края. Колесо судьбы, как бы сказал акын, сделало крутой поворот и подняло его высоко. Нет, не колесо судьбы, а длительная многолетняя борьба обездоленных людей, великая революция.

И не тщеславие кружило сейчас голову Алимбея, а сложные вопросы, которые, словно мешок с камнями, внезапно легли ему на плечи.

Как, каким образом он должен исполнять высокую должность — быть комиссаром Тургайской области? Что надо сделать, чтобы простые люди верили и шли за ним? Не напяливать же ему для придания веса и солидности, подобно губернаторам, мундир с золотыми побрякушками? Да и белые перчатки, даже если бы он захотел, никогда не натянешь на его натруженные руки...

С чего же начать? Кто подскажет?

В назначенное Свердловым время Алимбей Джангильдинов, почти не спавший ночь из-за бесконечных дум, пришел в Смольный.

Вместе со Свердловым он вошел в кабинет вождя, в кабинет человека, который возглавил только что возникшее новое государство.

---

[1] Сарты — оскорбительное название народностей Средней Азии.

Джангильдинов осмотрелся. В кабинете было просто и скромно. Ни роскоши, ни дорогой мебели. Обыкновенный письменный стол, телефон, обычные кресла, обычные венские стулья, на стене — карты. Даже не верилось, что здесь, за этим простым письменным столом, работает Председатель Совнаркома.

Через несколько минут из боковой комнаты скорым шагом вышел Владимир Ильич. Он был собран, подтянут и деловит.

Ленин поздоровался, энергично пожал руку Алимбею и, улыбаясь, спросил:

— Как, товарищ Джангильдинов, нашли правду, которую искали?

У Алимбея потеплело в груди. Оказывается, товарищ Владимир рассказал Ленину, о чем говорили они за мраморным столиком в марсельском кафе... И Джангильдинову сразу стало легко, напряжение, которое сковывало его, улетучилось.

— Теперь за нее воевать будем, товарищ Ленин!

— Верно сказали, за правду воевать надо. А как думают об этом у вас в Степном крае?

Владимира Ильича интересовали события последних месяцев, настроения в юртах степняков. Вопросы он задавал быстро, с таким знанием обстановки, что Джангильдинову даже стало казаться, словно Ленин сам недавно прибыл из его, Алимбея, родного края и лишь хочет уяснить какие-то незначительные детали.

Джангильдинов отвечал на вопросы, утвердительно кивал, давал пояснения, поддакивал и чувствовал себя свободно, мысль работала раскованно. Так говорят с близким человеком, доверительно и открыто. Алимбей даже не заметил, как Ленин, который несколько минут назад расспрашивал о казахских степях, направил беседу по другому руслу, как бы перешагнул на ступеньку выше, и еще выше, и поднял вместе с собой его, Джангильдинова, и оттуда, словно с высоты, они смотрели уже на всю страну, масштабно, как государственные деятели.

Ленин говорил о значении Октябрьской революции, о ее грандиозных перспективах.

Речь его была стремительная и быстрая, но слова произносил он ясно и четко, а легкая картавость, скрадывавшая резкость звуков, смягчала и делала доверительной каждую фразу.

— Буржуазная революция ничего не дает угнетенному народу, абсолютно ничего! Вы это уже успели сами заме-

тить. А в программу большевиков входит задача,— Ленин сделал акцент на словах «входит задача», как бы подчеркивая их весомость,— освободить угнетенные народы, дать им возможность самостоятельно развиваться.

Джангильдинов слушал Ленина, и все его сомнения, которые еще вчера казались неразрешимыми и сплелись тугим узлом, словно шерстяная веревка на шее верблюда, как-то сами собой отпали, развязались, распутались. Все сложное здесь, у Ленина, становилось простым и понятным. Как будто сошел туман и открылись солнечные степные дали. Все сразу стало на свои места. И цели, и задачи. И он, наконец, понял, что именно надо делать в первую очередь...

Алимбей облегченно вздохнул. Ну как он до этого сам не додумался, мудрить-то здесь особенно нечего! Нерешительность, которая угнетала его, сменилась окрыленностью, жаждой действия.

Заканчивая беседу, Ленин подошел к письменному столу, взял из папки бумагу и сказал:

— Вы назначаетесь чрезвычайным комиссаром Тургайской области. Особенно долго здесь не задерживайтесь. Поезжайте в Степной край, работайте, проводите в жизнь наш лозунг «Вся Власть Советам!» А в случае серьезных сомнений запрашивайте, не стесняйтесь, обращайтесь ко мне лично. Договорились, товарищ Джангильдинов?

И Владимир Ильич вручил Алимбею мандат.

Выйдя из кабинета вождя, Джангильдинов пробежал глазами текст мандата. В нем говорилось, что тов. Алимбей Джангильдинов утвержден Советом Народных Комиссаров временным Чрезвычайным областным комиссаром Тургайской области. Впредь до создания там демократически избранного областного Совета.

Мандат был подписан Председателем Совета Народных Комиссаров В. Лениным, народным комиссаром по делам национальностей И. Сталиным, Управляющим делами Совнаркома В. Бонч-Бруевичем и секретарем Н. Горбуновым.

На следующий день с попутным воинским эшелоном Джангильдинов выехал из Петрограда. Солдаты почти не обращали на него внимания, занятые бесконечным обсуждением декретов о земле и о мире...

Джангильдинов, примостившись в углу, слушал монотонный стук колес, а мысленно все еще был в Петрограде, в Смольном, в кабинете вождя. В ушах звучал голос Ленина, он видел перед собой Владимира Ильича. Алимбей осмысливал теперь каждую его фразу и жест.

За годы хождения по странам Алимбею пришлось видеть многих людей, слушать всякие истории. И всегда, как правило, человек, который вдруг получал богатство или приобретал власть, менялся на глазах. Новое положение как бы диктовало ему иное отношение к людям. Поверив в свою исключительность и величие, он одним этим уже угнетал и принижал окружающих... Появлялись чопорность, надменность, зазнайство. А безнаказанное использование власти делало иных диктаторами и самодурами...

Но Ленин был не таким. Он оставался тем же, самим собой, каким его обрисовал в свое время товарищ Владимир. В его разговоре Джангильдинов уловил озабоченность и теплоту. Так учитель печется и беспокоится о своих любимых учениках.

На нем был поношенный костюм, белая сорочка, скромный темный галстук. Никаких атрибутов власти! Джангильдинов поймал себя на мысли, что человек, не знающий Ленина в лицо, встретит вождя на улице и пройдет мимо, не обратит на него внимания и не подумает, что рядом глава государства....

Простота в одежде. Простота в отношениях. Простота и ясность. Сколько бы Алимбей ни вспоминал, он не мог вспомнить ни повелительного тона, ни приказного жеста... Владимир Ильич все больше советовал, разъяснял, стремясь к тому, чтобы правильно поняли его мысли...

Правильно поняли!..

Джангильдинов радостно улыбнулся, как будто нашел то, что так долго искал, решая сложнейшую задачу. Впрочем, так оно и было на самом деле. Он нашел точку опоры, главный стержень всей своей будущей деятельности: «Стремись к тому, чтобы тебя правильно поняли, товарищ комиссар, тогда люди будут действовать сознательно, убежденно».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Поезд-броневик увозил Флорова на юг. Впрочем, до настоящего бронированного поезда ему было далеко. Никакой стальной защиты и грозных башен у него не имелось. Просто на открытых пульмановских платформах вдоль бортов уложили плотные, охваченные толстой проволокой тюки спрессо-

ванного хлопка, а в промежутках между ними установили пулеметы. А на переднюю платформу водрузили трехдюймовку. Паровоз и два пассажирских вагона находились в середине поезда.

Такой вооруженный состав и называли в те годы громким именем — броневик. Броневики были все же довольно грозной ударной силой, если учесть особенности Средней Азии, где боевые действия велись в основном в районах, прилегающих к железным дорогам.

— Впереди Урсатьевская,— доложили Флорову.

Показался небольшой поселок, открытый с четырех сторон ветрам. Самые большие дома — вокзал и депо, сложенные из красного кирпича. К ним жмутся несколько домишек европейского типа, а дальше — окруженные глинобитными заборами плоскокрышие кибитки. Около вокзала зеленели чахлые одинокие акации, которые чудом выросли в этом крае ветров и жары.

Урсатьевская — узловая станция. Отсюда шли вагоны на север — в Ташкент, на восток — в Коканд и Фергану, на юг — в Самарканд, Бухару и далее, до Красноводска — до самого Каспийского моря.

К вокзалу, пыхтя и гудя, подошел поезд-броневик. Пыльный перрон сразу заполнили спрыгнувшие с платформ красноармейцы. У крана с кипятком выросла очередь.

Алексей Флоров вышел из вагона. Остановка его не радовала: надо было скорее добраться туда, в Ашхабад. Флоров прошелся по перрону. Под жидкой тенью пропыленных акаций прямо на земле небольшими группами расположились бойцы какой-то части. Одни дремали, закрывшись от жгучего солнца и ветра полой шинели, другие неторопливо ели свежий мелкий урюк, черствые лепешки из джугары и запивали их кипятком из котелков.

К Флорову скорым шагом подошел начальник станции. У начальника было усталое небритое лицо с красными от недосыпания глазами, а его фигура, длинная и нескладная, напоминала плохо выструганную оглоблю.

— Встречного поезда ждем. Через пять минут прибудет. Сразу же вас и отправим,— сказал начальник станции хриплым голосом.— А дальше задержек не будет. До самого Самарканда.

— А что это за отряд? — Флоров кивнул в сторону красноармейцев, расположившихся под акациями.

— Они из Ферганы. В Ташкент следуют.

— Давно здесь?

— Со вчерашнего утра,— поспешно ответил начальник,— но сегодня отправим. Обязательно! К вечеру будет попутный поезд.

Вдруг сзади, за спиной Флорова раздался чей-то радостный голос.

— Питер! Питер!

Флоров обернулся. К нему спешил рослый красноармеец. На нем выгоревшее поношенное солдатское обмундирование, красный полинявший бант на груди. Лицо европейца, худое, загорелое.

— Здравствуй, Питер! — обратился к Флорову подошедший.

— Здравствуй, товарищ,— улыбнулся комиссар,— но я не Питер. Ты, видимо, ошибся...

— Нет, нет! — глаза красноармейца зажглись неподдельной радостью.— Это твой голос!.. Твоя улыбка... Я Сидней! Сидней Джэксон, помнишь?.. «Баркарола»...— И он, волнуясь, вдруг быстро заговорил по-английски.

Флоров сразу стал серьезным. Он внимательно всмотрелся в лицо красноармейца. Брови комиссара прыгнули вверх, в серых глазах недоумение сменилось искренним удивлением.

— Вы?.. Неужели?..

Теперь уже улыбался Джэксон. Он утвердительно кивал, отвечая по-русски:

— Да, Питер... Я!..

Они обнялись. Потом еще раз. Хлопали друг друга ладонями по спине, говорили радостно, наперебой, мешая русские и английские слова.

Сразу же вокруг них образовалась толпа. Красноармейцы соскакивали с платформ и с удивлением смотрели на своего командира: чрезвычайный комиссар, член Центрального Комитета партии и ответственный работник Совнаркома Туркестанской республики горячо обнимался с каким-то рядовым красноармейцем! Кто-то из бойцов тут же предположил, что их комиссар своего брата пропавшего нашел.

Растолкав любопытных, к Флорову подошел командир, невысокого роста, в потертом френче, правая рука забинтована.

— Интернациональная рота Ташкентского революционного полка,— доложил он,— после успешной операции в Фергане против басмачей возвращается в Ташкент. Ротный командир Хабибулин.

Флоров тепло пожал левую, здоровую руку командира и сказал:

— Джэксона я возьму с собой, товарищ ротный.

— Как же мы... Джэксон хороший боец. К тому же в нашей интернациональной роте он единственный американец! — попытался возразить Хабибулин.

Но Флоров был непреклонен. Он вынул свой мандат и показал Хабибулину. Тот по слогам прочел документ, и на его скуластом лице появились удивление и робость. Никогда еще ему не приходилось так близко стоять и разговаривать с таким большим начальником.

— Хорошо, товарищ чрезвычайный комиссар... Так будет, хоп майли...

Хабибулин на какое-то мгновение сосредоточился, потом решительно отстегнул свой маузер и протянул его Джэксону.

— Хорошего человека на Востоке провожают с подарками. Возьми, пожалуйста! На память о наших боевых делах.

Джэксон с благодарностью принял дорогой подарок. Шутка ли сказать — маузер!

2

Через несколько минут Сидней Джэксон уже сидел в вагоне Флорова. Поезд-броневик, набирая скорость, увозил их все дальше и дальше на юг. Купе комиссара заполнили командиры, красноармейцы. Им хотелось посмотреть на американца. На столе появились колбаса, вареная баранина, миска янтарного свежего урюка, пучки зеленого лука, полбуханки хлеба, лепешки.

Во время дружеской трапезы из рассказа комиссара Джэксон узнал, что Флорова зовут не Питер, а Алексей, что после ареста на корабле его судили, приговорили к пятнадцати годам каторжных работ и отправили в конце 1915 года в Сибирь. Алексею помогли бежать, и до самой Февральской революции он жил нелегально в Средней Азии и вел подпольную работу.

— А ты, друг, здорово тогда нам помог! — говорил Флоров, подавая Джэксону пиалу с чаем.— Ты даже сам не представляешь, что ты сделал.— И, увидев, что его бойцы недоумевающе уставились на Сиднея, комиссар сказал красноармейцам: — Вот этот американский товарищ помог нам доставить из Англии важные партийные документы.

На лице Джэксона появилось удивление. Он недоверчиво посмотрел на Флорова, потом по-русски сказал:

— Нет, пожалуйста... Тут есть ошибка. Никакой документ я не имел.

И тогда Флоров подробно рассказал, как накануне мировой войны по поручению заграничного бюро большевистского ЦК он вез из Лондона в Россию секретные бумаги для Петербургского комитета. Плыть пассажирским пароходом было рискованно. На борту, несомненно, будут шпики, и в столице, в порту, его могут сразу зацапать голубые мундиры. Другое дело добираться на каком-нибудь иностранном «купце». Нет лишних глаз. Одна команда. Друзья-англичане, портовые грузчики, помогли договориться с капитаном норвежского лесовоза, который шел в Архангельск за корабельной сосной.

Джэксон слушал воспоминания Флорова, и перед его глазами вставали картины недавнего прошлого, совместное плавание на «Баркароле»...

Пароход шел медленно. Джэксон подолгу сидел на палубе, всматриваясь в живую гладь воды, и думал, думал, думал... Он и сейчас, четыре года спустя, отчетливо помнит те невеселые мысли: «К чему я здесь, на этой тихоходной галоше? Зачем еду в неизвестную Россию?.. Дома, в Нью-Йорке, меня давно ждут».

Джэксон отпил из пиалы. По телу разлилась горячая волна.

— Ты, друг, закусывай. Давай, давай, не стесняйся! — Флоров пододвинул Сиднею нарезанную крупными кусками вареную баранину.

Джэксон отломил кусок жирной грудинки, посолил крупной солью. А Флоров продолжал рассказывать, как он плыл на пароходе, стараясь реже выходить на палубу.

Сидней, полузакрыв глаза, слушал Флорова и поглаживал ладонью большой палец левой руки, на фаланге которого выступала затвердевшая опухоль. Всему виной только он, этот палец. Благодаря ему он, Сидней, встретился тогда с этим Питером, которого теперь Алексеем зовут. Смешно даже подумать, но факт остается фактом. Интересно, как бы сложилась дальнейшая судьба боксера, если бы тогда на ринге, в бою с чемпионом Шотландии, Сидней не повредил бы пальца и не угодил надолго в больницу? Антрепренер, конечно, не отказался бы от него, не бросил, и они, возможно, до сих пор колесили бы от матча до матча по разным странам и штатам Америки.

Тогда Джэксону не повезло. В конце восьмого раунда прямым справа Сидней хотел отвлечь внимание шотландца, чтобы тут же провести свой излюбленный боковой крюк левой в голову. Но соперник, видимо, понял замысел американца,

присел, или, как говорят боксеры, «нырнул» под удар. Шотландец все же на какое-то мгновение опоздал и не успел провести защитный прием до конца. Кулак Джэксона пришелся в верхнюю часть головы. В ту же секунду острая боль обожгла руку Джэксона...

Стиснув зубы, Сидней бросился в атаку, вошел в ближний бой и с большим трудом, тяжелыми ударами по корпусу заставил крепкого шотландца дважды опускаться на брезентовый пол ринга. Но тот падал и... снова вставал! Вставал и вел бой...

Этот поединок английские специалисты и спортивные журналисты признали самым лучшим и самым впечатляющим поединком года. О бое много писали в газетах, воздавая должное американскому чемпиону. Знали бы они, что победа принесла Джэксону не столько радостей, сколько огорчений... Последний поединок профессионального боксера.

Трудно сказать, как сложилась бы судьба Джэксона, если бы он, выйдя из больницы, не встретил Флайна, сына чикагского миллионера. Тот объездил пол-Европы и теперь направлялся в Россию. Флайн предложил знаменитому боксеру место личного секретаря. В те отчаянно грустные дни выбирать оставшемуся без денег Сиднею не приходилось. Так Джэксон оказался на «Баркароле». Попали на нее, так как в ближайшие три недели в Архангельск не уходил ни один пассажирский пароход.

На третий день плавания Сидней с удивлением узнал, что он и Флайн не единственные здесь пассажиры. Рядом с тесным матросским кубриком в крошечной каюте, похожей на шкаф, ехал какой-то незнакомец. Джэксон столкнулся с ним совершенно случайно, у кока. Тот, как показалось Джэксону, смутился, увидев его. Странно. Он, Джэксон, не президент и даже не знаменитый миллионер, чтобы при встрече с ним терялись люди. И он решил сразу поставить все точки над «и».

— Сидней Джэксон, просто боксер,— представился он.

— Петр... Питер,— ответил незнакомец и, поклонившись, ушел в свою каюту.

Флайн все время предпочитал находиться в компании с капитаном за бутылкой виски. Джэксон был предоставлен самому себе, его по-прежнему одолевали невеселые мысли. И он поневоле стал искать встреч с этим нелюдимым Питером. Но тот не появлялся на палубе. Тогда Сидней заявился к нему в каюту. Они разговорились. Вначале Питер держал себя натянуто. Но когда Сидней рассказал все о себе, о своей

рухнувшей карьере боксера, о том, что он из рабочей семьи и с шести лет остался сиротой — отец погиб во время взрыва на химическом заводе, — загадочный пассажир несколько оживился. Он заявил, что он русский, учится в Англии в технологическом институте и теперь едет в Россию, узнав о болезни матери.

Чем ближе подплывала «Баркарола» к Архангельску, тем с большей симпатией Джэксон стал относиться к этому тихому, застенчивому человеку. Особенно после того, как он случайно увидел у русского карточку белокурой девушки в деревянной рамке под стеклом.

Сидней взял в руки фотографию. У девушки большие глаза, чуть вздернутый носик и четко вычерченные красивые губы. А на голове, словно корона, выложена толстая светлая коса.

— Невеста, Анна. Придет на пристань встречать,— сказал русский.

Однако встреча Анны и Питера не состоялась. Когда «Барколла» приблизилась к Архангельскому порту, к ней причалил сторожевой катер. Люди в сапогах и голубых мундирах грузно протопали по палубе и после обыска арестовали студента Питера. Питер, если верить жандармскому офицеру, оказался крупным политическим преступником.

Когда увели русского, Сидней заглянул в его каюту. Там было словно после тайфуна. Жандармы все перевернули, раскидали. Сидней поднял с пола портрет Анны с разбитым стеклом и унес к себе.

Через час «Баркарола» вошла в порт. Дул холодный ветер. Слегка моросил мелкий дождь. Встречающих, если не считать таможенных чиновников, жандармов и нескольких купцов, знакомых с капитаном, не было. Одинокая женская фигурка в легком пальто сразу бросилась Джэксону в глаза. Да, это была она, невеста революционера Питера.

— Анни! — окликнул ее Сидней нерешительно.

Девушка окинула незнакомого иностранца холодным взглядом и пошла от пристани.

Но Джэксон догнал девушку, извинился и протянул ей фотографию. Увидев свой портрет, она сразу насторожилась. Из длинного и сбивчивого рассказа Джэксона Анна разобрала лишь два английских слова: «Питер» и «полисмен». И она поняла, вернее, догадалась: Петра, которого она должна была встретить, схватили жандармы...

Спрятав фотографию под пальто, она поблагодарила иностранца и быстро удалилась.

3

— Так вот в той фотографии вся закавыка! — сказал Флоров, пряча довольную улыбку.— Там между картонкой и задней стенкой рамки находились важные документы.

Сидней не поверил своим ушам.

— Как же?.. Не может быть?

Флорову пришлось пояснить, что и Анна была не Анна, а Соня, и вовсе не невеста, а просто подпольщица, коммунистка. Она имела задание встретить Алексея в порту и получить документы.

— Я обязательно напишу ей, что встретил тебя. Вот обрадуется! А как закончим войну, махнем в Москву... к Соне. Она работает в секретариате Совнаркома. Знаешь, я тоже рад, что тебя встретил, но дважды рад тому, что ты с нами! — Флоров хлопнул Джэксона по плечу и спросил: — Как ты очутился в Красной Армии?

Сидней посмотрел на Флорова, перевел взгляд на бойцов, потом немного помолчал, как бы собираясь с мыслями.

— О! Я совсем не думал оставаться в России... Совсем не думал. Но так получилось,— начал неторопливо свой рассказ Джэксон, тщательно подбирая русские слова.— У меня все дела были совсем плохо, как я палец ломая,— Сидней показал большой палец левой руки, где на фаланге отчетливо выступал костный нарост.— Теперь хорошо, палец крепкий! — он сжал кулаки.— Бить можно крепко!

Из-за этого злополучного пальца вновь возник разговор. Но не в купе комиссара, а уже на передней платформе, где ехали бойцы первого взвода. Именно в нем и определил служить Флоров американца после того, как Сидней рассказал ему о своих мытарствах в России, о том, что уже в Петербурге его бросил сын миллионера и что поиски заработка привели его в конце концов в Среднюю Азию. Среди бойцов, присутствовавших в купе, был и пулеметчик Степан Бровкин, плечистый рыжебородый сибиряк. Там, у комиссара, он стеснялся спросить Джэксона про палец и, когда очутился с этим американцем на платформе, сразу же проявил свое любопытство.

— Как же ты палец сломая? — спросил он, подмигнув окружившим Джэксона бойцам.— В драке, что ли? Или по пьянке?

Джэксон с недоумением посмотрел на сибиряка, грудь которого была перекрещена пулеметными лентами.

— Зачем дрался? Совсем нет! Я боксер. Понимаешь, бок-

сер! — Сидней поднял руки в боевое положение, сделал несколько движений, имитирующих боксерский поединок.

— Знамо! — из дальнего угла платформы сказал Василий Хомутов, по прозванию Васька-москвич.— Видел я ихнюю боксу в цирке. Как мордуют друг дружку! На кулаках рукавицы такие, из кожи... Пухленькие. А место, где они бьются, веревками огорожено. Видать, для того, чтобы не убег, ежели который сдрейфит.

Сибиряк Бровкин повернулся к говорившему и, смерив его глазами, тихо, но твердо произнес:

— А ты не врешь, Васька?

— А чего мне врать, коли правда одна! — беззлобно ответил тот.— У нас на кулачках, на масленице, так стенка на стенку идет. Верно? А у них, в боксе той самой, один на один выходят да на весы становятся, чтобы, знать, с ровней драться. Во как! Культура... И на кулаки перчатки натягивают. Тоже тебе, опять же культура...

Ваську перебил Корнилов, человек хмурый и раздражительный:

— Знаем культуру ихнею! Буржуйскую... Перчатки у них такие толстые на вате... Чтоб не больно, чтобы только видимость одна... Деньгу зашибают!

— Ну да, не больно! Сказанул! — перебил его в свою очередь Василий и со знанием дела продолжал: — Бьют крепко, по совести. И все норовят в зубы али в поддых. Так, чтоб с катушек долой. Во как!

Тит Корнилов вынул из кармана объемистый потертый кисет, оторвал кусочек бумаги и, сворачивая самокрутку, спросил:

— А кто он тогда будет, боксер-то?

— Как кто? — удивился Василий.— Ясное дело, американец.

— Да не про то я... С точки зрения революции. Куда он ближе: к буржуям или к пролетариям?

Возле защитной стены, оперевшись плечом на тюк хлопка, сидел туркмен Мурад. Смуглолицый, худощавый, с большими, чуть навыкате внимательными глазами. На нем был стеганый халат, на голове высокая белая папаха. Он сидел, зажав между колен винтовку и, прислушиваясь к разговору, внимательно рассматривал американца.

Сохраняя на лице спокойствие, Мурад несколько раз мысленно удивился. Вай! Оказывается, на земле есть какая-то страна Америка... Вай! Оказывается, и драка тоже может быть службой и за нее деньги платят... Никогда в жизни бок-

серских поединков он не видал, но Мурад был участником состязаний по туркменской борьбе — курашу. Курашисты степенно выходят в круг, одетые в халаты, но босиком. По аналогии он представил себе и бокс. Выходят на круг американцы, они, как урусы, европейцы, в глаженых брюках, пиджаках с блестящими пуговицами, а на голове у каждого фуражка с лакированным козырьком. Натягивают на руки белые кожаные перчатки, какие Мурад видел у русского офицера, и начинается, как говорит Васька — а ему Мурад верит,— драка на кулаках. Что такое драка, Мурад знает хорошо, видел, как осатанело дрались пьяные русские солдаты. Рубахи разорваны, лица в крови... Потом победитель — пахлеван [1], сняв фуражку, идет по кругу, и ему со всех сторон кидают рубли и полтинники...

Мурад с любопытством смотрел в лицо Джэксона, стараясь отыскать следы кулачных потасовок, но лицо американца было чистым: ни шрамов, ни повреждений.

— Скажи, товарищ американец, а ты нашу революцию, значит, поддерживаешь? — все допытывался Корнилов.— Или, так сказать, между и вашим и нашим?..

— Я с первых дней в интернациональном полку, как Советская власть в Ташкенте стала,— твердо сказал Джэксон.— Я ее сразу понял, сердцем понял.

— Вечно ты, Тит, сумлеваешься! — строго сказал Степан.— Товарищ боксер — наипервейший друг нашего комиссара. Свой, выходит!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

К Ашхабаду подъезжали рано утром. После утомительного однообразия пустыни город показался большим зеленым садом. Джэксон не отходил от окна. Поезд-броневик шел с востока на запад вдоль окраины города, и солнце, которое вставало из-за спины, высветило розовыми лучами жилые кварталы, зелень садов, выпуклые лбы холмов, охватившие полукружьем Ашхабад. Вырисовывало оно своими лучами и вдали величавые, покрытые снегом горные хребты Копет-Дага... Вершины гор, словно огромные белоснежные туркменские папахи, надетые на головы богатырей, возвышались на фоне

[1] **Пахлеван** — борец.

яркого и чистого утреннего неба, чем-то похожего на ровную голубизну моря.

Сидней невольно залюбовался горами. Рядом, попыхивая самокрутками, стояли сибиряк Степан Бровкин и Корнилов. Тут же неподалеку, сжав винтовку обеими руками, жадно смотрел на родные просторы своими большими, чуть навыкате глазами Мурад.

— Красив городишко,— сказал Бровкин.— Совсем не похож на азиатские.

Ашхабад действительно не был похож на Ташкент, Самарканд, Бухару и Мерв, которые видел Джэксон. Те древние города поражали однообразием серых глиняных плоскокрыших построек и таких же глинобитных высоких заборов — дувалов. А тут радовали взгляд ослепительно белые тона. Издали город казался горстью кубиков пиленого сахара, упавшего на траву,— так весело белели опрятные домики и выбеленные глинобитные заборы среди садов и уличных насаждений.

Поезд-броневик подкатил к строгому кирпичному зданию вокзала. На пыльном перроне стояла группа встречающих: военные, несколько гражданских, одетых в белые костюмы и при галстуках, и туркмены в длинных красных халатах и белых папахах. Встречающие почтительно и неторопливо пошли к штабному вагону.

Флоров, в кожанке и фуражке, с кольтом на боку, легко соскочил с подножки. Комиссар не привык к торжественным встречам, терпеть не мог любой церемониал. Он зашагал навстречу ашхабадцам. Следом за ним пошли командиры отряда.

— Приветствуем высокое начальство, чрезвычайного комиссара...— начал было речь полноликий солидный военный, выступивший вперед.

— Отставить! — весело махнул рукой Флоров.— Здравствуйте, товарищи!

Из поезда-броневика с оружием в руках соскакивали на перрон красноармейцы. Однако выгрузились не все, половина отряда, как было условлено заранее, на всякий случай осталась в поезде возле пулеметов и орудий.

Флоров вместе с собой взял и Джэксона. Уселись в открытый автомобиль. Командиры и бойцы отряда разместились в фаэтонах и армейских повозках.

На улицах города было почти пустынно, редкие прохожие жались к тени деревьев. Казалось, жизнь замерла за высокими выбеленными глинобитными заборами. Пыль, песок, жара...

Знойное июльское марево, навевая сонливость, окутывало город.

Но тишина и сонливость были обманчивы. Десятки недоброжелательных глаз скрыто следили за движением прибывшего отряда. Мятежники не думали сдаваться. Они лишь на время затаились, выжидая удобного момента...

На одном из перекрестков автомобиль резко затормозил: по улице шел большой верблюжий караван. Плавно и мерно позвякивали колокольчики, подвязанные у груди верблюдов, в такт шагам рослых животных покачивались огромные тюки. Караван сопровождали смуглые, вооруженные винтовками всадники на резвых конях.

— Проверить,— приказал Флоров и кивнул в сторону каравана.

Караван остановили. Вскоре к Флорову подвели купца — невысокого бородатого мусульманина в чалме и запыленном дорогом халате. Приложив руки к сердцу, тот почтительно склонился перед комиссаром, произнес несколько фраз.

— В Бухару идут из Персии,— поспешно перевел один из встречавших комиссара.— Караван эмира Бухарского...

Бухара была самостоятельным государством, и Флоров не имел полномочий вторгаться в дела эмира.

— Поехали!

Караван остался позади. Купец-мусульманин и всадники долгими взглядами провожали отряд комиссара. Они облегченно вздохнули, когда последняя повозка скрылась за поворотом.

— Бисмилля...— промолвил мусульманин слова молитвы и, проведя ладонями по лицу, дал шпоры своему скакуну.

Он торопился. Караван действительно шел из Персии, но вез товар не эмиру Бухарскому, а графу Дорреру и его сообщникам. В тяжелых тюках лежало оружие, посланное мятежникам генералом Маллесоном. Английский генерал пунктуально выполнял свое обещание.

2

Чрезвычайный комиссар по делам Закаспийской области действовал быстро и решительно. Он понимал, что правые эсеры в тесном контакте с ашхабадским отделом тайной контрреволюционной «Туркестанской военной организации» и «Союзом фронтовиков» приготовились к «встрече» с его отрядом. Конечно же, после неудачного выступления 17 июня они не

смирились и не отказались от борьбы. Где-то в городе притаились вооруженные дружины эсеров и бывших фронтовиков. Сколачивался блок недавних враждующих группировок — буржуазных националистов, которые называли себя джадитами, с махровой феодально-родовой верхушкой. И они действовали в трогательном согласии с бывшей русской колониальной администрацией и царским офицерством. Повсюду велась линия саботажа и игнорирования распоряжений Ашхабадского Совета.

Совет был слаб, в нем заседало много меньшевиков и эсеров. Совет в основном занимался улаживанием бесконечных инцидентов с демобилизованными частями старой армии, которые возвращались с персидского фронта и под влиянием своего офицерства в любой момент могли присоединиться к белогвардейцам. Кроме того, со всей остротой стоял продовольственный вопрос.

Сил у Совета было мало, ибо значительная часть коммунистов и революционного пролетариата находилась на севере, на Оренбургском фронте...

Флоров понимал, что город похож на бочку с порохом. Заниматься расследованием событий 17 июня трудно, пока не создаст надежные воинские части.

Флоров, имея чрезвычайные полномочия, сразу же объявил город на военно-осадном положении. Создал ревком, отстранил от руководства Ашхабадским Советом эсеров и меньшевиков. К вечеру на улицах и в людных местах расклеивали приказ ревкома, в котором в категорической форме предлагалось гражданскому населению немедленно сдать оружие. В течение сорока восьми часов Флорову удалось выполнить задание правительства Туркестана: погрузить в вагоны и эвакуировать в Ташкент Управление Средне-Азиатской железной дороги...

А в то время, когда эшелон с Управлением отбывал в Ташкент, на окраине города, в саду местного купца, жарили шашлык и пировали местные головорезы на деньги графа Доррера. Это был отъявленный сброд, промышлявший грабежом и разбоем. Выдав аванс — ящик водки и несколько золотых червонцев, граф деловито наставлял:

— Комиссара взять живым. Чтоб ни звука!

В тот же вечер они напали на Флорова, когда он вместе с Джэксоном возвращался с митинга.

Сидней почувствовал, как ему на голову накинули ватный халат, резко и грубо сорвали оружие и пытались скрутить ему руки.

«Засада! — мелькнула мысль.— Комиссар в опасности!»

Резким движением тренированного тела Джэксон стряхнул с себя навалившихся наемников и, сбросив халат, ринулся на выручку Флорову, которого повалили уже на землю. Прямо перед ним выросла медвежья фигура двухметрового великана. Басмач взмахнул ножом, надеясь одним ударом покончить с прытким красноармейцем. Но Сидней был начеку. Отбив левой рукой занесенный над ним нож, Джэксон, как он это не раз делал на ринге, ударил снизу вверх с пружинистым поворотом тела по жирному подбородку. Басмач, звучно лязгнув зубами, рухнул под ноги своих сообщников. Те на мгновение оторопели. Они не могли понять, что же произошло, почему их могучий приятель валяется на земле, а этот русский стоит на ногах. Замешательством успел воспользоваться Флоров. Он вскочил на ноги.

— Бей гадов!

Басмачи, словно их кто-то подтолкнул в спину, дружно бросились на боксера и комиссара.

Схватка была короткой и жестокой. Кулаки Джэксона не знали пощады. Его удары, точные и неотвратимые, валили наповал. Через несколько минут дюжина наемников валялась в пыли переулка. Остальные кинулись бежать, оглашая ночь криками ужаса:

— Шайтан! Злой дух! Шайтан!

О ночной схватке ни Флоров, ни Джэксон никому не рассказывали. Было много других, более важных забот. Однако после этой ночи они стали всюду бывать вместе.

Проведя несколько митингов среди рабочих и поручив ревкому решительно утверждать революционный порядок, Флоров с частью своего отряда направился в Кизыл-Арват, крупнейший город Закаспийской области. Оттуда поступали тревожные сведения.

В Кизыл-Арвате находились железнодорожные мастерские, в которых работало около двух тысяч человек. Флоров не мог допустить, чтобы такой большой коллектив попал под влияние эсеров и меньшевиков.

3

В просторной комнате с высоким потолком было не так жарко. Толстые стены особняка, сложенные из кирпича, с массивными контрфорсами да тенистые деревья сада в какой-то мере задерживали знойные, палящие лучи. Однако

пятерых мужчин, собравшихся здесь, отнюдь не беспокоила духота. Это были люди, которые много лет провели в Закаспийской области, прокаленные солнцем старожилы Ашхабада, уверенно считавшие себя хозяевами края. Одни владели большими участками земли, другие вели крупную торговлю, третьи занимали совсем недавно важные посты. Эти люди были разные по внешности, по манерам и воспитанию, однако их объединяло одно — тревога за свой завтрашний день, за свою собственность, за свое благополучие... Прибытие отряда Флорова путало все карты, а энергичные действия чрезвычайного комиссара грозили каждому из них опасностью. В этом никто не сомневался.

Граф Доррер по-домашнему, без пиджака, в клетчатой серой жилетке, шелковой белой рубахе с расстегнутым воротом и чуть спущенным черным галстуком, волнуясь, ходил по темно-красному текинскому ковру, застилавшему почти всю комнату, размахивая короткими руками, и в который раз повторял:

— Надо действовать!.. Надо немедленно действовать!..— Доррер был весьма обескуражен неудачей ночного нападения и не мог простить этого своим наемникам. Дюжина отпетых головорезов не смогла справиться с двумя большевиками. Смешно!.. Напились, наверное, до одури. Зря аванс водкой давал. Вот и упустили!.. Еще и оправдываются: «Дерется, как шайтан! Злой дух!» Глупости. Кто поверит, что в темном переулке они не могли схватить комиссара или, в крайнем случае, пристрелить?.. Доррер снова прошелся по ковру.

— Надо действовать!.. Действовать!..

Подполковник Козлов, красный от выпитого вина, сумрачно хмурился и, примостившись у стола, монотонно выстукивал костяшками пальцев походный марш. Наконец-то эти либералы поняли, что надо действовать. Не он ли все время настаивал и требовал решительных мер? Обстановка с каждым днем обостряется, того и гляди, чрезвычайный комиссар доберется и до «Союза фронтовиков». Надо опередить. Казачьи сотни и тайно вооруженные отряды давно ждут приказа...

Отодвинув рюмку с коньяком, флегматичный Фунтиков почмокал полными губами. «Главное, не ошибиться,— думал он,— поспешность хороша при ловле блох, а не в политике!» Он, конечно, знал, что именно от него ждут решающего слова. Еще две недели назад его, Фунтикова, выбрали на тайном совещании, где распределялись места в будущем Закаспийском правительстве, главою временного исполнительного

комитета. От его имени граф Доррер уже вел переговоры с англичанами.

Фунтиков потирал холодными ладонями седеющие виски, словно хотел немного остудить распаленные мысли. Не сегодня-завтра должен тайно прибыть представитель Англии, специалист по военным вопросам. Может быть, стоит повременить и вместе с ним обсудить план действий? Тут важно не промахнуться, иначе, как говорят в Москве-матушке, «легко наломать дров». Но надо что-то говорить, на него смотрят, ждут.

— Спокойнее, господа. Без нервов... На наших плечах такая ответственность!

Фунтиков повернулся к Ораз-Сердару, туркменскому магнату, состояние которого баснословно. Год назад Ораз-Сердар щеголял в полковничьем мундире, гордо вскинув коричневую физиономию с наглыми, навыкате глазами, а сейчас — умеет же примениться к моде времени! — разоделся в богатый туркменский наряд, добавив к нему кривую кавказскую саблю и маузер. Фунтиков, да и не только он, а, пожалуй, и все представители русской «демократической власти» по-прежнему относились свысока и барски-пренебрежительно не только к туркменам-скотоводам, но и к национальным политическим деятелям. За глаза этого Ораз-Сердара называли и выскочкой, и «окультуренным краснокожим», а то и просто сартом. Фунтиков терпеть его не мог, и, если бы у Ораз-Сердара не было такого влияния среди местных националистов и вооруженных банд туземцев, с ним бы никто и не разговаривал. Однако сейчас, когда край похож на вулкан накануне извержения, приходилось мириться с личными антипатиями. Тем более что на тайном совещании именно Ораз-Сердара назначили военным министром.

— А что думает на этот счет наш верховный главнокомандующий?

Ораз-Сердар сидел в кресле, по-европейски закинув ногу на ногу. Хромовые коричневые сапоги тускло поблескивали, бросался в глаза их модный белый рант — ровная строчка скрученных белых ниток, тонкая работа хорошего мастера. Лицо полковника, чуть светлее голенища сапог, смуглое и тоже поблескивало, словно навощенное. Оно, как маска, слегка улыбчивое и надменное, скрывало чувства Ораз-Сердара и, главное, мысли. А мысли у него с широким полетом. Сейчас еще не время полностью открываться, но настанет час, и он навсегда избавится от этих чванливых и высокомерных русских аристократов. Нет, не напрасно он столько сил поло-

жил, создавая туркменский съезд! Важно объединить силы, собрать в единый кулак. Махтум Кули-хан, Джунаид-хан и Азис-хан со своими всадниками... Но сейчас не время открывать свои замыслы, важно в первую очередь свалить общего врага — большевиков, Советы.

— У нас верное слово джигита,— ответил он Фунтикову, зная, что его слушали все.— Мы, кажется, четко разграничили наши боевые действия: русские подразделения возьмут город и железную дорогу, а всю степь приносят к вашим ногам мои джигиты.

— Так чего же мы ждем? — бросил Козлов.

— Может быть, аллаху известно, но мне пока еще нет,— ответил Ораз-Сердар.

— То есть? — Доррер круто повернулся к полковнику.— Что вы хотите сказать?

— Пока ничего,— из-за приспущенных век холодно поблескивали коварные глаза.— Аллах любит терпеливых и покорных.

— Ваши джигиты готовы?

— Всадники, у которых оседланы кони, всегда готовы к бою.— И, чуть улыбнувшись, спросил: — Вы хотите предложить, чтобы вместе...

— Да,— перебил его Доррер,— совместно с нашими частями.

Ораз-Сердар хотел что-то сказать, но в комнату быстрым шагом вошел, вернее, почти вбежал Архипов, один из активных членов партии эсеров. Он был взволнован и, нарушая правила конспирации, выпалил с ходу:

— Пропали... Горит Кизыл-Арват!

— Горит? — переспросил Козлов.— Пожар там?

— Нет, горят наши планы,— Архипов налил в бокал охлажденного вина и залпом осушил его.— Только что туда ушел поезд-броневик... Чрезвычайный комиссар и большая часть отряда...

Граф Доррер саркастически улыбнулся, посмотрел на Фунтикова:

— Дождались!..

— Эх, упустили соколика, теперь ему голову не свернешь,— вздохнул Козлов.— Тяпы-растяпы...

Фунтиков откинул накрахмаленную салфетку и сказал:

— Может быть, это и к лучшему.

— Что к лучшему? — К нему повернулись все.

— Что уехал,— тем же меланхолично-спокойным тоном продолжал он.— Отряд можно и по частям...

Фунтиков встал. Он понимал, что, если даже сейчас не отдаст распоряжения, мятеж все равно начнется. Фунтиков принял величественную позу.

— Пора,— произнес он торжественно и сделал жест Ораз-Сердару.— Действуйте, военный министр!

Козлов вскочил, схватил рюмку с водкой — это была рюмка Фунтикова,— немного замешкался, потом махнул рукой, перекрестился и, влив в раскрытое горло жидкость, как в чашу без дна, радостно блеснул белками глаз:

— Начинаем!..

— Главное, взять почту и телеграф,— почти выкрикнул возбужденный Доррер.— Не повторить ошибки семнадцатого июня... Главное, оборвать с Ташкентом связь! Это сделать в первую очередь.

Через час на улицах Ашхабада затрещали выстрелы. Контрреволюция снова подняла голову. На этот раз мятежники действовали более собранно и целеустремленно. Вооруженные отряды ворвались на почту, захватили телеграф, перерезали линию связи с Ташкентом и Кизыл-Арватом... Бойцы недавно сформированных частей Красной Армии не понимали, что же происходит в городе. Мятежники действовали под красным флагом и выкрикивали революционные лозунги: «Да здравствует свобода!», «Да здравствует революция!» «Долой диктатуру большевиков, да здравствует равноправие партий!» Кое-кто колебался, прислушивался.

Кое-кто принял все за чистую монету и присоединился к мятежникам...

Разбив в уличном бою остатки незначительных сил Ашхабадского ревкома, отряд эсеров овладел зданием Совета. В тюрьму были брошены захваченные в плен областные комиссары-большевики, члены ревкома Житников, Батминов, Розанов, Молибожко, Теллия, Кулиев, Арустамянц, Петросов и другие...

В тот же день, 12 июля 1918 года, в Ашхабаде была создана новая, так называемая «центральная власть» Закаспийской области, которая для маскировки именовала себя «стачечным железнодорожным комитетом». В созданном временном исполнительном комитете председательское место занял правый эсер белогвардеец Фунтиков, в состав членов комитета вошли туркменский националист Ораз-Сердар, лидеры партии социалистов-революционеров Закаспия граф Доррер, Немцов, Дохов, Архипов, Козлов и другие ярые ненавистники Советской власти. К мятежникам в первые же дни присоединились туркменские буржуазные националисты — родовые вожди и

дашнаки[1], пополнив ряды контрреволюции своими вооруженными отрядами.

Новое правительство спешно направило в Кизыл-Арват вооруженную до зубов дружину мятежников. Перед ней была поставлена одна задача — уничтожить отряд чрезвычайного комиссара.

4

Из-за нарушения связи Флоров ничего не знал о контрреволюционном перевороте в Ашхабаде. Дружина мятежников, ворвавшись в Кизыл-Арват, застигла его отряд врасплох...

Чрезвычайный комиссар и большевики Кизыл-Арвата находились на площади, на общегородском выборном собрании, когда к дувалам — глинобитным стенам, окружавшим город, подошли мятежники. Эсеро-басмаческая дружина, хорошо информированная разведкой, смогла незаметно подкрасться и внезапно дать залп. Никто не ожидал нападения. Упали убитые, застонали раненые... Над площадью поднялся отчаянный крик:

— Нас предали!.. Спасайся!..

Местные, кизыларватские эсеры, ждавшие сигнала, сразу же выступили в поддержку нападавших. Они захватили водокачку, самое высокое здание в городе, и повели оттуда пулеметный обстрел.

Красноармейцы небольшими группами были размещены по городу. Услышав выстрелы, они пытались пробиться к площади, но были остановлены плотным огнем... Многие нашли смерть на тесных и узких улицах.

Алексея Флорова и незначительную часть его отряда стали окружать возле костела, построенного переселенцами из западных областей России. Громоздкое высокое здание могло стать надежным оплотом. Толстые стены, узкие стрельчатые окна, похожие на бойницы. Однако двери костела оказались наглухо запертыми изнутри, и красноармейцам не удалось их открыть.

— За мной! — вскричал Флоров и, размахивая кольтом, побежал в сторону вокзала.— Скорей к бронепоезду!

Однако силы были далеко не равными. Все попытки пробиться к вокзалу, где стоял поезд-броневик, окончились

---

[1] Дашнаки — армянские буржуазные националисты.

безуспешно. От всего отряда осталась совсем небольшая группа бойцов. Многие были ранены. Кончались патроны. «Только бы продержаться,— думал Флоров,— только бы продержаться!» Он верил, что скоро должна прийти помощь. Еще в начале неравного боя, сразу оценив безвыходное положение, чрезвычайный комиссар подозвал Мурада:

— Выбирайся из города... Любыми средствами... Сообщи нашим... Мы надеемся на тебя, Мурад!

Собрав в один кулак остатки отряда, Флорову отчаянным броском удалось пробиться к зданию Совета. Красноармейцы в считанные минуты забаррикадировали двери, окна и превратили невысокое одноэтажное здание, сложенное из сырцового кирпича, в довольно надежную крепость.

Джэксон с маузером в руках все время неотлучно находился рядом с чрезвычайным комиссаром. Вот когда пригодился подарок командира интернациональной роты Хабибулина! Почти в упор стрелял в наседавших мятежников и басмачей.

— Сидней, помоги Бровкину установить пулемет,— велел Флоров, когда закрепились в здании Совета.

Джэксон вслед за сибиряком полез на чердак, поднимая коробки с патронными лентами. Потом они вдвоем затащили туда пулемет и, выбив слуховое окно, повели огонь. Стрелял Степан Бровкин, а Джэксон помогал ему, заменяя ускакавшего Мурада.

Длинный летний день быстро кончался. Сумерки окутали город. Из разных концов Кизыл-Арвата доносились выстрелы. В темное небо потянулись дымные шлейфы, заплясали языки пожаров...

Мятежные отряды плотным кольцом окружили здание Совета. С гиканьем и свистом они бросались на приступ и всякий раз откатывались назад, сраженные метким пулеметным огнем.

— Что, гады, не нравится! — кричал им вслед Степан, вытирая тыльной стороной ладони вспотевший лоб.— Невкусно!

Когда наступила минутная передышка и умолк разгоряченный пулемет, сибиряк сказал Джэксону:

— Ступай вниз! Ты там нужней. А я тут один справлюсь...

Бровкин вытащил из вещевого мешка три гранаты, которые бережно хранил почти полгода. Теперь они были кстати.

Джэксон спустился вниз по шаткой лестнице и, вытащив маузер, пристроился у окна. На душе было горько. Положение безвыходное. Сколько они еще смогут тут продержаться? Час? Сутки?..

У соседнего окна на перевернутом ящике, прислонившись плечом к стене, примостился Флоров. Джэксону бросилась в глаза неестественная поза комиссара. И тут он заметил, что Флоров левую руку прижимает к животу, на выгоревшей рубахе темнеет мокрое пятно, и красные струйки крови ползут сквозь пальцы по тыльной стороне ладони...

Правой рукой, оперевшись о подоконник, комиссар твердо держал тяжелый кольт. Чуть дальше, поставив колено на стул, находился ашхабадец Саркисян с винтовкой в руках.

Увидев испуг в глазах Джэксона, комиссар натужно улыбнулся бескровными губами, хотел что-то сказать. Но в этот момент мятежники с диким ревом снова бросились в атаку.

— Держись, ребята! — крикнул Саркисян и щелкнул затвором.

Джэксон, следуя примеру Флорова, тоже уперся в подоконник и стал торопливо стрелять.

Вдруг в толпе атакующих один за другим гулко грохнули взрывы. Сидней понимающе улыбнулся: он знал, что это сибиряк бросил с чердака свои гранаты. Мятежники с воем кинулись обратно. Площадь перед зданием мгновенно опустела.

Джэксон вытер рукавом вспотевшее лицо и повернулся к Флорову. Комиссар все так же сидел у окна, только голова его была беспомощно опущена на грудь. Со лба на щеку и дальше на белый подоконник стекала алая кровь.

Джэксон бросился к нему:

— Товарищ комиссар!

Флоров не пошевельнулся. Он был мертв.

— Комиссара убили!..

В комнату, где находился Алексей Флоров, собрались остатки его отряда. Хмурые, сосредоточенные взгляды. Многие не стеснялись своих слез.

Стиснув зубы, сибиряк обвел взглядом товарищей:

— Погибать — так по-русски! С музыкой!

Высоко подняв единственную гранату, он широкими прыжками устремился к выходу:

— Ура-а!

За ним, сжимая винтовки, кинулись остальные.

Это была последняя, отчаянная контратака.

В рукопашной схватке, которая продолжалась несколько минут, одни погибли геройской смертью, других обезоружили, скрутили, взяли в плен. Среди попавших в плен находился и Сидней Джэксон.

12 Зак. № 660

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

— Проскочили, Игнатич? — Кочегар бросил в топку еще лопату угля и выпрямился, вытер рукавом потное и грязное скуластое лицо.— Как пить дать проскочили!

— Тута свои работяги, как не проскочить,— ответил машинист, выглядывая из окна паровоза, подставляя лицо встречному сухому и теплому ночному ветру.— Как-никак, а Пашкина родина. Любят его, и, вишь, под носом у золотопогонников путь поезду открыли.

Игнатич оглянулся, посмотрел с усмешкой и весело присвистнул:

— Что, съели, ваши благородия?

Сзади, постепенно удаляясь, горели огни станции, депо, светились редкие окна засыпающего города. Новая Бухара. Доносились приглушенные хлопки редких винтовочных выстрелов. Но они уже ничего не могли изменить. Стреляли просто так, для острастки да со злости, пуляли в хвост проскочившего паровоза с тремя вагонами.

Впереди, освещенные луной, поблескивали серебряной ниткой стальные рельсы, убегая загадочно далеко, в синюю бархатную темноту ночи.

— Теперь до самого Чарджуя шпарить будем без запинки,— сказал машинист.— Тут дорожка ровная.

Кочегар взял медный, слегка помятый, закопченный чайник и, подняв над лицом, полил струей в открытый рот. Напившись, облил лицо и голову водою.

— Игнатич, а ты наркома Полторацкого хорошо знаешь?

— И не только его самого, а и отца, и всю ихнюю семью... Свой брат, железнодорожник! В Новой Бухаре, помню, пацаном Паша бегал по станции, лазил по депо, к машине льнул и все просился взять в рейс. А теперь главное начальство — народный комиссар труда всего Туркестана. Шишка!

— Чудно даже как-то.

— А что чудного?

— Ну все это, в общем, насчет начальства. Странно даже.

— Все как положено, раз нашенская власть, то и начальство должно быть свое, пролетарское. И ничего странного нету! А ты вот, как посмотрю на тебя, так и думаю, что действительно парень-гвоздь, только никуда не лезешь.

— Это почему же? — В голосе кочегара послышалось удивление.

— Да потому, что с обеих сторон тупой.

— А ты тоже мне! Не больно острее моего! Такой же лапоть, да только постарше, постоптанней!

— Не фыркай зазря, высунь вывеску свою под ветерок встречный да поостудись немного,— посоветовал машинист.— Павлушка теперь Пал Герасимычем стал, факт! В трех вагонах с комиссией шпарит, справедливость рабочую делать. А почему ему такое доверие от народа? Почему уважение и прочее? Не знаешь, молчишь... Тута не фыркать надо, а мозгами шевелить. Грамотный он, отец из шкуры лез, а парня учил. А потом, когда царя скинули, кто от нас делегатом на Второй съезд Советов ехал? Он, Павлуша Полторацкий! В Питере побывал, Ленина видел, разговор с ним имел, вот как мы с тобою. А Ленин — это ты сам знаешь кто... Если по-нашему, по-рабочему судить, так я думаю, товарищ Ленин сильный человеческий магнит, вот кто он!

— Вот так сказанул! — звонко расхохотался кочегар.— Магнит!

— А ты не рыгочи, послушай, дело говорю. Возьми железяку простую, потри о магнит. Что получится, а? Простая железяка магнитные силы получает и сама уже притягивает иголки, гвоздички, мелочь железную. Так и с людьми товарищ Ленин! Побывает человек рядом с ним, послушает и набирается силы и правды для борьбы за рабочее дело. А потом и тот человек уже сам к себе притягивает и ведет людей. Так и Павлуша Полторацкий, все по законности жизни.

Машинист, довольный своим ответом и глубоким обоснованием, развязал кисет, стал сворачивать самокрутку и миролюбиво предложил:

— Хошь задымить?

— У меня своя махра горло дерет покрепше твоей,— ответил кочегар и вынул из кармана засаленный мешочек с куревом.— А после Чарджуя куда двигать будем?

— Наберем воды и дальше напрямую. Через Мерв, Байрам-Али до самого Ашхабада. Ты бывал в Ашхабаде?

— Проездом,— ответил кочегар, достав лопатой раскаленный уголек, прикурил от него и снова закинул в топку.

— Как на Полтавщине, все дома и заборы выбелены мелом, чистенькие, кругом сады, только нету крыш соломенных. Приятный, скажу тебе по чести, город.

— Выходит, контра понятие имеет, раз выбрала такой город для мятежа.

— Не бойсь, наведем пролетарский порядок и там! — Иг-

натич потушил самокрутку, придавив пальцем к карнизу окошка, прислушался к ритмичному дыханию паровоза, потом сказал кочегару: — Пошуруй в топке, подкинь уголька!

2

К Чарджую, вернее, к станции Новый Чарджуй подъезжали утром. Павел Полторацкий глядел в открытое окно вагона и любовался пленительной громадой железнодорожного моста, стоявшего на каменных ногах через широкую и быструю реку — беспокойную Аму-Дарью. Мост пролегал через всю пойму реки, и Павел знал из рассказов, из книг, что это самый длинный мост в России и во всей Азии.

Павел хорошо помнил и другой, первый, деревянный мост. В детстве он слышал не раз воспоминания старых железнодорожников и седых, опаленных солнцем рабочих, принимавших участие в строительстве Средне-Азиатской железной дороги. На всю жизнь запомнил Павлуша их спокойные, чуть хрипловатые голоса и длинные повести о трудовых победах русского ума и рабочих рук над бесконечной пустыней и над этой своенравной и капризной Аму-Дарьей, которую арабы в древности называли Джейхун — Бешеная. Река не имеет постоянного русла и несет свои мутные, похожие на окружающие пески волны на север, к Аралу, бросаясь из стороны в сторону, размывая и подтачивая берега, разбиваясь на протоки, намывая мели и островки. Конечно, о том, чтобы строить мост только через реку, как это делалось обычно, здесь нечего было и думать. Хочешь не хочешь, а надо перекрывать всю речную пойму, строить такой мост, чтобы в будущем капризная река не угрожала движению поездов. Строили быстро. В первых числах сентября 1887 года торжественно забили первую сваю в илистое дно реки, а через четыре месяца по новому мосту уже двинулся первый поезд. То был уникальный мост — длиною больше чем две версты и сооруженный из дерева.

Павел смотрел в раскрытое окно, подставив лицо встречному ветру, и открыто улыбался. Вставало солнце, и его лучи как бы мощными прожекторами высветили ажурную громадину, повисшую над рекой. Машинист чуть сбавил скорость и, дав традиционный гудок, ввел паровоз на первый пролет. Мимо окна замелькали потемневшие и прокопченные паровозным дымом перекрестия массивной арки, которая издали казалась такой нежной и тонкой. Глухо застучали колеса на

стыках. А вот и сама беспокойная красавица Востока капризная Аму. Мутно-бурая, глинисто-серая, завиваясь в воронки и переплетая сильные струи, река спешила и неслась на север, словно она уходила от погони. Только вдали, у горизонта, Аму меняла окраску и постепенно приобретала светло-серый, стальной оттенок, который переходил в нежно-голубой, как бездонное небо, ласковый цвет. По реке медленно плыли две лодки-каюки, подняв вверх высокие мачты с надутыми парусами.

А колеса все стучали и стучали на стыках, перед окном проплывали одна арка за другой. Полторацкий ощущал радостное волнение русского человека, гордого за своих братьев, сумевших создать такое чудо из стали. Шестнадцать лет назад, в 1902 году, когда заменили деревянный мост на нынешний, стальной, он упросил отца взять его в первый рейс, восторженными глазами подростка смотрел на эти каменные опоры-ноги, вокруг которых, так же как и сейчас, пенились волны реки, на ажурное переплетение металла и величавые дуги арок, и с тех пор каждый раз, когда переезжал красавец мост, в его груди снова, хотя и, может, чуть приглушенней, но все же сильно и явственно вспыхивало неповторимое чувство гордости и восхищения.

Полторацкий видел и другие мосты: через Сыр-Дарью, через притихший Урал возле Оренбурга, грандиозный мост через широкую и степенную красавицу Волгу у Сызрани, знаменитые разводные мосты через державно-спокойную, величественную Неву. Однако сердце его было привязано именно к этому суровому и строгому в своих ажурных переплетениях мосту через Аму-Дарью. Может быть, потому, что жизнь станции и железнодорожных мастерских была близка и понятна ему, он навсегда сроднился с этим знойным и суровым, щедрым и неповторимым краем. Может быть, потому, что именно здесь с детских лет полюбил труд человека, как самое главное занятие на земле, научился радоваться труду и за обыденностью его видеть торжество разума и понимать скрытую красоту.

Солнце вставало за спиной и освещало город Новый Чарджуй, зелень садов, глинобитные дувалы, плоскокрышие дома, высокую башню водокачки. Город бежал навстречу. Веером расстелились стальные нити подъездных путей. На путях стояли товарные вагоны. Потянулись длинные пакгаузы. Площадки, навесы со штабелями тюков прессованного хлопка. Постепенно сбавив ход, машинист подвел короткий состав к кирпичному красно-бурому одноэтажному зданию вокзала.

Павел поправил ворот рубахи, туже затянул галстук и, вынув расческу, причесал растрепавшиеся волосы. Нарком должен выглядеть солидно. Иногда это крайне необходимо. Но с солидностью не больно-то получалось при его не очень-то высоком росте и тридцати годах, а в таком возрасте мужчины больше выглядят лихими молодыми кавалерами, нежели степенными государственными мужами.

Павел надел пиджак, вышел на платформу. «Отсюда прямая связь с Ашхабадом,— Полторацкий решил использовать остановку, пока паровоз наберет воды.— Затребую ревком».

Четыре дня назад в Ташкент дошли тревожные слухи. Прямая телеграфная линия была где-то повреждена, связаться с Ашхабадом не имелось возможности. Совнарком Туркестанской республики ничего не знал о трагической гибели Флорова, чрезвычайного комиссара Закаспийской области, и его отряда. Было решено, что для скорейшей советизации края, а главное (это было большим секретом) для организации встречи парохода Джангильдинова и быстрейшей отправки в Ташкент оружия и денег, в Закаспийскую область срочно выедет специальная комиссия, которую возглавит нарком труда Полторацкий.

— Долго тут стоять будем? — спросил Павел представителя штаба Туркестанского фронта.

— Часа два, не больше.

— Тогда сначала в ревком.— Полторацкий сунул в карман наган.— Узнаем новости у местных товарищей.

Чарджуйцы, к сожалению, толком не знали, что происходит в Ашхабаде, никаких свежих сведений у них не имелось. Но они весьма обрадовались прибытию народного комиссара и никак не хотели отпускать его.

— Задержитесь до вечера, соберем митинг рабочих судоремонтного завода и пролетариев города!

Но Полторацкий торопился, ибо догадывался, что там, в Ашхабаде, наверное, свершилось что-то недоброе. Пообещав задержаться в городе на обратном пути, Полторацкий сказал:

— А теперь на почту.

Почта и телеграф располагались в одноэтажном кирпичном здании. Внутри было относительно прохладно. Молодой курносый телеграфист, с черными короткими усиками на круглом лице, в темном форменном сюртуке, удивленно и строго посмотрел на бесцеремонно вошедших в его комнату. Но, взглянув на мандат наркома Туркестанской республики, сразу преобразился в гостеприимного хозяина.

— С Ашхабадом прямая линия есть? — спросил Полторацкий.

— Если необходимо, сейчас она будет,— ответил телеграфист.— Кого вызвать?

— Вызывай ревком.

— Есть Ашхабад,— сказал телеграфист, читая желтоватую тонкую бумажную ленту: — «У аппарата Фунтиков. С кем разговариваю?»

Полторацкий сдвинул на переносице брови: «Неужели Флоров мог пойти на такое и допустить эсера к телеграфу?» И повелел:

— Спроси, где Флоров? Почему он не у аппарата?

Последовал ответ: «Флоров отбыл в Кизыл-Арват».

За этой короткой фразой чувствовалась недосказанность. Там, в Ашхабаде, что-то все же произошло. Полторацкий наклонился к аппарату, словно хотел с помощью бумажной ленты рассмотреть лица тех, кто сейчас находится на противоположном конце линии, угадать их мысли, понять обстановку. Потом Павел, как будто он смотрел в холеное лицо Фунтикова, спросил в упор:

— Что происходит в Ашхабаде?

Снова потянулись минуты молчания. Видимо, там совещались. Потом застучал аппарат и медленно поползла бумажная лента. Полторацкий через плечо телеграфиста читал вместе с ним. «В Ашхабаде все нормально. Можешь сам приехать и лично убедиться».

Если б только эти буквы на ленте могли говорить больше, чем они значили, то они бы, конечно, поведали о тех кровавых делах, которые уже творятся в Закаспии. Но бесстрастна бумажная лента! Четкие буквы составили обычную фразу, в ней ни тревог, ни беспокойства. И поэтому Полторацкий решил:

— Хорошо, я приеду. Так и передай.

Ответ пришел сразу: «Когда встречать наркома?»

— Выезжаю сейчас,— продиктовал Павел.

3

Ораз-Сердар небрежно сидел на стуле, а граф Доррер не отходил от телеграфного аппарата.

Фунтиков неторопливо почмокал полными губами, и на его сытом лице расползлась слащаво-самодовольная улыбка, какая бывает у рыбака-любителя, когда тот на обычную нажив-

ку и примитивный крючок вдруг вытаскивает из воды аршинного усача и, опасаясь, как бы выдержала, не оборвалась тонкая леска, тянет ее на берег дрожащими руками, радуясь и не веря неожиданной добыче.

Граф Доррер опередил его и потребовал:

— Ну-ка, прочти еще раз.

— «Выезжаю сейчас»,— по буквам произнес телеграфист.

— Дай сюда бумажку,— Фунтиков протянул руку к аппарату.

— Вот здесь,— телеграфист в военной форме показал на кусок бумажной ленты.

Фунтиков взял ее в руки, поднес к глазам и медленно прочел ответ Полторацкого. «Там, в Ташкенте, ни черта не знают!» — мелькнуло в голове Фунтикова, и он, бросив на аппарат бумажную ленту, прошелся по комнате, заложив руки за спину.

— Это удивительно хорошо!

Фунтиков остановился напротив Ораз-Сердара, который сидел на стуле и слегка постукивал по столу рукояткой дорогой камчи, инкрустированной серебром и слоновой костью, и спросил:

— Ну-с, как мы будем встречать «товарища наркома»?

Ораз-Сердар сделал серьезное, озабоченное лицо и, поразмыслив, хотя, откровенно говоря, он уже давно решил, как именно надо поступать, сказал:

— Аллах свидетель, охотиться на орлов трудно. Не надо делать, как было с Флоровым. Тогда много наших хороших джигитов пропало.

— Что же предлагает наш верховный главнокомандующий? — резко спросил граф Доррер.

— Надо делать тихо и не надо много шума,— продолжал Ораз-Сердар, глядя на Фунтикова, делая вид, что он не слышал вопроса, заданного графом Доррером. —От Ашхабада до Чарджуя в самой середине будет Мерв. Там много наших людей. Пошлем туда еще отряд Чаликова, он и встретит «товарища наркома».

Отряд эсера Чаликова, состоящий из вымуштрованных солдат-фронтовиков, недавно возвратившихся из Персии, считался ударной боевой силой мятежников. Не зная обстановки в России, солдаты беспрекословно верили эсеровским агитаторам, которые с пеной у рта призывали «бороться за революцию и Советскую власть без предателей — коммунистов».

— В Мерве? Это хорошо,— заключил граф Доррер и обратился к военному министру: — Но почему отряд Чаликова?

В тех краях действуют славные воины Азис-хана. С военной точки зрения...

— Я здесь вижу политическую точку,— бесцеремонно перебил его Ораз-Сердар, который накануне до поздней ночи вел совещание с Нольдингом, посланцем полковника Эссертона, по различным проблемам будущего правления Закаспийским краем и уже чувствовал поэтому за спиной мощную поддержку англичан.— Джигиты-туркмены не будут убивать русского народного комиссара, чтобы их потом не называли варварами и дикарями. Пусть европейцы уберут своих европейцев. Солдаты Чаликова это умеют очень хорошо делать!

— Вижу, уважаемый главковерх, вы заглядываете далеко вперед,— с иронией произнес граф Доррер.

— И еще прошу вас,— Ораз-Сердар с невозмутимым лицом повернулся к Фунтикову,— пусть наш уважаемый граф Доррер составит такой документ... Ну, вы знаете, который на суде бывает...

— Вы хотите сказать приговор?

— Самый настоящий приговор. Уважаемый граф учился на юридическом и был адвокатом,— ровным голосом, почти с уважением произнес Ораз-Сердар, но за каждым его словом сквозила насмешка: граф Доррер, несмотря на свой титул, не имел солидного состояния и действительно еще совсем недавно вынужден был заниматься адвокатской практикой.— Надо, милейшие, все делать как по закону. Адвокаты такое умеют.

— Безусловно,— поспешно ответил вместо Доррера премьер Фунтиков.— Приговор будет.

4

Две сотни отборных головорезов во главе с казачьим офицером Чаликовым прибыли поездом в город Мерв вечером, когда сизые, смешанные с пылью улиц сумерки окутывали кварталы города. Его крест-накрест разделяли река Мургаб и железная дорога. Высокая насыпь проходила с запада на восток, а река перерезала Мерв с юга на север. Самыми высокими точками, если не считать водокачки, были вершины старых развесистых деревьев, которые росли на улицах вдоль арыков. Разогретые за день дома, дувалы, кирпичи тротуаров теперь, остывая, отдавали свою теплоту, и над городом повис душный вечерний воздух.

На подъездных путях, не доезжая до станции, паровоз

притормозил, и по железным ступенькам вверх вскарабкался станционный служащий, светлоголовый и щуплый телом, представитель эсеровского «стачечного комитета».

— Где нарком? — Чаликов сверху вниз смотрел на него.

— Потопал ножками на почту. Ему не очень нравится, что мы паровик наркома задержали на короткий ремонт.

— Молодцы! А машинисты не артачились?

— Пробовали, но их стащили быстро. Сидят под замком и красные сопли вытирают.

— Сколько в вашей дружине?

— Сорок шесть железнодорожников, вооруженных винтовками.

— Собрать! — приказал Чаликов.

— Они возле депо. Ждут приказа.

— Службу знаете! — На горбоносом, хищном лице Чаликова появилась улыбка, он длинной рукой покровительственно похлопал комитетчика по хлипкому плечу, потом кивнул на своего помощника: — Дайте вахмистру человека, который наркома в лицо знает. Есть такие?

— Конечно, имеются! Если позволите, я сам провожу на почту. Полторацкого я давно и хорошо знаю, помню этого голодранца еще с Новой Бухары. Отвратительная личность, скажу вам!..

5

За узким окном густая азиатская ночь. Последняя ночь в его жизни. Павел Полторацкий меряет шагами продолговатую комнату с гладкими стенами. Он без пиджака, рубаха порвана в нескольких местах, висит клочьями. На теле и лице — синяки, кровоподтеки.

...Эсеровские головорезы ворвались на почту, когда Полторацкий уже соединился по прямому проводу с Ташкентом. Телеграфист едва успел отстучать первую фразу: «Ввиду неспокойного положения в городе прошу срочно выслать вспомогательный отряд», как тяжелый приклад разбил аппарат, а следующим ударом был сбит на пол седой, в роговых очках телеграфист. Очки упали, и их тут же раздавили, наступив каблуком сапога...

Павел успел отпрыгнуть к окну, выхватил из кармана наган, но выстрелить не смог. Послышался только щелчок. Полторацкий чертыхнулся. Осечка! И тут на него навалились сразу несколько человек.

Потом вели по темным и пустынным улицам. Обидно было видеть среди охранников рабочих-железнодорожников. Со стороны вокзала доносилась ожесточенная винтовочная стрельба, которая скоро затихла.

...За дверью мерно расхаживал часовой. Тускло горела маленькая лампочка под самым потолком, разливая слабый свет. Вокруг нее вились роем москиты и крупные ночные бабочки.

Павел прислонился спиной к стене, постоял, полузакрыв глаза. От стены исходила легкая прохлада, и он ее чувствовал кожей спины. Хотелось пить, надсадно ныло все тело в ссадинах и синяках. Что говорить, помяли его изрядно! Но не это беспокоило Павла: не выполнил главного, ради чего ехал. Как там, в Красноводске?..

За окном медленно всходила луна, и ее бледный серебристый свет проникал в комнату, ложился светлым продолговатым пятном на пол.

— Послухай, товарищ...

Полторацкий насторожился. Шепот доносился из-за двери. Павел подошел к двери, прислушался.

— Послухай, товарищ,— снова повторил чуть слышный голос.

— Слушаю,— отозвался Павел.

— Это я... часовой... Сую тебе бумагу. Может, жинке или там кому родне напоследок черканешь.

Под дверь просунули белый клочок бумаги и огрызок карандаша. Павел нагнулся, поднял.

— Спасибо, друг!

Появилась возможность сказать о себе, написать последнее письмо. Но кому писать? В Ташкент товарищам по борьбе? Родным в Новую Бухару? Павел повертел в пальцах огрызок карандаша. Там они и так узнают о его кончине. Он подошел к низкому небольшому столу, присел на табуретку. Бумага и карандаш — это оружие! Надо бороться до конца. И Павел, экономя бумагу, вывел: *«К рабочим Мерва и Ашхабада»*.

Неторопливо, обдумывая каждое слово, писал Павел свое письмо. Строчка плотно ложилась к строчке, как патроны в пулеметной ленте.

«Я приговорен к расстрелу. Через несколько часов меня не станет. Имея несколько часов в своем распоряжении, я хочу использовать это короткое драгоценное время для того, чтобы сказать вам, дорогие товарищи, несколько предсмертных слов.

Товарищи рабочие! Погибая от руки белой банды, я верю, что на смену мне придут новые товарищи, более сильные, более крепкие духом, которые будут дальше вести начатое дело борьбы за полное раскрепощение рабочего люда от ига капитала.

Но, уходя навсегда от вас, я, как рабочий, боюсь лишь только одного, как бы моя преждевременная смерть не была истолкована как признак временного крушения, временной утери тех завоеваний, которые были даны рабочему классу Октябрьской революцией, а это явится сильным ударом не только для туркестанского пролетариата, но и для всего дела международной революции.

Умереть не важно и не слишком больно, но тяжело чувствовать, что часть демократии (трудового народа), подпавшей под влияние белогвардейцев, своими же руками роет себе могилу, совершая преступное дело...»

Павел выводил слово за словом, вкладывая в каждую фразу своего письма-завещания спокойствие и мужество революционера, озабоченного судьбой Родины, судьбой революции.

«Никогда в истории не обманывали так ловко и так нагло рабочий класс. Не имея силы разбить рабочий класс в открытом и честном бою, враги рабочего класса к этому делу стараются приобщить самих же рабочих. Вам говорят, что они борются с отдельными личностями, а не с Советской властью. Наглая ложь! Не верьте! Наружу вылезли все подонки общества: офицерство, разбойники, Азис-хан, эмир Бухарский.

Товарищи рабочие!

Не давайте себя в руки контрреволюции, ибо тогда будет слишком трудно и опять потребуется много жертв. Берите пример со своих братьев-оренбуржцев. Они уже два месяца бастуют, не давая ни одного паровоза, ни одного человека для преступного, кошмарного дела. Смело, дружными рядами вставайте на защиту своих интересов!

П. Полторацкий».

Павел закончил писать, он вложил в послание те мысли и слова, которые хотел лично высказать самим рабочим Мерва и Ашхабада. Луна поднялась выше, и продолговатое светлое пятно пододвинулось почти к середине комнаты. За дверью так же мерно топал часовой.

Павел погладил исписанный лист ладонью. Последнее письмо. Потом взял в пальцы карандашный огрызок и на свободном месте вывел:

«Ну, товарищи, кажется, все, что нужно сказать, сказал вам. Надеюсь на вас.

Я спокойно и навсегда ухожу от вас, да не сам, а меня уводят.

Приговоренный к расстрелу П. Полторацкий.

21 июля 1918 г. в 12 часов НОЧИ».

Последнее слово «ночи» Павел написал большими печатными буквами.

Едва он успел передать часовому записку, как в коридоре послышался топот и пьяный говор.

— Выходи!

Павла вывели во двор и поставили к дувалу. Он не испытывал страха перед нестройным, колеблющимся рядом винтовочных дул. Ему было только до боли досадно, что погибать приходится не в бою.

До самого последнего момента взор его был устремлен вверх на звезды, которые нельзя расстрелять, как и само дело, ради которого он жил.

Те же звезды светились над отрядом Джангильдинова, который уже шестые сутки находился в пути...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Эссертон налил в бокал виски, взялся за сифон, потом передумал и поднес бокал ко рту. Выпил, подцепил ложечкой кусочек льда. Виски приятно обожгло, а лед внес освежающую прохладу.

«Надо собираться,— решил полковник и, словно абрикосовую косточку, выплюнул в раскрытое окно кусочек льда.— Завтра в дорогу. Выезжаем в Ашхабад».

Дела у него, да и во всей «миссии по делам Русского Туркестана» шли хорошо. Из Ашхабада ежедневно поступали радостные вести. Караван с оружием, о котором просил граф Доррер, прибыл благополучно. Капитан Нольдинг находился в самом Ашхабаде и лично возглавил вооруженное выступление против большевиков. Особый отряд, прибывший из Ташкента, уничтожен и сам чрезвычайный комиссар по делам Закаспийской области погиб в Кизыл-Арвате. Его труп опознали в сгоревшем здании Совета. Захватив бронепоезд, эсеровская дружина отправилась дальше по железной дороге, ликвидируя советских работников и коммунистов на всех

станциях от Кизыл-Арвата до самого Красноводска. Власть Советов в Закаспии пала...

Эссертон досконально знал о положении в Русском Туркестане. Дела большевиков, козыри Ленина на этом участке обширного края Средней Азии биты! Биты!.. Советский Туркестан окружен кольцом фронтов. В Приуралье действуют отряды атамана Дутова и генерала Толстова, на севере, по бескрайним степям — в Жамбейты, Тургае и Семипалатинске — ширилось националистическое движение казахов, на северо-востоке выступили семиреченские казаки и подходят из Сибири войска адмирала Колчака, на востоке начали активную борьбу ферганские басмачи.

Кольцо фронтов медленно и верно сжимается. У большевиков не хватает продовольствия. Нет денег, чтобы расплатиться с рабочими фабрик и заводов. Недостает оружия и кончаются боеприпасы. В Ташкенте начали вручную делать патроны, отливать самодельные пули... Смешно и нелепо в наш технический век! Красный Туркестан в предсмертной агонии... Петля ловко накинута на шею Советов, и конец веревки в руках генерала Маллесона.

«Несомненно, это будет самая выдающаяся победа английской разведки в новом, двадцатом столетии! — не без гордости размышлял полковник.— Такое колоссальное приобретение! Весь центр Средней Азии в наших руках!»

Эссертон подошел к столу, на котором была разостлана карта Русского Туркестана, и, заложив руки за спину, стал не спеша, хозяйским взглядом рассматривать, оценивать горы, равнины, города, степи... Важно не прогадать! Русский Туркестан, неровно круглый, окрашенный в основном в желто-оранжевый цвет пустыни и окаймленный золотисто-коричневой полосой горных массивов, внешне чем-то напоминает огромную свежеиспеченную, слегка поджаристую туркменскую праздничную лепешку из добротной муки, на бараньем сале, с пряностями и изюмом. У полковника разгорелся аппетит. Надо спешить!

Завтра с экспертами, специалистами по Востоку, и частью штаба полковник выезжает в Ашхабад. Генерал Маллесон пока остается здесь, в Мешхеде, хотя он уже назначен Лондоном «командующим оккупационными войсками в Закаспии». Но генерал, эта старая лиса, не торопится, выжидает, чтобы взять добычу наверняка. Он, не скрывая самодовольства, сказал вчера на утреннем ленче: «Азиатская дыня хороша, когда окончательно созреет».

Эссертон постучал ногтем по карте. Она теперь в его гла-

вах стала похожей на скороспелую круглую азиатскую дыньку, желто-оранжевую с зелеными пятнышками. Он знал, что такие дыньки созревают в начале июля. Полковник снова постучал по карте, словно по дыне. Сейчас середина июля. Ну как, созрела?

После утреннего ленча генерал пригласил к себе в кабинет полковника и вручил Эссертону секретный документ:

— Последнее распоряжение правительства. Ознакомьтесь и срочно подготовьте ответ.

Лондон запрашивал «о возможности получения всего имеющегося в Закаспии запаса хлопка и перевозки его в Кашгар».

В папках полковника хранится много разнообразных данных, в том числе и экономического характера. Ребята из Восточного отдела разведуправления снабдили его всем необходимым. Взяв данные по урожайности за последние пять лет, размеры посевных площадей, Эссертон получил почти точную картину запасов белого пушистого золота. Весьма внушительная цифра!

Хладнокровный, расчетливый полковник за этим распоряжением сразу же увидел колоссальное дело, на котором можно, и довольно ощутимо, нагреть руки.

Он поручил экспертам, и те сегодня представили ему подробные экономические выкладки о возможности в короткий срок транспортировать весь запас хлопка, учитывая, что везти придется не по железной дороге. Только для хлопка потребуется свыше семисот пятидесяти тысяч вьючных животных! А сколько еще надо лошадей и верблюдов для охраны, караванщиков, продовольствия и воды!.. Небывалый по размерам караван!..

И вот накануне начала такого колоссального предприятия появляются два наблюдателя-американца. Нахальные, самоуверенные. Всюду суют свой нос. И генерал, словно он не знает, чем занимается Эссертон, направляет союзничков к полковнику: «Сэр, возьмите их с собой в Ашхабад!»

Эссертон скривил губы. Конечно, генерал по-своему прав. Присутствие американцев делает «визит» в Русский Туркестан юридически более обоснованным: «Представители союзных держав знакомятся с положением дел...» Но лично ему, Эссертону, эти вездесущие, пронырливые американские наблюдатели совершенно не нужны. Полковник верил в своих подчиненных и надеялся на них. А эти американцы — просто чужие глаза и уши...

— Позвольте войти, сэр!

В дверях появился шифровальщик Уильям, пожилой, в по-

ношенной форме, с маленьким сморщенным, черепашьим лицом и острыми глазами, поблескивающими за стеклами очков.

— Проходи, Вилли.

Эссертон с первых дней, попав в экспедицию, сразу установил дружеские отношения с этим замкнутым и скучным человеком, похожим на старую улитку. Но «старая улитка», «субъект с пожеванным верблюдом лицом», как про себя называл его Эссертон, был главным нервом связи военной экспедиции.

— Что нового, Вилли?

— Сообщение военного атташе из Москвы, сэр. Только расшифровал и сразу к вам,— Уильям выразительно повел своим маленьким скрюченным носом, улавливая в воздухе запах виски.— Там насчет того русского эшелона с оружием... Ну, и пекло здесь, сэр! Трудно даже языком шевелить.

— Это дело поправимое,— засмеялся Эссертон, кивнув в сторону маленького столика, что стоял у тахты.— Со льдом или так?

— Можно и со льдом,— лицо Уильяма еще больше сморщилось от улыбки.— Эшелон выехал из Москвы, потом по русской реке Волге... Там у них оружие, и боеприпасы, и еще, как сообщают, золото.

— Разберемся, Вилли. Брось бумаги на стол и располагайся на тахте.

— С удовольствием, сэр,— Уильям положил папку на карту и подсел к низенькому столику.— Целые сутки сижу, как пес, в своей душной конуре... Одно расшифруешь, другое зашифруешь...

Жалуясь на свою судьбу, Уильям быстро действовал руками. Открыл бутылку с шотландским виски, наполнил больше половины бокала, потом посмотрел, подумал и долил еще чуть-чуть, опустил кусочек льда и добавил содовой воды. Поднес бокал к глазам, несколько мгновений любовался золотистой жидкостью.

— За ваши успехи, сэр!

Выпил быстро мелкими глотками и, чмокая губами, стал обсасывать кусочек льда.

— Там насчет золота весьма интересно,— шифровальщик показал пальцем на папку.— Даже несколько тонн... В царских десятирублевках.

— Любопытно,— безразличным тоном произнес Эссертон, внутренне настораживаясь: «Откуда там золото? Какие царские десятирублевки?» И вслух добавил: — Не везет тебе, Вилли. Как ни старался тебя с собой взять, ничего не выходит.

— Знаю, шеф от себя ни на шаг не отпустит,— Уильям снова потянулся к бутылке.— Говорит, только вместе со штабом.

— А я завтра. Да еще навязали этих американцев.

— Тогда, сэр, за счастливую поездку! — шифровальщик снова быстро наполнил бокал, добавил содовой.

— Шеф заходил? — поинтересовался полковник, когда тот выпил.

— Нет еще... Для меня плохой признак.

— Почему?

— Значит, сидит и скрипит пером... А мне потом всю ночь корпеть зашифровывать. Адская работа! Только вы один понимаете и цените, сэр!

— Есть будешь? — спросил Эссертон, не переставая думать о новом сообщении.

В слове «золото» была какая-то магическая сила. Стоило шифровальщику произнести его, как мысли полковника волчком завертелись вокруг этого слова. Что поделаешь, золото есть золото! Эссертон с нетерпением ждал, когда же, наконец, уберется этот ублюдок.

— Спасибо, сэр... Я сыт... А там все же любопытные вещички,— шифровальщик показал на бумаги.

— Любопытные вещи только начинаются, Вилли!.. Да, старина,— полковник подошел вплотную, покачал головой.— В таком виде не попадайся шефу. На жаре тебя быстро разбирает.

— Плевать хотел!.. Меня, конечно, можно наказать и даже посадить под арест... Но кто тогда будет заниматься всей этой мазней? — он кивнул на бумаги и потом с гордостью потыкал пальцем в свою хилую грудь.— Только я один в этом крае являюсь носителем тайны, владею шифровальным кодом.

— Вот что, Вилли. Забирай-ка эту посудину,— Эссертон показал на початую бутылку виски,— и валяй-ка отдохни несколько часов. В случае чего скажешь — я разрешил. А шефу я сам доложу.

Когда шифровальщик ушел, Эссертон принялся изучать сообщения. Очень ценными были вести из Москвы. Военный атташе информировал, что отряд Джангильдинова, прибыв в город Саратов, погрузился на пароход.

Другая бумага с грифом «срочно» и «сверхсекретно» заставила полковника задуматься. Он дважды ее перечел. Джангильдинов получил в Московском банке шестьдесят восемь миллионов рублей, в основном золотом. Восточный отдел

управления разведки настоятельно предлагал ускорить принятие мер для перехвата отряда...

Третья бумага информировала командующего оккупационными войсками Закаспия, что в отряде Джангильдинова находится один человек, завербованный английской секретной службой при содействии левого эсера — сотрудника ЧК, а в настоящее время предпринимается попытка заслать в отряд второго агента.

Эссертон налил себе содовой воды, выпил залпом. «Шестьдесят восемь миллионов рублей,— он стал в уме переводить на английские фунты.— Солидная сумма! Тонны золота!»... Полковник подошел к столу, отбросил папку на тахту и наклонился над картой. Она на сей раз была не сдобной лепешкой и не скороспелой дынькой, а самой настоящей стратегической военной картой.

Эссертон провел пальцем от Саратова по голубой ленте реки Волги вниз до Астрахани.

— Плывут где-то здесь,— размышлял он вслух.

На карте цветными карандашами было нанесено положение на фронтах. До самой Астрахани на всем протяжении реки отряд Джангильдинова нигде не мог высадиться, ибо рисковал попасть в руки или восставшим чехам, или казакам. Вокруг Астрахани тоже неспокойно, двигаться по суше бессмысленно: города Гурьев и Уральск взяты казаками Дутова...

Эссертон несколько минут сосредоточенно изучал карту, искал ответа на свои вопросы. Он, как артист, перевоплощался, ставил себя на место противника и размышлял так, словно именно ему доверили везти ценный груз.

— Каспийское море,— беззвучно шептал он тонкими губами.— Только Каспийское море...

Решительным жестом Эссертон прочертил карандашом жирную красную линию от Астрахани до Красноводска. Это единственно верный и надежный путь. Будь он большевистским комиссаром, то двигался бы таким же маршрутом. Другого нет! Эссертон самодовольно улыбнулся. Дальше, в Красноводске, отряд снова погрузится в эшелон и по Закаспийской дороге направится в Ташкент.

Он бросил на карту карандаш и снова засмеялся. Беззвучно, одними губами. Золото само идет к нему в руки. Судьба улыбается полковнику с самого начала экспедиции! Он снова наклонился над картой и очертил кружок вокруг порта Красноводска. Здесь, именно здесь он перехватит большевистский пароход!

Полковник Эссертон стал быстро складывать бумаги в свою папку. «Скорее доложить шефу,— думал он.— К черту верблюды и лошади! Надо брать самолет и сегодня же отправляться в Ашхабад!»

2

Второй день Габыш-бай Кобиев вместе со своими джигитами гостил в ауле Батпак у бая Ердыкеева.

Аул располагался на покатом берегу светлого и тихого озера Карагайлы. Карагайлы значит Сосновое. Но никаких сосен, да и других деревьев возле озера и на много верст вокруг не росло. На мелководье щетинился высокими зелеными стрелами камыш, а по берегам жались к воде густые, как верблюжья грива, заросли низкорослого кустарника. Однако старики рассказывают, что на противоположном крутом берегу, оголенном и выпуклом, как бритая макушка, некогда росли стройные сосны и березы. Деревья давно спилили и сожгли в холодную зиму, потом и пни раскорчевали. От тех времен сохранилось лишь одно название.

Бай Исамбет Ердыкеев, пожилой кряжистый степняк, невысокого роста, с мягкими, женственными чертами лица, на котором, словно приклеенная, росла тощая, редкая борода, владел огромными стадами и обширными пастбищами. Он славился в округе своей ученостью: в юности отправился в Бухару и там в медресе несколько лет постигал священные книги, познал все тонкости исполнения разнообразных намазов — мусульманских молитв — и мог читать хатм [1], а читать хатм имеет право только кари — такое название присуждается человеку, выучившему весь коран наизусть. Однако муллой он не стал. После смерти отца получил большое наследство, его увлекла жизнь богатого степняка, полновластного феодала. В его просторной юрте на видном месте лежали привезенные из Бухары книги, а под руками всегда находился мухтасар — краткий сборник правил и догм шариата.

Бай Исамбет Ердыкеев, несмотря на свою религиозность, ученость, любил, однако, покутить и выпить, был завсегдатаем ярмарок и почетным судьей всевозможных состязаний: скачек, байги, копкара, борьбы, стрельбы из лука и ружья.

Габыш-бая Кобиева он давно знал, не раз встречался с ним на ярмарках, потому и принял с распростертыми объяти-

[1] Хатм — чтение и толкование корана.

ями. Ердыкеев, к радости бедняков-аульчан, закатил роскошный той. Не только по случаю приезда Габыш-бая и его джигитов, а главное, по случаю сватовства. Исамбет и Габыш-бай об этом вели между собой предварительные переговоры еще весною, и теперь приезд Кобиева старик Ердыкеев воспринял как одобрение. Впрочем, он не ошибался. Габыш-бай пыжился и чванился, а в душе был давно согласен. Приятно и выгодно породниться с таким ученым и богатым человеком.

Бай Исамбет Ердыкеев, поглаживая редкую бородку, мягким, певучим голосом, словно читал молитву, торжественно объявил, что сватает дочь Габыш-бая Кобиева от третьей жены луноликую Олтун для своего пятого сына, Байжана.

Байжан сидел рядом с отцом на мягкой подушке. Двадцатидвухлетний, широкогрудый и пухлолицый, словно хорошо откормленная курдючная овца, он весь так и лоснился жиром. Над верхней губой — ниточка холеных усиков, да розоватые большие уши торчат в разные стороны. Из-за этих ушей еще в детстве его прозвали «куланом» — диким ослом. Байжан бросался с кулаками на каждого осмелившегося произнести оскорбительную кличку, потом, повзрослев, нещадно хлестал плетью обидчиков, однако прозвище накрепко пристало к нему, и за глаза молодого бая по-прежнему называли куланом.

Когда отец объявил о сватовстве, ниточка усов над губой чуть дрогнула, под приспущенными веками в глазах мелькнул холодный любопытный блеск, но тут же лицо приняло обычное надменно-самодовольное выражение. Приложив пухлую ладонь к сердцу, Байжан сделал поклон, всем своим видом давая почувствовать гостям свое полное согласие со словами отца.

— Слава аллаху за доброго сына.— Бай Исамбет с достоинством хвалил Байжана: — Учился у муллы, тоже книги любит...

В юрту вошла байбише — старшая жена бая, круглолицая пожилая женщина с властными жестами главной хозяйки, в черном атласном халате и высоком шарши[1] на голове. Она приветливо улыбнулась гостям, неторопливо из узорчатого торсыка[2] налила кумыс в расписную деревянную миску работы хорезмских мастеров и почтительно подала ее Габыш-баю:

— Отведайте, дорогой гость, нашей пищи.

---

[1] Шарши — женский головной убор.
[2] Торсык — кожаный сосуд для кумыса.

— Да продлит аллах твои дни! Хороший кумыс облегчает беседу,— ответил Габыш-бай и с удовольствием стал пить.

Хмурый бай Кара-Калы крупными глотками опорожнил миску и, не сдержавшись, стал вертеть ее в руках, без стеснения рассматривать замысловатые узоры. Габыш-бай повел бровью, с осуждением глянул на Кара-Калы. Но тот продолжал вертеть в длинных пальцах миску, постукивая по ней кривым толстым ногтем.

Байбише прислуживали младшие жены и снохи. На дорогом цветастом, мелкоузорчатом пендикском ковре с яркой желтой бахромой появилась скатерть — дастархан и на ней всевозможные яства: подрумяненный болиш — большой пирог, начиненный кусками мяса, темно-коричневые круги конской колбасы — казы, пропахшие дымом янтарные жали жая — по-разному копченная конина, ароматные баурсаки — куски теста, варенные в топленом жиру. Были тут нават, жент — сладости. На широких подносах дымились вареная жирная баранина и куски молодой жеребятины. Принесли крупные фарфоровые пиалы с голубыми узорами, наполненные душистой сурпой-акель — густым бульоном, приправленным сыром... Потом подали жирный и сочный бешбармак...

Гости неторопливо вели беседу, поглощая куски мяса, опорожняя миски с кумысом. В разгар пиршества бай Исамбет подал знак сыну, и тот незаметно вышел из юрты.

За юртой дымились, распространяя аромат, огромные котлы. Возле них вертелись ребятишки и собаки. В соседних юртах слышался веселый говор — там пировали джигиты Габыш-бая вместе с аульчанами.

Нуртаз, уплетая за обе щеки вареную требуху, запивая айраном [1], сидел в кругу пастухов бая Исамбета Ердыкеева и, слушая о степных новостях, сам поведал о том, что недавно узнал от того незнакомца, которого наутро нашел зарезанным джигитами Габыш-бая. Нуртаза слушали и, кивая, поддакивали. О батыре Джангильдинове, который отправился в Москву за оружием для казахов, здесь знали. Разговор сразу оживился. Начали вспоминать, как два года назад степь пылала огнем восстания.

— Эй, Шакен, куда ты пропал? — послышался властный голос Байжана.— Иди сюда, шелудивая собака!

Шакен, пожилой тощий пастух, крякнул и поспешно вскочил на ноги.

— Я здесь, агай!

---

[1] Айран — кислое молоко.

— Скорей, шелудивый пес! Скачи в табун и приведи Ак-Жулдуз!

— Молодой батыр тоже в поход собирается? — спросил Шакен.

— Совсем другое... Отец женить меня надумал, невесту сватает.— Байжан говорил небрежно, словно речь шла о самом незначительном деле.— Ак-Жулдуз дарить будем Габыш-баю как шеге-ат.

«Шеге-ат» означает «лошадь-гвоздь». При этом слове Нуртаз встрепенулся. Он хорошо знал, что шеге-ат дарит отец жениха при сговоре, и она, эта лошадь, как гвоздь скрепляет сватовство.

— Вай! — весело воскликнул Шакен и вскочил на коня.— Скоро свадебный той будет в ауле!

У Нуртаза перехватило дыхание. Не может быть!..

Кругом царило радостное возбуждение. Байжана окружили аульчане, поздравляли, давали шутливые советы.

Нуртаз стиснул деревянную миску с прохладным айраном. Неужели Габыш-бай решил отдать свою дочь Олтун за этого байского сынка? Вот, оказывается, зачем сюда приехали!.. Пастух сделал несколько больших глотков, но айран не остужал вспыхнувший где-то внутри огонь. Он прикрыл глаза, и перед ним всплыл образ девушки. Олтун! Из груди пастуха вырвался протяжный вздох.

— Сейчас там договорились насчет калыма,— Байжан небрежно махнул рукой в сторону восьмикрылой белой юрты отца.

— Много даете? — интересовались любопытные.

— Много! Девятками считают, да еще табун в сто лошадей,— хвастался Байжан.— У нас скота хватит не на одну свадьбу.

Калым, конечно, все нашли большим. Обычно богатые казахи скот считают семерками. А тут — девятками. Калым, как правило, состоит из отдельных групп. Первая группа — девять голов крупного рогатого скота. Это здоровые, нестарые верблюдицы, коровы, кобылицы, и все обязательно должны быть жеребые. Вторая девятка — годовалые жеребята, третья — двухлетки...

Новость быстро облетела аул. К юрте бая Ердыкеева спешили люди. Байжана обступили его товарищи, сынки аульской знати.

— Послушай, Байжан, а ты ее когда-нибудь видел? — допытывались дружки.

— Нет, никогда,— Байжан отрицательно мотал головой.— Говорят, что она красавица.

— А если она совсем некрасивая и тебе не понравится?

— Ничего, поживу несколько лет, а там вторую жену возьму, — Байжан самодовольно ухмыльнулся. — Скота у нас много!

Нуртаз оцепенел. Ему хотелось не верить словам, но в голосе байского сына звучали искренность и хвастливость. Все, все правда... Сосватали. Олтун, Олтун!.. В глазах поплыл туман. Каждое хвастливое слово Байжана, словно удар камчи, хлестало по доверчивому сердцу пастуха. А он-то, наивный, думал стать батыром, чтобы взять в жены Олтун. Мечты и надежды, которые он столько времени вынашивал и лелеял в груди, рухнули, рассыпались, как игрушечные юрты, сделанные из сырого песка, на которые наступил сапог бая... Раздался легкий треск. Нуртаз встрепенулся и с недоумением посмотрел на свои сильные руки. В широких ладонях светлели острыми краями черепки раздавленной миски, из которой только что пил айран.

— Апырай! [1] — одними губами промолвил пастух, отбрасывая черепки в сторону.— Все теперь сломалось у меня... Жизнь сломалась...

Нуртаз медленно и тяжело встал, словно ему на плечи легли горы. С нескрываемой неприязнью посмотрел на самодовольное лицо Байжана, окруженного дружками. Он приложил ко лбу разгоряченные кулаки и, опустив голову, медленно побрел в степь. Шел, как пьяный, спотыкаясь на ровном месте. А за спиной гудел веселый говор, слышались поздравления, спешно резали новых баранов, разводили костры...

Нуртаз не оглядывался. Еще остановят, начнут расспрашивать о невесте, и ему, чтобы не выдать своих переживаний, придется рассказывать о той, которая ему дороже всех на свете. Скорей, скорей туда, где пасется отара.

Две лохматые черные овчарки с подрезанными ушами, радостно виляя обрубленными хвостами, бросились навстречу пастуху. Отара паслась в лощине. Нуртаз обвел степь невидящими глазами и в бессильной ярости повалился на землю. Бешено колотил землю кулаками, рвал траву, скрежетал зубами, повторяя ее имя:

— Олтун!.. Олтун!..

Овцы шарахнулись в сторону и сбились в кучу. Черные

---

[1] Апырай — восклицание «эх».

овчарки с недоумением смотрели на своего хозяина, раскрыв зубастые пасти и высунув красные языки.

В степи сумерки быстро переходят в темноту. Над головой вспыхнули яркие звезды. Далекие и недоступные, как золотые монеты, которых нет у Нуртаза.

Он очнулся далеко за полночь. Усталое и обессиленное тело ныло и гудело. Хотелось пить, в горле пересохло. Пастух поднял голову, потом сунул руку за пазуху: что-то нудно кололо в боку. Нащупал пальцами и вынул темир-кумуз, свой немудреный музыкальный инструмент. И сразу нахлынули теплой волной воспоминания. Это было совсем недавно. Они едут рядом по степи, он и Олтун. Оба молчат, только разговаривает темир-кумуз о радости, о любви. Кони тоже слушают музыку, цокают копытами и везут вдаль, туда, где в синем небе всходит большая оранжевая луна...

Нуртаз заскрипел зубами. Устало приподнялся, сел. Кругом стояла гнетущая тишина. Рядом, положив морду на лапы, чутко дремал пес. Далеко-далеко, тускло осветив край неба, над горизонтом поднялась желтая, как цветок разлуки, луна.

— Олтун!.. Олтун!..

Луна как была, так и осталась. И темир-кумуз остался. Только нет уже Олтун, продана. Как продают лошадь, верблюда, теленка... Нуртаз приставил к зубам железный кончик дуги, а пальцем другой руки стал ритмично дергать стальной язычок, и в прохладную тишину ночи поплыли печально-тоскливые звуки...

3

Утром, едва взошло солнце, пленных растормошили:

— Вставай!.. Тур!

Связанные попарно люди с трудом поднимались на ноги. Руки Джэксона соединены одной веревкой с молодым узбеком, раненным в грудь и ногу. Пуля прошла сквозь мякоть бедра, слегка зацепив кость. Ему никто не мог оказать помощи: все были связаны. Всю ночь он метался, просил, плакал надсадно и глухо. А кровь все текла, пропитывала одежду. К утру и галифе Сиднея набрякли, стали липкими.

Узбек от потери крови обессилел и, поднявшись, буквально висел на Джэксоне. Толстая веревка, плотно скрученная из грубой шерсти, врезалась в запястья.

— Ит боласы! Сучьи дети! Вперед!

Награждая ударами плеток и прикладов, пленных погнали

к окраине города. На пыльных улицах было удивительно тихо и пустынно. Город словно вымер. Жизнь, казалось, притаилась за толстыми глинобитными оградами. То там, то здесь из узких щелей чуть приоткрытых калиток на пленных были устремлены сочувственные взгляды.

Джэксон, тяжело ступая, тащил на себе раненого товарища. Узбек при каждом шаге глухо стонал:

— Сув!.. Воды!..

— Неужели, гады, по кружке воды не дадут? — впереди идущий пленный громко выругался.

— Кровью своей захлебнешься, собака,— подскочивший конвоир с жирным багровым лицом мясника взмахнул плеткой.— За мое добро, собаки! За лавку, ироды! Грабители, окаянные!..

Плетеным сыромятным ремнем плетки он хлестал по головам, плечам, спинам. Слышались стоны, вскрики, ругательства.

Впереди показался небольшой мостик через арык. В неглубокой канаве текла мутная, грязная вода. Пленные, мучимые жаждой, торопливо ускорили шаги и, невзирая на окрик, бросились к воде. Падали на колени, ползли, связанные попарно, помогая и мешая друг другу, тыкались лицом в мутную жижу.

Джэксон с обессиленным узбеком тоже протиснулся к арыку. Почуяв свежесть воды, узбек открыл глаза. Сидней кое-как помог тому наклониться и, встав на колени, дал ему возможность окунуть лицо в грязную воду.

— Прочь, сволочи! Красные свиньи!

Удары прикладов и плеток сыпались со всех сторон. Пленных красноармейцев с трудом отогнали от арыка, снова собрали в колонну и погнали дальше. Джэксон только облизал пересохшие губы. Ему так и не удалось сделать ни единого глотка.

Пленных загнали в обширный двор, огороженный высоким дувалом. Плотная земля утоптана копытами животных, местами темнели орешки овечьего помета. Во дворе ни деревца, ни кусточка. Пленных разместили посредине двора. Палящий, нестерпимый зной. Сухой, раскаленный воздух и колючие, жесткие лучи неумолимого солнца. Связанные красноармейцы изнывали от жары и жажды. О еде никто не думал. Хотя бы глоток воды!..

Их продержали под палящими лучами солнца до самого вечера. Это была жестокая пытка. Люди вконец обессилели. Раненые бредили.

Под вечер послышался цокот копыт. Охранники, дремавшие в тени навеса, торопливо вскочили. Двое побежали к массивным деревянным воротам.

Во двор въехала группа всадников. Одни в богатых туркменских нарядах и белых пушистых папахах, другие в русских мундирах и в фуражках. Джэксону бросились в глаза два всадника, один был в форме офицера американских войск, а второй — английских.

Сидней зажмурил глаза и снова открыл — не мираж ли это? Нет, не мираж.

Охранники кинулись к пленным и стали пинать их ногами, хлестать плетками, толкать прикладами.

— Вставай!.. Тур!.. Вставай!

Пленные, поддерживая друг друга, медленно поднимались на ноги.

До слуха Сиднея донеслась английская речь.

— Это настоящие большевики, остатки отряда чрезвычайного комиссара,— сказал один из всадников.— Надеюсь, вы удовлетворили свое любопытство?

— О да, сэр Нольдинг! Я вполне удовлетворен.

Джэксон торопливо сделал шаг, протиснулся вперед. Узбек потерял сознание, и его пришлось тащить.

— Сэр, прошу внимания! — крикнул боксер.— Одну минуту, сэр!

Один из всадников, одетый в американскую форму, осадил коня. В светлых глазах появилось удивление.

— Кто тут говорит по-английски? Что надо?

Двое охранников-европейцев бросились в толпу пленных, вывели Сиднея вперед.

Американец, натянув поводья, придержал танцующего коня. Англичанин тоже повернулся и с нескрываемым любопытством стал рассматривать оборванного большевика с кровоподтеком на скуле, с пятнами засохшей крови на брюках. На его плечах полувисел связанный азиат.

— О, я не полагал, что большевик так культурен! — Американец покрутил плеткой.— У вас есть какая-нибудь просьба или последнее желание?

Пленные, не понимая слов, настороженно вслушивались. Охранники не сводили глаз с Джэксона.

— У меня только одна просьба, сэр! — Джэксон смотрел соотечественнику прямо в лицо.— Чтобы вы обеспечили человеческое отношение к пленным.

Нольдинг, пришпорив коня, подъехал вплотную к Сиднею. Насмешливо сощурил глаза:

— Стоило ли тебе изучать английский язык для того, чтобы быть расстрелянным в Каракумах?

И капитан Нольдинг дважды хлестнул плеткой по лицу боксера.

Джэксон в бессильной злобе рванул связанными руками. Охранники кинулись к нему и, награждая ударами, поволокли к толпе пленных.

4

Только к вечеру, когда обширный двор перечеркнули спасительные тени, пленных подняли на ноги и погнали в овечий сарай. Усталые и измученные жаждой, голодные, опаленные безжалостным солнцем, люди едва передвигали ноги. Переступив порог вонючего сарая, красноармейцы без сил валились на пол. Джэксон с трудом подтащил узбека к стене. Раненый пылал жаром, бредил, метался.

Ночь наступила как-то сразу. Темная и душная. От глиняных стен и низкого перекрытия веяло жаром.

Джэксон осмотрелся. Высоко, почти под потолком, узкие продолговатые отверстия. Медленно всходила луна, и ее светлые лучи проникали в сарай. Изможденные люди забылись тяжелым сном. Но спали не все. То там, то здесь раздавался тихий шепот. В дальнем конце сарая кто-то стонал глухо и протяжно. Рядом слышалось тихое всхлипывание. Чей-то хрипловатый голос повторял:

— Замолчи, Митька... Не показывай гадам слабости своей!..

— Убьют спозаранку,— слышалось сквозь всхлипывание причитание.— Убьют ни за што, ни про што...

— Не скули,— послышался третий голос.— За свою власть погибаем. Дарма ничего не дается...

Джэксон ощущал спиной и щекой теплую глину стены. Мысли, довольно безрадостные, не давали покоя. Да разве уснешь, если знаешь, что это, может быть, твоя последняя ночь... Было обидно и горько так погибать.

Вдруг узбек начал дергаться, вскрикивать, биться головой о пол... Джэксон пытался его удержать связанными руками, но тот вырывался. Так продолжалось несколько минут. Потом раненый как-то сразу затих, только конвульсивно вздрагивал. «Неужели умирает?» — мелькнула в голове Сиднея тревожная мысль, и ему стало не по себе. Джэксон до крови закусил губу. Глоток воды, кусок тряпки, чтоб перевязать рану, могли бы спасти товарища...

Стояла глубокая ночь, в узкие отверстия струйкой вливался освежающий воздух. Джэксон, прислонясь спиной к стене, устало закрыл глаза.

Мысли вихрем проносились в голове. Он вспоминал свою жизнь, первые выходы на ринг, победы... Мать в далеком Нью-Йорке, которая, наверное, так никогда и не узнает о его гибели... Мысленно видел брата, сестру... Казалось, что все, что с ним происходит здесь, просто какая-то нелепость, какой-то сон, что стоит лишь открыть глаза, и он сразу очутится в ином мире.

Уснуть бы так, чтобы не проснуться!.. Но сна не было. Давили мысли. Он почему-то вспомнил знойный солнечный день на станции Урсатьевской, когда встретил чрезвычайного комиссара... Мог ли он тогда предположить, что эта встреча, радостная и такая неожиданная, станет началом его конца и что им обоим оставалось жить считанные дни?.. Что ни говори, а жизнь довольно запутанная штука, и ее повороты человеку неведомы, понять и постигнуть ее законы никто не может. Человек всегда стремится к лучшему, а попадает, как нарочно, в такие передряги, выбраться из которых ему не удается.

Джэксон закусил губу. Умирать глупо и покорно ужасно не хочется. Он в который раз напряг мускулы, пытаясь разорвать веревку, распутать связанные руки. Но веревка была крепкой — не разорвешь. И вдруг у него мелькнула мысль: зубы!.. У меня же есть зубы! И у других тоже есть зубы. Так почему же нам не разгрызть веревку!.. Распутать хотя бы одного, а потом освободиться всем... Ночь-то не кончилась, до утра далеко.

Отчаяние рождало надежду. Горячая волна прошла по телу. Действовать! И немедля!

Вдруг за стеной сарая послышалась какая-то непонятная возня. Раздался короткий вскрик, и вскоре все затихло. Но ненадолго. Снова шаги, резко щелкнул засов.

Узники насторожились.

В распахнутую дверь ворвался поток свежего воздуха.

— Кто живой, товарищи, выходи!

Пленники узнали голос. Джэксон торопливо встал, поднимая и вялое тело товарища. Конечно же, это голос Мурада. Да, это он!

Узники повскакали и, толкаясь, устремились к выходу. Послышались радостные возгласы:

— Мурад!

— Братцы, свои!

В дверях красноармейцы орудовали кинжалами, разрезая веревки, которыми были связаны пленники.

Мурад, расталкивая счастливых, втиснулся в сарай.

— Товарищ комиссар! — в его голосе звучала тревога.— Товарищ комиссар!

В сарае воцарилась гробовая тишина. Кто-то тихо произнес:

— Нету комиссара...

Другой добавил:

— Еще тогда, днем... Во время боя...

— Ай-яй! Опоздал я!

Красноармейцы торопливо седлали лошадей охраны. На освещенном луной дворе и под навесом на земле темнели тела недавних мучителей.

Мурад посадил Джэксона на свою лошадь.

— Держись за мой ремень!..

Сидней обхватил туркмена. Он не привык ездить верхом. «Только бы не упасть!» — подумал Джэксон.

— Скорей, товарищи! Скорей!

Всадники, нахлестывая коней, скакали молча. Позади остался город. Где-то в стороне уныло тявкала собака. Впереди, залитая серебряным лунным светом, простиралась пустыня.

Вдруг раздался плач туркмена. Он прозвучал тоскливо, как стон:

— Ай-яй-яй!.. Зачем не успел?.. Зачем не успел?..

Мурад вслух выражал то, что было у каждого на душе.

— Такой правильный комиссар!.. Самый большой комиссар! Самый первый комиссар!.. Ай-яй-яй!..

5

Всю ночь и день небольшой отряд красноармейцев бешено скакал по пустыне, уходя от погони.

На привале командир роты, которую Мурад встретил на железнодорожном разъезде и привел в Кизыл-Арват, сказал:

— Мы, товарищи, совсем не знаем обстановки. Оставаться тут рискованно. Надо разбиться на небольшие группы. Одна пойдет в Красноводск, другая — на восток, в Мерв, третья — в Кушку, а четвертая — на север, к Аральскому морю. Мы должны любым способом сообщить командованию о мятеже.

На север пошел Мурад. Он знал пустыню, вырос в этих краях. Он и выбрал самую трудную дорогу. Так ему подсказывала совесть.

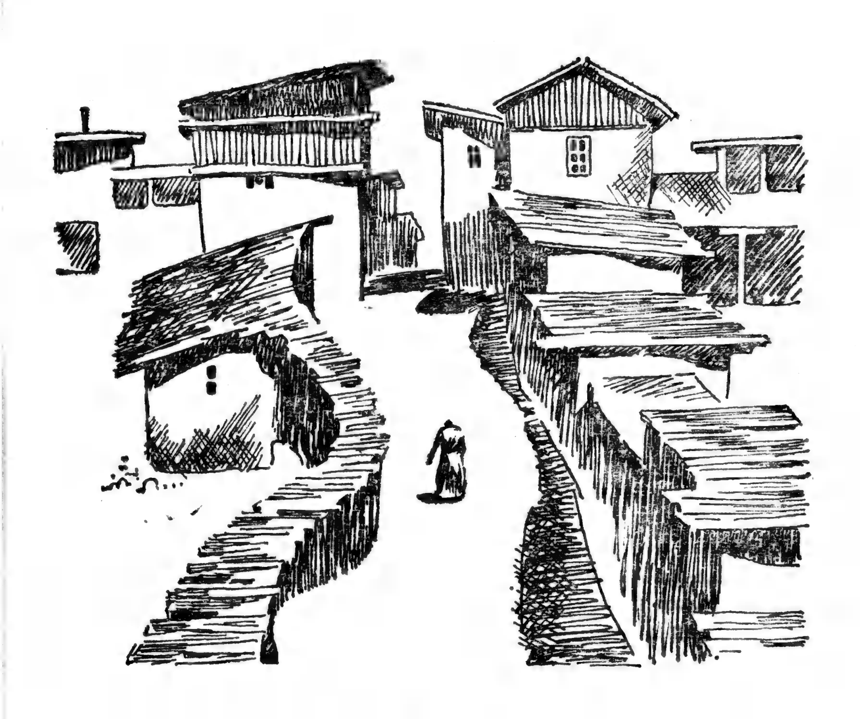
Кроме Джэксона, в его группу вошли армянин Саркисян и два красноармейца из отряда Флорова.

После привала, разделив оружие, воду и продовольствие, бойцы пожали друг другу руки.

— До встречи, товарищи!

Группа Мурада уходила последней. Привстав на стременах, туркмен высоко поднял свою папаху, провожая товарищей. Потом обвел грустными глазами свой небольшой отряд и хлестнул коня:

— Вперед, джигиты!

Часть вторая

СКВОЗЬ КОЛЬЦО ВРАГОВ

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

К Царицыну приплыли под вечер. На палубу парохода «Саратов» высыпали почти все бойцы отряда. Колотубин и Джангильдинов находились на капитанском мостике. Джангильдинов, сняв фуражку, подставил лицо легкому ветерку, который долетел откуда-то из знойных сухих степей, донося запахи полевых цветов. Колотубин, держа ладонь козырьком у глаз, стоял с расстегнутым воротом и пристально рассматривал надвигающийся Царицын. Сзади попыхивал трубкой капитан, коренастый, плечистый, в форменном кителе, с окладистой русой бородой.

Красноватое огромное солнце опускалось где-то за городом, вдали за курганами и холмами выжженной казацкой

степи. Над бескрайней спокойной Волгой, которая медленно плыла, как расплавленное олово, стлался белесый вечерний туман, чем-то похожий на разбавленное молоко. Левый, пологий берег с желтыми песчаными плёсами кое-где, местами еще был освещен уходящим на отдых дневным светилом, его красноватый нежаркий свет ложился на песок, берег, кусты, одинокую рыбачью лодку, выкрашивая серый грубый парус в нежный розовый цвет и просвечивая вдали реденький лес. Правый, высокий берег, на котором громоздились дома и улицы города, был темным, сумрачным. На светлом предвечернем небе четко темнели силуэты домов, вернее, крыш, кроны деревьев, торчали огромными черными свечками трубы заводов и высилась каменная громада собора, над куполом которого горел огнем массивный золотой крест. От правого берега, распространяясь над водой, глухо доносился привычный шум города, слышались лязг, грохот, конское ржание, голоса... Вода у правого берега тоже была темной, и только за каждой плывущей лодкой тянулся серебристый хвост...

— Ца-ри-цын! — нараспев произнес Колотубин.— Откуда пошло такое название, насквозь старорежимное?

— Разное говорят,— отозвался капитан,— может, не только старорежимное кроется в названии города.

Он вынул изо рта трубку, загасил большим пальцем остатки тлеющего табака, стал выбивать пепел.

— В одной легенде рассказывается, что название пошло от татарских слов Сара-чин, что означает Желтый остров. А ученые люди говорят, что наименование город получил от других, тоже татарских слов — Сары-су, что значит Желтая вода.

— Да, да, Сары-су — это и будет Желтая вода. По-казахски тоже так,— вступил в разговор Джангильдинов.— Тут где-то есть последнее большое становище хана Золотой Орды.

— Сарай-Берке,— сказал капитан и показал трубкой на левый берег.— Там, на Ахтубе, протоке Волги.

Пароход, монотонно шлепая плицами больших колес, подходил к пристани. Палуба чуть вздрагивала в ритм работы машины. Из маленькой темной трубки, что находилась около дымогарной трубы и была издали похожа на толстую проволоку, вырвалась струя белого пара и раздался протяжный гудок.

— Сколько стоять будем? — спросил капитан.

— Возьмем груз — и дальше,— ответил Колотубин.

— Нам надо топливом подзапастись.

— Запасайся, капитан.— Степан застегнул ворот, расправил складки гимнастерки, проведя двумя пальцами под широким желтым ремнем.— Хорошо, если завтра за день управимся.

— В город никого не отпускать. Нужно соблюдать осторожность,— сказал Джангильдинов.— Выставим караулы.

— Верно,— согласился Колотубин.— А нам с тобой все же придется сейчас в ревком смотаться, чтобы завтра понапрасну не терять времени.

И Степан пошел в каюту за фуражкой. Ведь в городе надо быть одетым по форме.

Приказ командира «Всем оставаться на месте!» был встречен без особого энтузиазма. Чокан Мусрепов, грузно ступая по палубе,— он все еще никак не мог привыкнуть к пароходу, к тому, что под ногами пол слегка покачивался,— подошел к Джангильдинову и стал по-казахски быстро говорить, доказывая, что ему крайне необходимо сходить на берег, побывать на базаре, ибо есть эту ржавую вяленую рыбу и пить морковный чай ему вконец надоело.

Командир не успел ответить. Едва пароход пришвартовался и поставили ребристые сходни, как на палубу вбежали пятеро вооруженных матросов. На груди крест-накрест пулеметные ленты, за поясом гранаты. Двое тут же встали у выхода, а трое хозяйской походкой направились к капитанскому мостику.

— Товарищи, что вам надо? — Джангильдинов встал на их пути.

Моряки остановились. Невысокого роста, плечистый, рыжебровый моряк в новенькой кожанке и с маузером на боку — видимо, старший — с нескрываемым интересом стал рассматривать Джангильдинова, и в его светлых глазах запрыгали смешинки. Второй моряк, с щеголеватыми усиками, заложив руки в карманы штанов, обошел вокруг Джангильдинова и выразительно прищелкнул языком:

— Это совсем не капитан! — И повернулся к третьему, хмуролицему тощему моряку:— Гоша, эта Азия — сплошная безобразия!

— Корабль конфискуется Красной волжской флотилией! — произнес тоном приказа рыжебровый.— На разгрузку даем три часа.

Бойцы отряда обступили прибывших. Чокан исподлобья смотрел на моряков.

— И это все? — сухо спросил Джангильдинов.

— С прибытием, молодчики, вас ждут давно окопчики,—

снова зубоскалил моряк с щеголеватыми усиками.— Выматывай, пехота, если к рыбкам неохота!

— Посудина становится боевым кораблем,— нехотя разъяснял рыжебровый.— Кто тут командир?

— Здесь командир,— ответил Джангильдинов.— Я командир.

Моряк в кожанке, пряча усмешку, неторопливо полез в карман и, достав документы, протянул Джангильдинову:

— С тобой мы легко придем к мирному соглашению. Вот мандат штаба фронта. Слыхал небось о такой организации?

Джангильдинов стал читать мандат. Там действительно говорилось, что ударному отряду красных моряков Волжской флотилии дается право конфисковывать на пользу революции и для укрепления военного флота пригодные буксиры, пароходы, а также баржи и парусные лодки.

Степан Колотубин вышел из каюты, сразу увидел моряков. Перед комиссаром расступились бойцы отряда, пропуская его.

— Что тут? — спросил он, подходя к командиру.

— Вот мандат. Хотят отобрать пароход,— Джангильдинов протянул документ Колотубину.— Придется телеграфировать в Москву.

— А это что за сухопутная птица? — моряк с усиками нахально окинул снизу вверх рослую фигуру Колотубина.

— Комиссар отряда.

— Тогда вам, как говорят в Марселе, наши привет, пардон и мерси.

— Отвали,— тихо велел рыжебровый, и разбитной морячок сразу смолк.— Знакомься, комиссар, и содействуй на всю катушку.

Колотубин пробежал глазами мандат, сложил его и вернул владельцу. Потом молча вынул свои документы и, прежде чем вручить их моряку, спросил:

— Грамоту знаешь?

— Буковки складываю, братишка.

— Тогда знакомься,— и Колотубин подал бумагу.

Моряк небрежно взял мандат и неторопливо прочел. Самоуверенная ухмылка слетела с квадратного лица, словно его протерли наждаком. В расширенных светлых глазах застыло удивление. Не выпуская мандата из рук, моряк посмотрел на своих спутников, потом снова перечел бумагу.

— Комиссар, и ты с ним,— моряк ткнул пальцем в подпись,— виделся?

— Вот как с тобой,— ответил Колотубин.— Только он поласковей разговор вел и чаем потчевал.

— И он тоже? — моряк показал пальцем на Джангильдинова.

— Тоже. Они старые знакомые, еще до революции встречались.

— Иди ты! — не поверил моряк.

— А что мне тебя уговаривать, ты не барышня, хотя клеш носишь.

— Насчет клеша, комиссар, давай не будем! — И моряк подозвал своих спутников.— Вот тут читайте, братишки! — он пальцем показал на подпись.— Что написано?

— «Предсовнаркома В. Ульянов-Ленин»,— прочел по слогам матрос с щеголеватыми усиками и, сразу став серьезным, произнес:— Сам подписал.

— Так-то! — Рыжебровый взял цепко за рукава своих товарищей и придвинул к себе.— Что я вам скажу? Эта посудина проплывет мимо вашего носа... Поднять якоря и отдать концы!

— Ясно, наша карта бита...

Моряк с усиками во все глаза смотрел на Колотубина, на Джангильдинова, и то, что перед ним стояли люди, которые не только видели Ленина, но и разговаривали с ним, и у них были документы, подписанные самим вождем революции, это все необычайно взволновало его.

Рыжебровый вернул мандат Колотубину.

— Я же говорил, что мы легко придем к мирному соглашению. Мы отдаем концы.

— Погоди,— Колотубин положил свою ладонь на плечо моряка.— Читал мандат?

— Даже с удовольствием.

— Что там написано? Вник?

— Вник, конечно, братишка. Даже на память запомнил: «Всем ревкомам, совдепам, всем командирам... оказывать всяческое содействие и помощь».

— Так вот вы нам теперь и будете оказывать всяческое содействие и помощь. По революционному закону.— Колотубин спрятал мандат.— На берегу какая у вас имеется подвижность? Машина или там подвода?

— Таратайка с двумя кобылками.

— Сойдет,— согласился Колотубин.— Эту таратайку мы конфискуем временно. Повезешь нас с товарищем Джангильдиновым в ревком.

— Можно,— рыжебровый повеселел, поняв, что таратайку берут временно.— Груля!

— Тут Груля,— моряк с усиками вытянул длинные руки вдоль тела и выпятил грудь.— Антон Груля слушает.

— Садись в таратайку и доставь...— Рыжебровый повернулся к Колотубину:— Куда доставить?

— В ревком,— подсказал Степан.

— Чтобы прямо к народному комиссару товарищу Сталину,— добавил Джангильдинов.

— А к нему вас допустят? — озадаченно спросил Груля.

— У них мандат от самого Ленина,— сказал рыжебровый.— Ясно?

— Как штиль на море,— ответил Груля.

— Так и жми прямым курсом на таратайке,— велел рыжебровый и крепко пожал на прощание руки Джангильдинову и Колотубину.— Счастливого плавания!

2

Таратайка оказалась обыкновенной повозкой, а кобылки — тощими гнедыми меринами. На повозке лежал полуторный спальный матрац с упругими пружинами, покрытый сверху куском серого брезента.

— Для удобства плавания по суше,— пояснил Груля, хлопая ладонью по пружинистому матрацу.— Как в каюте первого класса. Прошу садиться!

Сам Груля уселся спереди, подложив под ноги винтовку, натянул вожжи и взмахнул кнутом.

Лошади неохотно тронулись с места. Копыта зацокали по булыжнику, изредка высекая искры.

— Бывали в Царицыне? — поинтересовался моряк.

— Впервой,— ответил Колотубин.

— Неказистый, а все ж портовый городишко. Вытянулся, как колбаса, повдоль берега,— пояснял Груля.— Там, на севере,— он махнул кнутовищем назад,— заводы Дюмо, французишка такой тут промышлял, сейчас нет его, смылся. Там и другие французы жили, мастера, инженеры. Эта слободка называется Малой Францией. Поюжнее, этаким островком, живут поляки, их слободку здесь называют Балканами, словно не знают, что Балканы никакогошенького отношения к Польше не имеют. Но раз назвали, тут никуда не попрешь! У поляков своя церква, костел по-ихнему называется. По праздникам у них в костеле музыка красивая и плавная играется на такой большой гармони, что ордан называется. Слыхивали, может?

— Не ордан, а орга́н,— поправил Джангильдинов.— У католиков он всегда уважается, любят играть, чтобы за душу потрогало.

— Пусть будет орган,— миролюбиво согласился Груля и, хлестнув коней, продолжал:— За речонкой Царица, где воды курице по колено и пьяному мужику грязи по самое горло, находится татарская часть. Капказ называется. Сплошные саманные мазанки, голь перекатная, а гляди, себе какую мечеть, церкву мусульманскую, отгрохали! А дальше, на юг, где станция такая Сарепта, немецкая колония, там горчицу мелют. Сарептская горчица... Слыхали про нее?

— Послушаешь тебя, так тут одни иноземцы живут,— сказал Колотубин.— Словно город не российский.

— Мало, видать, вы, товарищ, городов смотрели,— отозвался Груля и снова хлестнул лошадей,— а я поплавал на Каспии и по Волге-матушке. Так вот, дорогой товарищ, скажу тебе, что русский человек завсегда в самом центре, в середке города располагается. Так и тут, в Царицыне. Вон махина собора каменного! Как маяк морской, на много верст с Волги видать. Тут и есть главная часть, где сплошь люди русские, пьют с закускою, а иногда и так — понюхают кулак и шабаш, отче-наш!..

— Ловко ты и складно говоришь, прямо стихи выходят,— похвалил Колотубин.

— Само собой так получается, даже когда и не совсем желаешь,— признался Груля.— Терплю я нерадости через это. Скажешь складно, а кому и не по нутру, так с кулаком сразу и лезет, что хошь не хошь, а встревай в драку, отбивай атаку.

— Разные бывают люди,— сказал Джангильдинов,— одни любят шутки, другие не любят очень. У нас, у казахов, шутку любят, уважают, кто красиво и складно говорит. На праздниках даже такие состязания устраивают, из дальних аулов шутники и остряки приезжают.

— Хорошую шутку и доброе слово везде любят,— подтвердил Колотубин.

— Скажи мне, мил человек, товарищ Азия, вот что. Ты называешь свой народ казахами, а мы, русские, зовем вас киргизами. А по-правильному, кто же вы? — полюбопытствовал моряк.

— Степь за морем Каспием большая. И горы есть, и пески,— охотно пояснил Джангильдинов.— Много племен разных кочует. В Небесных горах, Тянь-Шань называются, живут кочевники, что именуют себя киргизами. А там, где

пески пустыни Каракум, живут скотоводы текинцы, йомуды, эрсари, чаудоры, сарыки, которые зовутся одним именем — туркмены. В долинах Ферганы и Зеравшана живут земледельцы, много садов там и хлопок растет, как у вас пшеница. Эти люди зовут себя узбеками. А в большой степи, от Каспия до самых гор, кочуют смелые и добрые люди — казахи. Так есть на самом деле. Только русские почему-то всех называют киргизами. Это еще ничего. Но вот когда сартами называют, это обидно.

Слово «сарт» Колотубин слышал впервые. Он крепко его запомнил. «Наверное, оскорбительное слово,— думал Степан.— При случае надо будет в отряде поговорить с бойцами, разъяснить. Многие впервой едут в Азию».

— А разговаривают мусульмане по-разному? — продолжал интересоваться Груля.

— Понять можно, трудно, правда. Много слов несхожих.

— А вера? Одна?

— Вера одна, мусульмане все. Только люди разные, одни верят, а многие только обряды выполняют, просто привычка.

Колотубин внимательно слушал и смекал. Вот как выходит, какая обширная матушка-Россия, сколько разных народов живет. «Придется потом у командира спросить,— думал Степан,— каким образом они различают племена? По словам, а может, и по одежде?»

Джангильдинова и Колотубина удивило обилие военных на улицах города. Шли пехотинцы, распевая песни, проскакали верховые. На перекрестке пришлось остановиться, пропуская артиллерию. Грузные, сильные кони, запряженные попарно цугом, тащили зарядные ящики и полевые пушки. Тяжело грохотали по булыжнику окованные колеса.

— Скоро приедем? — спросил Джангильдинов.

— Почти на месте, сейчас за собором на станцию выедем,— ответил Груля.— Там личный поезд наркома стоит.

Темная громада собора вырисовывалась впереди, поднявшись в звездное небо. Где-то рядом послышался привычный шум железной дороги, лязганье буферов, короткие гудки маневровых паровозов.

Привокзальную площадь освещали несколько тусклых фонарей. Около кирпичного здания вокзала возвышалась трибуна, сколоченная из досок и обтянутая красной материей, на которой крупными белыми буквами был написан лозунг. Колотубин прочел: «Смерть мировому капиталу!» Около трибуны расхаживал пожилой грузный красноармеец с винтовкой в руках.

— Охраняет, чтоб мешочники не ликвидировали материю,— пояснил Груля.— В прошлый раз ободрали трибуну сразу после митинга, едва ораторы ушли. Народ такой, оно и понятно. Война войной, а бабе на платок или кофточку принести хочется каждому. Ну и рвут, не сознавая ответственности.

— Жди нас, мы скоро вернемся,— велел ему Колотубин, спрыгивая с повозки.— Повезешь назад.

В большом зале вокзала с низким потолком в нос ударил крепкий, спертый воздух. Народу было много. На полу, на скамьях сидели, лежали, дремали, курили, ужинали, пили кипяток, кормили детей... Мужики, городские, солдаты, женщины, старики... И все с котомками, узлами, мешками, чемоданами, корзинами. Одни торопились с севера на теплый юг, в сытые края, другие, намыкавшись в тех краях, наменяв на барахло муки и сала, спешили домой, на север. «Сколько народу сорвалось с места и мотается,— подумал Степан с жалостью к людям.— Будто вся Россия села на колеса».

Поезд наркома — два мощных паровоза, несколько спальных вагонов — стоял в тупике. В окнах, закрытых занавесками, желтый свет, он ложился квадратами на рельсы, шпалы, освещая часовых.

Колотубин и Джангильдинов вынули мандаты, требовали пропустить, но охрана твердила одно:

— Никого допускать не велено. Отходи!..

— Позови старшего,— настаивал Колотубин.

— Сказал тоже! А кому пост оставлю?.. Отходи!..

Открылась дверь, и на площадке вагона показался высокий военный в фуражке, шашка на боку.

— Товарищ! — Колотубин замахал рукой.— Товарищ! Позови начальника охраны.

— Ну, что надо? — военный потянулся, зевнул.

— Пропустите нас. Мы из Москвы. У нас мандаты,— быстро заговорил Степан, протягивая документы.

— У всех нынче мандаты есть.— Военный расстегнул ворот, почесал шею и, снизойдя к просьбе, сказал часовому:— Прохор, давай сюды их бумажки. Посмотрим, что за мандаты.

Красноармеец взял у Джангильдинова и Колотубина документы и шепнул:

— Сам начальник охраны.— И побежал к площадке вагона.

Военный ушел, оставил дверь открытой. Через несколько минут он показался снова. Теперь он был иным. Быстро сбежав по ступенькам, направился к ожидавшим.

— Что же сразу не сказали, кто вы? Ну, ладно, не сердчайте... Мы вас давно ждем. Идемте! Идемте! Так сказать, с благополучным прибытием!

Военный энергично пожал Колотубину и Джангильдинову руки.

— Сейчас пошли докладывать товарищу Сталину. У него там заседает штаб... Побудьте пока в нашем вагоне. Перекусите с дороги.

— Пожевать невредно,— согласился Колотубин, довольный быстрой переменой отношения.

Послышался шум приближающегося поезда, нарастающий металлический скрежет тормозов и паровозный гудок, и вот уже в стороне, за платформами товарного состава, замелькали огни пассажирских вагонов.

— Московский,— сказал военный.

— На слух, что ли, определил? — удивился Джангильдинов.

— По времени,— пояснил военный.— Если не опаздывает...

3

В то самое время, когда Колотубин и Джангильдинов находились в спальном вагоне начальника охраны и гостеприимный хозяин угощал их жареной рыбой, молодой вареной картошкой и малосольными огурчиками, на привокзальную площадь вышел человек среднего роста, лет тридцати пяти, в черной кожаной куртке и кожаной фуражке. Он только что сошел с поезда. Патрульные, проверив документы, взяли под козырек и смущенно улыбнулись. Не каждый день приходится держать в руках мандат сотрудника Чрезвычайной комиссии, да еще из самой Москвы.

— Мы у всех подряд, товарищ Звонарев,— сказал извиняющимся тоном старший, запомнив фамилию приезжего.— Такой приказ.

— Верно, товарищи,— ободрил их человек в кожанке, и его удлиненное и гладкое, чисто барское лицо стало строгим.— Контры полно шляется. Революцию надо охранять.

На привокзальной площади приезжий остановился, окинул взглядом вокруг, посмотрел на темную громаду собора. Из дверей вокзала густой людской струей выливалась толпа прибывших, извозчики набирали седоков, громко торгуясь об оплате, многие пассажиры с чемоданами и узлами побрели в темноту улиц.

Человек в кожанке вынул пачку папирос, закурил и, помахивая туго набитым портфелем, подошел к повозке с матрацем.

— Неплохо придумано! — он кулаком потыкал в матрац.— Чья будет? Где хозяин?

— Сухопутных не возим, топай своим обозом,— ответил в рифму Груля, не поворачивая головы, и звучно щелкнул кнутом.

— Первый раз вижу моряка с кнутом,— дружелюбно сказал человек в кожанке, не обращая внимания на ершистый тон возницы.— Извозом промышляешь?

— Флотская посудина, так что проплывай мимо.

— Я не даром... Заплачу наличными. Тут недалеко,— человек в кожанке не отходил от повозки.— Едем, моряк! Давай поехали!

— Плыви мимо.

На площадь въехал фаэтон, сытые кони, выгнув дугою шеи, дружно цокали подковами по булыжнику. Извозчик вертел головой, зыркая по сторонам, но седоков не было. Приезжие уже разошлись, и привокзальная площадь была сиротливо пустой.

— Эй! Эй! Давай сюда! — человек в кожанке поспешил к фаэтону.

— Тпру, окаянные! — Извозчик остановил коней, наклонил голову к приезжему.— Куды изволите?

Человек в кожанке назвал адрес. Извозчик, едва седок уселся, хлестнул лошадей:

— Но! Соколики!

Лошади весело рванули с места. Скоро человек в кожанке уже был в той части города, которая зовется Балканами. Отпустил извозчика. Осмотрелся. Улица была темной и пустынной. Немного подождал, прошелся до угла и вернулся обратно. Быстро приблизился и трижды постучал в высокое окно кирпичного особняка под железной крышей, что находился неподалеку от костела.

— Кто там? — послышался сонный мужской голос, и в окне, за чуть приоткрытой ставней, мелькнул желтой полосой свет лампы.

— Свои,— человек в кожанке снова, но тихо, одним ногтем пальца, повторил условный стук.

— Сию минуту, сию минуту, пан,— торопливо отозвался мужской голос, лязгнул железный засов, щелкнул замок, и приоткрылась тяжелая входная дверь.— Какая погода?

— В Москве дождь,— шепотом произнес человек в кожан-

ке, не вынимая руки из кармана, грея ладонью рукоятку браунинга.

— Входите, пароль верный, милости просим. С московским?

— Да, прямо с поезда.

— Ждали вас, пан, телеграмма была...

Человек в кожанке подождал, пока хозяин не закрыл дверь на ключ и не задвинул засов.

Из темной прихожей вошли в коридор. Человек в кожанке шел следом за хозяином, не вынимая руки из кармана. Из приоткрытой двери гостиной широкой полосой падал свет настольной лампы, освещая коридор, и доносились женские голоса. Человек в кожанке невольно обратил внимание на грудное, мягкое контральто, которое показалось ему страшно знакомым. Откуда-то издалека, словно из другого мира, нахлынули приятные воспоминания, вызванные этим голосом, и у него потеплело внутри. Впереди двигалась широкая и слегка сутулая спина хозяина.

— Мы для пана отдельную приготовили... Окна во двор, в сад.

— Благодарю,— тихо ответил человек в кожанке, входя в комнату.

Хозяин чиркнул спичкой, зажег керосиновую лампу с зеленым стеклянным абажуром, стоявшую на столе, и в комнате сразу стало светло. Мужчины несколько секунд смотрели друг на друга, пристально, изучающе. Хозяин особняка был полный, слегка сутулый, давно перешагнувший за средний возраст человек, но еще довольно крепкий, с крупной лысой головой, холеным бритым лицом и острым, слегка горбатым носом, похожим на сильный клюв хищной птицы, и темными небольшими, глубоко посаженными глазами, которые смотрели остро и цепко.

— Разрешите представиться,— лысая голова сделала легкий поклон, полный достоинства.— Болеслав Адамович Кушнирский.

— Рад познакомиться, Арнольд Греднер,— назвал себя тот, кто по мандату значился Звонаревым, пожал короткую руку с мясистыми пальцами.— Мне о вас, Болеслав Адамович, много лестного говорили наши общие знакомые в столице...— Он назвал несколько влиятельных фамилий.— Настоятельно рекомендовали остановиться у вас.

— Мерси за доверие. Весьма, весьма тронут...

— Называйте меня просто Арнольдом и не обращайте внимания на эту проклятую шкуру. По документам я сотруд-

ник чека.— Арнольд снял кожаную фуражку и такую же куртку, презрительно скривив губы, швырнул их на кресло, стоявшее в углу комнаты.— Приходится мимикрировать. Такое время... Если позволите, я закурю.

— Будьте как дома, прошу вас. Помыться не желаете? Ванну подготовили с вечера.

— С превеликим удовольствием! В поезде давка, месиво тел, одна вонь и грязь,— Арнольд Греднер вынул из пачки папиросу и стал ее разминать двумя своими сильными, длинными пальцами с чернотой под ногтями.

— Пойду распоряжусь.

— Одну минутку, пан Болеслав,— Греднер приблизился и, глядя хозяину в лицо, быстро спросил:— В доме посторонние есть?

— Никого.

— Прислуга?

— Давно разбежалась! Как ввели равноправие...— Кушнирский вздохнул.— Только один престарелый дворник Матвей остался, бежать некуда. В саду у него конура вонючая, он и не вылазит оттуда по неделям.

— А там кто? — Греднер кивнул головой в сторону гостиной, из которой доносились женские голоса.

— Никого постороннего. Жена Розалия, племянница Сима, она с детства воспитывается у нас в семье, золотые руки у нее, все умеет делать... Рыбу готовит фаршированную и с соусом, пальчики оближешь!.. И еще дальняя родственница Мария Рошаль, она из Петербурга. У нее большое несчастье: парфюмерную фабрику и магазин большевики отобрали и разграбили... Мария еле-еле выбралась из столицы, жила у знакомых в Москве и вот, слава господу, добралась к нам.

— Извините, но... сами понимаете,— Арнольд говорил теплым, как бы извиняющимся тоном.

— Да, да... Конечно,— закивал лысой головой Кушнирский,— предосторожность... Сейчас даже брату родному трудно доверять. Ну я пойду, пошлю племянницу ванну подготовить.

Болеслав Адамович ушел, прикрыв за собою дверь.

Греднер прошелся по комнате, плотнее дернул бархатную штору на окне, заглянул в платяной шкаф, в котором на деревянных плечиках висело несколько дамских платьев и тонкая полотняная ночная сорочка с яркой вышивкой. Судя по размерам этих вещей, хозяйка их была женщиной довольно хрупкой. Арнольд провел по розовому шелковому платью длинной ладонью и, полузакрыв глаза, вдыхал чуть слышные

запахи, которые всегда остаются на одежде. Греднеру было совершенно безразлично, кому именно принадлежали эти платья: племяннице или дальней родственнице из Петрограда,— он просто истосковался по женщине. И, прикасаясь к шелку, Арнольд представлял под ним упругое тело. «Только здесь, в Царицыне, еще возможно... Последняя своя пещера,— мелькнула будоражащая мысль.— А там дальше, с завтрашнего дня опять скитания. Надо догнать отряд и терпеть, жить рядом с грязными, месяцами не мытыми и вонючими от пота большевиками, пока не удастся угнать оружие и выкрасть золото... Главное — золото! Наши в Красноводске ждут... Потом путь в Персию. Там я, наконец, смогу скинуть с себя обе шкуры — и чекиста Ивана Звонарева, и богатого польского еврея Арнольда Греднера, стать самим собой... Стать самим собой — капитаном Бернардом Брисли... Только когда, когда я туда доберусь? Через неделю? Через месяц?»

Он осторожно закрыл дверцу платяного шкафа и, сосредоточенно рассматривая траур под ногтями, заходил неслышными тигриными шагами по комнате, словно по клетке. Капитан вдруг поймал сам себя, обнаружил, что сейчас он даже мыслит по-русски. Этого еще не хватало! Так и язык предков можно забыть. Язык сильной и могучей нации!

Он сел на низкую кушетку, застланную ворсистым шерстяным покрывалом, вынул из кармана маленький перочинный ножик и тонким лезвием стал вычищать ногти, выковыривая тщательно черноту. Под ногтями была не просто грязь, а грязь, смешанная с застывшей кровью. Кровью человека, за которым он охотился от самой Москвы. Кровь настоящего Ивана Звонарева, сотрудника Чрезвычайной комиссии, бывшего балтийского моряка, который вез секретный пакет правительству Советского Туркестана. Два дня назад в поезде, в темном тамбуре, моряка без особого труда он отправил к праотцам. А мандат на имя Ивана Звонарева и секретный пакет, лежавший в кармане кожанки, теперь послужат новому владельцу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Часа через полтора приезжих пригласили в вагон к Сталину. К тому времени Джангильдинов и Колотубин плотно подзакусили и, довольные и сытые, охотно распивали настоящий китайский чай, а не кипяток с заваркой из сушеной

тыквы или моркови, вели душевный разговор с начальником охраны поезда. Человеком он оказался разговорчивым, поведал о том, как «турнули от Царицына казачишков белых» и как трудно приходится «самому наркому», потому что все к нему лезут со всякими мелочными делами и вздорными предложениями, и что он, начальник охраны, находится всегда меж двух огней. Ибо, с одной стороны, обязан выполнять точно приказ и без пропуска и разрешения никого не допускать к «хозяину», а в то же время бывает, что домогается встречи свой брат, красный командир или красноармеец. А ты ему и рад бы со всей душою пойти навстречу, да без бумаги все же не пускаешь, он тебя и честит на чем свет стоит.

Исповедь начальника охраны была длинной, и дослушать ее до конца не удалось. Но, судя по сытому лицу, добротному обмундированию, сшитому из тонкого офицерского сукна, и новым хромовым сапогам, жизнь у наркомовского стража была не такой уж тяжелой.

— Товарищ Сталин ждет,— коротко сказал вошедший военный, невысокий брюнет с черными усиками на круглом самодовольном лице, и добавил тоном приказа: — Идемте!

Джангильдинов проворно встал, застегнул на все пуговицы гимнастерку, хотя было довольно душно, а Колотубин натянул свою кожаную фуражку, и оба поспешили за военным. Прошли два вагона, а в коридоре третьего, ярко освещенном электрическими лампочками, путь преградила вооруженная охрана.

— Сдать все оружие! — последовала властная команда.

Джангильдинов удивленно пожал плечами и начал было доказывать, что даже в Кремле, в Совнаркоме, у него не отбирали пистолета, но его никто не слушал. Высокий, жилистый, смуглый охранник перебил:

— У нас свои порядки. Сдавать все оружие!

Колотубин вслед за Джангильдиновым положил на стол свой новый кольт. Он невольно заметил, что в темных глазах кавказца мелькнул огонек восхищения. Такие пистолеты в деревянной кобуре высоко ценились знатоками оружия. За кольт можно было выменять коня. «Получим ли мы их назад, свои грохалки?» — не без волнения подумал Степан, видя, что охранник взял их оружие.

Потом их провели в следующий вагон, где в просторном купе находилось несколько командиров с отстегнутыми шашками и пустыми кобурами и штатских, которые также дожидались приема. Колотубин поискал глазами свободный стул,

полагая, что им и здесь придется еще «позагорать», но их тут же пригласили:

— Товарищ Сталин ждет!

И вот, наконец, Колотубин и Джангильдинов оказались в вагон-салоне. Навстречу, быстро шагая мягкой походкой горца, вышел человек ниже среднего роста в строгом кителе, с густой копной темных с рыжеватым отливом прямых волос, зачесанных назад, и иссиня-черными большими усами, кончики которых были слегка закручены, как у донских казаков. Его моложавое лицо было матово-смуглым. Колотубин признал в нем почти своего одногодка или, если и старше себя, то всего на немного, года на три-четыре. Впрочем, Степан знал: восточные люди обычно выглядят моложе своих лет. В руке Сталин держал слегка изогнутую трубку, из которой вился дымок, распространяя аромат доброго табака.

— Здравствуйте, товарищи! — произнес нарком с мягким акцентом в голосе.— Только что с Владимиром Ильичем разговаривал, он интересовался именно вашим отрядом. Проходите и садитесь!

Джангильдинов стал подробно рассказывать об отряде, о том, как ехали до Саратова эшелоном и там погрузились на пароход, поплыли Волгой. Сталин внимательно слушал и, попыхивая трубкой, облокотившись, рассматривал карту Средней Азии, что лежала на столе.

Колотубин сидел на стуле, прислушиваясь к словам Джангильдинова, и бегло разглядывал обстановку вагона (она оказалась довольно простой, строгой, ничего лишнего), вспоминал отчество Сталина. Начальник охраны называл его, и тогда Степан еще в уме несколько раз повторил, чтобы не забыть. А сейчас, как нарочно, оно вылетело из головы. Имя запомнил — Осип, русское имя, а вот отчество у него свое, кавказское, очень похожее на наше — Васильевич, но как-то по-другому. Спросить же казалось неудобным, и Колотубин решил именовать Сталина просто по должности — товарищ нарком.

— Главную часть оружия и патронов мы должны получить у вас, в Царицыне. Так нам сказали в Москве,— закончил Джангильдинов свой рассказ.

— К вашему приезду все подготовлено,— Сталин сделал затяжку и медленно выпустил голубоватый дымок.— А теперь я хочу задать вам частный вопрос, товарищ Джангильдинов. Скажите, пожалуйста, вы знаете о подробностях гибели Цвиллинга?

По лицу Джангильдинова пробежала тень, он слишком

хорошо знал Самуила Цвиллинга и до сих пор переживал его смерть. Алимбей глухим голосом поведал о налете в начале апреля дутовцев на Оренбург. Белоказаки начали с того, что разгромили в пригородной станице Изобильной отряд красногвардейцев, порубали шашками всех живых... Вместе с отрядом погиб сам председатель Оренбургского ревкома Цвиллинг. Покончив с красногвардейцами, дутовцы ринулись в Оренбург. Им помогали банды Алаш-орды. Казаки, захватив город, устроили кровавую расправу. Изрубили шашками и выкинули с пятого этажа Дома труда редактора оренбургских «Известий», зарубили председателя казачьей секции губисполкома и его заместителя. Всего в ту ночь они погубили сто двадцать восемь советских и партийных работников.

Рассказывая о той кровавой ночи, Алимбей не сказал ни слова о себе. А ведь и он тогда чуть было не поплатился жизнью...

Перед самым рассветом Джангильдинов прилег отдохнуть на кушетке в штабе, проснулся от артиллерийской стрельбы. В коридоре шум, топот, чьи-то требовательные голоса: «Где тут тургайский комиссар?» Адъютант пытался было удержать его, но Алимбей сам вышел к ним: «Это я комиссар. Что вам надо?»

Джангильдинова сразу окружили казаки и отобрали маузер.

— Вы арестованы! — крикнул самодовольный есаул с недоброй ухмылкой.— Выходи на улицу, косоглазый комиссар, потопаем к нашему начальству! Оно у нас строгое!

Рядом с конвоирами-дутовцами шагали с сияющими мордами алашординцы, которых Алимбей тут же мысленно обозвал алашпеками — проходимцами. Нетрудно было догадаться, что его ведут не к начальству, а на расстрел.

Когда Алимбея вывели на площадь, неожиданно рядом разорвался снаряд. Казаки попадали на мостовую, а алашординцы, дико крича, кинулись врассыпную. Воспользовавшись замешательством, Джангильдинов рванулся в сторону. В спину затарахтели выстрелы. Но ему удалось все же убежать. На окраине Алимбей присоединился к красногвардейской части, которая вела бой...

— К полудню подоспел на помощь полк из Самары,— продолжал Джангильдинов свой рассказ о налете дутовцев.— Тогда город и освободили. Казаки ушли на Урал, а банды алашординцев вместе со своим ханом бежали в сторону Семипалатинска... И тогда в Оренбурге я дал телеграмму всем местным органам. В ней именем Совета Народных Комиссаров

приказал подвергнуть аресту в случае появления скрывшихся предводителей — алашординцев Букейханова, Байтурсунова и Досмухамедова.

— Правильно поступили, товарищ Джангильдинов, с врагами надо разговаривать решительным языком,— Сталин прошелся по комнате.— Цвиллинга жаль, хороший был большевик, опытный подпольщик.

Пользуясь случаем, Джангильдинов подробно рассказал Сталину и о Тургайском областном съезде, о принятых решениях, которыми Иосиф Виссарионович заинтересовался уже как нарком по делам национальностей.

Колотубин с нескрываемым любопытством смотрел на наркома. Степан впервые видел близко Сталина, о котором уже слышал от товарищей еще в Сибири, в ссылке.

Колотубин обратил внимание, что Сталин говорит ровным тоном, неторопливо, как бы округляя каждое слово, а кавказский акцент придавал его речи особую четкость и решительность. За неторопливостью речи сквозил все же пылкий темперамент южанина, удерживаемый строгой рассудительностью подпольщика.

— С Туркестаном мы держим постоянную связь,— продолжал Сталин, как бы рассуждая вслух.— В июне, пока дорогу еще не перерезали, отправили Ташкенту сто пятнадцать вагонов зерна... Написал в Баку, лично Степану Шаумяну, просил бакинских товарищей оказать Туркестану всяческую помощь и людьми и оружием... Сейчас и у бакинцев трудности... Мы с Ворошиловым, с Климентом Ефремовичем, со вчерашнего вечера решаем, как быть с вашим отрядом, голову ломаем. Скажите, товарищ Джангильдинов, вы эти места хорошо знаете? — Сталин показал на карту, проведя трубкой от Гурьева до Красноводска.

Джангильдинов внимательно посмотрел на карту, на восточное побережье, подумал и потом сам спросил:

— От Гурьева до Красноводска?

— Да.

— Если говорить о каспийском побережье, про аулы рыбаков, то прямо скажу и честно скажу — плохо знаю. Мало там был, давно был. Много лет прошло,— ответил Джангильдинов, глядя прямо в лицо Сталину.— Если говорить про степь,— он провел ладонью восточнее Каспийского моря,— то она — моя родина... Хорошо знаю!

— Нас интересует именно степь. Скажите, товарищ Джангильдинов, а где на восточном побережье Каспия можно будет найти для отряда лошадей и верблюдов?

Колотубин насторожился. В словах Сталина «найти для отряда лошадей и верблюдов» он уловил тревогу и озабоченность, хотя интонация была ровной и спокойной. Зачем лошади и верблюды? Может быть, товарищ нарком не знает, что они из Астрахани поплывут морем до Красноводска, а там погрузятся на поезд? Нет, Сталину об этом известно, с Лениным недавно разговаривал. Здесь что-то другое... Колотубин взглянул на Джангильдинова, и в глазах командира, которые чуть сузились, заметил сосредоточенную напряженность. Джангильдинов также задумался над вопросом Сталина.

— Хорошие лошади и хорошие верблюды везде есть, товарищ нарком. Только люди немного разные.

— Где бы вы сами смогли легче всего достать лошадей и верблюдов для отряда?

— Можно и там,— Джангильдинов показал в сторону Красноводска,— туркмены дадут. Только лучше здесь, хотя нам не по пути,— он провел на карте пальцем от Мангышлака на север.— Свои живут, казахи, адаевцы. Быстро найдем много лошадей и верблюдов. Здесь хорошо знают батыра Амангельды Иманова, два года назад вся степь горела.

— Спасибо, товарищ! Теперь все ясно.— Сталин поднес трубку ко рту, сделал несколько затяжек.— Мы так и решили с Ворошиловым, что последнее слово будет за вами. Потому что именно вам придется решать эти вопросы, решать на месте.

При этих словах у Джангильдинова чуть дрогнули брови, выдав тревогу. Алимбей смотрел на карту, словно там можно было прочесть ответ на тревожные мысли. Джангильдинов не высказал вслух, не задал вопроса, ждал, что же скажет сам народный комиссар. Не будет же тот просто так интересоваться вьючным транспортом.

Молчал и Колотубин, он уже почти догадался. Видимо, случилось что-то на железной дороге.

— Англичане, действуя через Бухару и Персию, стараются сыграть злую шутку,— вдруг сказал Сталин, сделав упор на последние два слова, и повторил: — Злую шутку!..

«Яков Михайлович как в воду смотрел»,— сразу подумал Колотубин, вспомнив напутствия Свердлова.

Сообщив эту новость, Сталин, к удивлению Джангильдинова, спокойно вынул из стола папку с документами, некоторое время молча перебирал бумаги. Потом, наконец, стал подробно рассказывать о положении в Закаспийской области. С помощью англичан эсеры и туркменские националисты подняли мятеж. Разбили отряд Флорова, посланный из Таш-

кента. Почти вся Закаспийская область в руках мятежников. Они создали временный исполнительный комитет — самозваное Закаспийское правительство. Первое, что сделало это «правительство»,— арестовало областных комиссаров-большевиков Батминова, Житникова, Розанова, Молибожко, Теллия, Кулиева, Петросова, Арустамянца и других. Без суда и следствия их тайно вывезли из города и в песках у станции Аинау зверски убили... В городе Мерве захватили и расстреляли народного комиссара труда Советского Туркестана Павла Полторацкого...

К мятежникам в первые же дни присоединились банды туркменских и армянских буржуазных националистов. Эти банды под общим командованием полковника Ораз-Сердара — военного министра и главковерха Закаспийского правительства — двинулись вдоль железной дороги в сторону Ташкента и Красноводска.

Английский генерал-майор Вильхорид Маллесон спешно перенес свою резиденцию из персидского города Мешхеда в Ашхабад. От имени Лондона заключил с Закаспийским правительством договор, согласно которому «ввиду общей опасности большевизма» Англия обязалась обеспечивать его армию достаточным количеством оружия, боеприпасов, снаряжения, ввести дополнительные полки великобританских войск для «сохранения порядка». Взамен этого Закаспийское правительство безвозмездно уступало англичанам Средне-Азиатскую железную дорогу, Красноводский порт, Кушкинскую крепость, весь запас туркестанского хлопка и признавало английский контроль над финансами.

— Генерал Маллесон теперь стремится захватить всю территорию Туркестанской республики. Войска мятежников, ломая сопротивление редких красноармейских частей, стремительно продвигаются на Восток...

Ни Сталин, ни прибывшие из Москвы, однако, еще не знали всех подробностей развернувшейся борьбы за Каспием. Именно в эти напряженные дни героический подвиг совершили рабочие города Чарджоу. Большевики провели митинг, на котором приняли решение: оборонять город до прибытия частей Красной Армии.

Вооружались кто чем мог. В складах военного городка нашли три пулемета, одну пушку и достаточное количество боеприпасов. Командиром добровольческого отряда избрали Николая Шайдакова, плотника Аму-Дарьинской флотилии. В течение трех дней сто двадцать восемь рабочих героически держали оборону. Около двух тысяч белогвардейцев и басма-

чей много раз бросались в атаку в конном и пешем строю, но так и не прорвали оборону чарджуйцев. Рабочий отряд держал позиции до тех пор, пока из Ташкента не подошли красногвардейские части. Наступление мятежников было остановлено.

А в самом Ташкенте тем временем спешно формировали ударные батальоны из рабочих. Вместе с полками Красной Армии они направились на образовавшийся Закаспийский фронт. Правительство Туркестанской республики обратилось с воззванием ко всем Советам солдатских, рабочих и дехканских депутатов, в котором разъясняло создавшееся положение и призывало трудящихся выступить с оружием в руках на защиту социалистической революции...

2

Джангильдинов слушал Сталина.

В сузившихся глазах Алимбея появилась тоска, темная и тягучая, как холодная ночь в сыром ущелье, надсадная и безутешная, как плач матери по ребенку, проданному за долги. Дело, которому он отдал столько сил, мечта, которую столько месяцев лелеял и пестовал, рассыпалась и превратилась в прах! Там, в далеких тургайских степях, люди в дырявых юртах ждут его, надеются. Там ждут оружия! Там должна быть создана красная конница... Неделю назад он, Алимбей Джангильдинов, дал твердое слово Ленину, что довезет оружие, довезет золото... Неужели надо будет поворачивать назад, возвращаться?..

Джангильдинову пришло на память, как два года назад, в бурном шестнадцатом, степняки с пиками, самодельными ружьями и охотничьими берданками шли на приступ города Тургая, желая свергнуть власть белого царя. Они тогда не взяли город. У них не было настоящего оружия. А сейчас он везет и винтовки, и пулеметы, и гранаты! Как они нужны там, в казахских аулах!

Джангильдинов слушал Сталина и мысленно уже бродил по вязкому песчаному побережью Каспия. Только бы добраться до своих, до земляков. Они не подведут, они помогут. И вопрос Сталина — «где на восточном побережье Каспия можно будет найти для отряда лошадей и верблюдов?» — приобрел теперь ясную и точную направленность. Джангильдинов не знал, что и как будет делать, однако четко представлял себе, какие трудности подстерегают в дальнем походе по мертвым

землям и безводным сыпучим пескам. Но он уже был полон веры в себя, в своих степняков. Ведь идти вперед к цели даже опасной дорогой лучше, чем возвращаться назад.

Все эти мысли пронеслись в голове Алимбея, пока Сталин не закончил свое сообщение. Почтительно выждав, как принято на Востоке, Джангильдинов сочувственно покачал головой и, как бы про себя, сказал:

— Красноводска нет, железной дороги нет... Хорошо, пусть будет так.— Джангильдинов сделал паузу и твердо произнес: — Но есть люди в аулах! Значит, есть и лошади, и верблюды!.. Из далекого Багдада идут караваны? Идут. Из Тегерана в Бухару и Хиву идут караваны? Идут. И мы сделаем свой красный караван.

Сталин выслушал командира отряда и, посмотрев на карту, прямо спросил:

— Как теперь добираться? Где лучше всего высаживаться?

— Пароходом до конца Волги, потом от города Астрахани до Гурьева, а там брать лошадей и верблюдов...

— Так нельзя,— перебил Сталин.— Очень много риска, банды Дутова бродят на всем северном побережье.

— Тогда можно еще плыть прямо сюда, на Мангышлак.

— Верно, товарищ Джангильдинов,— Сталин улыбнулся, и в его глазах появились веселые огоньки.— Мы так и думали с Ворошиловым, условно намечая форт Александровский. Как видите, наши мнения сходятся!

— А какая власть в том форте, товарищ нарком? — спросил Колотубин, молчавший до сих пор.

— Этот вопрос и нас интересовал,— Сталин снова раскрыл папку и взял лист, исписанный мелким почерком.— Вот что нам сообщили. В форте Александровском власть держат эсеры, там же и царский подполковник Осман Кобиев командует по-прежнему... Гарнизон состоит из семидесяти солдат. Пушки старого образца. Есть пулеметы и радиостанция...

— Справимся в случае чего,— сказал Колотубин.

Сталин бросил одобрительный взгляд на комиссара.

— Давайте рассмотрим ваш путь. Вот форт Александровский,— нарком ногтем мизинца подчеркнул на карте крохотную черную точку у извилистого голубого овала Каспийского моря.— Сейчас это почти единственное место на всем восточном побережье Каспия, куда может пристать корабль под красным флагом. И вот вы, допустим, добрались сюда, выгрузились.

— Нашли лошадей и верблюдов,— развивал мысль Сталина Джангильдинов.

— Не нашли, а купили лошадей и верблюдов,— уточнил Сталин.

— Почему купили? Казахи так дадут,— утвердительно сказал Джангильдинов.— Для батыра Ленина всегда дадут!

— Хорошо, не возражаю... А дальше? — Сталин провел ладонью по карте, по желто-зеленой равнине, усеянной мелкими коричневыми точками, обозначающими пески.— Дальше на восток — огромное пространство и ни одной, даже самой тоненькой линии. Что это обозначает?.. Это обозначает, что там нет никаких дорог, нет оседлого жилья. Сплошные пески, безводное плато... Даже сами названия географических пунктов говорят о том, что собой представляет там местность. Вот читайте: это Мертвый Култук, это Прорва, пески Большие Барсуки, пески Малые Барсуки... Не очень-то радостно!..

— Верно, там дорог нет, городов нет,— ответил Джангильдинов горячо.— Но степняки там есть? Есть! Караванные тропы есть? Есть! Значит, и мы там пройдем.

Сталин, пряча довольную улыбку в усы, достал из ящика стола линейку, циркуль и положил их на карту возле форта Александровского.

— А дальше как двигаться?

— А где наши стоят? — задал встречный вопрос Джангильдинов.

— Вот здесь, у Актюбинска,— Сталин показал на карте.

Джангильдинов несколько минут рассматривал карту, шевелил губами, читая названия населенных пунктов, колодцев, озер, и в памяти его вставали знакомые места степного края.

— Думаю, можно двигаться прямо на Актюбинск, вот сюда,— Алимбей провел по карте пальцем почти прямую линию.— Через Косчагыл, на Эмбу, потом Сагиз, Уил... Будем говорить прямо, здесь не так особенно далеко. Можно все же пройти караваном.

— Можно-то можно, но только и здесь мы рисковать не имеем права. Весь этот край находится в руках белоказаков генерала Толстова. Их разъезды рыскают вдоль и поперек. Нет, незамеченным каравану тут пройти не удастся. А выдержать бои не сможете... Сил не хватит.

— Тогда надо крепко подумать,— сказал Джангильдинов.— Степь большая. Путей в ней много.

«А башковитый у меня командир,— тепло подумал Колотубин.— С таким не пропадешь!»

— Фронт ждать не может. Мы должны как можно скорее оказать помощь туркестанским товарищам.— Сталин взял карандаш и обвел на карте кружком город Челкар.— Конечной

целью вашего маршрута мы намечаем город Челкар. Отсюда по железной дороге прямой путь на Ташкент. Но вот до станции Челкар придется добираться окольным путем, выбирая самые глухие тропы. Я бы даже сказал, тайные тропы.

Говоря это, Сталин прочертил на карте карандашом линию от форта Александровского на юго-восток, потом на восток в пустыню и почти параллельно берегу Аральского моря, повел ее круто вверх к Челкару. Колотубин следил за движением карандаша и, откровенно говоря, понял только одно: такой путь просто длиннее. Другое дело Джангильдинов. За скупыми географическими названиями он видел глинистые такыры — пустынные плоскогорья Усть-Юрта, скалистые обрывы Ак-Тау — Белых гор, бесплодные и хмурые отроги Кара-Тау — Черных гор, широкое ущелье Моинты, о котором ходят страшные легенды, и на тысячи верст пески, пески...

— Это будет тяжелый путь,— сказал Джангильдинов задумчиво.

— Это будет неслыханно сложная дорога, товарищи,— в голосе наркома, спокойном и уверенном, словно дело шло об обычном походе, звучала подкупающая прямота.— Но это и самая безопасная дорога.

— Да,— Джангильдинов утвердительно кивнул.— Там редко кочуют даже люди степей.

— А расстояние какое будет? — спросил Колотубин.

— Мы уже считали. Можно еще раз,— Сталин, орудуя циркулем и линейкой, стал вслух высчитывать: — Почти три тысячи верст!.. И все пустыней и бездорожьем. Понимаем, конечно, тяжело будет. Очень тяжело. Но, повторяю, фронт ждать не может!

Последняя фраза прозвучала как приказ. Колотубин понял: никто не собирается отменять поход. Отряд должен идти вперед, только вперед и во что бы то ни стало выполнить поручение Ленина. И если до этой минуты были у него какие-то колебания и мучила неизвестность, то теперь они рассеялись, как утром туман на Волге, когда встает солнце. И эта ясность цели, твердая определенность возбуждали энергию, как заводные пружины часов, настраивали на определенный ритм. Нет, трудностей Степан не пугался, хотя даже и сотой доли того, что ожидает его впереди, он еще не представлял. Но если бы кто-либо ему и рассказал сейчас о муках жажды, секущих лица песчаных ураганах, знойных и душных, словно раскаленная сковорода, скалистых ущельях и гладких, как стол, потрескавшихся глинистых такырах, все равно Степан пошел бы вперед, ибо твердо знал, что они идут на помощь

товарищам, выполняют приказ революции. И Колотубин сказал:

— Раз надо, пройдем три тысячи верст и больше.

Джангильдинов представлял, что ждет их отряд впереди. Очень хорошо знал. Он был здесь единственным человеком, который бывал почти во всех этих местах, а если где и не бывал, то наслышался о них от пастухов и караванщиков. Когда карандаш, зажатый в цепких пальцах наркома, чертил на карте от Мангышлака по Усть-Юрту путь отряда, Джангильдинов вспомнил слова очевидцев, побывавших в тех местах: «Страшные тропы», «Дорога в ад», «Борсакельмес» — «Пойдешь — не вернешься», «Такая пустая пустыня, что даже врага не встретишь»,— у Джангильдинова вспотели ладони, и он незаметно стал вытирать их о свои галифе. Путь отряда — это, как сказали бы аксакалы, настоящая дорога через тамык — через ад. Тем более для людей, никогда не бывавших в Средней Азии. А пустыня пришлых не любит, встречает сурово. Он посмотрел на Колотубина и в жестких линиях губ, в открытом и прямом взгляде серых и сухих, как на изломе булатного клинка, глаз прочел ту внутреннюю решимость, которая ведет людей в штыковую атаку. И если комиссар готов идти, несмотря ни на что, то он, Джангильдинов, просто не может, не имеет права повернуть назад. И Алимбей сказал:

— Хорошо. Пойдем такой дорогой, товарищ Сталин.

Он встал, покрутил двумя пальцами кончики своих усов, которые были не такие пышные, как у наркома, и добавил:

— Хорошо! Теперь надо оружие получать.

— Оружие уже доставили к вашему пароходу,— ответил Сталин.— Как только вы пришли, как только мне доложили, я и распорядился везти его на пристань, чтобы не было задержки. Надеюсь, вы не будете возражать?

— Только скажем спасибо,— Джангильдинов улыбнулся и радостно, облегченно вздохнул: не придется мотаться по незнакомому городу, доставать подводы, везти на пристань.— Большое спасибо!

— Сказать честно, товарищ нарком, мы приятно удивлены таким вниманием к нам,— признался Колотубин, восхищенный тем, как Сталин вел беседу, как точно и незаметно, словно проверяя себя, заставил их с Джангильдиновым прийти к уже принятому им решению.— Большая вам благодарность!

— Меня не за что благодарить. Во-первых, это наша обязанность, мы служим социалистической революции,— сказал Сталин.— Во-вторых, мы заботились не только о вас, а преж-

де всего о Туркестанском фронте, которому надо как можно скорее оказать помощь. Вот так, товарищи! — И мягко добавил: — А сейчас прошу к столу. В соседнем салоне приготовили для вас ужин.

Джангильдинову и Колотубину пришлось поужинать вторично. Жареная молодая картошка, рыба, мясо, свежие огурцы, первые помидоры и мягкое, кисловатое кавказское вино, о котором Колотубин подумал: «Как квасок»,— подняли настроение. «Квасок» оказался довольно коварным напитком, и Степан невольно ощутил, что вино бродит по жилам и создает то состояние, когда человек хмелеет. Они вышли из поезда. Стояла ночь, тихая и теплая. Степан, пощупав деревянную кобуру своего кольта, причмокнул губами:

— Вот тебе и «квасок»! Вроде мины замедленного действия...

— Как хороший кумыс,— ответил Алимбей.

Немного постояли возле вагона, вдыхая ночной освежающий воздух. Колотубину пришла блаженная мысль, что неплохо бы сейчас искупаться. Он даже представил себе, как бросается в пружинистое объятие волжской воды и, широко размахивая руками, плывет саженками, фыркая от удовольствия.

— Поплавать бы...

— Да, плавать будем,— понял его по-своему Алимбей.— Когда в море пойдем, качать сильно будет, как на спине верблюда.

— Я говорю, хорошо бы искупаться.

— Купаться? Я тоже давно хочу,— сразу согласился Алимбей.— Давай завтра в баню пойдем.

— Можно и в баню сходить.

Вышли на привокзальную площадь. Около здания вокзала, прямо на земле, на чемоданах и узлах, примостившись у стены, дремали мужики, бойцы, бабы, выбравшиеся на воздух из душного помещения станции. Звонкоголосо плакал грудной ребенок, и полусонная женщина устало качала его на руках, повторяя: «Спи, спи, мое дитятко!» Несколько мужиков не спали, думали о своем и сосредоточенно курили, в темноте светились огоньки самокруток.

— Наш моряк, наверное, уехал,— вслух подумал Джангильдинов.— Не дождался, долго мы были там. Как теперь к пристани пойдем, если улиц не знаем?

— Язык до Киева доведет,— улыбнулся Степан.— Хороша ночка! — он вдруг остановился и посмотрел в темноту на край площадки.— Вроде наша таратайка стоит.

— Где, где?

— Справа, возле дерева. Видишь?

— Да, да... Стоит.

Пока они рассматривали повозку, стоявшую в темноте, Груля уже опознал их. Он давно высматривал командира и комиссара отряда и даже, честно говоря, подумывал о том, что прозевал их, что они ушли. С кнутом в руках моряк широкими шагами, почти бегом поспешил навстречу.

— Давно ждете? — в голосе Грули проскользнула тревога, и он преданно смотрел в глаза.— Я тут немного отлучался...

— Нет, только пришли,— ответил Степан.

— Порядок!.. Меня тоже тут не было, к своему боцману бегал.— Груля полез в карман своих широченных черных матросских брюк и, вынув сложенную бумагу, протянул Джангильдинову: — Вот, возьмите. Чтобы все как надо и полный порядок!

— Что это?

— Мандаты мои. Насилу отпросился!

— Куда отпросился?

— Ясное дело, товарищ комиссар! В ваш отряд, куда же мне,— Груля смущенно улыбался, теребил кнутовище.— Мне без вас никак нельзя!

— Это почему же? — сурово спросил Колотубин.

— Я тоже хочу выполнять приказ Ленина! — торопливо признался моряк.

— Сейчас все революционные и сознательные пролетарии, крестьяне, красноармейцы и моряки-матросы выполняют декреты товарища Ленина и смертельно бьются с мировой гидрой капитализма,— сурово и популярно, словно на митинге, пояснил Колотубин, вполне довольный сам таким исчерпывающим ответом.

— Так-то оно так,— вздохнул Груля, не удовлетворенный возвышенным ответом Колотубина, ибо невольно почувствовал в нем скрытый отказ, и продолжал настаивать на своем: — Только я хочу самому Ленину служить! Как вы. А у вас от него бумага!..

В голосе моряка звучала настойчивость, а в его глазах при жидком свете вокзальных фонарей Степан уловил упрямый блеск. Сейчас Груля не походил на того разбитного матроса, балагура и весельчака, каким он предстал в первый раз. Весь вид его — собранного и как бы готового к прыжку — говорил о том, что моряк от своего не отступит. Ни за что не отступит!

— Возьмите... Слышь, командир, возьмите!..

Джангильдинов вернул моряку документ и сказал:

— Подумаем...

Груля весело гнал лошадей по ночным улицам Царицына. Колотубин, приятно подпрыгивая на пружинистом матраце, думал о матросе. Ему нравилась такая открытая прямота и настойчивость. И еще думал о новом пути отряда. Кто знает. что ожидает их в тех нерусских краях?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Капитан Бернард Вильям Брисли, который выдавал себя за бундовца Арнольда Греднера и имел мандат чекиста Ивана Звонарева, уже сутки жил в доме Болеслава Адамовича Кушнирского, катаясь словно сыр в масле, окруженный заботой хлебосольного хозяина и вниманием двух молодых женщин.

Болеслав Адамович держал в городе портняжную мастерскую, охотно выполнял заказы по пошиву из казенного материала гимнастерок и галифе для краскомов и в порядке энтузиазма бесплатно обшивал членов ревкома и работников штаба армии, за что пользовался благосклонным вниманием начальства и числился на хорошем счету. Одновременно тихий Болеслав Адамович занимался и другой, скрытой от посторонних глаз тайной деятельностью. Пусть там, в столице, разные деятели шумят, а здесь, в Царицыне, лучше не высовывать носа: не сегодня-завтра красновцы нагрянут.

Кушнирский был рад гостю и охотно выполнил его задание. Свои люди имелись и на пристани, они подробно информировали обо всем, что интересовало Бернарда Брисли. На следующий же день капитан уже знал, что пароход с отрядом Джангильдинова прибыл, что идет погрузка оружия и боеприпасов.

— Когда отплывают?

— Пока никто не знает, но думаю, что завтра, к ночи,— сказал Болеслав Адамович.— Такую уйму винтовок и патронов, дай бог, если они успеют погрузить к полудню. А днем ни один пароход красных не отплывает вниз по Волге, боятся наскочить на белых. Казаки по обоим берегам рыскают.— И добавил с ласковостью в голосе: — Мой совет вам, пан Арнольд, спокойно отдыхайте до завтрашнего вечера. А сейчас идемте откушать, племянница Сима приготовила куриный

бульон и мою любимую фаршированную щуку. Вы еще не знаете, как она ее умеет делать, прямо пальчики оближешь!

Брисли было явно не до фаршированной рыбы. Он, наконец, догнал отряд тургайского комиссара, и теперь предстояла задача — действовать! Он, а не кто иной должен распоряжаться большевистским золотом и оружием. А вслух Бернард произнес с улыбкой:

— И кто же от такого кушанья откажется.

В небольшой гостиной на продолговатом столе, застланном льняной скатертью, их уже ждали фарфоровый супник с куриным бульоном, нарезанные свежие огурцы и помидоры в салатнице, политые густой сметаной и посыпанные мелко нарезанным зеленым луком, петрушкой и укропом. Тут же желтело сливочное масло и лежали брусочек печеночного паштета, разрезанная на куски вареная курятина, горкой возвышались подрумяненные слоеные пирожки.

Дамы не заставили себя ждать. Рядом с мужем уселась на стул с высокой спинкой Розалия, пожилая, блеклая женщина с бесцветными глазами. А Мария Рошаль, дебелая молодая брюнетка с голубыми слегка навыкате глазами и маленькими пухленькими губками, по-столичному одетая и затянутая в талии, заняла место напротив Бернарда и не сводила с него взгляда. В перерыве между блюдами она томно вздыхала, жаловалась на скуку и вспоминала о недавней безоблачной жизни в столице. Прислуживала за столом племянница Сима, полногрудая и плотная телом, с красными, словно натертыми свеклой щеками. Девушка бесшумно сновала из кухни в гостиную и обратно, подавая новые кушанья и убирая посуду.

— Пан Арнольд, вы что-то сегодня слишком задумчивы, давайте я за вами поухаживаю. Нравится этот кусочек? — Кушнирский привстал и, орудуя специальным ножом и лопаткой, подцепил приличный кусок фаршированной щуки.— Одна благодать! Такой рыбы во всей Европе не сыщешь.

«И такого болвана, как ты!» — подумал Бернард.

После обеда женщины ушли к себе, Сима убирала посуду, а Кушнирский и Бернард Брисли расположились на диване и беседовали о политике большевиков, о Троцком, о «Бунде». Бернард Брисли слушал пана Болеслава и внутренне улыбался, вспомнив знаменитые слова известного французского дипломата де Кальера, которые Бернард перестроил на свой лад: «Разведчик, как и дипломат, должен иметь спокойный характер и быть способным добродушно переносить любое общество дураков».

2

Ночь стояла тихая, теплая. Бернард Брисли докурил папиросу и легким щелчком послал окурок в темноту сада. Последняя ночь, когда он в сносных человеческих условиях. Сегодня он должен покорить хотя бы мясистую тушку, краснощекую Симу, надышаться ее запахами, помять плотные, округлые, как мешки с песком, бедра... А завтра — пароход, много неизвестности и опасностей, о чем сейчас не хотелось пока думать.

Бернард еще раз оглянулся на темное окно хозяйской спальни и направился в дом. Он старался двигаться бесшумно, чтобы никого не разбудить. Вошел в коридор. Тонкая струйка света из ванной комнаты полоснула его как хлыстом, словно подгоняла. Бернард постоял, прислушиваясь к бульканью воды и голосу Симы, напевавшей немудреную песенку. Подкрался к двери. Миг — и Бернард, шагнув внутрь, захлопнул дверь и защелкнул крючок.

— Пардон, малютка...

Бернард почувствовал, как нервно забилось сердце. Удачный момент! Он рывком сбросил пиджак. И тут произошло невероятное. Ловкий липкий удар отшвырнул его к стене, и Бернард ощутил, что мыльная пена попала в глаза. К тому же он поскользнулся, тяжело стукнувшись головой о белый кафель...

Когда он стер рукавом с лица пену, то первое, что увидел,— почти у самого своего носа две плотные розовые ноги, с них спадали белые хлопья. А Сима, эта тихая Сима, воинственно рычала:

— Може, еще дать пану? Може, ему мало?!

Схватив пиджак, Бернард выскользнул в коридор и бегом на цыпочках кинулся в свою комнату. Он беззвучно выругался. Сорвалось!

Бернард влетел в комнату — и остолбенел. На койке, гневно сверкая глазами, сидела Мария Рошаль. Ее прозрачная тонкая рубашка с кружевами едва скрывала смуглое манящее тело.

Мария нервно одевалась. Она, несомненно, слышала возню в ванной комнате. В ее лице он прочел гадливость. Затем нервным движением рук Мария накинула на округлые плечи пеньюар и летящими короткими шагами пошла к выходу.

Он невольно посторонился. Она прошла мимо, обдав запахом дорогих духов и презрением, молчаливая и надменная.

Обессиленный Бернард бросился на кровать. Он знал, что иногда давал маху, но таким дураком, как сегодня, Бернард себя не помнил. И все из-за этой проклятой профессии, когда не можешь быть самим собой и жить, как все люди.

Он задул свечу, зажженную Марией Рошаль, и укрылся одеялом, все еще пахнущим духами. «Забыть все! Заснуть, заснуть,— приказывал он сам себе.— Завтра тяжелый день. Начинается снова кошмарная жизнь». Но вместо сна перед глазами стояла полуодетая Рошаль...

3

Мурад скакал впереди, он уверенно вел свой маленький отряд в сердце Каракумов, в горячие и мертвые Черные Пески. По еле заметным признакам, только ему одному понятным следам и приметам в море однообразных барханов недавний кочевник находил верный путь. Красноармейцы дружно скакали следом за ним по старой, почти забытой караванной тропе, по которой уже много лет не ступали ноги терпеливых верблюдов, не месили сухой песок конские копыта.

А вокруг простирался таинственный и тревожный мир сыпучих барханов. На огромном пространстве, в какую сторону ни бросишь взгляд, застыли продолговатые холмы.

Сидней изнывал от жгучих лучей беспощадного солнца. Только теперь, в песках, Джэксон по-настоящему оценил стеганый ватный халат и мохнатую баранью папаху, которую на первый взгляд надо носить в зимние холода, а не в июльский палящий зной. Сидней мысленно не раз благодарил предусмотрительного Мурада. На первом же пастушьем стане Мурад выменял за обойму патронов для американца эту старую шапку и халат, солидно поношенный и выгоревший. Сидней сначала упирался и не желал напяливать на себя вонючую шапку и засаленный, обтрепанный халат неопределенного грязного цвета, но Мурад твердо сказал, почти приказывая:

— Так надо!

Джэксон подчинился, принимая одежду вначале как маскировочный костюм, а теперь уже был рад туркменскому наряду. Он хорошо спасал от зноя. Нет, Сидней ни за что не захотел бы сейчас щеголять среди барханов, под безоблачным небом в солдатской гимнастерке.

Боксер узнал: день в песках тянется нескончаемо долго. На выпуклом и бесконечном синем небе нет ни одного облачка, ни малейшего пушистого пятнышка. Равнодушное дневное

светило, чем-то похожее на раскаленный шар, медленно движется своей извечной дорогой, заливая застывшие барханы ливнем колючих лучей.

На пятые сутки вдали, у самой линии зыбкого горизонта, показался блекло-зеленый островок. Джэксон привстал на стременах и долго смотрел на зеленое пятно. Потом закрыл глаза и снова открыл — пятно не исчезало. Всадники ехали молча, словно не обращали внимания на зеленый островок.

— Мурад, это опять мираж? — спросил Сидней, показывая рукой вперед.

Вчера целый день на горизонте маячили роскошные деревья и блестела вода голубого озера. Но едва знойное солнце стало клониться к закату, видение исчезло.

— Это будет саксаул,— коротко ответил Мурад.

— Какой саксаул? — поинтересовался Джэксон.

— Такой дерев есть.

Саркисян хлестнул своего коня и, поравнявшись с боксером, стал объяснять про саксаул, про лесные заросли этого дерева пустыни.

С каждым часом зеленое блеклое пятно ширилось и приближалось. Лошади, почуяв зелень травы и воду, пошли веселее. К вечеру добрались до первых зарослей саксаула.

Джэксон с удивлением рассматривал низкорослые деревья с искривленными, словно кем-то нарочно перекрученными, корявыми стволами и ветками. Где-то впереди послышался отдаленный лай собак. В воздухе запахло дымом костра и жареным мясом. Мурад придержал коня и поднял руку:

— Немного отдыхай.

Он велел всем оставаться на месте, а сам направился сквозь заросли к едва видневшейся юрте. Мурад пробыл там довольно долго и вернулся не один. С ним пришел старый туркмен, видимо, старший среди кочевников. Загорелое до коричневой черноты лицо было испещрено глубокими морщинами, редкая седая бородка и белесые усы казались неестественными, словно наклеенными. На голове по самые глаза надвинута огромная лохматая папаха, и на плечах выцветший, некогда красный, ватный стеганый халат. Старик, прищурив глаза, внимательно и зорко осмотрел всадников, приложил руку к сердцу:

— Салям-алейкум!

Потом жестом пригласил к себе, к пастушьему стану.

Мурад подарил старику винтовку и десять патронов. Аксакал не смог сдержать радости, хотя старался казаться равнодушным. У него загорелись глаза, и руки с жадностью уце-

пились за оружие. Он быстро что-то сказал Мураду и тут же унес подарок.

— Зачем ты ему винтовку дал? — спросил Джэксон.

— Так надо,— ответил Мурад.— Такой обычай. Надо самый дорогой подарок делать.

Маленький отряд расположился неподалеку от юрты пастухов, в жидкой тени старого саксаула. Дерево на редкость вымахало вверх, метров на шесть, что по местным понятиям считалось довольно много. Его искривленный и узловатый ствол походил по своему цвету на желто-бурый песок, только, может быть, чуть темнее. Жилистые ветки обросли мелкими удлиненно-продолговатыми листочками, блекло-зелеными, с каким-то серовато-серебристым оттенком. Джэксон сорвал листочек. Помял в пальцах. Твердый, сухой. Даже и листья деревьев, оказывается, здесь приспосабливаются к суровому зною, чтобы меньше испарять влаги.

Снова раздался собачий лай. Бойцы вскочили. К костру приблизился аксакал и с ним еще двое молодых безбородых пастухов, один из них был еще совсем подросток, с большими любознательными глазами. Аксакал на железном подносе, на котором местами еще сохранилась грубая роспись масляными красками, нес куски жареной баранины. Мясо лежало горкой, и от него исходил душистый аромат.

Один из пастухов разостлал на песке у костра самотканую скатерку и положил на нее огромные плоские лепешки. Аксакал поставил рядом поднос с бараниной. Потом взял у второго пастуха бурдюк с кумысом и вручил его Мураду.

Впервые за последние дни красноармейцы поели сытно, вволю. Мясо оказалось нежным и сочным, его запивали кумысом, кислым и острым, чем-то похожим на пиво. Джэксон, как и его товарищи, ел руками, отрезая ножом куски баранины, жир стекал по пальцам и запястью, но на это Сидней не обращал внимания, подражая пастухам, он вытирал пальцы о засаленную полу халата.

Когда все насытились, по кругу пошла жестяная кружка с кипятком. Завязалась беседа. Мурад и Саркисян выполняли роль переводчиков.

Аксакал сообщил, что в песках, от пастушьего стана к стану, идут печальные новости. Новая власть, которой так были рады пастухи, умерла. Вся степь от Красноводска до Чарджоу находится в руках проклятых инглизов.

— К инглизам перешли джигиты Азис-хана, джигиты тигра песков Джунаид-хана и джигиты полковника Ораз-Сердара... Вай-вай, вся степь в огне!..

Пастухи-туркмены настоятельно просили, чтобы кзыл-аскеры — красноармейцы с рассветом покинули их стойбище. Рядом бродит банда дашнаков, и пастухи опасаются, как бы бандиты не расправились с ними за оказанное красноармейцам гостеприимство.

Мурад, приложив руку к сердцу, поблагодарил аксакала за еду и твердо пообещал исполнить их просьбу!

— Отец, утром нас уже здесь не будет. Мы сами очень спешим.

Аксакал оживился.

— Если вы спешите, то зачем терять время! Мы дадим вам лошадей, мяса, лепешек и воды. Пусть ваш путь будет счастливым!

Пастухи пригнали лошадей, помогли оседлать. Дали один хурджум[1] с лепешками, несколько бурдюков с водой и двух связанных баранов.

— Сами зарежете.

Аксакал подробно рассказал Мураду, как лучше всего им ехать на север, где находится ближайший пастуший стан и колодец.

Когда взошла луна, маленький отряд снова находился в пути.

Саксаульные заросли таинственно темнели по пологим склонам и в серебристом свете луны казались Джэксону застывшими странными змеевидными существами. Лошади шли быстро. Мерное покачивание в седле тянуло Сиднея в сон, глаза почти сами закрывались. Поспать бы два часа! Но Мурад все торопил и торопил своего коня, и всадники спешили за ним.

Однако избежать встречи с бандитами Ораз-Сердара им не удалось.

Перед самым рассветом отряд неожиданно напоролся на засаду.

Притаившись за высоким гребнем бархана, басмачи открыли беспорядочную стрельбу по всадникам, выехавшим из зарослей саксаула.

Двое бойцов были тут же убиты наповал. Один сразу свалился, а другой, зацепившись за стремя ногой, повис. Лошадь испуганно заржала и шарахнулась в сторону, потащив его за собой.

— Назад! — закричал Мурад по-русски и круто повернул своего коня.— Назад!

---

[1] Хурджум — переметная сумка.

Джэксон и Саркисян, срывая на ходу винтовки, последовали за Мурадом. Отстреливаясь, они повернули назад в заросли саксаула и погнали лошадей по ложбине. Началась бешеная скачка. Бандиты преследовали с выкриками и гиканьем.

— Вай! — отчаянно вскрикнул Саркисян.

Джэксон оглянулся и увидел, как Саркисян, схватившись рукой за живот, свалился с лошади.

Мурад и Джэксон соскочили с коней. Они хотели помочь товарищу.

Ашхабадец был ранен смертельно. Пуля прошла чуть ниже пояса. Лицо его стало пепельно-бледным. Он сам понимал, что минуты его жизни сочтены.

Саркисян, сжав побелевшие губы, щелкнул затвором.

— Я задержу их. Мне все равно... А вы...— он махнул рукой.— Скорей!.. Ташкент должен знать...

Мурад и Джэксон вскочили на коней.

Сзади долго раздавались винтовочные выстрелы.

Прячась в ложбинах меж барханами, они сделали большой крюк, запутали свои следы в зарослях саксаула и снова повернули к северу.

Так их осталось двое.

К вечеру им удалось уйти от погони. Но впереди их поджидал самый коварный и беспощадный враг — пустыня.

4

Дни нанизывались один на другой, однообразные, как окружающее их море песков. Всюду, в какую сторону ни посмотришь, видишь одно и то же — застывшие, мертвые волны песка. Песок, песок, песок... Кажется, нет ему ни конца ни краю. Мелкий, чистый, словно просеянный на огромном сите, пепельно-желтого цвета на солнце и темно-бурый в тени бархана. Бесконечное желтое безмолвие.

Уставшие лошади медленно бредут, понуро опустив головы, словно обнюхивают сыпучее бездорожье. Всадники их не торопят. Они рады тому, что животные держатся на ногах.

Мурад на серой лошади едет вперед. К его седлу привязан длинный повод второго коня бурой масти. На нем Джэксон. Старая туркменская папаха надвинута до бровей. Но и она мало спасает от слепящих лучей солнца. Полузакрыв глаза и плавно покачиваясь в такт шагам лошади, Сидней дремлет в седле.

Зной, голод и жажда оставили на его лице свои следы. Боксер осунулся, глаза ввалились, кожа потемнела и огрубела.

На барханах то там, то здесь, словно бородавки, торчат короткие пучки сухих стеблей почти высохших трав. Мурад давал название каждому засохшему цветку и травке, но Джэксон так и не мог отличить кандыма от полыни, илека от селина. Правда, колючие кусты янтака он запомнил... Острые, как иголки, бурые колючки шарообразного кустика трудно было не запомнить, тем более что они наиболее часто росли по склонам песчаных холмов.

Все эти дни Джэксона не покидало удивительное и странное чувство: ему все время казалось, что он находится не на земле, а на какой-то другой, непонятной и таинственной, планете. Здесь все какое-то свое, ни на что привычное не похожее. Днем, освещенные сверху, барханы теряли свои очертания и безбрежное пространство выглядело ровным и гладким, как берег океана, вылизанный морскими волнами. Однообразный бесконечный берег. Терялось чувство пространства, ощущение величины. Но едва огненный шар солнца опускался к горизонту, вечерние лучи резко изменяли пустыню. Появлялись длинные тени, и пространство обретало форму, становилось удивительно ребристым, барханы обрисовывали свои контуры.

В такие предвечерние часы Сидней особенно остро ощущал их одиночество и обреченность. Конца не видать походу! День за днем, день за днем... Знойное марево уныло дрожит над сонными песчаными горбами. Сухой жесткий воздух, сухой разогретый песок. Безветрие и тишина. Никогда в жизни Джэксон не ощущал такой звонкой, хрустальной тишины. Сначала она пугала, настораживала. Даже собственный голос казался Сиднею лишним и чужим в этом беспредельном крае вечного покоя. Потом тишина стала раздражать. Хотелось звуков. Обыкновенных звуков. Звона трамвая, рокота автомобильного мотора, стука дверей, шелеста травы, пения птиц, плеска воды, ударов гонга... Жизнь — это звуки! А здесь тишина. Гнетущая тишина.

Джэксон не выдерживал, нервным рывком вскидывал винтовку. От неожиданного выстрела лошади шарахались в сторону, вставали на дыбы, тревожно храпели. Мурад ругался по-туркменски и кричал, что патроны надо беречь.

А Джэксон улыбался. Он разбудил пустыню! Но проходила минута, другая, лошади успокаивались, и тишина снова воцарялась вокруг.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

А настоящий Иван Звонарев тогда сразу не погиб. Он жил еще почти двое суток. Очнулся на рассвете от холода и воды. Шел дождь. Крупные хлесткие капли барабанили по спине, голове, затылку... А ему хотелось пить. Во рту пересохло. Капли стекали по лбу, по щекам, по шее и все мимо открытого рта.

В голове стояли какой-то сплошной туман и непонятный противный гул, смахивающие на то паскудное состояние, когда моряк после солидной пьянки приходит в себя. Звонареву казалось, что он валяется на палубе своего крейсера и друзья-матросы приводят его в чувство, обливая водой. Где-то рядом с кораблем промчались с грохотом торпедные катера, поднимая волны и обдавая веером брызг...

— Братишки, попить...— прохрипел Звонарев.— Попить...

Но кто-то упрямо продолжал лить воду на спину и голову. Звонарев с трудом раскрыл глаза. Сознание медленно прояснялось. Нет ни торпедных катеров, ни палубы крейсера, ни друзей-матросов. Он просто лежит один на перегоне, уткнувшись лицом в железнодорожную насыпь, поросшую редкой травой, а вдали, все уменьшаясь, уходит товарный поезд... И хлещет крупный дождь. Чуть вздрагивает в такт стуку колес крутая железнодорожная насыпь, и слышен ровный, сплошной шум дождя, шум падающих на траву капель.

Звонарев зябко повел плечами. Набрякшая мокрая одежда прилипла к телу противным холодным компрессом. Он лежал неудобно, поджав под себя левую руку. Рука онемела и затекла. Звонарев пошевелился, чтобы освободить онемевшую руку, и острая режущая боль пронзила изнутри, из груди и живота, волной прокатилась по всему телу. Во рту появился соленый противный привкус. Он заскрежетал зубами, весь сморщился от боли.

— Гад... Гад,— выдохнул Звонарев.— Гад...

По всей левой руке, от плеча и до кисти, забегали мурашки, надсадно заныл сбитый локоть. Звонарев поднес к лицу ладонь и увидел, что вся она была в светлой красной краске, а часть рукава почему-то в темной. Капли дождя размывали краску, и розовыми струйками она стекала с пальцев на землю. Он тупо смотрел на ладонь, как на нечто постороннее, на размываемую кровь, словно это была в самом деле жидкая краска, очень похожая на ту, которой Иван рисовал в детстве.

Такая простая, дешевая краска. Окунул кисточку в склянку с водой, потом размешивай ее и рисуй, крась бумажные кораблики. Отец купил в получку такие замечательные краски — десять разноцветных маленьких лепешечек на картонке. Иван почему-то вспомнил, как он тогда за один раз извел всю красную. Намазал ею лицо, и еще шею, и ладонь, чтобы было как в самом деле, когда тебя ранят. И товарищам тоже намазал. Они тогда в войну играли, громили проклятых япошек, мстили за Порт-Артур...

Давно, ах как давно все это было! Детство, пыльная улица возле завода, отец, краски... Теперь он, Звонарев, погибает по глупости и доверчивости, как самая последняя тварь погибает. И никто не узнает, где он окочурился, и ему было совсем не жаль себя.

Звонарев лежал, боясь пошевельнуться. Каждое движение вызывало глухую волну боли, от которой странно мутнело в голове...

Он подождал, пока дождь вымоет с бугристыми мозолями ладонь, и сжал пальцы в пригоршню. Крупные капли падали на ладонь, на заскорузлые пальцы. Облизывая губы, Иван терпеливо ждал. Вода медленно накапливалась в ладони.

Осторожно, чтобы ненароком не пролить влагу, он стал подносить пригоршню к открытому рту. Рука почему-то противно дрожала, и вода стала проливаться. Он сделал быстрое движение, чтобы поскорей поднести ладонь к губам, и его снова пронзила боль, полыхнула огнем по всему телу. Пальцы сами собой разжались, собранная по каплям дождевая вода исчезла. Звонарев, теряя сознание, дотянулся губами до рукава, вцепился в него зубами и стал высасывать влагу из набрякшей ткани. Сделал несколько освежающих маленьких глотков, они приятной прохладой пошли внутрь, туда, откуда по всему телу разливалась боль и несло жаром.

Дождь вскоре перестал, и сразу выглянуло солнце. Такое теплое и ласковое, как ладони матери. Солнце согревало, и Звонареву стало немного легче. Впрочем, легче не то слово. Тело по-прежнему разламывалось на куски, словно его пропустили сквозь камнедробилку, каждая косточка ныла и давала о себе знать. Но липкий туман, который наполнял голову и не давал возможности сосредоточиться и подумать, постепенно стал рассеиваться. Звонарев окончательно пришел в себя.

Закусив губу, вспомнил о самом главном: там, во внутреннем кармане кожанки, лежит пакет. Небольшой плотный конверт из серой бумаги с сургучной печатью в осажденный Таш-

кент. Звонарев должен был добраться туда, присоединившись в Царицыне к отряду Джангильдинова.

— Джангильдинов везет не только оружие и боеприпасы, но еще деньги и золото. Шестьдесят восемь миллионов. К этому народному золоту тянут лапы английские разведчики,— сказал Звонареву перед отъездом начальник отдела.— Одним словом, как нам стало известно, в отряде притаилась сволочь. Кто она, мы не знаем. Твоя вторая задача — помочь начальнику особого отдела отряда Малыхину прижать к ногтю паршивую гниду.

И теперь этот важный пакет попал в руки белогвардейца!

Звонарев некоторое время лежал, прижавшись к мокрой траве, собираясь с мыслями. Что делать? Как предупредить своих?.. Предупредить во что бы то ни стало?..

О себе он не думал. О своем спасении не думал. Только бы продержаться, только бы сообщить в отряд.

Он приподнял голову, осмотрелся. До самого горизонта уходила железнодорожная насыпь. «Надо взобраться наверх, к рельсам,— пришла спасительная мысль.— Остановлю первый же поезд!..»

Моряк осторожно пошевелил пальцами, потом по очереди левой и правой рукой. Вроде бы все в порядке. Стал двигать ногами. Кажется, обе целы.

«Теперь вперед!» — скомандовал он сам себе и, приподнявшись на локтях, пополз прямо вверх по откосу железнодорожной насыпи. Острая боль снова пронзила его от пяток до затылка, и в глазах показались разноцветные круги, словно с неба спустилась радуга и встала перед самым лицом. В голове опять поплыл туман, но Звонарев все полз и полз, цепляясь за траву, за жесткую землю, срывая ногти. Скорей!.. Скорей!.. Вот он уже почти на середине откоса. Страшная усталость камнями легла на плечи. И вдруг все потемнело перед глазами, словно он провалился в пустоту...

По влажной, скользкой траве, оставляя широкий красный след, Звонарев съехал вниз, до самого основания откоса...

Сколько времени он так пролежал в забытьи, он не помнил. Может быть, час, а может, и два. Снова прошел короткий летний дождь, и снова выглянуло веселое солнце. Звонарев очнулся сразу, словно он проснулся после сна. День набирал силу, и солнце поднялось высоко. Он смотрел перед собой на зеленые стебли травинок, по которым скатывались остатки дождевой влаги, на чашечки полевых цветов, где задержались капельки воды. В тени эти дождинки были свинцово-сизыми, как крупная охотничья дробь, а на солнце све-

тились насквозь, словно маленькие стеклянные шарики. Неподалеку от лица моряка, придавленная камешком, свисала к земле тоненькая ромашка.

«Как и я, подбитая»,— подумал Звонарев о ромашке и с грустью вынужден был признаться самому себе, что эта ромашка, придавленная коричневым с белыми крапинками камешком, скатившимся с насыпи, будет все же жить и завтра, и послезавтра, и еще много дней, доживая свой век, положенный срок жизни полевым цветам, и еще оставит после себя на земле семена для потомства. А вот он, моряк Балтийского флота, чекист Иван Звонарев, долго не протянет. Нет!.. Это ясно, как дважды два... Крышка, и точка... И некого тут винить, потому что сам виноват. Сам уши развесил, прохлопал контру, вот и расхлебывай...

Где-то в стороне раздался глухой удар грома, потом еще. Словно кто-то тяжелой кувалдой бил по стальному борту корабля. Звонарев прислушался. Раскаты грома напоминали артиллерийскую стрельбу. «Подумать можно, что где-то неподалеку палят из пушек,— он грустно улыбнулся уголком пересохших губ.— Теперь все можно подумать...»

Приподняв голову, Звонарев долго смотрел на крутую железнодорожную насыпь. Мысли и желания сосредоточились только на одном: добраться до полотна, вскарабкаться на самый верх во что бы то ни стало!..

Вскарабкаться наверх и остановить поезд!.. Внимательно и сосредоточенно он стал рассматривать крутой, лобастый склон насыпи, поросший редкой травой. Всего несколько аршин отделяли его от стальных рельсов. Преодолеть это расстояние стало целью жизни. Огромный мир с его борьбой и ненавистью, радостью и любовью сжался и сузился до этих нескольких аршин.

Теперь Звонарев не спешил. Наученный горьким опытом, он хотел действовать только наверняка. Сил осталось слишком мало. Большое тренированное тело моряка, которым он гордился и — чего греха таить! — иногда хвастался, сейчас почти перестало повиноваться. Руки и ноги стали словно ватные. Тягучая слабость окутала его, обволокла липкой паутиной. От каждого неосторожного движения вспыхивала с новой силой незатихающая боль.

Звонарев долго смотрел на лобастый склон насыпи, изучая каждую чуть заметную впадинку, каждый камень, о который можно опереться, каждый куст травы, за который можно схватиться. Он четко наметил маршрут движения, прочертив его мысленно по насыпи, постепенно поднимаясь до самого греб-

ня. Такой путь будет длиннее, потребует больших сил, но зато он более надежен. К тому же и трава немного подсохла и земля стала тверже.

«Вперед!» — снова скомандовал Звонарев сам себе и, превозмогая новый приступ боли, пополз вверх. В ушах загудело, словно он нырнул на большую глубину, в глазах посерел и поблек солнечный день. Кто-то назойливо стал колотить молоточками в виски, а в голове снова волнами пошел туман. Но Звонарев полз. Сантиметр за сантиметром. Сначала вытягивал правую руку вперед, цеплялся пальцами за землю, за траву. Потом поднимал левую ногу, упирался каблуком. Выводил левую руку вверх и, укрепившись таким образом, перетягивал слабое и непослушное тело. Продвинувшись немного вперед, делал длительные остановки, отдыхал, набирался сил. И снова полз... Полз... Полз...

— Еще немного... — шептал обескровленными губами.— Еще чуть-чуть.

Когда, наконец, Звонареву удалось добраться до гребня насыпи, он, опершись на него руками, несколько минут отдыхал. Торжествуя свою победу, моряк дышал запахом просмоленных и залитых мазутом шпал, знакомым и родным запахом согретой солнцем стали, ибо рельсы пахли почти так же, как броня крейсера. Солнце стояло высоко и припекало по-летнему. Пот застилал глаза Ивану, стекал струйками по лицу, пряди волос прилипли ко лбу. Сердце бешено колотилось в груди, словно хотело вырваться наружу.

— Выполз... Все-таки выполз...

Собравшись с силами, моряк вытянул на гребень свое тяжелое обескровленное тело. Потом уцепился руками за теплый рельс и, дотащив себя к нему, прижался щекой к раскатанной и надраенной до блеска колесами вагонов стальной линии. И снова перед глазами заскользили разноцветные круги, постепенно превращаясь в серую пелену, его охватила странная легкость, притупилась боль, и он поплыл куда-то в темноту...

Летний день долгий. Жаркое светило, обойдя полнеба, начало медленно двигаться к закату, опускалось, словно хотело заглянуть в лицо моряку, потрогать его своими лучами. Звонарев постепенно приходил в себя. Жизнь цепко еще сидела в его большом молодом теле. Однако у него уже не было сил, чтобы открыть глаза, пошевелить рукою. Он лежал, прижавшись щекою к рельсу, и тяжело дышал. И слушал. Где-то близко громыхали раскаты грома. А может быть, то стреляли пушки, рвались снаряды. Сознание почти прояснилось, и

почему-то больше он думал о прошлом. Звонарев перекручивал, словно тяжелый трос, в своей памяти длинную цепочку дней, отыскивая все начало того узелка, который и привел его к такому концу. Найти узелок оказалось довольно-таки просто.

Все началось в тот ветреный и холодный декабрьский день, когда комиссар крейсера, в прошлом слесарь с Путиловского завода, объявил на судовом комитете, что создается орган диктатуры пролетариата для защиты безопасности Советов, имя тому органу — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Сказал, что пришла бумага, по которой надобно выделить сознательного и надежного моряка в ту комиссию. На судовом комитете все в один голос сказали, что послать надо Ивана Звонарева, потому как он, человек проверенный и стойкий большевик, сознательный борец за народное дело, принимал участие в штурме Зимнего дворца и самолично, в качестве добровольного конвоира, сопровождал арестованных министров до дверей камеры. Что говорить, заряжающий носовой шестидюймовой пушки Иван Звонарев был весьма польщен доверием матросского братства и с охотой пошел на берег выполнять революционный долг.

Дни закрутились в бешеной карусели. Дел было по горло, только успевай поворачиваться: восстание юнкеров, заговоры, бандитизм...

А вскоре правительство вместе с Лениным переехало из Петрограда в Москву, и Звонарев, как и другие сотрудники ВЧК, очутился в новой столице. Москва, ясное дело, не морской город и своего брата моряка на улице так запросто не встретишь. Моряки, как залетные ласточки,— гости редкие в сухопутном городе. Речной транспорт Звонарев в расчет не брал. Он затосковал по матросскому братству, по соленому морскому простору. Что говорить, когда его назначили в эту поездку, названную в приказе служебной командировкой, Звонарев даже обрадовался, ибо отряду степной экспедиции предстояло плыть из Астрахани по Каспийскому морю до самого Красноводска...

Но судьба как будто бы надсмеялась над ним.

Звонарев так и не догнал тот отряд. Лежит, подыхая на горячих рельсах, без кожаной тужурки, без пакета, без документов...

2

— Сюда, хлопцы! — Васютин замахал своими длинными, как грабли, руками.— На путях человек валяется.

— Убитый?

— Не, зарезанный. Видать, его с поезда скинули.— Васютин обошел вокруг лежавшего.— Зови командира!

— Бандит какой-нибудь... Пусть валяется.

— Не, он в моряцкой полосатой рубашке, как у командира. Пусть сам посмотрит, может, опознает знакомого.

Красноармейская рота отступала вдоль линии железной дороги. Невесть откуда появившиеся казаки — видимо, им удалось просочиться в тыл — неожиданно ударили на рассвете. Пришлось отходить. Из Царицына на подмогу обещали выслать бронепоезд, но тот что-то не приходил.

Командир роты севастопольский моряк Семен Рыкин, кряжистый здоровяк с рыжими усами и крупным лицом, изъеденным оспой, был ранен в руку выше локтя; рана противно и остро болела. Он улыбался сквозь зубы, не подавая виду, что страдает. Рыкин соскочил с повозки и вскарабкался на насыпь.

— Где морячок?

— Вот он. Совсем вроде бездыханный...

Рыкину бросилась в глаза полосатая тельняшка под гимнастеркой и медная бляха на черном ремне. Сомнения не было: свой брат — морячок. Только за что его так истыркали ножом и выкинули с поезда? И кто же сотворил такое: свои или чужие?

Красноармейцы, поднявшись на насыпь, обнаружили с противоположной стороны красно-бурый след на земле. Недоуменно переглянулись: неужели этот моряк заполз на самый верх? И с уважением посмотрели на обмякшее тело.

— Он, кажись, живой! — тихо вскрикнул Васютин, который наклонился над Звонаревым.— Чуть дышит...

— На, дай глотнуть спиртяги.— Рыкин протянул красноармейцу свою помятую австрийскую фляжку.— Только сдуру не пролей мимо.

Звонарев глотнул слабо, но обжигающая нутро жидкость пробежала по телу, и он шевельнул рукой.

— Пить...

— Капни с наперсток еще,— сказал командир.

— Пьет,— сообщил Васютин.

Звонарев открыл глаза и сквозь серый туман, который плыл в голове, увидел вооруженных людей, услышал слова.

«Вроде еще не отдал концы,— просветлела у него в мыслях надежда.— Живу!» И сквозь пелену рассмотрел темную форменку своего брата моряка. Слабо улыбнулся бескровными губами — наши... Но тут рельс, на котором он лежал щекой, стал подрагивать, донесся далекий, словно подземный гул. И моряк снова потерял сознание.

— Поезд шпарит! — крикнул кто-то.

Рыкин повернулся в ту сторону, откуда шел поезд, и облегченно вздохнул. Он сразу опознал по первым открытым платформам, груженным рельсами и шпалами, и темным башням с торчащими из них в стороны пушками, что это идет к ним на подмогу бронепоезд из Царицына.

— Держись, золотопогонники! — воскликнул он и хотел было поспешить навстречу бронепоезду, но вспомнил про раненого и приказал бойцам:— Уберите с путей и перевяжите!

Через несколько минут, натужно пыхтя, бронепоезд замедлил ход и плавно остановился. У красноармейцев, измученных неравными боями, усталых и голодных, на лицах появились улыбки, заблестели глаза. Особо нетерпеливые подходили к бронированным вагонам и ласково шлепали ладонью по бокам, словно по крупу доброго коняги.

Лязгнув, открылась тяжелая дверь, и высунулся горбоносый и загорелый до черноты моряк с бескозыркой на макушке.

— Что, пехота, рты поразевала? Где старшой, давай его сюда!

Рыкин еще издали узнал горбоносого: с ним встречались последний раз год назад в Севастопольском Совете,— и весело крикнул:

— Полундра, Петька Борщ!

— Ты! — у горбоносого растянулись в улыбке большие губы.— Сенька — сатана!

Он, расставив крыльями руки, прыгнул на Рыкина и стал мять в объятиях.

— Вот где свиделись, Сенька! А усищи, как у боцмана!

— Полегче, там кость поцарапана пулей,— Рыкин хлопал здоровой рукой по спине товарища.— Чертяка подводная!

— Семен, зови командира,— сказал Петр, отпуская Рыкина.

— Командир тут, перед тобой.

— Ты сам?

— Ну, чего выпучился, как бычок мариупольский? Я и есть.

— Давай к нашему в каюту,— и Петр помог вскарабкаться Семену по высоким стальным ступенькам.

Командир бронепоезда — большеголовый, с редкими рыжими усами толстяк — выслушал Рыкина, уточнил обстановку на карте, что-то записал в потертом блокноте карандашом и пообещал:

— Сейчас дадим прикурить!

Рыкину было ясно, кому именно «дадут прикурить», и он тоже улыбнулся. Потом перед уходом попросил:

— Моряк тут лежит раненый, а у нас доктора нету. Может, возьмете?

Звонарева перенесли в бронепоезд, уложили на чистую койку. Молоденький конопатый врач колдовал над ним добрый час, осматривая и перевязывая раны. Потом поднял на Рыкина хмурое лицо, и на его вопросительный взгляд неопределенно пожал плечами и выругался:

— Ну и пьян же! На версту несет... В драке, видать, порезали?

— Нет, то мы сунули ему в рот спиртяги, чтобы очухался,— пояснил Рыкин.— Его с поезда скинули. Не наш он.

— А чей же?!

— На путях нашли... Видали там след на земле? Он сам заполз к путям, чтобы заметили его... Видать, сильный характер.

Звонарев слышал голоса, но смысла не разбирал, словно голову накрыли подушкой. Он чувствовал, как боль утихает, становится необычно легко, казалось, будто бы он плавает в теплом море. Открыл глаза и, собрав силы, прошептал одними губами:

— Где я?..

— Гляди, ожил! — Рыкин наклонился вместе с врачом.— Ты в бронепоезде!.. В красном бронепоезде!..

— Лежите, лежите! — велел врач, видя, что раненый пытается приподняться.

— Командира... Дайте мне... Позовите... Очень важно! — настаивал раненый.— Надо скорей... Скорей сообщить!..

Уже с первой фразы, сказанной Звонаревым хриплым, срывающимся шепотом, лицо командира бронепоезда стало озабоченным и суровым. Он вынул свой блокнот и начал торопливо записывать.

— Гад... Гад... Скорей сообщить! — повторял Звонарев. Силы покидали его, и он спешил высказать главное, ради чего заставлял себя жить эти последние мучительные сутки.— Скорей...

Командир бронепоезда, вернувшись в свой вагон, дважды перечел записи, потом, осторожно чертя карандашом, попытался связать фразы, кое-где вставляя недостающие и убирая лишние слова. После такой обработки у командира получилась вполне понятная запись: «Чекист Иван Звонарев из Москвы... Отряд Ленина из Москвы плывет в Царицын (Астрахань и Красноводск он зачеркнул)... В отряде есть предатель...»

Кто такой Иван Звонарев — установить командир не мог: то ли так зовут самого раненого, документов при нем не имелось, то ли это имя предателя. Что касается отряда Ленина, то ни о каком таком отряде, который приплыл бы в Царицын, он не слышал, хотя только утром заходил в штаб фронта. Но последняя фраза о предателе настораживала и требовала немедленно сообщить в особый отдел.

Командир набросал текст телеграммы и решил, что на ближайшей станции телеграфирует в Царицын. Но послать срочное сообщение в особый отдел сразу не удалось, ибо, не доезжая до первого же разъезда, бронепоезд принял бой.

Только поздно ночью, когда выбили прорвавшихся в тыл белогвардейцев и очистили станцию, когда восстановили разрушенную в двух местах железнодорожную колею, командир вспомнил о своей записи и составленной телеграмме. После такого тяжелого дня хотелось спать и есть, но он в сопровождении неразлучного Петра Борща, который всегда и всюду следовал за командиром, отправился на станцию и положил перед телеграфистом исписанный лист:

— В Царицын. Военная. Секретно. Отстучи немедленно!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

Пароход «Саратов», монотонно шлепая плицами колес, одиноко двигался по реке, спешил добраться до поблескивающего вдали горизонта, где вода слилась с белесым краем неба. Волга здесь, в низовьях, так разлеглась широко и вольготно, что отсюда, с самой середки водного плавного потока, берега казались далекими и приходилось напрягать глаза, чтобы разглядеть редкие прибрежные рыбачьи села.

Степан Колотубин стоял рядом с капитаном на мостике «Саратова», облокотившись о перила, и смотрел вперед, в пустынную серо-голубую даль Волги, чем-то похожую на

застывшее железо. День давно начался, и приятная теплота южного солнца, еще не перешедшая в зной, навевала успокоенность. Под ногами ритмично дрожал пол в такт паровой машине, что глухо рокотала внизу, под палубою.

Добрые мысли рождала в голове комиссара широкая Волга, главная река русская. Радовала она серебряной чистотой и величавой торжественностью.

Смотришь на нее, и кажется, вливается в тебя ее сила и спокойствие, а сам ты становишься иным человеком, очищенным от всякого житейского мусора, цельным, как стальной слиток. Прошлое уходит куда-то назад, словно волны за кормой, и постепенно тает и глохнет, а будущее само идет навстречу.

На реке, сколько охватывали глаза, не было видно ни одной лодки, ни одного баркаса. Степан даже подумал, что это не так уж плохо: валяй себе вперед и не раскланивайся с встречным-поперечным. Свои мысли Степан выразил вслух, но капитан, посасывающий трубку, был иного мнения:

— На реке, комиссар, пусто от беспокойства и страха. Люди боятся выходить из домов, не идут рыбачить.

— А нам что до ихнего страха?

— Открыты мы, как горошина на ладони. Со всех сторон видно.

— Думаешь, беляки по берегам рыскают и на нас зыркают?

— Ничего я не думаю, река сама о том говорит. Рыбачьи баркасы как ветром сдуло. А бывало полно их, сновали прямо под носом парохода.

— Может, и нам надо куда-нибудь притулиться к берегу? — предложил Колотубин.— Зайдем в протоку и переждем до темноты?

— Негоже,— сразу ответил капитан, почесывая пальцами бороду.— Надо скорее уйти как можно дальше. Тут до самой Астрахани нет крупных портов и, следовательно, военных кораблей. А если нас засекли и погоню снарядили, так тут не спрячешься. Нужна скорость. Или они нас догонят, или мы первыми к Астрахани дойдем. Так что, комиссар, лучше без остановки.

Колотубин подумал и согласился:

— Действуй, капитан, тебе виднее.

Некоторое время стояли молча, каждый занятый своими мыслями. Колотубин подумал о том, что если бы сейчас была мирная жизнь, то хорошо бы где-нибудь тут на бережку, в рыбачьем селе недельки две-три поболтаться, посидеть с удоч-

кой. Ему даже представилось, как нежится он на песчаном плёсе, подставив спину солнышку. Повеяло далеким босоногим детством, когда бродил с приятелями по болотистому берегу мелководной и грязной речонки с красивым названием Золотой Рожок, притоку Яузы. От тех далеких мальчишеских дней осталось доброе воспоминание о воде, о солнце. Работая подростком в угарном цехе, Степан только и мечтал, как бы поднакопить деньжаток и выбраться из душной московской окраины, где дома и переулки все продымлены и закопчены насквозь в три слоя.

Капитан долго уминал большим пальцем табак в трубку, неторопливо раскуривал ее. Потом как бы между прочим спросил:

— Кто этот в кожанке?

Колотубин посмотрел на капитана, словно не понимал, о ком тот спрашивал, хотя отлично знал, что речь шла об Иване Звонареве, чекисте из Москвы.

— Который? У нас несколько командиров в кожанке ходят.

— Новенький. Что вчера на военном катере доставили.

— Ответственный товарищ,— ответил комиссар, не понимая, почему капитан заинтересовался Звонаревым.

— Тогда понятно,— сказал капитан.

— Что понятно?

— Поведение. Рыскает по кораблю, в трюм лезет, ящики выстукивает, словно пропажу ищет.

— Должность у него такая.

— Не знаю, какая у него там должность, но лицо, особенно глаза его, скажу откровенно, не нравятся. Холода в них много и жадности.

«Ишь куда загнул,— подумал Колотубин.— Про холод и жадность. Чекист не девка, чтобы нравиться с первого взгляда. Работенка у него рисковая!» Впрочем, если говорить откровенно, то и самому Степану прибывший Звонарев пришелся не совсем по душе. Выхоленный какой-то, вроде переодетого офицера. А документы у него в полном ажуре.

Мандат подписан самим Петерсом, заместителем Дзержинского. Так что личные симпатии приходится отодвигать в сторону.

— Что-то я ничего такого не заметил,— сказал Колотубин, не желая резкими словами порвать нити доверия, что сложились у него с капитаном.

— Возможно, я и ошибся.— Капитан стал дымить трубкой.— Возможно.

На палубе заиграла гармошка, и чей-то басовитый голос стал выводить плавно и вольно начало песни:

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны...

Колотубин прислушался, стараясь по голосу узнать бойца, улыбнулся. Может быть, на том самом месте, где плывет пароход, скользили воспетые в народных песнях челны донских казаков. Песню подхватили, и скоро дружный хор выводил куплет за куплетом:

На передней Стенька Разин,
Обнявшись, сидит с княжной...

2

Начальник особого отдела армии Василий Семенович Селезнев был человек степенный и в годах, дрался на баррикадах в девятьсот пятом, его дважды приговаривали к каторге за подпольную деятельность, и дважды он бежал, пробираясь пешком через таежную глухомань. Он несколько минут вдумчиво изучал тревожную телеграмму, присланную командиром бронепоезда. Командира он хорошо знал как партийца серьезного и смелого и не сомневался в его искренности.

Селезнев сразу понял, о каком отряде идет речь,— об отряде, которым командует Джангильдинов. Пароход с этим отрядом уже уплыл, вчера в полночь отошел от пристани, когда Василий Семенович был еще в пути, возвращаясь в город с передовой. Побарабанил узловатыми пальцами по столу. Вынул серебряные карманные часы. Стрелки показывали без четверти одиннадцать. «Почти полсуток махают вниз по Волге,— подумал он.— Догнать трудно».

Селезнев позвонил. Вошел дежурный:

— Слушаю, товарищ начальник.

— Петросов у себя?

— Только пришел.

— Пригласите ко мне.

— Есть позвать,— дежурный, щеголяя солдатской выправкой, повернулся и щелкнул каблуками.

Сотруднику особого отдела Петросову было поручено курировать отряд Джангильдинова, пока тот находится в Царицыне.

Через несколько минут он вошел в кабинет. Молодой, розовощекий. Жесткие темные волосы, наспех причесанные,

торчали дыбом, и Петросов поминутно поправлял их растопыренной пятерней.

— Мы с вами одинаково думаем, Василий Семенович,— сказал Петросов, усаживаясь на венский стул.— На расстоянии понимаем друг друга.

— Что-то пока не очень ясно,— начальник вопросительно посмотрел на розовощекое лицо двадцатипятилетнего сотрудника и про себя отметил, что в такие годы и он, Селезнев, мог тоже ночами не спать и быть как огурчик.

— Только хотел было к вам направиться, как дежурный говорит, что вы зовете меня.

— Отряд Джангильдинова проводили? — спросил Селезнев, и в его голосе проскользнула озабоченность.

— Как положено, Василий Семенович. Отчалили в одиннадцать часов четырнадцать минут.

— Посторонние на «Саратов» сели?

— Матрос Груля. Странный такой и настойчивый тип,— Петросов стал рассказывать о моряке, который уломал командира и капитана парохода взять его вторым кочегаром.— Я проверял и наводил справки о нем, все только положительное говорят.

— И все?

— Нет, почему же! Еще один человек, но это наш. Чекист из Москвы.

— Меня он и интересует,— сказал Селезнев.

— Ничего особенного, поступил, как в его мандате записано: всем оказывать содействие... Вы же знаете такую формулировку, Василий Семенович! — Петросов закурил и, закинув ногу на ногу, откинулся на спинку стула.

— Поподробнее,— сурово произнес Селезнев.— Как можно подробнее.

— Пожалуйста! — Петросов сделал каменное лицо и деревянным тоном доложил:— «Саратов» отчалил в одиннадцать четырнадцать, а через три или четыре минуты на пристань влетает фаэтон, соскакивает человек в кожаной тужурке и фуражке, тычет мандатом Всероссийской чрезвычайной комиссии, требует немедленно доставить его на пароход, на котором находится отряд Джангильдинова. Говорит, что только с московского поезда. А «Саратов» уже почти на середине Волги. Пришлось мне вмешаться, доставить его на военном катере.— Петросов сделал паузу и закончил:— Можно сообщить Москве, что их сотрудник уже догнал отряд.

— Влипли мы с тобой, дорогой товарищ Петросов,— сказал Селезнев и потер виски ладонями.— Ой, как влипли!

— Не надо так шутить, Василий Семенович,— в темных глазах Петросова появилась настороженность.

— А я без шуток, вполне серьезно. На пристани телефон имеется?

— Вы же сами знаете... Зачем спрашивать! — Тревога все больше охватывала Петросова, хотя в своих действиях он нигде не видел ошибки.

— Звонили на станцию, проверили насчет московского поезда, прежде чем давать неизвестно кому катер?

— Я же сам знаю, Василий Семенович! Зачем звонить, московский всегда приходит к полночи. А пароход уже ушел, надо было его догонять.

— В нашем чекистском деле, товарищ Петросов, подозрительность вредна и опасна. А вот осторожность и предусмотрительность весьма необходимые качества, они иногда помогают,— назидательно произнес Селезнев и, посмотрев на встревоженного Петросова, сказал:— Жаль, что не позвонили. Вам бы ответили, что московский поезд задержался в пути. А наши товарищи пояснили бы, что золотопогонники проникли в тыл и перерезали дорогу, что туда выслали бронепоезд. Вот так-то! И важная птичка была бы в наших руках.

— Как же так, Василий Семенович?! Я сам смотрел мандат, самый настоящий... И печать, и подписи,— Петросов в сердцах стукнул кулаком по своему колену.— Как же так?! Ничего не понимаю...

— Мандат-то действительно настоящий, только владелец другой. Настоящий чекист находится в бронепоезде и в беспамятстве. Вот телеграмма от командира бронепоезда,— Селезнев протянул ее Петросову.

Петросов пробежал глазами текст, потом еще раз и, чему-то улыбнувшись, поднял голову:

— Тут не все понятно... Неопределенно как-то! Да... Может быть, настоящий чекист Звонарев и есть тот, которого отправили с катером? А?

— Не думаю,— Селезнев взял телеграмму.— Он жил в городе несколько дней, где-то скрывался. Если был настоящий, зашел бы к нам. Факты говорят сами за себя. Нам еще придется поискать ту нору в городе, где он отсиживался. Но это немного погодя. А сейчас мы вынуждены констатировать, что неизвестный с мандатом на имя чекиста Звонарева обвел нас вокруг пальца.

— Собака! Сволочь! Паразит! — Петросов вскочил, забыв, где он находится, и начал яростно хлестать себя по щекам.— Упустил! Упустил такую змею! — Потом вдруг обратился к

Селезневу:— Товарищ начальник! Разреши! Догоню пароход... Я знаю его, сам видел в лицо. Не уйдет от меня!..

— Поспешность в нашем деле тоже вредна,— Селезнев нетерпеливо постучал костяшками пальцев по столу.— Возьмите себя в руки!.. Ошибки надо исправлять хладнокровно, а не лезть очертя голову. Пароход теперь вы догнать сможете даже на самом быстром катере где-то только в районе Астрахани. Напрасная трата сил и времени.

— Но я его знаю в лицо, гада буржуйского!

— Тем хуже будет именно вам, а не ему. Едва увидев вас, он, несомненно, обо всем догадается и сможет предпринять контрдействия. Нет, ехать нет никакого смысла.— Селезнев уже все давно обдумал и теперь приказывал:— Первое, вы пойдете к себе и постараетесь как можно подробнее описать этого типа. Второе, подготовьте запрос в Москву о внешних приметах чекиста Звонарева. Третье, свяжитесь с командиром бронепоезда. Нет, к нему лучше пошлем кого-нибудь, кто сейчас свободен. Ясно?

— Да, Василий Семенович.— Петросов стоял собранный и хмурый.— Разрешите выполнять?

— Идите.

После его ухода Селезнев сел за стол и снова прочитал телеграмму. Потом взял чистый лист и написал крупным размашистым почерком: «Астрахань. Чека. Срочно. Секретно».

Василий Семенович подумал, машинально потирая ладонью лоб, и, кроме Чрезвычайной комиссии, указал в адресе: «и командиру отдельного отряда Джангильдинову, комиссару Колотубину».

Потом быстро набросал текст.

3

Голубая дорога реки.

Тепло, солнечно, тихо. Июль — основной месяц лета — шел на убыль, и приближалась золотая пора августа, когда земля воздает человеку сторицею за его труды.

Над головой по синему небу плыли редкие пушистые облака, похожие на охапки свежего, только что собранного с поля пушистого хлопка. Джангильдинов так и подумал о нем, глядя на проплывающие облака. Алимбей даже представил себе, как берет обеими руками пушистый хлопок, еще чуть влажный от утренней росы, пахнущий зноем и сладковатым сухим ароматом семян, скрытых за волокнами, и не спеша раскладывает его на солнцепеке для просушки.

Тяжела, ох как тяжела работа по уборке пушистого урожая! Острые края створчатых коробочек, в которых, как в полураскрытой ладони, покоятся белоснежные хлопья, ранят и колют пальцы, а ты все идешь вдоль ряда, кланяешься в пояс каждому кусту, торопишься наполнить свой фартук белым урожаем. Пот ручьями стекает по лицу, застилая глаза, и солнце немилосердно сечет жгучими тупыми лучами. Носишь, носишь пушистые охапки, складываешь в кучу, а придет вечер, взвесишь — всего несколько фунтов...

Где только не собирал хлопок Алимбей: и в Туркестане, и в Индии, и в Египте... И не только хлопок приходилось собирать ему, зарабатывая себе на лепешку и миску похлебки. Много пришлось походить по земле, многое повидать.

Пароход монотонно стучит колесами, рассекает волны острым, обитым железом носом. Смотришь вниз на воду и видишь, как быстро он движется, как разбегаются в стороны зеленоватые волны с белой пеной и как потухают эти волны далеко позади.

А если смотреть вперед, на горизонт, то кажется, что стоит пароход на месте, не движется и берега, однообразные по обеим сторонам, застыли.

«Такой хороший день»,— подумал Джангильдинов и пошел по палубе.

Рядом, возле сложенных и закрытых брезентом ящиков, на солнечной и безветренной стороне расположилась группа бойцов отряда. Поснимали сапоги, расстелили на пригретых крашеных досках палубы портянки, а сами дремлют на тепле, дают отдых натруженному телу.

Джангильдинов расстегнул ворот рубахи. Ему тоже захотелось разуться и ступать босыми ногами по теплым доскам палубы. Так захотелось, что хоть садись и сбрасывай сапоги.

Командир прошелся по палубе. Везде отдыхали бойцы, одни грелись на жарком солнце, загорали, а другие спали, обхватив руками винтовки. На корме деловито попыхивал медный круглый самовар, а вокруг него, поджав ноги, расположились бойцы-казахи. Вместе с ними и матрос Груля, он что-то веселое рассказывал, и на их лицах скользили улыбки. Смеялся даже Чокан Мусрепов, и в его косо посаженных продолговатых глазах, в которых обычно отражалась глухая тоска степняка, сейчас прыгали озорные смешинки. И лицо его, плоское и неровное, с крутыми выступами скул, светилось радостью.

Тихо хихикал Темиргали Жунусов, от чего тонкие кончики его усов топорщились.

— Пожалуйста, агай, просим к нашему дастархану! — Темиргали, вскочив на ноги, вежливо пригласил командира.

Джангильдинов присел на палубу, к самовару, поджав привычно ноги, выпил из кружки кипяток, заваренный настоящим чаем. Он помнил, что самовар этот видел еще в Царицыне, когда матрос Груля пришел к ним со своим деревянным сундучком. Колотубин тогда улыбнулся, хотел было приказать матросу, чтобы унес на берег свою паровую машину, но тогда Джангильдинов заступился и разрешил взять самовар в поход.

Неторопливо выпив кружку чаю, Джангильдинов пошел дальше. Ему не хотелось мешать отдыху. Ночь накануне прошла беспокойно, никто не смыкал глаз. Пароход плыл с потушенными огнями. А с берегов доносились приглушенные раскаты грома и частые сухие хлопки: это давал о себе знать фронт. Белые могли оказаться рядом в любое время. На счастье, ночь выдалась пасмурная, небо затянули тучи и закрыли до самого утра луну. За ночь отмахали много верст, однако опасность не миновала. Потому капитан так старательно держался середины реки, подальше от берегов.

А они манили Алимбея Джангильдинова. Легкий ветерок доносил из сухих степей запахи чебреца и полыни, запахи родных просторов. Командир поднял бинокль и долго блуждал взглядом по низким берегам, заросшим тальником и камышом. Изредка поднимались лобастые бугры, они подступали почти к самой воде и, подточенные волнами, обрушивались в реку, обнажая глинистое оранжевое нутро.

Вдоль берега петляла дорога, уходя куда-то в приволжскую степь. Алимбей присмотрелся и далеко-далеко приметил серые комочки. Покрутил, настроил бинокль и уже мог разглядеть двух верблюдов, тащивших крестьянскую арбу. Верблюды были одногорбые, низкорослые. У Джангильдинова потеплело в груди, словно получил доброе известие из родного аула.

Пароход шел по реке дальше, и береговые заросли вскоре скрыли дорогу. Джангильдинов несколько минут еще смотрел в ту сторону, где шествовали верблюды. Он с детства любил этих тихих и покладистых животных. Вспомнил гибель верблюдицы Каракузы...

Джангильдинов прислонился спиною к ящикам, нагретым солнцем, слегка прикрыл глаза, и сразу перед ним поплыли не ровные пологие волны широкой реки, а бесконечные просторы родных Тургайских степей...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1

Вдали, за густыми зелеными прибрежными зарослями, на фоне ясного неба, приподнимаясь над окружающей равниной, вырисовывались купола церквей, крыши высоких зданий, темные трубы заводов. Волга здесь, разбившись на рукава и притоки, как-то незаметно сузилась, берега стали ближе. Чаще стали попадаться рыбачьи баркасы. Во всем чувствовалось приближение большого города.

Степан Колотубин стоял на самом носу «Саратова», впереди полевой трехдюймовой пушки, укрепленной на палубе. Возле орудия, оживленно разговаривая, сидели кружком мадьяры-артиллеристы из бывших военнопленных. Усатые и смуглолицые, похожие на кавказцев, у каждого на гимнастерке полыхал красной гвоздикой с левой стороны над карманом аккуратно пришитый кругленький алый бант. Они разговаривали на своем языке, и Колотубин ловил краем уха лишь понятные слова: «Вольга», «Ленин», «Будапешт»...

Отряд был интернациональным. Ядро составляли русские, среди них были и видавшие виды солдаты-окопники, рабочие-красногвардейцы, несколько матросов. Кроме русских, в него входила большая группа татар и казахов. Сплоченным и подчеркнуто дисциплинированным коллективом держались мадьяры, веселые, похожие на цыган сербы, аккуратные, всегда выбритые и чистенькие немцы и австрийцы.

Колотубин знал: отряд степной экспедиции уже имел боевое крещение в Муроме. Там вспыхнул мятеж, во главе которого стояли правые эсеры. Они захватили власть в городе и на станции арестовали в поезде казахов, членов Тургайского исполкома и бойцов революционного отряда, направлявшихся в Москву к Джангильдинову.

Узнав о событиях в Муроме и аресте земляков, Алимбей не стал медлить. Он тут же ночью поднял свой только что созданный интернациональный отряд и форсированным маршем повел на вокзал, добился от коменданта станции специального эшелона. Утром они выгрузились в мятежном городе и сразу вступили в бой. Он длился почти тринадцать часов. Мятежники не выдержали и над зданием городской думы вывесили белый флаг.

Советская власть в Муроме восстановлена. Посланцы степи освобождены из тюрьмы и сразу влились в отряд.

Тяжелый бой в Муроме оказался настоящим экзаменом, который бойцы-интернационалисты выдержали с честью. За двое суток пестрый и разношерстный отряд превратился в боевой спаянный коллектив.

Правда, не обошлось и без потерь. Среди тяжелораненых оказался и комиссар отряда. Это он повел интернационалистов на штурм каменного здания городской думы. Джангильдинов много раз вспоминал, сожалея, что с первым комиссаром так и не познакомился как следует. Накануне утром его назначили в отряд, а на следующий день под вечер с простреленной грудью и ногой отвезли в госпиталь.

На его место и был прислан Степан Колотубин.

— Приплываем, комиссар!

Джангильдинов подошел и стал рядом. Снял фуражку и вытер рукавом запотевший лоб.

— Да, подходим,— Колотубин слегка кивнул.— Старинный город Астрахань!

— Очень старый,— согласился командир, и лицо его вдруг посуровело.— Слышишь? Что такое?

— Да, слышу,— отозвался Степан и нахмурился.

Бойцы отряда высыпали на верхнюю палубу. Со стороны города чуть слышно доносились глухие и сухие хлопки артиллерийских выстрелов.

— Братцы, да там пальба идет!

— Стреляют!

Чем ближе подплывал к городу пароход, тем явственней и тревожней звучали заводские гудки, резче сотрясали воздух пушки, громче слышались винтовочная стрельба и пулеметные очереди, словно несколько человек старательно рвали брезентовые мешки.

Река сделала поворот, и перед бойцами открылась длинная причальная линия пристани.

— Прямо на носу корабли Астраханско-Каспийской военной флотилии! — доложил Груля, взобравшийся на мачту.

Колотубин и Джангильдинов поднялись на капитанский мостик. Командир, не отрывая бинокля, рассматривал пять вооруженных грузовых пароходов. Матросы их вели себя странно. На кораблях раздались сигналы боевой тревоги. Стволы орудий стали поворачиваться в сторону «Саратова». «А вдруг это беляки?» — с тревогой подумал Алимбей и приказал:

— Приготовиться к бою.

Расстояние между «Саратовом» и кораблями быстро сокращалось. Кто первый откроет огонь? Венгры-артиллеристы,

зарядив орудие, ждали команды. Слышалось торопливое щелканье винтовочных затворов.

— На мачте красный флаг! — раздался удивленный вскрик Груди.— Какой же это враг!

Джангильдинов навел бинокль на ближний корабль. Что такое? Не поверив своему биноклю, он протер стекла. Так и есть, на мачте развевалось красное полотнище! Свои! Но почему они готовятся встретить огнем? Алимбей удивленно посмотрел на комиссара.

Колотубин первым догадался, в чем тут дело. Он перевел взгляд на мачту парохода. Леер был пуст. Флаг опустили сразу же после отплытия из Царицына. Предосторожность не мешала: мало ли кого повстречаешь на пути.

— Поднять флаг! — приказал Джангильдинов.

На мачте «Саратова» взвился алый стяг. Палубы военных кораблей сразу ожили. Матросы высыпали из башен, покинули боевые посты, стали радостно махать руками, бескозырками, что-то кричать.

— Свои, выходит,— глухо сказал капитан, и по его тону трудно было понять, доволен он этим или огорчен.— А чуть было нас к рыбкам в гости не послали. Посудина моя для них вроде фанерной мишени.

Колотубин и Джангильдинов, облегченно вздохнув, посмотрели друг на друга.

Пароход дал приветственный гудок, и корабли флотилии ответили басовито и протяжно. На ближнем из них моряк замахал сигнальными флажками.

— Спрашивает, кто такие? — Груля проворно соскользнул вниз с мачты.

— Ответь так: «из красного Царицына»,— сказал Джангильдинов.

— Товарищ комиссар, дайте вашу фуражечку,— попросил Груля, сжимая в руке свою бескозырку.— Буду отвечать.

На капитанский мостик, постукивая подковками каблуков, взбежал по ступенькам Валентин Малыхин, балтийский моряк, начальник особого отдела отряда. Коренастый, плотный, широкоплечий. За дни похода Колотубин ни разу не видел на его широком, усеянном следами оспы лице веселого выражения или доброй улыбки. Малыхин всегда ходил хмурый, сбычив голову, и, казалось, на всех смотрел исподлобья, подозрительно.

— Командир, в морском деле главный тут я.— И, не дожидаясь ответа, резко приказал Груле:— Шлепай, браток, к своему самовару.

Антон Груля вспыхнул, но сдержался. Вернул комиссару фуражку и, лихо присвистнув, удалился. Между Грулей и Малыхиным еще несколько дней назад, едва тот очутился на пароходе, произошла маленькая стычка. Из-за того же самовара. Малыхин хотел, чтобы Груля, приставший к отряду, был у него на побегушках, чем-то вроде ординарца.

Колотубину не понравилась такая навязчивая самоуверенность начальника особого отдела отряда, но он не показал вида. Сейчас не время разбираться. Может быть, в какой-то мере Малыхин и прав. Вести переговоры на морском языке все же сподручнее именно ему.

— Что передавать, командир? — в руках Малыхина появились сигнальные флажки.

— Идем из красного Царицына,— Алимбей повторил ответ военным кораблям.

Валентин Малыхин быстро замахал руками. На корабле снова заполоскали флажками.

— В городе мятеж, захвачена крепость,— громко читал Малыхин.— Матросы флотилии сейчас выступают против предателей революции. Присоединяйтесь к нам, добьем гадов.

— Передай, командир и комиссар красного отряда приглашают командующего флотилией и комиссара на пароход,— велел Колотубин.

Прошло несколько минут, и на корабле снова замахали флажками. Малыхин еще больше насупился.

— Посылают к чертовой матери.— Малыхин выругался.— Приказывают вам самим прибыть к командиру флотилии Ерофееву. Он тут старший начальник, и ему подчиняются все.

— Теперь видно, что свои,— Джангильдинов улыбнулся в усы.— Пошли его тоже куда-нибудь подальше и скажи, что отряд выполняет личное указание Ленина. Жду командующего с докладом.

Колотубин смотрел, как старательно вымахивает флажками Малыхин, и весьма сожалел, что не знает морской азбуки. А в голове вертелась фамилия — Ерофеев. Знавал он когда-то одного Ерофеева, в девятьсот пятом, на баррикадах лихой был дружинник!

«Ваш козырь больший,— просигналили с корабля.— Мы тоже за Ленина. Ерофеев ждет на берегу».

«Саратов» сбавил ход и медленно подошел к причалу. На пристани толпились вооруженные моряки и, будто ничего не происходило в городе, сновали голосистые торговки с жареной рыбой, шныряли загорелые до черноты мальчишки с ведрами воды и кружками, рыскали менялы и лоточники. А из

центра доносилась беспорядочная стрельба, глухо ухали пушки.

На палубу парохода поднялись три вооруженных матроса. Рослые, загорелые. Их проводили к Джангильдинову. Один, видимо старший, отдал честь:

— Командир флотилии ждет вас.

— Послушай,— обратился к нему Колотубин,— а как зовут Ерофеева?

— Костей... Константином то есть.— Моряк с ног до головы оглядел комиссара.— А что, знакомы ему?

— Возможно... Если тот самый Костя Ерофеев, что в девятьсот пятом дрался на баррикадах, тогда знакомый.

— Насчет баррикад не знаю. Он был комендором. Это точно. В комитет его братва избрала, а потом и командиром. Башковит. Силен, как медведь!

— Ну, что ж, посмотрим вашего Костю.

Джангильдинов, Колотубин и Малыхин в сопровождении десятка бойцов направились к сходням.

2

Они прошли через пристань к зданию Астраханского пассажирского порта. В комнате коменданта порта находилось много народу, в основном вооруженные моряки и рабочие. Моряки с нескрываемым любопытством и превосходством поглядывали на вошедших «сухопутчиков».

Ерофеев сидел за большим столом. Плечистый, массивный. Он поднял крупную голову. Взгляд его остановился на Колотубине. На загорелом квадратном и курносом лице Ерофеева вдруг мелькнуло удивление, и в следующую секунду полные губы расползлись в широченную улыбку, а в глазах, посветлевших и ставших почти голубыми, вспыхнула радость.

— Степка! — крикнул он хриплым басом.— Степка!

Ерофеев вскочил и легкой походкой борца, вытянув крепкие большие руки, поспешил к Колотубину. Они обнялись. Ерофеев буквально заграбастал Колотубина, стиснул и приподнял.

— Степка?.. Ты?.. Даже не верится... Шарошка гужоновская!

— Костя!.. Ну и слон же ты, окаянный... Вот где встретились!

Лица матросов прояснились. Они с любопытством смотрели на своего грозного Костю-медведя, который так запросто и панибратски якшается с какой-то «серой пехотой».

— Стулья к столу! — велел Костя и, когда их поставили, жестом хозяина пригласил гостей садиться.— Давайте пришвартовывайтесь.— И снова обратился к Степану:— Ты давно из Царицына?

— Мы двигаемся из Москвы.

— Постой, Степан! Мне передали, что с вашего пароходика сигналили по-другому,— Ерофеев поискал глазами и остановился на худощавом моряке:— Грушин, сюда! Что семафорили с пароходика?

— «Идем из красного Царицына».

— А ты, Костя, захотел, чтобы мы каждому встречному-поперечному докладывались? — И, считая вопрос исчерпанным, Колотубин представил Ерофееву командира отряда степной экспедиции и начальника особого отдела Валентина Малыхина.

Малыхина тут же окружили каспийские моряки. Как-никак в форменке. Начались обычные в таких случаях расспросы: откуда? где служил? какой корабль? где воевал?

— Братишки, ша! — Ерофеев поднялся и, когда в комнате стало относительно тихо, протянул руку в сторону Колотубина:— Вот он, тот самый Степан, про которого я рассказывал. Собственным видом! Командир нашей десятки дружинников с Гужоновского завода. И не встречался я с ним с тех пор, с декабря девятьсот пятого.

Джангильдинов уважительно посмотрел на комиссара.

Теперь он стал центром внимания у моряков. А Ерофеев, довольный произведенным эффектом, вспоминал, как тогда начали знаменитую забастовку.

Колотубин глядел, улыбаясь, на Костю и видел, что за эти тринадцать лет из разбитного рабочего парня, который и тогда не лез в карман за словом, получился командир революционных моряков. Впрочем, заметно изменился он и внешне. Еще больше раздался в плечах, исчезла мальчишеская угловатость, на полном курносом лице появилось уверенное выражение сильного человека, много повидавшего в жизни.

— Шарахнули в тот день крепенько,— басил Костя.— Начали, как мы на кораблях в прошлом году, с господ командиров, с мастеров, тех же шкуродеров. Должок отдавали им за все унижения и обиды. Был один стервец, Виноградов, с него первого и начали. Мордастый, ходил в лаковых сапогах, чуть что — бил в рожу. Его усадили на железную тачку, в которой возили листы стальные от ножниц к прессам, потом накинули на голову куль из опилок, сверху полили мазутной гущей. А я еще опилками поприсыпал из пригоршни... Рука у меня —

во! — как лопата. Смирно паскуда лежит, ножками не дрыгает, знает, не то время... Ну, схватили тут тачку и под «Дубинушку» к проходной. Мостовая была с выбоинами, колдобинами. Кидает тачку с боку на бок, как при бортовой качке. Пару раз он, мастер-стервец, вываливался из тачки, так его обратно усаживали. А вокруг улюлюкают, свистят, тарахтят в пустые ведра. Подвезли с таким шиком и выкинули в ближайшую лужу. А там пацаны его стали грязью закидывать... Бросился он бежать, без задних ног улепетывал. Только пятки сверкали! А следом из других цехов мастеров на тачках выволакивают...

Колотубин слушал Ерофеева и тоже вспоминал те дни. Конечно, забастовка началась весело и бурно. Накануне на собрание рабочих пожаловал сам Гужон. Крахмальный белый воротничок, надменное лицо, руки в карманах. Молча слушал ораторов. Но после того как Колотубин, выступая, назвал его бессовестным живодером, повел недовольно плечом и вышел вперед:

— Я могу признать вашими депутатами только рабочих не моложе двадцати пяти лет, а вы тут выставили каких-то сопливых мальчишек. Мне не о чем с ними говорить!

И владелец завода стал нудно доказывать, что доходы весьма скудные, что почти все они отдаются рабочим. Он говорил долго и закончил наглым откровением:

— Я скорее усы́плю золотом всю дорогу от Москвы до Парижа, чем повышу вам заработную плату! Не ждите и не надейтесь!

«А мы ждали, надеялись и боролись. И вышло по-нашему,— вспомнив прошлое, подумал Колотубин.— Интересно, что теперь поделывает господин заводчик? Говорят, драпанул в Париж. Впрочем, и мне не пришлось подиректорствовать».

3

Последовал приказ Джангильдинова.

Последовал приказ Ерофеева.

Пятьсот матросов флотилии и четыреста бойцов отряда степной экспедиции высадились на берег и вместе с рабочими отрядами и частями Красной Армии начали активные боевые действия против мятежников — эсеров и притаившихся до поры до времени белогвардейцев, служивших командирами в местном гарнизоне.

Улицу за улицей очищали бойцы и, ломая яростное сопро-

тивление, постепенно брали в свои руки центральные кварталы. Джангильдинов несколько раз ходил в атаку во главе отряда. Интернационалисты дрались умело и решительно.

Бой в условиях города — особый бой. Здесь каждый кирпичный дом — крепость. Засевшие в них эсеры держали под перекрестным огнем все улицы: лобовой атакой их взять трудно. Колотубин с группой бойцов, пробираясь по переулкам и тупикам, проходил через дворы и неожиданно появлялся в тылу, там, где враги меньше всего ждали удара...

Через восемь часов непрерывных уличных боев весь город был освобожден. Держалась только крепость. Старинные толстые стены Астраханского кремля надежно укрывали мятежников. Атаки следовали одна за другой. Матросы помогли венграм подкатить полевое орудие. Несколько выстрелов прямой наводкой, и массивные ворота не выдержали, разлетелись в щепки.

И тут Колотубин получил легкое ранение: шальная пуля, срикошетив от кирпичной стены, чиркнула над бровью. Кровь хлынула обильно, он прижал ладонь, но все равно сквозь пальцы по лицу поползли малиновые струйки. Степан ругнулся, однако вынужден был отойти за угол, из зоны огня, чтобы перевязать голову.

— Давай скорее,— торопил он санитара.

А по рядам бойцов пронеслось тревожное: «Комиссара... в голову...»

Не ожидая команды, вскинули винтовки и молчаливой яростной лавиной хлынули к стенам крепости, под арку ворот. Только слышен был глухой топот подкованных каблуков по каменной брусчатке. Ошалело залаял вражеский пулемет и тут же захлебнулся. Беспорядочно защелкали винтовочные выстрелы. И вдруг издалека, с другой стороны кремля, донеслось протяжное и грозное:

— Полундра-а!

И сразу же над рядами красноармейцев взметнулось неудержимое и победное:

— Ура-а-а!

В разбитые ворота кремля, словно в половодье сорвав плотину неудержимым потоком, устремились бойцы отряда Джангильдинова.

Короткие рукопашные стычки, беспорядочная стрельба, блеск штыков и разрывы гранат...

Когда Колотубин, догоняя своих бойцов, добежал до ворот, в крепости из стрельчатых окон каменных построек уже трепетали на ветру белые простыни.

— Не губите, братцы! — Мятежники выходили с задранными над головой руками и виновато и тупо смотрели на победителей, жались в кучу.

4

Еще перед боем, когда бойцы отряда выгружались на пристань, Колотубин приказал Малыхину:

— Валентин, телеграф в первую очередь... Махни с людьми туда.

— Есть,— ответил Малыхин, обдумывая, кому бы доверить такое щекотливое дело, как взятие почты. Сам же он отлучаться с парохода, где лежит ценный груз, не имел особого желания.

Звонарев находился рядом и слышал короткий диалог между комиссаром и хмурым Малыхиным.

Он только входил в роль прикомандированного к отряду чекиста. И Малыхин пока еще ему особых заданий не давал, пусть, мол, знакомится с людьми. Бернард же, естественно, стремился войти в доверие, расположить к себе этого, как он мысленно называл Малыхина, «морского сундука», а потом тайно искать золото. Ему как новичку еще не все открывали. Недолго думая, он предложил свои услуги.

— Давай, давай, кореш, включайся в дело! — сразу согласился Малыхин.

— Что же, пойдем и пощупаем железные нервы времени! — весело и, как показалось Малыхину, даже нагловато усмехнулся Звонарев, усмехнулся лишь одними губами, а глаза оставались спокойно-холодными.— Давай бойцов.

— Пяток хватит?

— Тебе, начальник, виднее.

— Вполне хватит,— решил Малыхин и направился к выходу из каюты, чтобы взять у Джангильдинова несколько человек.

В коридоре он столкнулся с Кирвязовым, бойцом второй роты, человеком смирным, аккуратным и исполнительным.

— Я к вам, можно? — Кирвязов загородил путь, и Малыхину невольно пришлось остановиться.

— Ну, что у тебя? Выкладывай.

— Документики мои спрячьте,— Кирвязов просительно улыбнулся и посмотрел заискивающе в глаза Малыхину.— В город выгружаемся, там бой идет. Нет, не подумайте чего-нибудь плохого, товарищ особый отдел! Я не о себе беспо-

коюсь, о партийной книжке своей. Чтобы она не попала в руки врагов... Ведь всякое случиться может! Я всегда раньше перед атакой комиссару отдавал книжку, когда в другом полку служил,— боец вынул из кармана потрепанный и заношенный кожаный кошелек, перевязанный шпагатом, и протянул Малыхину:— А после боя вернете мне... Очень прошу вас!

— Сознательный ты боец революции,— Малыхин похвалил Кирвязова, принял его документы и, подумав, сказал:— Топай к своему ротному, друг, и доложи, что особый отдел тебя берет для выполнения важного задания.

— А как же, товарищ, я не буду участвовать в сражении?

— Тут тоже дело рисковое, похлеще, чем на улицах Астрахани,— Малыхин посчитал такое объяснение вполне исчерпывающим и окликнул московского чекиста:— Звонарев!

— Здесь я! — Бернард подошел на зов.

— Вот бери одного партийца, дисциплинированный товарищ,— Малыхин кивнул на Кирвязова.— Сейчас еще четверых добавлю.

Звонарев и Кирвязов понимающе посмотрели друг на друга. Все отлично!

Вскоре пришли четыре татарина, недовольные тем, что их послали «караулить пошту».

— На кой чертова матери нам надо караул нести письмам-бумажкам! Нам надо белых крепко бить, татарский Астрахань делать свободным!

— Кто из вас город знает? — строго спросил Звонарев.

Татары молчали, переминаясь с ноги на ногу. Никто из них не бывал в Астрахани, всю жизнь провели в Казани.

— Приказ будем выполнять,— Бернард пошел к сходням.— Найдем почту сами!

На пристани Звонарев остановил коричневого от загара парнишку, спешившего с пустым ведром и кружкой — распродал воду и бежал за новой,— взял за костлявое плечо:

— Ты за кого, за красных или белых?

— За красных! — Мальчишка попытался высвободить плечо.— Пустите, дяденька! Больно!

— Если за красных, тогда помоги нам. Покажи самую короткую дорогу на почту.

— Почту? — Выгоревшие на солнце белесые брови мальчишки сошлись у переносицы.— Пошли, дяденька. Только там стреляют!

— У нас тоже свои пушки имеются,— Кирвязов погладил ладонью свою винтовку.— Ты с нами не бойся! Как звать тебя?

— Федька.

— Федор, значит. Красивое имя у тебя, царское.— Бернард отпустил плечо.— Был такой на Руси царь Федор.

— Все они теперь бывшие,— рассуждал Федька, ведя бойцов по пыльному переулку.— Сейчас свернем налево, а потом прямо. Царя Николашку тоже уже шлепнули! В Екатеринбурге. Вчерась сообщили.

Бернард не слушал дальше Федьку. В голове не укладывалась такая сенсация. Николай Романов казнен большевиками! Татары на своем языке стали оживленно лопотать, обсуждая новость.

— Да, бывшая великая Российская империя трещит по швам,— сказал тихо Бернард, бросив многозначительный взгляд на Кирвязова.— Как считаешь, Илья?

— Только бы не прозевать,— ответил тот и улыбнулся сухими маленькими губами.

— Все будет в наших руках,— в тон ему отозвался Бернард.

Они встретились лишь вчера. Все эти дни Брисли, стараясь не привлекать к себе внимания, обходил каждую роту отряда, знакомился с бойцами. Это входило в его обязанности. Только этот человек с документами чекиста имел еще и тайную цель — разыскать агента. В Москве, в Сокольниках, на явке военный атташе английского посольства показал Бернарду фотографию человека лет тридцати, с обычным, ничем не привлекательным, слегка вытянутым лицом, блеклыми светлыми глазами и маленькими губами, и пояснил, что у их агента, прибалтийского барона Альберта фон Краузе, настоящие документы на имя красноармейца Ильи Кирвязова, расстрелянного в Мурманске, когда там высадились английские и французские войска.

Бернард разыскал Кирвязова на второй день плавания на пароходе, однако лишь вчера удалось поговорить с ним несколько минут. Кирвязов стоял один у самого борта на корме и попыхивал самокруткой. Бернард подошел, попросил прикурить и, улучив момент, тихо шепнул пароль. Барон растерялся, пальцы у него дрогнули, и он выронил самокрутку.

— Подними и выкинь за борт,— Бернард тихо назвал подлинное имя барона, от чего у Кирвязова пошли красные пятна по шее, лицу, а в глазах замелькал страх.— Тряпка!

Только несколько крепких ругательств, произнесенных почти беззвучно по-английски Бернардом, заставили успокоиться барона: он окончательно убедился в том, что перед ним действительно находится его единомышленник и коллега,

а не страшный московский чекист. Он сразу обрел силу духа.

— Где? — Бернард назвал слово «золото» по-английски.

Барон сообщил, что оно находится на пароходе, только он никак пока не разыскал эти секретные ящики, он облазил весь трюм, но там их не оказалось.

— Скорее всего они хранятся в каютах командира, комиссара и начальника особого отдела,— по-английски ответил барон.

На почту они опоздали, там уже наводили порядок моряки Астраханско-Каспийской флотилии. Матросы отбили здание и поставили охрану.

Моряк с забинтованной шеей и порванным наискось рукавом форменки небрежно стоял в дверях, зажав под мышкой карабин, и никого не пускал внутрь.

Бернард сунул ему в белобрысое лицо мандат Ивана Звонарева, показывая пальцем на главную строчку:

— Читай, что написано? «Всероссийская Чрезвычайная Комиссия»... А вот здесь что? «Москва»!

Но тот был невозмутим:

— Тебя, работяга, еще пустить можно, а их, пехоту,— он показал пальцем на остальных,— ни за что!

Бернарду ничего не оставалось делать, как идти одному. Кирвязов и четыре татарина остались дожидаться его.

Бернард сразу направился в аппаратную телеграфа. Там было пятеро матросов, вооруженных маузерами, и начальник почты — человек средних лет, интеллигентного вида. Он, терпеливо слушая моряков, смотрел поверх их бескозырок своими светло-зелеными, бутылочного цвета остекленелыми глазами и со всеми соглашался, кивая головой. За последние полгода он пережил больше, чем за всю свою жизнь. Дважды его ставили к стенке, по очереди: сперва красные, потом белые. Грозили, требовали. Начальник почты ушел в себя, замкнулся, стал безразличным ко всему, словно на него надели какую-то скорлупу, лишь в темно-каштановых волосах появились седые пряди.

Он стоял, устало прислонившись острым плечом к стене, и отвечал односложными фразами. Час назад в этой же комнате хозяйничали мятежники, и бывший офицер, пухлолицый, с щеголеватыми усиками и бакенбардами, злобно тыкал в лицо наганом и требовал немедленно связи с Оренбургом, с атаманом Дутовым или Красноводском. Теперь пришли красные матросы, требуют связи с Царицыном и Баку. Но ни мятежники, ни большевики не хотят понять, что линия связи

давно перерезана и дальше пригородных станций железной дороги вести разговор нельзя...

Бернард, едва переступив порог, потребовал немедленно сообщить ему все, что поступило из Москвы.

Матросы, только что спорившие с начальником почты, повернулись к вошедшему. Один из них, невысокого роста, по-видимому старший, слегка улыбнулся:

— Всем необходимо и всем срочно. Садись! Ты из речной пехоты, с пароходом прибыл?

— Из экспедиционного отряда,— поправил Бернард.

— У вас командир с такой нерусской, азиатской фамилией? — сухо спросил начальник почты.

— Да, его фамилия Джангильдинов, он из киргизских степей,— ответил Бернард, мельком оглядывая начальника почты.— Вы знакомы?

— Нет, просто вспомнил. Профессиональная память, засела одна телеграмма в голове. Два дня назад ему пришла. Была короткая связь, всего несколько минут,— он говорил тихо и бесстрастно, словно рассуждал сам с собой.— На проводе — царицынская чека, а здесь, у аппарата, офицер-эсер. Дернулся лицом и зашипел на телеграфиста, как будто на том конце могут подслушать: «Принимай, принимай!»

— А вы помните содержание телеграммы?

— Текст был весьма лаконичен: в отряде предатель. И называлась фамилия.

Бернард внутренне дрогнул, хотя лицо оставалось совершенно спокойным. У него было такое ощущение, что он сорвался с горы и летит в бездну.

— Это уже важно. Интересная телеграмма!— сразу оживился низкорослый моряк.— Припомни фамилию гада!

— Да, да, важно знать фамилию,—в тон ему сказал Брисли, мысленно прикидывая, что сейчас он будет делать, если произнесут фамилию Звонарева.

Все смотрели на начальника почты. Даже те трое моряков, что сидели в углу за столом и усердно читали пышные мотки бумажных лент с текстами телеграмм, прервали свое занятие и подняли головы.

— Фамилия такая русская, звонкая... То ли Колоколов, то ли Набатов, что-то в этом смысле.

У Брисли отлегло от сердца, он сразу почувствовал себя легко и уверенно, стал энергичным и напористым.

— Где сама телеграмма?

— Я же говорил, что офицер-эсер принимал.

— Значит, здесь нет текста?

— На почте не имеется, но, может, у того офицера сохранился.

— У офицера, которого теперь ищи-свищи как ветра в поле! Странная логика! — вмешался Бернард, стараясь направить допрос в нужное ему русло.— Чем вы можете доказать и подтвердить, что была такая телеграмма?

— Сейчас ничем,— начальник почты устало повел плечом, ему уже давно надоела и наскучила эта история, однако он догадался, что дело принимает явно невыгодный оборот, и он уже мысленно пожалел, что вспомнил про ту телеграмму из Царицына.— Я мог вообще о ней не говорить.

— Вот именно! Но почему-то заговорили,— Брисли произнес слова отчетливо и спокойно, хотя ненавидел этого честного остолопа, готов был растерзать его.— Смотрю на вас и думаю, на кого вы работаете?

— На государство Российское... хотя уже третий месяц жалованья не получаю.

— Не прикидывайся! Знаем и таких, что с добром и советом против власти Советов,— Бернард повторил слова Антона Грули, они были весьма к месту.— Знаешь ли ты, что каждый боец отряда проходил особую проверку, что брали самых достойных? Отряд выполняет важное задание самого Ленина, а ты хочешь подпустить в наш доблестный отряд яд недоверия, так?

— Успокойся, кореш,— низкорослый моряк положил ладонь Бернарду на плечо.— Мы бы сами его кокнули, да больше некому телеграммы стучать на машинке,— он кивнул в сторону аппарата.— Вдруг связь появится.

— А какой же толк от такого?

— Ты, кореш, все ж доложи комиссару и в ваш особый отдел,— посоветовал моряк.— Контру надо давить!

— Я сам из особого,— отрезал Брисли.— Пропустим еще разок всех через сито, не привыкать, лишь бы толк был,— он протянул руку моряку.— Ну, пока!

Бернард спешил. Такую весть не утаишь, так не лучше ли самому ее принести в отряд. И включиться в «розыски» предателя. Из четырехсот человек неужели не найду одного дылдака, на чью шею можно повесить камень подозрений? Эта мысль пришла в его голову сразу, и он цепко ухватился за нее, как за спасательный круг.

Когда Бернард ушел, низкорослый моряк повертел в пальцах сломанный карандаш. «И Косте-медведю о телеграммке надобно сказануть,— подумал он.— И еще комиссару нашему. Кто знает, может, та гнида еще и к нам переберется!»

5

Мятеж в Астрахани подавили. Город зажил обычной жизнью. Целую неделю бойцы отряда готовились к плаванию по Каспию. Имя их командира Алимбея Джангильдинова стало самым популярным, особенно среди жителей-мусульман. Его помнили по восстанию в шестнадцатом, когда Алимбей был правой рукой батыра Амангельды Иманова. А сейчас он был, по сути, первым казахом-мусульманином, который приехал от самого Ленина и вез степнякам оружие, чтобы создать свою красную конницу. С быстротой самой важной новости известие об отряде распространилось по рыбным промыслам в дельте Волги и побережью Каспия, где работало немало казахов.

Группами и в одиночку потянулись казахи к Джангильдинову. Явилась и целая делегация. Пришли почтенные аксакалы, старейшины рыбачьих аулов. Взволнованные и горячие речи. Просьбы казахских рыбаков сводились к одному: прими, батыр, в отряд! Они горят желанием быть вместе с ним и с оружием в руках бороться за победу народной власти в казахских степях.

— Спасибо, аксакалы, но всех ваших рыбаков взять не могу,— сказал Джангильдинов.— Отберите сами из рыбаков сто джигитов, самых крепких, самых лучших и самых достойных. Пусть они придут.

Через два дня сотня молодых казахов, смелых, сильных, порывистых и беззаветно преданных революции, влилась в интернациональный отряд.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1

У бая Исамбета Ердыкеева пировали несколько дней. Сватовство было роскошным. Гости, джигиты Габыш-бая и все аульчане чуть ли не до отвала пили-ели из байских котлов, пели песни, веселились, состязались в стрельбе и устраивали скачки. Только один человек, пастух Нуртаз, не принимал участия в бесшабашном веселье и не объедался хозяйской едою, не выпил ни глотка хмельного кумыса.

Все эти дни Нуртаз сторонился людей, жил в степи, медленно кочуя с отарой. Трава в урочище стояла высокая и сочная, особенно в низинах, на заливных лугах, что тянулись меж холмов вдоль озера.

Пастухи бая Исамбета Ердыкеева, молодые и старые, ежедневно горячо и с бранью спорили, кому из них оставаться с отарами овец, стадами коров и табунами коней, ибо каждому не терпелось поскорее добраться до аула, где вспороли брюхо белому верблюду, погулять на таком роскошном сватовстве, принять участие в состязаниях и скачках.

Пастухи с удивлением поглядывали на сумрачного парня, который так ни разу и не посидел за праздничным дастарханом, а все дни бродил с овцами да наигрывал скучную и нудную песню на темир-кумузе, словно он не джигит, а еще несмышленый мальчишка. Кое-кто из пастухов даже делал скоропалительные выводы и многозначительно подмигивал дружкам, тыкал себе в висок пальцем и поворачивал его, как бы показывая, что у Нуртаза там «не все в порядке».

Нуртаз ни на что не обращал внимания. Молча сносил шутки и насмешки. В иное время он наверняка полез бы с кулаками на обидчиков. Нуртаз умел постоять за себя! Только сейчас он ко всему относился безразлично, словно пастухи меж собой речь вели вовсе не о нем. Пусть болтают, раз языки чешутся. Им, алчущим только бы напиться байского кумыса да насытить пузо вареным мясом, не понять состояния его души, которая, как раненая птица, билась в силках несправедливости. На смуглом лбу Нуртаза меж крылатых густых бровей залегла сумрачная складка, а еще недавно веселые темные глаза потухли. Изредка Нуртаз опускал руки, прекращая наигрывать на темир-кумузе, и тогда его губы начинали беззвучно шептать: «Олтун!.. Олтун!..»

Он часами сидел неподвижно, предаваясь своим горьким думам и рассматривая какой-нибудь полевой цветок или травинку, по которой деловито сновали работяги-муравьи. Муравьи всегда привлекали его внимание. И труженицы пчелы. Они, как будто бы наделенные разумом, жили по своим строгим законам, имели своих ханов, рабов, сарбазов. Много было в степи интересного и непонятного. На каждом клочке земли, у каждой травинки своя жизнь, свой маленький мирок.

Вот, плавно покачивая разрисованными крыльями, порхает осторожная бабочка. Любознательная стрекоза, тихо позванивая длинными и прозрачными, как стеклышки, крыльями, летает над цветами, куда-то торопится, словно хочет за один день все пересмотреть. А внизу, у самой земли, в тени густой травы стрекочет кузнечик. Толстоголовый, с выпученными глазами и неуклюжим зеленым телом, иногда он делает тяжелые прыжки и в полете помогает себе крыльями.

Чуть в стороне, возле красноватого цветка дикого клевера,

проплыла по воздуху пчелка. Она опустилась на цветок, обшарила его хоботком в поисках нектара. И вдруг появилась оса. Она, как разбойница, сразу напала на мирную пчелу. Начался бой. Не на жизнь, а на смерть. Нуртаз смотрел на схватку пчелы с осой и удивился их ярости и ненависти. Оказывается, у насекомых, как и у людей, существует вражда. С цветка клевера обе свалились на широкий лист подорожника, похожий на ладонь, и продолжали биться. Ни пчела, ни оса не хотели уступать, не желали поддаваться. Со стороны их борьба казалась веселой игрой — так чудно они наскакивали друг на друга. И вдруг оса, улучив момент, изловчилась и неожиданно полоснула своими мощными челюстями и откусила голову пчелы, словно отрезала ее острым ножом! Недаром мудрый пчеловод Акжибек их называл «пчелиными волками». Пастух тихо снял с головы свой потрепанный малахай. Оса примостилась около своей жертвы, пошевелила усиками, отдыхала после боя. Потом принялась за работу. Быстро обежала вокруг поверженной пчелы и, словно мясник, стала разделывать жертву: мощными челюстями откусывала крылышки, затем лапки. Потом, ухватив тело пчелы, хотела улететь с добычей к своему гнезду. Но Нуртаз уже занес над разбойницей свою руку и ударил шапкой. Оса, не выпуская жертвы, упала на тот же лист подорожника.

Грустно вздохнув, Нуртаз встал и зашагал по траве, высокой и жирной. Степь раскинулась перед ним, как огромная ладонь, как шершавый лист подорожника, и он почувствовал себя маленькой трудолюбивой пчелкой, такой же беспомощной и одинокой.

Пастух сунул руку в карман, вынул неизменный темир-кумуз, и в предвечерней тишине поплыли тоскливые звуки, которые, казалось, исходили из его переполненного безутешной печалью сердца.

Нежный ветерок, словно легкое дыхание Олтун, веял над степью, перебирая стебли трав, покачивая цветы, сгибал в дугу шелковистые метелки ковыля и убегал куда-то в бескрайние дали. Длинный и жаркий день приближался к своему завершению, и солнце, уставшее и разбухшее, стало огненно-красным, повисло почти над самым краем земли. Небо над головой потемнело и поблекло, стало походить на долго ношенный, пропыленный синий халат, а одинокая туча на нем, плоская и длинная, превратилась в грязно-серую кошму с рваными краями. А дальше, ближе к солнцу, небо светлело и было дымчато-прозрачным, а около самого солнца — нежно-оранжевым, как лепестки весеннего степного тюльпана, ко-

торые так любила Олтун. Она, вспомнилось, украсив волосы этими нежными цветами, наклонялась над Нуртазом, лежащим на молодой траве, и тихо спрашивала:

— Ты меня будешь любить, если отец выгонит из юрты, отберет наряды и стану я бедной и бездомной? Скажи, ты меня будешь любить?

Нуртаз клялся землею, клялся и пророком Магометом, что нет для него большего счастья, чем быть рядом с нею, что всю жизнь готов терпеть самые страшные муки, лишь бы доставить радость, увидеть улыбку на ее лице.

Что значат теперь его клятвы, когда Олтун продают, получают взамен коров и верблюдов, коней и овец, как будто у Габыш-бая мало своего скота. Как понять такое, как объяснить? Жизнь, оказывается, такая сложная и запутанная, что распутать ее куда сложнее, чем расплести девичью косу.

2

— Эй, Нуртаз! Эй!

Со стороны аула прискакал на взмыленном коне Топсай, зять Кара-Калы, тридцатилетний толстый коротышка. Топсая недолюбливали. Он был развязный и наглый, особенно с пастухами и работниками, и униженно льстивый и услужливый с тестем.

— Эй, Нуртаз!

Топсай круто осадил коня прямо перед пастухом, сидящим на пригорке, и широко осклабился, обнажая крупные редкие зубы.

— Жаль, что, кроме тебя, никто не увидал, как ловко я скакуна остановил! Многие ли так умеют? Не конь, а настоящий тулпар [1]! — После такого вступления, подбоченившись и продолжая любоваться собой, он коротко бросил: — Агай кличет тебя.

Нуртаз, не поднимая головы, продолжал наигрывать на темир-кумузе. Словно перед ним никого не было. У Топсая в нехорошей усмешке скривились губы. Он ткнул плеткой в плечо:

— Оглох, что ли?

— Отстань,— Нуртаз нехотя повернулся.— Человек делом занят, не мешай.

---

[1] Тулпар — крылатый конь, персонаж народных казахских легенд.

— Дурак! — снова осклабился Топсай.— Можешь коня выиграть! Бай Исамбет Ердыкеев похвастался, что у них в ауле самый сильный балуан[1], а Габыш-бай сказал, что его пастух Нуртаз борца ихнего положит в два счета. На приз коня поставили!

Конь был нужен Нуртазу. Очень нужен. Имея своего коня, он мог бы... Все можно сделать, имея коня! Степняк обретает крылья, когда садится на лошадь. Перед ним открыты все пути-дороги!

Место для борьбы выбрали в стороне за юртами, на ровной площадке, где недавно скосили траву. Смотреть состязание собрался весь аул. Зрители расположились на земле, образовав широкий круг. Для бая Ердыкеева и Габыш-бая принесли ковры, для других знатных гостей — кошмы.

Первым вышел на середину круга каргайлинский борец Сулейман, плотный и плечистый, с широкой спиной и длинными руками. Смуглое разжиревшее лицо, на котором щелками прорезывались надменные глаза, обрамляла щеголеватая густая бородка. Сулейман прошелся крупными шагами по кругу, окидывая оценивающим взглядом место борьбы. Он был опытным балуаном и знал, что любая мелочь, даже бугорок под сапогом, может сыграть предательскую роль во время схватки.

— Сулеке! — громко приветствовали аульчане своего кумира.— Покажи свою силу этому желторотому птенцу!

И тогда появился Нуртаз. Его встретили шумными выкриками джигиты Габыш-бая. Конечно, их было не так много, но они сидели кучно и дружно громко орали, вдохновляя земляка.

— Нуртаз, сверни рога этому жирному быку!

— Покажи каргайлинцам, как умеют бороться в нашем ауле!

Сулейман, не скрывая насмешки, оглядел Нуртаза, как бы говоря взглядом: «И этот худосочный щенок хочет со мной померяться силой! Сейчас вытру его спиной следы на траве и пойду допивать кумыс!»

Но уже через несколько мгновений, когда они сошлись на середине круга, самодовольная усмешка сбежала с лица Сулеймана. Ему стоило больших усилий удержать на темных искривленных губах некое подобие улыбки. Он почувствовал в руках молодого пастуха железную хватку батыра и понял, что победа легко ему не достанется.

---

[1] Балуан — борец.

Они долго топтались на середине круга, цепко ухватившись друг за друга, уперевшись плечо в плечо, выбирая удобный момент, чтобы провести бросок. Оба были начеку. На каждый прием тут же следовало ответное защитное действие.

— Сулеке! — подбадривали аульчане.— Давай! Давай!

— Нуртаз, вали его! — шумели джигиты.— Вали!

Сулейман старался изо всех сил, однако оторвать, приподнять пастуха от земли он никак не мог, тогда он попытался обманным приемом столкнуть, бросить на траву соперника. Но не тут-то было! Нуртаз ловко уходил из хитроумных ловушек и ставил признанного борца в довольно трудное и, если смотреть со стороны, весьма смешное положение: внешне Сулейман был и рослее, и мощнее, казалось, ему ничего не стоит заграбастать молодого парня и шмякнуть спиной на землю, но вот именно этого ему никак не удавалось! Жилы на толстой, покрасневшей шее борца вздулись, стали похожими на веревки, а лицо заблестело, залоснилось от обильного пота.

— Выдавливай жир! — весело кричали Нуртазу джигиты Габыш-бая.

Юноша тоже тяжело дышал. Сдвинуть с места такую тушу не так-то просто. К тому же Сулейман начал применять запрещенные приемы, которые со стороны сразу и не заметишь. Пастух почувствовал, что настала решительная минута. На хитрость надо отвечать хитростью. Он чуть расслабил руки, словно не в силах был сдержать напора, и Сулейман сразу воспользовался моментом. Это как раз и нужно было Нуртазу. Пастух в самый последний миг вдруг сделал резкое движение, как бы слегка присел,— и борец оказался в воздухе. От неожиданности он охнул, потом яростно засучил в воздухе ногами, пытаясь своей массой опрокинуть соперника. Но ничего у него не вышло. Тогда, падая, Сулейман успел больно ударить пастуха коленом в пах.

— Уа! Апырай! — радостно орали джигиты, повскакали на ноги и размахивали руками.— Дос! [1]

Нуртаз, превозмогая боль, стоял в кругу и, порывисто дыша, улыбался. Сулейман, который уж несколько лет не знал поражения, впервые на глазах своих земляков шлепнулся лопатками на землю, тяжело поднялся и, ни на кого не глядя, быстро пошел из круга. Аульчане сочувственно что-то ему говорили, почтительно расступились.

---

[1] Дос — радостное восклицание.

— Приведите коня! — повелел бай Исамбет Ердыкеев своим слугам, плохо скрывая недовольство.— Победитель, как положено, получает награду!

Молодой широкогрудый жеребец с тонкими жилистыми сильными ногами, едва его вывели на круг, вызвал возгласы одобрения. Степняки понимали толк в лошадях. Высокий, каурой масти, вдоль широкого хребта темный ремень, грива густая, почти черная, и хвост такой же, темный. Выгнув дугою шею, конь осторожно водил удивленным зрачком, прядал ушами.

Победителю поднесли чашку с кумысом. Нуртаз взял ее двумя руками, поднес ко рту и, не отрываясь, единым духом выпил. Потом он потрепал коня по шее, все еще не веря, что жеребец принадлежит ему, и пружинисто вскочил на него.

— Мой дастархан всегда открыт для настоящего балуана,— сказал Ердыкеев.— Прошу к нашей юрте, отведать казы-карта[1] и бешбармака.

— Спасибо, достопочтенный хозяин.— Нуртаз почтительно приложил ладонь к сердцу и спросил, обращаясь к Габыш-баю: — Я свободен, ага?

— Все мы, дети Али-Полосатого, свободные люди,— по-отечески ответил Габыш-бай. Он рад победе своего пастуха, но в то же время не весьма доволен щедростью Ердыкеева, ибо дарить такого чистокровного скакуна просто так, за несколько минут борьбы обыкновенному чабану, он считал все же расточительством.

— Апырай! — воскликнул Нуртаз, он вздыбил коня и помчался в степь.— Апырай!

Одни с завистью, другие с удивлением смотрели ему вслед. Топсай, подобострастно улыбаясь, приблизился к своему тестю, который сидел рядом с Габыш-баем, и шепнул:

— Загонит, дурак, скакуна...

— Не жадничай, разве у тебя мало добрых коней?

— Завтра мы подумаем, как быть с этим скакуном,— вставил Габыш-бай, слушавший разговор зятя с тестем, и потом добавил тихо, обращаясь к Кара-Калы: — В походе всякое может случиться со всадником.

Кара-Калы понял намек и громко захихикал.

Но ни утром, ни вечером Нуртаза больше никто не видел. Пастух исчез.

---

[1] Казы-карта — колбаса из жирной конины.

3

Медленно шли, рассекая носом легкую волну, тяжело груженные суда. Вчера на рассвете две парусно-моторные шхуны — «Абасия» и «Мехди» — покинули Астраханский порт. Море на редкость было тихое.

А у Джангильдинова на душе неспокойно. Город очистили от мятежников, но на рейде не оказалось ни одного подходящего судна. А «Саратов» — колесный речной пароход, и на нем в море не сунешься. Помогли в губисполкоме, нашли две старые шхуны. Потом начался аврал — разгрузка с парохода «Саратов» и погрузка на шхуны. Ценный груз по предложению комиссара разделили пополам: мало ли что может случиться в открытом море. Джангильдинов сел на «Абасию», а Колотубин пошел на «Мехди».

«Мехди» следовала справа на некотором отдалении. Алимбей вышел из каюты, поднялся на палубу. Пустынная гладь моря, словно огромное зеркало или стекло, отражала знойное небо и палящее солнце, слепила глаза. На мачте, в бочке, почти у самой макушки, примостился вахтенный моряк и зорко просматривал горизонт. Опасность велика, каждую минуту может появиться враг. В Астраханском губисполкоме, да и военные моряки предупреждали, что золотопогонники чувствуют на Каспии себя как дома. Их вооруженные транспорты и пассажирские корабли рыскают, как пираты, в море и вдоль побережья.

Враг не только за горизонтом. Враг есть и здесь, в его отряде. Правда, всего один человек. Но кто же он? В какой роте, в каком отделении скрывается, прячет ядовитые зубы змеи? Ходит с дружеской улыбкой здесь, на «Абасии», или притаился там, на «Мехди»?

Еще в Астрахани, когда шла погрузка на шхуны, примчался гонец из ревкома с пакетом, и у Джангильдинова сразу вспыхнула тревога. Сначала ему показалось, что отряд хотят вернуть, что поход отменяется. Алимбей даже не решился открывать запечатанный сургучом пакет и передал его комиссару. Джангильдинов видел, как у комиссара брови полезли вверх, когда он начал читать бумагу, а глаза стали холодными, словно туда положили по кусочку отколотого льда. Колотубин не вымолвил ни слова и передал письмо Джангильдинову. Пробежав его, Алимбей сразу ничего не понял, ибо он искал слова приказа о возвращении, а там речь шла совсем о другом, о каком-то предателе. Потом, прочтя бумагу вторично, командир немного успокоился: поход не отменяется!

Однако внутренняя тревога не утихала. В его отряд затесался предатель!

Ревком сообщал, что в захваченных бумагах мятежников обнаружили обрывки телеграммы, поступившей из Царицына в тот момент, когда телеграф был занят восставшими. В ней сохранилось всего три слова: «...тряде Джангильдинов... предатель...»

Алимбей хорошо помнил, как после подавления эсеровского восстания чекист Иван Звонарев кратко доложил ему, что услышал от начальника почты. Такое нельзя не помнить. Конечно, начальнику почты трудно было доверять, мало ли что мог тот наплести.

Звонарев предлагал расстрелять почтаря и заодно провести чистку, перешерстить людей в отряде. Однако Джангильдинов, посоветовавшись с Колотубиным и Малыхиным, решил пока ничего не предпринимать, чтобы не сеять сомнения среди бойцов. А разыскать притаившегося врага поручили самому Звонареву. Пусть покажет себя новичок в работе. А вот теперь выяснилось, что начальник почты сказал сущую правду. Нашли часть телеграммы.

Джангильдинов прошелся по палубе. Куда ни посмотри — везде одно и то же. Вода, вода... Море чем-то напоминало степь, только томило однообразием. В степи Алимбей всегда удивлялся пространству. Оно радовало его и успокаивало, давало возможность почувствовать себя сильным и необходимым. А здесь, на море, пространство пугало. Все ж как ни говори, а когда под ногами нет твердой земли, человеку трудно чувствовать себя уверенным, тем более что и берегов не видно. Бескрайняя морская степь навевала пасмурные думы. А на душе и так неспокойно.

Подошел капитан шхуны, пожилой обрусевший татарин, узколицый, гладко выбритый, и сказал:

— Упал барометр. Давление воздуха низкое. Выходит, гражданин-товарищ, к вечеру или ночью ветер большой ждать надо. Вот посмотри на небо, оно стало серым.

Джангильдинов слушал, кивая головой, и только слова «большой ветер» врезались в сознание, оттеснив все остальные мысли.

— Что это? Будет ветер?

— Так барометр показывает, небо показывает,— пояснил капитан и посоветовал: — Надо груз укрепить, ящики крепче привязать, волна большая пойдет и смыть может.

На шхуне раздался сигнал тревоги. Вахтенный Антон Груля, сидевший в бочке на мачте, замахал флажками и сообщил

на другую шхуну о том, что к вечеру, возможно, будет шторм, и передал приказ крепить груз на палубе и в трюме. С «Мехди» отмахали в ответ, что поняли, и начали готовиться к шторму.

В морском деле Алимбей не считал себя сведущим, хотя за годы скитаний ему пришлось поплавать по разным морям, и потому полностью доверял матросам. Командовал ими Валентин Малыхин. Его хрипловатый, резкий голос раздавался повсюду: в каютах, на палубе и в трюме. Малыхин, быстро перебирая короткими сильными ногами, метался по кораблю, расставляя у грузов моряков и бойцов, показывая, как надо крепить к палубе ящики и повозки, отчитывая нерадивых и резко обрывая любые возражения.

Джангильдинов, засучив рукава, работал вместе с бойцами, то помогая Чокану и Темиргали привязать колеса повозки к палубе, то натягивая плотный брезент на ящики, сносил и складывал в трюм объемистые тюки с обмундированием.

Работа шла споро, но тревога не угасала у Малыхина. Где же предатель? Он присматривался к окружавшим его бойцам, но ни на одном из них не мог остановить подозрительного взгляда. А между тем этот притаившийся гад ходит где-то совсем рядом, может быть, среди земляков-казахов, или притаился в группе интернационалистов, среди недавних военнопленных — мадьяр, австрийцев, сербов,— или находится в кругу бывалых солдат-фронтовиков, отобранных на специальной комиссии как будущих инструкторов и командиров казахской дивизии?

4

Невеселые мысли командира были прерваны криком вахтенного:

— Справа по борту корабль!

«Справа по борту корабль!» — разнеслось по шхуне.

Джангильдинов выбрался из трюма и, как был с засученными до локтей рукавами, направился к мачте. Встреча с врагом в открытом море не предвещала ничего хорошего. Впрочем, корабль, может, и не белых...

— Нас заметили,— докладывал вахтенный.— Идут на сближение. Дымят трубами.

Джангильдинов приставил к глазам бинокль. На горизонте четко вырисовывался силуэт большого грузового парохода.

— На мачте трехцветный флаг... Беляки! — крикнул Груля.

Сомнения рассеялись, впереди — враг. «Хорошо, что только один,— подумал Джангильдинов, имея в виду пароход.— Попытаемся отбиться».

— На корме и на носу у него стоят трехдюймовки,— сообщал вахтенный.

Джангильдинов поднялся на капитанский мостик. За ним последовал Малыхин.

— Что будем делать, командир? — в голосе капитана звучала плохо скрытая тревога.

— С «Мехди» сигналят,— Валентин Малыхин поднял к глазам бинокль и стал читать: — «Впереди белые»... Ясно, знаем сами. «Ждем приказа».

— Тяжело сидит шхуна, а мотор слабенький... Уйти не удастся, догонят,— размышлял вслух капитан, явно намекая на то, что ждет их.

Джангильдинов навел бинокль на пароход. Уже можно было разобрать матросов, суетящихся возле орудий. «А у нас одна пушка,— подумал он.— Советовали в Астрахани взять еще парочку, но куда их поставишь, когда и так шхуны под самую завязку нагружены». Надо срочно что-то предпринимать. Он отдал приказ готовиться к бою. Тут его взгляд остановился на покрытых брезентом двуколках. Они загромождали палубу шхуны и поэтому, готовясь к шторму, бойцы придвинули их к бортам, укрепили. «А что если?..» — мелькнула озорная мысль, и командир приказал:

— Разверните подводы! Нет, не снимайте брезент... Направьте дышла в сторону парохода!

Дышла, по два с каждой стороны носа и кормы шхуны, грозно повернулись в сторону транспортника. Надвигался вечер, и в сумерках, тем более на значительном расстоянии, дышла повозок могли быть приняты за орудийные дула. Простая арифметика складывалась в пользу шхуны с красным флагом на мачте: на две пушки белых ответят огнем девяти орудий.

— Замедляют ход! — радостно крикнул Груля.

Вражеский транспорт сбавил обороты, застопорил машину и после небольшой паузы, описав дугу, стал удаляться в сторону кавказского берега.

— Драпают господа беляки. Только пятки смазывают! — доложил вахтенный.

Джангильдинов облегченно вздохнул. Нехитрая уловка удалась блестяще. Даже всегда хмурый Малыхин на этот раз не выдержал, и его губы разошлись в улыбке.

— Улепетывают, стервы! На расплату жидкие...

— С транспорта что-то сигналят! — сообщил Груля.

Даже невооруженным глазом было видно, как на уходящем пароходе быстро зажигался и тут же гас желтый свет прожектора. Точка, тире, точка, точка... Малыхин снова стал хмурым, даже более того, мрачным. Он не смог прочитать текста: с транспорта передавали шифром или не по-русски.

— А что у тебя блестит? — негодующе вдруг крикнул Малыхин, задрав голову на мачту.— Зеркало?

— Бинокль, товарищ командир,— Груля вытянул руку и показал полевой бинокль, который выдавали вахтенному.— Блестит там, на транспорте. Ишь как шпарят!

— Не заговаривай зубы.

— Вон! Вон сигналят на «Мехди»! — Груля вытянутой рукой показывал на шхуну.— Фонарем сигналят!

Джангильдинов и Малыхин навели свои бинокли на соседнюю шхуну. Обшарили взглядами всю палубу, надстройки. Нигде никаких следов.

— Ты, балаболка, не наводи напраслину на своих товарищей,— сухо оборвал вахтенного Малыхин.

Груля сразу притих. Он понял, что ему не поверили. И даже в чем-то подозревают. Он наклонился вниз и произнес:

— Смена мне скоро будет или загорать вечно на мачте?

— Не бойсь, сменим, когда время придет.

5

Шторм обрушился на шедшие с потушенными огнями шхуны глубокой ночью. Шквал ветра, резкий и порывистый, налетел неожиданно, словно конница, выскочившая из засады. Море вздыбилось, загорбатилось, и шхуны стали вроде игрушечных корабликов или ореховых скорлупок, попавших в водоворот. Их кидало из стороны в сторону.

Людей по тревоге не нужно было поднимать, все проснулись сами. Разве уснешь, если тебя швыряет от стенки к стенке и каждый раз какие-то дикие силы природы норовят в темноте стукнуть обо что-то твердое.

Степан Колотубин, цепляясь руками за стенки и перила, вылез на палубу и чуть было не задохнулся: ветер швырнул ему в лицо струю из спрессованного воздуха и горьковато-соленых брызг. Фуражку вмиг сорвало с головы и швырнуло куда-то в темную пучину. Он не успел даже ахнуть.

— Взбесилась, треклятая мать! — Степан крепко выругался в адрес разбушевавшейся стихии.

Несколько минут постоял, удерживаясь двумя руками за поручни, не зная, что ему делать. Страха он не ощущал, только постепенно наполнялся к самому себе тихим равнодушием. К качке он не привык, и где-то внутри, под ложечкой, ворочался противный комок, и тошнота тихо подступала к горлу.

Постепенно Колотубин освоился в темноте. Луна, закрытая плотными тучами, слегка пробивалась слабым светом. На шхуну надвигались огромные водяные валы с белой пеной на гребне, вокруг свистело и грохотало. Брызги, холодные и колючие, точно снег в метель, секли лицо.

— Пойду к машине,— вслух подумал Колотубин и направился вниз, в машинное отделение.

Там было тесно и душно. Тускло под потолком светилась лампочка. Мотор надрывно и нервно дрожал, слышно было, как гребной винт то глухо зарывался в пучину и тянул шхуну, то вдруг сразу взвывал на холостом ходу.

— Как тут, порядок? — Колотубин широко расставил ноги и ухватился за поручень трапа.

Моторист в замасленной и грязной робе, с вымазанным лицом улыбнулся и показал большой палец:

— Во как!

И ни к тому ни к сему стал матерно ругаться.

Степан молча слушал моториста и особенно не возражал ему. Он понимал этого рабочего человека: в трудное время любит крепкое слово, вместе с тем спокойно и деловито, словно никакого шторма и не существует, обхаживает гудящую машину.

В машинном отделении Колотубину стало немного легче. То ли запахи мазута и железа, горьковато-кислый угар от работающего на керосине мотора, то ли сама обстановка, чем-то похожая на заводскую, благоприятно подействовали на Колотубина. Комок, надсадно томивший под ложечкой и грозивший вывернуть наизнанку нутро, стал рассасываться.

— Лупит, словно паровым молотом,— Степан кивнул на стену, за которой бушевало море.

— Не меньше восьми баллов,— со знанием дела определил моторист, сворачивая самокрутку.— Это еще что, обычный штормяга. Знаешь, как бывает зимой тут? Светопреставление сплошное.

Колотубин тоже закурил. Моторист рассказал о своем двигателе, который давно надо перебрать, но нет нужных запасных частей, и все приходится делать кустарно. Потом он достал пакет, развернул газету, там были хлеб и свиное соленое сало, отрезал от них по куску Колотубину:

— Человек, что машина, надо смазку нутра делать.

Степану есть не хотелось, но, чтобы не обижать моториста, он пожевал хлеб с салом. И подумал, что раньше почему-то считал машинистов паровозов и пароходов вроде мелких хозяйчиков, с виду рабочие, а на деле оторвавшиеся от коллектива. Теперь же за дни плавания на «Саратове» и здесь, на «Мехди», понял, что они такие же пролетарии и, хотя вкалывают поодиночке, их объединяет одно общее: они при моторе, при машине, как и рабочий при станке.

Из машинного отделения Колотубин прошел, цепляясь руками за что можно, в трюм. Там было душно и смрадно, хоть вешай топор. В сплошной темноте мелькали светляками горящие точки самокруток. Кто-то охал, кто-то стонал, да слышно было, как бойцы громко и грубо выражались, мешая русские и казахские слова, упоминая бабушку, бога и некую душу-мать... Мимо Колотубина карабкались вверх обессиленные качкой люди и там, ухватившись за перила, облегчали свои желудки в грохочущую стихию.

Колотубин видел, что бессилен помочь людям. А ведь нужно было что-то сделать, чтобы отвлечь бойцов от невеселых мыслей, как-то их развеять.

Колотубин подсел к группе бойцов, попросил:

— Дайте курнуть.

Колотубина узнали, к нему потянулось несколько рук. Степан взял окурок, оторвал кончик, затянулся.

— Про что калякаете?

— Да все про царя,— отозвался тот, кто дал курнуть.— Кокнули в Катеринбурге.

— Ну и что?

— Туда ему и дорога.

— А нам, того и гляди, ни дна ни покрышки,— вставил кто-то из темноты, выругавшись.— Не пароход, а утюг дерьмовый, так ко дну и тянет.

— Ты что, случаем не специалист ли по пароходной части? — спросил, улыбаясь, Колотубин.— Не знал, а то бы пригласил, когда выбирали посудину.

— Он, товарищ комиссар, токарь по металлу, по хлебу и по салу.

— Это Андрей Родиков, заводной он у нас и с чудинкой,— сказал доверительно Колотубину боец, давший курнуть.

— Ты, Матвеев, меня не срами перед начальством,— резко выкрикнул Родиков.— У самого небось штаны мокрые. А я по правильности хочу судить. Мне, может, не жалко, когда

грудь в бою продырявят, а тут, извините, пожалуйста, отправляться к рыбам даже под красным флагом нежелательно.

— Ты, шкура, красный флаг не трожь! — прохрипел кто-то из-за спины.

— Да я, Круглов, только так, к слову,— Родиков сразу сник.

— И «только так» трепать не позволю!

Колотубин удовлетворенно помолчал. Правильно ответил. Он поговорил еще с несколькими бойцами, вспомнил критические случаи из своей жизни, посочувствовал измученным качкой, помог мадьяру Яношу Сабо подняться по трапу на свежий воздух.

На палубе у покрытых брезентом ящиков с оружием Степан неожиданно столкнулся со Звонаревым.

— Тебя что тут черти носят? Смоет еще волна.

— Всю душу вытянуло,— растерянно объяснил Бернард, мысленно чертыхаясь. Еще минута, и он бы погорел, когда в поисках золота вскрывал ящики.

— Эх, а еще моряк называешься! Слабак.

Облегчение пришло к людям на рассвете, море стало понемногу успокаиваться.

Когда взошло долгожданное солнышко, Каспий притих совсем и легкой волной лизал борта шхун и как бы тихо извинялся за ночной разгул.

Издерганные штормом бойцы интернационального отряда (многие из них впервые попали в такую передрягу) крепко спали.

Колотубин тоже свалился в своей каюте, прямо на ящики, в которых, аккуратно завернутые в бумагу, круглыми палочками лежали золотые десятирублевки. Он накрылся своей кожаной тужуркой и сразу почувствовал спокойствие. Шхуну легонько покачивало, и создавалось впечатление, что лежишь в люльке и тебя убаюкивают. От такой приятности нежилось все тело и мягко окутывал сон.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

1

— Земля! — прокричал вахтенный.— Земля!

Бойцы высыпали на палубу. После штормовой ночи с каким-то неповторимым чувством радости разглядывали на горизонте тонкую коричневую полоску берега. Она манила и

притягивала. Они были готовы перенести любые испытания на земле, лишь бы не повторилось пережитое и не ощущать качки. Только моряки да рыбаки-казахи беспечно улыбались: морякам качка не такая уж диковинка, а рыбаки-казахи знали, что лучше переносить качку в море, чем испытывать жажду в безводных просторах пустыни.

— Что за берег? — Звонарев подошел к Колотубину, стоявшему у берега.

— Мангышлак.

— Остров такой? — спросил Звонарев, стараясь показать свое «незнание» географии.

— Часть берега, полуостров.

— Приставать будем?

— Обязательно.

— Ясненько, надо водичкой запастись.

— Выгружаться будем,— пояснил командир.

— Как так?! — Звонарев не смог сдержать удивления и тревоги, они отразились на его продолговатом лице.

— Обыкновенно,— просто сказал Колотубин.— Прибыли.

— А как же Красноводск? У нас маршрут в тот порт?

— Было такое, но перерешили.

— Ничего не понимаю! Кто давал право? — Звонарев стал распространяться о намеченном маршруте отряда, напирая на слова «утверждено в Москве».

— В Царицыне перерешили,— Колотубину стало весело.— Махнули — и все!

— Сами?

— Почему сами? Вместе с наркомом товарищем Сталиным.

— Никто не знает об этом?

— Теперь и ты в курсе.— И пояснил: — До срока до времени попридержали языки. А теперь можно сказать, Мангышлак вот он, рукой подать, и форт Александровский рядом. А дальше пойдем через пустыню. Теперь внял, чекист?

— Как топором по голове,— на сей раз откровенно признался Звонарев, мысленно кляня себя за опрометчивость и успокоенность. Подумать только — проглядел главное: изменение маршрута!

— Не ты один,— Колотубин похлопал ладонью по плечу, тяжело и дружески, широко улыбнулся.— Ничего не поделаешь, брат. Революционная дисциплина.

— Хоть бы меня могли поставить в известность,— Звонарев сделал обиженное и даже злое лицо.— Или не доверяете?

— Не пузырься,— спокойно сказал Колотубин.— О том держали в башке всего четверо: Сталин, мы с командиром и

Малыхин.— И добавил: — Так что радуйся, земля под ногами твердая будет. А ежели качка понравилась, так личного и персонального верблюда организуем, говорят, что на верблюде тоже качка на морскую походит!

Со шхуны «Абасия» стали махать флажками. Комиссару доложили:

— Велят приготовиться к высадке.

Приказ «приготовиться к высадке» был встречен с энтузиазмом. Некоторые бойцы, не веря своим ушам, подходили и переспрашивали:

— Совсем сходим на землю или так, для передышки?

— Совсем,— ответил Колотубин, видя радость в глазах бойцов.

Палуба вмиг опустела, каждый поспешил к своему месту, торопясь уложить походный мешок, собрать немудреный солдатский скарб.

Брисли не находил себе места. Как же так, проворонил такое дело. Еще вчера казалось, все идет хорошо — «ол-райт», а сегодня полетело к чертовой матери. Он вспомнил свое самодовольное настроение, после того как ему удалось вспышками фонаря ответить на сигналы с корабля: «Идем Красноводск». Там приняли его сообщение и, конечно, уже доложили генералу Маллесону. В Красноводском порту наверняка уже готовятся к встрече. А большевики у него под носом в самый последний момент изменили маршрут. Что делать? Что предпринять? Убить, убрать комиссара и продолжать плыть на юг, к Красноводску? Но Колотубин не один. Всех не убережь. Есть и другая шхуна, а там Джангильдинов. Что же делать? Бернард был готов сейчас на любой, самый невероятный поступок. Золото, богатство, на которое он уже рассчитывал, как на собственное, уплывало от него в пустыню. Тонны золота!.. Нет, такого он допустить не может!

На мертвых пустынных берегах Мангышлака показались приземистые глинобитные стены и плоскокрышие строения форта Александровский. Бернард Брисли, вынув из кожаного чехла бинокль, стал пристально разглядывать форт. И вдруг за домами увидел мачту и потом вторую, между ними привычные провода антенны. Радио! Открытие это, словно током, пронизало его с головы до пят. На форте имеется радиостанция! Брисли стало легче. Он даже улыбнулся: не все еще потеряно!

Он бросился к Колотубину.

— Степан Екимович! Разреши в первой группе пойти!

— Что же, можно. Соскучился по берегу? — И добавил

уже иным, командирским тоном: — Зазря нечего рисковать, пуля — дура. Давай подумаем, что ты возьмешь на себя. Выбирай — штаб, казармы, склады, радиостанция, дом командира форта?

Брисли сдвинул брови, как бы задумался, хотя на кончике языка уже давно приготовилось слететь длинное слово «радиостанция». И на вопрос ответил вопросом:

— Мы первые идем на берег?

— Именно.

— Тогда, если не возражаешь, дозволь телеграф.

— Тут нет телеграфа, а радиостанция,— поправил Степан.— Бери, чекист, бойцов и действуй! Постарайся взять ихнего радиста живым, надо нам сообщение в Москву сделать. А то махнем в пески, ни жилья, ни почты, сплошное дикое безлюдье.

Брисли кивнул: мол, и сам понимаю. Быстро спустился в каюту, где размещался вместе с Кирвязовым. Илья собирал вещевой мешок.

— Стань у двери,— велел Бернард Брисли.— Ни одну душу не пускай.

Тот покорно шагнул к двери.

Бернард Брисли присел на койку и, вынув блокнот с глянцевой картонной обложкой, торопливо набросал карандашом короткое сообщение, потом зашифровал текст. Проверил каждую букву, вырвал лист с сообщением, написанным по-английски, достал коробок спичек и сжег. Зашифрованный текст спрятал в карман вместе с блокнотом.

— Все, можешь открывать дверь,— приказал Бернард.— Скорее кончай сборы, найди пятерых азиатов, желательно, чтобы плохо понимали по-русски. Так надо для дела. Пойдем брать радиостанцию.

2

Власть в форте Александровский находилась в руках эсеров, но это совершенно не беспокоило Джангильдинова. Ему было все равно, чья власть в крепости: эсеров или белых. Он знал, что форт надо взять.

Бойцы отряда степной экспедиции, не встречая серьезного сопротивления гарнизона, быстро высадились на берег со шхуны «Мехди» и, развернувшись цепью, спокойно, словно на учениях, начали штурм. Вслед за ними высадились бойцы с «Абасии» и пошли на приступ глинобитных стен. Джангиль-

динов, стоя на капитанском мостике, наблюдал в бинокль, как проходил короткий, стремительный бой. Защитники гарнизона понимали бессмысленность обороны. Да к тому же большинство солдат, увидав красное знамя, с нескрываемой охотой поднимали руки, ибо верили, что приход большевиков несет им освобождение от тирании офицеров, которые в основном и стреляли в наступавших.

Бернард Брисли спешил. Вместе с Альбертом фон Краузе-Кирвязовым и пятеркой бойцов-казахов он, едва ворвались в форт, бросился сразу к приземистому зданию, над которым возвышались мачты антенны.

— Скорей, скорей! — Бернард размахивал наганом.

Они пробежали пыльный плац и свернули в короткую улочку. Густая пыль доходила почти до щиколоток, словно бежишь по пуху. То там, то здесь раздавались одиночные винтовочные выстрелы.

Около радиостанции, у входной двери, прямо на пыльной дороге стоял пулемет и несколько солдат с винтовками. Кирвязов плюхнулся в пыль. Бернард инстинктивно хотел было тоже броситься на землю и уже сделал первое движение, как вдруг обратил внимание на то, что солдаты не лежат возле пулемета и не готовятся оборонять здание. Они стояли и поднятыми руками приветствовали красных:

— Сдаемся! Не стреляйте!

Бернард с трудом удержал равновесие и зло крикнул:

— Бросай оружие. Отходи в сторону!

Солдаты поспешно побросали винтовки и отошли к стене, снова подняв руки.

— Там кто есть? — Бернард указал дулом нагана на радиостанцию.

— Кажись, господин техник,— ответил рыжебородый солдат, улыбаясь неизвестно чему.

Отправив казахов с пленными, Бернард повернулся к Краузе:

— За мной!

В помещении стояла приятная прохлада, и им показалось после яркого солнечного света здесь даже сумрачно. Бернард и барон протопали в смежную комнату. Там было пусто. Прошли дальше. Дернули дверь.

— Открывай, а то стрелять будем!

И сами быстро стали по бокам от двери на всякий случай.

Послышались шаги. Дверь открылась, и на пороге появился молодой техник, подтянутый, невысокого роста, голубоглазый.

— Технический персонал вне политики,— сказал он, твердо и решительно загораживая спиной дверь.— Вход на станцию запрещен по инструкции. Если необходимо что передать, станция к вашим услугам.

— Верно, порядок везде необходим,— согласился Бернард и повелел своему напарнику: — Кирвязов, стать у двери и никого не пускать!

— Слушаю, товарищ командир!

Бернард повернулся к радисту:

— Пошли в твой технический рай.

— Я же предупреждал...— начал было радист.

— Приказываю именем революции,— Бернард грубо его оттолкнул.

Радист попятился. «Этот большевик, в кожанке, наверно, подозревает, что тут кто-то скрывается,— подумал он.— Надо все показать, пусть убедится сам!»

— Здесь никого нет, честное слово!

Бернард, не обращая на него внимания, сам обшарил все углы, заглянул в шкафы, потом ткнул наганом в корпус радиопередатчика:

— Радио?

— Да.

И радист стал быстро объяснять, что это самый современный аппарат, недавно, всего два года назад, привезен из столицы, что это чудо двадцатого века. Говорил он обстоятельно и с достоинством человека, уверенного, что такого специалиста на тысячи верст вокруг не найти. Так и было на самом деле. В отдаленном форте на мертвых, сухих землях Мангышлака он являлся единственным специалистом по радиосвязи. Благодаря ему маленький гарнизон, а вернее, командный состав, был в курсе всех новостей.

Но Бернард его не слушал, перебил вопросом:

— Работает?

— В исправности.

— Начинай!

Радист чуть поправил, подтянул к локтям манжеты, словно врач перед операцией, уселся на кресло и повернул какую-то ручку. Послышался ровный, монотонный гул, в лампах появилось слабое свечение, стали накаляться красным светом проводки.

— Кого вызывать? — он надел наушники.

— Ашхабад.

— Там, там... англичане! — У радиста округлились от удивления глаза.

— Не твоего ума дело! — сказал Бернард и ткнул дулом нагана в спину.— Вызывай!

Лицо радиста стало сосредоточенным, как у человека, занятого сложным и важным делом. Через минуту он тихо сказал:

— Ашхабад слушает... Кого вызвать?

— Срочно, генералу Маллесону,— Бернард положил перед радистом зашифрованный текст.

При словах «генерал Маллесон» щеки радиста покрыла бледность, они стали блеклыми, как выжженная белесая пыль, только сдвинутые брови и удивленно-растерянный взгляд выдавали внутреннее беспокойство. Кто бы мог подумать, что англичане нагрянут сюда под красным флагом? Длинные пальцы радиста, цепко схватившие ключ, монотонно и быстро выстукивали цифры и буквы.

— Все... Приняли.

— Вставай! — приказал Бернард.

Радист пожал плечами и пружинисто встал. В лицо, в грудь ударила молния, оглушил гром. Он пошатнулся и, цепляясь за стул, повалился на свежевымытый пол. Бернард дважды выстрелил в лежащего радиста, потом в передатчик. Там что-то затрещало и поползли голубые струйки дыма, как от папиросы.

Бернард схватил табуретку и запустил ею в аппарат. Послышался треск, звон разбитых ламп.

— Кирвязов!

Барон и так уже стоял в дверях, не зная, чем помочь шефу.

— Стреляй мне в руку! — крикнул Бернард, протягивая свой наган.

— Как же так... Вам? — пробормотал тот, путая английские и русские слова.

— Стреляй! — по-английски приказал Брисли.— Только не в кость!

Барон тотчас же выстрелил в мякоть руки повыше локтя. Бернард скривился от боли, зажал пятерней рану.

— Уходить надо!

Первым вбежал в радиостанцию Груля. Он находился в цепи неподалеку, у дома командира форта, и сразу побежал на выстрелы. Он перемахнул через ограду и очутился в небольшом дворике, а уже оттуда, преодолев еще одну глинобитную ограду, подскочил к радиостанции.

Груля рванул дверь и черным ходом ворвался в аппаратную, держа винтовку наготове. Он появился так неожиданно,

что оба — Бернард и барон — вздрогнули, схватились за оружие и тут же опустили:

— Фу, черт, свой!..

— Что здесь? Контра? — Груля, готовый пустить пулю во врага, оглядел комнату.

— Гад, начал передавать... белым, англичанам про отряд,— Звонарев сбивчиво стал объяснять.— Ранил вот, скотина...

— Пришлось прикончить,— Кирвязов хмуро смотрел на матроса.

— Веселые делишки, серые братишки,— Груля удивленно присвистнул.

Еще бы не удивляться! Радист распростерт на полу, рация разбита. Только нигде нет оружия, которым бы радист мог отстреливаться и ранить Звонарева.

— А чем же он бабахал? — поинтересовался Груля, кивнув на лежащего радиста.

В глазах Бернарда мелькнул холодный, недобрый блеск. В голову пришла неожиданная мысль, и он как можно небрежнее бросил:

— Ты нагнись, под столом его пушка...— Он шагнул к матросу.— Помоги достать.

Антон Груля на секунду расслабился, нагнулся, чтобы проверить, хотя он в душе и не особенно доверял этому типу с узким лицом и блеклыми глазами, и потерял много, вернее — все.

Судьба его была решена в эту секунду.

Не успел матрос нагнуться, как Бернард кинулся сзади. Нанес удар рукояткой нагана по голове.

— А-а! Гады!..

Груля качнулся, перед его глазами поплыли разноцветные круги, он еле успел схватиться за край стола, чтобы не свалиться на пол, вскинул машинально винтовку.

Но тут последовал второй удар, прикладом. Кирвязов бил остервенело.

— Вот где ты, сволочь! Шкура! — орал Бернард, целясь носком сапога в живот.— Пролез в отряд!

— Попался, сука! — понимая шефа с полуслова, выкрикивал ругательства барон и наносил удары по моряку.

Послышался топот, и в радиостанцию вбежали несколько бойцов. Они спешили на выстрелы и опоздали всего-то минуты на две. Бернард, опережая вопросы, крикнул:

— Скорей! Вяжите белую стерву!

Бойцы, недолго думая, кинулись выполнять приказ мос-

ковского чекиста в кожаной куртке. Быстро скрутили Антону Груле руки, перехлестнули и затянули ремнями.

— Попался, голубчик!

— Сволочь, успел нашкодить.— Бернард, словно разговаривая сам с собой, отвечал на немые вопросы.— Предатель! Убил радиста, испортил радиостанцию... Белякам хотел передать о нашем отряде, что мы уже в форте!..

Слово «предатель» всегда имеет магическую силу, особенно в тревожные моменты, оно мгновенно перечеркивает все заслуги и достоинства, приклеивается черным ярлыком и заставляет на человека, с которым еще вчера делил кусок хлеба, смотреть диким зверем.

— Прикончить стерву надобно!

— Погодь! — боец с прокуренными русыми усами схватил Грулю за шиворот и стал поднимать.— Пособите!

Грулю подняли, как мешок, и поставили к стене. Он пришел в себя, с трудом открыл глаза, не понимая, что вокруг происходит, почему на него смотрят.

— Ловко прикидывался своим, чайком из самовара баловался.

— Почитай, из самого Царицына пер с нами, все выглядывал, дознавал.

— В темя его прикладом, да и весь сказ!

— Не трожь, с предателем у нас будет особый разговор!

Слово «предатель», словно ток, пронзило моряка. Так вот за кого приняли его! Он выплюнул липкую солоноватую слюну, тяжело задышал:

— Вы что, в своем уме или так опупели! Да какой же я, сука, предатель? Братишки!..

— Заткнись, стерва! — боец с прокуренными усами сунул ему под бок тяжелым кулаком.— Нету тебе среди нас братишков!

— Это они, те двое... В кожанке Звонарев, что из Москвы, и тот, другой... Кирвязов фамилия!.. Это они! — Груля выкрикивал слова, торопясь объяснить правду.— Они прихлопнули радиста!.. Они предатели!..

— Так мы тебе и поверили! На чекиста и партийца клевещешь, белая гнида! — Бойцы загудели, и со всех сторон на моряка посыпались вместе с ударами отборные ругательства.

Напрасно Груля пытался доказывать свою невиновность, напрасно горячился и требовал развязать руки. Веры ему не было. Только недобрые взгляды, колючие, как штыки, да равнодушные черные зрачки винтовок. Он облизнул кончиком языка разбитые вззбухшие губы, грудь под разорванной тель-

няшкой дышала тяжело, и видно было крыло вытатуированного орла и его голову с крючковатым хищным клювом.

— Не будем чинить самосуд,— предложил кто-то.— Ведем к командиру!

3

Начальник форта Осман Кобиев, бывший царский подполковник, неуклюже сидел на стуле, втянув тыквообразную голову в плечи, тревожно зыркал по сторонам маленькими лисьими глазками. Военный мундир, на котором еще недавно красовались погоны, в обтяжку облегал короткое рыхлое тело. Рядом с Кобиевым, обхватив голову руками, согнулся на стуле его заместитель эсер Чирков.

По другую сторону штабной комнаты, у стены, примостились на диване остальные офицеры. Они как бы отделяли себя от этих двух главных, словно говорили: «Двое приказывали, а мы лишь исполняли...»

Четыре бойца несли охрану пленных. Двое из них, прислонившись к стене, дымили самокрутками, вели неспешный разговор о своем житье.

Дверь с шумом распахнулась, и в комнату вошел Джангильдинов вместе с Малыхиным. Бойцы сразу вытянулись и застыли с винтовками в руках. Офицеры вскочили, лихо защелкали каблуками. Кобиев и Чирков тоже быстро встали, вытянув руки по швам.

— Командир форта? — спросил Джангильдинов.

Кобиев, втянув голову в плечи, подался вперед.

— Осман Кобиев, аксакал,— подобострастно представился он, по-восточному прикладывая руку к сердцу и отвешивая поклон. Он уже знал, что командир отряда казах.

— А он кто? — кивнул Алимбей в сторону Чиркова.

— Помощник, аксакал...

— Член партии эсеров Зиновий Чирков, в прошлом капитан,— Чирков встал рядом с командиром форта.— Утвержден Революционным советом форта.

Джангильдинов прошелся по комнате, остановился у письменного стола, за которым еще недавно восседал Кобиев, и сказал:

— Предъявляю ультиматум. Первое — признать Советскую власть. Второе — распустить гарнизон. Третье — сдать все оружие.

Кобиев и Чирков переглянулись. Вздохнули облегченно. Еще бы! Минуту назад им мерещились глинобитная стена

крепости и наведенные на них стволы красноармейских винтовок. А выходит, большевики поступают гуманно, без жестокостей, о которых столько наслышались... Оба в один голос выдохнули:

— Согласны!

4

Победа была легкой и быстрой. Однако радости особой Джангильдинов не испытывал. Форт взяли, а дальше что? Поблизости — и на побережье и в глубь полуострова Мангышлак — нигде нет ни аулов оседлых казахов-рыбаков, ни кибиток казахов-кочевников. Только голая пустынная земля с редкими кустами высохшей травы.

А ведь расчет был именно на прибрежные аулы. Отправляясь в поход, Джангильдинов надеялся на них, на степняков. Он вспомнил, как в Царицыне уверял Сталина, что здесь и лошади будут, и верблюды найдутся. Главное — добраться до Мангышлака! И вот добрались. И точка, дальше ни с места. Чтобы двинуться дальше, отправиться в далекий поход через мертвые пески и пустынные горы, нужны верблюды и лошади. Нужны для бойцов отряда, для огромного груза. И не десятки, а сотни. Сотни верблюдов, сотни коней. «И еще проводники,— мысленно добавил Джангильдинов.— Опытные, надежные».

В форте Александровский ничего этого не было и вокруг на сотни верст нет.

Джангильдинов расстелил на столе карту. Вот она на карте черная точка — форт Александровский, у извилистого голубого овала Каспийского моря, омывающего коричневый полуостров Мангышлак. Алимбей провел по карте ладонью, словно пытался на ощупь разыскать аулы и кочевья. Неужели на всем побережье нет степняков?

Вошел Колотубин. Без кожаной тужурки он выглядел еще плечистей, полинялая гимнастерка обтягивала его крепкое, сильное тело, вырисовывая на плечах бугристые мышцы. Желтые кожаные ремни, крест-накрест пересекавшие широкую грудь, да офицерский пояс подчеркивали статность и силу. На загорелом, обветренном лице светилась добрая улыбка уверенного в себе человека.

— Ну, что, командир, начнем выгружаться? — он подошел к карте, посмотрел на точку, обозначавшую форт Александровский, и взглянул на Алимбея: — Далеко забрались, а?

— Самое опасное позади, самое трудное впереди,— ответил Джангильдинов.

— Капитаны торопят, просят скорей освободить трюмы. Неровен час, беляки нагрянут!

— Подождут.— И совершенно неожиданно для Степана добавил: — Может, пароходы нам еще пригодятся.

Лицо Колотубина посерьезнело.

— Как так?

— Пока ты разбирался с предателем, я знакомился с обстановкой.— И Джангильдинов подробно рассказал комиссару о трудном положении, о том тупике, в котором очутился отряд.

— Н-да! — Колотубин постучал ногтем по карте.— Осечку дали.

Взгляд его стал серьезным. Все дела, которые до сей минуты казались важными и нужными, отлетели в сторону, отступили перед этим главным и трагическим. Он понял глубину слов командира, сказанных только что ему: «Самое опасное позади, самое трудное впереди»... Неужели придется поворачивать назад? Но вслух не решился высказывать такой вопрос. Надо подумать, надо поискать.

— А как тот матрос, разобрались? — спросил Джангильдинов.

— Черт его знает! — честно признался Степан.— Понимаешь, все сводится к тому, что Груля ухлопал радиста, испортил радиостанцию, бил по аппарату табуреткой. Звонарева в руку ранил. Живые свидетели есть! И Малыхин со Звонаревым настаивают на расстреле. А с другой стороны, уж больно прямо и открыто смотрит моряк в глаза, и взгляд такой чистый, твердый... Что-то тут не то. Жалко мне его! Что там ни говори, а мы с тобой крестные отцы его, сами взяли в отряд.— И снова повторил: — Ну не могу воспринять, и все тут!

— Понимаю тебя, мне моряк казался вполне революционным человеком,— согласился Джангильдинов.— Когда в Астрахани сообщили, что была телеграмма, где писали нам, что есть предатель, я тоже не поверил, хотя знал, как в народе у нас говорят, где мед, там и муха.

— Мозгами шевелю, вроде все правильно, карать предателя надо, а вот сердцем никак не понимаю.

— Я вот тоже места себе не нахожу, не могу поверить, что вокруг крепости аулов нету. А что руками разводить, когда так на самом деле!

Послышался стук копыт, заржали кони, в окно было видно, как два бойца-казаха и два бородатых азиата в драных

халатах привязывали лошадей к деревянным столбикам. Джангильдинов посветлел лицом:

— Посылал своих казахов в разные концы в степь найти пастухов.

5

Джангильдинов принял чабанов со всеми почестями. Провел в другую комнату, где заранее разостлали ковер, взятый из дома начальника форта, разложили подушки, ватные стеганые одеяла.

Пастухи робко озирались по сторонам, ожидая, видимо, подвоха. Они хорошо знали, что солдаты и офицеры никогда еще не приносили радости и добра в юрту степняков. Но несколько успокоились, увидев своего брата-казаха.

Алимбей угостил пастухов вареным мясом, подарил каждому складной перочинный ножик и долго подробно рассказывал о себе и о своем отряде.

Спокойная и рассудительная речь Алимбея понравилась пастухам, они охотно стали вести беседу. Потом, посоветовавшись, сказали:

— На Мангышлаке нигде, батыр, ты не найдешь верблюдов и лошадей.

— А где есть?

— На Бузачи,— ответил самый старый, перебирая пальцами редкую бороду.— На Бузачи иди.

Второй пастух, не выпуская из рук перочинного ножика, кивнул:

— Верно, агай. Там есть аулы.

— Да, батыр, иди на Бузачи,— согласился третий.— Иди к адаевцам. У них скота много, как звезд на небе.

Джангильдинов внимательно выслушал пастухов. Потом долго рассматривал карту, скользя пальцем по извилистой линии побережья. Полуостров Бузачи находился севернее, почти рядом. Белесо-синяя окраска моря на карте говорила о том, что там мелководье, а зеленая полоска у берега — низменность.

Горнисты затрубили сбор. Бойцы отряда, ждавшие начала выгрузки, были удивлены приказом: «Все на корабли! Все по местам!» Покидать твердую землю, обжитой и завоеванный форт не очень-то хотелось. Море еще пугало, в памяти свежи воспоминания о прошлой ночи, тяжелом шторме.

Ошеломлен был таким известием и Бернард. Он метнулся к Малыхину, отвел в сторону:

— Крепость бросаем?

— Уходим в море.

— В Красноводск? — как можно спокойнее и равнодушнее спросил моряка Бернард.

— На Бузачи.

— Что это? — еле сдержал тревогу Бернард.

— Полуостров такой,— Малыхин махнул рукой в сторону моря,— командир знает.

Малыхин поспешил к причалу.

Бернард пнул носком сапога камень, выругался. Все опять летит к чертям собачьим. Какой еще там Бузачи? Как сообщить о нем в Ашхабад, когда рацию сам вывел из строя...

Раздался дружный залп. Бернард вздрогнул и, успокоившись, облегченно вздохнул: матроса Грулю... «Одним красным меньше,— подумал он и сплюнул.— Сами прикончили, бараны!»

Через два часа шхуны подняли якоря и взяли курс на полуостров Бузачи.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

1

Шел двадцатый день скитания по пескам.

Джэксон постепенно начал привыкать к тоскливому пейзажу пустыни и радоваться маленьким кустикам верблюжьей колючки, которые видны издалека и кажутся непомерно громадными на однообразном море песка.

Стоянки пастухов располагались на значительном расстоянии друг от друга, и добираться к ним приходилось за несколько дней. Джэксон удивлялся зорким глазам туркмена, который в давящем однообразии верно находил дорогу и точно определял, через сколько дней они попадут на следующую стоянку, вдоволь напьются из колодца.

И стоянки и колодцы, как и все вокруг, были сделаны на один лад, и если бы не пастухи, которые весьма разительно отличались друг от друга и лицом и голосом, то можно было бы даже подумать, что они кружат на одном и том же месте.

Редко, очень редко на их пути встречались заросли саксаула. В таких местах они делали остановку на целый день, давая отдых и лошадям. Сами ложились в редкую тень и блаженствовали.

Один раз им попалось небольшое стадо джейранов, и оба, Сидней и Мурад, вскинули винтовки. Тонконогие животные находились далеко, почуяв опасность, умчались с быстротой ветра. Однако на одного джейрана в их стаде стало все же меньше, он остался на гребне бархана.

Мясо, изжаренное на углях саксаула, оказалось на редкость нежным и сочным. Правда, соли было маловато.

Дважды на их дороге попадались высохшие озера. Огромные белесые блюдца, покрытые сухой пленкой соли, казались Сиднею высохшими слезами матери-земли. Они производили гнетущее впечатление, и хотелось поскорее от них уехать. Джэксон невольно торопил коня.

И снова — пески, пески. Застывшие гигантские волны с гребнями на вершинах.

— Стоянка пастуха теперь далеко будет,— сказал Мурад.— Беречь силы надо.

Сидней понимал товарища: тот имел в виду коней. Лошади и так устали, их не следует подгонять.

После полудня вдруг заговорили пески.

Небо как-то незаметно, исподволь стало блекнуть, а потом сразу подернулось желтой пеленою, словно туманом, пыльным густым туманом, и солнце потеряло свою силу. Душный воздух застыл, притаился, напрягся, готовый вот-вот разорвать тишину.

Лошади первыми почуяли приближение беды. Они, словно очнувшись от дремоты, пошли быстрее. Джэксон поглядывал на небо, и ему показалось, что идут тучи, надвигается гроза. Ох, как захотелось ему очутиться под проливным дождем, подставить обветренное, сухое лицо и пропыленное тело потоку холодных и бодрящих струй! Сидней блаженно улыбнулся, не понимая тревоги друга.

— Идет большой ветер!

Мурад остановил коня, соскочил.

— Надо готовиться! Ветер быстро идет!

Сидней молча повиновался, хотя не видел особой опасности. Не успели они снять поклажу, как налетел первый порыв урагана. Он прошелся по верхушкам барханов, смывая песчаные гребни, как в море ветер срывает пенистые вершины волн. В следующую секунду вверх взметнулись тучи пыли и песка. Стало совсем темно, словно наступили сумерки. Солнце исчезло. А ветер набивал песок в глаза, уши, рот, нос.

— Клади коня! Клади!

Это кричал Мурад. Джэксон пытался заставить лошадь опуститься, но та его не слушалась. Мотала упрямо мордой.

И вдруг, дико заржав, рванула поводья. Вырвавшись, она растворилась в пыльном вихре.

Сидней попытался было догнать ее. Но через несколько шагов остановился. Он ничего не видел перед собой. Глаза были залеплены песком.

— Скорей ложись! Скорей ложись!

В гуле и шуме ветра он еще различал голос Мурада. Джэксон повернул назад и, вытянув вперед руки, стал на ощупь искать товарища.

— Иди сюда! Еще два шага!

Мурад лежал, прижимаясь к животу коня. Сидней, выплевывая песок, опустился рядом. Туркмен выругал его: коня упустил. Потом сунул в руку Джэксону платок:

— Замотай лицо.

Пустыня, еще недавно тихая и покорная, неистовствовала. Ветер выл, гудел, скрежетал, и Джэксон спиною ощущал его горячее дыхание. Он плотнее прижимался к вздрагивающему мелкой дрожью крупу коня.

Вдруг Джэксон почувствовал, что их засыпает. Он хотел привстать, освободиться от навалившегося песка. Но его удержал Мурад.

— Надо лежать! — закричал он в самое ухо Сиднея.

Сидней молча повиновался.

2

Буря свирепствовала долго. Может быть, сутки, может трое. Джэксон толком не знал. Сначала он забылся, потом забытье перешло в сон.

Проснулся Джэксон от настойчивых толчков. Его тормошил Мурад:

— Вставай! Вставай!

Сидней неохотно поднялся, размотал платок, открыл глаза и — не узнал пустыню.

Все вокруг изменилось, словно они с помощью волшебства перенеслись в другое место. Сидней зажмурил глаза и снова открыл. Нет, он не спит, но все вокруг иное. Вместо горбатых барханов, которые тут были еще недавно, теперь до самого горизонта простиралась ровная песчаная гладь, слегка покрытая мелкой рябью.

— Вот это чудо!

— Никакой чуда нет,— ответил туркмен,— пески всегда живой, как человек, любят ходить.

Мурад перебрал поклажу. Часть безжалостно отложил в сторону. Оставил лишь необходимое и важное — воду, еду, винтовки и патроны. Все это навьючил на своего коня.

Сами пошли пешком.

3

Полуостров Бузачи. Мелководье. Никаких, даже самых примитивных причалов. Песок, глина, чахлая растительность. Капитан, бормоча татарские ругательства, нехотя подвел шхуну «Абасия» к берегу, вернее, на самое доступное для тяжело загруженного судна место неподалеку от берега. Приказал бросать якорь.

— Ближе ни на сажень не подойду! — И между ругательствами вставлял понятные фразы.— Хотите на мель посадить?

Джангильдинов не слушал капитана. Он смотрел на берег, там, чуть в стороне, за прибрежными песчаными буграми, теснились плоскокрышие мазанки, стояли юрты. Аул. Большой аул. Любознательные мальчишки высыпали на берег. Алимбей поднес к глазам бинокль. Вдалеке, подняв облако пыли, скакал табун.

«Угоняют скот,— подумал Джангильдинов,— принимают нас как царских солдат».

На прибрежном песке, где лежали на боку две рыбацкие лодки, стоял казах, парень лет двадцати, приставив ладонь ко лбу, рассматривал нежданных пришельцев. В бинокль хорошо видно испуганно-тревожное выражение его худого лица. Незнакомые большие корабли, солдаты с ружьями. А там, где солдаты и ружья, ничего хорошего не жди.

— Шлюпки на воду! — скомандовал капитан.

— В аул не ходить,— приказал Алимбей,— ничего не трогать!

Отряд начал переправляться на берег. В третьей шлюпке поплыл Джангильдинов. Матросы гребли дружно и лихо. Завидев бойцов, мальчишки с криками кинулись в аул. Берег опустел, лишь одиноко стоял молодой казах.

Джангильдинов сошел на утрамбованный и вылизанный морскими волнами мокрый песок. Чуть дальше вдоль берега тянулась полоса мусора и водорослей, выброшенных волнами. Алимбей почему-то вспомнил слова старого грузчика-араба, сказанные в порту Александрии: «Море, как человек, чистоту любит и всякую грязь старается выкинуть».

Подозвал к себе молодого казаха, стоявшего возле лодок. Тот, оставляя голыми ступнями след на мокром песке, не спеша приблизился. На плечах рваный выцветший халат, короткие штаны. Приложил руку к сердцу, поклонился:

— Абсала-магалейкум!

— Угалейкум-ассалам,— ответил Алимбей, как требовал обычай.

В глазах парня напряжение сменилось удивлением: человек в солдатской одежде — и вдруг казах!..

— Вы красный? Большевик?

— И красный, и большевик, и казах.

— Ишан[1] говорит, что красные и большевики бывают только русские, они хуже царских солдат, убивают и грабят... Меня будут сейчас убивать? — сказал парень, с тревогой посмотрев на подошедших бойцов.

Те заулыбались, а один из них — казах — не выдержал:

— За такие слова тому ишану шкуру спустить надо и из нее бурдюк сделать. Пользы будет больше.

Красноармейцы дружно рассмеялись. Джангильдинов положил руку на плечо парня:

— Кто у вас самый мудрый в ауле, самый уважаемый?

— Аксакал Жудырык,— ответил тот.— Ему много-много лет, охотником был и рыбаком. Его вся степь знает.

— Иди к аксакалу Жудырыку и скажи, что командир хочет его видеть.

— Хорошо, агай,— парень быстрым шагом, потом бегом направился в аул.

Подошла вторая шхуна, бросила якорь невдалеке от «Абасии». Приплыл на шлюпке Колотубин, гладко выбритый, подтянутый.

— Что решаем, командир?

— Выгружаться будем,— Джангильдинов повел Степана по берегу.— Давай место выберем, где груз положить.

Они поднялись на бугор, поросший высохшей колючкой, осмотрелись. Холмистая унылая равнина убегала к горизонту. Слева, около аула, чахлые деревца саксаула, одинокие, пропыленные. Глушь беспросветная.

— Невеселый край,— Степан задумчиво покачал головой.

— Веселое идет от человека. А степи тут хорошие, травы весной много, видишь, кругом сколько понакосили, около каждой кибитки сложено. Скотину разводи. А море рыбу дает.

— Не уговоришь. Я московский водохлеб.

---

[1] Ишан — мулла.

4

Аксакал Жудырык жил на другом конце аула в низкой мазанке, обнесенной желтым камышовым заборчиком. Обычная хижина бедного казаха. За длинную жизнь Жудырык не скопил никаких богатств, а глинобитная мазанка постарела вместе с хозяином. Под навесом на веревке сохли и вялились нанизанные рыбины, пропитанные янтарным оранжевым жиром, да в комнате с низким потолком в углу лежали две тюленьи шкуры и несколько волчьих. Но это не все его трофеи. Если пройтись по аулу зимой, то, почитай, чуть ли не добрая половина мужчин щеголяет в треухах, отороченных рыжим лисьим мехом, который добыл в степях беспокойный охотник Жудырык. И сейчас Жудырык часто бродит с длинным шомпольным ружьем, неказистым на вид, древним, как и он сам, и редко возвращается без добычи.

Аксакал выглядел моложе своих лет. О болезнях и немощах за всю свою долгую жизнь он не имел понятия. Лицо величавое, темно-бронзовое, скуластое, в глубоких морщинах, под седыми бровями узкие, похожие на бойницы, зоркие глаза. Редкая седая борода обрамляла лицо сухим широким веером, а кончики усов, словно кисточки, лихо торчали в разные стороны. Кончики всегда шевелились, когда аксакал заговорит или засмеется. Голос у Жудырыка ровный, твердый, слегка глуховатый, как у человека, привыкшего большую часть жизни проводить на открытом воздухе, изведавшего и свист песчаной бури, и рев шторма, и вой метели.

Одевался он просто и с молодости привык носить до износа и одежду и обувку. Чапан его, выгоревший на солнце, был добротным и заношенным, как и у многих степняков, а остроносые самодельные сапоги из сыромятной кожи давно побурели, однако были крепкими и пригодными к дальней дороге. В углу мазанки, под низкой лавкой, возле печки, стояла еще одна пара сапог с высокими, выше колен голенищами. Жудырык за обувью следил: охотнику часто приходилось и без коня уходить на поиски дичи, бродить в зарослях прибрежного камыша и лазить по горным отрогам.

Двери его мазанки всегда были открыты для гостей и друзей, а если еще добавить, что старый Жудырык за долгую жизнь никого не обидел и никому не сделал зла, что он всегда готов был помочь ближнему и часто отдавал добытое на охоте мясо и шкуры в бедные семьи, то можно с уверенностью сказать о том, что в его тесной мазанке с двумя подслеповатыми окошками и самодельной печкой побывало много

народу. Одни приходили отведать наваристой мясной похлебки, другие — послушать «страшные» или «смешные» рассказы,— старый охотник и рыбак знал уйму всевозможных легенд, сказаний, историй,— а третьи шли к аксакалу получить совет, доброе напутствие.

Но никогда еще мазанка старого охотника не видела столько людей, как на сей раз. Собрался почти весь аул, вернее, все мужское население. Таинственные «красные» и «большевики» оказали честь аксакалу, пришли в его каморку, а не в богатую юрту старосты аула. А всем хотелось посмотреть и послушать нежданных гостей, прибывших на двух больших шхунах, которые обычно никогда не заходили на полуостров Бузачи и только проплывали мимо на значительном отдалении.

Сколько тревоги внесли эти шхуны в размеренную и спокойную жизнь аула! Паника началась сразу, едва суда взяли курс к побережью и на их палубах увидели людей с винтовками. Ждали грабежа, ждали насилия. Спешно угоняли скот в дальние урочища, в степь, прятали добро... У аульчан были свежи еще воспоминания о приходе карательного отряда, который два года назад, осенью шестнадцатого, разрушил добрую половину селения и сжег почти все рыбачьи лодки...

Аул притаился. Солдаты с выгоревшими красными бантами над карманами гимнастерок или алыми лентами на папахах никому не сделали ничего дурного. Они высадились на берег и стали сгружать тюки и ящики. Работали, как заправские грузчики, с утра до захода солнца. А вечером возле костров, на которых дымились прокопченные чугуны и откуда разносился ароматный запах похлебки, звучали непонятные песни, играла гармошка. В аул почти никто из прибывших не заходил, словно селение их не интересовало, лишь несколько солдат-казахов купили за деньги двух телок и десяток баранов, которых тут же закололи, а шкуры отдали хозяевам. Эти странные, непонятные солдаты почти не торговались и заплатили полную сумму, какую заломили оторопевшие Икрам и Джура. Деньги, когда солдаты ушли, побывали во многих руках, бумажки просматривали на свет, терли пальцами, пока казахи не убедились окончательно: деньги настоящие, не поддельные...

Такого еще не бывало — солдаты и вдруг платят деньги! Обычно солдаты все брали даром: и еду, и скот. Эта новость облетела с быстротою ветра все кибитки и мазанки. Судачили и обсуждали на все лады, что бы это могло значить? И тут еще новость: у аксакала Жудырыка гостем будет самый глав-

ный начальник отряда. Говорят, что он тоже казах. Впрочем, эта новость радости не принесла. Аульчане уже знали одного большого начальника — казаха Кобиева, который был главным у русских в крепости на Мангышлаке. Однако проку от этого никому не было, ибо Кобиев пуще русских притеснял и зверствовал. «Уж лучше пусть чужой, чем свой»,— говорили старики про Кобиева.

Но сейчас в мире творится много перемен, степь полна новостями. Скинули царя, создается своя, казахская власть Алаш-орда, появились какие-то «красные» и «большевики», которые ведут себя странно и даже платят деньги...

Вдоль стены в тесной мазанке Жудырыка расселись степенные отцы семейств, пожилые и белобородые старики. Молодежь толпилась во дворе, где наспех из глины слепили очаги, поставили котлы и женщины варили баранину и конину. Каждый, идя к старому охотнику, прихватил из своих запасов. Одни принесли мяса, другие — рыбы...

Не пришли только бай Косым и староста аула — грузный и хитрый Габдолла. А что ему, Габдолле, оставалось делать, если важный гость решил сначала побывать в вонючей мазанке чудака охотника? Староста был уверен, что без его ведома и согласия никто не осмелится что-либо предпринять, и потому спокойно пил кумыс в своей юрте. Впрочем, спокоен он был лишь внешне, а внутри весь кипел. Всегда все важные гости — чиновники и сборщики податей — останавливались в его юрте. Видимо, никто толком не разъяснил начальнику, кто в ауле старший. Староста послал двух верных людей в мазанку к Жудырыку, они умеют слушать и смотреть.

А там было что послушать.

Начальник над всем отрядом действительно оказался казахом. Алимбей Джангильдинов, правда, не адаевец, а кипчак из Тургайской степи, но обходительный, вежливый и не чванливый, совсем не чета чопорному и заносчивому Кобиеву.

Одет начальник был просто, даже очень просто, как отметили зоркие глаза степняков, в обыкновенную солдатскую гимнастерку и штаны, правда сапоги были добротные, хромовые и ремень новый и желтый. Всеобщее внимание привлек его большой пистолет в деревянной кобуре, только ручка выглядывает. Шепотом передавали, что такой пистолет имеет сто пуль и бьет без промаха верст на пять.

Аксакал преподнес гостю чашку кумыса, тот выпил, похвалил напиток и с откровенным аппетитом принялся за еду, отмечая, между прочим, со знанием дела качество мяса, нава-

ристость сурпы и даже определил, к общему удовольствию, название вяленой рыбы, держа в руках лишь небольшой ее кусок. А когда рассказал о различных способах засолки, копчения и вяления, какие применяют рыбаки Индии, Аравии и Египта, то сразу расположил к себе настороженных аульчан. Разговор пошел самый что ни есть откровенный.

— Скажи, батыр, почему ты пошел за урусами, за большевиками, а не в армию «сынов Алаша»?

Этот вопрос волновал многих, и в мазанке, едва аксакал Жудырык его задал, сразу воцарилась почтительная тишина. Джангильдинов спокойно доел кусочек жирной грудинки и, отпив глоток кумыса, сказал:

— Вы мне можете не верить, я не собираюсь вас уговаривать. У каждого настоящего мужчины есть своя голова на плечах и, как говорят, свой казан вкуснее варит. Давайте мы вместе подумаем, в случае чего мудрые аксакалы нам помогут. Будем ошибаться, сбиваться в сторону, они нас поправят, покажут верную дорогу. Согласны?

Одобрительный шум и возгласы аульчан послышались со всех сторон. Обычно приезжие важные гости лишь изрекали истины, приказывали да понукали. А тут предлагает вести разговор на равных, да еще в судьи приглашает аксакалов... В мазанке стало сразу оживленно. Каждый почувствовал себя личностью незаурядной, не маленьким, загнанным существом, неисправно платящим подати и налоги, а хозяином, человеком.

— Давай, батыр!

— Начинай, агай! У мира целый мир ума!

— Будем говорить прямо, как перед аллахом!

— Верно, батыр,— Жудырык погладил шершавой ладонью белую свою бороду.— Не зря говорят мудрецы, что, если все искать пойдут, найдут даже то, чего нет.

Джангильдинов выждал паузу и начал вопросами, как бы создавая почву для посева мысли:

— Царя скинули. Нет над казахами больше власти белого царя?

— Нет, батыр, царя,— ответил за всех Жудырык.

— Свобода пришла в наши степи?

— Пришла, батыр.

— Пора нам подумать, как жить дальше, как свою власть создать, чтобы справедливая была, народная?

— О справедливости давно народ истосковался.

— Слух идет, что такую власть хотят создать алашординцы. Они кричат везде: «Дети Алаша! Сыны ислама! Степи на-

шими были и нашими должны быть! Создадим свое ханство, как прадеды наши!»

— Точные слова, батыр. Даже хан уже есть, главный у алашординцев, хан Жанша Досмухамедов. Он от всех казахов самый главный. И министры у него есть, и сарбазы.

— Самый главный от всех казахов, говорите? А кто его назначал, кто его выбирал ханом? — Джангильдинов неопределенно пожал плечами.— Я вот тоже казах, а не выбирал хана. И еще не встречал человека в степи, который бы сказал, что он принимал участие в выборе хана. Может быть, в вашем ауле есть такие? Покажите мне того человека!

— Нет, батыр, мы тоже не знаем, как такое произошло, мы живем далеко, и к нам поздно новости доходят.

— Тогда скажите, аксакалы,— Джангильдинов почтительно обратился к старикам,— разве можно считать народной ту власть, которую народ не выбирал?

В мазанке стало тихо. Никто не брал на себя смелости вслух сказать слова против алашординцев. Большевики сегодня пришли и завтра, может, уйдут, а алашординцы останутся.

— Молчите? — Алимбей улыбнулся.— Значит, признаете власть хана и согласны платить ему налоги?

Слово «налоги» задело многих за живое. Первым заговорил молчавший до сих пор седоусый рыбак, энергично жестикулируя:

— Говорят, хан указ издал, чтобы каждая кибитка по сто рублей платила!.. Разве справедливо так — по сто рублей с кибитки? Кибитки разные стоят... Одна кибитка рваная стоит, там бедняк живет, другая кибитка из белой кошмы и внутри вся коврами устлана — там бай живет... И бедняк плати сто рублей и бай — сто рублей?.. Куда годится так?

— Слышал я, что в Бурлинские аулы от хана приехал бай Иса Купжасаров, он министром называется... Он деньги собирал, чтобы солдат своих иметь,— быстро заговорил, торопясь высказать свои мысли, пожилой степняк в облезлом, рваном халате.— Народ не стал платить, прогнал министра... Тогда на другой день наскочили алашординцы, плетками стали бить людей... А того, кто первым отказался налог платить, связали веревкой и зарезали, как барана... Чтобы другие, говорят, знали и боялись!

Джангильдинов выслушал всех. Охотников платить налоги алашординцам не нашлось. Потом спросил аксакалов:

— Скажите, это правда, что в степи не все казахи одинаково живут, есть и богатые, и бедные?

— Есть и богатые, и бедные,— подтвердили старики, не понимая, куда клонит гость.

— Все слышали? Я тоже говорю: есть и богатые, и бедные. И в вашем ауле есть, и по всей степи.— Джангильдинов немного помедлил, потом продолжал, как бы размышляя вслух: — А алашординцы клянутся, что все казахи — одна семья, что все мы — братья, дети одного отца, которые пошли от Ала-Полосатого. А братья не должны ссориться. В семье должен быть мир и согласие. Так они говорят?

— Так, батыр,

— Тогда я хочу спросить вас: почему же между братьями-казахами такая разница? Одни живут в богатых юртах, а другие — в бедных, одни имеют тысячные стада, другие ничего не имеют, гнут на тех же богатеев спины с утра до захода солнца и вечером все равно не знают, что утром есть будут, чем детей кормить станут. Разве в одной семье такое может быть? — И Джангильдинов тут же ответил: — Нет, не может быть такое в одной семье. Верно говорю?

— Справедливые слова, батыр.

— А если это верно, тогда алашординцы неправду говорят, обманом держатся. Вот посудите сами, какие они нам братья? Кому они братья? Молчите?.. Значит, и вам они не братья?

— Что ты, батыр!

— Знаю, кому они братья. Они — братья баям. Они кость от байской кости. Разве бараний жир соединяется с водой? Нет, всегда жир сверху плавает и никогда с водой не соединяется. Так и алашординцы никогда с народом не соединятся, они всегда над народом, всегда наверху хотят быть и властвовать.

Аксакалы молчали, наклонив покорно головы. Конечно, разве возразишь против таких убеждений? Только один степняк, сидевший в дальнем углу, тихо произнес:

— Все верно говоришь, мудрые мысли... Но выходит, что простому человеку везде худо. Худо при царе было, худо и при своих, казахских ханах...

— Нет, аксакал, не всегда худо простому человеку. Есть еще наша, народная власть, Советы называется.

И Джангильдинов начал рассказывать про большевиков, про русских рабочих, которым тоже плохо жилось, и как они объединились, поднялись против своих баев.

— Большевики не только с народом, они сами — народ, их не разделить, как не отделить ноготь от мяса,— заключил свой рассказ Алимбей.— Большевики хотят только одного: чтобы в каждом ауле и волости простые люди сами выбирали

свою власть, выбирали самых умных и справедливых. Скажите, разве вы не хотите такой власти?

Посветлели глаза под нависшими бровями, разгладились морщины на продубленных ветром и соленой водой лицах. Странный вопрос задает батыр, неужели человек не желает себе хорошей жизни? Сказанные добрые речи, хотя и приятны сердцу, но в карман их не положишь. Как говорят, от слова «халва» во рту слаще не станет.

— Правду, батыр, сказал, словно из нашего колодца воду пил, жизнь нашу видел,— Жудырык покачал задумчиво головой,— только каждый сам свою бороду чешет, вот и я хочу ответить на твои речи. Правильно говоришь, очень правильно! Но когда к нам такая власть придет? Нету ее у нас... Плохое само не уходит, хорошее само не приходит.

— Мой отец говорил, что скорпион своих привычек не меняет, его просто надо раздавить. Алашординцы тоже скорпионы,— Джангильдинов движением руки показал, как давят паука.— И чтобы власть перешла от тех, кто на коврах сидит и каждый день жирную баранину ест, к тем, кто чужое стадо с утра до ночи пасет да голодным на рваную кошму спать ложится,— воевать надо. Наши тургайцы так и делают. На коней садятся, винтовки берут, за новую власть воевать идут, за ту, которая с народом и которая сама — народ. Советы называется.

В мазанку, произнося слова извинения, вошли две молодые женщины и поставили на разостланную скатерть большие подносы с бешбармаком. От бешбармака исходил легкий пар и распространялся щекочущий ноздри аромат. Одна из молодок, стройная и проворная, нагнув голову, искоса поглядывала на гостя, и ее продолговатые глаза, опушенные длинными стрельчатыми ресницами, дарили тепло и нежность.

— Угощайся, батыр!

Алимбей протянул руку, взял кусочек мяса и раскатанного вареного теста, отправил себе в рот.

— От самого Тургая не ел настоящего бешбармака, а вкуснее нет ничего! — сказал он, и женщины, стоявшие в дверях, зарделись от похвалы и торопливо вышли.

Мужчины степенно принялись за еду. Когда подносы опустели, Джангильдинов продолжил разговор:

— У Колчака, что царскую власть хочет вернуть, пушки есть, у генерала Толстова — пулеметы, каждый алашординец весь оружием обвешан. А у тех джигитов, которые за народ идут воевать, оружия мало, винтовок не хватает. Воины есть и лошади есть, а с винтовками плохо. Нет в степи оружия...

— Какая война без ружья? — Жудырык одобрительно кивнул.— Без ружья нет войны.

— Мы тоже так думаем. И послали меня тургайцы в Москву к батыру Ленину за оружием для казахов, чтобы они смогли свою власть народную защищать. Ленин поверил степнякам, Ленин дал нам оружие. И винтовки, и пулеметы. Много оружия! Привезли мы его сюда, на Бузачи,— говорил откровенно Джангильдинов.— Нужна ваша помощь. Посоветуйте, где нам найти верблюдов и коней, чтобы оружие в степь переправить?

Нелегкий вопрос задал Алимбей. Видели аульчане своими глазами, какую гору тюков и сколько ящиков сгрузили с двух кораблей. Чтобы поднять их — много, ох как много нужно верблюдов и коней! Не десятками, а сотнями надо считать. Таких табунов нет ни у кого в ауле. Даже если взять у каждого всех его верблюдов и лошадей, все равно мало будет...

Жудырык так и сказал. На прямой вопрос надо честно отвечать. Потом почесал пальцами свою бороду, покачал головой и произнес:

— Как говорили наши деды: «Творящий добро да не остановится на полпути». Вот тебе наш совет, аксакал-начальник, посылай джигитов в соседние аулы, собирай стариков. Думаю, они помогут найти и лошадей, и верблюдов.

Совет был дельный, и Алимбей поблагодарил Жудырыка, хотя сам думал о том же.

К вечеру молодые казахи-адаевцы из сотни добровольцев, что вступили в отряд в Астрахани, покинули стоянку отряда. Командир разослал гонцов по всем аулам волости.

— Передайте всем, что аксакалов и старейшин приглашают быть гостями отряда,— напутствовал их Джангильдинов.— Скажите, что командир — казах и он желает послушать их мудрые советы.

— Но смотрите, чтобы богатеев среди них не было,— предупредил Колотубин.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

1

Полковник Эссертон, изнывая от жары, прохаживался вдоль небольшого водоема с папкой под мышкой. Водоем выложен был красным кирпичом, наполнен чистой проточной водой, и поплескаться в нем в эти знойные послеобеденные

часы — одно удовольствие. Там, отдуваясь, как морж, плавал генерал Маллесон. Он не спеша греб полными короткими руками, фыркал, и его маленькие глазки светились довольством:

— Полковник, да соблазнитесь вы в конце концов. Сколько же вас надо уговаривать? Вода как нежная улыбка мисс!.. Чертовски приятно!..

— Благодарю, сэр! Мне не жарко,— Эссертон изобразил своими тонкими коричневыми губами подобие улыбки, хотя чувствовал спиной, как рубаха прилипла к телу. Он мысленно клял себя за то, что сразу не принял приглашение шефа, и теперь ему приходилось «выдерживать тон».

Два густо-зеленых шарообразных карагача и могучий тутовник с кривыми толстыми ветвями бросали тень вокруг водоема, однако ашхабадское солнце так раскалило воздух, что дышать было тяжело. «Махнули на север, а попали в настоящее пекло,— в который раз подумал Эссертон.— Пустыня, словно огромная печь, пышет сухим жаром... В Мешхеде было куда приятнее!»

По дорожкам двора и вдоль высокой ограды монотонно вышагивали часовые с винтовками наготове.

Генерал Маллесон, прибыв в Ашхабад, остановился со своим штабом в роскошном особняке бывшего начальника Закаспийской области и сразу же развернул бурную деятельность. Он стремился быстрее пустить поглубже корни в будущей колонии.

— Когда отбываете в Красноводск? — Маллесон, держась пальцами за кирпичный выступ, энергично двигал ногами, вода пенилась и бурлила, как от винта моторной лодки.

— Сегодня, сэр.

— Точнее?

— В двадцать три пятнадцать намечено отправление.

— Охрана?

— Взвод стрелков, сэр.

— Из моего резерва?

— Вы сами распорядились, сэр,— полковник Эссертон снова слегка улыбнулся.

— Ах, да... Как же, помню, помню...

— С большим удовольствием поплавал бы в бассейне, но перед отъездом, как всегда бывает, обнаруживаешь кучу недоделанных и срочных дел.— Эссертон почтительно нагнулся к генералу: — Если вы разрешите, сэр, я удалюсь.

— Конечно, да, да... Впрочем, постойте! — Маллесон перестал двигать ногами и подтянулся на руках к самому краю,

впился маленькими глазками в полковника.— Знаете, у меня родилась идея, сейчас пришло в голову... Распорядитесь, чтобы в середину поезда поставили мой вагон!

Эссертон выдержал долгий взгляд генерала и сохранил полное спокойствие на лице, хотя дрогнуло сердце, словно ему неожиданно нанесли крепкий боксерский удар. Кожаная папка чуть было не свалилась в бассейн, и полковник еле удержал ее липкими кончиками пальцев.

— Будет исполнено, сэр. Вы кого-нибудь хотите послать со мной?

— Нет, дорогой, поеду сам.

— Великолепно, сэр! — Эссертон сам удивился своему спокойному, натренированному голосу.

— Теперь можете идти.

Эссертон зашел в канцелярию, передал распоряжение шефа и направился к себе. Зайдя в комнату, он швырнул увесистую папку, она пролетела несколько метров и шлепнулась на стол, опрокинула открытую бутылку с виски и разбила бокал. Напиток выплеснуло на скатерть, и он светло-желтой струйкой полился на узорный паркетный пол.

— Сто чертей и гром небесный! — сквозь зубы выругался Эссертон.

У него было такое чувство, словно его беспардонно обворовали. Грубо и нагло вывернули карманы и опустошили кошелек. Впрочем, он именно так и думал. А как же иначе! Столько времени Эссертон посвятил детальной разработке плана, принимал непосредственное участие в охоте за посланным Лениным оружием и золотом, и в самый последний момент, когда настала пора снятия урожая, генерал берет бразды в свои руки. А Эссертон уже знал по личному опыту, что у Маллесона хватка цепкая. Он обычно ничего не выпускает из своих когтей, окружающим достаются лишь крохи...

Телеграмма из Красноводска, которую долго ждали, пришла утром. Она подтвердила сведения, полученные из Астрахани, вернее, перехваченные деникинской контрразведкой и переданные им, англичанам: в море вышли две груженные оружием шхуны — «Абасия» и «Мехди».

Эссертон подошел к столу, поднял бутылку, но не поставил, а повертел в руках, слегка взбалтывая остатки напитка, и вылил их себе в рот. Почмокал губами. Бутылку, как будто она виновница его злоключений, швырнул в распахнутое окно. Сверкнув на солнце, бутылка шмякнулась на клумбу под розовый куст.

— Сто чертей! Проклятье!

Именно ему, Эссертону, пришло в голову послать транспортный пароход, вооруженный пушками, в сторону Астрахани и там курсировать, брать под наблюдение каждый корабль красных, подавая ему условные сигналы с помощью азбуки Морзе. Полковник знал, что в отряде Джангильдинова есть два своих человека, они наверняка заметят условный знак и постараются ответить. Каждый из агентов получил на этот счет инструкцию и вызубрил сочетание точек и тире, из которых складывается простое слово «кто?» Увидев этот условный сигнал, они обязаны ответить — зеркалом, свечой, фонарем, чем угодно — коротко: два тире и три точки. И все. Непосвященный никогда не поймет, в чем дело, ибо в азбуке Морзе эти «два тире и три точки» обозначают цифру «семь». Но для посвященных эта цифра значила много: все в порядке, везем оружие и золото намеченным маршрутом. В случае каких-либо непредвиденных обстоятельств или изменения маршрута агенты подают иной сигнал: точка-тире, точка-тире, точка-тире. В азбуке Морзе такие знаки означают невинную запятую.

Транспортный пароход с трехцветным русским флагом на мачте встретил две шхуны в открытом море. На условный сигнал получил желанный ответ — «семь»! Капитан транспорта загорелся желанием немедленно пойти на сближение со шхунами и пустить их ко дну вместе с красным отрядом. Но стоявший на мостике английский офицер строго выполнял указания полковника. Он знал, что брать золото на воде весьма рискованно, оно может легко проскользнуть мимо пальцев в бездну моря. К тому же большевистские шхуны, как выяснилось, имели на палубах артиллерию. И офицер чуть ли не силой заставил капитана повернуть назад и плыть в Красноводск.

И вот теперь, когда остался сущий пустяк — встретить шхуны в Красноводском порту и взять, наконец, золото,— в игру непосредственно включается сам генерал... Тут невольно взбесишься и на стенку полезешь!

Послышался стук в дверь:

— Сэр, разрешите?

Вошел офицер штаба, держа в руках коричневую папку. Розовощекий, гладко выбритый. Он принес ежедневный доклад контрразведки Закаспийского правительства. Списки подозрительных лиц, списки арестованных за сутки, результаты допросов схваченных большевиков-рабочих, списки людей, подлежащих расстрелу, и списки расстрелянных этой ночью в песках...

Эссертон шагнул навстречу, принял папку.

— У вас все?

— Да, господин полковник.

— Можете идти.

— Хочу сообщить вам неофициально...— офицер чему-то улыбнулся.— К вам напрашивается Берды Беккиев и с ним целая группа туземных родовых вождей. Привезли вам какой-то подарок, целый тюк,— офицер развел руками, показывая большой объем.— Они уже три часа дожидаются... Может, примете?

— Хорошо.— И добавил: — Через четверть часа, в гостиной.

— Я сообщу им, сэр!

2

Эссертон прошел во внутренний дворик, постоял нерешительно возле маленького бассейна, в котором обычно купался перед сном, потом махнул рукой и направился в гостиную. Он не брезговал ни подарками, ни взятками. На прошлой неделе отослал в Англию большую партию каракулевых шкурок и пять ценных текинских ковров. Но все это было мелочью по сравнению с тем, на что рассчитывал здесь полковник.

В гостиной стояла относительная прохлада, окна закрыты, крыша и толстые стены еще не нагрелись, и тенистые деревья, окружавшие дом, преграждали путь знойным лучам.

Эссертон вдруг насторожился, он услышал странный звук, похожий на похрапывание. В гостиной кто-то был. Полковник нахмурился: кто осмелился без его ведома зайти сюда? Он подошел к ближайшему окну и поднял шторы. Свет хлынул в просторную комнату. У стены, на низкой тахте, застланной дорогим текинским ковром, которым полковник гордился, спал человек, забравшийся туда в пыльных ботинках. Рядом лежали куски лепешки, остатки ветчины и валялась пустая квадратная бутылка шотландского виски. Возле нее темнело большое пятно.

— Скотина, ковер испортил!

Эссертон сорвал со стены длинную кривую саблю вместе с ножнами,— стены гостиной украшала коллекция восточного холодного оружия,— и плашмя стукнул спящего по тощему заду.

Человек лишь промычал что-то невразумительное. То был шифровальщик Уильям, его «приятель». Однако Эссертон не смог сдержать себя:

— Свинья! Ведро с помоями!

Он больно ткнул ножнами сабли шифровальщику под ребра, тот вскочил, словно подброшенный пружиной. Изрядно помятая, поношенная форма мешковато сидела на щуплом теле. Очки с толстыми стеклами еле держались на кончике носа. Маленькое, с кулак, заспанное, сморщенное лицо приняло удивленное выражение, холодно сверкнули острые глазки. Он сипло вскрикнул:

— Что случилось, сэр?

— Старая улитка! — Эссертон снова выругался, замахнулся.— Обнаглел до невероятности! Как говорят русские, посади свинью за стол, она и ноги поднимет к тарелкам!..

Шифровальщик окончательно пришел в себя. Сонное оцепенение и удивление исчезли с морщинистого лица, оно приняло злое выражение.

— Ах, вот вы как? И за службу и за дружбу? — Уильям отпрянул в сторону и молниеносно выхватил из кармана шестизарядный кольт.

— Ого, ты, оказывается, еще и храбрец! — Эссертон рассмеялся.— Только попробуй, так я тебе голову в один момент сверну.— И приказал: — Убирайся, скотина!

Уильям, не опуская кольта, попятился задом к двери.

— А я-то пришел к этому остолопу, как к доброму другу, сообщить новости... Любопытные новости!.. О большевистском отряде, что везет оружие и золото!..— И тихо добавил: — Я не виноват, что вас не оказалось, ну и выпил немного...

— Можешь катиться со своими новостями к самому шефу. Он сегодня сам отправляется в Красноводск.

— Шефу я обязан докладывать по должности, а у нас с вами была особая дружба,— шифровальщик сделал упор на слово «особая» и многозначительно захихикал, от чего лицо его еще больше сморщилось, стало совсем маленьким.— Гуд бай, сэр! На меня можете больше не рассчитывать.

Эссертон понял, что зашел слишком далеко.

— Свинья ты все же, Вилли,— уже беззлобно произнес Эссертон, швыряя на тахту саблю.— Какой ковер загадил! Ему цены нет, в музее только такие вывешивать, а ты... Полюбуйся, полюбуйся, что натворил!

— Может, я, сэр, специально оставил на ковре след,— тоже спокойно ответил шифровальщик, пряча в карман свой кольт. Ему тоже невыгодно было терять дружбу с полковником, у которого он всегда мог в любое время дня и ночи раздобыть вдоволь самого лучшего виски, а его здесь, в азиатской дыре, ни за какие фунты стерлингов не купишь.—

Может, я нарочно оставил след, чтобы потом хвастать в Лондоне, что спал на такой ценности в солдатских ботинках и глотал виски.

Эссертон думал о будущем, он уже сожалел, что погорячился.

— Черт с ним, с ковром, вот моя рука,— полковник протянул шифровальщику руку.— Извини меня, Вилли... Но ты тоже хорош! Нализался в такую жару.

— И вам мои извинения, сэр,— осклабился шифровальщик, пожимая руку Эссертону.— Сам вижу, две бутылки для меня многовато... Свалили...

— Две бутылки?

— Не сразу, сэр. Одну утром вытянул у себя, в шифровальной, а вторую вот здесь, у вас то есть.

— Угробишь ты себя так.

— Наоборот, проспиртуюсь, и никакая азиатская зараза не прицепится. Приходится беречь здоровье, сэр.

Эссертон вызвал слугу и велел убрать с ковра мусор. Жестом пригласил шифровальщика сесть в кресло.

— Располагайся, старина, будем принимать местных туземных вождей.— И тем же безразлично-небрежным тоном спросил: — Что там у тебя насчет отряда?

— Так, ничего особенного... Пришла первая радиограмма от нашего агента. Шифровать как следует не умеет, целых три часа провозился... Принимайте сами туземцев, а мне надо докладывать шефу.

— Сполоснуть горло хочешь? — Эссертон подошел к массивному дубовому буфету и вынул бутылку с яркой этикеткой.— От какого агента?

— Ну того самого, что в том отряде.

— И что же?

— Ничего особенного,— Уильям облизнул пересохшие губы, не сводя глаз с бутылки: — Разве только чуть-чуть, один глоток.

Эссертон не торопясь открыл бутылку, налил в бокал и сам отхлебнул, причмокнул от удовольствия. Потом протянул шифровальщику другой бокал:

— Держи, Вилли.

— Там насчет маршрута,— Уильям смотрел на струю коричневатой прозрачной жидкости, наполнявшую его бокал.— Красные его изменили.

— Что?!

— Изменили маршрут, говорю,— шифровальщик залпом опорожнил бокал.— Высадились на каком-то полуострове, где

русский форт Александровский. Вот так, сэр. В Красноводск можно и не ехать,— он вынул из кармана клочок бумаги: — Возьмите копию... Как всегда, с вас пара бутылок, сэр.

— Да, новость любопытная,— Эссертон спрятал бумажку в нагрудный карман.— Две так две!

— Я помчался, надо докладывать шефу.

В гостиную, предварительно постучав в дверь, заглянул дежурный офицер, увидев полковника, спросил:

— Можно привести гостей, сэр?

— Потом, потом,— Эссертон замахал руками.— Сейчас некогда.

— Но вы сами... Они давно ждут, беспокоятся.

Эссертон заметил, что карманы френча офицера оттопырены и из левого выглядывает кончик золотисто-коричневой каракулевой шкурки. «Надо скорей принять туземцев, а то и половины принесенного мне не останется»,— подумал он и вслух сказал:

— Ладно, зови. Только предупреди, чтобы они быстро... У меня времени в обрез!

— Слушаюсь, сэр!

3

Родовые вожди вошли всей группой, в дверях произошла маленькая заминка, ибо ни один из них не желал уступать дорогу другому. Пожилые, самодовольные, сытые. Бронзово-коричневые лица, надвинутые на самые глаза высокие пушистые папахи, белые, как снег на вершинах Копетдага. Увешанные оружием с ног до головы. Эфесы и ножны сабель украшены дорогими камнями и слоновой костью, пистолеты в кобурах, кавказские кинжалы, кривые ножи в глубоких кожаных чехлах, покрытых вышивкой. Сзади толпились их верные нукеры — телохранители. Вместе с ними вошел и переводчик, узконосый тощий человек с выпуклыми глазами, одетый в британскую военную форму.

— Салям-алейкум! — родовые вожди и все вошедшие, приложив руки к груди, отвесили низкий поклон.

Эссертон рассматривал вошедших и мысленно блуждал по карте вдоль восточного побережья Каспийского моря, где, черт побери, находится тот русский форт Александровский? Неужели оружие и золото ускользнут из его рук?

Вперед выступил самый старый туркмен. В его густой бороде, обрамлявшей круглое лицо, серебрились седые волосы. Он говорил долго и нудно на своем языке. Переводчик не-

сколько раз пытался его остановить, чтобы сообщить полковнику смысл слов, но тот только хмурился и продолжал сыпать фразами. Когда он кончил, переводчик коротко передал содержание, вернее, то, что удалось ему запомнить из пространной и цветистой речи:

— Родовые вожди туркменских племен, благодарные за высокую честь, пришли к вашим светлым глазам, чтобы отвесить низкий поклон и клятвой заверить в своей преданности. Они благодарят в вашем лице великую страну Англию, которая пришла к ним на помощь в тяжелое время, принесла свободу и благоденствие, порядок и счастливую жизнь в каждую юрту.

Эссертон слушал переводчика и покровительственно улыбался. Кто-кто, а он-то хорошо знал истинное положение в Закаспии, знал цену басням о «счастливой жизни в каждой туркменской юрте». Продовольственные ресурсы края были ничтожны, их никак не могло хватить для того, чтобы обеспечить население. Дороговизна росла не по дням, а по часам. Если в городе люди еще кое-как перебивались, то в дальних аулах население, которое систематически подвергалось реквизициям и поборам, находилось на грани голода. Два дня назад он сам помогал генералу Маллесону составить воззвание к населению:

«Вы справедливо жалуетесь на высокие цены продуктов первой необходимости, которые делают существование вашего бедного класса населения невозможным. В Персии достаточно много излишков продуктов, но до сих пор вывоз пищевых продуктов был воспрещен. Я с радостью сообщаю вам, что эти препятствия теперь устранены и что вскоре большие запасы хлеба и скота будут отправлены на ваш рынок».

Впрочем, это воззвание решили не опубликовывать, немного повременить. Сначала надо выкачать из края хлопок, а потом уже решать продовольственный вопрос.

— Сэр, родовые вожди считают вас своим старшим братом и желают видеть вас в туркменской одежде,— бубнил переводчик.

В руках бородатого вождя появилась пушистая белоснежная высокая папаха, он приблизился к Эссертону и под всеобщее одобрение почтительно водрузил ее на голову полковника. Потом туркмену подали вишнево-красный дорогой шелковый халат, и тот вежливо накинул его Эссертону на плечи. Полковник задержал дыхание: от вождя несло потом, шерстью, козьим молоком и еще каким-то специфическим резким запахом.

— Теперь вы настоящий джигит! А по местным законам в юрте каждого джигита должна быть и хранительница очага.

Не успел переводчик перевести слова бородача, как двое нукеров, гремя саблями, внесли свернутый ковер. Эссертон с удивлением заметил, что в ковре что-то шевелится. Его осторожно опустили на пол и развернули — там лежала... девушка!

Она быстро села, поджав ноги, с опаской озираясь вокруг большими черными глазами. На вид ей было лет шестнадцать-семнадцать. Под длинным шелковым платьем угадывалось стройное, гибкое тело. Она закрыла лицо ладонями, нагнула голову, и две косы, как черные змеи, скользнули по ее спине. Эссертон невольно отметил необычную, яркую красоту туземки.

— Мы верим, что эта газель принесет счастье вашему дому!

На подарок надо отвечать подарком — такой обычай Востока. Эссертон заранее приготовил в гостиной целую уйму различных ярких безделушек, оружие и ящики с виски, французским коньяком и вином. Полковник, откровенно говоря, ждавший более серьезного и дорогого подношения, был разочарован. Рабыня, даже молоденькая и красивая, его не интересовала, он мог обзавестись женщиной и без помощи вождей. Но Эссертон не подал даже вида, что недоволен. Думая о будущем, желая расположить к себе этих людей, он выдал каждому туркмену по шестизарядному пистолету и пачке патронов, чем привел вождей в неописуемый восторг. Они долго и искренне благодарили.

Проводив туркмен, Эссертон прошелся по гостиной, не зная, как распорядиться с живым подарком. Девушка все так же сидела на ковре, закрыв лицо ладонями. Она, казалось, была ко всему безучастна, сжалась в комок и не произносила ни звука. Полковник оценивающим взглядом скользнул по ковру. Роскошный, большой, яркий орнамент. «Хорошее добавление в мою коллекцию,— подумал Эссертон.— Завтра надо будет всю новую партию ковров отправить домой». А вот куда девать девчонку? Выпроводить — туземные вожди узнают, пойдут дурные слухи... Держать около себя? Женщины никогда не приносили счастья в военных экспедициях.

Полковник вызвал слугу-индуса, приказал тому отвести туземку в дальнюю комнату, что находилась возле кухни, и поместить ее там. «Потом что-нибудь придумаю»,— решил Эссертон и поспешил в кабинет, где на стене закрытая шелковой занавесью висела большая карта Русского Туркестана.

4

Не успел он найти на карте Александровский и ознакомиться с полуостровом Мангышлак, выступавшим, точно бастион, в Каспийское море, как появился лейтенант Смит:

— Генерал просит вас к себе, сэр!

— Хорошо.

Эссертон еще раз прикинул расстояние между фортом и Ашхабадом: тысячи миль, и все бездорожьем, пустыней. Нелегко будет добираться туда.

Лейтенант не уходил:

— Шеф приказал, чтобы вы шли немедленно!

— Передайте шефу, что я иду,— ответил Эссертон, недовольный тем, что его требует к себе шеф в то время, когда у него, кажется, родилась интересная идея. Он снова подошел к карте. Конечно же, русские не будут торчать в форте, ведь оружие и золото предназначены правительству красного Туркестана. Они двинутся караваном через пустыню. Надо предугадать их путь!

Эссертон схватил со стола последние сводки о положении на фронтах и стал торопливо листать страницы. Ага, вот оно! Пробежал глазами текст:

«...бои идут с переменным успехом в районе южнее Актюбинска... Западнее по реке Эмбе успешно действуют казачьи полки атамана Дутова и генерала Толстова...»

Значит, за последнюю неделю никаких особых изменений на фронтах не произошло. Он обвел синим цветом форт Александровский. Куда же двинется красный отряд? Эссертон снова поставил себя на место большевистского командира: как бы он повел людей? Бесспорно, самой ближайшей дорогой. Он провел пальцем по карте: сначала прямо на восток, а дальше повернул бы вверх, на север... Только так!

На тонких коричневых губах скользнула улыбка. Расстояние между фортом Александровский и Актюбинском большое, но значительно меньше, чем от Ашхабада до полуострова Мангышлак. Караван с тяжелым грузом идет медленнее, чем кавалерийская часть! Дальше все просто, обычная задача для школьников: из пункта А по направлению к пункту Б вышел поезд с такой-то скоростью, а из пункта С тоже по направлению к пункту Б — второй поезд со скоростью, которая превышает... Вопрос: когда и где они встретятся?

Эссертон шел к генералу, насвистывая марш из «Аиды».

В приемной его не держали ни минуты. Адъютант сразу же распахнул дверь в кабинет:

— Прошу, сэр!

Маллесон, надев очки, внимательно рассматривал карту, лежавшую у него на столе. Увидав полковника, молча протянул ему расшифрованную телеграмму, содержание которой Эссертон уже знал.

— Как же Красноводск? — спросил Эссертон, возвращая телеграмму. Он надеялся услышать от шефа приказ: «Поездка отменяется!», но генерал снял очки, протер носовым платком стекла и сказал:

— В Красноводск поедете вы один.

— Судя по шифровке, нет смысла...

— Есть смысл! — перебил его шеф.— Все не так просто, как кажется. Я все взвесил, и полагаю, что из данной ситуации имеются два выхода. Первый — наш агент разоблачен, и красные использовали шифр для ложной телеграммы, а сами идут по намеченному курсу. Второй,— по имеющимся сведениям, в море был шторм, и шхуны, возможно, получили повреждения. Это заставило красных пристать к форту и выгрузиться на берег.

— Мне кажется, сэр, что агенту следует верить, в шифровке точно указаны намерения красных.

— Почему мы должны верить шифровке, если она передана открытым адресом? Прочитайте внимательно первую строчку, она шла без шифра: «Ашхабад генералу Маллесону». Не кажется ли это странным?

— Наверное, обстоятельства, сэр, чрезвычайные обстоятельства заставили агента пойти на риск.

— Мы тоже пойдем на риск. Вы едете в Красноводск, а на север пойдут джигиты военного министра. Я уже вызвал сюда Ораз-Сердара и этого, с польской фамилией, местного министра внутренних дел...

— Грудзинского,— подсказал Эссертон.

— Да, и Грудзинского. У них глаза загорятся, когда мы откроем карты. Пошлют тотчас сотен пять головорезов, пересекут пустыню в два счета.

— Надо полагать! Золото и оружие!..

Вдруг за окном раздались шум и крики: «Пожар!» Генерал и Эссертон подошли к распахнутому окну. Ничего не было видно за густыми ветвями деревьев. Генерал подозвал солдата из охраны:

— Что там?

— Дым из окон дома, где живет полковник Эссертон, сэр! — ответил солдат, вытянувшись в струнку.

Эссертон от неожиданности обомлел, и лицо его стало бес-

кровным. Не может быть! А в голове, словно он щелкал на счетах, мысленно росла сумма ценностей, находящихся в доме: партия редчайших ковров и дюжина коричнево-золотистых и серо-мраморных каракулевых шкурок, важные секретные бумаги, драгоценности...

— Сэр, вы позволите?

— Да, конечно,— Маллесон поспешно кивнул.

Эссертон крупными шагами вышел из штаба и по широкой дорожке сада уже не шел, а бежал. Поворот, еще один поворот, и вот, наконец, за ветками деревьев забелел продолговатый дом с широкими итальянскими окнами. Там толпа: солдаты, прислуга. Из крайних окон вилась редкая струйка черного дыма. «Гостиная!» — определил полковник и мысленно молниеносно вернулся на два часа назад, проследил за своими действиями, за каждым шагом. Конечно же, этот мерзавец, пьянчужка-шифровальщик, забыл потушить сигарету!..

Перед полковником расступились.

Красивый паркетный пол заляпан. Обгорелая мебель. В гостиной огонь уже потушен, но дыму было много, он ел глаза, царапал горло.

Посреди гостиной на обгорелом ковре почерневшее скрюченное тело.

Слуга-индус торопливо рассказывал:

— Она схватила, сэр, бутыль с бензином,— на кухне стояла,— и скорей сюда. Ну та самая туземка, что привезли... Потом облилась, словно водой. На лицо, на волосы, на платье. И на ковер стала лить. Мы только к ней подбежали, а у девки такие страшные глаза, она засмеялась, что-то прокричала и чиркнула спичкой... Мы еле успели отскочить!

Эссертон потрогал носком ботинка обугленный ковер. Потом сказал:

— Да, весьма жаль... Такой великолепный ковер!..— И, ни на кого не глядя, вышел.

5

Поздним вечером, когда поезд отошел от станции, Эссертон примостился у окна. Промелькнули кварталы пригорода. Луна только всходила, и ее ровный бледный свет озарял редкие кибитки кочевников, жавшихся к городу, и ровную гладь голой степи.

Вдруг его взгляд остановился на туче пыли, поднятой на дороге. Большой отряд, сотни три-четыре вооруженных всад-

ников, с гиканьем и присвистом гнал коней. Эссертон обратил внимание, что почти у каждого всадника была запасная лошадь.

Отряд некоторое время скакал вдоль линии железной дороги, потом резко повернул к горизонту. «Пошли на север, к Мангышлаку,— Эссертон скривил губы.— Головорезы Ораз-Сердара».

Он смотрел в окно, следил за всадниками, пока они не скрылись, оставив за собой лишь легкое облако пыли где-то у горизонта.

«Скачите, скачите,— улыбался уголками губ Эссертон.— Спешите, а то опоздаете!»

Лицо полковника сделалось сосредоточенным, он принимал решение. Победит тот, кто быстрее достигнет полуострова... «Что же, посмотрим! От Красноводска до Мангышлака почти вдвое ближе, чем от Ашхабада. И железный конь скачет быстрее, джигиты. Прямо из Красноводска... Нет, мы не будем устраивать, как вы, скачки по пескам, это старо... Не та эпоха! — Эссертон уже четко видел план погони за отрядом.— Из Красноводска пойдем морем! Погрузить на пароходы батальон — и к полуострову...»

Он стал насвистывать любимый марш из «Аиды». Потом плотно поужинал, велел подать кофе и, взяв пачку последних лондонских газет, прилег на диване.

Часть третья

ТАЙНЫМИ ТРОПАМИ

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

1

Нуртаз очнулся сразу, словно проснулся от долгого сна. Во рту стояли неприятная сухость и противный солоноватый вкус застывшей крови. Ныли избитое тело и затекшие руки, связанные грубой шерстяной веревкой.

Он открыл глаза. Стояла глубокая ночь. Над головой высоко-высоко раскинулось темное небо, усеянное крупными звездами, чем-то похожее на драный, затасканный стеганый чапан, из которого клочьями вылазят куски белой ваты. И на небе тускло светила половинка луны, ядрено-желтая, как разломанная пополам свежая кукурузная лепешка. Он явственно представил, как она на зубах похрустывала. Нуртазу страшно

захотелось есть, он вспомнил, что со вчерашнего утра ничего не брал в рот. Кто бы мог предугадать, что день, начатый так хорошо, закончится так печально!

От земли шел влажный сытый дух, и трава, набрякшая ночной росой, распространяла прохладу. Нуртаз чуть потянулся вперед, уткнулся лицом в густую траву и повертел головой, ощущая разбитыми губами, щекой влажность росы. В голове была спокойная ясность. Пастух прислушался. Тихо. Рядом, у догорающего костра, пять охранников лежат прямо на траве и досматривают сны, сжимая в обхватку длинные дубины. В стороне бродят стреноженные кони, лениво помахивая хвостами.

Нуртаз закрыл глаза, полежал на боку, вспоминая прошедший день. И не только прошедший, ибо все началось гораздо раньше, с того вечера, когда пастух победил знаменитого борца Сулеймана и получил в награду молодого скакуна каурой масти. В тот же вечер Нуртаз умчался на нем. Куда? Он и сам толком не знал, куда путь держать, просто хотелось улететь подальше в степь от того аула, где Габыш-бай, словно телку-двухлетку, торгуясь, продавал свою дочь...

Конь оказался сильным, выносливым и с покладистым характером, сразу понял седока и признал в нем своего нового хозяина. Нуртазу вообще везло на коней. Не успеет подойти погладить по морде, потрепать холку, как лошадь уже покорно тянется к нему.

Два дня скакал Нуртаз по степи, делая остановки только для того, чтобы покормить коня и дать ему передохнуть. А сам питался диким луком и кореньями съедобных трав.

В степи простор широкий, но дорога у путника одна. Сердце повело Нуртаза в обратный путь, в родной аул, к той, имя которой он повторял, славил в каждой строчке своей немудреной песни, которую выдумывал на ходу, наигрывая на своем темир-кумузе. Он вез ей печальную весть, и сердце пастуха разрывалось на части от горя. Какими словами он скажет своей любимой страшную новость, от которой ему самому жить не хочется?..

Олтун!.. Олтун!..

Нуртаз смотрел на солнце, и ему казалось, что это она, его Олтун, круглолицая и, как прежде, веселая, улыбается ему и ласково глядит жгучим взглядом. А по ночам он видел свою Олтун, только уже бледную и печальную, словно она знает обо всем, и свет от ее очей шел тихий и грустный...

Обратный путь показался пастуху короче. Возможно, оттого, что нес его добрый скакун, возможно, оттого, что не надо

было брести за ленивым стадом, возможно, оттого, что сама степь бежала ему навстречу.

На второй день, в небольшом урочище, повстречал Нуртаз пастуший стан, где старый чабан Джура жил вместе с внуком, и повернул коня к стану. Там колодец, там и еда добрая найдется.

Вдруг впереди, из небольшой лощины, поросшей густой травой, хлопая крыльями и каркая, тяжело и неохотно взлетела стая воронов. Нуртаз сразу узнал то место, где лежал зарезанный. Невольно представилось его худощавое лицо с бородкой клинышком, а в ушах воспроизвелся тот странный ночной звук, заставивший тогда пастуха проснуться. Потом, уже утром, Нуртаз увидел здесь этого человека со связанными за спиной руками, с куском кошмы во рту и перерезанным, как у барана, горлом...

Нуртаз дернул поводья и погнал коня, спеша поскорее объехать узкую лощину. «Это все он, Кара-Калы,— подумал Нуртаз,— кто же еще? Он и его зять, Топсай, жадная душа, готовы любому кишки выпустить...» И почему-то в памяти всплыло лицо Кара-Калы, когда Нуртазу вручали каурого скакуна за победу над Сулейманом в честной борьбе, недоброе, хищное лицо с завистливым взглядом.

Нуртаз намеревался задержаться у старого чабана, пожить день-другой, передохнуть, обдумать свое житье-бытье. Но после узкой лощины, поросшей густой травой, да каркающих ворон не захотел оставаться и на ночевку.

Внук чабана Маговья сразу узнал Нуртаза и поспешил к нему навстречу:

— Я нашел свой темир-кумуз, а где твой? Не потерял случайно?

— Нет, у меня он не теряется.

— Вынимай скорее, будем вместе играть!

Нуртазу было не до игры. Чабан по мрачному лицу Нуртаза видел, что у парня на сердце какая-то тяжесть. Угостил кумысом и вареным мясом, нехитрой едой степняка.

— Конь хороший,— сказал Джура, оглядывая лошадь.— Береги. Конь — крылья джигита.

— Второго такого мне не достать, агай.

— Никто не знает,— сказал мудрец Атымкай Щедрый,— что в жизни нас ждет.

— Ты прав, отец, все мы учимся у Атымкая Щедрого.

— Мудрость, она, как звезды, горит вечно. Сколько на них ни дуй, все равно не погасишь.

Дав коню охапку свежей травы, Нуртаз сел на корточки

рядом с чабаном и не спеша поведал обо всем: об Олтун, о сватовстве, о выигранном коне.

— Как дальше быть, сам не знаю...

Чабан ответил не сразу. Вынул из кармана круглую табакерку — высушенную маленькую тыкву,— насыпал на шершавую ладонь щепотку насвая — зеленого табака, положил себе под язык, почмокал.

— Не знаю, как тебя встретят в ауле. Всякое может случиться, но, как говорил Атымкай Щедрый, батыр без врагов не бывает,— Джура выплюнул насвай, подумал и сказал:— В случае чего держи путь на Усть-Юрт.

— Там сухие степи и люди не живут.

— Там жили раньше, давно-давно, моему деду его дед рассказывал. Слушай меня внимательно,— и чабан поведал о каком-то подземном озере, где воды много и даже есть рядом маленький родник, рассказывал, как найти то озеро в степи, приметы указал...

Нуртаз тогда почти не слушал чабана, а сейчас, уткнувшись лицом в траву, влажную от росы, напряженно обдумывал каждое слово Джуры. Руки Нуртаза совсем затекли, и веревка врезалась до кости. Да, прав был чабан, сто раз прав! Где-то на Усть-Юрте есть неизвестное подземное озеро... Человек всегда думает о хорошем и надеется, даже когда жизнь его висит на волоске...

Так уж получилось, что птица удачи повернулась к нему хвостом, едва Нуртаз подъехал к родному аулу. Первыми его встретили мальчишки. Они, как обычно, играли на лужайке, ровной, как стол, покрытой ковром травы.

Еще издали Нуртаз приметил, что играют они в аксуек — белую кость. Нуртаз любил эту живую игру, однако редко выпадало время, когда хозяева отпускали его поиграть. Разбившись на две группы, орды, мальчишки складывали в две кучи чапаны и халаты. Эти кучи назывались «ставками ханов». Из числа слабых или самых маленьких выбирали ханов, остальные становились их воинами. Потом по очереди от каждой ставки в степь уходил воин и бросал как можно дальше большую баранью или телячью кость. Едва кость мелькала в воздухе, как все кидались ее искать. Победительницей считалась та группа, которая первой приносила кость в свою орду и вручала ее хану. А сделать это не так просто, ибо каждый соперник пытался догнать и отобрать у нашедшего кость.

Заметив Нуртаза, мальчики бросили играть и побежали навстречу, весело крича:

— Опоздал! Опоздал!

Нуртаз придержал коня и спросил:

— Куда опоздал?

— Он еще спрашивает нас, словно с луны свалился! Новость привезти опоздал ты на целый день!..— они смеялись ему в лицо.— Суюнши не получишь!

Нуртаз догадался, о чем галдят мальчишки, и тихо спросил одними губами:

— Кто привез?

— Сабит! Его сам Габыш-бай послал... Байбише Турагал ему корову с телкой дала!.. А ты не получишь суюнши!..

Суюнши — подарок человеку, первым сообщившему радостную весть. Таков обычай степи. И если байбише Турагал, старшая жена Габыш-бая, дала Сабиту корову с телкой, значит, о сватовстве она знала раньше и восприняла новость с показной щедростью, ибо без ведома мужа байбише никогда бы не решилась на такой дорогой суюнши. Так думал Нуртаз. Оставалось еще узнать про Олтун. Как она приняла такую новость?

И он направил коня в середину аула, где стояла на возвышении белая юрта Габыш-бая Кобиева. «Скорее, скорее увидеть Олтун,— думал Нуртаз.— Она сама подскажет, что делать».

Нуртаз ехал прямо к белой юрте, его встретила старая жена бая. На ее жирном квадратном лице с двумя подбородками и заплывшими глазами появилась усмешка.

— Новость мы уже знаем, пусть дело, угодное аллаху, свершится,— и Турагал протянула пастуху кусок казы — копченой конской колбасы.— Вот тебе маленькое суюнши. Подкрепись с дороги,— она зорко оглядела каурого коня.— Кто лошадь дал? Может, это шаге-ат?

У Нуртаза перехватило дыхание. Еще чего выдумала жирная ведьма! Шаге-ат значит «лошадь-гвоздь», по обычаю степняков такого коня дарит отец жениха при сговоре: она, как гвоздь, призвана скреплять сватовство.

— Это мой конь!

— Так я тебе и поверила! Если не шаге-ат, значит, ворованный...

Неизвестно, чем бы кончилась перебранка, но тут из юрты вышла Олтун. Она несла в соседнюю кибитку свои атласные платья, которые вынула из сундука и просушивала на солнце. Олтун шла и чему-то улыбалась. Голубой жилет облегал ее тонкий, гибкий стан и маленькие округлые груди. На ее лице он не прочел ни тревоги, ни волнения. Нуртаз оторопел.

— Олтун,— позвал ее Нуртаз.

— Ну, чего тебе? — неохотно ответила она, словно отмахивалась от назойливого комара.

— Это я, Нуртаз.

— Вижу.

Он, сам не зная зачем, соскочил с лошади, не выпуская из рук повода, на ватных ногах подошел к девушке, заглядывая в ее веселые глаза.

— Это я, Нуртаз,— повторил пастух.

— Ну и так вижу, что Нуртаз,— она засмеялась, и от ее холодного смеха ему стало нехорошо.

— Ты... ты все знаешь? — допытывался пастух.

— Знаю и даже видела его... На ярмарке. Отец показывал мне издали сына бая Исамбета Ердыкеева... Не чета тебе!..

Слова Олтун, в которых сквозила гордость, летели в лицо Нуртаза, как острые камни. Он невольно отпрянул назад, словно хотел защититься от них. Но они попадали в самое сердце. Нуртаз не узнавал Олтун. Перед ним стояла не прежняя ласковая и нежная девушка, а надменная и холодная байская дочь.

— Твои слова... ты сама говорила, помнишь? — Нуртаз тяжело дышал, его охватило смятение, ибо он еще никогда не сталкивался с таким коварством.

— Мои слова! Ой-йе! Я и отцу говорила, что если вздумает выдавать меня за старика, то убегу с пастухом Нуртазом. Как видишь, я ничего не скрывала!..

У Нуртаза кровь хлынула в лицо. Он ждал всего, только не такой расчетливой откровенности.

— Ты... ты,— у него захватило дух, его взбудораженные мысли не могли превратиться в связную цепь слов, и он в порыве чувств схватил, сжал ее руку.

— Ой! — вскрикнула испуганно Олтун.— Пусти!

Он не заметил, как в лице Олтун произошла перемена. Недавняя веселость сменилась колючей неприязнью. В продолговатых глазах мелькнул блеск, как у молодой волчицы, холодный и злой. Олтун, бросив на землю атласные платья, двумя руками яростно оттолкнула Нуртаза.

— Спасите!.. Спасите!..— закричала Олтун отчаянно и дико, словно ей действительно угрожала опасность.— Спасите!.. Меня хотят украсть!..

Нуртаз даже рта не успел открыть, как со всех сторон кинулись работники и родственники Габыш-бая.

Свалили. Скрутили. Он даже не сопротивлялся. Били нещадно и долго, пока не потерял сознание...

2

Нуртаз приподнял голову. Глухая ночь стояла в степи. Притаившись в густой траве, оглушительно верещали кузнечики, разговаривая меж собой на непонятном для человека языке. Где-то попискивали степные мыши, да в стороне, в прибрежных зарослях камыша, спросонья крякнула утка.

Извиваясь ужом, Нуртаз стал подползать к костру. Он двигался бесшумно, останавливаясь и вслушиваясь. Охранники безмятежно спали, развалившись на старой кошме.

Костер почти погас, лишь дымило несколько головешек да под пеплом тлели угли. Нуртаз подполз прямо к костру, высмотрел головешку покрупнее и, обжигая кожу, подбородком подтолкнул ее к себе. Потом тихо раздул обугленную корягу. Когда она стала ярко-алой, Нуртаз продвинулся вперед и боком навалился на головешку, стараясь прислонить к ней толстую шерстяную веревку, которой были скручены руки и спутаны ноги. Он наваливался несколько раз и все мимо. Головешка прожигала одежду, нанося огненные метки на тело. От напряжения ему стало жарко. Он не чувствовал ни боли, ни страха, отчаяние придавало силы. Нуртаз снова раздул корягу, она запылала жаром. «Сначала ноги освободить,— мелькнула у него мысль.— Потом и руки легче будут!»

Лежа на спине, он поднес вытянутые и схваченные веревкой ноги к раскаленной коряге. Остро запахло горелой шерстью, и Нуртаз почувствовал, как путы ослабли. Он дважды прислонял веревку к коряге и пережег ее. Остатки веревки упали с ног.

Вдруг один из охранников заворочался, что-то пробормотал. Нуртаз притаился, сжавшись в комок. Сердце бешено заколотилось. Прошло несколько томительных минут, длинных, как годы. Охранники продолжали спать, изредка похрапывая.

Нуртаз сел. Выбрал покрупнее головешку и ногами выкатил ее из костра. Нагнулся, раздул. Потом сел к ней спиною и опустил связанные руки. Нащупал пальцами головешку, пододвинул и, обжигаясь, стал водить по ней веревкой. Наконец, с облегчением вздохнул, напряг мышцы, и веревка стала поддаваться. Еще усилие — и руки получили свободу.

— Апырай! — беззвучно выдохнул он и порывисто встал, глубоко и облегченно вздохнул. Что ни говори, а мало человек замечает радость свободы, пока не потеряет ее.

...Ночь шла на убыль, и стояла та предрассветная мгла, когда темнота уже теряла силы, а свет наступавшего утра был

еще слаб. На востоке вдоль горизонта уже бледно прочертилась светлая полоска, которая должна скоро превратиться в зарю.

Нуртаз, оглядевшись, заметил бурдюк с кумысом, лежавший возле кошмы, быстро нагнулся и торопливо стал пить. Утолив жажду, он пошел к стреноженным лошадям. Тут же находился и его каурый скакун. Конь потянулся к нему влажными губами. Нуртаз прижался к нему лицом, погладил его ладонью по шее. «Ты один у меня... Недавний и верный друг,— подумал он,— не продашь, не предашь».

Он распутал коня, подумал, направился к другим лошадям и снял с них путы. Одного, чалого, взял за повод, а остальных пустил на свободу. Окинул взглядом родной аул. Юрты стояли темными силуэтами на фоне бледнеющего неба. В самом центре аула вырисовывалась высокая большая юрта Габыш-бая, прочная и добротная, ударят копытом — не пошелохнется. А рядом, в другой, белой свадебной юрте, пока никто не жил, стояли сундуки и лежали горой одеяла, паласы, ковры. Там все приготовлено к свадебному тою.

Нуртаз вернулся к костру, выбрал головешку и двинулся к белой юрте. Неподалеку темнел стог яндака, сухой колючки, которой топят очаг, и Нуртаз подпалил его снизу. Подождал, когда огонь запрыгает с треском по сухим стеблям, обволакиваясь дымом, и выдернул огненный пучок. Подбежал к белой свадебной юрте и... остановился.

В его зрачках прыгали багровые отблески. Пучок колючек горел ярким пламенем, освещая все вокруг, и казалось, будто ночь обступила темной толпой и смотрела на него немыми глазами. Сухие ветки звонко потрескивали, и в этом треске было что-то похожее на выстрелы. В памяти Нуртаза всплыли картины недавнего прошлого. Он увидел дым пожара и горящие юрты, которые поджигали солдаты карательного отряда, услышал пальбу из винтовок по убегающим перепуганным детям, женщинам, старикам... Именно тогда и погиб отец Нуртаза пастух Хужмат...

Огонь подбирался к обожженным рукам юноши, лизнул пальцы. Нуртаз с детства жаждал открытой борьбы и готов был встретиться лицом к лицу с любым врагом и любой опасностью. А здесь он не мог ответить на измену слепой местью. Да и месть ли это?..

— Апырай! — глухо воскликнул Нуртаз, борясь сам с собой.

Он швырнул огненный пучок далеко в сторону от высокой свадебной белой юрты. Огненный факел упал на вытоп-

танную траву и рассыпался, задымил, лишь отдельные язычки пламени трепетали и никли обессиленные.

Не медля ни секунды, Нуртаз вскочил на коня и, не отпуская повода, поскакал в темную степь, где в низинах уже стлался белым дымом предутренний туман.

Он гнал коня, и ветер свистел в ушах от бешеной скачки. Потом, словно что-то забыв, Нуртаз резко придержал скакуна, въехал на пригорок и остановился. Долго всматривался туда, где далеко-далеко чуть виднелись темными точками юрты аула на бледной линии горизонта. Нуртаз погрозил аулу кулаком. И снова погнал коня. Туда, где лежали сухие степи Усть-Юрта.

3

Колотубин сидел рядом с командиром на разостланной кошме, поджав ноги, и мысленно чертыхался: ноги у него давно затекли, а беседе не видно конца, и, судя по вопросам стариков, она только начинается. «Привыкай, брат Степка,— говорил он сам себе,— привыкай к здешним порядкам, не видать тебе здесь ни стульев, ни простых скамеек».

Он настраивал себя давно на спокойный тон, чтобы ничему не удивляться, потому как край здесь азиатский и живут люди по своим давно заведенным порядкам. Но все равно удивлялся каждый раз. Вот хотя бы взять еду, вернее, последовательность подачи блюд. Все шиворот-навыворот. Начинают с конца, с третьего: пьют чай с сушеными фруктами, сладким изюмом и абрикосами, потом приносят второе — куски конской колбасы, твердой как камень, и жареную рыбу. А затем самое настоящее первое — суп. Только опять едят суп тот не по-нашему, жидкость разливают отдельно в чашки, подают каждому в руки, а гущу складывают горкой на железный поднос, и изволь лопать ее собственноручно в буквальном смысле слова, то есть без всяких ложек, загребай пятерней и клади в рот.

Что касается напитка, имя которому кумыс, то, откровенно говоря, он в нем еще как следует и не разобрался. С одной стороны, вроде молока, а с другой — вроде пива, кисленького и хмельного. Но когда ему сказали, что делают кумыс не из коровьего, а из кобыльего молока, то у Степана зашевелилось неприятное чувство. Как ни крути, а в наших краях, даже при самой бедности, люди еще не доходили до такого, чтобы доить кобыл. Уж лучше бы дали по чарке самогонки! Она те-

бя по мозгам трахнет — и полный комфорт... А уж о водке и говорить нечего. Видимо, нет на земле спиртного, равного русской водке, чистой и приятной. А выпить и азиатам хочется. Потому и придумывают разные разности из того, что под рукой находится... Так вот и до кобыльего молока докатились.

Степан пил кумыс и слушал разговор Джангильдинова с приехавшими со всей округи стариками, вернее, слушал он Темиргали Жунусова, который, нагнувшись к комиссару, переводил все шепотом.

Старики были дотошными. Все им выложи и подай на лопатке. Командир с ними возится почти целый день, словно нянька с капризными детьми. Показывал штабеля ящиков, один велел вскрыть, достал промасленную винтовку, и все казахи по очереди ее щупали. Показал и пулемет, и патроны, и гранаты. Подводил к тюкам с одеждой и снаряжением, вынул один овчинный полушубок, пошел тот по рукам, стали натягивать на себя по очереди да языком прищелкивать. Понравился, видать. Еще бы не понравиться! А когда вынули пару юфтевых сапог, то вцепились в голенища, стукают ногтями по подошве, а по глазам видно, что отпускать из рук такое добро нет желания.

Он, Колотубин, не стал бы цацкаться и рассыпаться перед ними, а сразу с места в карьер: так, мол, и так, гоните нам, товарищи старики, коней и верблюдов! И весь разговор. Приходилось Степану бывать в разных местах, и знал: по-доброму никто своей живности еще не отдавал даже на пользу революции. Необходимо действовать сурово. Крестьянская натура еще темная и жадностью насквозь пропитана, сознательности у нее нет высокой, как у рабочего-пролетария. А здесь, в этой Азии, и тем более, глушь беспросветная. Кумыс, одним словом. Так нет же, командир церемонии разводит, вчера целый вечер балакал, сегодня опять угощение делает и беседу ведет, как с иноземными послами.

— Ну, что там они? — спрашивал Степан тихо у своего толмача.

— Про отца и мать поняли, теперь про родственников разговор идет.

— Скорей бы к лошадям переходили.

Стариков со всей волости приехало больше сорока человек. Каждый держался важно и с достоинством. А ведь всего несколько часов назад аксакалы и старейшины, честно говоря, совсем иными глазами смотрели на Джангильдинова. За несколько верст до прибрежного аула шныряли на взмыленных конях холуи старосты Габдоллы и бая Косыма, они перехва-

тывали на пути аксакалов и старейшин, останавливали и всячески запугивали, пуская в ход главный козырь: «Берегитесь! Красные будут забирать ваши стада! Это переодетые разбойники и бандиты! Во главе шайки главный конокрад, казанский татарин, которого давно ищут законные власти!»

Ложь, как известно, черная, но ее чернота совсем не похожа на копоть котла. Копоть тоже пачкает, но легко отмывается. А ложь пускает глубокие корни, особенно в степи, где люди живут скукой и долгой памятью.

Аксакалы и старейшины растопыренными заскорузлыми пальцами задумчиво расчесывали белесые бороды, и каждый в своем уме сопоставлял услышанное от байских приспешников по дороге в аул и увиденное своими глазами в самом отряде. Неправда, она, как степная колючка, куда ее ни прячь, все равно вылезет наружу.

Наступила та минута, когда аксакалы, наконец, решили заговорить о том, что давно уже волновало их.

— Скажи, агай, а ты великого человека Ленина видел?

Вопрос задал самый старый, маленький и сухонький пастух с подслеповатыми глазами и длинной редкой бородой. Он сидел на почетном месте рядом с Алимбеем на шкуре тюленя.

— Да, отец,— ответил Джангильдинов.— Так же близко, как и тебя...

Аксакалы зашевелились, придвинулись, стараясь лучше разглядеть своего земляка, которому посчастливилось быть рядом с ульке адам — великим человеком Лениным.

А Джангильдинов в свою очередь, как требует разговор степняков, спросил:

— Скажите, аксакалы, а что говорят у вас о великом батыре Ленине?

— Пусть Жудырык расскажет, он первый принес в аул такую новость.

Жудырык не спеша отпил из чашки несколько глотков кумыса, сосредоточенно почмокал губами, потом повернулся к Джангильдинову и начал свой рассказ, произнося каждое слово слегка нараспев.

— Слушай, агай, что степь наша знает о великом человеке Ленине, о самом большом батыре, который победил белого царя. Борьба у них была в прошлом году. Тяжелый год тогда выдался! Весною джут был, много скота погибло, лето сухое, знойное, травы мало выросло... А белый царь подати увеличил и затребовал сынов наших в солдаты. «Темати-тамом,— сказали аксакалы,— конец всему! Надо к самому белому царю

ехать, надо напомнить клятву деда его, главные ярлыки показать, что на собачьей коже написаны, где большие царские печати поставлены». А в тех ярлыках сказано, что жить казахам вольно и мирно, пасти стада свои и никогда сынов их в солдаты не брать.

Выбрали аксакалы самых мудрых, дали самых резвых лошадей, денег собрали, мяса накоптили на дорогу и спрятали в кожаном мешке те ярлыки с печатями.

Долго ехали казахи до главного города царя, а когда приехали туда, уже снег падал на голову. Пришли казахи к царскому дворцу. А тот дворец большой-пребольшой, целых сто аулов будет, и стенами высокими окружен. Целых сорок стен там. Одна стена — земляной вал, вторая из камня, третья из кирпича, четвертая из железа, пятая из меди... А самые последние, что перед дворцом, из серебра и чистого золота сделаны. У каждой стены свои ворота и охрана большая.

До первой стены дошли казахи, а дальше их не пустили. Несколько дней и ночей стояли посланцы у ворот, все ожидали, может быть, выйдет к ним сам царь. Но не открылись ворота, не вышел царь. Может быть, ему не доложили слуги, а может, и сам не захотел разговаривать с простыми людьми из степей.

Что делать? Долго думали и решили обратиться к большому князю Юсупу, у него, говорят, в пятом колене текла кровь мусульманская. Нашли дворец Юсупа, стали стучать в дубовые ворота. Наконец, впустили их во двор. Вышел сам Юсуп и громко спрашивает: «Зачем приехали, киргизы? Что надо вам?»

Рассказали ему аксакалы о своем деле, вынули из кожаного мешка, показали главные ярлыки, что на собачьей шкуре написаны, где печати большие царские поставлены.

У князя Юсупа глаза загорелись, словно перед ним мешок с золотом открыли. «Вот они, ярлыки! — говорит.— А тут слух ходил, что ярлыки те давным-давно мыши изгрызли. Давайте их сюда, я сам к царю пойду и покажу ему ярлыки!»

Обрадовались аксакалы. «Аллах отблагодарит тебя, добрый Юсуп!» — говорят они и низко кланяются.

«Аллах меня отблагодарит, это верно,— отвечает Юсуп.— Но и вы не забывайте. Даром здесь ничего не делается».

«А сколько ты возьмешь?» — спрашивают аксакалы.

«Я не жадный,— отвечает Юсуп.— Давайте все деньги, что привезли с собой».

Согласились аксакалы. Отдали деньги и кожаный мешок с ярлыками.

«Сегодня к царю не пойду,— сказал им Юсуп, пряча деньги и кожаный мешок.— Сегодня вторник, тяжелый день. А вот завтра принесу вам радостную весть!»

Но ни завтра, ни послезавтра, ни через неделю князя Юсупа казахи больше не видели. Сколько в ворота ни стучали, никто им не открыл, никто не вышел. Поняли аксакалы, что князь Юсуп их обманул. И деньги взял, и ярлыки выманил. А через неделю нагрянули царские слуги, стали палками избивать да прогонять из города. Пошли казахи опечаленные и горько вздыхают. Что привезут они в родные степи? Как в глаза людей смотреть будут?

А им навстречу батыр идет. Росту высокого, плечи, как горы. Посмотрели, вроде бы свой человек, степняк. «Это батыр Ленин,— говорит самый старый из посланцев,— родом из Арка, он с детства пошел в большой город науки изучать у русских ученых и силу наращивать у самых знаменитых балуанов, которым в борьбе равных нет».

Подошел к ним батыр Ленин, сел рядом по-казахски и с почтением спрашивает: «Что такие грустные, аксакалы?»

Рассказали ему казахи всю правду. И про деньги, и про ярлыки, и про Юсупа. Слушал батыр Ленин и хмурился. Потом спросил: «И ярлыки главные отдали?»

«Отдали, батыр...»

Долго сидел хмурым батыр Ленин. Думал. Потом встал и сказал:

«Придется мне самому пойти, главные ярлыки выручать. И не только ваши. У многих народов царь ярлыки обманным путем забрал и теперь притесняет».

Пошел батыр домой, надел кольчугу русскую, а поверх чапан стеганый, взял в одну руку меч булатный, а в другую — соил крепкий. Первым делом направился к воротам князя Юсупа. Стукнул раз — и дубовые ворота разлетелись на кусочки. На шум выбежал сам Юсуп, увидел Ленина и затрясся от страха. А батыр громким голосом спрашивает: «Где ярлыки? Верни казахам главные ярлыки и деньги, не то худо тебе будет!»

Упал Юсуп на колени и плачет: «Нет у меня ярлыков,— говорит,— я их царю отдал...»

Пнул батыр его сапогом под ребро и пошел скорыми шагами к царскому дворцу. Перепрыгнул через первую земляную стену, разбил каменную, проломал кирпичную, пробил мечом железную... Все сорок стен прошел и последнюю, золотую, свернул в трубку, словно лист бумаги. А следом за ним аксакалы идут, жмутся кучкой.

Вошли в царский двор, смотрят: на троне из золота царь сидит, рядом с ним генералы и урядники усатые. Генералы выхватили свои сабли, урядники винтовки нацелили. Испугались казахи, попадали на землю, глаза закрыли... И вдруг слышат, кругом сплошной грохот раздался. А потом все стихло. Открыли глаза и видят, что все генералы и урядники на земле валяются. А батыр Ленин стоит перед царем и говорит: «Выходи, русский царь, на открытый бой! Будем сражаться по-честному. Выбирай себе оружие. Хочешь, на мечах биться будем, хочешь, на соилах, а хочешь, на поясах бороться будем!» — «Хорошо! Давай бороться!»

Встал царь с трона, и видят казахи, что росту он громадного, плечи, как две горы. «Сомнет царь батыра,— думают аксакалы со страхом,— и нас сапогами затопчет...»

Надел царь стеганый чапан, подпоясался платком, закатал рукава и шагнул навстречу батыру Ленину. «Держись,— говорит царь.— Я сейчас твоей спиной холмы ровнять буду!»

А батыр Ленин закатал рукава и смело шагнул навстречу. «На чьей стороне правда,— говорит Ленин,— на той стороне и победа будет!»

Схватились они, земля под ними вздрагивает, как при землетрясении. Силен царь, спина широкая, ноги толстые, руки крепкие. Но батыр Ленин не уступает ему ни силой, ни сноровкой.

Весь день боролись. Вечер наступил, потом ночь настала. А они все борются. Никто одолеть другого не может. Три дня и три ночи боролись.

А во двор царский тем временем народу разного набилось, как в ярмарку на базаре. Все батыра Ленина подбадривают, победы ему желают. Все царя проклинают и требуют свои ярлыки.

Наконец, когда третья ночь кончилась и четвертый день только зачинался, батыр Ленин одолел царя. Поднял на руках над головой. Царь ногами дрыгает, ругательные слова выкрикивает, слюной от злости брызжет, а из рук батыра вырваться не может. Батыр Ленин подержал его над головой, потом как шмякнет спиной на землю! Такой гул сразу пошел, словно горы обвалились.

Придавил царя к земле батыр Ленин и грозно спрашивает: «Где, поганый царь, запрятал главные ярлыки?» — «В сундуке большом»,— ответил царь и околел со страха и позора.

Пошел батыр Ленин во дворец царский и в спальне видит большой сундук. Взмахнул мечом булатным, сбил замки алмазные и открыл золотую крышку. И в том сундуке лежал

кожаный мешок с главными ярлыками казахов, что на собачьей коже написаны. Достал батыр Ленин те главные ярлыки. Потом нагнулся и поднял из сундука серебряный ларец, открыл его и вынул пергаментный свиток, главный ярлык урусов. Потом достал меховой мешок, а в нем главные ярлыки нагайцев и узбеков. Достал батыр Ленин из сундука все главные ярлыки народов и племен, вышел к людям и сказал так:

«Нет больше над вами власти царя. Возвращаю всем народам ярлыки и свободу! Пусть урусы живут на земле урусов, нагайцы — на земле нагайцев, казахи — на земле казахов. Пусть все живут, как родные братья!..»

4

Колотубин слушал пересказ Темиргали Жунусова и диву давался, как отблески пламени революции осветили такой глухой, отдаленный край. Он думал, что командиру сейчас придется читать старикам лекцию политграмоты, а, оказывается, жители степи знали многое. Даже имя вождя у них обросло легендой, придали ему какую-то сверхъестественную силу. Колотубин хотел было направить разговор в план реальности, но взглянул на Алимбея и по его спокойному лицу и чуть заметной улыбке под усами понял, что сейчас этого делать не следует. Надо положиться на командира.

Джангильдинов не стал оспаривать факты, разрушать легенду. Он ведь дал слово Ленину, что выполнит его задание. И эти степняки, так восторженно слушавшие рассказ старого охотника о вожде, могут и должны помочь ему, делу революции. Здесь были свои люди.

Командир, поставив чашку с кумысом, утвердительно произнес:

— Да, аксакалы, ульке адам Ленин победил царя. Ему помогал народ.

В кругу стариков сразу стало оживленно и радостно.

— Так слушайте, старейшие. Меня в степь послал сам Ленин. — Джангильдинов вынул из кармана свой мандат и показал его.— Вот здесь написано. Есть ли среди вас умеющие понимать русские буквы?

Наступило неловкое молчание.

Двое стариков сказали, что они умеют читать арабские буквы, а русские не ведают. Тогда охотник Жудырык помял свою бородку, сощурил узкие, как бойницы, глаза и так сказал:

— У нас в ауле есть гость, говорят, он молда — учитель... Дальний родственник старосты Габдоллы.

— Послать за молдой!

Через несколько минут гость старосты молда Мусабаев, невысокого роста, в чистенькой одежке уездного чиновника, а заодно и сам староста — грузный Габдолла были приведены к аксакалам. У обоих от страха тряслись руки. Сзади с винтовкой наперевес шествовал Чокан, рослый, грозный и невозмутимый.

— Ты молда? — спросил Алимбей гостя старосты.— Русские буквы знаешь?

— И русские, и арабские.— Мусабаев закивал головой, не понимая, зачем вдруг заинтересовались его грамотностью.

— Читай! — Джангильдинов протянул ему свой мандат.— Громко читай, чтобы все слышали.

Мусабаев взял дрожащими пальцами документ и сразу переменился, обрел надменность, догадавшись, наконец, зачем его сюда привели. «Им просто нужен грамотный человек! Ну, я сейчас им прочту,— подумал он.— Они сейчас от меня услышат!» Однако все его мысли вылетели из головы, едва Мусабаев пробежал глазами текст бумаги. За всю свою чиновничью жизнь он никогда не держал в руках такого важного документа, подписанного самым главным большевистским вождем.

— Ну, читай же!

Мусабаев медленно прочел бумагу, переводя каждое слово треснувшим где-то внутри голосом.

— А кто подписал мандат? Читай вот здесь,— Джангильдинов показывал пальцем на подпись.

— Ленин,— по складам вывел оторопелый Мусабаев.

Аксакалы повскакивали с мест, окружили Джангильдинова. Каждому хотелось своими глазами увидеть те важные слова, что они сейчас услышали, потрогать пальцами бумагу, к которой прикасался сам батыр Ленин. Документ бережно передавался из рук в руки.

Джангильдинов спрятал мандат в нагрудный карман и произнес:

— Ленин послал меня сюда в степь. Ленин дал мне много оружия, сапоги и полушубки и сказал: «В степях сейчас идет большая борьба. Если белые победят, то плохо будет степному народу, даже много хуже, чем при царе. Гоните белых! Помогайте устанавливать новую власть народа — Советы. Боритесь за свое счастье, за счастье народа». Так сказал батыр Ленин. Аксакалы, вы мудрые люди и знаете, что степь давно ждет

оружия. И вот я привез много оружия. Русские товарищи помогли нам ехать на железной арбе, на паровозе, везли на кораблях. И вот мы прибыли сюда. А дальше начинаются наши родные степи. Подумайте и подскажите мне, как доставить наше оружие в нашу степь?

Слова «наше оружие» и «наша степь» пришлись по душе каждому аксакалу. Это было видно по их лицам. Дружно закивали седые бороды.

Снова поднялся самый старый пастух Бердыке. Высокий и костлявый, он шагнул к Алимбею, встал, оперевшись двумя руками о длинный посох.

— Скажи, батыр, а сам ты писать буквы на бумаге умеешь?

— Умею, отец.

— Тогда слушай Бердыке, прожившего много зим снежных и встречавшего много весен. Напиши от нас всех батыру Ленину: «Оружие, что ты прислал в степь, не останется лежать на берегу. Адаевцы дадут верблюдов, дадут лошадей». Верно я говорю, аксакалы?

Одобрительные возгласы послышались со всех сторон.

Джангильдинов велел принести бумагу и чернила. Письмо Ленину от казахов-адаевцев было написано самим Джангильдиновым, а потом аксакалы подходили по очереди и, намазав чернилами большой палец, прикладывали к листу. Письмо запестрело от множества отпечатков.

— Это письмо, аксакалы, обещаю довезти до самого Ленина,— сказал Алимбей.

Бердыке постучал посохом, и воцарилась тишина.

— Завтра наши аулы пригонят верблюдов, пригонят лошадей. Теперь скажи нам, агай, в какую сторону поведешь караван?

— Самой дальней дорогой, отец. На Усть-Юрт.

— Ой-бой! — аксакал покачал головой.— Я уже забыл, когда последний караван на Усть-Юрт ходил. Там степи Сухая Смерть, самые близкие колодцы стоят друг от друга на шестьдесят верст. Да кто сейчас скажет, целы ли они, есть ли там хоть капля воды?

— Другого пути нет у нас, отец.

Бердыке обвел глазами всех собравшихся аксакалов, потом некоторое время что-то обдумывал про себя, шамкая губами, наконец сказал:

— Есть только один человек, кто помнит, где находятся колодцы. Больше никто не знает,— пастух повернулся к старикам и позвал: — Жудырык, встань рядом со мной!

Старый охотник, который ненамного был моложе пастуха, подошел к Бердыке и почтительно приложил руку к сердцу.

— Я здесь, агай.

— Вот, батыр, наш Жудырык, только он еще помнит пути на Усть-Юрт,— Бердыке вцепился пальцами в рукав чапана охотника.— Слушай, Жудырык, мы все тебе говорим: ты поведешь караван!

Жудырык, хмуря брови, мял большими заскорузлыми пальцами редкую седую бородку, обрамляющую скуластое лицо, и щурил узкие глаза. Внешне старый охотник оставался спокойным, а в голове напряженно работала мысль. Он взвешивал и оценивал, сопоставляя все «за» и «против». На него смотрели аксакалы и старейшины всей волости, бойцы отряда, казах Джангильдинов, который с первого взгляда пришелся по душе старому охотнику.

— Мне семьдесят два года, глаза не такие зоркие и ноги не такие крепкие. Но я помню колодцы Усть-Юрта,— сказал он тихим твердым голосом.— Я поведу тебя, батыр!

— Все слышали? — Бердыке поднял костлявую руку и повернулся к Джангильдинову: — Батыр, мы доверяем Жудырыку наших коней и верблюдов, ты можешь доверить ему своих людей и важный груз, можешь доверить свою жизнь.

Бердыке раскрыл перед собой морщинистые ладони и тихо прочел начало молитвы:

— Бисмилля ромон раим...

— Омин,— произнесли в конце молитвы аксакалы и старейшины и провели ладонями по лицу и бороде, как бы делая омовение.

— Омин,— повторил Джангильдинов, хорошо знавший мусульманские обычаи.

— Омин,— повторил вслед за остальными Колотубин, проведя ладонями по выбритым щекам и думая о том, что здесь еще, видимо, не настало время вести антирелигиозную пропаганду.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

1

Огромный караван медленно двигался к Мангышлаку.

Шестьсот верблюдов, связанных по дюжинам, не спеша печатали широкими ступнями свои следы, неся на горбатых спинах огромные тюки. За ними следовало семь сотен вьючных лошадей, сытых, резвых, крепких. Десять военных двуко-

лок и тридцать высоких двухколесных азиатских арб, колеса которых были выше роста человека, двигались по степи.

Замыкала караван отара овец, она брела чуть в стороне, и животные на ходу щипали редкие травинки. До самого горизонта вытянулся необычный караван.

Колотубин опустил поводья, и смирный конь его сам выбирал дорогу, двигаясь в самой гуще живого потока. То там, то здесь раздавалось конское ржание; глухо, в такт шагам верблюдов, позвякивали похожие на стаканы медные колокольчики; надсадно поскрипывали колеса арб. Впереди дружно пели бойцы, лихо и с присвистом, и над сонным степным простором неслась песня:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов...

Где-то позади пиликала гармонь, выводя грустную песню про ямщика, который замерз в глухой степи, покрытой глубоким снегом. «А тут не замерзнешь вовек,— мельком подумал Степан,— тут скорее засохнешь, изжаришься на солнцепеке, не земля, а разогретая сковородка». Ему вдруг захотелось снега. Самого обыкновенного снега, который можно смять в ладонях в плотный комок и в кого-нибудь запустить или, взяв губами, ощутить приятный холодок. Степан чуть прикрыл глаза, и сразу перед ним из памяти встало видение: в белых пухлых накидках зеленые елки, чуть пригнули кроны молодые сосенки, и тоненькие белоствольные березки стоят по колено в снегу... Сразу за Рогожской заставой, за Гужоновским заводом и рабочей окраиной, где тесно жались друг к дружке приземистые, вросшие в землю домишки, за длинным унылым полем, начинался этот манящий и всегда по-своему красивый подмосковный лес, отрада мальчишек, место летних воскресных гулянок. В ссылке Колотубин видывал и покрасивее леса, настоящую тайгу, дремучую и величавую, но сердцем всегда тянулся к тому родному небольшому леску.

На соседней арбе переговаривались между собой примостившиеся рядом с пулеметом бойцы.

— Земли-то, земли-то сколько кругом пустующей... Мать честная!

— Неужели вся бесхозяйственная? А?!

Колотубин придержал коня. Разговор его заинтересовал. На этой арбе ехали пять бойцов второго взвода и их взводный Яков Манкевич, двадцатипятилетний, чернявый, с плутоватыми, слегка навыкате цыганскими глазами, которого все звали Яшка Шкраб.

— Сам видишь, без хозяина землица,— сказал курносый Родиков.— Она, кормилица, не каждому в руки дается, к ней подход нужен, знать, с какого боку подступить.

— Зазря сколько десятин пропадает...— вздохнул усатый боец.— Тут плугом спокон веков никто по земле не прохаживал, она и одичала. Целина!

— Они, азиаты, все к земле непривычные,— пояснил Родиков.— Темный народ. Гоняют туда-сюда табуны и тем кормятся. Вроде дикарей.

— Ты, Андрюха, помолчи. За такие пакостные слова по роже съездить можно тебе запросто,— включился в разговор молчавший Семен Фокин, свесивший с арбы длинные ноги.— Никакие они не дикари, просто отсталые люди, сердце у них доброе, скотину для нас не пожалели. Ты, скажи мне, отдал бы за так свою конягу или, как они, верблюдов? Что молчишь?.. Нечем крыть, так хоть уважение имей. Самый, скажу по совести, сознательный народ. Учить только их надо революционному уму-разуму.

Колотубин тронул коня и отъехал в сторону, он мысленно одобрил совет Фокина. Во втором взводе почти все бойцы были солдаты-фронтовики. Это у них родилась идея установить на высоких арбах пулеметы: «Обзор хороший и всегда в боевой готовности... А в степи мало ли что может случиться!» Идея понравилась, и на десяти арбах разместили станковые пулеметы «максим» с прислугою.

Второй день похода идет к концу, где-то впереди колонны Джангильдинов. Там уже выбрали место для привала, доставали из колодца воду и разводили костры кашевары. Так было вчера, так будет завтра и послезавтра и нескончаемое число дней, пока отряд не пересечет дикую степь и не выйдет к Челкару.

Колотубин прикрыл глаза, и легкая дремота начала окутывать его со всех сторон. Хотелось прилечь и по-настоящему выспаться. Усталое тело просило отдыха. Комиссар вместе с бойцами сгружал со шхун ящики и тюки, потом укладывал на подводы и помогал крепить вьюки на спины верблюдов и лошадей.

Вечером, накануне выхода в степь, выстроили бойцов отряда и провели митинг. Говорил Джангильдинов, выступил комиссар. Объяснили обстановку, почему пришлось изменить маршрут, и не скрывали от бойцов предстоящих трудностей.

Заканчивая речь, Колотубин сказал:

— Кто не желает рисковать своей шкурой, в тех революция

не нуждается, мы неволить не будем. Корабли сегодня уходят назад, в Астрахань.

Из строя вышло всего четыре человека. Один из них, видимо клюнувший на чью-то агитацию, удивленно поглядывал по сторонам, явно ожидая, что сейчас вышагнут из строя десятки людей. Но ничего похожего не произошло. Тогда он, вобрав голову в плечи, воровато попятился назад на свое место в строю. Но его не пустили. Вытянулись десятки крепких рук, незадачливого бойца дружно вытолкнули на середину.

У трусов тут же отобрали винтовки и, посадив на шлюпки, под дружное улюлюканье отправили на шхуну.

2

Солнце стояло еще довольно высоко, когда основное ядро каравана добралось до очередного колодца, где передовой отряд уже подготовил место для привала.

Колодец находился в плоской низине, окаймленной пологими холмами, похожими на древние осевшие курганы.

Степан придержал коня и с любопытством оглядывал местность. Перед ним лес, самый настоящий лес. Конечно, он предполагал, что чем дальше они станут углубляться в степь, тем безжизненнее будет земля. Слово «пустыня» говорит само за себя. Там нет ничего, кроме зыбкого сплошного песка. И вдруг — лес!.. Растут деревья. И много их. Правда, растут они как-то странно, небольшими группками, на значительном расстоянии друг от друга, да и сами какие-то корявые, с перекрученными стволами. Оттого и нет привычной зеленой густоты, сплошной листвы, не видать и травы, обыкновенной травы, которая всегда буйно растет на солнечных лужайках. Да и лужаек здесь нет. Просто голая земля между деревьями.

Колотубин присмотрелся, и на его обветренном лице появилось удивление: меж деревьев находилась не земля, а песок. «Неужели так выглядят страшные Каракумы?»

Между тем караван лентой медленно скатывался в широкую низину, где деревья росли чаще и выше поднимались над песком.

Колотубин видел, как там, у колодца, красноармейцы вытягивают длинной веревкой объемистое ведро, выливают из него воду в продолговатую долбленую колоду. Рядом стояла другая — уже наполненная до краев, и знойное синее небо

отражалось в живой, словно ртуть, сверкающей ее поверхности, издали похожей на осколок голубого стекла.

В вытоптанном пастушьем загоне громоздились темные кучи собранного хвороста, а его все подносили и подносили бойцы. На поляне, рядом с загоном, заалел язычок костра, и голубоватая струйка дыма столбом потянулась в небо. «Когда зимой так прямо в небо идет дым из трубы, говорят, что это к морозу,— мелькнуло в голове Колотубина,— а тут что такой дым значит? Видать, на жару».

Колотубин оглянулся. Рядом остановился боец Матвеев. Фуражка лихо сдвинута набок, светлый чуб навис над правой бровью, а на лице, обветренном и потемневшем от загара, светятся небольшие чистые голубые глаза.

— Степан Екимович, так это и есть та проклятая пустыня?

— Вроде бы так, Матвеев. Говорят, Каракумы называется. По-нашему Черные пески.

— Да какая же тут пустыня? Глянь-ка кругом! — он провел рукояткой плетки перед собой, словно учитель указкой.— Тут леса сплошные!

— Под ноги взгляни, там песок.

— Мне все едино, что песок, что пыль. Главное, товарищ комиссар, что кругом дерева растут. Конечно, они тутошной породы, не то что у нас, на Урале. Они не похожи ни на сосну, ни на ель, и далеко им до березы и дуба. А все же дерева! Там, где дерево растет, человек никогда не пропадет, всегда пропитание разыщет. Верно говорю?

— Да, леса тут особенные, ничего не скажешь.

— Я, товарищ комиссар, мыслю одну обкатал.

— Выкладывай.

— У нас впереди разведка идет, кругом боевое охранение, разъезды красноармейские. Ну, еще передовой отряд, что выбирает место для ночлега. Так давайте еще группку одну соберем... из бывших охотников.

— Для чего?

— Лес же кругом, товарищ комиссар, на многие версты тянется. В нем наверняка дичь всякая водится. Край тут непуганый! В красноармейский котел мяса добавится. Утром сегодня встал на зорьке, и что ты думаешь! На взгорке табунок длинноногих козочек, шустрые такие, мордочки острые. Хотел было пальнуть из винтовки, да приказ — нельзя. Заложил я пальцы в рот да как свистну! Они вздрогнули, повернули в мою сторону головы, а потом как дадут стрекача!.. Словно ветром их сдуло. А можно было бы и не упускать их, к чему и весь разговор.

— Надо подумать.

— Только для общей пользы, Степан Екимович! Всем незачем пальбой заниматься, приказ правильный. А для охотников, людей привычных к лесу, отдельное разрешение сделать надо.

— Ты, конечно, доброе дело предлагаешь,— Колотубин подыскивал подходящие слова, чтобы не охладить Матвеева.— Однако же, кроме лесной дичи, вокруг наверняка шляются охотники иного сорта. Отряд наш разыскивают. Обстановку сам понимаешь. Так что давай я с командиром посоветуюсь, он здешние края получше нас с тобой знает.— И добавил с легкой улыбкой: — Поехали, а то к котлу опоздаем и без каши останемся.

— Да, заговорились мы,— Матвеев стегнул плеткой лошадь.— А охотников я все ж соберу, комиссар, лады?

— Собирай.

3

Рука заживала быстро, но Бернард продолжал старательно бинтовать ее, чтобы все видели: московский чекист пострадал от предателя. Сумрачный Чокан принес и молча дал ему яркий из местного шелка платок, и Бернард соорудил удобную повязку, обмотанная бинтом рука покоилась в ней, как в люльке. Кашевар-татарин из первой сотни, из котла которого питались руководители отряда, накладывал всегда Брисли в чашку жирные куски мяса и весело подмигивал узенькими подслеповатыми глазками, приговаривая:

— Ешь, начальник! Сытый еда — самый наилучший лекарь.

Перед выходом в степь к Бернарду подошел комиссар, участливо спросил, кивая на забинтованную руку:

— Как там, Звонарев, дырку затянуло?

— Полегче стало, ночами уже не беспокоит,— ответил Бернард,— пройдет скоро.

— Ты не ерепенься, побереги руку. На фронте видали мы, как сначала пораненный наплевательски относился к маленькой дырке на руке или ноге: подумаешь, мол, пулей там задело, осколком чиркнуло. В маленьких и неглубоких ранах как раз всегда опасности кроются, незаметно там вызревают, как огонек в куче опилок. Сначала тлеет да тлеет потихоньку, потом как шибанет пламенем. В ране тоже огонь бывает, только он антоновым называется, может, слыхивал? Синим

цветом по коже идет... А там, глядишь, руку или ногу доктора у человека уже отнимают...

— Антонов огонь? — Бернард пожал плечами, мысленно напрягая память, стараясь понять, что кроется за таким незнакомым для него сочетанием слов, какая болезнь.

— Кровь, говорят, портится у человека. По-научному гангрена называется,— пояснил комиссар.

— Да, гангрена очень опасная штука! — утвердительно закивал Бернард.

— О чем тебе и говорю, побереги руку.

Бернард уверял, что у него ничего опасного нет, что рана затянулась и в скором времени заживет:

— У меня всегда быстро проходит!

— Ты не форси, Звонарев, дело серьезное, и дорога дальняя нам предстоит. Как ехать думаешь, на повозке или коня возьмешь?

Бернард изобразил на лице задумчивость, словно он только сейчас, после заботливых слов комиссара, подумал о себе. На самом же деле уже давно и твердо принял решение достать себе верблюда. Путь долгий. Да и на всякий случай, если уходить придется, на двугорбого можно положиться, не зря же их называют «кораблями пустыни». И вслух сказал:

— Верблюда мне. Если можно, конечно!..

Колотубин, ожидавший, что тот будет просить подводу, а раненый мог на нее рассчитывать, тем более что уже имел отдельную арбу, сразу же согласился:

— Верблюд так верблюд. Выбирай любого, хотя они все на один манер скроенные.

Верблюд оказался тихим и покладистым, беззлобным и добрым животным, которое безропотно выполняло его любое повеление. Высокое и довольно широкое седло, укрепленное на спине меж двух горбов, чем-то напоминало Бернарду два жестких с кожаным сиденьем стула, поставленных впритык одно к другому. Он вспомнил, как в детстве в далеком Плимуте не раз сдвигал стулья и, сев на них верхом, мысленно мчался по прериям и саваннам.

А здесь перед ним были пустынные степи Средней Азии. Однако езда в седле на верблюде оказалась намного труднее, чем он предполагал. Качало так, словно он выехал в море на маленькой шлюпке, когда сильный ветер гнал большие волны. К концу дня Брисли еле держался в седле. Он мысленно проклинал и Россию, и этот поход, и своих руководителей, отправивших его, как уверял военный атташе, «в легкую прогулку по Каспийскому морю».

Единственным утешением было то, что отряд держал путь на юг, вернее, на юго-восток. Бернард снова вынул миниатюрный компас, ногтем сдвинул замок. Крошечная стрелка попрыгала, как поплавок, и успокоилась. «Да, направление не изменилось,— мысленно отметил Бернард, сверяя движение растянувшейся широкой линии всадников и повозок со стрелкой компаса, и на его блеклых губах скользнула улыбка.— Это хорошо! Из Ашхабада наверняка уже вышли наши. Этот партийный азиат ведет отряд навстречу гибели!.. Через сколько же дней произойдет встреча? Через неделю? Через две?»

Раскачиваясь в седле в такт шагам верблюда, Бернард закрыл глаза и, представив перед собой карту, пытался хотя бы приблизительно определить расстояние между Ашхабадом и Мангышлаком. Отряд, конечно, идет не на Ашхабад, в том он был уверен. Но вот куда именно, Бернард пока не знал, только делал предположения. Спросить же у Малыхина считал невозможным и даже опасным. Он только-только начал устанавливать контакт, играя роль всезнающего, облеченного доверием чекиста из Москвы. Путь на юго-восток — это путь на Ашхабад, а возьми чуть восточнее — на Хиву. О том, что в Ашхабаде пала власть красных, и командир, и комиссар, конечно, знают. Выходит, что отряд держит направление на Хиву. Хотят пройти по пескам и через Хиву по караванным тропам добраться до ташкентского оазиса. А если не так? Если задумали просто углубиться подальше в степь, чтобы обойти передовые разъезды Дутова и Толстова?.. Так тоже может быть. Все может быть!

Бернард открыл глаза и не спеша оглядел колонну. «Пока нам по пути,— подумал он,— идем вместе. А чуть партийный азиат вздумает изменить направление, куда-то свернуть, будем тогда травить колодцы. Задержим вас, канальи, до подхода посланцев генерала Маллесона!»

Небольшой пакет с сильным ядом, который по его заданию барон фон Краузе раздобыл в аптеке форта, Бернард держал на самом дне своей вещевой сумки.

4

Матвеев проснулся рано. Солнце еще не взошло, и стояла светлая предрассветная пора, когда все живое — птицы, таракашки и зверьки — после ночи готовилось встречать начало дня. Где-то в стороне прокричала тихим голосом пичуга, за деревьями глуховато проржала лошадь, и снова воцарилась

тишина. Потом застучал топор: кашевары уже поднялись и разбивали сухие толстые ветки саксаула, которые еще с вечера собрали в лощине.

Матвеев сел, стряхнул с рукава и фуражки песчинки. «Песок вроде бы и сыпучий, а спать на нем жестко, как на незастланных полатях,— подумал он.— Хладеет быстро. С вечера теплый, даже горяч был, а к утру совсем остыл. Земля иное дело, трава росная к утру, а земля не хладеет, на ней спать приятнее».

Рядом лежали бойцы. Спали прямо на песке, положив под себя кто шинель, кто попону. Возле ствола саксаула, под которым спал Матвеев, притаилась маленькая ящерица с белой грудкой. Подняла остренькую мордочку и черными бусинками глаз уставилась на красноармейца, полная удивления и любопытства.

— Ну, чего глаза таращишь, тварь, не видела людей? — Матвеев протянул ладонь, чтобы потрогать, погладить ее.— Будем знакомы!

От человеческого голоса ящерица вдруг мелко задрожала, и грудка из белой стала становиться синей.

— Ишь пугливая какая! — Матвеев говорил ласково.— Не бойсь, не тронем.

Но та дрожала всем телом и вдруг стала уходить в песок, словно погружаться в воду. Не успел Матвеев понять в чем дело, как ее и след простыл, словно утонула.

— Вот диковина! — удивился красноармеец.

Он встал, подошел к тому месту, где еще недавно сидела ящерица. Ковырнул палкой. Под песком ее не было.

— Чудной край!

Матвеев осмотрелся. Сквозь саксауловые заросли просматривалось далеко. Возле костра хлопотал кашевар. Вот к нему подошел Чокан, взял в руки кусок саксаула и трахнул по стволу дерева. Толстая ветка, над которой мучился кашевар, пытаясь поперек разрубить топором, разлетелась на куски. Потом Чокан взял другую корягу и снова трахнул. Она тоже разлетелась, как трухлятина.

Матвеев протянул руку и ладонью погладил искривленный ствол саксаула, который был похож на бурую толстую змею, застывшую в причудливом танце. Постучал костяшками пальцев. Твердое, плотное дерево. «Топором не возьмешь, а стукнешь о ствол, разлетается,— подумал он.— Плотное да хрупкое. Чудно! У нас дуб так это дуб — царь-дерево, настоящий кремень, с какой стороны ни подступи. Как ни бросай, не разлетится».

Матвеев направился к колодцу, где лежала рядом громадная выдолбленная колода, наполненная водой. Около нее, раздевшись до пояса, стоял взводный Круглов. Он черпал ладонью воду и умывался, плеская себе на грудь и спину. Матвеев стащил через голову гимнастерку и шагнул к колоде.

— С добрым утречком!

— Здравствуй! — Круглов плеснул себе на спину воду.— Фу, прямо ледяная... За ночь нахладилась! Приятно! Ух, здорово!

— Смыть пылюку никогда не мешает.

— Ты что так рано встал?

— Прогуляться немного хочу, ноги поразмять. Сидишь в седле весь день, ходить хочется,— Матвеев повесил гимнастерку на сук саксаула.— Места тут диковинные!

Но умыться Матвееву не пришлось. К долбленой колоде подбежал Токтогул, широколицый туркмен, с узкими навыкате глазами и маленьким приплюснутым носом, похожий на китайца, тощий и высокий. Тихий и незаметный, он всегда услужливо улыбался, готовый поделиться и куском лепешки, и кружкой чаю, а сегодня словно его подменили. Токтогул зло сверкнул глазами и сжал маленькие, но крепкие, как саксаул, коричневые кулаки.

— Так не нада!.. Вода... Понимай твоя, тут вода!

— Ты не дури,— вступился Круглов.— Умываться солдату положено, а красноармейцу тем паче. Он чистым должен быть!

— Каракум вода мало, понимай надо! — не унимался Токтогул.— Вода пить надо, вода чай надо. Конь давай, верблюд давай, баран давай...

— Вот человек, воды жалко! — сказал Матвеев, покачав головой.

— Совсем не жалко! Пей много. А так бросай не надо... Вода, понимай твоя, олтун будет... По-русски, выходит, золото. Золото, понимай?

— Хороший ты человек, Токтогул, но скажу тебе одно: что вода это вода, жидкость пустая, а до золота ей далеко.

— Ничего твоя не понимай! — в голосе Токтогула звучало осуждение.— Олтун много — золота много, а вода нет — помирай будет.. Каракум без вода помирай! Человек помирай, верблюд помирай!

— Ладно, не разводи речи, слушать скучно.

Матвеев наклонился над долбленкой, зачерпнул ладонями, отпил чуть, а потом протер лицо, шею.

— Каракумы или Маракулы, как их ни называй, нам все едино. Суворовские солдаты через Альпы прошли, а мы степи одолеем запросто! Но коль по вашему закону воды жалко на умывание, то, шут с тобой, не буду ее трогать. Перетерпится!

Матвеев натянул на себя гимнастерку, застегнул все пуговицы... Солнце вставало над дальними краями лощины, его веселые теплые лучи побежали по земле. В редкой листве деревьев подали голоса птицы, послышалось и знакомое чириканье, вроде воробьиного. «Неужто воробей и сюды забрался? — удивился Матвеев.— Вот пустая птаха, всюду расселилась!»

Но сколько он ни искал глазами среди веток саксаульника, нигде не обнаружил знакомого воробья. А чириканье слышалось. Голос шел снизу. Матвеев стал смотреть на песок и вдруг увидел несколько юрких ящериц. Они шныряли стайкой и, как воробьи, чирикали. Матвеев не поверил ни своим глазам, ни ушам. Не может быть такого, чтобы тварь ползучая по-птичьему разговаривала! Но прислушался и убедился: чирикают ящерицы. Он вспугнул их, и те, извиваясь, стремглав кинулись в разные стороны, и чириканье прекратилось.

— Черт-те что! — Матвеев покачал головой.

Он пошел дальше по саксаульнику. Из невысоких колючих кустиков с шумом, хлопая крыльями, вылетел филин. Птица испуганно вертела головой, похожей на кошачью, и ее большие страшные желтые глаза, казалось, тоже вращались.

— Тьфу, сатана! — выругался Матвеев.— Дрыхал, нечисть, после ночного разбоя и всполошился.

Матвеев шугнул птицу. Он не любил ни филинов, ни сов. Что-то неприятное было в их облике.

Он шел по саксаульнику и думал о том, что если командир разрешит, то охота в этих краях будет неплохая. Матвеев вспомнил, как видел длинноногих косуль с белыми манишками на груди, которых Токтогул назвал «сайгаками». Они мчались, как ветер, прижав рога к спине и вытянувшись в стрелу.

Матвеев остановился.

— Ба, тут был настоящий разбой!

Под молодым саксаулом валялись перья. Серые и с черно-белыми полосками. И крупные косточки. Перья скорее всего принадлежали сойке. А кто же ее слопал?

Матвеев стал внимательно рассматривать все вокруг. Вот чуть заметные следы, словно кто-то подметал песок легким

веничком. Матвеев улыбнулся: конечно же, таким веничком может быть лишь хвост лисицы.

Охотник всегда охотник, куда бы его не забросила судьба. У Матвеева стало легко на сердце, и в голову не приходило никаких тревожных мыслей. Пустыня не такая уж страшная, как про нее говорят. Смотри, сколько птиц и ящериц, да разного зверья, видать, много, вот и лисьи следы. И сайгаки. Одним словом, жить можно!

А солнце уже совсем поднялось раскаленным шаром и повисло в прозрачно-голубом, светлом небе. Матвеев уже приметил, что тут по утрам небо приятно чистое. И с этой небольшой высоты солнце слало на землю с каждой минутой все больше и больше лучей, согревая остывшие пески и деревья и окрашивая все в особенный цвет. Каждая ветка и каждый листик саксаула как бы тянулись к солнцу. Редкие пучки полыни, шарообразной верблюжьей колючки, как бы увеличивались в его свете, расправляли плечи и казались выше и зеленее. «Природа тут живет утром»,— отметил Матвеев.

А за спиною уже стоял шум, привычный шум походного лагеря. Раздавались голоса людей, ржали кони, в воздухе пахло дымом костра и наваристой мясной похлебкой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

1

Пологие холмы, покрытые чахлой, выжженной солнцем верблюжьей колючкой, становились все выше и круче, а далекие горы, которые виднелись бледной фиолетовой зубчатой лентой, похожей чем-то на силуэт леса, незаметно приблизились. Буро-оранжевый песок, словно измельченный в ступке, сменился плотной глиной, белесо-серой, как выгоревшая полинялая гимнастерка, да светлыми камнями. Они громоздились, вздымались к безоблачному небу, образуя скалы и крутые уступы. Объезжать их становилось все труднее, и отряд растянулся еще больше.

Потом пошли обрывистые склоны и ущелья. Приходилось спешиваться, лошадей вести под уздцы, спускаться в низину и снова карабкаться вверх по отвесным каменистым склонам на еще большую высоту, обходя провалы и трещины. Особенно трудно было тем бойцам, которые ехали на повозках. Если азиатские арбы с высокими колесами еще кое-как преодолевали крутые спуски и подъемы, то армейские повозки прихо-

дилось чуть ли не на руках тянуть. Люди выбивались из сил. А тут еще зной с каждым переходом становился все яростнее. Чем дальше уходили от моря, тем суше был воздух. Редкие колодцы, встречавшиеся на пути, едва могли утолить жажду такой массы людей и животных. По распоряжению Джангильдинова воду стали выдавать каждому по норме.

Бойцы притихли, не слышно стало песен. Лица, особенно европейцев, осунулись, потемнели от загара, обветрились. Глаза сурово смотрели на каменные громадины. Многие из бойцов впервые видели горы.

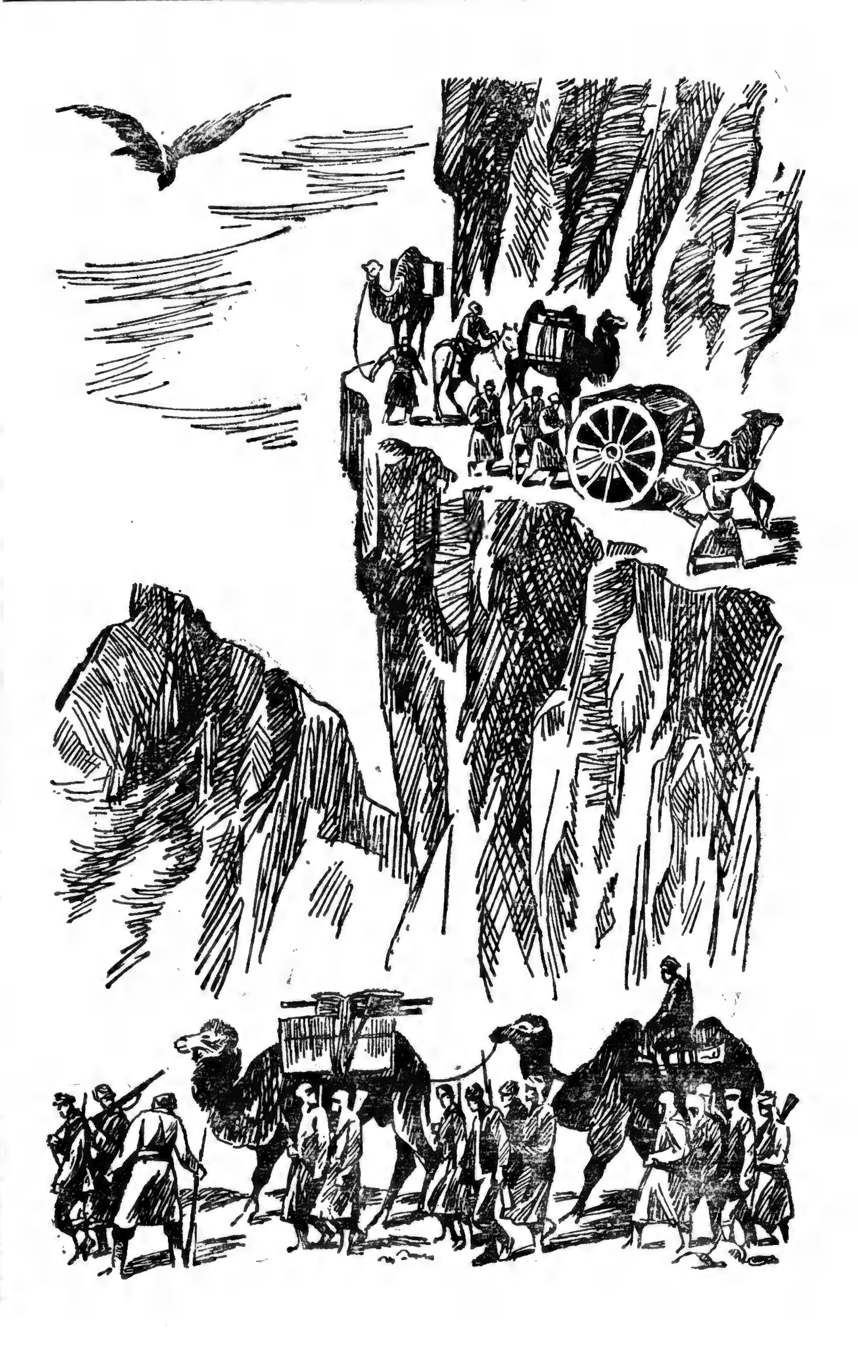
Колотубин тоже впервые попал в горы. Он много слышал раньше о красотах Кавказа, о глубоких и прохладных ущельях и величавых хребтах и молча отмечал про себя, что здесь особой красоты что-то он не замечает. Одно сплошное нагромождение камней и скал.

Иногда между хребтами белесых скал на равнине встречались впадины, похожие на огромные корыта, из которых выплеснули воду. И снова белые зубцы вершин, на их уступах застыли, словно каменные изваяния, орлы. Чуть склонив голову, они с безразличным видом рассматривали людей, верблюдов, лошадей и даже не улетали, когда их пытались спугнуть, а если в них запускали камни, то нехотя взмахивали крыльями и перелетали на другой, более высокий уступ.

Скалы, голые и сухие, да все убивающая жара властвовали с утра и до захода солнца. День, к удивлению многих северян, был почти по-зимнему коротким: едва солнце опускалось за горы, как надвигались густые сумерки. Начиналась большая южная ночь, душная и сухая. Разогретые за день камни остывали и источали жар.

Солнце, казалось, выжгло все живое. Искривленные коричневые стебли редких кустиков, одиноко торчащих на склонах, чудом зацепившихся корнями в расщелинах камня, казались прошлогодним хворостом, пригодным лишь для растопки костра. Однако медлительные и спокойные верблюды тянулись к ним шершавыми губами и поедали, как лакомство. А лошади просительно смотрели на людей большими влажными глазами, тихо ржали и шли дальше трудной и опасной, давно нехоженой тропой.

Втаскивая повозку на очередной крутой склон, бойцы меж собой тихо переругивались и, проклиная последними словами эти богом забытые места, с доброй улыбкой вспоминали степные просторы, на которые они еще недавно смотрели с неприязнью. Сейчас каждый думал лишь о том, что в дикой степи все же вольготнее двигаться. И задавали один и тот же

вопрос: кончатся ли когда-нибудь эти камни и выйдут ли они на простор?

Старый охотник Жудырык вел отряд все дальше и дальше, выбирая в скалах наиболее удобный путь для отряда, по еле приметным тропам. Аксакал отказался от молодого чалого скакуна, которого ему предложил Джангильдинов, и семенил впереди на своем невысоком мохнатом коне, невзрачном на вид, умном и выносливом, понимавшем каждое слово и желание хозяина.

Жудырык намеревался было ехать в передовом разъезде, но командиру пришлось проявить свои способности дипломата, чтобы доказать охотнику, как дорога для них жизнь аксакала, что от него зависит судьба всего похода. Но старик настаивал, и Джангильдинов согласился лишь на то, чтобы Жудырык находился во главе второй подвижной группы, которая определяла направление пути, выбирала дорогу и места стоянок. А бойцам этой группы командир дал задание:

— Оберегать его. Головой отвечаете за охотника.

2

Верблюды с тяжелыми патронными ящиками на спине вышагивали не спеша и осторожно по узкой, чуть приметной тропе, что петляла по самому краю обрыва. Слева прямо вверх, почти отвесно поднималась стеною белесая скала, кое-где поросшая жесткой щетиной выгоревшей травы и колючек, а справа зияла пропасть, глубокая и длинная. Голова колонны ушла далеко вперед; насколько видели глаза, по извилистой тропе шагали верблюды, шли вьюченные грузом кони, тянулись повозки и арбы. Горы то подходили к самому краю глубокой пропасти, оставляя узкую полоску своеобразного балкона, то стелились пологим веером, то делали зигзаги в сторону.

Барону фон Краузе было сейчас не до гор и жары. Он злился сам на себя: дважды упустил возможность выполнить приказ Брисли — пырнуть одного верблюда кинжалом, чье острие смазано быстродействующим ядом, или хлестнуть его по глазам плеткой, на семи кожаных концах которой укреплены свинцовые шарики.

Верблюд шел в связке с двенадцатью животными. В такт шагам глухо позвякивали их медные колокольчики и раскачивались патронные ящики, укрепленные на двугорбой спине. Ящики как ящики, без особых примет, но Бернард указал ему именно на эту группу верблюдов.

— Там золото,— шептал он по-английски, когда они на привале ушли в горы и, собирая хворост, удалились от стоянки.

— Надо проверить...

— А если все узнают, что везут золото?

— Нам лучше!

— Не понимаю, почему нам станет лучше, если откроется тайна?

— Золото есть золото, воображение иметь надо! Все сразу кинутся, начнется свалка... Кто не пожелает разбогатеть!

— А мы?

— Будем спокойно наблюдать,— холодно и властно ответил Брисли.

— У меня лично нет особого желания наблюдать, как золото будет уплывать в другие карманы,— признался барон.

— На Востоке говорят: не суй все пять пальцев себе в рот, подавиться можно,— Бернард ловко срезал для костра узким ножом сухой куст боялыча.— Не жалей поклажи одного верблюда. Золото сильнее динамита, оно взрывает дружбу, разъединяет людей, делает их врагами. Старая и вечно новая истина!

— Может быть, — неохотно согласился фон Краузе, все же не желавший отдавать ни грамма драгоценного металла в чужие руки.

— Смотреть шире надо! На пиратских кораблях, как рассказывал мой дед, а он — светлая память ему — был адмиралом, капитаны с помощью мешка с золотыми монетами иногда расправлялись с целой командой. При дележке и суматохе всегда находятся недовольные и обиженные, которые силой кулака и оружия хотят восстановить свой приоритет. А когда начинается грызня, легко натравливать одних на других, как говорят французы, таскать жареные каштаны из камина чужими руками.

И Брисли поделился с бароном своим планом: надо взорвать отряд изнутри. Блеск золота ослепит даже самых ярых большевиков, заставит проснуться алчность и стяжательство.

— Киргизский командир и прямолинейный комиссар, конечно, попытаются применить силу власти, пустят в расход одного-другого. Но всех уже не утихомиришь. Они перегрызут друг другу горло.

Барон слушал и кивал. Пора! Вобьем клин между командиром и бойцами отряда, а потом начнем их убирать по одному... Отряд без головки станет послушной толпой!..

3

Барон фон Краузе придержал коня, пропуская верблюдов. «Сегодня опять не вышло,— подумал он.— День скоро кончится... А может, и дорога возле пропасти?» От такой мысли он насупился. Конечно, горы будут на пути, но такую удобную тропу навряд ли еще встретишь.

Мимо не спеша вышагивал верблюд, на шее местами вылезала шерсть, он слегка наклонил голову и как бы вопросительно посмотрел на всадника большими круглыми глазами. Из приоткрытого рта виднелись крупные желтые зубы, а с нижней матово-темной, шершавой губы стекала липкая слюна.

Фон Краузе стиснул в ладони рукоятку плетки. Ему было противно это громадное несуразное животное с выпученными глазами. Но хлестнуть по глазам не решался, какая-то непонятная сила удерживала его. Нет, то была не жалость, а что-то иное. Скорее всего боязнь за собственную шкуру. Впереди и сзади ехали бойцы. И среди них тот сумрачный тип, великан-азиат со шрамом на лице. Попадаться в его руки барон не желал.

Вдруг далеко впереди, за отрогами хребта, раздались выстрелы. Гулкое эхо многократно повторило их, перекатывая звуки, словно шары, по ущелью. Сонное оцепенение, царившее вокруг, исчезло. Стрельба разгоралась. Вслед за одиночными винтовочными послышались короткие пулеметные очереди. Мимо барона, обгоняя колонну, промчались бойцы, срывая на ходу винтовки и щелкая затворами.

— Засада! Попали в засаду!

Радостное и в то же время тревожное чувство охватило фон Краузе. Радостное оттого, что, значит, где-то рядом свои. Они напали на отряд, может быть, то и не англичане, а посланцы генерала Толстова. И тревожное, ибо впопыхах и и ему могли влепить пулю: сверху, с горы, не видно, кто там на коне — свой или чужой, да и чем он, Альберт фон Краузе, отличается внешне от красноармейцев? Барон хлестнул коня, помчался вперед. Нет, он стремился не к месту боя, а хотел уйти с открытого пространства, которое хорошо просматривалось с вершины и могло простреливаться. Он увидел впереди нависшую скалу и под ней намеревался переждать. Безопаснее не найти места.

Почти у самой скалы, что выдавалась из отрога, барон нагнал того верблюда с облезлой шеей. Тропа здесь лежала

на узком уступе и петляла над отвесным обрывом, ехавшие сзади не видели передних. Фон Краузе нервно взмахнул плеткой...

Животное, получив неожиданный удар, дернулось в сторону и, потеряв равновесие, соскользнуло задними ногами с тропы. Тяжелые тюки сразу же потянули вниз. У верблюда неестественно выпрямилась шея, как струна, натянулась веревка, связывающая его с другим верблюдом. Веревка лопнула, и обезумевшее животное с патронными ящиками на спине полетело в пропасть. Страшный, отчаянный вопль верблюда разнесся по ущелью, и бездушное эхо многократно повторило его...

Все произошло в считанные секунды. Барон дрожащей рукой сорвал из-за спины винтовку и, вскинув ее, сделал несколько выстрелов во «врагов», по вершине противоположного хребта, чтобы отвести от себя подозрение.

К нависшей скале скакали бойцы...

4

Едва раздались выстрелы, Колотубин сразу помчался к головному отряду. Он понимал всю невыгодность здешней позиции и потому спешил взять на себя руководство боем. У него не имелось опыта ведения войны в горах, но он все же был фронтовик и красный дружинник, участник баррикадных сражений.

Как он и предполагал, бойцы спешились и распластались на тропе, стреляя по гребню вершины, где укрылись напавшие. Он это увидал еще издали. «Хуже и не придумаешь,— мелькнуло в голове.— Лежат, как на ладони. Перебьют, словно цыплят!»

Выхватив кольт, Колотубин соскочил с коня и кинулся к крутой, почти отвесно идущей вверх каменистой стене, изредка поросшей чахлой колючкой и кустарником.

— За мной! Вперед!

Он не знал, сколько там укрылось вражеских стрелков, кто они такие, какая опасность грозит его отряду. Колотубин просто понимал, что единственно правильное сейчас решение — это подняться с тропы по стене вверх. Встречные крупные камни и выступы станут приличным укрытием, а редкие кустики — маскировкой. Засевшим на вершине нелегко будет тогда вести прицельный огонь.

— Вперед! — понеслось по ущелью и повторилось эхом.

Бойцы с винтовками наперевес устремились за комиссаром.

— Бей гадов!

Красноармейцы карабкались по камням, цеплялись за редкие кусты, буквально ползли вверх и при каждой возможности стреляли по засевшим врагам.

Колотубин достиг почти середины горы, когда внизу за его спиною заработал пулемет. Степан прижался к горячей каменной плите, потрескавшейся в нескольких местах, и оглянулся. Чудом развернув на узкой тропе арбу, три бойца из второго взвода шпарили из станкового пулемета. «Молодцы ребята! — хотелось крикнуть им.— Вовремя подоспели!»

От камня несло жаром, словно лег на разогретую русскую печку. Степан наметил два удобных выступа и, держась за них, стал взбираться вверх, перебежал пологую площадку и прилег за кустиком. Вершина хребта находилась теперь почти рядом и хорошо просматривалась. Укрываясь за камнями, там сидели люди в больших черных папахах, смуглолицые, одетые в выгоревшие ватные халаты. Степан насчитал не больше двух десятков шапок. Ему хотелось вскинуть кольт и открыть стрельбу по ним, но обнаруживать себя до прихода бойцов не имело смысла. Вдруг он увидел, как двое в папахах ухватились за крупный камень и пытались его столкнуть вниз, туда, откуда длинными очередями строчил пулемет.

Он навел кольт и, почти не целясь, выстрелил. Увидел, как человек в черной папахе вдруг откинулся назад, словно его ударили палкой по лбу. Тяжелый камень качнулся и грузно осел.

«Есть один!» — мелькнуло в голове Степана, и он выстрелил в другого врага. Но тот успел отпрянуть, спрятаться за камень, и пуля только выбила каменные брызги из скалы.

Вдруг за спиной, в ущелье, раздался дикий, звериный вопль и захлопали выстрелы. У Колотубина похолодела спина: там шли верблюды с грузом золота и денег. Неужели попали в ловушку? Он оглянулся. Внизу, по краю пропасти, во весь карьер скакал Джангильдинов. Нападавшие открыли по нему бешеную пальбу.

— Огонь по гадам! — крикнул Колотубин.— Прикрывай командира!

Захлопали винтовочные выстрелы, гулко затакал пулемет.

На вершине горы люди в черных папахах дрогнули, засуетились, забегали. «С чего бы это?» — подумал Степан, но через несколько минут все прояснилось. С другой стороны

хребта доносились выстрелы, послышалось знакомое русское «ура-а!»

Колотубину сразу стало легко. Значит, командир послал в обход бойцов и те, зайдя в тыл, пошли в атаку.

— За мной!

Степан вскочил и, размахивая кольтом, устремился вперед.

Красноармейцы, где перебежкой, где ползком, обдирая колени об горячие камни, спешили к вершине...

Бой кончился быстро.

Пленных — двадцать восемь сумрачных и боязливых басмачей — разоружили и погнали вниз по чуть приметной тропе, вытоптанной дикими козами, что петляла по склону. На горе остались лишь убитые.

Колотубин прошелся по небольшой площадке, где еще недавно располагались нападавшие. «Место выбрали такое, что лучше и не придумаешь,— отметил комиссар.— Могли запросто перестрелять черт знает сколько наших!»

Двое бойцов на склоне горы помогали раненому товарищу. У того была прострелена нога, пуля прошила мякоть бедра.

— Дырку никак не затычу, кровь хлыщет,— жаловался он.

Пожилой красноармеец сел на камень, снял со спины свой неказистый мешок и, развязав его, достал чистую портянку:

— Вот на, друг, окрути рану...

Колотубин поспешил вниз, обеспокоенный за людей и бесценный груз.

5

Когда Джангильдинову сообщили, что в пропасть сорвался верблюд с патронными ящиками, он почему-то подумал: «А вдруг с ящиками, где золото?»

О том, что отряд, кроме оружия и боеприпасов, везет в патронных ящиках золото и в брезентовых мешках деньги, знали только командир, комиссар и начальник особого отдела. Джангильдинов сразу же представил себе, какая свалка может произойти возле злополучных ящиков. Золото сильнее водки дурманит мозги. В отряде было много новых людей, взятых в Астрахани, не обстрелянных и не привыкших к строгим революционным порядкам.

Он вскочил на коня и, нахлестывая его плеткой, помчался по открытой террасе, рискуя свалиться в пропасть или получить пулю. Враги яростно стали палить по нему.

Алимбей удачно проскакал опасный участок, но за поворотом, у выступа, столпилось много повозок и верблюдов. Проехать на лошади было невозможно. Командир спрыгнул на землю, бросил повод подбежавшему красноармейцу, а сам пешком направился дальше.

У обрыва, где сорвался верблюд, сгрудились несколько десятков красноармейцев. На лицах оживление и недоумение. На бойцов кричал возбужденный Кирвязов:

— Чего столпились? Золота, что ли, не видали?! Подумаешь, золото! Без него жили и проживем!

Однако его слова только взволновали людей.

— Товарищ командир, а в ящике, оказывается, вместо патронов золотые червонцы напиханы! — сказал веснушчатый боец, увидев Джангильдинова.

— Олтун!.. Золото там! — наперебой сообщали красноармейцы.

— Знаю,— спокойно ответил Алимбей.

Перед командиром расступились. Он подошел к тому месту, откуда вниз ниткой змеилась тропа.

— Назад, дальше нельзя ходить!

Невысокого роста, широкогрудый красноармеец с облупившейся кожей на обожженном солнцем вздернутом носу, стоял, полный решимости, широко расставив ноги, и держал наперевес винтовку, направляя штык в грудь каждого, кто осмелится спуститься вниз по тропе хоть на один шаг. Узнав командира, он отвел винтовку в сторону и охрипшим, сиплым голосом произнес:

— Сильно извиняюсь, что не признал... Проходи, товарищ!

Джангильдинов прошел дальше и остановился, недоуменно подняв брови. У отвесной стены, на ровном, как стол, месте, лежало два патронных ящика. Один был разбит и пуст, около него громоздилась горка золотых десятирублевок. Рядом лежал другой ящик с явными следами взлома. Около него, встав на колени, находился Темиргали. Он выкладывал из ящика золотые монеты и аккуратно складывал их у каменной стены. А у самого края пропасти стоял Чокан и держал своими ручищами длинную шерстяную веревку, конец которой свисал в обрыв.

— Тяни! — донеслось снизу.— Давай!

Чокан не спеша стал выбирать веревку. Из пропасти показалось обыкновенное, слегка помятое жестяное ведро, из которого обычно на стоянке Чокан поил лошадей. Подхватив ведро, словно оно наполнено влагой, Чокан осторожно пронес его к груде золотых монет, что громоздилась возле раз-

битого ящика, и наклонил. Из ведра посыпались с легким звоном монеты, сверкая на солнце оранжевыми бликами.

— А ты здесь что делаешь? — спросил Джангильдинов Темиргали.

Тот от неожиданности вздрогнул, резко повернулся и, узнав командира, улыбнулся, от чего кончики его тонких усов слегка зашевелились.

— Считаю, агай.

— Зачем считаешь?

— Чтобы правильно было, агай, чтобы ни одна монета не пропала,— Темиргали кивнул в сторону обрыва.— Мы будем знать, сколько штук не хватает.

— Пусть будет так,— согласился Джангильдинов и спросил Чокана: — Сколько человек внизу собирают?

— Две дюжины, агай. Матросы одни и Малыхин.

— Мало, до захода солнца не управимся. Надо еще послать,— Джангильдинов обратился к бойцам, что толпились на краю обрыва: — У кого есть надежная веревка?

— Есть, товарищ командир! — раздалось несколько голосов.

— Выходи сюда.

Четверо красноармейцев вышли вперед, держа в руках плотные веревки, а пятый шагнул с сыромятными вожжами.

— А кто желает спуститься на поиски? — спросил командир.

Красноармейцы молча переминались. Потом один, сдвинув на затылок фуражку, произнес:

— Больно боязно!

— Потому и не приказываю, а зову тех, кто добровольно. Спускаться, конечно, опасно.

— Да мы не спускаться боимся, товарищ командир! Оно дело плевое...

— А чего же?

— Пули-дуры! Малыхин и люди из его отдела пригрозились, что если кто сунется самовольно, то постреляют без всякого упреждения, как цыплят.

Джангильдинов подошел к самому краю обрыва и глянул вниз. Дно ущелья, как сухое русло реки, было устлано мелкими и крупными валунами, галькой, торчали высохшие порыжевшие кусты боялыча и бледно-пепельные метелки серой полыни. Пять моряков стояли там с поднятыми винтовками, готовые пальнуть в любого. Джангильдинов окликнул начальника особого отдела. Малыхин, задрав голову, слушал командира, потом велел морякам опустить винтовки.

Два десятка красноармейцев спустились вниз. Через час все монеты до единой были собраны, а потом вытащили и верблюжью тушу: не пропадать же мясу.

Впрочем, мясо верблюда теперь мало кого интересовало. Весть о том, что в патронных ящиках лежало золото, с быстротой молнии облетела отряд. Тайное стало явным. На разных языках только и слышалось:

— Золото!..

— Олтун!..

— Везем золото...

Отдельные бойцы с каким-то нездоровым интересом пристально и оценивающе ощупывали взглядами каждый вьюк, каждый ящик, бесцеремонно трогали руками, тыкали плетками. А вдруг — всюду золото?

Начальник особого отдела Малыхин не знал, что предпринять. Ящики с деньгами надлежало круглосуточно охранять, а в отделе людей раз-два — и обчелся...

Бернард тоже опасался, как бы золото не растащили, не разграбили. С одной стороны, он радовался, что его предположения подтвердились и теперь ему точно известно, на каких именно верблюдах везут ценный груз. И в то же время, с другой стороны, Бернард понимал, какую большую ошибку они с бароном допустили, открыв тайну всему отряду.

— Золото надо сохранить в целости,— приказал он барону.— Будем помогать охранять.

Комиссар отряда остро почувствовал, что в жизни коллектива наступила решительная минута. Упустишь момент — может произойти что-то непоправимое. Внутренним чутьем уловил главное: сейчас, именно сейчас от его действий зависит очень многое. Золото имеет страшную силу. Оно может разорвать коллектив на части, сделать людей врагами. «Золото должно объединить отряд»,— решил он и, не теряя времени, приказал:

— Коммунистам собраться у скалы!

Состоялось летучее собрание. Джангильдинов рассказал о секретном грузе.

— Золото принадлежит революции. Без него невозможна победа над врагами. Так говорил Ленин, посылая нас!

— Правильно! — крикнул Кирвязов.— Смерть врагам капитала!

Через час в каждом взводе шли беседы.

6

Из ущелья выбрались к заходу солнца. Горы как-то сразу отступили, и перед отрядом открылась широкая и просторная долина. На востоке, облитая лучами вечернего солнца, возвышалась на синем небе громадным светло-розовым шатром дальняя вершина.

Вырвавшись из плена гор, люди почувствовали себя вольнее. Жители равнин и степей трудно привыкают к горам. Даже животные и те тоже стали бодрее, звонче звучало конское ржание, и верблюды веселей шагали по ровному грунту. Колонна, которая непомерно растянулась, теперь постепенно уплотнялась, отстающие подтягивались.

Разослали во все стороны группы боевого охранения. Беспечность, которая до этого в какой-то мере царила в отряде: мол, какие тут, в диких и безлюдных краях, враги? — быстро испарилась. Что и говорить, нежданное нападение врагов стоило отряду восьмерых человек. Пятнадцать получили ранения, погибли четыре лошади и один верблюд. Убитых похоронили на заре возле пастушьего стана. Каменистую почву пришлось долго долбить кирками, пока вырыли подходящую братскую могилу. Погибших положили на дно, устланное брезентом.

— Приведите пленных,— велел Джангильдинов.

Двадцать восемь хмурых и бледных людей, опустив головы, тихо прошли мимо тех, кого они убили, шли так, словно груз вины лег тяжелыми мешками на плечи и давил к земле. Только двое, под халатами у которых проглядывали офицерские френчи, да грузный, с окладистой бородкой и лисьими хитрыми глазами казах в дорогой одежде прятали злобные ухмылки под усами, старались погасить блеск глаз.

Их троих отделили от остальных и, отведя к пологому холму, расстреляли...

После этого похоронили погибших красноармейцев. Трижды громыхал залп над братской могилой, и далекое эхо глухо повторило гром, вырвавшийся из винтовок. Дремавшие на скалах орлы встрепенулись и взмыли в безоблачное синее небо.

Возник вопрос, как поступить с пленными.

— Нужно допросить, прощупать нутро, определить социальную сущность каждой личности,— предложил начальник особого отдела Малыхин.

А его помощник Звонарев требовал крайних мер:

— В расход их всех! Чтоб другим неповадно было!

Настаивая на расстреле, Брисли преследовал тайную цель. Он знал: известие о казни джигитов большевиками моментально облетит всю степь, и тогда Джангильдинов не найдет поддержки у своих земляков. Отряд не достигнет своей цели и будет, наконец, перехвачен.

Но Джангильдинов и Колотубин решили иначе. Они видели, что перед ними не закоренелые басмачи, байские блюдолизы, а обманутые дехкане в рваных халатах. Они подошли к пленным и коротко рассказали о себе, об отряде, о новой власти, которую называют Советами, о батыре Ленине. Затем Джангильдинов приказал отпустить пленных.

— Земляки! Ложь застлала ваши глаза. Вы стреляли не в своих врагов, а в друзей, в свое счастье, в свое будущее. Идите в свои аулы и расскажите правду, расскажите, что видели и слышали.

Сбившись в кучу, пленные не решались ступить ни шагу. Не могли поверить в то, что их просто так отпускают на волю. Каждый из них помнил слова своего бая, что теперь валялся возле холма: «Идут безбожники, осквернители веры. Их называют красными потому, что они везде после себя оставляют кровь людей и языки пламени, что они свирепее и страшнее царских карательных полков»... И два офицера, байские сынки, что учились и долго жили в России, появились в ауле, тоже яростно ругали кровожадных большевиков. В жизни много запутанного, и не все, оказывается, проясняется с восходом солнца.

Получившие свободу дехкане долго стояли на бугре и смотрели на удаляющийся отряд, пока за пологими холмами не скрылся последний верблюд с поклажей. Только легкое облачко поднятой пыли показывало, что там движется большой караван или гонят огромную отару...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

1

Старый орел, распластав огромные крылья, медленно кружил над сонной степью и оттуда, с недосягаемой высоты, зорко и пристально оглядывал впадину, просматривал каждый кустик на однообразной серо-желтой глинистой равнине, отыскивая себе пищу — зазевавшегося суслика, неосторожно вылезшего из норы, жирного тушканчика или, если повезет,

быстроногого джейрана. Но сегодня удачи не было с самого раннего утра.

Непонятный шум разбудил его, орел взмыл в небо и с высоты увидел, обнаружил в степи своих извечных врагов, что ходят на двух ногах и носят палки, извергающие огонь и смерть. Их было много, этих двуногих, они двигались по степи широким потоком на лошадях и верблюдах, двигались со стороны тихих и уютных гор, где много дичи и есть тень, в далекую и сухую степь, где даже орлы с трудом находят себе пропитание в этом краю высохших соленых озер и бескрайних песков...

Орел сделал еще один круг и медленно поплыл в сизую даль.

А люди не обратили внимания на орла. Они редко поднимали головы вверх, ибо там висело и слепило глаза раскаленное солнце. Люди погоняли лошадей и торопили верблюдов. Дробно постукивали копыта, визгливо скрипели колеса повозок да голубой жидкий дымок самокруток взлетал над головами и таял в зное.

Одни бойцы тихо переговаривались меж собой, вспоминая родные места. Другие молча тряслись на повозках, курили, деля щепотку махорки на несколько самокруток и подмешивая в нее сухие травы, которые успевали нарвать на привале. Третьи дремали. Дремали в арбах, в седлах, доверив коню или верблюду выбирать дорогу.

С новостью, что отряд везет золото, было свыклись, и разговоры о деньгах, о ценностях уже надоели. Другие заботы кружили им головы. Каждый из них — во сне и наяву — стремился лишь к одному: поплескаться, вымыться в воде. Мечтали о парной баньке, где на полке приятно отлежаться и веником похлестать занемевшее тело, впрочем, другие были бы рады обыкновенной луже, наполненной дождевой водой... Хотя бы умыться, лицо смочить! Задубевшие от высохшего пота рубахи стали твердыми, как жесть, немытое, пропыленное тело томительно просило привычного омовения... А воды в отряде стало в обрез. Теперь ее снова выдавали по норме, чтобы можно было утолить жажду. Об этой самой простой и необходимой каждому живому существу жидкости, без которой нельзя обойтись в степи, обеспокоенно думали и Джангильдинов с Жудырыком.

— Дальше, когда на Усть-Юрт выйдем, будет совсем худо,— говорил старый охотник.— Колодцы совсем бедные... Уже две ночи мучаюсь, агай, все равно не могу лучшую дорогу выбрать...

Джангильдинов слушал аксакала, покусывая кончик уса. Он хорошо знал, что имел в виду тот, когда называл колодцы бедными. Несколько десятков ведер, не больше.

— У нас другого выхода нет, отец.

— Знаю, агай, знаю...

— На Усть-Юрте колодцы далеко друг от друга?

— По-разному. Есть и близкие, а есть — два дневных перехода делать надо.

— Будем идти.

— Здесь мало людей, умеющих находить воду и отрывать колодцы,— аксакал мял заскорузлыми пальцами бороду, и глаза его, узкие, как бойницы, смотрели на степной простор сочувственно и с пониманием.— Отец мой говорил, что сделать колодец — это сделать добро народу.

— В этих краях, наверно, трудно находить землю, где можно рыть колодец?

— Степь не каждому открывает свои тайны, хотя все мы — дети ее, живем на груди земли и она поит нас водою, своим молоком,— сказал аксакал.

Кони их шли грудь в грудь, выстукивая подковами по каменистой почве, а всадники, оглядывая степные пространства, думали каждый о своем. Джангильдинов опять и опять высчитывал, во сколько переходов они одолеют путь на Усть-Юрт и когда примерно выйдут к Актюбинскому фронту. Только бы не задерживаться, не делать лишних остановок и долгих привалов. А старый охотник сосредоточенно вспоминал тропы по Усть-Юрту, по которым еще в молодости водил верблюжьи караваны купцов из Мангышлака на Хорезм, и силился представить состояние древних колодцев, что встречались тогда на его пути, и смогут ли они напоить такой большой караван...

Жудырык думал и смотрел на степь, она была для него родной землей. Пусть для других эта степь пустая и мертвая, аксакал умел ценить ее и видел суровую красоту в однообразных, сливающихся нежных оранжево-коричневых тонах перепадов и пологих холмов, покатых низинах, где еще буйствовала на вид засохшая трава, и над всем этим голубое, как покрытые глазурью изразцы на минаретах Хорезма, бездонное небо. Его радовала и волнистая линия горизонта, и искривленный ствол саксаула, задумчивого дерева пустыни.

Охотник видел многое, что ускользало от взора пришедших людей. Степь выгорала прямо на глазах. Время зноя и духоты пришло в край давно и сейчас перетирало горячими ладонями остатки веселой зелени.

— Помоги, аллах, одолеть трудную дорогу,— шептали губы старого охотника.

Чем дальше от гор уходил караван, тем жарче становился воздух и суше земля. Все реже по низинам и западинам встречалась чуть приметная и неяркая сизо-серая полынь, редкие метелки матово-серебристого ковыля, пучки приземистого черкеза и бледно-зеленые кусты янтака... К вечеру все желтело и сохло, становилось буро-серым. А глинистая, плотно слежавшаяся земля впитывала в себя лучи солнца, разогревалась и тихо лопалась. Появлялись зигзаги трещин, в которые можно даже просунуть ладонь, и по ним, по трещинам, как по ранам земли, уходила в небо, испарялась последняя жалкая влага, вконец иссушая степь.

Жажда мучила людей и животных. Запасы воды таяли... Джангильдинов приказал уменьшить норму на одну кружку. А впереди их ждали суровые испытания.

2

Кто первый заметил и радостно крикнул, сказать трудно, только два слова — «вода» и «озеро» — мгновенно облетели отряд от головной группы до самой последней повозки.

Красноармейцы, привстав на стременах, всматривались в горизонт, где отчетливо выделялась кипенно-белая полоса, сверкающая в лучах солнца. Она светилась, словно на землю положили гигантское зеркало. Сомнения не могло быть: так отражает солнце только ровная поверхность озера или спокойной реки.

— Вода!..

Сонное оцепенение слетело. Лица бойцов повеселели. Расталкивали задремавших на повозках и арбах товарищей. Нетерпеливые начинали подгонять лошадей и верблюдов, которые мерно шагали по степи, словно не чуяли близости желанного водоема.

— Вода!..

Два матроса, неловко подпрыгивая с непривычки в седле, помчались к командиру отряда.

— Братки просят сделать длинный привал, надо шмотки выстирать и самим немного побулькаться. Моряки, как рыба, без воды им тяжело.

— Не вижу причины для длинного привала,— ответил Джангильдинов.— Русские говорят: не все то золото, что блестит. А казахи говорят: не всегда то вода, что блестит в степи.

— Шутишь, командир!

— Серьезно.

— Мы без трёпа, посмотри на горизонт. Прямо по курсу озеро при полном штиле.

— Там нет никакого озера.

— Спорить не будем, командир! Может быть, люди сухопутные не различают то, что видит любой матрос на милю вперед, и не только видит, а чует всем нутром своим воду.

— Там нет никакой воды. Соль одна.

Моряки некоторое время недоуменно смотрели на упрямого командира, потом обратились к Колотубину, на лице которого заметили открытое сочувствие.

Степан явственно видел впереди озеро, и ему было совсем непонятно спокойно-безразличное отношение Джангильдинова. Может быть, им, степнякам, привычно таскать на плечах пропитанные потом халаты, а русский человек весьма охоч до чистого белья. Вместе с тем в тоне командира он уловил горечь человека, видящего, как другие поддаются обману. Степан вдруг вспомнил рассказы о странных явлениях, которые бывают, по словам очевидцев, в пустыне, о видениях на горизонте. И он ответил матросам:

— Давайте сначала доберемся к тому озеру, а там на месте и решим, какой привал делать, большой или короткий.

Колотубин видел, как впереди отряда от головной сотни отделилась небольшая группа всадников и, нахлестывая коней, поскакала к таинственной и желанной водной глади.

— Напрасно лошадей взмылят,— сказал Джангильдинов.

Колотубин пожал плечами. Неужели не ясно, что людям хочется воды? Надо понимать людей, выросших в раздольных лугах и зеленых лесах. Он так и сказал об этом командиру.

— Надо понимать степь,— ответил Джангильдинов, словно нарочно не замечая взволнованности в словах комиссара.— Там нет воды. Соль одна.

— Что?!

— Соль. Просто соль, белая-белая, как у вас снег.

Колотубин не поверил. Он снял свой бинокль и протянул Джангильдинову. Пусть убедится сам. Степан только сказал:

— Посмотри, там цветы на берегу! — И добавил: — Что-то я не помню, чтобы на соли цветы росли.

— Там нет цветов, сухая трава, сарзак называется, боялыч и еще дерево — черный саксаул.

Джангильдинов все же оказался прав. В том убедился и Степан Колотубин, и взволнованные моряки, и все красноармейцы, впервые попавшие в степи.

Через два часа, когда отряд приблизился к странному озеру, белизна поверхности стала несколько блекнуть, терять живость. Крики удивления, которые донеслись от тех, кто ускакал к берегу, еще не рождали сомнения. Но когда голова каравана достигла края странного места, из сотен грудей одновременно вырвался вздох разочарования.

Перед глазами и в ширину и до самого горизонта простиралась огромная чаша, дно которой было устлано мелкими белыми кристалликами. Вдоль линии берега и по самому дну то там, то здесь маленькими островками росли странные травы, сухие, ломкие, с желтыми стеблями и красновато-серыми, розовыми бутонами то ли цветов, то ли листьев...

Вперед, прямо по белому полю, прошла уже передовая группа, и на дне высохшего озера отчетливо отпечатался темный след, оставленный копытами коней.

Толщина соляной корки была незначительной, и она с легким хрустом ломалась, как ранней осенью под каблуками молодой ледок на лужах. Под белой коркой лежала мелкая глинистая пыль, она вздымалась легким облачком и першила в пересохшем горле, усиливая и без того острое чувство жажды...

Эта солончаковая чаша тянулась несколько километров. Зной внутри котлована стоял невыносимый, как в парильне бани. Уставшие лошади шли, понуря голову, изредка недовольно фыркая. Верблюды с отвисшими горбами тяжело ступали по солончаку. Люди молчали. Да что говорить, когда радостные надежды рухнули...

Колотубин догнал командира.

— Можно подумать, что при такой жаре соль сквозь землю проступает, как пот на рубахе.

— У нас старики говорят, что соль земли — это тяжелая соль. Тут и выплаканные слезы сирот, и горькие дни вдов, и невыплаканное горе бедняков, и обида обездоленных.

— Да, земля все помнит...

Огромному дну высохшего озера, казалось, нет предела. Эта бесконечная мертвая белизна порождала печаль, чувство великого одиночества и тоску по местам цветущим, по местам населенным.

3

Большой привал сделали через два дня, когда вышли к степному аулу, который неожиданно предстал перед красноармейцами.

Несколько десятков юрт стояло в небольшой лощине, с трех сторон защищенной холмами. Издали юрты казались Колотубину круглыми шапками, лежащими на столе. Около юрт на привязях стояли кони, а по лощине бродили отары тучных длинношерстных овец.

Жители аула, мужчины, выехали на конях встречать отряд. В черных и белых высоких папахах и красных халатах, вооруженные охотничьими ружьями. Они издали приветствовали бойцов отряда, сняв папахи и высоко их подняв в руках.

Жудырык направился к ним и, сделав знак мира и приветствия, подъехал к всадникам, о чем-то поговорил и вместе с ними возвратился к командиру отряда.

Колотубин поднял бинокль и стал рассматривать аул. Войлочные кибитки, похожие одна на другую. Возле одной из них сидела женщина и кормила ребенка. У другой юрты горел маленький костер, и тонкая женщина в длинном, почти до щиколоток красном платье опустилась на корточки и, положив в казан мясо, мешала длинной ложкой. Степан обратил внимание на крупное, размером с блюдце, металлическое украшение, висевшее на груди женщины. За юртой на привязи стоял конь, а на спине его — перекидной ковровый мешок... Тут же находились два осла и лежал, подогнув колени, верблюд.

«Время прошло как бы мимо аула,— подумал Степан.— Так, наверно, здесь жили и тысячу лет назад... Разводили скот, защищались от врагов и сами делали набеги. Ни капитализма, ни рабочего класса тут нету. Эпоха, как видно, не пришла еще... Но бедняки должны быть. Они везде есть!»

Кавалькада всадников приближалась к холму, на котором стояли Джангильдинов, Колотубин и несколько командиров.

— Иомуды, племя туркменское,— пояснил Джангильдинов.

— На тех басмачей похожи по облику, что в горах в нас палили.

— Там были другие люди, были казахи и иомуды.

— Мне они пока все на одно лицо, никак не привыкну.

— В ауле той — большой праздник. Видишь, как много верблюдов и лошадей с седлами. Наверно, со всей округи приехали гости.— Джангильдинов тронул ногой коня.— Надо приветствовать.

Всадники, подскакав к вершине холма, круто осадили скакунов и высказали командиру почтение, приветствовали весь

отряд. Потом подъехал на лошади белобородый старик и, приложив руку ко лбу и сердцу, пригласил Джангильдинова и людей отряда быть гостями аула.

Отряд расположился на краткий отдых неподалеку от аула, в конце лощины, где за небольшой возвышенностью голубело настоящее озерцо, наполненное горько-соленой противной на вкус водой.

Берега бурно заросли жирной травой солянкой, подход к воде был крутой и пыльный, мелкие кристаллы соли и глины перемешались и создали пушистую пыль, а с дальнего конца к воде спускались две скалы.

Но и этой воде были рады, потому что ее имелось вдоволь. Бойцы стаскивали с себя просоленную задубевшую одежду, купались, стирали. Без мыла, одним песком терли. Обнаженные бледно-белые тела бойцов быстро розовели под палящим солнцем.

Вскоре вдоль берега на кустах солянки, и на камнях, и просто на земле сушились гимнастерки, штаны, портянки...

4

Под вечер на обширной ровной площадке, чуть в стороне от юрт, состоялся митинг. В аул прибыли посланцы из разных концов Мангышлака. Спокойные, рассудительные, широколицые казахи-адаевцы, порывистые и смуглые до черноты каракалпаки, воинственные и вспыльчивые остролицые текинцы, добродушные и напористые скуластые иомуды.

Прибывшие группировались вокруг своих предводителей и держались настороженно. Что говорить, племена враждовали меж собой, и только весть о необычном отряде, во главе которого стоит казах, который видел батыра Ленина, собрала всех их в этом далеком степном ауле.

Едва отряд прибыл, как между предводителями вспыхнул спор: кто из них первым пригласит к себе «главного красного батыра» на беседу. Спор чуть было не перешел в схватку.

Помирил предводителей дряхлый аксакал, который с трудом ходил по земле. Его борода, когда он сидел, поджав ноги, касалась ковра.

— Дети мои,— сказал он.— Все вы гости нашего аула, и позвольте мне, как самому старейшему, решить спор.

Даже самые нетерпеливые и гордые склонили перед патриархом головы.

— Говори, ата.

— Мои слова такие,— произнес аксакал.— Пусть сам главный красный батыр решит, с каким племенем первым он разделит еду и поведет беседу.

На том все и согласились.

Когда же спросили Джангильдинова, с кем он желает разделить лепешку, то командир задумался. Он понимал обстановку и не желал никого из гостей выделять.

— Буду говорить сразу со всеми. Видите ту площадку? — он указал за юрты.— Пусть туда соберутся всадники. Я бы хотел, чтобы они сразу же понесли мои слова по своим аулам.

Под вечер на площадку съехались всадники. Они встали широким полукругом, сдерживая своих горячих коней. Чуть в стороне, на пригорке, толпились женщины и дети.

Джангильдинов прибыл в окружении командиров. Бойцы вывели двух оседланных коней вперед, держа их под уздцы. На седла положили широкую доску.

Джангильдинов легко взобрался на такую своеобразную трибуну. Всадники дружными выкриками приветствовали его.

Алимбей поднял руку и, когда наступила тишина, стал говорить. Сначала он обратился с приветствием к казахам и говорил по-казахски, и всадники в белых стеганых плотных летних шапках, чем-то похожих на наполеоновские треуголки, чуть ли не каждую его фразу встречали ликующими возгласами.

Потом Джангильдинов заговорил на языке туркменских племен, и лица людей в белых и черных мохнатых папахах сразу посветлели, вспыхнувшее недоумение сменилось бурной радостью. Стараясь перекричать казахов, они шумно и громко выражали свои чувства.

Надо было видеть восторг небольшой группы сумрачных и смуглых каракалпаков, когда Алимбей обратился и к ним на их родном наречии. Вверх полетели огромные шапки, защелкали выстрелы. Также было и с текинцами.

Джангильдинов говорил о том, конечно, куда и зачем идет отряд.

— Путь наш долгий, и, как вы сами видите, лошади и верблюды выбились из сил. Они еле идут, а нам надо спешить,— сказал в заключение Алимбей, обращаясь к всадникам.— Мы везем винтовки и патроны Красной Армии, чтобы освободить ваши аулы, ваши земли от алашординских разбойников и белогвардейских палачей, чтобы установить всюду в степях власть народа. Я обращаюсь к вам, друзья! Нам надо сменить уставших лошадей и верблюдов.

Сразу же после выступления Джангильдинова всадники,

наскоро попрощавшись, умчались в разные концы степи, по своим аулам.

А через день к месту стоянки отряда пастухи стали пригонять табуны коней и стада верблюдов.

5

Короткий отдых преобразил людей. Красноармейцы передохнули, помылись в соленом озере, выстирали одежду, соскоблили щетину со щек. Несколько бойцов, умевших владеть ножницами и бритвой, превратились в цирюльников и лихо стригли чубы, наводя красоту.

— За два дня отряд помолодел на десять лет,— весело говорил Колотубин, глядя на бравых красноармейцев.— Завтра выступаем!

И снова путь.

Глинистая степь. Безоблачное небо, и на нем, словно подвешенное на крючок, палящее солнце.

Колодцы стали встречаться реже, а вода в них залегала глубже, и была она слегка солоноватая и отдавала каким-то неприятным запахом. Однако и такой воды не хватало, ее снова выдавали строго по порциям.

А потом начались пески.

Они лежали пологими буграми, как холмы.

Нежный песочек, как яичный желток, и мелкий-мелкий, словно его просеяли сквозь сито. На песчаных буграх кое-где пробивалась полузасохшая трава.

Красноармейцы с удивлением и тревогой глядели на бескрайнее песчаное море. Оно обступало со всех сторон, поднималось песчаными холмами и равнодушно смотрело на пришельцев.

Тягучая тишина вечности окутывала со всех сторон. Звуки глохли и растворялись, пропал привычный шум двигающейся большой массы людей, животных, повозок. Копыта коней по щиколотку уходили в жаркий песок, и колеса, обычно постукивающие железными ободами по плотной глине и мелким камням, здесь мягко месили песок...

День незаметно угасал, и покрасневший, словно от чрезмерного старания, огненный шар скользил к горизонту. Лучи его постепенно меняли окраску, из золотистых становились розово-красными, потом темно-красными, бордовыми. И такие же огненно-бордовые блики заиграли на макушках песчаных бугров, лишенных хоть малейшей растительности. Лишь над

головой прежним оставалось чистое, прозрачно-голубое небо, слегка порозовевшее на западе.

Отряд все дальше и дальше углублялся в пустыню.

Песок, песок, песок...

И нигде, ни с какой стороны не видать ничего живого!..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Пунцовый шар солнца мягко светил над красно-бурой песчаной равниной, испещренной длинными тенями, ставшей полосатой, словно гигантская тигровая шкура. Колотубин так и подумал, оглядывая пустое, безжизненное пространство, и вслух произнес:

— Чисто тигриная шкура.

Джангильдинов, ехавший рядом на коне, переспросил:

— Что?

— Тигриная шкура, говорю,— Степан показал плеткой в сторону заката на пестрые пески.— Днем ничего не видать, кажется все ровное, как стол, бугорки песчаные не различишь... А под вечер, как солнце сядет за горизонт, каждый бархан свои очертания получает. Пестрота сплошная.

Джангильдинов утвердительно кивнул. Он знал пустыню, видел не только внешние краски, но и сущность.

— Да, пески злые, хуже тигра бывают.

Командир с комиссаром, как обычно они делали перед ночевкой, объезжали стоянку каравана, проверяя ближние посты. После боя в горах оба стали более требовательно относиться к соблюдению мер предосторожности, охраны.

Уставшие кони, увязая по щиколотку в песке, неторопливо взобрались на очередной бархан. Его вершина, словно морская волна, имела нависающий гребень. Колотубин в который раз удивлялся здешней природе, любуясь гребнем, мысленно называя его «языком». Ведь его из одного песка, да притом сухого, без капли воды сотворил ветер.

Не успели они подняться на бархан, как вдруг там выросла темная фигура бойца, четко очерченная на фоне пунцового заката. Звонко щелкнул затвор.

— Стой! Кто идет?

Колотубин переглянулся с командиром. По нерусскому выговору, по долговязой фигуре они уже узнали мадьяра Яноша Сабо из интернациональной роты.

Сразу же, словно вынырнули из песка, выросли еще два бойца и застыли перед начальством.

— Пост номер пять несет боевое дежурство,— доложил Янош Сабо, отдавая честь.

— Пообедали?

— Хорошо, командир.

— Махры-то совсем маловато,— вставил низкорослый боец.— Всю ночь дымить не хватит.

Колотубин протянул рыжеусому кисет:

— Отсыпь половину.

Тот осторожно, боясь просыпать хоть щепотку, переложил часть самодельной махорки из комиссарского кисета в свой.

— Большое спасибо!

Махорка, как и вода, ценилась дорого. Колотубин часто свою норму раздавал бойцам, несущим ночную охрану. Ночью курить особенно хочется. Махра отгоняет сон.

Проверив посты, Джангильдинов с Колотубиным повернули коней к походному лагерю.

Тускло-пунцовый солнечный круг утонул за дальними песками, окрасив край неба в оранжево-алые отблески. Извилистые цепи барханов убегали к пустынному горизонту и там сливались, теряясь в оранжевой мгле. Небо быстро темнело, и фиолетовый сумрак сгущался в лощинах между барханами. Он размывал тени, сглаживал резкие очертания барханов. В эти вечерние часы Колотубин явственно чувствовал запах пустыни. Барханы пахли жженым кирпичом и чуть-чуть горьковатой полынью.

Впереди, в просторной лощине, где остановился отряд, возвышался круглой луковицей кирпичный купол необычного строения, окруженный полуразвалившейся глинобитной оградой. В вечерних сумерках живыми оранжевыми слитками светились костры, от них к небу поднимались струйки белесого дыма. Доносился приглушенный гомон большого лагеря — голоса людей, ржание коней, пиликанье на гармошке...

Колотубин указал плеткой на купол и спросил командира:

— Как по-здешнему называется вот тот дом над колодцем?

— Сардоба,— ответил Джангильдинов.— На главных караванных путях часто встречаются такие кирпичные купола. Они охраняют воду от песков, от солнца.

— Что-то раньше мы сардобы эти не встречали.

— Мы идем забытыми тропами, тайными тропами.

Колотубин с нескрываемым любопытством рассматривал странное кирпичное сооружение. Его заметили еще днем, оно четко вырисовывалось на пустом горизонте и казалось неимо-

верно большим. Кто-то даже пустил слух: «Впереди город, церква мусульманская уже виднеется».

Конечно, города никакого они не встретили. Лишь под вечер, когда подошли ближе, увидели одинокое куполообразное строение, сложенное из кирпича. Внутри его находился колодец. Вода в нем оказалась вкусной и холодной до ломоты в зубах.

Здесь, у купола, и остановился отряд на ночлег.

— Жудырык говорит, что скоро мертвый город встретим,— сказал Джангильдинов.

— Какой еще мертвый город? — удивился Колотубин.— Название, что ли, такое?

— Самый по-настоящему мертвый. И мечети есть, и минареты, и дома, и заборы... Только жизни нет, людей нет. Много-много лет назад вода покинула город, жизнь пропала. Люди ушли навсегда. Пустой город.

Степан уже привык ко всяким неожиданностям и странностям, но рассказ о городе, в котором нет ни одной человечьей души, не укладывался в его представлении. Он хорошо знал цену крыши над головой, видел годами, в каких тесных каморках и трущобах живут рабочие люди, и не хотел, не мог поверить, что где-то может существовать пустой город с домами, улицами...

— И в том городе никого нет? Ничего живого?

— Кое-что есть. Например, птицы всякие, ящерицы, шакалы...

— Чудно слушать, даже не верится.

— Придем туда, сам увидишь.

У самого лагеря Степан спросил:

— Скажи мне, Алимбей, как наш проводник находит дорогу? Ведь кругом все одинаковое, одни пески, даже приметного камня или там деревца нету. Сплошное однообразие, как в море, когда берегов не видать. А мы ни разу не сбились, не прошли мимо колодца, хотя легко протопать мимо.

— Пески не такие одинаковые, как тебе кажется. Они различие имеют. И еще по звездам путь находят. Местные охотники, чабаны по звездам дорогу определяют, как в море капитаны. Смотри: видишь, появились звезды? Смотри сюда, вот Жетти-Каракши, Семь Разбойников,— Джангильдинов показал на ковш Большой Медведицы,— а выше маленькая голубая звездочка. Это Темир-Казык, Железный Кол.

— Полярная звезда по-нашему,— вставил Колотубин.

— Да, верно, Полярная звезда. А наш народ называет ее Железный Кол, потому что все другие звезды послушны ей,

как будто привязаны, как кони у столба, и ходят всю ночь вокруг. Темир-Казык — главная звезда. По ней и находят дорогу.

И Джангильдинов стал рассказывать о сложном искусстве определения пути по звездам.

А в это самое время в другом конце походного лагеря, пользуясь темнотой, в пески углубились два человека: Брисли и Краузе. Скрывшись за барханом, они вполголоса вели разговор.

— Надо любыми средствами повернуть караван на юг, к Ашхабаду,— быстро говорил Бернард.— Упустим момент, и тогда прощай все надежды, золото ускользнет, как песок сквозь пальцы.

— А как это сделать, сэр? Убрать проводника нам пока не удается. Его берегут пуще золота.

— Знаю.

— Что же делать?

— Безвыходных положений не бывает. Используем учение Маркса, оно нам поможет.

— Туманно и непонятно.

— Читать надо все же сочинения своих противников,— назидательно сказал Брисли.— Маркс утверждает, что когда идея овладевает массами, то она становится материальной силой. Мысль?

— Допустим, сэр.

— Надо пустить слух, что отряд сбился с пути. Проводник выжил из ума и по старости лет забыл дорогу и тому подобное. Если будем дальше двигаться в пески, все пропадут. Из этого печального положения есть два пути спасения. Запомните, барон, два! — Бернард говорил приказным тоном.— Один путь на север, другой на юг, к Ашхабаду. Но на юг ближе, понимаете, ближе и безопасней. Тут и чаще колодцы, и селения туземцев, и так далее. Такова идея, которая должна взбудоражить отряд, барон.

— Теперь вижу, что мысль хорошая, сэр!

— Только действовать мягко, без нажима. Побольше тумана и намеков, распаляя воображение. А когда толпа созреет, она станет слепой и безумной. Сама уберет и командира-киргиза, и комиссарика, и тупицу чекиста... Думайте, барон! Стадом можно повелевать, как говорил мой отец, не только с помощью хлыста, но еще и изнутри, так сказать, через тупое сознание.

2

Мертвый город открылся сразу, едва передовые дозорные выехали на крупный песчаный бугор. Город лежал в равнине, окруженный полуразрушенной крепостной стеной. За стеной в лучах солнца сверкали и переливались красками купола мечетей, словно заводские трубы, поднимались в небо стройные минареты, виднелись плоскокрышие дома, окруженные глинобитными заборами...

— Город! Город!

Новость быстро облетела отряд, заставляя людей подгонять лошадей и верблюдов.

Однако когда вошли в город через сорванные ворота, то невольно замедлили шаги. Никто их не встречал. Город молча смотрел на них. Пустынные улицы, припорошенные песком, безжизненно распахнутые двери строений, мертвые глазницы окон производили удручающее впечатление.

Бойцы примолкли, удивленно и настороженно оглядывая улицы, дома, мечети...

Город, видно, некогда жил богато. Он был окружен высокой глинобитной стеной, прочной и довольно широкой, которая хорошо сохранилась, хотя местами разрушилась, осела. Сохранились грозные округлые башни, купола над входными воротами. Узкие улицы, петляя, вели к центру, к площади, где горделиво возвышались мечети, огромные купола которых украшены цветными изразцами, свечками стояли стройные минареты, здесь же находился просторный крытый базар, крыша его местами провалилась, и в дыры виднелись голубые куски неба. Крытый базар был в прошлом весьма своеобразен, с массой тесных полутемных улочек-рядов, вдоль которых некогда лепились друг к другу всевозможные лавочки и ларьки, небольшие мастерские ремесленников-жестянщиков, столяров, кузнецов, портных, ювелиров, кожевников, чеканщиков, которые стучали молотками, шили, мастерили, выпиливали, создавая привычный гомон и шум. Тут же находились цирюльни, чайханы, различные харчевни. Видимо, тут и жарили, и варили, и пекли, под своды перекрытия тек голубой угар, от которого пощипывало в глазах, распространялись и смешивались всевозможные запахи пищи, кожи, железа, шерсти, дыма...

Вокруг базара разбегались узенькие улочки, тесные настолько, что две арбы едва могли разъехаться. Плоскокрышие дома, в большинстве еще довольно целые, жались друг к другу, окруженные глинобитными заборами.

Жутко было двигаться по пустым улицам, смотреть на запыленные дома, в которых вымерла жизнь. Люди ушли из города или исчезли будто по какому-то злому волшебству, а ветры пустыни намели в дома песок и выветрили человеческие запахи...

Уставшие бойцы, поборов первые минуты смущения, быстро осваивались в пустом городе. Каждый был все же рад увидеть крышу над головой, спрятаться в тень от палящего солнца. Прохладе были рады не только люди, но и животные. Тем более что воды было вдоволь. Впервые за дни похода в песках выдавали ее не по норме. Каждый брал сколько хотел.

Жудырык указал на три колодца — во всех имелось много воды. Старый охотник, поглаживая ладонями бороду, сказал грустно:

— Воды в колодцах накопилось, значит, много лет сюда не приходили люди.

— Отец, скажи, почему в городе нет жителей? — допытывались бойцы у проводника.— Они умерли от болезней или просто ушли?

Жудырык сокрушенно качал головой и рассказывал печальную историю, которую слышал еще мальчишкой от своего деда: от города отвернулась река, она ушла в пески и пропала, а без воды нет жизни. Пропали посевы, высохли деревья, нечем было поить скот, и люди, собрав свои пожитки, покинули родной город...

Кирвязов находился неподалеку и слышал ответы проводника, видел, как сосредоточенно слушали бойцы. Он не замедлил воспользоваться удобным моментом. Выпив кружку воды, Кирвязов вытерся рукавом и, как будто между прочим, сказал, ни к кому не обращаясь:

— Чего раскисли? Вы говорите, топаем сами не зная куда? Может, впереди все города такие безлюдные? И ждет нас погибель?.. Ну и несознательные вы элементы! Забыли, что пели песню?! «И все помрем за власть Советов». А вы еще чего хотите? На то и революция.

В другом месте Кирвязов подсел к бойцам, кипятившим в ведре чай на костре. Вступил в разговор. Ему тоже налили кружку кипятку, заваренного какой-то травой.

— Хорош чаек, братцы. Ну-ка еще добавь! Может, в последний раз такое удовольствие имеем,— и Кирвязов, понизив голос, произнес: — Говорят, ребята, что мы, как слепые котята, тыкаемся во все стороны, а дороги настоящей не знаем. Путь на Ташкент, умные люди говорят, пролегает через

город Бухару, а мы заместо Бухары попали сюда, где и живой души-то нет. Даже названье города спросить не у кого...

Кирвязов держал ухо востро. Но он видел по напряженным взглядам, по задумчивым лицам, что слова его попадают точно в цель. Не возражают, не спорят, не опровергают, а просто слушают, впитывают слова. Мертвый город производил тягостное впечатление и невольно будоражил сознание, рождая мрачные мысли. Трагедия, которая разыгралась в городе десятки, а может быть, сотни лет тому назад, напоминала о себе каждой стеной, каждым окном, каждым разбитым кувшином и таинственными строгими узорами цветной мозаики на фасаде мечети... И слова Кирвязова, как ядовитые семена, падали на благоприятную почву.

— В интернациональной роте, говорят, тоже затылки чешут. А там народ грамотный, иностранцы сплошные, и они на карте место отыскать не могут, куда мы забрели. Вот чудеса-то! — притворно вздыхал барон.

Слухи распространялись молниеносно. Несколько бойцов из первой роты обратились к чекисту Звонареву.

— Дорогой товарищ, ты нам ответь, положа руку на сердце, без всякой агитации, на наш вопрос. Правда ли, что от Ташкента вода ушла и там никакой жизни нет, или брехня это?

— Насчет Ташкента, товарищи, мне, как и вам, ничего неизвестно. Что же касается Ашхабада, так еще в Москве сам видел, как с Ашхабадом по телеграфному аппарату разговаривали. Значит, город как город.

Ответ такой, бесспорно, лишь подливал масло в огонь. В ту ночь дольше обычного горели костры, и бойцы не засыпали, обсуждая шепотом тревожные слухи. Погибать в песках никому не хотелось. Многие отчасти уже не сомневались, что и Ташкент выглядит примерно так же...

Долго не спали в ту ночь и мадьяры, расположившиеся в просторном доме возле мечети. Выпили несколько ведер чаю. Спорили открыто, не боясь, что их подслушают, знали, что в отряде, кроме них, никто не владеет венгерским языком.

Янош Сабо не вступал в спор. Он молча слушал яростные речи своих соплеменников, а когда все выговорились, встал и подошел ближе к огню. Все почему-то сразу обратили на него внимание.

— Янош, а ты что молчишь?

— Скажи свое мнение, куда лучше двигаться: на север, к Оренбургу, или на юг, к Ашхабаду?

Сабо присел на корточки, скрутил самокрутку и, взяв из огня горящую ветку, прикурил. Выпустил клубы дыма и сказал спокойным, ровным тоном:

— Вы тут интересно спорили, но я вот что на это вам скажу. На одних предположениях и каких-то слухах невозможно делать серьезные выводы. Я большевик, и среди нас находится большинство членов партии. Давайте будем поступать по-партийному. Здесь есть люди, которым сам Ленин поручил вести отряд. С ними в первую очередь и надо вести разговор. Если вы не возражаете, я отправлюсь к комиссару товарищу Степану и от вашего имени задам ему вопросы, которые нас волнуют. Согласны?

Конечно, никто не возражал. Янош Сабо докурил самокрутку и, застегнув пуговицы гимнастерки, направился к выходу.

Комиссара он нашел во дворе, где находился крытый колодец. Колотубин и Джангильдинов сидели на разостланной кошме, оба были без гимнастерок и о чем-то оживленно разговаривали. Видимо, о городе, который они несколько часов осматривали.

Рядом, положив кулак под щеку, лежал Малыхин.

— Товарищ комиссар, у меня к тебе важный вопрос есть,— сказал Янош Сабо, усаживаясь на кошму.

— Выкладывай, если, конечно, твой вопрос не терпит до утра.

— Не терпит, потому и пришел.

Янош Сабо выложил все, о чем спорили мадьяры. И о старом, выжившем из ума проводнике, и о кажущемся блуждании в песках, и о мертвом Ташкенте, от которого как будто тоже ушла вода, и о якобы единственном спасении — срочно изменить маршрут, направляться на юг, к Ашхабаду... Чем больше он говорил, тем мрачнее становилось лицо Колотубина. Хмурил брови и Джангильдинов.

— Надо разбудить Малыхина,— сказал командир, надевая гимнастерку.

— Не надо, я все слышал, —ответил Малыхин, открывая глаза.

— Может, и в других ротах такие разговоры идут, я не знаю,— закончил Янош Сабо.

Сигнал был весьма тревожный. Джангильдинов понимал, что нельзя терять ни минуты. Он хорошо знал, к чему может привести отчаяние людей, дрогнувших в песках, потерявших веру в проводника, в руководителей...

— Вызвать командиров,— приказал Джангильдинов.

Через четверть часа прибыли командиры рот и кавалерий-

ского отряда. Многие из них не спали и принимали участие в своеобразных дискуссиях, о чем тут же доложили.

Малыхин поднял своих морячков, и те торопливо щелкали затворами, вгоняя обоймы патронов. Тут же вертелся и Бернард Брисли.

— Командир, прикажи произвести операцию,— настаивал Бернард.— Схватим всех зачинщиков и тут же расстреляем.

— Комиссар, что ты скажешь? — Джангильдинов, пропуская мимо ушей слова Бернарда, обратился к Колотубину.

— Собрать сейчас же всех коммунистов. Проведем закрытое собрание, я верю в наших людей.

Коммунисты собрались в просторной мечети. Вокруг мечети Малыхин выставил охрану. Летучие мыши, напуганные светом, ошалело носились под куполом и с писком вылетали из здания. Оранжевые языки факелов освещали худые сосредоточенные лица, делая их суровее и непреклоннее.

Первым выступил Колотубин. Его голос, хрипловатый и спокойный, получил благодаря резонансу мягкую окраску и тревожно рокотал под сводами мечети. Комиссар нарисовал без прикрас суровую обстановку, в которой приходится действовать отряду, и не обещал впереди особого облегчения. Он в то же время напомнил партийцам о их долге, о том, как сейчас тяжело приходится Советскому Туркестану, задыхающемуся в кольце врагов и ждущему ленинской помощи.

Один за другим выходили бойцы и заявляли о своей готовности идти за командиром.

Последним взял слово Джангильдинов. Он поблагодарил за доверие. Собрание приняло решение, которое уместилось в одной строке:

«Клянемся выполнить задание вождя».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

1

Конный разъезд красноармейцев возвращался с разведки.

Взводный Круглов, прежде чем повернуть назад, в последний раз приставил к глазам полевой бинокль. Перед ним уже несколько дней на многие километры лежала пустыня, мертвая и огромная. Вдруг его внимание привлекла маленькая темная точка. Она была на самой линии горизонта, на границе желтого цвета песка и бледной бирюзы ясного неба. Темная точка то появлялась, то исчезала.

— Постой, ребята!

Красноармейцы остановили коней, насторожились.

— Матвеев, на-ка биноклю, посмотри. У тебя, охотника, зрение поострее,— Круглов протянул «цейс».— Видишь точку?

Матвеев приставил к глазам окуляры.

— Там две точки, товарищ командир.

Потом добавил:

— Вроде люди... Вроде пешие...

— Люди? — усмехнулся красноармеец с круглым монгольским лицом.— Ты, Матвей, смешной человек! Какой тут люди? Кто в песках будет пешком бродить?

Круглов снова долго смотрел в бинокль. Горизонт был пуст. Немного погодя появилась темная точка. Потом она раздвоилась, превратилась в две точки. Через несколько минут точки слились, пропали. Точки двигались... Никакого сомнения — там люди!..

— За мной! — Круглов пришпорил коня.

Бойцы устремились за своим командиром. Они скакали напрямик, взбирались на песчаные бугры и мчались по крутым спускам. Вскоре уже невооруженным глазом было отчетливо видно, что бредут два человека. Они вконец выбились из сил. Сделав десяток-другой шагов, падали, потом вставали, помогая друг другу, снова шли и снова падали...

Когда красноармейцы подскакали к ним, неизвестные неподвижно лежали на склоне бархана. На них были старые, поношенные мохнатые пастушьи шапки, стеганые облезлые халаты, линялые гимнастерки и стертые, выгоревшие сапоги. У одного на ремне подсумок с патронами, а другой зажал в руке, как палку, винтовку. Видимо, на нее опирался при ходьбе.

На людей трудно было смотреть. Худые, изможденные, высохшие. На их заросших, бородатых лицах выделялись темными пятнами глазные впадины и вспухшие, потрескавшиеся губы.

Один из них был смуглый, широкоскулый, борода черная, смоляная. А другой, тоже сильно загорелый, с бровями и щетиной цвета ржаной соломы на обтянутых щеках. В нем Круглов сразу опознал европейца.

— Как они сюда попали? — Матвеев с удивлением смотрел на незнакомцев.— Комиссар сказал, что тут на полтыщи верст в округе нет жилья настоящего. Кто такие?

— Все узнаем,— Круглов соскочил с коня.

Матвеев последовал его примеру.

Незнакомцы находились в бессознательном состоянии.

Похоже было, что они просто крепко спали. Матвеев расстегнул у светлобородого на груди карман.

— У него что-то тут есть.

— Давай сюда!

Матвеев вынул удостоверение с красным корешком и пятиконечной звездой и протянул ее командиру:

— Красноармейская книжка! Выходит, свои ребята.

Круглов развернул книжку с потертыми краями и прочел:

— «Первый интернациональный полк, вторая рота... Красноармеец Джэксон Сидней»...

— Чудная фамилия,— сказал Матвеев,— нерусская.

— Ясное дело, что нерусская,— ответил Круглов.— Полк-то ихний интернациональный. Значит, там всяких народов люди.

— Как у нас в отряде.

— Выходит, так,— Круглов снова осмотрел книжку и прочел дальше: — «Выдано в мае 1918 года... Город Ташкент».

— Какой город?

— Ташкент.

— Ташкент — город, слыхивал я, на другом конце пустыни... Мать честная, неужто они прямиком через пески перли?!

— Может быть, и перли. Вишь, высохли прямо до костей.

Круглов осмотрел карманы смуглолицего, достал и его красноармейскую книжку, развернул:

— «Красноармеец Мурад Сапарниязов»...

2

Двое суток Мурад и Сидней спали.

Их положили на повозку, укрыли от солнца. Поили через каждые полчаса водой, давали бульону.

Первым пришел в себя Джэксон. Вода и бульон вернули его к жизни. Открыв глаза, Сидней удивленно посмотрел вокруг. Где он? Почему рядом костры, люди, лошади, верблюды?! Не мираж ли это? Он опустил веки и тут же спохватился: где Мурад?

— Мурад! — позвал он.— Мурад!

Он кричал, напрягал все силы, но вместо крика у него получился какой-то сиплый слабый шепот.

— Лежи, лежи,— ласково произнес Матвеев, который не отходил от спасенных и ухаживал за ними, как за маленькими детьми. — Надо лежать. Здесь, рядом твой кореш.

Чужой голос, совсем не похожий на голос туркмена, окончательно вернул Джэксона к действительности. Он открыл

глаза. Нет, это не мираж. Тогда что за люди его окружают? К кому они попали?

Сидней приподнял голову и настороженно осмотрелся. Увидел на выгоревшей фуражке Матвеева пятиконечную красную звезду. Сразу стало легко, свободно. Джэксон улыбнулся потрескавшимися губами.

Свои!..

Он хотел было снова лечь на подостланную шинель, но встрепенулся. Приподнялся на локтях.

— Кто командир? — прохрипел Джэксон.— Позовите командира...

— Не беспокойся, товарищ, надо лежать тебе,— говорил Матвеев.— Надо окрепнуть. А потом и поговоришь с нашим командиром.

Но Сидней настаивал. Он должен сейчас же видеть командира, немедленно! Он должен сообщить нечто очень важное.

Матвееву ничего не оставалось другого, как отправиться за командиром отряда. Джэксон требовал «самого главного».

Вскоре к повозке, на которой лежали Джэксон и Мурад, все еще не приходивший в себя, подъехала группа кавалеристов. Они спешились, подошли. Один из них протянул Сиднею руку:

— Джангильдинов. Военный комиссар Тургайского края, командир отряда.

Джэксон внимательно всматривался в незнакомого человека. Джангильдинов был среднего роста, плотный, с мягкими восточными чертами лица. В его глазах, темных и внимательных, светилась доброта и проницательность.

Сидней, собрав свои слабые силы, приподнялся, уперся локтями.

— Надо сообщить... Срочно сообщить в Ташкент, сообщить в Москву! Они подняли мятеж с помощью англичан...

Сидней злился на свою слабость, старался скорее рассказать о трагической гибели чрезвычайного комиссара по делам Закаспийской области Флорова, о разгроме Ашхабадского ревкома, о том, что английские военные специалисты руководят мятежниками.

Колотубин стоял рядом с повозкой и слушал. Несколько недель назад ему и Джангильдинову уже рассказывали о положении в Ашхабаде, о мятеже, об англичанах. Колотубин вспомнил Царицын, просторный вагон-салон и ровный, с типичным кавказским акцентом голос наркома Сталина. А сейчас перед ним на повозке живой свидетель тех кровавых событий, чудом избежавший смерти, одолевший немыслимое

расстояние по горячим пескам Каракумов, чтобы сообщить об ашхабадской трагедии.

Когда Сидней кончил говорить, Джангильдинов положил руку на плечо Джэксона:

— Спасибо, товарищ, за службу революции. Сейчас вам надо отдохнуть, набраться сил. Впереди трудные бои.— И, немного подождав, добавил: — Товарищ Ленин уже знает все. И о мятеже, и об интервенции англичан, и об открытии Закаспийского фронта.

От каждого слова Джангильдинова у Сиднея спадали тревога, беспокойство, которое столько времени заставляли жить, двигаться. «Товарищ Ленин знает,— думал Джэксон.— Это хорошо. Выходит, какая-то из наших групп добралась до своих раньше... Это очень хорошо!»

3

Прибыв в Красноводск, полковник Эссертон развил бурную деятельность. В течение нескольких дней был снаряжен транспортный пароход, собран, как он назвал, «десантный батальон». Полковник лично занимался подбором командиров, делая основную ставку на тех русских офицеров, которые хорошо себя зарекомендовали в борьбе с большевиками.

Но за день до отплытия парохода его вызвал для переговоров по прямому проводу шеф. Генерал Маллесон высказался весьма прозрачно против личного участия полковника в этой экспедиции. Эссертон узнал, что его, оказывается, ждут более важные дела. Шеф решил вместо него послать с батальоном майора Чарльза Хьюстона. Ведь Хьюстон лично знаком с Бернардом Брисли, агентом в том красном отряде. Майор уже вчера выехал из Ашхабада.

Эссертон криво усмехнулся. Он знал, что майор Чарльз Хьюстон — дальний родственник жены генерала и потому именно Хьюстону, а не ему Маллесон поручает сейчас прибрать к рукам русское золото.

Полковник скомкал в длинных пальцах бумажную ленту. Он мысленно обругал себя верблюдом за медлительность. Надо было отплывать сразу же или хоть сообщить через адъютанта, что пароход уже ушел в сторону Мангышлака. Тогда Чарльзу Хьюстону пришлось бы довольствоваться только ролью стороннего наблюдателя. Но теперь ничего не поделаешь, надо подчиняться. Выступать против тех, в чьих руках власть, все равно, что плевать против ветра: худо будет лишь тебе самому.

И Эссертон продиктовал телеграфисту ответ: приказ будет исполнен.

Затем генерал запросил, как идет операция «Черный лев» на острове Челекен.

Полковник прошелся по узкой комнате телеграфа, отодвинул носком сапога табуретку. Он ожидал такого вопроса! Говорить все как есть или не спешить докладывать о том, что еще не сделано до конца? Эссертон только здесь, на месте, полностью оценил, какой лакомый кусок представляет этот богом забытый дикий остров Челекен. Полковник умел смотреть в будущее и видеть процветание там, где только начинаются первые робкие ростки. Челекен — это огромная кладовая природы, где богатства лежат прямо на поверхности. Операция «Черный лев» — это оккупация острова, богатого нефтью и озокеритом.

— Передайте, что операция «Черный лев» прошла успешно,— сказал он, подходя к аппарату.— На сегодняшний день через Персию в метрополию отправлено...— Эссертон вынул записную книжку и стал называть количество отгруженной нефти и озокерита, знаменитого горного воска.

Цифры были внушительные, и генерал остался доволен. Он посоветовал продолжать операцию и выразил удовлетворение деятельностью полковника.

Эссертон, докладывая шефу, умолчал о главном, о своей инициативе. Предприимчивый полковник собрал вчера владельцев нефтяных промыслов и объявил, что создается акционерное общество «Мобораг», в которое и предложил им вступить. Он спешил закрепить свои позиции. Надо быть глупцом, чтобы не понимать ценности нефти, этой черной крови земли, в век автомобилей, дирижаблей и аэропланов.

Эссертон вышел из телеграфной и в открытой легковой машине отправился в свой штаб, расквартированный в каменном особняке уездного управления.

По сравнению с цветущим, зеленым Ашхабадом с его пышными садами и светлыми выбеленными домами и оградами этот приморский город выглядел необжитым и казенным, напоминал военное поселение или даже тюрьму. Окрестные скалы, буро-серые и красноватые, без единого зеленого пятнышка растительности, раскаленные солнцем, мрачновато выделявшиеся на блеклой синеве знойного неба, походили на гигантскую ограду большого тюремного двора, а их вершины — на сторожевые вышки. Эссертону казалось, что люди не живут здесь, а отбывают время. Они не приложили ума и средств, чтобы как-то облагородить свое существование. Под

носом, в горах, полно отличного строительного камня, имеющего весьма поэтичное название —гюша. Из него разве нельзя выстроить здание с широкими балконами, крытыми переходами и тенистыми террасами, которые бы защищали от солнечных лучей и были бы доступны дуновению ветерка с морского залива? «Нет, у русских нет такого опыта, как у нас, по освоению новых территорий»,— подумал с самодовольством полковник, вспомнив жизнь колонизаторов в Индии.

Он кривил губы и делал вид, что не придает абсолютно никакого значения тому, чего достигли русские на этом голом каменистом куске земли. А ведь именно отсюда, от красноводского порта, берет свое начало знаменитая Средне-Азиатская железнодорожная магистраль — чудо конца прошлого столетия, выдающееся творение русского технического гения и великого упорства, трудового героизма простых людей. В необычно короткое время и в невиданно тяжелых условиях, преодолевая каменистые взгорья, движущиеся пески, зыбкие солончаки, под палящими лучами солнца и при полном безводье, русские люди проложили стальную магистраль, ту самую, по которой и прикатил полковник в Красноводск. Впрочем, если говорить откровенно, где-то в своих тайниках Эссертон имел все же кое-какие виды на эту железную дорогу, которая может ежегодно приносить кругленькую сумму.

Только с железнодорожниками, с рабочими депо, как и с портовиками, полковник не нашел пока общего языка. Они оказались далеко не такими покладистыми, как владельцы нефтяных промыслов и судоремонтных мастерских.

Проехали мимо арестантского дома — приземистого, длинного, угрюмого здания с маленькими окошками под самой крышей, забранными толстыми решетками. Он давно переполнен. По распоряжению Эссертона одну из старых барж срочно переоборудовали под плавучую тюрьму. Но в городе все равно не было спокойствия.

«Ветер с моря несет не столько прохладу, сколько большевистскую заразу,— думал Эссертон,— и каждый плебей пропитывается ею насквозь. Стрелять и вешать надо через одного — и не ошибемся!»

Он не только так думал, но именно так и поступал. На второй же день после приезда Эссертон, чтобы «смирить бунтовщиков и искоренить саботаж», распорядился погрузить в товарный вагон двадцать семь жителей города, подозреваемых в сочувствии большевикам, вывезти на глухую станцию Ячман и расстрелять.

4

В штабе, не заходя в кабинет, полковник поспешил во внутренний дворик. В приемной его уже давно ожидало десятка полтора посетителей — военных и гражданских. Разморенные жарой, они осаждали подтянутого адъютанта.

— Полковник занят, господа,— отбивался тот.— Очень важные дела.

Мимо приемной по коридору солдат пронес ворсистый оранжево-красный махровый халат, который обычно употребляют после купания. Увидев халат, посетители возмущенно зашептались, но вслух не выразили своего недовольства. Адъютант остался непроницаемым. Не станет же он распространяться о том, что в эти часы полковник ежедневно принимает во внутреннем дворике ванну.

Звучно звякая шпорами, в приемную вошел офицер контрразведки Дикке. Невысокого роста, худощавый, гладко выбритый и напомаженный, перетянутый ремнями и картинно увешанный оружием. На поясе висел дагестанский кинжал в дорогих серебряных ножнах, в ногах путалась длинная кривая восточная сабля, а с другого бока свисал до колен кольт в полированной деревянной кобуре. Его недолюбливали за хвастовство и за глаза называли Храбрым Красавчиком.

— Где шеф? — небрежно спросил он адъютанта.

— Занят,— адъютант невольно обратил внимание на его вспухшее левое ухо со следами укуса.

— Кто у него?

— Сам с собой,— ответил адъютант, закурив и выпуская длинную струю дыма.— Что у вас с ухом?

— Так, ерунда...

Адъютант знал, что Храбрый Красавчик имел право входить и без доклада, и потому даже не пошевелился, когда тот направился во внутренний дворик.

Эссертон плескался в чане, что был вкопан в землю возле беседки, его лицо светилось довольством. Он погружался с головой и выныривал, отдуваясь и фыркая, как старый морж. Конечно, полковник с удовольствием поплавал бы в Каспийском море, но он не решался на такой шаг. Не потому, что не умел плавать, наоборот, плавал Эссертон превосходно. Он просто опасался за свою жизнь. Мало ли что могут придумать фанатичные большевики. Так что приходится довольствоваться настоящей морской водой лишь в этом чане.

— Сэр, очень срочное дело,— щелкнул каблуками Дикке.

— Ну?

Эссертон недовольно хмыкнул, и с его лица мгновенно смылась блаженная улыбка, в глазах мелькнул сухой холодный блеск. Он не любил, когда его беспокоили, как он сам говорил, «в минуты личной жизни».

— Весьма пренеприятное дело, сэр.

— Говорите.

— Можно здесь?

— Да.

— Снаряженный вами транспортный пароход не сможет сегодня, да и завтра тоже выйти из порта.

— Что?!

Эссертон в сердцах шлепнул рукой по воде, и брызги веером разлетелись вокруг. Несколько крупных капель попало в стоявшего поблизости Храброго Красавчика.

— Не сможете выйти из порта, сэр. Вышла из строя паровая машина. Вернее, ее поломали на рассвете... Обычная диверсия большевистских подпольщиков.

Эссертон хмуро смотрел на офицера контрразведки. Вместе с тем полковник был доволен, что транспортный пароход вывели из строя и экспедиция из Мангышлака задержится на неопределенное время. Майор Чарльз Хьюстон будет вынужден загорать в противном пыльном городе и от злости кусать ногти, зная, что красный караван, начиненный золотом, уходит под самым его длинным носом. Полковник вспомнил поговорку деда, который в аналогичной ситуации любил говорить: «Нет мне, нет и никому другому!»

Внешне же Эссертон оставался рассерженно-хмурым:

— И все?

— Есть, сэр, и очень приятная новость. Ваш приказ выполнен сегодня, буквально час назад. На конспиративной квартире пойман живым главный большевистский агитатор.

— Кто? Не тот ли Пауль с длинной такой русской фамилией?

— Вот именно, сэр, тот самый Павел Бесшапошный. Отъявленный большевик!

Это было известие первостепенной важности. Павел Бесшапошный действовал открыто и дерзко. Его знали в лицо почти все жители Красноводска, особенно в рабочих кварталах, казалось, весь город прятал его. Он уходил из тщательно расставленных сетей, обводил вокруг пальца опытных провокаторов. И снова его страстный, слегка гортанный голос звучал на тайных сходках и сборищах. И снова в городе вспыхивали забастовки, проводились диверсии, саботаж... Несомнен-

но, что и вывод из строя паровой машины на пароходе был делом его рук...

— Кто руководил операцией? — спросил полковник.

— Возглавлял группу лично я, сэр. Пришлось применить оружие. Оказывал вооруженное сопротивление,— старший офицер врал напропалую, ибо никто его не мог уличить и опровергнуть.— Вот ухо... Пытался откусить, когда связывали...

Павла Бесшапошного схватили в железнодорожном районе, в доме мелкого служащего, который глупо приревновал свою жену к агитатору и выдал его... Бесшапошного взяли в кровати, когда тот крепко спал после бессонных ночей. Скрутили, связали, избили... Но левое ухо у Храброго Красавчика действительно пытались откусить сегодня утром. Только не Павел Бесшапошный, а на вид тихая молодая работница рыбокоптильни, которую он изнасиловал в камере...

— Допрашивали? — спросил Эссертон.

— Молчит как рыба... Думаю, не стоит возиться, сэр. Такие люди обычно бесчувственны, как бревна. У меня, можете быть уверены, на сей счет имеется личный опыт. Что только не применяли!.. И хоть бы подействовало... Ничего из большевиков не выдавишь. Легче из камня выжать каплю воды, чем из них хоть одно признание.

Полковник несколько раз окунулся с головой, отфыркался, пригладил ладонью редкие волосы.

— Хороша вода! — И посмотрел на Дикке.— Агитатора надо,— Эссертон выразительно щелкнул длинными пальцами по воде, поднимая фонтанчиком брызги.

— У меня имеется предложение, сэр.

— Говорите.

— Закопать живьем! — выпалил Дикке и сам удивился своей изобретательности, ибо хотел сказать коротко — «повесить».

— Как? — переспросил Эссертон.

— Живьем... в землю!

Эссертон несколько секунд внимательно рассматривал старшего офицера контрразведки, словно видел его впервые. Потом коротко бросил:

— У меня нет возражений.

Эссертон легко и пружинисто вылез из чана, накинул лохматый халат.

...В тот же день, под вечер, Павла Бесшапошного, закованного в кандалы, вывели из темной камеры, где содержались особо опасные политические, усадили в машину и под усиленной охраной повезли на окраину города.

Там уже зияла продолговатая глубокая яма, вырытая в твердой каменистой почве. Бугры красноватой земли, перемешанной с камнями и ракушечником, темнели вокруг.

Павла вытолкнули из машины и повели к яме. Он рванулся, пытаясь разорвать кандалы, яростно сверкнул глазами:

— Гады недобитые!.. Без суда, без следствия!.. А еще интеллигенты!.. Хоть приговор бы состряпали...

— Молчать!

— Я замолчу... Меня сейчас заставите замолчать! Но всему народу глотку не заткнете!.. Побежите вы еще, как крысы с корабля. Народ спросит с каждого из вас за разбой!.. С каждого! Запомните!

Дикке, который стоял чуть в стороне, быстро подошел к Бесшапошному и двумя руками столкнул его в яму.

— Засыпай!

Солдаты оторопели. Они привыкли к смертям, участвовали в расстрелах, приходилось им и вешать. Но чтобы живьем... Двое из них, не поняв команды, вскинули винтовки.

— Засыпай! — рявкнул Дикке и сам, схватив лопату, стал остервенело швырять комья земли в яму, откуда доносился голос рабочего, агитатора-большевика:

— Долой английских захватчиков!.. Да здравствует власть Советов!..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

1

Колотубин поднес к глазам бинокль. Везде одно и то же: наметенные или словно насыпанные продолговатые песчаные холмы, которые называют барханами. «Барханы,— повторил несколько раз про себя Колотубин.— Звучно и красиво зовутся горки сыпучие... Барханы! Вроде что-то дорогое, бархатное, ласкающее. А на самом деле препротивный мелкий песок... Барханы, барханы, век бы вас не видеть!»

Первые дни похода в песках Степан часто въезжал на вершину бархана, тревожно всматривался вдаль — не видно ли там конца песчаным сугробам. Ему никак не верилось, что такое нагромождение песка может тянуться бесконечно. Колотубин просто думал, что песок — это дно высохшего моря и они вот-вот выйдут на берег. Но берег все не показывался. Однообразие стало таким утомительным и нудным, что порой приходили на ум всякие невеселые мысли о топтании на од-

ном и том же месте. А проверить никак нельзя, все похоже вокруг. Так было позавчера, вчера, сегодня и так будет завтра, и послезавтра, и послепослезавтра... Нет ни деревьев, ни домов, ни какой-нибудь земляной горки, или там простого камня. Нет ничего, ни единой приметы, с чем бы можно было сравнить, от чего можно было бы расстояние отмерить, за что мог бы зацепиться человеческий взгляд...

А конь все шел и шел, покачивая своей большой головой, словно он все понимал и знал, что только в движении есть жизнь, что надо беречь силы и идти бесконечной тропой, чтобы выбраться из этих гиблых сухих мест.

— Товарищ комиссар, можно вас на минуту.

Колотубин опустил бинокль и посмотрел на подъехавшего. То был Малыхин, восседавший на плотной, как и он сам, пегой лошади. Степан чуть улыбнулся уголками губ, странно было видеть моряка верхом на коне.

— Что у тебя?

— Дело есть, комиссар.

— Можешь выкладывать, если не секрет.

— Секрета нет, но желаю, чтобы выслушал без посторонних.

В голосе начальника особого отдела, твердом и властном, вдруг прозвучали тревожные нотки. Колотубин насторожился, стал вглядываться в лицо моряка, но оно, как и обычно, было хмурым. Колотубин хлестнул плеткой коня. Они отъехали за поросший бугорок, спустились в неглубокую лощину.

— Говори,— комиссар придержал коня.

Малыхин молча полез в нагрудный карман, вынул небольшую потертую красную книжицу и протянул ее Колотубину.

— Вот, возьми, комиссар. Партбилет...

— Чей?

— Мой...

Колотубин взял партбилет, раскрыл и, пробежав глазами первую страницу, с открытым уважением посмотрел на вечно хмурого моряка.

— Вот не думал! Ты, Валентин, выходит, пораньше меня вступил в партию.

Малыхин смотрел куда-то в одну точку, сосредоточенно, не видя ничего вокруг, и эта сосредоточенность выдавала трудную внутреннюю борьбу, суровую и бескомпромиссную, и Колотубин, увидел, вернее, догадывался, что моряка гнетет сознание навалившейся, как гора, острой вины.

— Оступился, комиссар, судить меня надо трибуналом...

— Что такое? Выкладывай!

— Груля... ну, тот матрос, которого в Александровском шлепнули... Помнишь... Степан?

— Как же не помнить! — Колотубин повертел в руках плетку, словно на деревянной рукоятке было что-то важное написано.

— Поторопились тогда...

— Что? — Колотубин готовился услышать все, что угодно, только не такое признание.

— Поторопились, говорю.

— Ты же, Валентин, первый тогда... Доказывал, настаивал... Требовал! А сейчас, что же, выходит, передумал? Или жалость заговорила?

— Дело казалось чистым, как вымытая бутылка. Насквозь все видно, с какой стороны ни посмотри. И доказательство налицо: убитый радист, пораненный Звонарев, разбитый радиоаппарат. И коммунист Кирвязов свидетельствовал. Потом мне боец принес листок от записной книжки, где вместо букв цифрами сообщение написано... Подобрал возле рации... Какие еще тебе доказательства! Потому и настаивал, чтобы шлепнуть гада. По долгу службы настаивал!..

— А теперь что изменилось, другие доказательства имеешь?

— Ничего не изменилось, Степан, абсолютно ничего не изменилось. Только одна маленькая загвоздка вышла,— Валентин смотрел тяжелым взглядом,— она и лишила меня душевного штиля, сдула к чертовой матери спокойствие и уверенность, поставила в душе все вверх тормашками... Потому и пришел к тебе.

И Малыхин рассказал. После расстрела матроса он снова перебрал, дотошно пересмотрел имущество Грули, перерыл немудреный скарб в матросском сундучке, обитом жестью, перещупал каждую складку на новом бушлате и застиранной робе. Конечно, нигде он не нашел той злополучной записной книжки, откуда вырвана страница. Она исчезла, словно ее вышвырнули за борт. Но Малыхин по опыту знал, что, если Груля работал на деникинскую разведку или там еще на кого, все равно он не мог уничтожить записную книжку, без нее, как без оружия, в ней должен храниться шифр. Малыхин надеялся найти книжицу, и тогда, может быть, удастся прочесть тайну сообщения, которое наверняка успели передать по радио. Но, как ни старался чекист, она не нашлась. Сам же Груля, когда ему Малыхин показывал вырванную страницу с зашифрованным письмом, только грубо ругался, говорил, что не там, где надо, он ищет врагов.

Вещи матроса Малыхин роздал, сундучок взял Темиргали, а самовар, хотя на него было много охотников, достался Чокану. А винтовку Грули Малыхин держал при себе. Заткнул дуло, чтобы не попал песок, обернул в кусок портянки затвор и положил на дно повозки. На всякий случай при себе держал.

Вчера такой случай подвернулся. Те двое, которых нашли полуживыми в песках, отошли, стали на людей похожими. Не захотели быть нахлебниками, попросились в строй. У одного, у Мурада, винтовка была, а другому, что с нерусской фамилией, надобно было дать оружие. Малыхин и решил отдать ту, матросову. Не вскрывать же ради одной винтовки ящик. Тут-то он вспомнил, что из винтовки стреляли и ее надобно хорошенько почистить. На глазах Джэксона он вынул затвор и был крайне удивлен тем, что в магазине была полная обойма, а в стволе находился один патрон с целым, неразбитым капсюлем.

Малыхин вынул патрон, повертел в пальцах, подержал на ладони. Патрон тускло поблескивал. А в голове вихрем взметнулись мысли. Малыхин поднял винтовку, заглянул в дуло — оно было чистым, без нагара и копоти!.. Неужели из винтовки никто не стрелял?!

Позабыв про стоявшего рядом Джэксона, Малыхин намотал на шомпол белую тряпицу и вогнал в ствол, старательно прошелся от выходного отверстия до патронника. А когда вытащил ту тряпицу — она оказалась лишь запыленной...

— Меня словно током шарахнуло,— признался Малыхин комиссару.— Из винтовки той матрос Груля не стрелял... А я своего брата моряка к стене!..

— Погоди, не казнись. Разобраться надо.

— Виноват я — и все!..

— А кто же тогда поранил руку Звонареву?

— Теперь не знаю... Конечно, не сам себе.

— Но кто-то же стрелял в него? Это факт наглядный,— Колотубин вернул Малыхину красную книжицу: — Билет спрячь и не кидайся им, ясно? Надо будет, отберем. Не забывай, Валентин, что тут ты партией поставлен на серьезную должность, и мы с тебя спрос будем иметь на полную катушку! Так и знай. И если в отряде живет гнида и до сих пор ее не распознали, она ходит в нашем красноармейском обличье, то только с тебя, с чекиста, с особого отдела, весь наш спрос. В стельку расшибись, но найди и выковыряй паразита, сломай ему хребет. Это тебе и по службе задание и партийное.

Малыхин бережно спрятал в карман партбилет. Его темное, хмурое лицо просветлело, а в глазах появилась кремне-

вая твердость. Моряк постучал крупным, как гиря, кулаком по деревянной луке седла:

— Слово балтийца... Слышь, Степан?.. Найду гниду! Есть подозрения... Проверить надо.

Колотубин протянул руку и пожал кулак моряка:

— Верю! — И потом добавил: — А как выйдем к своим, доставим ценности и оружие, тогда пусть партийная комиссия разберется в степени твоей вины, да и не только твоей... На нашей совести смерть матроса.

В тот же вечер, на привале, Колотубин долго советовался с Джангильдиновым. Они, сев на коней, как обычно, перед кратким сном объезжали походный лагерь. Рассказ комиссара встревожил Джангильдинова, заставил, словно брошенный пучок сухих стеблей в костер, с новой силой вспыхнуть чуть угасшее беспокойство.

2

Когда вдали, в прозрачной линии струящегося по горизонту марева, вдруг явственно заблестела ровная полоса, похожая на озерную гладь, бойцы отряда привычно зачертыхались: опять солончак, или, как его тут называли, шоры...

Через несколько часов, когда караван приблизился, блестящая полоса разрослась в длину и ширину, и самое примечательное, она стала заметно блекнуть, сереть. А потом полоса как-то сразу потемнела, появился буро-серый оттенок выжженной солнцем глины.

— Мать честная, земля! — воскликнул радостно Круглов, скакавший в головной группе.

— Кажись, кончились наши песчаные муки,— облегченно вздохнул солдат-фронтовик, пулеметчик, и на его исхудалом лице шевельнулись большие запорожские усы.— К земле мы привычные люди...

Лишь на монгольском лице Токтогула не дрогнул ни один мускул, только в раскосых глазах задумчиво темнели зрачки. Что говорить и зачем говорить, когда скоро увидим. Барханы становились все ниже, как бы уменьшаясь в росте, пока не стали пологими холмиками, поросшими редкими метелками ковыля и высохшей колючки. И за теми пологими песчаными холмиками открывалась неоглядная ровная глинистая площадка, гладкая, как вымазанный хозяйкой пол в хате. Только он под солнцем весь потрескался. Глубокие щели мириадами морщин разбежались в разные стороны.

Всадники въехали на глинистую шершавую землю, и копыта лошадей звонко зацокали, словно у них под ногами была охваченная первым морозцем степь. После долгой тишины, когда лошади бесшумно месили песок, цоканье копыт показалось теперь оглушающе звучным, и бодрящим, и родным. Но вскоре от него еще больше защемило сердце.

— Гиблая земля,— грустно произнес Круглов,— даже колючки на ней, мертвой, не растут.

— Это же такыр,— сказал Токтогул.— Так земля такой называется. Такыр.

Далеко впереди, чуть видные человеческим глазом, скакали бойцы разведки, оттуда лишь приглушенно доносился ровный стук копыт.

На такыр въехала новая группа всадников, которую возглавлял аксакал Жудырык. Он иногда склонялся, подолгу рассматривал однообразную глинистую землю, чему-то улыбался, довольный, и ехал дальше.

— Чудной старик,— сказал Круглов.— Как он тут дорогу находит, когда кругом такая ровность, даже глазу зацепиться не за что?

— Почему ничего нет? — Токтогул вытянул руку.— Смотри сюда, видишь побитый земля... Тут лошадь ходил, много груз нес. А вот тут верблюд шел... Понимай надо, тут караван ходи, давно-давно ходи, тут дорога.

— Токтогул, а ты все видишь? — Круглов нагнулся, придерживаясь рукой за седло, и внимательно разглядывал землю.— Верно, вроде выщербины махонькие...

— Каждый живой свой след имеет, каждый тень имеет. Без след и без тени нет ни человек, ни лошадь, ни баран, ни верблюд, ни маленький жук,— пояснил Токтогул.— Пастух глаза имей, пастух след читай, как ты книгу читай.

Такыр все разрастался и разрастался. Проходили один километр за другим, а края все не было видно. Солнце тихо, словно его осторожно спускали на лебедке, начало двигаться к закату. Лучи его стали хлестать по лицам. Бойцы надевали фуражки набок, закрывали щеки козырьком, но это мало помогало. Сидевшие на повозках и арбах как-то еще приспосабливались, они могли сесть боком, повернуться спиной к огненному шару.

А всадникам приходилось совсем туго, от лучей никуда не денешься. Несколько человек соскочили с лошадей и торопливо шагали рядом, прячась за крупом. Но пешим за конем не угонишься долго, от быстрой ходьбы потели сразу, и жажда еще сильнее царапала сухое горло...

Баклажки и железные бачки были у многих почти пусты. До колодца, до привала еще далеко, да и никто не знал, сколько там окажется воды. Хватит ли на всех хоть по малой порции? Не повторится ли позавчерашняя история, когда подошли к степному колодцу, вырытому в лощине, окруженной барханами, спустили ведро, а там лишь влажный песок... Воду строго делили, выдавая из бочек и кожаных мешков — бурдюков, что везли на подводах и на верблюдах. В первую очередь поили коней, потом — бойцов, по кружке на брата...

От унылой степи несло жарким, сухим духом, казалось, что на этой равнине, страшной своей пустотой, земля просохла до самого далекого нутра и выпарила все жалкие остатки влаги... Она стала тяжелой и плотной, словно камень, и с немой тоской смотрела на пустое небо потрескавшимися и спекшимися губами.

Только поздним вечером, когда солнце сделалось огромным и тяжелым, налилось сухим малиновым цветом и стало тихо тонуть вдали, на краю такыра, окрашивая небо и землю в красноватые оттенки, подошли к одинокому колодцу. Рядом стояла невысокая кибитка, связанная из камышовых стеблей и обмазанная глиной, которая местами, особенно около двери, пооттвалилась.

В кибитке было пусто, валялась запыленная драная циновка, на которой дремала, свернувшись калачом, темно-серая с пятнами большая змея. Она подняла голову, яростно зашипела, когда заглянули внутрь мазанки. Два бойца отпрянули от двери, предостерегающе крича:

— Не подходь, гадюка там здоровенная!

Токтогул соскочил с лошади и, сжимая плетку, направился к двери. Круглов сорвал со спины винтовку, поспешил за ним. К окну кибитки, держа винтовки, подбежали красноармейцы. Но их помощи не потребовалось. Токтогул ловкими ударами камчи прикончил змею.

Потом он вытащил ее на солнце и, вынув нож, быстро содрал с гадюки кожу.

— Зачем тебе шкура? — спросил Круглов, наблюдая за его работой.

— Обтяну ею рукоятку камчи. Будет красивая.

Круглова интересовал больше колодец, чем змеиная шкура, и он пошел к темной дыре, обнесенной невысоким глиняным валом. Там уже толпились бойцы. Колодец оказался глубоким, веревки пришлось связывать. Воды в нем было вдосталь. Наверх подняли почти три сотни полных бурдюков, потом пошла мутная жижа.

Аксакал Жудырык велел прекратить черпать жижу:

— Пусть источник отдохнет до нового солнца, соберет воду.

Вода была на удивление холодной и с привкусом горечи и соли. Но ее пили с жадностью. Чокан поставил самовар, и возле медной утехи Грули долго толпились с кружками охотники хлебнуть горячего кипятку.

Малыхин дважды подходил к самовару и издали наблюдал за чаепитием. Бойцы смеялись, шутили, а у него на душе было пасмурно. Он смотрел на поблескивающий в темноте отсветами костра медный самовар и вспоминал веселого и сердечного моряка, к которому он, Малыхин, почему-то тогда питал неприязнь. То ли за беспечную веселость, то ли за острое и складно сказанное слово... Но прошлого не вернуть, только печаль в сердце застыла накипью, и ее не сковырнуть до конца дней жизни.

3

Бернард Брисли не был трусом, но чем дальше уходили в пустыню, тем отчетливее выступал страх за собственную жизнь. Конечно, он никогда не думал и не подозревал, что обыкновенный и, как иногда любили говорить люди его круга, «презренный животный инстинкт самосохранения» может брать верх над разумом. Мохнатый и дикий, древний как мир, этот инстинкт охватывал душу своими щупальцами и заставлял учащенно колотиться сердце. Выжить, выжить, во что бы то ни стало!..

Несколько дней назад он только смутно чувствовал пробуждение инстинкта и даже слегка посмеивался над собой: «Вот никогда бы не думал, что у меня могут просыпаться детские страхи!»

Но когда одолели глинистую равнину и на краю такыра, там, где начинается редкий саксаульник, наткнулись на белесые скелеты пятерых людей и чуть в стороне — лошадей и верблюдов, у видавшего виды Бернарда по спине пробежал неприятный холодок.

Он видел, как сошел с коня охотник Жудырык, как упал на колени и долго бормотал странные восклицания на своем варварском языке. Сначала Бернард думал, что аксакал просто причитает над прахом людским, но через некоторое время бойцы отряда передавали из уст в уста:

— Старик знавал тех людей!

Джангильдинов тоже сошел с коня и стал рядом с аксакалом в скорбном молчании. Колотубин последовал его примеру. В густой, как шерсть, жаре глухо звучали слова Жудырыка, который по имени обращался к каждому скелету, и от его голоса становилось жутко. Пустыня показывала свое угрюмое могущество.

Бернард, не слезая с верблюда, молча рассматривал скелеты, на которых кое-где местами еще держалась истлевшая одежда, ржавый кинжал, позеленевшие патроны и полусгнивший ковровый мешок. Из его дыр бойцы высыпали на жаркий песок вспыхнувшие огненными бликами золотые монеты...

— Они ушли десять лет назад в благородную Хиву, у них был большой караван,— тихо вспоминал Жудырык.— Меня тоже звали, особенно вот он уговаривал,— аксакал показал на скелет человека с короткими ногами, рядом с ним лежало поржавевшее охотничье ружье.— Обещал хорошо платить... Они ушли в Хиву, и больше никогда и никто их не видел. Такова воля аллаха!.. Только с тех пор никто не ступал по этой тропе на Усть-Юрт.

И снова старый охотник вздымал руки к небу, подносил ладони к лицу и проводил ими по щекам и бороде, как бы совершая омовение, и глухим гортанным голосом произносил слова молитвы.

Потом, немного успокоившись, Жудырык долго рассматривал кости, бродил вокруг, в редких зарослях саксаульника, и на бугристых песках читал следы разыгравшейся много лет тому назад трагедии...

Испокон веков пустыня говорила с человеком языком следов. Она лежала перед зоркими глазами охотника, словно раскрытая книга на песке. Пусть прошло много зимних дождей и пронеслось много песчаных бурь. Они стерли подробности, убрали следы стервятников и мелких хищников, что лакомились доставшейся им добычей. Однако пески сохранили следы большой беды. И Жудырык был первым, кто за прошедшие десять лет их увидел и прочел.

— Караван шел не в Хиву, а уже возвращался назад, в родные края. Люди шли довольные, везли женам и родственникам подарки, а в ковровых хурджумах прятали деньги,— тихо рассказывал Жудырык, словно трагедия разыгралась на его глазах.— Но на Усть-Юрте караван стал пленником безмолвных барханов и сухой степи. Пустыня шутить не любит, потому она так сурова и малоприветлива. Она круто обошлась и с пятью несчастными. У них кончилась вода, а до колодца было далеко. Нет, они не сбились с тропы, они шли правиль-

но. Только их лошади устали, а верблюды обессилели. Но люди шли по тропе к такыру, они знали, что там есть колодец.

Здесь, в саксаульнике, пятеро остановились на последний ночлег. Зарезали верблюда и выпили его кровь. Вот он лежит, голова у него откинута. Но кровь не утолила жажды... Кони тоже не могли двигаться, и пришлось их прикончить. Несколько дней путники питались сырым мясом, но примчался «афганец» — песчаная буря.

— Отец, почему вы решили, что пришел большой ветер?

— Посмотри на голову каждого. Видишь, они закрыли свои лица платками и полами халатов, от которых остались истлевшие кусочки.

— Вижу, отец.

— Теперь смотри, как они лежат. Так близко друг к другу ложатся на склоне бархана, когда надвигается буря.

— Отец, значит, их засыпало песком?

— Верно, сын, и я тоже сказал, что они стали пленниками пустыни. Они были мудрые люди и правильно легли, только потом ветер переменил направление, а никто из пятерых не знал о том. Они лежали под песком и ждали конца бури и начала спокойствия. А дикий ветер собрал много песка и сделал здесь большой бархан. Очень большой бархан. Песок лег им на спины, и они не смогли двигаться. Такова воля аллаха, он похоронил их в песках.

— Отец, а куда девался тот бархан?

— Через три или четыре весны сюда снова пришел сильный ветер и распушил высокий бархан, разровнял пески. Открыл людей, открыл саксаул. И тогда эти саксаулы, заснувшие в песках, стали оживать. А люди не имеют длинных корней, чтобы питаться соками земли. Они потеряли жизнь... Аллах ее дал и аллах взял.

Откуда ни возьмись появилась черепаха. Крупная, похожая на большой плоский камень, она выползла из-за корявого ствола саксаула. Тускло поблескивал толстый глинисто-серый панцирь. Вытянув морщинистую старушечью голову, она равнодушно проковыляла на корявых лапах мимо скелетов, ухватила стебелек засохшей травы, торчавшей возле белой голени, и двинулась дальше.

Бойцы молча смотрели на жительницу пустыни, которая, возможно, была очевидицей трагедии.

Жудырык собрал уцелевшие вещи и оружие погибших, переложил в свою сумку деньги, взял немного истлевшей одежды:

— Повезу родственникам... Пусть плачут и знают, что их мужья и отцы стали пленниками песков...

Красноармейцы вырыли просторную яму и погребли останки несчастных.

4

Бернард размеренно качался на спине верблюда, а перед глазами у него все еще белели человеческие скелеты и огненными бликами отражало солнце никому не нужное здесь золото...

День проходил за днем, и Бернарда по-прежнему преследовали гнетущие мысли. Ведь не исключено, что так же, как те пятеро степняков, в песках будут лежать сотни участников проклятой экспедиции и, самое главное, его собственный скелет... А мистеры из Восточного отдела Британской разведки не поймут, не оценят этой жертвы, преспокойно отправят его досье в архив.

Он уже несколько дней не смотрел на свой маленький компас, он и так знал, что отряд движется не на юго-восток и не просто на восток, а круто взял на север, туда, где лежит Аральское море, а за ним — Актюбинский фронт.

Бернард понимал, что им необходимо действовать. Действовать, не теряя дней, действовать быстро и решительно, чтобы задержать отряд, замедлить его продвижение. На дне сумки лежали завернутые в темную плотную бумагу маленькие белые таблетки и порошки. Их надо лишь незаметно опустить в колодец. Двух-трех таблеток достаточно...

А о себе уж он позаботится. Четыре армейские фляги припасены, а объемистый бурдюк приторочен к седлу барона Краузе. Воды хватит им, как он раньше полагал, на первое время, пока подойдут всадники, посланные генералом.

Но у него не хватало сил решиться. Слишком суровой и безмолвной лежала вокруг пустыня и смотрела темными глазницами высохших черепов...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

1

Плато Усть-Юрт простиралось огромным унылым такыром, только здесь слежалая глинистая белесая почва не имела паутины многочисленных щелей-морщин, лишь кое-где была усеяна ржавой галькой. Растительности почти никакой, из-

редка одиноко торчали высохшие колючки, редкие метелки бледно-серой полыни и сиротливые, чахлые кусты боялыча и биюргуна. Куда ни глянешь — везде ровная поверхность, припыленная белесой гипсовой пудрой, однообразная и безжизненная.

Только легкое дуновение ветра метет мелкий песок и пыль и завивает их воронками да изредка, неуклюже переваливаясь, катятся прошлогодние кусты перекати-поля.

Это была самая глинистая и самая нищая земля, какую только видели бойцы за свой многодневный поход. И плоские блюдца высохших солончаков, и потрескавшиеся огромные площадки такыров лежали на их пути, как родимые пятна пустыни и сухой степи. Их проходили, и снова двигалась навстречу пустыня с зыбкими барханами, похожими на застывшие волны, песчаными буграми, на которых росли рощи саксаула, низины с полузасохшей травой...

А здесь — бескрайняя пустота. Пески тоже были пустыми, но каждый понимал, что на то они и пески. Даже на бугристых местах, ступив ногой, бойцы пробовали тонкую пленку покрова и видели оранжево-бурый мелкий песок. Что возьмешь с него? На Усть-Юрте совсем иное дело. Перед глазами была земля. Нищая, глинистая. Она, казалось, собирала и хранила, не остывая, жар солнца, как мать хранит печаль о погибшем сыне, и давно позабыла обо всем ином. Горько было смотреть на мертвую и глухую равнину, бесплодную и жесткую.

Караван шел и шел через одинаковое голое пространство, окруженный безмолвием и равнодушием земли.

Красноармейцы, измученные постоянной жаждой, казалось, перестали обращать внимание на равнину, они научились дремать в седлах и спать на тряских арбах. И часто, когда их еще не сморил сон, закрыв глаза, вспоминали они далекие и невероятно простые места, где растут леса и раздолье трав, где много обыкновенной воды. И в реках, и в колодцах, и в лужах, что переливаются голубыми блестками после обильного дождя.

Дробный стук конских копыт, монотонное, заунывное поскрипывание колес, давно не мазанных дегтем, тихий, приглушенный говор усталых людей и одинокая гармоника нарушали вечное безмолвие равнины. Караван шел дальше, а сзади снова смыкалась густая тишина, и лишь встревоженный тушканчик, обычно юркий и подвижный, любопытный до крайности, одиноко стоял возле своей норы. Он, привстав на задних лапках, застыл, чем-то похожий на человеческое суще-

ство, большеротый и короткорукий, и смотрел огромными выпуклыми, словно в очках, глазами на уходящий караван, над которым вилось легкое облако пыли...

2

Джэксон, закрыв глаза, лежал на высокой арбе, и кожей лица ощущал легкое, едва уловимое дуновение, что исходило от вращающихся огромных колес. Рядом, накрывшись шинелью, дремал мадьяр Янош Сабо. Его длинные ноги в обмотках, словно жерди, торчали с краю арбы.

Джэксон и Мурад сначала располагались на этой арбе, но ярый кавалерист-туркмен никак не желал «ехать, как женщина». Он уговорил Сабо обменять беспокойное место в седле на тихую жизнь пассажира арбы, на что мадьяр охотно согласился.

Они подружились сразу, едва Джэксон попал в интернациональную роту экспедиции. Янош знал слабо русский и немного английский, благодаря чему почти свободно разговаривал с Сиднеем. Янош при каждом удобном случае вспоминал свой Будапешт, широкий Дунай и красавцы мосты, по которым бродил со своей невестой три года назад, до отправки на фронт, до пленения...

Худощавый и жилистый, с мягким взглядом спокойных карих глаз и выпуклым большим лбом, он скорее напоминал учителя, чем слесаря,— Янош работал на Будапештском машиностроительном заводе. Сабо трудно переносил жару и постоянно жаловался на изнуряющую жажду, утверждал, что у него за время похода «высушилось тело и кожа присохла к костям», и потому считал лучшим способом сохранить оставшиеся силы, еще нужные революции,— спать как можно дольше. И он, едва трогались в путь, располагался на арбе рядом с пулеметом, накрывался с головой толстой солдатской шинелью, и вскоре доносилось его ритмичное похрапывание.

Сидней, честно говоря, завидовал мадьяру, его умению спать в таких тряских условиях: арба противно дрожала и подпрыгивала на каждой кочке, да еще к тому же заунывно скрипела огромными колесами. Джэксон несколько раз пытался последовать примеру своего нового товарища, но у него ничего не получилось, он не мог заснуть. Часами лежал с закрытыми глазами, но сон не приходил, а в голову лезли всякие непрошеные мысли и тоска по далекой родной Америке...

Если Джэксону и удавалось вздремнуть на арбе, то потом

на привале, он не мог заснуть до полуночи, ворочался и чертыхался. Так было и вчерашней ночью. Сон не приходил. Слева и справа, разостлав на жесткой земле шинели или войлочные подстилки, спали бойцы. У тлеющего костра, обхватив винтовку, сидел и клевал носом дежурный. Он то и дело звучно зевал и потягивался, изо всех сил боролся с навязчивым желанием прилечь и окунуться в сладкую нежность сна.

Сидней, чертыхнувшись в который раз, стал рассматривать перед собой темное, почти черное замшевое небо, на котором низко над землей и удивительно ярко светили крупные звезды. Он долго смотрел на ковш Большой Медведицы, на голубое сияние Полярной звезды, похожей на осколок льда, на красный Марс, большие и малые звезды, и ему вдруг небо показалось огнями гигантского города, вроде Нью-Йорка...

Нахлынули воспоминания, далекое стало близким... Вот он, молодой и сильный, выходит на ринг, тренер снимает с него халат и легонько подталкивает ладонью: «Давай, Сид!» Из противоположного угла под рев публики, выставив кулаки, обтянутые пухлыми боевыми перчатками, нагнув голову, идет противник... Все это было, было... Повторится ли когда-нибудь?

Сна нет и скоро не будет. Сидней поднялся и, осторожно шагая через спящих красноармейцев, побрел в степь. «Надо устать, надо немного походить,— говорил он сам себе.— Целый день без движения... Пройду две-три мили, тогда и сон сам ко мне явится».

И он пошел в степь. Ходил долго и в темноте, в стороне от привала, проделал упражнения на ходу, попрыгал на носочках, провел несколько раундов «боя с тенью»...

Стояла глубокая ночь, когда Джэксон возвращался к своему костру. После легких боксерских упражнений он устал, хотелось пить и отдохнуть. Джэксон подумал: пару глотков можно сделать, но не больше — фляга его почти пустая. Ему и Мураду пока выдавали еще двойную порцию воды, однако и ее не хватало.

Джэксон отвинтил крышку, поднес ко рту. «Только два глотка,— приказал он сам себе.— Только два».

Он выпил три глотка. Просто не мог удержаться. Теплая и горьковато-соленая вода, казалось, лишь слегка смочила глотку и не утолила жажды. «С полведра выхлестал бы сразу, если бы представился случай»,— подумал боксер.

Вдруг неподалеку от повозок появились две тени. «Видно, тоже бессонница мучает,— решил Джэксон.— Не спится людям!» Он хотел было уже выйти к ним навстречу и поболтать,

как до него донеслись английские слова. Сидней на секунду замешкался: неужели в отряде есть англичане? А он, оказывается, не знал. Вот хорошо, есть с кем поговорить на родном языке!

Но выйти из тени арбы к разговаривающим он не успел. Сидней уловил смысл странного разговора и сразу насторожился. Джэксон приник к арбе и не сводил глаз с неизвестных. Те говорили приглушенно, почти шепотом, однако до Сиднея долетали отдельные фразы, смысл которых был весьма ясным. Джэксон оторопел: в отряде зреет какой-то заговор или готовится какая-то диверсия... Оба обвиняли друг друга в нерешительности, то и дело звучало слово «золото», один другому что-то упорно доказывал...

Джэксон опустился на землю, лег между колесами и, стараясь не шуметь, тихо пополз к говорящим. На одном он разглядел командирскую кожанку. Другой высокий, был в гимнастерке.

— Малыхин пригласил меня к себе, посадил на повозку и не отпускал до привала, все расспрашивал, вернее допрашивал об истории на форте.

— Все о том остолопе моряке? — спросил тот, что был в кожанке.

— Да, все о нем. По нескольку раз переспрашивал, интересовался подробностями. Боюсь, что им стало что-то известно.

— Это исключено.

Джексон полз беззвучно, как ящерица, вытирая животом землю. Малыхина он знал. Начальник особого отдела отряда. Хмурый и неприветливый моряк. Малыхин в первые дни тоже дотошно выспрашивал Джэксона и Мурада: что, и как, и почему... Тошнило от его назойливых вопросов! И в то же время его можно было понять: служба у него такая.

— А если Малыхин станет допрашивать и тех солдат, что находились возле радиостанции?

— Они ни черта не знают, барон,— ответил человек в кожанке.

Джэксон удивленно насторожился: барон! Еще одна новость! Неужели высокий в гимнастерке настоящий барон? Или, может быть, это его прозвище?

— Но они видели, как туда первыми вошли мы с вами.

— Вы правы, вполне может быть,— человек в кожанке немного помолчал, потом тихо сказал, словно приказывал: — Малыхина придется послать в гости к предкам.

— Шуму много будет.

— Можно и без шума. У нас же есть порошок, действует мгновенно.

— И вы думаете, он станет пить из наших рук? — в голосе высокого сквозило недоверие.— Он хитрее нас с вами.

— Пить, конечно, эта скотина красная не будет. Но есть другой способ, о нем хорошо написал великий Шекспир в «Гамлете».

— Отравленные шпаги? — неуверенно спросил высокий боец.

— В следующий раз, если нам представится возможность, дорогой барон, я с удовольствием прочту вам лекцию, мы более подробно поговорим о великих английских писателях, и в частности о Шекспире,— в голосе человека в кожанке звучала плохо скрытая насмешка.— Сейчас просто некогда. Лишь напомню высокообразованному барону, что датского короля, отца принца Гамлета, отправили к праотцам элементарно примитивным способом. Ему влили в ухо некий настой, вроде разведенного нашего порошка, когда тот изволил почивать. Малыхин не царственная особа и поэтому должен даже гордиться, что мы его убираем таким способом, не так ли?

У Джэксона сердце застучало тревожными толчками. Убрать Малыхина! Чего захотели!.. Пусть этот хмурый квадратный моряк был Сиднею не по душе, но он помешает убийству. Кулаки сжались сами собой. Джэксон пожалел, что при нем нет никакого оружия. Он смерил боксерским оценивающим взглядом обоих. Придется начинать с того, что в кожанке, с главного.

— Поручаю вам, барон...

— А если я не желаю лезть головой в петлю?

— Я приказываю!

— Поменьше надменности и побольше разума, сэр! Обстоятельства сложились так, что мы в этой дикой пустыне равноправные партнеры.

— Заткни глотку. Ты служишь нам! — грубо оборвал человек в кожанке.

— Вы забываетесь, господин англичанин! Я дворянин, мои предки...

— Дерьмо ты и твои предки...

— Что вы сказали?! Повторите!

Джэксон в темноте увидел, как в правой руке барона, отведенной назад за спину, тускло блеснуло лезвие короткого кинжала. Это заметил и тот, в кожанке, он примирительно произнес:

— Ну что ж, если вы настаиваете, можно и как равные...

Мы грыземся из-за каких-то пустяков. Право, Малыхин не стоит того, чтобы мы портили друг другу нервы. Сделайте шаг назад и спрячьте нож, барон, меня все равно им не запугаете.

— Сначала решим, кому убирать чекистскую гадину.

— Тогда по-джентльменски, бросим жребий.

— Согласен, только тут ни черта не видно. Не разберешь, где орел, где решка.

— У меня есть спички.

— Зажигать не стоит.

— Английские моряки решают спор просто. Ломают спичку. Кому достанется головка, тот и пойдет выполнять приказ.

Человек в кожанке сунул руку в карман и вдруг резко отскочил в сторону. В его руке вместо спичечной коробки оказался маленький браунинг. Щелкнул предохранитель.

— Один из нас уже почти разоблачен, значит, ему надо выходить из игры,— сухо и холодно произнес он по-английски и в следующую секунду закричал по-русски громко и отчаянно: — Стой, белая сволочь! Не уйдешь!

И один за другим тишину разорвали гулкие выстрелы.

Джэксон, словно подброшенный пружиной, вскочил и стремглав ринулся к ним.

3

Последние дни Малыхин не спал ночами. Он устраивался неподалеку от колодца и до самого рассвета нес вахту, не смыкая глаз, следил за темной дырой в земле, из которой черпают воду. Он нутром чуял, что непойманная гнида будет пытаться забросить какой-нибудь яд. Ведь вода — самое уязвимое место в отряде. Ее не хватает и дают по строгой норме. А если лишить отряд на один, на два перехода этой самой влаги, то начнется тоскливая кутерьма. Верблюды еще, может, и будут шагать, но лошади груз не потянут. А самое главное — выйдут из строя люди.

Он пытался говорить об этом со Звонаревым. Но московский чекист только ухмылялся, словно видел перед собой человека у которого не все благополучно в черепной машине.

— Ну и ну! — прикладывал Звонарев ко лбу Малыхина свою ладонь.— Поостынь, наконец. Грулю ведь давно кокнули.

— А бурдюк, может, покойничек вспорол?

— Случайность какая-то. Подумаешь, один бурдюк... Может, кто оплошал из бойцов или воды сверх нормы взять

хотел, а ему помешали. Но если ты хочешь, Валентин, займусь этим делом. В Москве почище дела раскрывали...

— Валяй.

Однако Звонарев не успокоил его. Малыхину по-прежнему по ночам досаждали недобрые предчувствия. И он продолжал дежурить у колодцев.

Малыхин осунулся и похудел. Щеки ввалились и, как он сам говорил, «стали прилипать к зубам». На широком морском ремне перетянул пряжку, сделал новую дырку. Валентин не обращал внимания на свое здоровье. Его, как и прежде, грызла насквозь неотвязная мысль, что он до сих пор не разоблачил скрытого гада, притаившегося в отряде. Такой тип опаснее мины замедленного действия. Враг вертится рядом. Но кто же он?

Валентин вновь и вновь — который уже раз — вспоминал каждое слово моряка Грули, обвиненного в предательстве. Перечитывал свои короткие записи. Теперь он начинал верить моряку... Иван Звонарев вроде бы вне подозрения. Свой брат, чекист, пулю тогда получил... Но вместе с ним был еще и Кирвязов. И странно: Кирвязов находился и там, где свалился в пропасть верблюд и разбился ящик с золотом. Золотые монеты собрали все до единой. Только потом, как передавали ему свои люди, Малыхину стали известны любопытные подробности. Бойцы-киргизы, разделывавшие тушу верблюда, с удивлением говорили, что в его теле не нашли ни пули, ни ее следов. Впрочем, они могли и ошибиться. Но все это одни разговоры. Предположения. Подозрения. А фактов, доказательств — никаких.

Малыхин сегодня пригласил Кирвязова к себе. Тот спешился, привязал коня к кольцу, приделанному к задней стенке повозки, влез на повозку и, расположившись на тюке полушубков, подробно отвечал на все вопросы. Даже заинтересованность проявлял. А на потемневшем и слегка вытянутом осунувшемся лице, в спокойных блеклых глазах — и доверие, и озабоченность, и готовность помочь, и, черт возьми, каменное спокойствие. Можно было даже подумать, что ведет допрос не Малыхин, а он, Кирвязов.

И все ж Малыхин нашел, за что зацепиться. Кирвязов — о том Валентин несколько раз спрашивал по-разному — утверждал одно: он первым вошел к радисту в форте Александровский, а там уже находился Груля. Малыхин ухватился за эти слова. Он знал наизусть рассказы свидетелей-бойцов: в радиостанцию первым вошел Звонарев, и в него стрелял моряк, уже убивший радиста...

Опять задачка с одним неизвестным... Впрочем, в суматохе боя трудно запомнить, кто за кем бежал. Надо, наконец, поговорить и с самим Звонаревым... Уж больно он чистоплюем оказался. Все ножичком под ногтями ковыряет. И рожа холеная... А главное — с Кирвязовым якшается.

Малыхин лежал на куске кошмы, ковыряя в зубах. Еще днем он загодя настругивал себе зубочистки. Проклятая баранина застревала у него меж зубов и набивалась в дупла. Мучение сплошное. Мясо вареное так ему опротивело, что дальше некуда. С какой охотой похлебал бы наваристого матросского борщика да выдул бы дюжину кружек компота!

Темнота в степи наступала быстро. Едва тусклый красный шар солнца тонул за горизонтом, после коротких сумерек приходила ночь. Густая и душная, словно тебя накрыли с головой медвежьим тулупом. Дыхнуть нечем. Постепенно стихал обычный гомон, бойцы, утомленные дневным переходом и зноем, засыпали сразу. Коноводы отводили лошадей, отпускали пастись верблюдов. Только караульные бодрствовали у тлеющих костров.

Вдруг зашуршала галька, послышались чьи-то шаги. Валентин повернул голову и в темноте, при бледном свете звезд сразу опознал знакомый силуэт. Среди спящих красноармейцев, осторожно выбирая дорогу, шел комиссар. «Тоже беспокойства полная голова,— подумал уважительно о нем Малыхин.— И ночью отдыха нет».

Колотубин подошел к начальнику особого отдела и присел на корточки:

— Не спишь?

— Вроде еще нет.

— Подвинься.

Степан лег рядом. Поговорили шепотом о том о сем, о всяких мелких обыденных делах насущных, каких всегда полно в походе.

Малыхин хотел было вновь поделиться своими думами, но не стал: ведь задачку он пока так и не решил. Зачем наводить тень на московского чекиста и бойца-партийца? Свернули самокрутки. Покурили. Потом Колотубин положил свою крепкую ладонь на плечи Малыхину и сказал тихо, в самое ухо:

— Ты сейчас дрыхни до середины ночи, а потом меня сменишь.

Малыхин удивился: откуда тому известно про ночные дежурства? Комиссар как будто в самую душу заглянул и все там вычитал. Валентин даже словом ему о том никогда не

намекал. И он нарочно, словно не понимает, о чем идет речь, спросил:

— Ты, Степан, к чему это?

— Не прикидывайся, насквозь вижу. Хватит одному лямку тянуть, дело общее у нас.

— А ты откуда все взял?

— По глазам твоим, чертяка, за версту видно, что ночи не спишь. Круги синие легли, вроде бы тебе фонарь подвесили.

— Всевидящий ты, как святой,— улыбнулся Малыхин, и на душе у него стало тепло.

— Ладно, ладно, дрыхни. После середины ночи разбужу.

Валентин с удовольствием закрыл глаза, впервые за неделю представился случай по-настоящему вздремнуть. Правда, он спал, вернее будет сказать, пытался приучить себя спать на тряской повозке днем, но от такого спанья только башка становилась чугунной и гудела, как колокол, и нудно ныло тело.

— Спасибо, братишка...

И Малыхин, едва опустил веки, сразу уснул, погрузившись в теплую и ласковую нежность.

«Отключился в момент,— сочувственно подумал о нем Колотубин.— Вымотался крепко, видать, на одних нервах держался. Спи, друг, спи... Нам с Джангильдиновым тоже не сладко даются каждые сутки, но мы с ним по очереди успеваем подрыхать».

Колотубин лежал на боку и ощущал, как от земли шла теплота, словно зимою от разогретой лежанки. Над головою тихо мерцали огромные, необычно яркие звезды. Он никак к ним не мог привыкнуть, хотя уже какую неделю идут пустыней. Все кажется, что звезды нарочно спускаются над степью и на своем мигающем языке, пока еще непонятном, но чем-то похожем на телеграфные тире и точки, разговаривают с Землей. На каторге, в Сибири, Степан слушал многих ученых-революционеров. Один даже, помнится, как-то повел разговор об иных мирах, о жизни на других планетах.

Степан смотрел на звездное небо, на светлую полосу Млечного пути, всю утыканную малюсенькими, как острие иголки, светящимися точками, и думал-гадал, где же там, в пространстве, на какой звезде есть человеческая жизнь. Он выискивал звезды неяркие, бледные, потому что на ярких звездах никакой жизни быть не может, там сплошное огненное море, как в доменной печи, где клокочет расплавленный металл.

Вдруг сбоку, чуть в стороне, где стояли арбы и повозки,

раздался крик человека, потом грохотнули один за другим два выстрела.

Колотубин рывком вскочил на ноги и, расстегивая деревянную кобуру, пригнувшись, побежал на выстрелы. Впереди него большими скачками, с винтовкой наперевес, мчался Чокан. Лагерь пришел в движение. Бойцы вскакивали, сонные и злые, яростно щелкали затворами.

Малыхин сначала не понял, что произошло, не мог сразу скинуть цепкую пелену сна, здорового и крепкого. Но через секунду уже овладел собой и с наганом в руке бежал к темнеющим повозкам, чертыхаясь и матерясь. За все время один раз прикорнул, и — на тебе! — самое главное произошло без него.

Там уже была толпа. Оттуда слышалось:

— Задержали переодетого беляка!

— Одного ухлопали!

— Двоих задержали!

Когда Малыхин, работая плечами, протолкался в тесный круг, то увидал Колотубина и белесого красноармейца с американской фамилией, которого нашли в песках вместе с туркменом Мурадом. Тот, мешая русские и английские слова, быстро говорил комиссару, размахивая руками, как бы показывая:

— Они сволочь! Два сволочь! Я их бил по-боксерски...

Одиноко вспыхивали спички, зажженные красноармейцами, и при их неярком свете Малыхин увидел на земле распростертых Кирвязова и Звонарева. При виде Кирвязова у Валентина как-то стало легче на сердце: «Попался голубчик!» Но вот Иван Звонарев... Опять он с Кирвязовым! Видно, не случайно.

— Это нокаут,— пояснил Джэксон.— Понимаешь, боксерский нокаут.

— Ты их убил?

— Зачем убивать? Боксерский нокаут, понимаешь? Удар бах! — и голова совсем пьяный... Два сволочь, белый гад! — возбужденно говорил боксер, связывая поясным ремнем Звонарева.— Вяжите барона.

Принесли пучки сухого боялыча, он вспыхнул ярким пламенем, стало светло. Чокан накинулся на Джэксона:

— Ты что, в своем уме, американский шайтан! Это же чекист. Большой человек!.. Большой начальник!

— Он враг. Совсем не чекист. Я сам слышал! Сидней говорит правду-матерь, товарищ.

Чокан, оттолкнув боксера, хотел было уже развязывать

руки Звонареву. Но тут Кирвязов, раненный в грудь, пришел в себя и крикнул, указывая на Звонарева:

— Братцы, эта белая зануда меня хотела прикончить!

— Сам ты белая гадость! Барон! Хотели Малыхина отравить! — не унимался Джэксон и повернулся к помрачневшему Чокану: — Давай веревку!

Пришел Джангильдинов, бойцы расступились перед ним. Выслушав боксера, Алимбей нахмурился: американцу трудно было не верить, так искренне он негодовал. Но Джангильдинов также хорошо, кажется, знал чекиста Звонарева, который всегда отличался непримиримостью к врагам. Знал и Кирвязова, исполнительного бойца и партийца.

— Сами разберемся, товарищи.

Малыхин энергично замахал руками на обступивших бойцов:

— Расходись, ребята! Расходись! Досматривайте сны, братишки!

Через несколько минут около костра стало пусто. Бойцы отправились досыпать. Остались лишь часовые, Колотубин, Малыхин, Джэксон. Колотубин подбросил в костер сухих стеблей.

— Выкладывай, товарищ, как было дело? — спросил Джэксона Малыхин.

Сидней, немного волнуясь, снова повторил свой рассказ. И о бессоннице, и о прогулке, и о неожиданно подслушанном разговоре на английском языке. И о ссоре между Кирвязовым и Звонаревым, о том, что чекист почему-то называл Кирвязова бароном, и как Звонарев стрелял в Кирвязова, а он, Сидней, бросился на него, выбил браунинг и двинул так, что тот свалился мешком, и потом пришлось еще стукнуть Кирвязова, который, хотя и был ранен, кинулся сзади с кинжалом на боксера.

И только теперь собравшиеся обратили внимание на то, что на спине красноармейца, у левой лопатки, темнело на гимнастерке расплывающееся пятно.

Малыхин сразу сообразил: этот американец, получивший удар в спину, врать не будет. Звонарев — гнида.

Окончательно помог разобраться в ночном происшествии сам Бернард. Приходя в себя после нокаута, еще в полубессознательном состоянии, он вскрикнул на своем родном языке:

— Что со мной!.. Ужасно трещит голова... Бой, принеси виски с содовой!

Джангильдинов больше уже не сомневался. У московского чекиста оказалось безукоризненное лондонское произношение,

которым он, Алимбей, при всем старании так и не овладел во время своих скитаний по свету.

— Слышали?! Чисто английский! — выпалил Джэксон.— Водки просит. Голова, говорит, совсем плохо...

Малыхин, до последней минуты доверявший этому человеку, которого, как и все, принимал за чекиста, с трудом сдержал себя, чтобы не прикончить оборотня.

— Вы верите мне? — с надеждой в голосе закричал Кирвязов.— Видите, кто белая иностранная гадина?

— Брехня все! Сплошная брехня! — вдруг заорал Бернард, который окончательно очнулся и, яростно ругаясь, стал требовать, чтобы ему развязали руки.— Я имею особые полномочия Всероссийской чека, или мандата моего не видел? Кого слушаете? Американскую гидру, подосланную в отряд?

— Ты уже очухался? — спросил Малыхин.

— Хотели прикончить, сволочи! — Бернард выругался.

— Кто?

— Еще спрашиваешь, кореш! Вот они перед тобой. Только одного я успел поранить, а второй меня сзади стукнул по кумполу... Вот он, гад, американская гидра, скалит зубы!

Джэксон удивленно поднял брови, и его лицо вытянулось. Выходит, он, Сидней, вместе с Кирвязовым замышлял убийство начальника особого отдела, а Звонарев подслушал их. Ну и ну! Такого коварства он еще не встречал.

— Кто говорил про Шекспира? Кто хотел яд наливать в ухо товарищу Малыхину, говори?

— Конечно же, ты, американская сволочь! — Бернард приподнялся, повернулся к Малыхину: — А ну, кореш, скорей распутай руки, я сам придушу эту стерву!

— История повторяется,— произнес многозначительно Колотубин, молчавший до этого.— Опять те же...

Малыхин сразу понял, на что намекает комиссар. Там, в форте Александровский на радиостанции находились Звонарев и Кирвязов, они обвинили честного матроса Грулю. Теперь снова те же Звонарев и Кирвязов. Только на сей раз ранен Кирвязов, а пострадавшим может оказаться Джэксон...

— Да, я есть американец, честный американец! — Сидней негодовал.— А ты есть гадина, чисто говоришь на английский язык, без акцента! Откуда тебе известно английский язык, если ты русский пролетарский человек? Учить язык дорого стоит!

В доводах Джэксона была железная логика: действительно, откуда русский работяга Иван Звонарев может знать английский язык?

Бернард в ответ яростно ругался и обещал сообщить в Москву самому Дзержинскому о своем незаконном аресте и телесных повреждениях.

Колотубин подошел к Джэксону и положил тому на плечо ладонь:

— Мы тут сами разберемся, товарищ. Мы тебе верим! Иди отдохни, перевяжи рану. Завтра снова нелегкий путь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

1

Ранним утром, едва только стало светло и на востоке солнце высунуло из-за горизонта огненный лоб, Малыхин уже разбирал вещи, принадлежавшие Илье Кирвязову. Начальник особого отдела искал прямых улик. Предательство должно быть доказано, оно всегда имеет какие-то следы.

Валентин дважды придирчиво и дотошно осмотрел содержимое потертого вещевого мешка, прощупал одежду. Хоть бы какая-нибудь подозрительная вещица или бумажка. Малыхин тихо выругался. Он-то был убежден и готов голову свою отдать на отсечение, что Кирвязов контра, тот самый предатель, о котором предупреждали из Царицына. Однако одного убеждения явно было недостаточно, чтобы судить по всей революционной строгости. Нужны были еще вещественные доказательства. А вот с ними пока ничего не получалось...

— Хреновина сплошная,— Малыхин задумчиво потер ладонью лоб.— Задачка с одним неизвестным.

У Ивана Звонарева вещички оказались побогаче: кожаная сумка, почти новый портфель и пять фляжек. Все это нашли в сумке, притороченной к верблюжьему седлу.

Фляжки до пробки наполнены водой, а в одной, плоскенькой, находился спирт. «Запасливый, гад»,— Малыхин с неприязнью подумал о Звонареве. Валентин открыл кожаную объемистую сумку, вынул пару нижнего белья и тут же увидел небольшую записную книжку в плотном глянцевом переплете. Книжка как книжка, ничего особенного. Валентин раскрыл ее и... чуть не охнул от удивления. Листы записной книжки были знакомы: голубые линии, расчертившие страницу на клеточки, и одна красная черта вверху. А над ней цифры, нумерация страничек.

Выгоревшие брови моряка сошлись у переносицы. Не может быть! Валентин полез в свою сумку, достал спрятанный

в толстой тетрадке небольшой листок с зашифрованным текстом, найденный на радиостанции форта Александровский.

Сличил. Одинаковые!..

Быстро перебрал страницы, остановился, где вырваны. Тридцать пятой не хватало. Как раз той, что нашли возле разбитой радиостанции. Она точно ложилась на вырванное место.

— Елки-палки темный лес! — обрадовался Малыхин.— Все теперь ясно, как в штиль. Вот и решена задачка с одним неизвестным!

На листах книжки было много записей, и все на нерусском языке и еще цифрами вперемежку с буквами, как и на той странице. Записи сделаны одной рукой и одним и тем же химическим карандашом. В том легко можно было убедиться, сличив страницы.

Малыхин потер лоб ладонью. Такую записную книжку он долго искал в сундучке матроса Грули, искал в вещах Кирвязова. А она, оказывается, вот у кого!

Антипатия, которую Валентин питал к Звонареву, стала ненавистью, когда на дне кожаной сумки он обнаружил небольшой сверток, перевязанный шнуром. В свертке оказались две маленькие коробочки, а в них — порошки и круглые пилюли.

Валентин взвесил на широкой ладони невесомые коробочки, посмотрел на наполненные водой фляжки Звонарева. «Сам запасся, а нас травить задумал, как крыс»,— Малыхин уже твердо знал, что тот, кого так долго искал, был рядом с ним, ел из одного котла и пользовался большими правами чекиста.

Под подкладкой в кожаной сумке прощупывался какой-то плоский предмет.

— Пори, братишка,— велел Малыхин бойцу.

Тот аккуратно вспорол ножом материю. Там лежала пачка денег, американские доллары и английские фунты стерлингов. Малыхину приходилось видеть и держать в руках такую валюту в заграничных плаваниях.

— Шпарь за командиром и комиссаром,— приказал Малыхин бойцу.— Скажи, срочно... Есть доказательства!

А сам, рассматривая вещи Звонарева, думал о Кирвязове. Кто же тогда тот? Напарник или завербованный уже в походе тайным гадом? И почему же Звонарев, вернее контра с мандатом на имя Звонарева, стрелял ночью в Кирвязова?

2

Взводный командир Яков Манкевич стоял, прислонившись спиной к глинобитной стене мазанки, и смотрел в бинокль, как на краю горизонта пылили последние две повозки и монотонно вышагивали верблюды.

— Отряд ушел за край неба, а начальство еще дальше,— Яков опустил бинокль.— Мой папа, а он был самый знаменитый портной в Гомеле, всегда мне говорил такие мудрые слова: «Держись, сынок, подальше от начальства, а поближе к казенному котлу». Верно, хлопцы?

— Тебе виднее, ты ближе к нему был,— отозвался Фокин, сидевший на земле у самой стены, вытягивая длинные ноги.

Бойцы загоготали.

Их было пятнадцать человек вместе с командиром — небольшой арьергард, который двигался самым последним, на значительном отдалении, и служил своеобразным щитом тыла отряда.

Жили они дружной, несколько замкнутой семьей. Охотнее и чаще других соглашались на скучную роль замыкающих, потому как умели извлекать из такого положения определенные выгоды. Какие могут быть в пустыне враги? В горах можно ждать засады, нападения. А тут? Все, как на ладони...

После ухода отряда отдыхали, полдня спали, черпали воду из колодца, варили еду; если накапливалось много воды, даже стирали белье, мылись. Кони тоже были сыты и не испытывали жажды. После полудня группа снималась и быстрым маршем шла вдогонку за отрядом.

— Фокин — дневальный! — приказал взводный.

— Опять Фокин,— недовольно пробурчал длинноногий молодой боец...— Почему меня?

Еще вчера Фокин дневалил — торчал на солнцепеке и охранял, как шутили товарищи, «боевой сон засланцев».

— Забыл про наряд! Следующий раз винтовку будешь лучше чистить,— сказал Манкевич и протянул бинокль: — Вооружайся дополнительным зрением.

— На кой хрен он мне? Все едино пусто кругом, ни одной живой души,— пробурчал Фокин, досадуя на придирчивого взводного: «Сам портновских кровей, а замашки офицерские».

— Для порядка,— беззлобно ответил Яков.— Будешь через бинокль рассматривать наши сны.

Скаля зубы, красноармейцы располагались на полу, в мазанке. Винтовки сложили, как палки, у стены, а вещевой мешок каждый клал под голову. Фокин с открытой завистью

смотрел на товарищей. Прошлая ночь выдалась суматошная, спать как следует не пришлось. Выстрелы, поймали предателей, один из которых прикидывался чекистом, потом долго разговаривали в своем кругу, вспоминая разные истории.

— Немного позагорай на солнышке, а потом опускай бурдюк в колодец, вода наверняка поднакопилась,— велел командир, снимая сапоги.— Вперед попоишь коней, понял, а напоследок можешь стирать свои шмотки.

— Сеня Фокин, возьми мои портянки,— сказал усатый боец, хитро щуря глаза.

— На кой черт они мне?

— Стирать будешь, заодно и мои вымоешь, а я за тебя так и быть, отхраплю.

— Вовсе не смешно.

Фокин ругнулся и вышел.

Со всех сторон до самого горизонта лежала плоская с небольшими ложбинками выжженная буро-ржавая равнина. Тоска! Фокин зевнул раза два, потянулся, смачно выругался. Не везет так не везет! Подошел к коновязи, подложил лошадям сена, если можно так назвать бурую высохшую траву. Верблюд пасся на воле, аппетитно поедая сухие жесткие кусты колючки.

Фокин, лениво передвигая длинные ноги, прошелся перед пастушьей мазанкой, подошел к колодцу. Заглянул. Из темной глубины несло приятной свежестью.

— До чего, черт возьми, хочется храпануть,— сам себе сказал Фокин.

Время тянулось томительно медленно. Побродив по площадке, зевая и потягиваясь, Фокин двинулся к теневой стороне мазанки. Сел, потом, вытянув ноги, прислонился к стене. Закрыл глаза. «Что я рыжий, что ли? Чай не при старом режиме,— уже засыпая, лениво думал Фокин.— Утренний сон самый пользительный... только больно твердая земля, хорошо бы залезть на сеновал или на скирду...»

Сколько времени проспал он, Фокин не знал. Проснулся от гулкого стука копыт, словно мчалась на него казачья лавина. Фокин тряхнул головой, с трудом открывая слипшиеся веки. Ему все казалось, что это сон — кони и всадники... Но все равно проснуться надо, а то взводный опять наряд всыплет.

Фокин открыл глаза и оторопел. Прямо к колодцу, рассыпавшись веером по степи, мчались всадники. Их было больше сотни, а может, и несколько сот. Неужели отряд вернулся?

Пригнувшись, сливаясь с лошадьми, они неудержимо приближались.

— Красиво чешут,— вслух подумал Фокин, зевая и потягиваясь.

И вдруг его словно ударило током — всадники были в белых и черных папахах, а у некоторых на голове намотаны чалмы, вроде чистого полотенца. Несколько секунд он смотрел на них, вытаращив со страху глаза. Потом вскочил на ноги.

— Тревога! — заорал не своим голосом Фокин.— Тревога!!!

Схватил винтовку, стал нервно срывать намотанную вокруг затвора тряпку. Два раза выстрелил.

Из мазанки выскакивали бойцы, торопливо щелкая затворами. Взводный моментально оценил обстановку: горстка против лавины!

«В отряд сообщить! — нервно клокотала мысль.— Предупредить!» И вслух скомандовал:

— Фокин, аллюр три креста, скачи в отряд!

Фокин расширенными глазами посмотрел на взводного: разве мог он бросить их в эту минуту.

— Выполнять приказ! — заорал взводный, торопливо стреляя в приближающихся всадников.

Семен рванулся к коновязи, отвязал коня и вскочил в седло. Горячий воздух бил ему в лицо, а за спиною затарахтели выстрелы.

3

Бой начался неожиданно.

Интернациональная рота замыкала растянувшуюся колонну отряда. Солнце перевалило на другую половину неба, и стояла та знойная и душная пора, когда особенно остро мучит жажда и наваливается усталость. Бойцы сонно покачивались в седлах, лошади лениво переступали ногами, в повозках, накрыв голову, спали красноармейцы. Половина дневного пути пройдена, но до привала еще далеко.

Малыхин, поджав ногу, сидел на повозке и расспрашивал Джэксона о ночной схватке. Вдруг послышались глухие, чуть слышные, одинокие хлопки. Джэксон первым обратил на них внимание.

— Стреляют.

— Показалось,— Малыхин хотел его успокоить и продолжать важную беседу.

— Выстрелы!

Джэксон вскочил на ноги и стал смотреть назад, откуда явственно доносились редкие выстрелы. Сонное оцепенение слетело с бойцов.

— Оружие в бой! — крикнул Янош Сабо.

Но отдельные красноармейцы не торопились. Какие могут быть еще враги в дикой степи, где жилья приличного нет?

— Кто-то отстал и со страху пуляет,— сказал понимающе Матвеев, который дремал на своем коне рядом с малыхинской повозкой.— Людей только зря будоражит.

— Скачет! Скачет! — раздались голоса красноармейцев, заметивших на горизонте одинокого всадника.

Малыхин навел бинокль. Да, то был действительно боец отряда. Он почти лежал на взмыленном коне, яростно нахлестывая камчой. Малыхин узнал бойца: Фокин, из взвода Манкевича, оставленного прикрывать караван. Недобрые предчувствия кольнули моряка.

— К бою!

Вслед за красноармейцем, словно выныривая из-под земли, показалась масса конников. Их становилось все больше и больше с каждой минутой. Они рассыпались по степи полумесяцем и лавиной мчались на растянувшийся караван, охватывая его полукольцом...

То были джигиты Ораз-Сердара, посланные по указанию генерала Маллесона через пески Каракумов, чтобы настичь и уничтожить отряд степной экспедиции и, главное, захватить оружие и золото. Именно этих джигитов видел полковник Эссертон из окна вагона, когда направлялся в Красноводск.

Опытные наездники, с детских лет привыкшие к седлу и хорошо знавшие пустыню, они стремительным маршем одолели большое пространство, пересаживаясь с одного коня на другого, ибо у каждого имелось по две лошади. Многие из всадников до поступления на службу к Ораз-Сердару промышляли грабежом, были калтаманами — степными разбойниками. Они привыкли вести бурную жизнь, полную опасностей и риска, неожиданно и стремительно налетать на караваны, грабить купцов, уводить пленных в пески, чтобы потом получать за них выкуп.

Теперь их вел в бой высокий английский офицер, которому с непривычки тяжеловато пришлось в таком дальнем походе.

Смяв единым ударом небольшой арьергард, всадники, воодушевленные первым успехом, бросились в погоню за един-

ственным красноармейцем, улизнувшим буквально у них из-под носа, да и не только за ним, а главное — за большевистским караваном, который теперь находился близко. Напасть неожиданно, застать врасплох, не дать возможности подготовиться к обороне — вот что заставляло их подгонять коней.

— Ла-алла-иль-алла! — раздался вопль из сотен глоток, и в воздухе замелькали кривые сабли.

Малыхин сразу оценил всю невыгодность позиции, если можно назвать позицией растянутый цепочкой тяжело груженный караван. Основная часть отряда впереди, и, пока подоспеют главные силы, бандиты искромсают их в капусту. Бойцы, торопливо срывая тряпки с затворов винтовок, занимали оборону. Малыхин выхватил из кобуры тяжелый маузер:

— Спокойно, братишки! Бей прицельным!

Его властный хрипловатый голос вселял уверенность. Малыхин сразу взял на себя командование. Срочно произвел перестроение, вывел на фланги арбы с пулеметами. Груженных тюками верблюдов спешно погнали дальше, чтобы они не мешали ведению огня.

— Ал-л-ла-а! — неслось по степи.

Лавина катилась грозным валом, как прорвавший дамбу водяной поток, готовый поднять и раздавить все на своем пути.

На правом фланге заговорил скороговоркой пулемет. И стало видно, как там, вдалеке, дыбились и падали кони, вываливались из седел всадники и одинокие лошади бежали куда-то в сторону. Но лавина неудержимо приближалась.

Джэксон стрелял, припав на одно колено, упершись в борт повозки.

— Пятый,— считал вслух Сидней, перезаряжая винтовку.

Он не испытывал ни страха, ни отчаяния, скорее, автоматически производил один выстрел за другим, спокойно и хладнокровно. Он просто понимал всю опасность и безвыходность своего положения. Если не удастся остановить, сбить, сдержать лавину всадников, то бой может закончиться в считанные минуты. Джэксон знал, чем кончаются налеты кавалерии на обозы...

Та-та-та-та!.. Та-та-та-та! — гулко и почти рядом застрочил второй пулемет.

Джэксон кинул быстрый взгляд влево, и на губах мелькнула улыбка. В десяти метрах от повозки развернулась арба, и, припав к станковому пулемету, мадьяр Янош Сабо свинцом поливал атакующих.

4

Чокан Мусрепов, едва только защелкали первые выстрелы, крикнул своему напарнику астраханцу Абдугапару, с которым вместе охраняли и везли на повозке связанных Звонарева и Кирвязова:

— Гони коней! Гони!

Он понимал, что надо как можно дальше, на безопасное место увезти предателей. И в то же время ему было обидно: идет бой, а он вынужден охранять, быть сторожем пойманных гадов. С каким бы удовольствием он их прикончил, но они нужны Малыхину. А когда сабли всадников засверкали уже у повозок, Чокан не вытерпел. Куда денутся эти связанные по рукам и ногам, как овцы? Он схватил свою винтовку. Минуту колебался — идти или не идти? Потом пригрозил Абдугапару:

— Смотри у меня, астраханец, головой ответишь за каждого! Понял? — и спрыгнул на ходу с повозки.

Пригнув голову, Чокан большими прыжками помчался назад, к каравану, где уже шла рукопашная. Со всех сторон неслись крики, грохотали выстрелы, дико и надсадно ржали раненые лошади, лязгали сабли, встретившись со штыками.

Чокан не заметил, как разрядил магазин. Перезаряжать было некогда. На него летел на взмыленных конях десяток всадников. Увидев свалившуюся набок повозку, Чокан ринулся к ней, вырвал тяжелое длинное дышло. Размахивая им, как соилом, боец сбил двух всадников, потом обернулся с быстротой тигра и пырнул концом дышла в грудь третьему головорезу, уже занесшему над головой кривой ятаган. С перекошенным от боли и страха лицом тот выронил свой ятаган и вылетел из седла.

Остальные наемники, пораженные исходом поединка, на минуту придержали лошадей, чем не замедлил воспользоваться Чокан. Он схватил под уздцы рослого скакуна, из седла которого только что выбил всадника, и прыжком вскочил на коня.

Размахивая тяжелой дубиной, как легкой палкой, Чокан помчался в самую гущу боя...

5

Абдугапар хлестал нагайкой лошадей, и повозка мчалась, едва касаясь колесами земли, как вдруг впереди увидел конников. То мчались головорезы Ораз-Сердара. Повозочный рас-

терялся. Он не знал, что делать, куда умчать повозку. В его ушах гудел голос Чокана: «Головой ответишь за каждого!» — и страх охватил Абдугапара. Он круто осадил коней, в какую сторону безопасней путь? А за спиной связанные предатели орали до хрипоты в голосе, грозили и требовали повернуть назад:

— Останови, собака!

— Повесим тебя на первом суку!

Ему вдруг стало холодно, и зубы отбивали противную дробь. Абдугапару казалось, что через несколько минут приближающиеся всадники с двух сторон подлетят к его повозке, изрубят. В отчаянии, надеясь на выносливость коней, он повернул в степь.

Не успели они вырваться на открытое пространство, как правый конь был ранен шальной пулей, она прошила ему шею возле гривы. Хлынула кровь. Почуяв запах крови, лошади, дико храпя, свернули, понеслись навстречу всадникам. Абдугапар дергал вожжами, хлестал нагайкой, пытаясь изменить направление. Обезумевшие кони его не слушались.

Бернард Брисли и барон фон Краузе лежали в подпрыгивающей повозке, не знали, радоваться им или горевать. У обоих на побелевших лицах застыло напряжение: если повозка перевернется, то им несдобровать...

Стремительно летящую повозку заметили свои. Красноармейцы подумали, что лихой пулеметчик, наверно, решил занять выгодную позицию и с фланга хлестнуть свинцом по коннице.

А Малыхин реагировал иначе. Он узнал особотдельскую повозку.

— Ушли гады! — выругался в отчаянии моряк.— Подкупили!

Малыхин вскинул маузер — и замер... Там, на повозке, вдруг привстал ездовой и, круто повернувшись назад, направил винтовку вниз. Дважды из дула сверкнуло пламя. А в следующую минуту повозку заслонили всадники в косматых папахах. В лучах солнца засверкали кривые сабли...

— Молодец ездовой! Напрасно плохо о тебе подумал.

6

Бой уже шел у самого каравана. Вокруг повозки, на которой находились Джэксон и Малыхин, лежали убитые кони и трупы джигитов. Малыхин, в одной руке держа маузер, в дру-

гой — наган, стоял спиной к Сиднею и в упор стрелял по наседавшим головорезам. Он был ранен, пуля навылет пробила мякоть бедра, а одному джигиту удалось концом сабли чиркнуть его по щеке. Кровь лилась по лицу.

— Держись, браток! — хрипел Малыхин.— Скоро наши подоспеют!

Джэксон поспешно перезаряжал винтовку — и бил, бил... Сидней думал лишь о том, как бы подороже продать свою жизнь. У ног лежали две круглые бомбы, он их берег на последний случай.

Оразсердаровские всадники почти торжествовали победу: они прорвались к самим повозкам и начали рубить и добивать яростно сопротивлявшихся красноармейцев. Окружив арбу с пулеметом, искромсали саблями венгра-пулеметчика. Двое нетерпеливых джигитов остановили верблюда и стали тыкать саблями, стремясь перерезать веревки, связывавшие тюки, и завладеть поклажей...

И вдруг сквозь грохот выстрелов, лязг и скрежет металла, отчаянные вопли и конское ржание послышалось знакомое и родное «ура-а!»

В атаку шли подоспевшие главные силы отряда, которые и решили исход боя. На полном аллюре сотня красных конников во главе с комиссаром Колотубиным мчалась навстречу противнику. А две другие сотни, предводительствуемые Джангильдиновым, рассыпались по степи, стремясь охватить фланги, зажать в кольцо.

— Ура-а-а!!!

— Свои! — крикнул Сидней.— Свои!

— Верно, браток! — сразу отозвался Малыхин.— Добивай сволочей!

Джэксон схватил бомбу, и, широко замахнувшись, швырнул ее в самую гущу наседавших конников. Гулко и басовито ударил взрыв, земля вздыбилась, разбрасывая в разные стороны всадников и коней.

— Ура-а-а! — катилось по степи.

Оразсердаровские всадники заметались. Курбаши, их предводители, осадив скакунов, спешно поворачивали назад. Торжествующий выкрик, который минуту назад вылетал из сотен глоток, сменился воплем отчаяния и страха.

Прекратилась пальба, молчали пулеметы.

Лишь вдали клубилась пыль, одиноко хлопали выстрелы. И вскоре стало тихо, лишь стонали раненые да жалобно ржали подбитые лошади...

Три сотни отборных джигитов, одолевших скорым маршем

Каракумы, были разбиты. Большая часть из них осталась лежать на сухих землях Усть-Юрта, несколько десятков попало в плен, и лишь небольшой группе удалось выскользнуть из тисков красных кавалеристов и, спасаясь бегством, уйти в степь. Среди них — несколько курбашей и перепуганный английский офицер.

Их преследовали красноармейцы несколько километров, но догнать на своих уставших конях не смогли...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

1

Победа досталась большой ценой. Отряд степной экспедиции понес значительные потери. Погибло около сотни бойцов, многие получили ранения.

Пострадавшим воинам оказывали первую помощь: перевязывали, поили водой. Осторожно сносили тех, кто сам не мог двигаться, к повозкам и арбам. Подстилали пучки сухих трав, чтобы было помягче, закрывали мешковиной, попонами, шинелями и на них клали раненых.

Семен Фокин, весь израненный, еще чудом оставался живым. Вокруг его повозки толпились бойцы. Всем им было жалко человека, который все-таки успел предупредить отряд.

— Вот и отдневалился я, братки...— пытался шутить Семен.— Теперь только на том свете покойный взводный наряд даст... Дайте курнуть напоследок.

К нему потянулось сразу несколько рук с цигарками.

У двоих бойцов были тяжелые раны в живот, они громко стонали, непрестанно просили пить, слабея с каждой минутой.

— Не жильцы они,— тихо сказал Матвеев Джэксону, помогая американцу перевязать руку.

Джэксон получил рану в самую последнюю минуту боя, когда видна уже была победа. Пуля саданула по предплечью, словно разрезала ножом. Рана, в общем, пустяковая, но кровь шла из нее обильно, весь рукав набряк.

— Смотри, кони на ногах не стоят, качаются, как подвыпившие,— Матвеев указал на оседланных лошадей.— Вымотались вконец.

Уставшие кони раскачивались из стороны в сторону, еле передвигали ноги, понуро опустив головы. То там, то здесь лошади вдруг падали и, судорожно подергав ногами, затихали навечно...

Двигаться вперед отряд не мог.

— Разбивать привал,— последовал приказ Джангильдинова.

Бойцы стали разводить костры, жарить куски конины: пришлось прирезать много раненых лошадей, да и убитых лежало вокруг достаточно. Чинили разбитые повозки. Собирали разбросанные винтовки, патроны, сабли. Снимали с убитых всадников кинжалы, шашки, кривые ножи.

Джангильдинов задумчиво объезжал недавнее поле боя, и невеселые мысли теснились в его голове. Еще один такой неожиданный налет, и отряд станет небоеспособным... Что их ждет впереди?

К вечеру, когда багровое солнце, словно набухшее от пролитой крови, село на линию горизонта, хоронили погибших бойцов.

Их положили рядами на теплую ржавую землю, на дно братской могилы. Среди них выделялось большое тело Чокана Мусрепова. Его нашли среди трупов врагов. Израненный, весь в крови, Чокан дрался до последнего дыхания. И даже когда он упал, сраженный несколькими пулями, враги остервенело кромсали саблями тело героя.

Джангильдинов вышел вперед, но говорить не мог. По его смуглым, почти кирпичного цвета обветренным щекам катились слезы:

— Прощайте, батыры... Прощай, брат Чокан...

Но усилием воли Алимбей переломил себя. В притихшей степи зазвучал его страстный голос. И бойцы, слушавшие его, как-то по-новому осмыслили все происшедшее в этой безводной пустыне, и каждый из них видел себя шагающим в тесных рядах красных воинов, над которыми, как сказал командир, сияло солнце мировой коммуны.

Трижды прогремел салют. Салют павшим. Салют идущим вперед.

2

Утром пленным дали поесть, потом с ними долго разговаривал Джангильдинов. Они сидели, поджав ноги и сложив руки, словно в мечети на молитве. Как и в прошлый раз, командир решил отпустить пленных, использовать их освобождение в агитационных целях.

Получив лошадей и бурдюк с водой, они помчались в степь, все еще не веря своему счастью.

— Пусть аллах продлит твои дни, батыр!

А восемь всадников повернули назад и спешились перед командиром. Седоусый туркмен, сухое лицо которого с ссохшимися темно-коричневыми щеками, изрезанными морщинами, говорило о том, что человек знаком и с голодом, и с тяжелым трудом, и с лишениями, почтительно приложил руку к сердцу:

— Мы не поедем, батыр...

— Почему? Вам дали лошадей, дали воды... Что еще надо?

— Нам ничего не надо, батыр.

Вперед выступил молодой жилистый парень с едва пробившейся бородкой на широкоскулом лице. Старая, местами облезлая шапка надвинута на самые глаза. На плечах — поношенный и выгоревший красный халат, стянутый в талии ремнем.

— Мы не хотим покидать тебя, батыр,— сказал он.— Возьми нас к себе...

— Даже не солдатами, а так, слугами,— добавил седоусый.— Будем доставать воду из колодцев, разжигать костры, ухаживать за лошадьми и верблюдами... Мы не боимся тяжелого труда, мы хотим служить народу.

— Если не возьмете, все равно будем ехать за караваном,— сказал парень.

Джангильдинов посоветовался с комиссаром. Как быть? Колотубин сказал, что, когда проясняется у людей классовое сознание, им надо доверять. На том и порешили.

— Хорошо, возьмем,— произнес по-туркменски Джангильдинов.— Только нам слуги не нужны.

— Мы на все согласны, батыр, ради новой жизни в степи.— Седоусый опять почтительно приложил руку к сердцу и склонил голову.

— Из какого вы племени?

— Теке, батыр-ага.

— Люди племени теке хорошие наездники. Мы вам доверим лошадей и верблюдов. Будете арбакешами и погонщиками верблюдов.

На обветренных сухих лицах недавних врагов появилось выражение большой радости: их взяли в отряд!..

3

И снова шагали верблюды, двигались повозки и арбы, наматывая на свои колеса версту за верстой однообразного пути. Красновато-бурая ржавая земля, каменистая галька, ред-

кие кустики верблюжьей колючки и сероватые метелки полыни. И зной. Тяжелый, густой. Он давил на плечи, сушил капли пота, и на лицах оставались лишь серые полосы, следы движения соленых капель...

Солнце стояло высоко, когда передовая группа, которой командовал Круглов, заметила вдали глинобитную мазанку пастушьего стана, немудреное строение возле степного колодца.

Красноармейцы стали торопить лошадей. Хотелось скорее добраться до колодца и достать из темной глубины кожаный бурдюк, наполненный холодной влагой.

Привязав лошадей к коновязи, бойцы обступили невысокий глинистый валик, заглядывая в темную глубину.

— Чудной колодец, водой даже не пахнет,— сказал черноволосый красноармеец с заячьей губой.

— Вода далеко лежит,— ответил ему Токтогул, разматывая веревку.

Матвеев молча нагнулся, поднял округлую гальку и шагнул к колодцу.

— Не бросай, дурень, воду взбаламутишь,— остановил его черноволосый красноармеец, облизывая пересохшие губы.

Токтогул, придерживая веревку, опустил кожаный бурдюк в темную глубину. Вдруг на его скуластом лице отразилось недоумение.

— Товарищ начальник, бурдюк совсем легкий...

— Вынимай сколько есть,— Круглов глотнул густую слюну,— лишь бы глотку смочить.

— Там совсем вода нету...

— Что?!

— Совсем вода нету...

Круглов не поверил. Не может быть такого! Он сам взял в руки веревку и стал водить ею. Бойцы, нагнув головы, всматривались и вслушивались. Нет, знакомого, привычного всплеска не доносилось.

У Круглова чуть дрогнули пальцы рук. Скоро на горизонте покажется караван. Люди вторые сутки почти без воды, если не считать маленькие порции, выданные вечером в степи после боя...

— Как же так, братцы?

Красноармейцы переглянулись. Не хотелось верить в такую новость. Матвеев протянул руку и бросил округлую гальку. Бойцы снова наклонили головы в колодец. Послышался приглушенный сухой шлепок.

— Да, воды там не имеется... Может быть, мокренький песочек.

Бойцы стали швырять один за другим в темноту увесистые камни. Из глубины доносились только сухие шлепки...

— Токтогул, скачи в отряд,— велел Круглов.— Передай лично командиру. И больше никому, слышишь! Не подымай зазря паники...

Токтогул отвязал своего коня, потрепал его по холке, поласкал, потом вставил ногу в стремя и мягко сел в седло.

Бойцы смотрели ему вслед. Токтогул не гнал коня, а ехал легкой рысью. Он берег силы животного. Кто знает, сколько придется ехать до следующего колодца.

Круглов вынул потрепанный кисет, набитый махоркой, смешанной со степными сухими травами, развязал и протянул товарищам:

— Закуривай! Дым продерет глотку, может, полегче станет.

4

Джангильдинов внимательно выслушал Токтогула. Ни один мускул не дрогнул на лице командира. Оно оставалось таким же спокойным, как и минуту назад, только пальцы Алимбея стали теребить нагайку, обтянутую кожей змеи. Сухой колодец... Что может быть страшнее?..

Токтогул говорил по-казахски, и его поняли лишь двое — Алимбей и старый охотник Жудырык. Комиссар терпеливо ждал, когда Джангильдинов переведет сказанное. Он по взволнованному тону красноармейца понял, вернее, догадался, что там, впереди, где передовой разъезд, случилась беда. И, видимо, большая беда.

Но Джангильдинов медлил. Известие — страшнее бомбы. Произнеси слова по-русски, они взбудоражат и внесут сумятицу в караван. А сейчас главное — сохранить спокойствие и размеренный ритм движения. Людей надо держать собранными.

Джангильдинов наклонился к аксакалу и тихо спросил по-казахски:

— Следующий далеко? — он не сказал «колодец», но и так было ясно.

— Да, батыр, надо идти целых два дневных перехода,— ответил Жудырык.

— Что посоветуешь, отец?

Жудырык несколько минут ехал молча, прикрыв глаза и старательно расчесывая пятерней жесткую седую бороду, словно ответ спрятан был в ее седине. Подумав, аксакал произнес:

— Давай поступим так, батыр. Поведем караван стороною и не станем подходить туда. Пустой колодец рождает тяжелые мысли и приносит тревогу.

— Хорошо, отец,— Джангильдинов кивнул.— Ты лучше нас знаешь степи.

— Тогда я поеду вперед и покажу тропу,— Жудырык хлестнул своего коня и поскакал в голову каравана.

Джангильдинов подозвал к себе Токтогула и по-казахски сказал, чтобы тот стал немым и никому не обмолвился о том, что видел пустой колодец.

— Мы просто к нему еще не подошли, понял?

— Верно, товарищ командир, мы просто к нему не подошли.

— Ты правильно понял. Скачи к аксакалу, и он тебе скажет, как дальше двигаться. И потом помчишься к Круглову, и пойдете новой тропой.

— Хорошо, командир.

Токтогул, не особенно торопя коня, ускакал.

Джангильдинов не сразу ответил на вопросительный взгляд комиссара. Потом тихо шепнул одними губами:

— Беда.

— С колодцем? — вполголоса спросил Колотубин.

— Ты откуда знаешь? — насторожился Джангильдинов.

— Догадываюсь.

— Пройдем мимо.

— До следующего много идти? — в упор спросил Колотубин.

Джангильдинов вынужден был говорить правду.

— Аксакал сказал, что почти два дневных перехода.

— Не очень весело.

— Сейчас объявлю приказ, чтобы берегли каждую каплю,— произнес командир.

— Пока такое делать не стоит,— посоветовал Степан.

— Почему?

— Приказ вызовет обратное действие. Люди не машины, они так устроены, что всегда хотят того, чего мало или нет вовсе. Это точно, как дважды два, тут ничего не попишешь. Сейчас бойцы стараются не думать о воде, а если и открывают свои фляги, то при полном нетерпеже, когда язык к небу присыхает. Да и то, сделав один-два глотка, спешат завинтить

крышку. Каждый едет и верит, что вот придем к колодцу, и тогда он насытится водой. А издав приказ, мы невольно заставим думать людей о том, что впереди воды-то может и не оказаться. В караване возникнет нервозность, каждый вцепится в свою флягу... Когда начинаешь думать да переживать, жажда душит еще сильнее. И главное, такой приказ мы, командир, уже издавали в самом начале похода, бойцы привыкли к нему и свято выполняют. Так что, думаю, нет надобности в новом.

— Ты говоришь мудрые слова,— согласился Джангильдинов.

— Только бы скорей проехать мимо пустой дырки в земле.

Но пройти мимо пустого колодца не удалось. В степи видно далеко, и любой маленький предмет бросается в глаза. Приземистую пастушью мазанку, хотя она и находилась на значительном расстоянии, заметили. Да и как не заметить, если она выделялась на ровной линии горизонта!

— Братцы, кибитку минуем!

— Колодец в стороне остался!

Головы красноармейцев невольно поворачивались к одинокому маленькому коричневому квадрату мазанки, даже раненые приподымались на подводах и глазели на горизонт. Несколько бойцов, наиболее нетерпеливых, хлестнули коней и поскакали к манящему домику.

Остановить их было невозможно. Примерно через час бойцы возвратились в отряд. Лошади понуро брели, уставшие от напрасной скачки, а всадники смотрели в землю.

— Пустой...

— Со дна песок вычерпнули.

Весть моментально облетела караван, и бойцы на разных языках хмуро обсуждали тревожное известие: прошли пустой колодец...

Степь дышала зноем и сушила все живое. Легкий ветерок тихо мел струйки песка по утрамбованной глине, твердой как камень. И не было ей ни конца ни краю, лежала она огромным сплошным пространством...

5

Только к концу другого дня, бесконечно длинного и, как казалось, особенно знойного, передовые всадники подошли к степному колодцу.

Острые глаза аксакала сразу приметили запущенность и угрюмость пастушьего стана.

Около него не имелось обычной мазанки, стоял лишь покосившийся невзрачный шалаш, сооруженный из редких жердей и почерневших на солнце и запыленных стеблей боялыча и янтака, перевязанных полуистлевшей веревкой. В шалаш давно не ступала нога человека, только ветер теребил пучки связанной колючей травы...

На площадке у колодца даже обычного гороха овечьего помета не видать. Выдолбленная колода рассохлась и лопнула. Видно, пастухи, кочующие по Усть-Юрту, давно обходили стороной заброшенный колодец или вовсе забыли о нем, как забывают и выбрасывают старый, отслуживший свой век облезлый тельпак[1].

Круглов и Токтогул первыми достигли пастушьего стана, соскочили с лошадей. Токтогул стал разматывать веревку, крепить кожаный бурдюк. Круглов перегнулся в глубину. Потом привстал и попятился назад, кривя вспухшие и потрескавшиеся губы:

— Там опять... ничего!..

Токтогул, расправив бурдюк, стал опускать его в глубину. Подъезжали и подъезжали уставшие и разморенные зноем бойцы, глотая густую липкую слюну, воспаленными глазами следили за каждым движением Токтогула.

Крик отчаяния вырвался из десятков глоток, когда Токтогул вытащил сухой и пустой бурдюк.

— Завели нас в гиблое место! — крикнул нервным, срывающимся голосом обросший красноармеец, сидевший на гнедой лошади.— Поморят до смерти без воды! А сами золото увезут.

— Заткнись! — оборвал его Круглов.

Токтогул трижды опускал бурдюк и доставал лишь сухой песок и камешки. Колодец давно иссяк. Красноармейцы обступили и, толпясь, заглядывали в черную глубину и собственными глазами убеждались, что воды на дне нет... Жажда судорогой сжимала горло.

Рядом с командиром восседал на своем коне Жудырык. Полуприкрыв глаза, он, казалось, был погружен в свои думы, хотя чуткое ухо старого охотника не пропустило ни одного слова. Ни единым движением аксакал не выдал своего волнения. Он знал, что именно к нему сейчас обратится командир, и мысленно готовился сказать ответ. Усть-Юрт есть Усть-Юрт, эти степи пострашнее Каракумов, пострашнее Черных Песков. Колодцы всегда капризничают, как молодые жены, вода

---

[1] Тельпак — папаха.

в них то приходит, то уходит. Все это можно сказать, но разве таких слов ждут от проводника каравана? Ждет командир, ждут сотни красных воинов, ждут раненые, и даже, казалось, лошади смотрят вопросительно большими умными глазами.

Жудырык сжал узловатыми пальцами седую бороду и совсем закрыл глаза, ушел в себя, в свою далекую молодость. Он перебирал свою память, как вещи в тесной мазанке. Много десятков лет с тех пор прошло, много наслоилось в ней разных событий и дел, заслонили они, отодвинули в уголок полузабытые дни того давнего похода, когда караван с тюками белой шерсти для хивинского хана чуть не остался навсегда в степи Усть-Юрта. Тогда тоже в колодцах не нашли воды... Многие лошади пали от жажды, пять погонщиков не дошли до следующего колодца, остались лежать на горячей красноватой земле, и ни у кого не хватило сил, чтобы предать их тела земле, как требовал того мусульманский обычай...

Аксакал долго еще напрягал свою память. Из прошлого, как из тумана, всплывали житейские советы бывалых степняков, они были просты и мудры, потому что их проверили многие поколения: когда встретишь пустой колодец, не предавайся унынию и отчаянию, не рыскай по степи в поисках других колодцев, ибо многие погибли, кружа почти на одном и том же месте; как бы ни было тяжело, спасение только в движении,— собери силы и иди вперед, иди по караванной тропе, не сворачивая, и доберешься до иного колодца: не вся же степь безводная!

Об этом и поведал бойцам старый охотник.

Джангильдинов все же знал, что сейчас решающее слово за ним. Он сохранял на лице спокойствие и даже суровость. Что ждет отряд впереди — никто не знал. Есть ли вода в колодцах — никому не известно. Враждебная пустыня хищными глазами взирала на людей, которые были похожи на мелких букашек, дерзнувших влезть на огромную шершавую ладонь степи...

В эти минуты Алимбей припомнил свои скитания по разным странам Востока, блуждания в Аравийской пустыне. Тогда он и несколько бедуинов чуть не погибли в песках от жажды. Смерти он тогда не боялся. Жизнь его была безрадостной, бесцельной.

Иное сейчас. Не о смерти он думал, а о слове, данном в кремлевском кабинете, о том большом деле, которое доверили ему.

— Послать в разные стороны разведку. А остальным —

вперед! — приказал Джангильдинов, первым тронув своего коня.

Отряд молча снялся и двинулся в путь, которому, казалось, не будет конца...

6

Джэксон понуро брел за повозкой особого отдела. Невеселые думы роем проносились в его голове. Судьба как будто бы надсмеялась над ним. Сначала принесла избавление от смерти в песках, дала короткую передышку и теперь снова бросила в дикой степи. Баклажку с теплой мутной жидкостью Сидней привязал к поясу под гимнастеркой. Подальше от соблазна, подальше от чужих глаз. А в переднем кармане лежал сверток с крупными зернами соли. Это он сделал по совету Малыхина. Валентин знал от моряков, побывавших в дальних плаваниях в океане: кристаллик соли на языке спасает от мук жажды, притупляет ее.

Джэксон шел не оглядываясь. Он знал, что за отрядом оставались лишь трупы павших и прирезанных лошадей да ненужные, обременительные вещи.

Мурад двигался с ним рядом. Как и многие бойцы, туркмен отдал своего коня в упряжку, чтобы везти груз. И хотя ему было также невмоготу, он, однако, не подавал вида. Стыдно признаться в своей слабости. Как-никак сын степей.

Джэксона и Мурада обогнал комиссар, ободряюще кивнул им. Возле повозок, на которых везли раненых, Степан придержал коня. Он помрачнел, увидев, какие мучения испытывают бойцы, обвязанные бинтами, и протянул пожилому санитару свою баклажку:

— Раздай... По глотку.

Тот приподнял голову и протянул руку. Потряс баклажку, убеждаясь в наличии влаги, тихо сказал:

— Добро, комиссар... Я им все поровну разолью...

Степан, не оглядываясь, отъехал от повозки. Он старался не думать о воде, но мысли все равно возвращались к прозрачной и бесцветной жидкости. Сколько долгих и палящих дней осталось позади, когда последний раз делили затхлую, солоноватую, теплую воду из кожаных мешков, которые несли на своих спинах верблюды.

«Никогда не ценил воду, не знал, что она главная в жизни,— думал Степан.— А сейчас, когда месяц не видал ее спокойной пружинистой глади, не слышал привычного журчания ее потоков, когда ее вообще нет,— только сейчас начинаю по-

нимать и ценить это замечательное жидкое вещество, без которого нет ни богатства, ни счастья и даже самой жизни — нет ничего на земле!»

Жажда сухой щеткой царапала горло, и казалось, если бы была возможность, выпил бы целое море. Степан вспомнил неоглядную гладь Каспия, блекло-голубую, переливающуюся и спокойную, как стекло, Волгу. Неужели они плыли по воде, простой, светлой и не соленой, по воде, которую можно пить, и пить, и пить, и пить?..

От воспоминаний запершило в горле. Он с трудом высунул язык и лизнул губы, особенно нижнюю, иссеченную ссадинами и трещинами, на которых запеклась кровь.

Чтобы не думать о воде, Степан стал думать о заводе. Он всегда думал о своем Гужоновском, когда не думал о воде. Завод казался далеким и нереальным, как вчерашний сон. И в то же время завод был для него источником жизненной энергии, рождал веру и вселял надежду.

Покачиваясь в седле, Колотубин мысленно проходил по заводскому двору, словно он уже был директором, заглядывал в каждый цех, прислушиваясь к советам мастеровых. И обдумывал идею, что родилась в тот день, когда вызвали к товарищу Свердлову и он в Кремле увидел, как под гармонь курсанты бегом таскали тяжелые носилки с песком и засыпали глубокую воронку от разорвавшегося снаряда. Под музыку работа лучше спорится! И Степан мечтал, чтобы в каждом цехе зазвучала гармонь или веселый марш оркестра. Можно на первых порах гармониста посадить или граммофон поставить. Потом разбогатеем, купим и нужные музыкальные инструменты... Работа по-новому пойдет, она будет радость приносить пролетарскому сердцу.

Обязательно так будет, когда вернется из похода...

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

1

Бойцы, опустив головы, мерно покачивались в такт неторопливому ходу животных, устремив воспаленные, слипающиеся глаза в одну точку — в нечесаную гриву или на луку седла. Одурманивающий сон охватывал, обнимал их за плечи, убаюкивал. А над головой у каждого висело жгучее солнце и, казалось, целило своими лучами в спину и темя, словно вбивало раскаленные гвозди.

Тишина со всех сторон окружала отряд. Жуткая тишина. Ни разговора, ни шепота. Безразличная пустынная огромная земля, словно дикий зверь, терпеливо поджидающий свою жертву, взирала на уставших верблюдов, шатавшихся лошадей и упорных исхудалых людей, в которых еще тлела жизнь, но в глазах некоторых уже гасли искры надежды. Они двигались скорее машинально, в силу привычки и отчаяния, потому что не хотели и боялись останавливаться, ибо остановка могла стать для многих последним пристанищем...

День постепенно уходил. Вершины пологих холмов, монотонных степных перекатов окрасились в бледные, расплывчатые тона, словно выгоревшая и застиранная рубаха. Степь стала ржаво-бурой, кое-где светло-коричневой, а в низинах — как темная ржавчина или рассыпанная железная окалина. Только вдали убегали к горизонту бледно-оранжевые, белесые вершины придавленных холмов. Царство вечного покоя и тишины. Из него, кажется, никогда не выбраться...

С таким настроением и дошли до привала.

2

Рассвет наступал быстро, словно там, на краю земли, поспешно поднимали огромное алое знамя и от его красноты исходило сияние. Комиссар обошел лагерь, походную стоянку отряда. Бойцы лежали вповалку. Лошади стояли, понуро опустив головы, жадно принюхиваясь к земле. Лишь одни верблюды невозмутимо и деловито выщипывали шершавыми губами полузасохшие редкие колючки...

Время подъема наступило, но в отряде не слышно обычного утреннего гама. Люди не торопились подниматься. Дважды проиграл зорю трубач. Послышались окрики командиров: «Подъем!», «Подъем!» Но эти приказы повисли в воздухе. Они не возымели действия. Казалось, земля держала, не отпускала бойцов. Да и встанут ли они сегодня, когда наверняка знали, что ничего хорошего не ждет их впереди?.. Только смерть. Так уж не лучше ли лежать здесь, на этой богом забытой степи?

Навстречу Колотубину шел Джангильдинов. Он хмурился, тяжело дышал. Понимающе взглянул на комиссара.

Они оба знали, что только утренние часы, когда зной еще не был таким испепеляющим, самое благоприятное время для движения. Сейчас у них не было сил и средств, чтобы поднять ослабевших людей. Несколько бурдюков воды могли бы поставить бойцов на ноги. Но их нет.

— За ночь умерло пять раненых,— сказал Джангильдинов.

Степан нутром чувствовал: при этом, казалось, безвыходном положении слова бессильны, приказом тут ничего не сделаешь. Люди видят смерть в лицо, ее жаркое дыхание уже рядом... Колотубин припомнил хмурый февральский рассвет, когда под убийственным огнем немцев поднимал в атаку красногвардейцев... Сейчас тоже атака. Сквозная атака. Победа — в движении.

И Колотубин, переглянувшись с командиром, велел горнисту:

— Труби тревогу!

Резкие и пронзительные звуки трубы всполошили походный лагерь. Тревога всегда тревога. Лагерь ожил. Бойцы вставали, тянулись к оружию, тревожно озираясь: с какой стороны нападение?

Взобравшись на повозку, Колотубин протянул руку, показывая на степь:

— Товарищи! Враг там!

— Где? Где? — раздалось со всех сторон.

Люди всматривались вперед, туда, куда показывал Колотубин. Но там ничего не было. Одна пустота. Одна голая, выжженная равнина.

— Перед вами враг. Эта чертова степь — наш враг. Приготовиться к атаке!

Трубач сухими, потрескавшимися губами вывел сигнал к атаке.

Впереди колонны заполыхало полотнище знамени.

— Вперед! — хрипло приказал Степан и, собрав силы, запел:

Это есть наш последний
И решительный бой.

Он шел, нагнув голову, как в том февральском бою под Псковом, тяжело ступая по жесткой и враждебной степи. А за ним двинулись бойцы — русские и татары, немцы и сербы, мадьяры и казахи. Песня взлетала и падала и снова взлетала над первыми рядами.

Джангильдинов двинулся одним из последних, пока не проверил, что тронулись все повозки и верблюды с поклажей, что никто не забыт и ничто не оставлено. Он слышал нестройный, разноязычный хор хриплых мужских голосов, в которых звучали и жажда жизни, и презрение к смерти, и готовность вынести все испытания...

«А комиссар-то у меня!.. Редкой душевной силы человек!» — думал Джангильдинов, проникаясь каким-то новым чувством великого уважения к Колотубину, восторгаясь и гордясь им.

3

Первым заметил всадника Темиргали. После гибели Чокана он несколько дней ходил сам не свой, осунулся, почернел. Джангильдинов, чтобы отвлечь земляка от невеселых мыслей, держал его возле себя, давал поручения.

— Там человек! — воскликнул Темиргали.

На вершине пологого холма действительно вырисовывался четкий силуэт всадника. Лошадь под ним была сильной и выносливой. Темиргали сразу отметил, что она холеная и сытая, не изведала мук жажды.

— Вода близко,— выдохнул он радостно.— Вода близко, батыр-ага!

— Кто тебе сказал? — Джангильдинов сурово посмотрел на бойца.

— Его лошадь, батыр-ага. Смотри, какая она свежая!

Джангильдинов поднял бинокль. Конь под молодым рослым парнем действительно выглядел бодрым, да и сам всадник, если судить по его круглому молодому лицу, не особенно переживал голод и не знал жажды.

Бойцы, не останавливаясь, молча и сурово, с удивлением — неужели в таких степях могут жить люди? — смотрели на всадника, обыкновенного молодого казаха, появившегося из безжизненной дали.

Он скакал весело и красиво, словно вокруг простиралась не пустыня, а весенний зеленый луг. Круто осадив коня, незнакомец громко и приветливо произнес:

— Ассалум-алейкум!

И сразу осекся, пораженный видом измученных жаждой людей. Он только смотрел расширенными, косо посаженными глазами, и на его круглом, широкоскулом лице отражалась быстрая смена настроений и чувств, которая происходила в его душе.

— Агай,— почтительно обратился он к Темиргали, который находился к нему ближе всех.— Скажи, агай, вы чья орда?

— Не орда, джигит, а специальный отряд степной экспедиции под командованием товарища Джангильдинова,— ответил

Темиргали, с трудом ворочая жестким, как подошва, языком.

— Батыр Джангильдинов!.. Тургайский комиссар! Покажи его, агай!

Темиргали указал камчой на командира:

— Вот он,— и, жадно ощупывая глазами тугой бурдюк и набитые седельные мешки, спросил:— А вода у тебя есть?

— Есть, агай,— ответил поспешно джигит, сворачивая коня к командиру мужественного отряда, и во все глаза стал смотреть на батыра, не в силах оторвать зачарованного взгляда. Смотрел с любовью, уважением и восхищением, как на великого человека, хотя вид у Джангильдинова был самый обыкновенный. Телосложение далеко не богатырское, одежда солдатская, выгоревшая на солнце и задубевшая от высохшего пота, и лицо усталое и давно не бритое, с осунувшимися, запавшими щеками, ввалившимися глазами и вспухшими, потемневшими губами, как и у многих других его сарбазов, ехавших рядом.

Джангильдинов уже сам спешил к незнакомцу:

— Откуда ты, джигит?

— Батыр-ага, Нуртаз я... Пастух Нуртаз, сын пастуха Хужмата,— и он назвал свой аул и свой род.

— Передай отцу от меня доброе слово,— произнес приветствие, как требовал обычай степи, Джангильдинов, рассматривая драный и выгоревший стеганый халат, местами прожженный, потертые, потрескавшиеся старые самодельные сапоги из сыромятной кожи, облезлый малахай на голове плечистого парня с открытым и немного наивным лицом. Только конь под ним был добрый и породистый, явно не пастуший мерин. Значит, где-то рядом вода!..

— Отца давно нет у меня, батыр-ага...

Нуртаз мог бы долго рассказывать о себе, о Габыш-бае Кобиеве, о его дочери Олтун, которую выдают замуж, и ее коварстве, о победе над борцом, за которую получил в награду коня, о том, как его хотели прикончить, о несожженной белой юрте, о скитаниях по степи, о ночевках на пастушьих станах.

Но говорить долго и красиво он не умел, тем более рассказывать о себе. И что можно о себе поведать такому знаменитому батыру — другу Амангельды?! К тому же Нуртаз волновался. Вполне понятно, что рассказ у Нуртаза получился неровный, сбивчивый. А тут еще горящие взгляды бойцов, устремленные на его бурдюк, на его полный седельный мешок. Взгляды были красноречивее слов. Они просили, они требовали, они умоляли, они настаивали...

Пастух торопливо отвязал объемистый упругий бурдюк, наполненный под самую завязку жидкостью, и протянул Джангильдинову:

— Вот, батыр-ага, возьми... Пей, пожалуйста!

Джангильдинов принял в свои руки тяжелый и, словно живой, кожаный продолговатый мешок. С большим трудом проглотил густую липкую слюну. Удержал на почти спокойных руках, как бы взвешивая, бесценную влагу.

— Вода?

— Кумыс, батыр-ага... Кумыс это!

Джангильдинов, подержав на напряженных ладонях тяжелый бурдюк, передал его Токтогулу:

— Отнеси раненым... Пусть разделят.

Токтогул, прижав бурдюк к груди, как мать ребенка, поехал на шатающемся коне вдоль каравана, где виднелись повозки.

Нуртаз вынул из хурджума — седельного мешка — еще такой же бурдюк и снова вручил Джангильдинову:

— Вода... Простая вода, батыр-ага.

— А ты... У тебя много воды?

— Хватит, батыр-ага... всем хватит! — Нуртаз указал плеткой через плечо назад.— Там родник. За холмом в лощине. И озеро, только вода плохая, соленая, в рот брать противно.

— О каком озере ты говоришь, сын? — спросил Жудырык, разглядывая пастуха.— Что-то не помню я, чтобы в здешних краях было озеро.

— Есть озеро, агай. Большое озеро! Только оно спрятано под землю.

— Ты говоришь об озере, которое лежит под землей?

— Да, агай. Большое озеро! И там есть родник. Хорошо бежит вода. Вкусная вода.

Темиргали, Токтогул и другие, понимавшие по-казахски, удивленно расширили глаза. В безводной выжженной степи, оказывается, есть подземное озеро, мимо которого они чуть было не прошли!..

Старый охотник несколько секунд молчал и с каким-то обожанием глядел на молодого пастуха, а потом поднял руки и воскликнул, обращаясь к Джангильдинову:

— Батыр, счастье принес нам этот джигит! Поверь старому охотнику, облазившему степи и горы. Много, много раз слышал я из уст разных людей о большом подземном озере, о священном озере. Только где находится это священное озеро, спрятанное под землей, они забыли. Очень мало сейчас степняков, которые знают, где лежит тропа к священному озе-

ру, и они крепко сохраняют свою тайну. Говорят, что нельзя без нужды выдавать тайну, ибо за это открывший путь к священному озеру будет наказан аллахом и после смерти попадет в тамык — в пекло ада...

Жудырык сделал паузу, чтобы подчеркнуть важность своих слов, и закончил:

— И такую тайну принес нам молодой джигит, батыр! У него чистые помыслы и доброе, открытое сердце.

— Мы оценим это, отец.

Спустя полтора часа отряд расположился на привал в неглубокой лощине, ничем не примечательной, только, может быть, более густо заросшей высохшими шарами верблюжьей колючки, длинными стеблями боялыча и кустами биюргуна да серыми метелками полыни.

Вход в подземное озеро был неприметным, он находился в высоких, выше пояса человека, и густых, как нечесаная грива верблюда, зарослях биюргуна и боялыча. Обыкновенная дыра, похожая на вход в большую нору, круто уходящую вниз, в глубину, и там, после поворота, подземный ход расширялся и выводил в низкую продолговатую пещеру, на берег подземного озера, которое тускло поблескивало и слабо мерцало в темноте под нависшим сводом. Пещера была просторной и полна влажного свежего воздуха. Неподалеку от входа, у самого берега, из-под земли пробивался источник чистейшей воды и бесшумно уходил в озеро.

Вода в роднике была кристально-чистой, холодной и без всяких примесей, без горечи и соли, обычной, и потому она казалась необыкновенно вкусной, сладкой.

Воду носили ведрами, носили кожаными бурдюками. Утоляли жажду раненых товарищей, пили сами, поили лошадей и верблюдов. Потом животных пустили пастись, а сами бойцы, отяжелевшие и размякшие, расположились на отдых. Солнце так же немилосердно палило и обжигало, как вчера и позавчера, как все дни похода, но сегодня на него уже не жаловались, его почти не замечали, ибо рядом была вода, имелось много влаги, которая сразу окрасила серую пустыню в радужные, веселые краски. Потом снова носили воду, только черпали ее из озера, и в горько-соленой прозрачной жидкости, похожей по вкусу на морскую воду, бойцы стирали задубевшие гимнастерки и портянки, смывая коросту грязи, обмывали лица, весело плескались и обливались, как расшалившиеся мальчишки.

Жгли костры, варили наваристые супы из свежего мяса. Жудырык, а с ним Матвеев и еще пять человек, бывалые охо-

тники, отправились на промысел. Им удалось уложить несколько сайгаков, пятерых джейранов и десяток пугливых, с наивными глазами, длинноухих куланов — диких ослов.

В тот же вечер сбылась большая мечта Нуртаза: он стал джигитом, красным джигитом у самого тургайского комиссара. Молодой степняк был зачислен бойцом отряда в первую сотню, ему выдали полное обмундирование. И пастух с радостью облачился в новую гимнастерку, обул добротные казенные сапоги. На его загорелом, продубленном морозом и ветром лице стал шире румянец, а в глазах появился счастливый блеск. Старую его одежду по приказанию комиссара торжественно сожгли на костре. Нуртаз хотел оставить себе разбитые сапоги, но и их велели бросить в огонь, чтобы ничего не оставалось от его прошлого.

— Теперь у тебя начинается новая жизнь,— сказал Колотубин.— Ты стал бойцом революции.

Но от прошлой жизни у Нуртаза, кроме коня, остался лишь темир-кумуз. И поздними вечерами, когда бойцы коротали время, расположившись у потухающего костра, он доставал свой немудреный музыкальный инструмент и выводил длинные, протяжные песни степей и весеннего неба, спокойные и величественные, наполненные простыми красками и чувствами. Мелодия плавно лилась, лаская слух, как тихий ручеек, переливаясь струйками в лучах солнца. И лишь изредка нет-нет да и промелькнет над ручейком синяя тень печали, вплетутся в мелодию серебряные нити грусти, которая нежданно прозвучит, как далекий вскрик ночной птицы, и снова погаснет в спокойном и величаво-нежном разливе песни, древней и простой, как окружающая равнина, как жизнь степняка-скотовода.

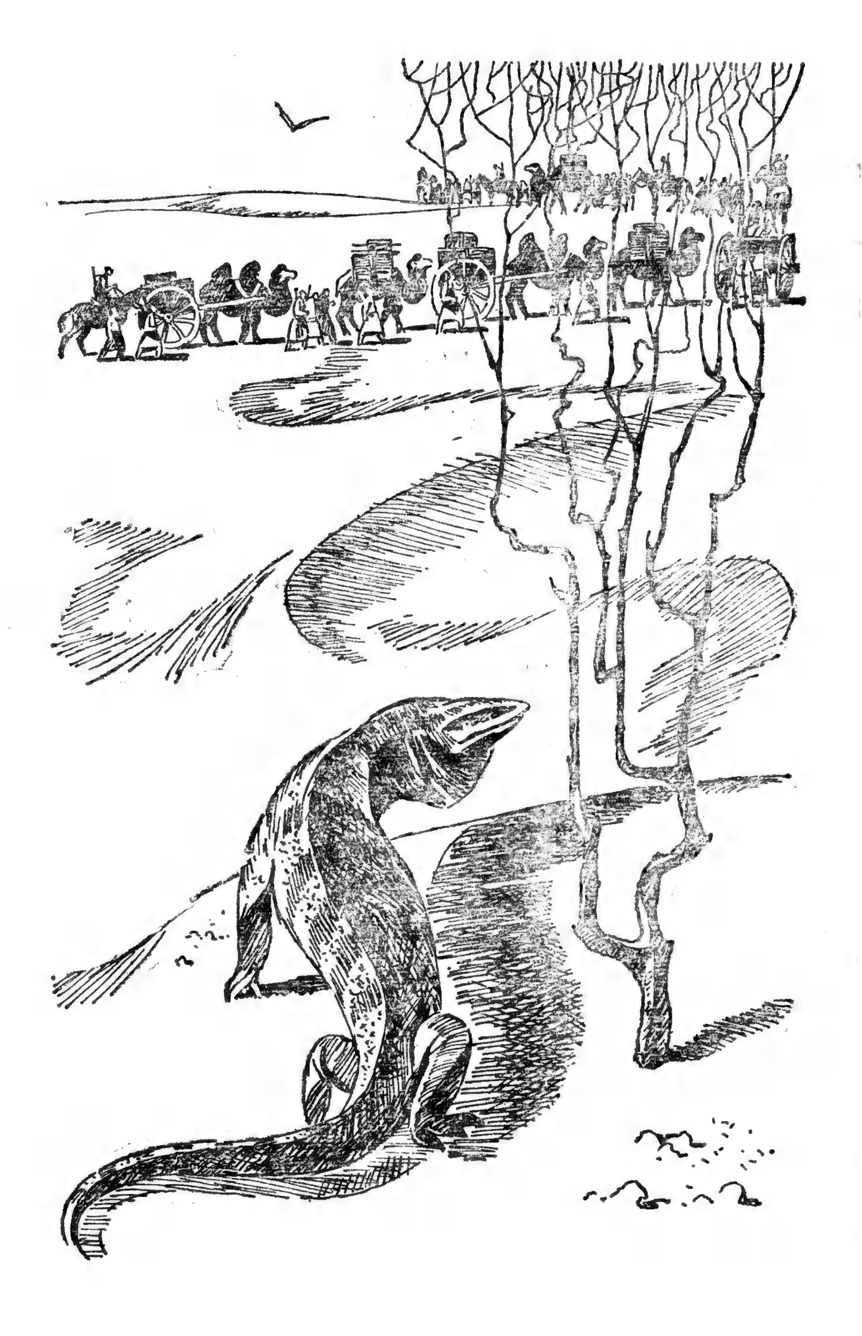
4

И снова двигался отряд.

Шел семидесятый день похода. Много пришлось уже повидать и преодолеть бойцам.

Пустынная равнина сменялась солончаками, солончаки — бугристыми песками, приходилось двигаться сквозь заросли саксаула, проходить глубокими расщелинами и скалистыми отрогами, двигаться по зыбким и сухим песчаным болотам, где неверный шаг в сторону от тропы грозил неминуемой гибелью: песок схватывал свою жертву и засасывал.

Налетали бури, страшные бури пустыни. Ветер мел песок, как февральская вьюга метет снег, сек крупинками лицо,

засыпал глаза, набивался в рот и уши. Тугие волны воздуха шли одна за другой, яростно и дико завывая, словно стараясь разрядить огромную энергию, накопленную где-то на жарких плоскогорьях Афганистана. Не было никакого смысла укрываться от жестких струй взбаламученного песка. Нужно просто закрыть глаза, спрятать лицо в ладони, закрыть куском материи. Нужно было просто устоять на ногах, переждать эту дикую круговерть. Порой казалось, что еще один вздох Усть-Юрта, и исчезнет с земли караван, смешаются фигурки людей и все, что осмелилось возвыситься хоть на немного над спрессованной зноем глинистой землей...

Но красноармейцы выдерживали и эти наскоки. Они были разные по цвету глаз, возрасту, привычкам, порой плохо понимали друг друга, ибо разговаривали на разных языках. Но они были похожи друг на друга не только одеждой, но и великим стремлением, шли к единой цели. И потому здесь все: и радость, и беда, и пыльная буря, и последний глоток воды — делилось на сотни равных частей.

А отряд продвигался все дальше и дальше на север. Правда, иногда на него налетали белоказачьи разъезды, блуждающие шакалами по степи, да орды алашординцев, но все они не могли сломить интернационалистов, выдержать их стремительные и яростные ответные атаки и быстро рассеивались. Короткие боевые стычки стали лишь обычным дополнением к постоянным трудностям похода.

Шел к концу семидесятый день пути.

День выдался пасмурный, и по небу ветер гнал белые облака, похожие на отару жирных овец. В просветы проглядывало солнце, и зеленеющая от дождей ранней осени степь преображалась, словно улыбнувшаяся молодка.

Кони дружно мяли копытами молодую травку, красноармейцы передовой группы отряда не спеша продвигались по холмистой равнине, внимательно осматривая горизонт.

— Пусто кругом,— сказал Матвеев.— Аула что-то не видать.

— Не спеши, приедем,— ответил Круглов.

— Говорили, что близко.

— Близко — в степи понятие растяжимое. Верно, Токтогул?

— Конечно, близко есть близко, а далеко бывает далеко,— ответил Токтогул.

Проехали еще верст пять. Впереди скакавший Токтогул вдруг придержал коня и, привстав на стременах, вытянул руку.

— Там юрты стоят, на самом краю, где земля и небо встречаются!

Матвеев тоже заметил несколько юрт, которые черными точками выделялись вдали.

Бойцы пришпорили коней.

Вскоре стало видно и голубое зеркало озера, которое открылось за холмами.

Не доезжая до аула, красноармейцы повстречали чабана, пожилого казаха на низкорослом коне, гнавшего отару овец и мясистых курдючных баранов. Завидев вооруженных всадников, чабан остановился и растерянно смотрел из-под мохнатых седых бровей.

— Агай, как называется аул? — спросил Токтогул.

— Урочище Кошкорат.

— Белые солдаты в ауле есть?

— Мы люди далекие, нам нет дела ни до белых солдат, ни до алашординских сарбазов,— ответил чабан.

Ответ пастуха не понравился Круглову. Он остановил группу перед самым въездом в урочище. Попадать в западню Круглов не имел ни малейшего желания.

— Матвеев! Токтогул! Скачите первыми,— приказал командир.— В случае чего швырять бомбы. А мы будем прикрывать вас.

Матвеев перезарядил винтовку, вынул из седельной сумки бомбу и положил в карман.

— Пошли, Токтогул!

Токтогул помчался следом за Матвеевым.

Круглов спéшил бойцов и расположился с ними на вершине лобастого холма, откуда хорошо просматривался весь аул. Подняв бинокль, командир группы следил за бойцами. Вот они въехали в аул, миновали одну, другую юрту, вот к ним подошел казах, что-то сказал и протянутой рукой указал на просторную войлочную кибитку, возле которой на привязи стояли оседланные кони.

— Взять юрту на мушку,— распорядился Круглов.

Стволы винтовок черными зрачками уткнулись в войлочный круглый дом. Бойцы следили за Матвеевым и Токтогулом. Те подъехали к юрте, соскочили с коней и скрылись внутри. Томительно проходила одна минута за другой. Вдруг из юрты выбежал Токтогул, почему-то закружился на одной ноге, вскинув винтовку вверх, стал палить в небо. Один, второй, третий выстрел... Вел он себя непонятно и странно, словно поехал не в разведку, а на свадьбу.

— Сдурел он, что ли! — Круглов выругался.

Потом вышел Матвеев и тоже начал бабахать из винтовки по облакам, кружиться и пританцовывать. Сорвал с головы фуражку, стал размахивать ею, как бы подзывая к себе.

«Всыплю я им, голубчикам, за нарушение дисциплины,— подумал Круглов, вскакивая в седло.— Дам по два наряда каждому!»

Бойцы двинулись за ним.

Проскакав аул, Круглов осадил коня и, хмуря брови, хотел было спросить у ликующих Матвеева и Токтогула: чего тут цирк устраиваете? Но вдруг с удивлением заметил, что перед ним один лишь Токтогул, а второй красноармеец вовсе не Матвеев, хотя внешне слегка и смахивает своей фигурой на бойца его взвода.

— Свои! Свои тут! — возбужденно кричал Токтогул.— Отряд наш встречают!

Круглов на какую-то долю секунды растерялся. Сколько тяжелых и бесконечных дней жаждал он такой встречи!.. К горлу подкатил ком, и слезы, черт знает откуда взявшиеся, блеснули на белесых ресницах. Круглов выхватил из кобуры наган и разрядил весь барабан в небо.

— Дошли, братцы!

Лихо соскочил с коня и стал обнимать жилистыми лапами незнакомого бойца.

Из юрты выскочили четыре человека с командирскими звездами на груди и сияющий Матвеев. Круглов обнимал каждого по очереди, заодно обхватил и Матвеева, весело сказав ему: «Счастливый ты, первый встретил своих!»

Потом пили в юрте кумыс, и Круглов слушал рассказ командиров, которые были посланы штабом Актюбинского фронта навстречу отряду степной экспедиции.

— Понимаешь, друг, вторую неделю рыскаем по степи — и нигде никаких следов, только одни разговоры про вас... Наконец-то встретились. Да не мы, а вы нас нашли!

5

А через неделю жители Челкара торжественно встречали отряд степной экспедиции.

Весть о том, что прибыл, преодолев пустыню, караван батыра Ленина, облетел ближайшие селения. Узкие улицы города были запружены народом. Степенные старики, молодые парни, рабочие депо толпились на тротуарах. То там, то здесь мелькали фигуры женщин, закутанные в длинную паранджу.

— Едут! — кричали радостно вездесущие мальчишки.— Едут!

Впереди отряда двигалась двухколесная арба. На ней размещались местные музыканты. Воздух оглашали протяжные и торжественные звуки карная, слышалась веселая дробь бубнов и барабанов, пели флейты и зурна.

За музыкантами, возглавляя колонну отряда, ехали на конях одетые в новые гимнастерки, торжественно-праздничные Джангильдинов и Колотубин. А дальше, соблюдая равнение в рядах, следовали конники. Загорелые, подтянутые, они весело смотрели на встречающих зрителей. Глядя на бойцов, трудно было предположить, что им пришлось испытать все тяжести перехода через пустыню. Молодыми сильными голосами выводили они песню, которая перекрывала звуки восточного оркестра:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов...

Вслед за конниками следовали взводы пехотинцев и повозки, на которых лежали и полусидели раненые. Раненые, как один, отказались отправляться в госпиталь, пока не побудут на торжественном митинге в честь окончания похода. Степан Колотубин, понимая их чувства, поддержал просьбу бойцов:

— Вместе шли-мучились, пусть и на торжестве побудут. Потом — к лекарям в лапы.

Колонну замыкало транспортное подразделение экспедиции. Степенно вышагивали, подняв свои головы, верблюды, словно и они сознавали важность момента, гордо несли на спинах объемистые тюки. Катились повозки, нагруженные ящиками и мешками.

На городской площади застыли шеренги бойцов местного гарнизона. Представители Совнаркома Туркестанской республики и командования Актюбинского фронта оживленно разговаривали между собой возле обитой кумачом трибуны. А на противоположной стороне площади горели костры, языки пламени облизывали огромные котлы, в которых варился праздничный плов. На столах лежали горками подрумяненные лепешки, подносы с кишмишом и яблоками.

Запах жареного мяса витал над окрестными улицами. Матвеев, ехавший в первой сотне, озорно толкнул в бок Мурада:

— После долгого поста можно и кутнуть наконец. Чай, заслужили.

— Большой той ждет нас,— подтвердил Мурад, пошевелив ноздрями.

Недалеко от площади, на которой уже заиграл бодрый марш военный оркестр, Джангильдинов тронул за руку комиссара и показал на здание почты.

— Извини, на минуту туда отлучусь!

— Куда ты? Сейчас митинг!

— Успею. Это важнее.

И вот уже молодой вихрастый телеграфист выстукивал ключом: «Москва. Совет Народных Комиссаров РСФСР».

— После трехмесячного перехода,— диктовал Алимбей,— транспорт под моим командованием благополучно прибыл в Челкар... Отряд переход перенес благополучно. Точка. Джангильдинов. Точка.

* * *

В Москве стояла зима. Январские морозы разукрасили причудливыми узорами высокие окна ленинского кабинета в Кремле.

Накинув на плечи пальто, Владимир Ильич сидел за столом и быстро писал.

— Большая новость! — вдруг услышал он и поднял глаза от бумаг.

В кабинет порывисто вошел военный связист с телеграфной лентой в руках. Его худое лицо сияло.

— Большая новость, Владимир Ильич! Взят Оренбург!.. Прорвана блокада!.. Войска Актюбинского и Восточного фронтов соединились.

Ленин сразу взглянул на карту... Несколько месяцев назад, июльским утром, у этой карты стояли сосредоточенный тургайский комиссар и московский пролетарий в солдатской гимнастерке... И вот блокада прорвана. Путь из Средней Азии в Советскую Россию открыт. В Ташкент пойдут эшелоны с оружием, боеприпасами, хлебом, промышленными товарами...

— Теперь мы вас, господа интервенты и белогвардейцы, погоним из Средней Азии!

ГЕРОИКА ЖИЗНИ

Прочитанная книга, как правило, вызывает в каждом не просто стремление еще раз пережить события, происшедшие с героями, но и в целом оценить созданное писателем, узнать о его судьбе, о тех реальных фактах истории и современной жизни, какие послужили ему материалом для произведения. Наконец, в читателе неизбывно стремление сверить свои суждения, свои оценки с мнением другого. Может быть, потому-то и живет по сей день традиция сопровождать книги предисловием или послесловием, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки покушения на нее. Во всяком случае, именно с мыслью о нужности я взялся за послесловие к книге Георгия Свиридова, в которой автор объединил два романа «Джэксон остается в России» и «Дерзкий рейд».

Объединение это сделано не по формальному признаку — присутствия в двух произведениях на разных ролях одного героя — американца, профессионального боксера Джэксона, а по идейно-тематическому единству, в котором выражается общая концепция творчества писателя.

Какова же она, эта концепция, и как воплощается в том, что создано Георгием Свиридовым на протяжении почти двадцати лет работы в советской литературе?

Пожалуй, наиболее кратко и в то же время наиболее полно общий пафос всех произведений Георгия Свиридова передает именно понятие — героика жизни.

В самом деле, каждое его произведение, будь то, скажем, повесть «Последний раунд» или роман «Стоять до последнего», непременно несет в себе заряд героики, рожденной жизнью советского человека и воплощенной в его подвиге, боевом, трудовом или спортивном. Причем связь героики с жизнью у Георгия Свиридова не общетеоретическая, а самая прямая, конкретная, опирающаяся на реальные факты действительности, на документальный материал.

Обычно писательская биография начинается с изображения собственно пережитого или увиденного в жизни. У Георгия Свиридова она начиналась с обращения к героическому прошлому, к подвигу советских людей в годы Великой Отечественной войны, участником которой ему не довелось быть: «опоздал» с рождением. Еще учась в Литературном институте имени А. М. Горького, он в 1959 году написал поэму «Их было одиннадцать» о подвиге футболистов киевского «Динамо», ценой своей жизни оплативших победу в матче с фашистской командой, но при этом сделавших большее: они вселили в людей надежду на освобождение, всколыхнули в них чувство отмщения за поруганную землю, звали к борьбе, которая приблизит общую победу над фашистской Германией. Известный факт стал фактом литературным. Герои жизни стали героями поэмы.

В том же году писатель садится за повесть о подвиге боксера Андрея Бурзенко, который, выполняя задание подпольного центра, готовившего в Бухенвальде восстание, вел бои с фашистскими молодчиками на импровизированном ринге. Своими победами над ними он не только вдохновлял узников на борьбу, но и отвлекал внимание охранников от работы подпольщиков. Так был написан известный роман «Ринг за колючей проволокой».

Этот интерес к героическому прошлому в его персонифицированном выражении в реальных судьбах сынов рабочего класса Георгий Свиридов сохранил и упрочил в дальнейшем своем творчестве, что и определило круг тем и характеров его произведений, принцип отбора документального материала и приемы перевоссоздания его в художественный мир, немыслимый без авторского воображения и фантазии. В этом процессе «переплавки» документа в художественное произведение, пожалуй, наиболее откровенно выявляется жизненный опыт писателя, без которого невозможно само творчество, ибо как бы ни был отдален по времени материал, к какому обращается художник, он непременно должен быть хотя бы в общих чертах и моментах связан с его биографией. Иначе материал не подчинится творческому перевоссозданию, не станет художественным документом истории.

А биография Георгия Свиридова оказалась неразрывно связанной с жизнью рабочего класса. Потеряв мужа, мать с детьми из Мариуполя перед войной уехала в Узбекистан. Началась война, и кончилось детство у многих сверстников Георгия. Вместе с другими подростками он идет на завод, включается в общее дело трудового коллектива. Над его верстаком

висит плакат: «Все для фронта, все для победы!», который выражает настроение бойцов тыла, как с гордостью именовали себя в те годы труженики города и деревни.

Как-то знакомый раненый лейтенант посоветовал ребятам заняться физической закалкой, без которой нельзя быть ни настоящим рабочим, ни настоящим солдатом. И, уезжая на фронт, подарил им книжечку «Обязательная гимнастика для командиров». И вот после работы уставшие пареньки стали заниматься «гимнастикой командиров». Особо пришлись по душе боксерские упражнения. Организовали секцию бокса.

С тех пор в жизнь Георгия Свиридова вошел бокс, оставшись в ней не только как увлечение юности, но и как судьба, как человеческая страсть.

В спорте много такого, что роднит его с трудом. Собственно, спорт — это и есть труд. Они едины в своем содержании: в них ловкость и мастерство, преданность делу и патриотизм. Они крепят дружбу между людьми, утверждают солидарность, интернационализм. Это открылось будущему писателю еще в те далекие годы, когда он узнал историю бывшего профессионального боксера Джэксона, оказавшегося на нашей земле перед революцией в поисках заработка. Джэксон участвовал в гражданской войне и после ее окончания остался навсегда в Советской России, ставшей ему второй родиной. Состоялась первая встреча Георгия Свиридова с Джэксоном: ему пришлось выступать на ринге против воспитанника бывшего боксера-профессионала. А еще через пятнадцать лет они встретились как автор и главный герой книги «Джэксон остается в России» (1963).

Становление биографии Георгия Свиридова, как видим, проходило в рабочем, трудовом коллективе. Потому-то в его произведениях мы встречаемся с героями, либо вышедшими из рабочих, либо связанными с рабочим классом, либо представляющими собой этот класс. Потому-то, видимо, стала определяющей и ведущей в его творчестве тема интернационального единения трудящихся, тема советского патриотизма и дружбы народов нашей страны, тема героизма. Интерес к ним пробудила сама жизнь, трудовая молодость писателя, его встречи с такими интересными людьми, как Бурзенко, Джэксон, история развития рабочего революционного движения, изучению которой посвятил Георгий Свиридов не один год. В результате появился роман «Приговоренные к бессмертию» (1965). В нем впервые в литературе рассказывается о том, как в борьбе американских рабочих и негров за свои права родился праздник международной солидарности трудящихся — Первое мая.

Много времени готовился писатель и к роману «Дерзкий рейд», за который был удостоен премии Всесоюзного конкурса на лучшее произведение о рабочем классе, проводящегося ВЦСПС и Союзом писателей СССР.

В основу романа был положен мало известный исторический факт из времени гражданской войны. Выполняя задание В. И. Ленина, специальный отряд советских войск совершил тяжелейший длительный переход через степи и пустыню, чтобы доставить в осажденный белогвардейцами и английскими интервентами Советский Туркестан оружие, боеприпасы и деньги. Благодаря этой помощи части Красной Армии перешли в наступление и прорвали блокаду.

Но исторический факт сам по себе в таком случае может быть использован лишь в качестве сюжетной основы для произведения. Писатель же, обращающийся к такому факту, должен не просто проиллюстрировать известное, а прежде всего «оживить» его драматургией человеческих судеб, снабдить нравственной коллизией, сцементировать повествование центральной идеей, вбирающей в себя сам дух революционного преобразования жизни под руководством партии Ленина.

Если история выдвинула в качестве одного из героев произведения командира отряда казаха Джангильдинова, то писателю было важно «подобрать» ему «партнера» по великому делу. И он рисует собирательный образ комиссара Степана Колотубина, продолжающего галерею образов политических бойцов партии, созданных советскими писателями. Он стремился в нем, представителе династии московских рабочих, раскрыть природу социального и духовного подвига рабочего класса в годы гражданской войны. В действиях и словах Колотубина, как и в поступках других персонажей романа, как бы находит свое подтверждение мысль В. И. Ленина о том, что если революция в известном смысле слова означает собою чудо, то одним из решающих условий ее победы был героизм. В понятие «героизм» В. И. Ленин включал самопожертвование, выдержку и стойкость в борьбе за народные идеалы, дисциплину, твердость и непреклонность в достижении поставленной цели, любовь к Родине, которая была обогащена в человеке осознанием себя подлинным хозяином жизни. Эти качества и проявил рабочий класс, увлекший за собой на революционную борьбу трудящиеся массы страны.

В то же время героическая масса отнюдь не противостоит у Ленина героической личности. Когда В. И. Ленин констатировал: «Теперь героизм вышел на площадь», он тут же отмечал, что «истинными героями нашего времени являются теперь те

революционеры, которые идут во главе народной массы, восстающей против своих угнетателей» [1].

Ленинская концепция героизма находит свое подтверждение в идейно-тематическом содержании романа «Дерзкий рейд». Писатель сумел показать, что революция — дело народное, а потому она непобедима. В частных и локальных эпизодах видится общее понимание истории, а в героях — их принадлежность к революционному народу.

Встреча с машинистом паровоза и его подручным вроде бы случайна. На самом деле она имеет большой смысл, «работающий» на главную идею произведения. Говоря о том, что простой рабочий Павел Полторацкий стал наркомом, старый машинист видит в этом закономерность жизни, правду истории: «Возьми железяку простую, потри о магнит. Что получится, а? Простая железяка магнитные силы получает и сама уже притягивает иголки, гвоздички, мелочь железную. Так и с людьми товарищ Ленин! Побывает человек рядом с ним, послушает и набирается силы и правды для борьбы за рабочее дело. А потом и тот человек уже сам к себе притягивает и ведет людей. Так и Павлуша Полторацкий, все по законности жизни».

Знание людей труда, их чаяний и стремлений помогло писателю не только создать образы бойцов революции, но и еще раз со всей очевидностью подтвердить свою приверженность однажды выбранной теме, рожденной нашей жизнью, полной великих героических свершений в прошлом и настоящем.

Бор. ЛЕОНОВ

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 277.

СОДЕРЖАНИЕ

ИБ № 518

Свиридов Георгий Иванович

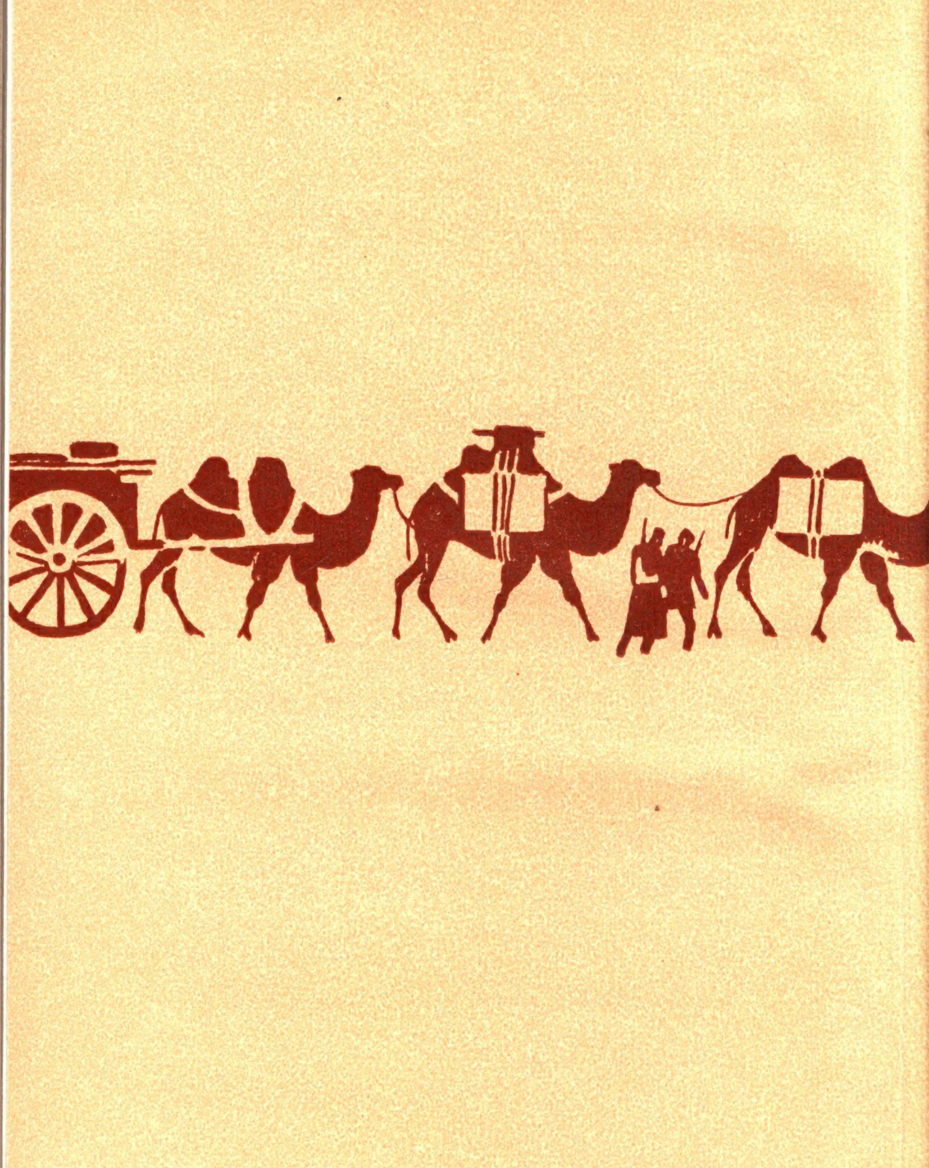
ДЖЭКСОН ОСТАЕТСЯ В РОССИИ

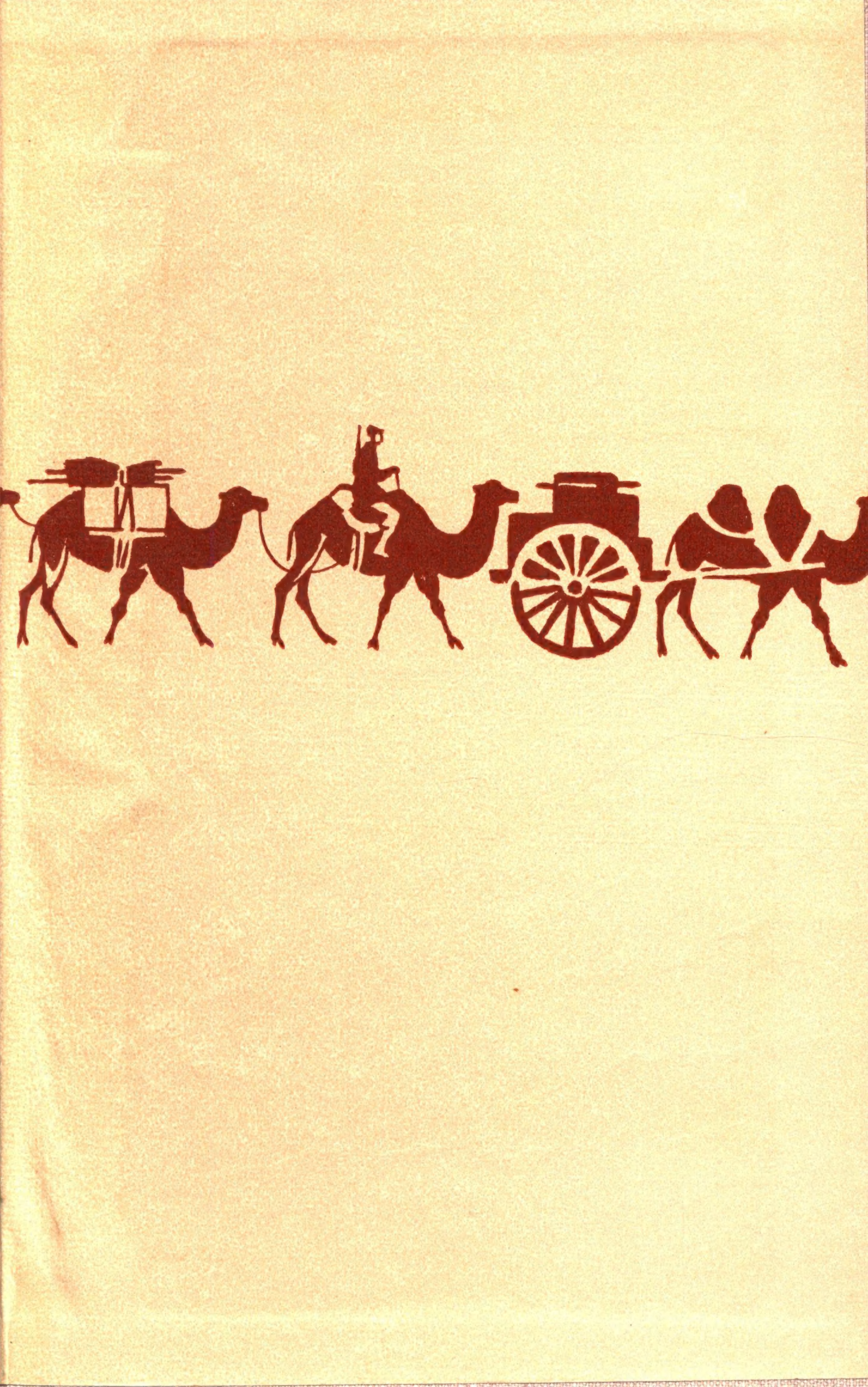
Зав. редакцией *В. Е. Вучетич*
Редакторы: *И. К. Назарова, А. Н. Панкова*
Художник *Н. В. Усачев*
Художественный редактор *А. П. Ерасов*
Технический редактор *В. Д. Шульдешова*

Сдано в набор 28/VII 1977 г. Подп. в печать 30/I 1978 г. Формат 84×108 1/32. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 33,60. Уч.-изд. л. 38,24. Тираж 110 000 экз. Заказ 660. Цена 2 р. 80 к.

Издательство ВЦСПС Профиздат, Москва, ул. Кирова, 13

Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109

БИБЛИОТЕКА РАБОЧЕГО РОМАНА

Георгий Свиридов